Энвер Ходжа

Размышления о Китае

ЭНВЕР ХОДЖА

ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА АЛБАНСКОЙ ПАРТИИ ТРУДА

Публикуемый нами второй том является хронологическим продолжением первого тома «Размышлений о Китае» товарища Энвера Ходжа.

Настоящие записки, как и записки, содержащиеся в первом томе, являются частью его Политического дневника и относятся к 1973-1977 гг.

Оба этих тома впервые были опубликованы на албанском языке и розданы внутри партии в январе 1978 года, а для публики они были изданы на албанском и на некоторых иностранных языках соответственно в июне и сентябре-октябре 1979 года.

ЭНВЕР ХОДЖА

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КИТАЕ

II

1973-1977

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДНЕВНИКА

ТИРАНА, 1979

ИНСТИТУТ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРИ ЦЕНТРАЛЬНОМ КОМИТЕТЕ АЛБАНСКОЙ
ПАРТИИ ТРУДА

Заглавие оригинала:
SHËNIME PËR KINËN

ИЗДАТЕЛЬСТВО „8 НЕНТОРИ“

1973

ПОНЕДЕЛЬНИК
15 ЯНВАРЯ 1973 г.

НЕКОТОРЫЕ АНТИМАРКСИСТСКИЕ ЗАЯВЛЕНИЯ ЧЖОУ ЭНЬ-ЛАЯ

В первые две недели января в Китае побывали с официальным визитом, помимо других, и делегация итальянского правительства, возглавляемая министром иностранных дел Медичи, и конголезская (заирская) делегация, возглавляемая президентом этой африканской республики генералом Мобуту.

Обе делегации были приняты Чжоу Энь-лаем, который, конечно, обсудил с ними политические и другие вопросы, сделал заявления и утвердил некоторые свои политические и идеологические взгляды, которые, полагаю, имеют особое значение ввиду их „специфического" характера. Именно это и побуждает меня набросить на бумаге эти записки.

С итальянцем Медичи Чжоу Энь-лай имел встречу, на которой оба они обменивались взглядами. Однако в китайской печати ничего не было сообщено, кроме информации о „сердечной" встрече, тогда как итальянская печать, радио и телевидение не только предали широкой огласке поездку Медичи и его переговоры с Чжоу Энь-лаем, но и особенно отметили следующее заявление Чжоу Энь-лая:

Китай одобряет Европейский общий рынок, одобряет и находит правильным образование „Объединенной Европы", которую уже начали создавать государства Западной Европы.

На устроенном в честь Мобуту официальном банкете Чжоу Энь-лай, в частности, полным голосом подтвердил, что **„Китай, несмотря на то, что форма его социального строя отличается от заирского, входит, конечно, как и Заир, в тре-**

тий мир…“. Это официальное заявление, опубликованное в китайской печати.

Можно предполагать, что относительно заявлений, сделанных Чжоу Энь-лаем Медичи, итальянской печати выгодно в одно и то же время и выдумывать, искажая их. Подобное может иметь место, но, поскольку сам Китай официально не опровергает этого, надо полагать, что такие заявления сделаны. Мы учитываем и тот факт, что подобные взгляды на Общий рынок и на „Объединенную Европу“ высказали нашим послам китайские послы в странах Европы. **Значит, имеем дело с политической установкой, данной центром, Пекином, с линией и с директивой, изданными ЦК Коммунистической партии Китая и китайским правительством. Эта линия, значит, проводится в жизнь решительно. Мы не только совершенно несогласны с подобной линией, с подобными установками, но и выступаем против них, ибо они принципиально и практически ошибочны, они не соответствуют марксистско-ленинской линии, а противоречат ей. Это ревизионистско-оппортунистические взгляды, которые не способствуют революции, пробуждению народов и их революционной борьбе против империализма, капитализма и реакционной буржуазии.**

Давайте разберемся. Чем объясняют китайские товарищи и особенно товарищ Чжоу Энь-лай, автор этой линии, настоящие ключевые политические позиции, касающиеся их линии? Только ли „использованием противоречий, существующих между американским империализмом и советским социал-империализмом“? **„Будем бороться за углубление этих противоречий“, — говорит Чжоу Энь-лай. До сих пор — хорошо. Но в пользу кого углублять их? К тому же только ли эти противоречия существуют? Нет ли других известных и неизвестных противоречий, которые мы должны раскрыть и углубить в интересах политической и экономической свободы, в интересах суверенитета, самоопределения народов, в интересах революции?**

Чьим порождением являются эти существующие и с каждым днем обостряющиеся противоречия? В чем их источник, являются ли они простыми или сложными противоречиями?

Имеются ли они только между двумя сверхдержавами, или же они заходят дальше, глубже? Неужели мы, марксисты-ленинцы, должны ограничиваться лишь борьбой за углубление только противоречий, существующих между империалистической Америкой и ревизионистским Советским Союзом и упускать из виду подлежащие углублению противоречия, существующие между Соединенными Штатами Америки и их „союзниками“, между ревизионистским Советским Союзом и его „союзниками“, между этими двумя сверхдержавами и государствами „третьего мира“, находящимися в сфере их влияния? **Позволительно ли нам упускать из виду великое дело класса, борьбу пролетариата, т.е. вопрос о разрешении глубокого противоречия между пролетариатом и капиталистической буржуазией, между капиталом и пролетариатом, между пролетариатом и народом, с одной стороны, и капиталистической олигархией и ее властью — с другой? Позволительно ли нам упускать из виду тот факт, что власть буржуазии надо разгромить борьбой и на ее месте надо установить диктатуру пролетариата, что буржуазный капиталистический строй должен быть заменен социалистическим строем?**

Пренебрегать этим, забывать об этом, прибегать к формулам с целью напустить туману, а на деле поступать иначе, это значит рассматривать дела, судить о них и решать их не по-марксистски.

Разберем вопросы по порядку. Что между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом существуют противоречия, которые мы должны углублять, это правда. Но в чем источник и основа этих противоречий? Их источник в самом характере и в неизменных целях капитализма, в беспощадной эксплуатации пролетариата, в порабощении народов. Империализм — последняя стадия капитализма — находится в процессе загнивания. Он борется огнем и мечом, использует политику и идеологию в своих попытках держать народы в рабстве, подавить революцию, сокрушить возможных соперников на международной арене. Его решительными врагами, которые, наконец, уничтожат его, являются народы, мировой пролетариат, революция.

История подтверждает, что соперничество между капиталистическими группировками одной страны и группировками капиталистов другой страны или между группами капиталистов одних стран и группами капиталистов некоторых других стран в борьбе за мировое господство, за создание и расширение колониальных империй, за раздел сфер влияния и рынков вызывало конфликты и ввергало мир в кровопролитные войны, представлявшие собой потрясающие для человечества кризисы, которые имели своей целью эксплуатацию и угнетение людей, народов, более слабых государств более сильными. Демагогия поджигателей и поработителей надувало людей и народы, играя на их благородных чаяниях; но тем не менее ничто не могло подавлять чувства свободы и независимости, стремления к освобождению и революции. Сила этих чувств и чаяний неуклонно росла. Угнетенные и эксплуатируемые трудящиеся массы стали решающей движущей силой прогресса, самым непримиримым врагом порабощающего капитализма и империализма. Ни превращение Советского Союза в капиталистическую страну, ни превращение ряда государств народной демократии в буржуазно-капиталистические государства не смогли изменить эту тенденцию развития. Революция продвигается вперед, социализм все более и более подтверждает свою жизнеспособность; американский империализм — глава ряда капиталистических государств, и советский социал-империализм — глава ряда ревизионистских стран, переживают глубокий политический, идеологический, финансово-экономический, культурный и военный кризис.

Эти потрясающие кризисы, смертоносные для идущего под гору, загнивающего мира являются порождением забастовок, протестов и т.п., порождением повсеместно бурлящей революции, а также освободительной борьбы народов, ведущейся во всем мире различными формами и находящейся в различных стадиях развития. **В этом основа нашей борьбы против империализма и социал-империализма; революция и освободительная борьба народов — решающее оружие, которое мы должны использовать для разгрома империализма и социал-империализма. Для достижения этой великой цели мы дол-**

жны правильно построить нашу стратегию и тактику борьбы и, в своих стремлениях углубить противоречия между врагами, нам следует опираться именно на эти принципы, а не на фантазию, на авантюры или на оппортунистические позиции.

Как известно, американский империализм вышел из второй мировой войны сильным и с агрессивным военным и экономическим потенциалом. Он взял на себя роль международного жандарма и взялся за дело восстановления всех реакционных капиталистических сил в Европе, в Латинской Америке и т.д. Американскому империализму противостояли могучий лагерь социализма и все народы мира, которые стремились и боролись за свое освобождение.

Соединенные Штаты Америки за несколько лет восстановили Боннскую Германию, Италию, французскую и английскую капиталистическую экономику и др.; в то же время они заботились о том, чтобы при любых изменениях, происходивших в этих странах, им был обеспечен „паек", т.е. чтобы львиная доля доставалась им. Соединенные Штаты Америки „облегчили" эти страны от их колоний, которые они сделали своими, используя при этом новые методы. Под видом восстановления этих государств американские империалисты укрепили свою гегемонию в мире, всякого рода военными и экономическими договорами привязали „союзников" к своей колеснице. Все это способствовало укреплению, в первую очередь, американского господства, усилению реакционной буржуазии в любой стране, подавлению любого народного движения и чаяния в этих странах и во всем мире, сколачиванию железного блока против социалистического Советского Союза, против коммунизма. Холодная война, отдельные агрессивные войны и угроза атомной бомбой, к которой прибегали Соединенные Штаты Америки, никогда не пугали ни социалистических стран, ни народов мира.

Вопиющая измена советских ревизионистов ослабила лагерь социализма, однако она не могла задержать продвижение вперед мировой революции, не могла уничтожить социализм, как общественно-экономический строй, и марксистско-ленин-

скую идеологию; она не могла подавить чаяния и стремления народов к социализму. Марксизм-ленинизм бессмертен, он восторжествует.

Однако что же произошло? Разве с предательством советских ревизионистов отмерли противоречия нашего времени во всей их совокупности? Ничуть. Они усилились, как для Соединенных Штатов Америки и для Советского Союза, так и для их союзников, независимо от договоров, соглашений, дипломатических сделок и т.д. и т.п. **Противоречия между американскими империалистами и советскими ревизионистами никогда не могут ни отмереть, ни смягчиться; наоборот, они усиливаются, углубляются. Их источник, их основа в том, на чем я выше остановился. В настоящее время обе сверхдержавы, несмотря на имеющиеся между ними противоречия, объединены союзом в целях борьбы против истинно социалистических стран, против марксистско-ленинских коммунистических партий, против чаяний народов о свободе, самоопределении и суверенитете, в целях борьбы за удушение справедливых войн народов. Во всех этих отношениях они сходятся. Они, значит, сошлись в борьбе против социализма и коммунизма.**

Соединенные Штаты Америки борются за сохранение своего мирового господства; Советский же Союз борется за установление своего господства. Значит, налицо соперничество в борьбе за деление сфер влияния и подрыв союзов этих двух сверхдержав с другими странами. Это входит в игру зон влияния; оно, конечно, вызывало и будет вызывать новые противоречия, серьезные трения, может, и вооруженные конфликты. Атомная бомба пока что служит средством запугивания, сдерживающим вспыхивание конфликтов между двумя сверхдержавами.

Американский империализм и его европейские союзники стремятся и борются за окончательное ослабление советской империалистической державы, с тем чтобы не только обезвредить ее идеологически, но и чтобы она возможно зависела от них экономически, за ослабление ее военной агрессивной

мощи, которой Соединенные Штаты Америки боятся; в этом отношении с ними согласны также остальные их союзники. Поэтому они стремятся к ликвидации зависимости стран Варшавского договора от Советского Союза. В этом они добились много успехов и наверняка добьются новых, ибо сателлитов Советского Союза в Европе, начиная с Румынии и вплоть до Польши, тянет к Соединенным Штатам Америки, к Германской Федеративной Республике, к Франции и Англии. Сделки за кулисами тайной дипломатии стоят на повестке дня. Империалисты страшно боятся народов.

Капиталистические страны Европы, несмотря на то, что экономически они уже восстановлены, переживают тяжелый кризис, а живущие в них народы угнетаются местной олигархией. Везде проходят забастовки, демонстрации, вооруженные столкновения, доходящие до войны, как в Северной Ирландии. О чем это говорит? О загнивании капитализма и подъеме революционных сил. Но, кроме угнетения и эксплуатации со стороны местной олигархии, в этих странах господствует и жестокая пята американского империализма. При этих ситуациях они также хотят избавиться от американской пяты. А каким образом? Откол де Голля от НАТО, создание Францией самостоятельной атомной ударной силы, **создание Европейского общего рынка, а также выдвижение идеи и постоянная борьба за создание „Соединенных Штатов Европы“, — все это направлено не только на избавление от американского диктата. Это одна сторона. Другая сторона показывает, что буржуазия полагает, что объединение крупных монополий этих стран создаст компактную экономическую, политическую и военную силу, способную успешнее справиться с народными волнениями и революциями, уже доставляющими ей непреодолимые хлопоты, которые позже, в силу хронических кризисов, еще больше усугубятся для нее.** Однако все эти реакционные планы ни к чему не приведут. Олигархия этих стран, до тех пор, пока остается угроза ей со стороны Советского Союза, заинтересована в сохранении НАТО, т.е. в получении военной помощи от Соединенных Штатов Америки. Тут имеется ряд противоречий: Соединенные Штаты Америки сохра-

нят НАТО, но в то же время они не хотят, чтобы Европейский общий рынок стал барьером для них, и, тем хуже, чтобы „Соединенные Штаты Европы“ стали могучей силой. Кто будет верховодить среди государств, которые будут объединены в эту организацию? Франция, Западная Германия или Англия? Возникают, таким образом, другие соперничества, новые „союзы“, нескончаемые споры, которые мы, марксисты-ленинцы, должны правильно предвидеть и анализировать и в отношении которых должны занять правильную позицию.

Вернемся теперь к заявлениям Чжоу Энь-лая, ради более подробного разъяснения которых я был вынужден набросить эти записки, может, немного пространные, но все же не полные.

Итальянская печать и радио восторженно отзываются о позиции китайцев, которые устами Чжоу Энь-лая призывают Европу **„добиться своего единства во всех отношениях“.** По словам Чжоу Энь-лая (всегда на основе итальянской печати), **„процесс европейской интеграции составляет существенный элемент в деле достижения подлинной разрядки“.** Чжоу Энь-лай, согласно этой же печати, сделал упор **„на целесообразность того, чтобы настоящий процесс не ограничивался экономической областью, а охватывал и области политики и обороны“.** Яснее некуда. Раз это не было опровергнуто, значит Чжоу Энь-лай сделал подобное заявление.

Подобные взгляды Чжоу Энь-лая являются антиленинскими и реакционными, они идут вразрез с известными положениями Ленина о „Соединенных Штатах Европы“. Эти взгляды Чжоу Энь-лая совпадают, таким образом, со взглядами европейской реакции.

Чжоу Энь-лай стоит за европейскую интеграцию в угоду крупному космополитическому капиталу, т.е. за его политическое, экономическое и военное господство над народами Европы, за то, чтобы железный закон капитала господствовал над народами Европы. Своими положениями Чжоу Энь-лай (который выдает себя за теоретика использования противоречий) полностью игнорирует острые и непреодолимые противоречия между пролетариатом и народами Европы, с одной

стороны, и буржуазными реакционными режимами их стран и капиталистической олигархией — с другой; он упускает из виду также и противоречия между самими олигархиями этих стран. Значит, Чжоу Энь-лай призывает к прекращению классовой борьбы, призывает к европейской интеграции, призывает отказаться от углубления противоречий европейского капитализма в пользу пролетариата. Следовательно, реакционная печать по праву превозносит до небес Чжоу Энь-лая, и это она делает по веским причинам.

Итальянский пролетариат бастует едва ли не каждый день. Итальянская буржуазия старается избавиться от этих клещей. Италия превращена в базу Соединенных Штатов Америки против пролетариата, но бесполезно. Итальянская реакция прибегает к полицейской дубинке, однако порыв забастовок она не может остановить. Буржуазия борется за европейскую интеграцию, за создание „Соединенных Штатов Европы“, и, понятно, чего ожидает буржуазия от этого, и какие несчастья ожидают рабочих и народы Европы. **И в этом буржуазии содействует Чжоу Энь-лай, который советует народам и пролетариату Европы слепо следовать за ее лидерами, вместо того чтобы сказать им: „Поднимитесь на борьбу против классовых врагов; укокошите и заройте их в могилу, не давая им зарыть вас“.**

Однако что толкает Чжоу Энь-лая так открыто выступать против марксизма-ленинизма? Он исходит из другой идеи и размышляет так: „Надо поощрять этот реакционный европейский блок, ибо он выступает и против американского блока, а главное, он выступает против советского блока. Таким образом мы углубляем противоречия между империалистическими блоками в пользу социализма“. Но встает вопрос: в пользу какого социализма углубляются эти противоречия, если рабочих и народы призывают сидеть тихо, быть пригнанными как овцы в загон пастуха-капиталиста? В данном случае социализм ограничивается только Китаем, который вдохновляется подобными идеями Чжоу Энь-лая.

Чжоу Энь-лаю надо быть последовательным в своих мнениях. Раз он призывает европейские государства объединить-

ся в условиях господства их капиталистической олигархии, то он должен согласиться и с Варшавским договором, и с захватом Чехословакии.

Чжоу Энь-лай заявляет, что он против советского господства над этими государствами; причем он в данном случае призывает к „дезинтеграции“. Здесь он не последователен, или же он последователен в смысле того, чтобы сателлиты Советского Союза в Европе откололись от последнего и интегрировали в другую, „объединенную“ Европу, к созданию которой призывает не только европейская монополистическая буржуазия, но и Чжоу Энь-лай.

Чжоу Энь-лай не добивается поднятия народов на революцию, ослабления различных звеньев капиталистической цепи; он не способствует разрыву наиболее слабых звеньев этой жестокой для народов цепи, а проповедует в пользу Китая, не высказываясь открыто об этом, сколачивание различных блоков в целях балансирования сил не марксистско-ленинским, не революционным путем. Мы все должны бороться за социалистический Китай, однако мы должны делать это только за социалистический Китай и марксистско-ленинским путем.

Чжоу Энь-лай и китайское руководство говорят, что они ведут борьбу на два фронта: как против американского империализма, так и против советского социал-империализма. Между тем они смягчили борьбу против Соединенных Штатов Америки. И когда? Именно в такое время, когда последние ведут варварскую войну против Вьетнама и продолжают свою агрессивную войну и в других странах. Именно в такое время Чжоу Энь-лай утверждает, что „революция стучится в дверь к Соединенным Штатам Америки“. Подавать руку американскому империализму в эти кризисные для него моменты, как это делал и делает Китай, это не только неправильно, но и означает оказывать содействие ему. Неужели это может служить доказательством утверждений Чжоу о том, что „все это делается в целях углубления противоречий между двумя сверхдержавами в пользу социализма“? Извлекали ли из них какую-нибудь пользу Вьетнам или Средний Восток? Ослабли ли связи между американскими империалистами и советскими

социал-империалистами оттого, что Китай согласился на визит Никсона? Ничего подобного. **По всей видимости, китайская политика стоит за создание замкнутых блоков, которые, конечно, будут соперничать друг с другом и подтачиваться острыми противоречиями.**

Несколько месяцев назад Цзи Пэн-фэй, министр иностранных дел Китая, заявил приблизительно следующее: „Китай, Корея, Вьетнам, Камбоджа, Лаос, и другие страны Индокитая являются большой семьей…“ и т.п. Тут, конечно, нет таких слов, как „блок“, „лагерь“, „социалистические страны“, но здесь попахивает „желтой семьей“, „азиатской группировкой“, отдает чем-то не марксистско-ленинским. Итак, сегодня они призывают к „Объединенной Европе“, к „большой семье“, к „третьему миру“; завтра же они могут призывать к интеграции стран Латинской Америки или „черных народов Африки“. Вот какая тенденция отмечается в китайской политике, а она не является марксистско-ленинской, не является революционной. Это значит отвлекать внимание народов от истинной революционной борьбы.

Вопиющим и антимарксистским является заявление Чжоу на банкете в честь Мобуту. Он причислил Китай к „третьему миру“. **Это значит отрицать социализм, скрывать в глазах народов мира настоящую личность Китая и характер его общественно-экономического строя. Это оппортунистический и антимарксистский подход к делу.** Известно, что идею о „мире“ якобы неприсоединившихся стран выдвинули Тито и его единомышленники — Сукарно, Неру и Насер; однако они были буржуа-капиталистами, они сами, их государства и партии связаны, как и раньше, с империалистами и социал-империалистами. Со многими из этих буржуазных государств, которые китайцы относят к так называемому третьему миру, социалистические страны, несомненно, должны установить связи, содействовать им в борьбе против империализма, ибо у них имеются глубокие противоречия с последним; однако они не должны утратить характер политики нашего социалистического строя и отрицать тот факт, что мы социалистические

страны и что наши партии — марксистско-ленинские партии и т.д.

Заявлять о своей принадлежности к „третьему миру“, это значит либо **пускаться в демагогию и пытаться надуть других, либо же в действительности ты, как и титовская Югославия, не социалистическая страна, а чисто буржуазная капиталистическая страна.**

Подобным заявлением говорят миру: „Пусть несут ревизионисты знамя „социалистических стран“, „социалистического лагеря“, „социалистического содружества“, мы принадлежим к „третьему миру““. Нет, это антимарксистское положение. **Мы, албанцы, несогласны с этим. Социалистическая Албания есть и будет социалистической даже, если она останется одинокой.** Мы будем продолжать оставаться социалистической страной, даже и если останемся островком на карте мира; руководствуясь нашей марксистско-ленинской идеологией, с верой в революцию, в мировой пролетариат и в народы мы будем бороться вплоть до торжества социализма и коммунизма во всем мире.

Мы, марксисты-ленинцы, должны уметь отличать, когда в какой-либо стране происходят существенные политические изменения действительно демократического характера, и когда подобные изменения не носят такого характера. Мы должны поддерживать первые, а не вторые; более того, мы должны бороться против реакционных политических изменений.

Политические изменения демократического, прогрессивного характера способствуют социалистической революции. Так что мы, социалистические страны, не можем и не должны замкнуться в себе и не содействовать странам и государствам так называемого третьего мира, когда они проводят политические изменения и реформы демократического характера, когда они конфликтуют и борются против империалистов, против социал-империалистов и других врагов народов. Однако нам, социалистическим странам, непозволительно смешиваться с ними.

Мы, социалистические страны, как Албания и Китай, должны всегда находиться в борьбе с капиталистическим и со-

циал-империалистическим миром. Наш долг — своим примером и своей решительной борьбой наставлять на путь истинный угнетенные классы других стран, прилагая совместные усилия к тому, чтобы они включились в революцию против угнетательских и поработительских капиталистических режимов.

Мы все более и более убеждаемся в том, что Китай поступает не так. Об этом наглядно говорят и приведенные выше два случая, но таких случаев много. Генерал Мобуту и его клика — это реакционеры, убийцы Лумумбы и других прогрессивных людей своей страны. Китай же встречает представителя этой африканской антидемократической клики большими почестями, и, чтобы попасть ему в тон, Чжоу Энь-лай заявляет, что „Китай принадлежит к третьему миру". Одним словом, он говорит конголезскому народу, что „я, Китай — друг Мобуту, я поддерживаю Мобуту, ибо он демократ, он передовой человек" и т.п., мало ли что Мобуту угнетает народ и пролетариат, мало ли что на банкете в Пекине на глазах у Чжоу он заявляет: „Мы, конголезцы, таковы и таковыми останемся; других идеологий нам не надо" и т.д. и т.п. Хороша себе перспектива социализма в Конго, если мы будем поддерживать господина Мобуту!

Такой же мрачной будет перспектива для революции и социализма, если марксисты и социалистические страны будут поддерживать Европейский общий рынок, „Соединенные Штаты Европы", как это делает Китай, или СЭВ и ревизионистскую группировку Советского Союза с его сателлитами в Европе. Нет, социалистическая Албания и Албанская партия Труда никогда не пойдут по этому ошибочному антиленинскому пути китайцев. Последние должны как можно скорее бросить этот порочный путь, иначе он заведет их слишком далеко.

Нельзя и представить себе, чтобы китайские товарищи впали в эту ошибку невольно и сами того не понимая. **„Борьбу против советских ревизионистов", хотя нам совершенно ясно, что они ведут ее не с истинной марксистско-ленинской платформы, а с шовинистической платформы, отдающей великодержавной политикой, они пока что ведут как-нибудь,**

но завтра могут вообще прекратить ее; и этого можно ожидать от людей, которым марксистско-ленинские принципы либо не ясны, либо они им ясны, но им хочется проводить их противоположное.

Китайские товарищи знают, как и мы, что „капитализм носит международный и монополистический характер“. Великие капиталистические державы, будь это вчерашние или нынешние, будь это империалистические или социал-империалистические, не изменились; они грабили и продолжают грабить, угнетали и продолжают угнетать другие народы и нации. Так поступают Соединенные Штаты Америки, так поступает ревизионистский Советский Союз, так поступает Япония, так поступали и стараются поступать и ныне французские, западногерманские, английские и итальянские капиталисты. Для того чтобы облегчить себе это дело, европейские капиталисты создали Европейский общий рынок и работают над созданием „Объединенной Европы“. На этом пути их поддерживает социалистический Китай, поступающий наперекор истинному долгу социалистического государства и взглядам Ленина, которые звучат столь актуально. Ленин говорит:

> *„С точки зрения экономических условий империализма, т.е. вывоза капитала и раздела мира „передовыми“ и „цивилизованными“ колониальными державами, Соединенные Штаты Европы, при капитализме, либо невозможны, либо реакционны“.*[1]

Это ясно как горная родниковая вода.

Чем же занимается эта группа современных капиталистов? Вывозит капиталы и вкладывает их в других странах в целях эксплуатации и порабощения народов этих стран. Это неоколониалисты периода после второй мировой войны. К их числу относятся и советские ревизионисты. Мы замечаем орга-

---

1 В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 372, алб. изд.

низацию нового колоссального грабежа в новых формах империалистическими и социал-империалистическими бандитами.

С созданием „Соединенных Штатов Европы“, которое поддерживается и Чжоу Энь-лаем, капиталисты Западной Европы в настоящее время не преследуют другой цели, кроме как бесхлопотно делить между собой пот и кровь европейского пролетариата, европейских народов. Делению пота и крови этих народов капиталисты хотят придать „мирную“ окраску, „украшая“ его и такими лозунгами, как „научно-техническая революция“, „потребительское общество“ и другими сфабрикованными ими лозунгами. Однако подобное деление, как говорит Ленин, невозможно иначе, кроме как насильственным путем. Поэтому и этот блок государств, занимающихся разделом награбленного чужого добра, есть источник агрессивных империалистических войн.

Ленин говорит:

> *„При капитализме невозможен равномерный рост экономического развития отдельных хозяйств и отдельных государств. При капитализме невозможны иные средства восстановления, время от времени, нарушенного равновесия, как кризисы в промышленности, войны в политике.*
>
> *Конечно, возможны* **временные** *соглашения между капиталистами и между державами. В этом смысле возможны и Соединенные Штаты Европы, как соглашение* **европейских** *капиталистов...* о *чем? Только о том, как бы сообща давить социализм в Европе, сообща охранять награбленные колонии* **против** *Японии и Америки, которые крайне обижены при теперешнем разделе колоний и которые усилились за последние полвека неизмеримо быстрее, чем отсталая, монархическая, начавшая гнить от старости Европа“*[1].

1 В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 372, алб. изд.

Это ясно как солнечный свет; это было актуально вчера, когда было сказано великим Лениным, это верно и актуально и сегодня; так будет оно и завтра и вплоть до разгрома капиталистического мира и замены его социалистическим миром.

ЧЕТВЕРГ
18 ЯНВАРЯ 1973 г.

В КИТАЕ ПРОПАГАНДИРУЕТСЯ РЕЛИГИЯ

Китайская пропаганда открыто дает понять, что в Китае не борются против религии; так что она говорит о религиозных праздниках, о пасхе и байраме, об обеднях и молебнях в церквах и мечетях Пекина. Синьхуа сообщало, что в пекинской мечети пышно был отмечен байрам с участием всех послов мусульманских стран, аккредитованных в Китае. Они продолжают свою линию, показывая миру, что Китай принадлежит к „третьему миру“, что он поддерживает арабов и мусульман, а также их религию! Уж и принципиальны!!!

СУББОТА
10 ФЕВРАЛЯ 1973 г.

КИССИНДЖЕР В ПЕКИНЕ

В истории французских королей, а именно при царствовании Людовика XIII, известный кардинал Арманд Жан дю Плесси Ришелье использовал своего собрата *„le père Joseph“* для ведения тайных дипломатических переговоров с другими государствами. Вот почему *„le père Joseph“* известен в истории под кличкой *„éminence grise“* или „серый кардинал“, кардинал темноты. Он олицетворяет закулисные интриги, тайную дипломатию.

Ныне, к концу 20-го века, Киссинджер играет ту же коварную роль на дипломатическом поприще. Он стал *„éminence grise“* американского президента Никсона. Этот немецкий дипломат (независимо от того, что он еврей и сбежал из нацистской Германии, так как там находился под угрозой) верно подслуживается к самому жестокому гитлеровцу, пришедшему к власти после второй мировой войны, главе американского империализма, президенту Никсону.

Американский империализм и советский ревизионизм, как две империалистические сверхдержавы, в своей практике связей и соглашений широко используют тайную дипломатию. Это, понятно, необходимо им, ибо их политика и деяния идут вразрез с интересами народов мира, они представляют собой заговоры бандитов, составляющиеся в темноте. Они не хотят, чтобы их планы и сделки о разделе мира и эксплуатации народов были раскрыты, они хотят избежать хлопот, неприятностей и сопротивления народов. Они хотят тайно и за счет других выравнивать, насколько это возможно, имеющиеся и возникающие между ними противоречия. Только тогда, когда

они уже договорились или же когда противоречия между ними непреодолимы, как-нибудь дают себе знать устраиваемые ими в темноте махинации. Эту отвратительную тайную дипломатию обе сверхдержавы стараются навязать и другим, которые то волей, то неволей следуют этому пути.

Тайную дипломатию намеренно начал практиковать и социалистический Китай, особенно с американцами; причем именно в этом и кроется опасность. Это неправильная, предосудительная практика. Никто, будь друг, будь враг Китая, не знает, не понимает, что происходит между Соединенными Штатами Америки и Китаем. Особенно ничего не знают друзья Китая. Киссинджер приезжает и уезжает из Китая тайно и открыто; но что обсуждают, о чем беседуют, что решают? Гробовое молчание. И от нас все держится в секрете. Никсон приезжает и уезжает из Китая; но что было сказано, что было обсуждено, что было решено? Для нас все заволочено туманом. А весь мир пусть читает пустопорожние коммюнике. Мы, конечно, не лаптем щи хлебаем и имеем полное право полагать, причем правильно и безошибочно полагать, что китайцы беседуют с агентами американского империализма и принимают решения, о которых нам и другим не говорят, ибо это их не устраивает потому, что об этих вещах нельзя говорить, они предосудительны и неприемлемы для народов. Иначе нельзя объяснять причину этих действий.

Пусть китайцы утверждают, что то, о чем они беседуют, и то, что они решают с американцами, способствует углублению противоречий между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом. Нет, на этом никого не проведешь. Может быть и обратное — Соединенные Штаты Америки делают это с целью углубления противоречий между Китаем и Советским Союзом. Тогда ты, Китай Мао Цзэдуна, говори открыто о своих действиях, чтобы мировая общественность могла судить о том, правильно или неправильно ты используешь противоречия и как дорого тебе обходятся подобные действия!

Китайское руководство может говорить, что, если оно предаст огласке эти переговоры с американцами, то о них узнают советские. Тогда почему ты не говоришь прямо, что ты с

американцами на короткой ноге и так расположен к ним, что доверяешься им, а не нам, твоим друзьям? Или же друзья теперь стали друзьями в кавычках и „надоедливыми“? Но ведь заниматься подобного рода тайными делами значит оказаться в кругу интриг и интриганов и совершенно изменить свои взгляды, свое мнение о других народах, об их проблемах и заботах.

Китайские руководители могут говорить: „Мы на стороне народов, мы не изменим линию, мы все делаем в интересах социализма“. Провозглашать лозунги легко, но ведь тайная дипломатия продолжается. Китайцы упрекают советских в том, что они втайне сговариваются с американцами. Ну а сами китайские руководители что делают? Они начали делать то же самое, причем галопирующими темпами. Они соревнуются с советскими: кто сумеет больше втереться в *„bonnes grâces“** к фашисту Никсону. Посланца Никсона, „Риббентропа“ — Киссинджера, встречают в Москве, в Пекине и т.д., как Моисея евреев; там ждут, чтобы он принес им манну небесную**, ждут, чтобы он принес им доброе слово от „бога“ Белого дома. Это же скандально!

Что думают и что говорят другие народы, борющиеся против американского империализма и его лакеев, особенно когда видят, что китайские руководители занимаются подобными делами? Неужели эти грязные сделки содействуют их борьбе? Что говорят вьетнамцы, лаосцы, камбоджийцы, арабы и народы целых континентов, революционеры, истинные марксисты-ленинцы? Они говорят: Позор! Измена! Ревизионистский компромисс! Нарушение принципов свободы, независимости и суверенитета народов!

До какой-то степени было понятно то, что во второй мировой войне президент Рузвельт, будучи калекой и учитывая

---

* По-французски: доверие.

** Чудотворная пища, которая, согласно библейскому мифу, была прислана богом евреям в пустыню; в данном случае употребляется аллегорически: хороший, нежданный подарок.

также военные опасности, посылал в Лондон и Москву своего личного советника Гопкинса. Но Никсон прибегающий ныне к этой тактике через „Риббентропа“-Киссинджера, преследует определенные цели. Он не хочет своими сделками скомпрометировать Государственный департамент, т.е. свое государство, поэтому использует орудие, которое он посылает в разные страны для политического зондажа, для вербовки агентов, для „нащупывания“ кармана других и их умов; в случае, если этот эмиссар допустит какую-либо ошибку, то он выбросит его вон, как выжатый лимон, самому выйдя из воды „сухим“. И всем тем, кто встречает этого вестника президента, кажется, будто они хватали звезд с неба.

Киссинджер побывал у сателлита США в Тайланде. Там он заверил клику этой страны во всем, в том числе и в том, что „перед Индокитаем открываются блестящие перспективы“. Оттуда он отправился в Лаос, где вел переговоры, плел интриги, налаживал, обещал и заявил, что война и там скоро кончится.

Представитель Никсона и американского империализма, который целые годы подряд убивал, поджигал и разрушал героический Вьетнам, сегодня въезжает в Ханой с оливковой ветвью в руке... Где это видано и где это слыхано, чтобы преступники и побежденные на войне встречались победителями в качестве добрых мужей и людей, борющихся „за мир и за благо человечества“!...

Из Ханоя американский Моисей поедет в Пекин. Четыре-пять дней будут продолжаться переговоры, обеды и ужины с Чжоу Энь-лаем, с Цзи Пэн Фэем, а, быть может, и с Мао. Все будет проходить в строжайшей тайне, как будто вопросы, которые станут предметом их переговоров, интересуют только их.

Тем не менее в один прекрасный день секреты будут преданы огласке, *„le pot aux roses“** повсюду распространит зловоние.

---

* По-французски: баночка с румянами.

Однако по отношению к нам китайцы занимают нетоварищескую, подлую, антимарксистскую позицию в полном смысле слова. Накануне поездки Киссинджера во Вьетнам наш посол в Пекине попросил официальной встречи с Юй Чжанем, чтобы поговорить с ним о вьетнамских событиях. Ему отказали во встрече, однако один из рядовых служащих сказал ему: „Мы тоже ничего не знаем о том, что происходит во Вьетнаме; мы изучаем договоры, но еще не вынесли выводов, не знаем, почему Киссинджер едет в Ханой; Киссинджер приедет и в Пекин, но мы не знаем, какие он вопросы поставит перед нами. Мы будем обсуждать только наши вопросы, совершенно не касаясь чужих дел. Нас пригласили принимать участие в Парижской конференции по Вьетнаму, и мы дали положительный ответ, но мы не знаем, когда она будет созвана и что в ней будет обсуждаться“ и т.п.

Даже если бы мы справились у государства-противника, оно не дало бы такого ответа. Факты показывают, что мы введены в курс этих проблем другими, не являющимися нашими друзьями. Тем не менее, даже если нас не будут информировать, у нас голова на плечах и мы судим о ситуациях, исходя из всего происходящего. Но то, что китайцы обошлись с нами так, подтверждает выше сказанное мною. Они не в порядке. Мы твердо будем следовать своему пути. Время подтвердит правильность наших суждений. Китайско-американский союз идет на подъем. Посмотрим, как далеко он зайдет.

ПОНЕДЕЛЬНИК
19 ФЕВРАЛЯ 1973 г.

КИТАЙ ВЗЯЛ КУРС НА СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Из Ханоя Киссинджер вылетел в Пекин, где он пробыл пять дней; сегодня, когда я делаю эти записи, он, видимо, уехал оттуда.

Он вел с Чжоу Энь-лаем и с Мао продолжительные „сердечные и откровенные“ переговоры. Обе стороны довольны, а зарубежные телеграфные агентства изображают результаты этих переговоров как „очень оптимистические и сулящие хорошие для мира перспективы“.

Однако все держится в абсолютной тайне, особенно Китаем, а это скандалу подобно. Вести переговоры с самым ярым врагом народов, социализма и коммунизма и держать в тайне эти переговоры и решения — это идет вразрез с ленинизмом. Держать в тайне от коммунистов, от твоих друзей, от народов те вещи, которые знает враг коммунистов и народов, теоретически и практически это значит войти в сделку с врагом и держать в тайне эти сделки, ибо их нельзя предавать гласности, потому что общественность осуждает их. Ленин не допускал подобных враждебных, темных действий. Он изобличал любое подобное действие.

Китай взял курс на Соединенные Штаты Америки. Главным врагом он считает Советский Союз, а отношения с Америкой смягчает. Почему? Каковы его стратегические планы, какова его тактика? Он ничего не предает огласке, ничего не говорит, а только дает понять, что у него „и карты в руки, что он социалистическая страна, что Коммунистическая партия Китая — марксистско-ленинская партия“. Но ведь мир формулами не накормишь, ему нужны дела, ему нужны дока-

зательства; ему самому хочется судить о том, как ведет себя тот или другой. Эти действия в потемках нельзя так легко объяснять „использованием противоречий“, как это китайцы считают.

Пусть они скажут нам конкретно, как они используют эти противоречия между американцами и советскими? Или же они принимают нас за ротозеев и наивных, слепо верящих общим формулам? Почему они скрывают от нас переговоры с американцами и не дают и нам судить о том, как и до какой степени они используют эти противоречия? Разве эти переговоры только китайцам на руку? А американцы, разве они не извлекают пользу из них?

Уже принято сказать, что „были обсуждены проблемы, интересующие обе страны“. Это обман. Вести переговоры с империалистами за спиной у народов, значит стать на антиленинскую позицию. Как это может быть, чтобы эти переговоры не интересовали народы, революцию? Как это может быть, чтобы об этих переговорах враги народов и революции знали до мельчайших подробностей, а народы и революционеры ничего не знали о них?

Нет, китайские товарищи, тут вот в чем суть: тайные переговоры, которые вы ведете „при закрытых дверях“, предосудительны, и вы это знаете, поэтому не предаете их гласности. С американцами вы вошли в сделку об этом; они навязали вам свою волю и свою тактику, и вы приняли их, подчинились им. Значит, вы пошли на уступки с целью извлечь пользу из чего-то вредного, временного и очень опасного для Китая, социализма и мира.

ПЯТНИЦА
9 МАРТА 1973 г.

ОТНОСИТЕЛЬНО РАЗНОГЛАСИЙ ПО ПОГРАНИЧНЫМ ВОПРОСАМ КИТАЙЦЫ ПОПАЛИ В ЛОВУШКУ СОВЕТСКИХ

Советские ревизионисты-империалисты путем, которому они следуют, и обуреваемые характеризующим их социал-шовинизмом, развернули шумную провокационную деятельность, сняв все старые китайские названия деревень или рек некоторых сибирских районов и дав им новые, русско-советские названия. Не подлежит никакому сомнению, что подобные действия являются составной частью антикитайской кампании и борьбы за восстановление советского народа при помощи шовинистических лозунгов против Китая, против территориальных притязаний, которые китайцы предъявляют в ущерб „их социалистической родине“. Таким образом и подобными методами советские ревизионисты разжигают шовинистические настроения у народов Советского Союза под лозунгом: „Границы Советского Союза в опасности, подняться на их защиту!“. Вот так они оправдывают и сосредоточение миллиона советских солдат в Монголии и в других граничащих с Китаем районах.

Китай не остается в долгу перед ними, но мне думается, что он прибегает к тем же шовинистическим методам, что и советские, поддаваясь, таким образом, устраиваемой советскими ревизионистами провокации. Китайцы отстаивают положение о том, что эти районы, деревни и реки, которые ныне переименовываются советскими, являются китайскими, значит, эти местности принадлежат Китаю, ибо они были похищены у него царскими режимами, а Брежнев с компанией хотят увековечить этот захват. Таким образом конфликт обо-

стряется, но не с правильных идеологических соображений, ибо китайцы также скатываются на шовинистические позиции, а это на руку ревизионистам.

Итак, вместо того чтобы китайское руководство наступало с принципиальных идеологических позиций в целях разоблачения советских ревизионистов, вместо того чтобы добиваться сближения советского народа с китайским народом в интересах борьбы против общего врага, оно исходит из шовинистических позиций, поэтому восстанавливает и натравливает их на войну друг против друга. И, что еще более несносно, китайская печать, отстаивая свои положения, приводит в качестве „подкрепления“ выдержки американских газет. Бесстыдство не знает границ; никуда не годится и предлог „использования противоречий“! Этим китайцы хотят сказать советским, что „Соединенные Штаты Америки с нами, а не с вами“.

Держитесь крепко оба, американские империалисты сядятся вам на шею!

ВТОРНИК
13 МАРТА 1973 г.

ПРОВОКАЦИИ КИТАЙСКИХ „СПЕЦИАЛИСТОВ", ПОДОБНЫЕ ПРОВОКАЦИЯМ СОВЕТСКИХ РЕВИЗИОНИСТОВ

Китайские товарищи уже давно медлят с отправлением нам материалов, оборудования, проектов и т.д. Это несоблюдение контрактов с их стороны они „оправдывают" всякого рода причинами, как-то: „Все у нас саботировал Линь Бяо, поэтому мы производим ремонт, и многое из того, что надо было послать вам, придется переделать"; „Мы отстаем в техническом отношении; года через три-четыре мы оправимся и тогда мы поможем Албании больше, ибо до сих пор мы мало помогали ей"; „Путь до Албании очень долгий, а у нас не хватает транспорта"; „Китай должен помогать Вьетнаму восстановиться, а также многим другим странам" и т.д. и т.п.

Китайцы не отвечают и на наши просьбы послать в Китай некоторых из наших специалистов, которые поинтересовались бы там этими вопросами. И посол Китая в Тиране относительно этого вопроса либо отвечает обычной формулой „у меня нет какой-нибудь вести", либо повторяет те же формулы „трудностей", либо говорит, что „многие китайские работники интересуются в Китае проблемами Албании", а это косвенно значит: „нет надобности в том, чтобы вы посылали своих специалистов в Китай".

Кроме этого, китайский посол теперь прибегает и к новым тактическим приемам. Он говорит нашим работникам: „У вас имеются не полностью используемые мощности", и приводит им некоторые нереальные примеры, которые он использует, чтобы „обосновать" свои действия и чтобы сказать нам: „Не жалуйтесь, что остальное не доставляется вам

в срок“. А китайские специалисты, подстрекаемые кем-то, начали провоцировать наших людей. Один из них (подговоренный, конечно) сказал одному из наших: „Есть ли у тебя какой-нибудь комментарий относительно того, что Мао принял Киссинджера?“ Наш ответил: „Нет“. „Ну а каково твое личное мнение?“, — продолжал китаец. Наш ответил: „Империализм — наш заклятый враг и он таким останется до тех пор, пока мы не уничтожим его“. Китаец сказал ему: „Поэтому Мао, подобно старику в сказке, чтобы легче убить волка, посадил его в мешок и завязал его“. Наш не ответил, а переменил тему разговора. Китаец же продолжал: „Почему вы, албанцы, не верите в нашу помощь?“. Наш товарищ категорически отвергнул это. Китаец, конечно, косвенно хотел сказать ему: „Вы не верите в нашу (китайскую) политику“.

Осторожно, китайские товарищи, ведь так начали действовать против нас и против марксизма-ленинизма и советские ревизионисты! Мы ведем себя правильно, говорим с вами открыто, по-товарищески, однако нас не поколеблют ни давление, ни шантаж. Мы начеку!

СУББОТА
7 АПРЕЛЯ 1973 г.

КАК ДАЛЕКО ЗАЙДЕТ ХОЛОДНОЕ ОТНОШЕНИЕ КИТАЙСКИХ ОФИЦИАЛЬНЫХ ЛИЦ К НАМ?

Нельзя не считать холодным, особенно в последнее время, отношение к нашей стране главных китайских официальных лиц.

Нашего посла в Пекине не информируют ни о каких вопросах, имеющих международное или внутреннее значение. Только случайно, на каком-нибудь приеме, на ходу, словно для отвода глаз, в зале ожидания аэропорта какой-нибудь служащий второго или третьего ранга говорит кое-что о тех событиях, о которых все зарубежные телеграфные агентства поднимали шум четыре-пять дней до этого, и ничего не говорит ему о Вьетнаме, Лаосе, Камбодже, Корее, о Советском Союзе и об отношениях Китая с Соединенными Штатами Америки. Мрак неизвестности и молчание на всем фронте. **От иностранных послов в Пекине мы узнаем вещи, которые им сообщили китайцы.**

Мао „болел ревматизмом“, так что не смог принять главу нашей правительственной делегации, члена Политбюро. Чжоу Энь-лай „был переутомлен“, поэтому он не принял Реиза Малиле; на деле же ни тот, ни другой не был ни больным, ни переутомленным, ибо в те же дни как тот, так и другой принимали иностранных представителей, устраивали банкеты и посещали английские выставки. И Мао должен был принять главу албанской делегации ради дружбы между двумя нашими народами, но особенно Чжоу Энь-лаю надо было, в знак взаимности, принять нашего заместителя министра иностранных дел, ибо Мехмет принял заместителя министра иностран-

ных дел Китая, когда тот находился в нашей стране. Раньше, бывало, Чжоу, а также и Мао принимали даже отдельных наших рядовых служащих. Такое поведение, конечно, не может не обращать наше внимание, и мы не можем не заметить его с целью видеть, как далеко зайдут китайцы своим нынешним отношением к нам.

Тем не менее, мы будем хранить выдержку и продолжать оставаться друзьями и хорошими товарищами для китайского народа, для китайских товарищей, если они будут обращаться с Партией Труда и с нашей страной как марксисты-ленинцы. Это в интересах обеих сторон и соответствует правильным, интернационалистским принципам.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
15 АПРЕЛЯ 1973 г.

МАО ЦЗЭДУН РЕАБИЛИТИРУЕТ ДЭН СЯО-ПИНА

Дэн Сяопин снова появился на сцене уже на посту заместителя Премьера Государственного Совета.

„Великая пролетарская культурная революция“, предначертанная и руководимая „великим председателем Мао Цзэдуном“, закончилась ”с успехом“; более того, стали один за другим реабилитироваться все те кадры, которые были осуждены ею как „враги и агенты номер два, номер три“ и т.д., как „контрреволюционеры, гоминьдановцы“ и т.д. Культурная революция, которая была начата против Лю Шао-ци, Пэн Чжэня, Дэн Сяо-пина и т.д., закончилась, конечно, раскрытием „заговора, устроенного Линь Бяо“ и гибелью последнего. **В итоге, авторы Культурной революции укрылись в тень и стали „реактивными“ (как реактивные самолеты; каков смысл этого выражения, употребленного китайцами — они сами знают!), между тем как те, которых Культурная революция укрыла в тень и сделала „реактивными“, выступили на сцену и заняли высокие посты, подобно Дэн Сяо-пину, который стал заместителем Премьера Государственного Совета!** Лю Шао-ци, Пэн Чжэнь и некоторые другие лидеры еще стоят в тени. До каких пор? Быть может, до тех пор, пока не „исправятся“, ибо таков „безошибочный метод“ китайских товарищей. Дэн Сяо-пин впервые показался на официальном приеме, устроенном в честь Сианука, когда последний вернулся с освобожденных территорий Камбоджи. Он фигурировал ниже Ли Сяньняня и выше Цзи Пэн-фэя. Стало быть, правительственное кресло он уже занял. Позже он может занять и место, которое занимал прежде в руководстве партии. „Золотце“, как

Мао называл его до Культурной революции, „враг номер два Коммунистической партии Китая“, как он был назван в период Культурной революции, теперь, после революции, „исправился“ и „признал свои ошибки“.

Официальная версия, которая была сообщена послам социалистических стран, в том числе и нашему послу, следующая: „Дэн в начале Культурной революции допустил грубые ошибки и заодно с Лю Шао-ци проводил реакционную, буржуазную линию“. Сам Мао так считал, однако он якобы говорил, что „мы должны отличать его ошибки от ошибок Лю Шао-ци“. Итак, 14 августа 1972 года (после визита Киссинджера) „друг“ Дэн, который сообразителен и чует, куда ветер дует, „написал письмо председателю, он признает свои ошибки, выступает с самокритикой и обещает работать хорошо“.

Относительно этого, в качестве официальной версии нам слово в слово было сказано, что „Председатель Мао сделал заметку, служащую директивным документом, в которой говорится: „Пусть прочтут премьер-министр и Ван Дун-син“ (кандидат в члены Политбюро, исполняющий также обязанности секретаря Политбюро). Ошибки Дэн Сяо-пина — грубые, однако его надо отличать от Лю Шао-ци по следующим причинам:

1) В освобожденных районах Дэн однажды был осужден за то, что отстаивал линию Мао, когда на последнего ополчился ЦК, т.е. Ван Мин.

2) У него нет унаследованных от прошлого проблем, он не пасовал перед врагами, за ним числятся заслуги на войне, он возглавлял в Москве делегацию против советских ревизионистов.

Об этом я неоднократно говорил вам“ — говорит им, наконец, председатель в примечании.

Значит, председатель Мао, по-видимому, отдал приказ реабилитировать Дэн Сяо-пина: и Политбюро, конечно, „обсудив“ этот вопрос, одобрило приказ.

Лицо, которое сообщило нам это, сам Цзи Пэн-фэй, министр иностранных дел Китая, заключил официальной версией о том, что „это великая и озаренная кадровая политика

председателя Мао. Реабилитация Дэн Сяо-пина — это большой урок для Коммунистической партии Китая, которая будет озаряться марксизмом-ленинизмом и мудрыми указаниями председателя“. Ни больше, ни меньше, сам снял, сам назначил его.

Во-первых, обращает на себя внимание тот факт, что эти важные вопросы председатель не поставил перед Политбюро сам, а передал их его членам в качестве „директивной заметки“.

Во-вторых, бросается в глаза то, что настоящая заметка предназначена в первую очередь для премьер-министра.

В-третьих, в заметке Мао говорит: „Я неоднократно говорил вам об этом“, а это наводит на мысль о том, что председателя не хотели слушаться.

Кто не слушался его? Можно ли предполагать, что Чжоу Энь-лай был против реабилитации Дэн Сяо-пина?! Быть может, Чжоу Энь-лаю хочется быть самому себе головой, между тем как Мао стоит за существование двух линий в партии; вот почему ему надо было найти Чжоу какого-либо „конкурента“, и он предъявляет ультиматум: „золотце“ должно занять прежнее место. **Дэн Сяо-пин приходит, конечно, со всеми своими полчищами, и все они занимают прежние посты. Эти полчища, которые принадлежали Лю Шао-ци, в ходе Культурной революции были унижены, затем они „исправились“ и ныне „стали ягнятами“.** Таким образом, продолжаются и усиливаются хаос и анархия под флагом „великого марксиста-ленинца“, Мао Цзэдуна. **В Китае у власти много течений: течения Мао, Чжоу, Лю, Ван Мина, Дэна, Линь Бяо, Гоминьдана (и давайте на этом остановиться, а то нам не хватит тетради для их перечисления). Разве все это совместимо с марксизмом?!!!**

Китайские послы в различных странах поют на иной лад: „Это не Дэн Сяо-пин ошибался, напротив, в отношении его допущены ошибки. Дэн Сяо-пин — товарищ хороший и преданный председателю Мао“.

Ну а зачем тогда весь этот переполох и что из этого выйдет? Я, может, и ошибаюсь, но ведь это не такое уж простое дело. Это, несомненно, „китайщина“, как и все другое.

Ныне официальный представитель говорит, что Дэн Сяо-пин был „твердым противником советских ревизионистов“! Он мог быть таким настолько, насколько был „твердым“ его единомышленник, Лю Шао-ци, насколько был „твердым“ до начала Культурной революции и его друг, Чжоу Энь-лай.

В настоящее время проводится курс на сближение с Соединенными Штатами Америки, знаменосцем которого является Чжоу Энь-лай. Теперь у Китая в Вашингтоне два представителя: один — посол Чжоу Энь-лая, второй — посланник агентства Синьхуа. Соединенные Штаты Америки маневрируют как им угодно. Председатель проводил „большую политику“ и, вместо того чтобы „углубить противоречия между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки“, еще крепче связал обе эти страны, а сам встал между двумя пушками и теперь не знает, как выбраться оттуда. Вполне вероятно, что тогда „гениального“ председателя озарила идея: он вынул Дэн Сяо-пина из ящика, чтобы начать с ним политику улыбок то одной стороне, то другой. Англичане посоветовали „гениальному“ председателю взять на вооружение их политику *„de bascule“** или политику танца на канате: „В ладах с обоими, а не в ладах с одним и на ножах с другим, и не на ножах с обоими“. Мао не может жить с **номером один**, он всегда живет с **номером два**. Так что в одно прекрасное утро мы можем оказаться свидетелями подползания его и к советским, которое начнется с мелких вещей в целях обеспечения „равновесия“. И об этой тактике, несомненно, будут трубить как о „гениальной тактике“.

Тогда Китай будет поднят на уровень своей „гениальной политики“ мирного сосуществования, „третьей силы“, которая была разрекламирована Чжоу Энь-лаем в каком-то интервью или банкете, не припомню. Значит, они будут следовать примеру „коммунистов“ Тито и Чаушеску. „В ладах с обеими сверхдержавами — и с Соединенными Штатами Америки, и с Советским Союзом“, бери и давай с обеих сторон,

---

* По-французски: коромысла.

плети интриги там, плети интриги сям под предлогом использования противоречий, прикрывая все это мыслью о том, что „я — великая держава, и миру не обойтись без меня“. „Будем продолжать так, пока нас не станет три сверхдержавы со всеми их характерными чертами“, причем совсем без масок, ибо подобное ремесло к этому и ведет: срывает с тебя маски одну за другой, как сорвало их с Советского Союза.

ПЯТНИЦА
20 АПРЕЛЯ 1973 г.

БУРЖУАЗНЫЕ „ОСЫ" СОБИРАЮТ МЕД И ОТКЛАДЫВАЮТ ЯД В САДУ „СТА ЦВЕТОВ"

Гэн Бяо, заведующий отделом международных связей Центрального Комитета Коммунистической партии Китая, без зазрения совести, в присутствии всего главного персонала своего отдела, говорит нашему послу в Пекине и одному нашему товарищу, находящемуся там на лечении:

„Марксистско-ленинское движение в мире неуклонно идет вперед, однако нужно еще время на то, чтобы марксистско-ленинские группы и партии завоевали всеобщее признание. Мы не публикуем пропагандистских материалов из газет марксистско-ленинских коммунистических партий по двум причинам:

а) Если бы мы опубликовали в нашей печати подобные материалы с целью известить о каком-нибудь успехе, только что достигнутом какой-либо марксистско-ленинской партией, то этим мы привлекли бы внимание врага, который принял бы меры против нее; а это нанесло бы ущерб как нам, так и данной партии.

б) Из опыта работы нескольких лет получается, что нет надобности особенно пропагандировать акции этих партий, ибо враг действует; так, например, большинство руководителей Центрального Комитета Коммунистической партии Индии убито или брошено в тюрьмы".

По мнению Гэн Бяо, руководители этих партий не могут приезжать в Китай, ибо их подстерегает полиция, враг расставил сети шпионажа и т.п. „А через Японию, — сказал Гэн Бяо, — дело несколько иначе". „Представители этих партий и

групп, — продолжал он, — хотят приезжать к нам в расчете на то, что это может способствовать укреплению их работы внутри. Мы не можем сказать им „не приезжайте“, поэтому приглашаем их, как друзей. Ведь вот так приезжают к нам и лица из партий, которые вели борьбу против нас и бранили нас. Раз приезжали Никсон и Танака, почему бы не приезжать и другим? К тому же Никсон приезжал в силу своих выборных нужд. **Если Чан Кай-ши захочется приезжать, пусть и он приезжает“.**

Он, как антимарксист, говорит открыто и цинично, своими устами признает, что Китай отказался от революции, что он больше не содействует революции, борющимся в мире марксистско-ленинским партиям и группам. Китай прикрывается маской того, что якобы боится скомпрометировать перед врагами эти партии и эти группы; в действительности же это Китай хочет сказать империализму и буржуазии, что он не помогает их врагам, коммунистам, и не поддерживает их. Какая подлость! В различных странах мира коммунисты развернули революционную борьбу, легальную и подпольную, они встречают смерть лицом к лицу, а китайцы без зазрения совести утверждают, что „эти коммунисты хотят приезжать в Китай в целях укрепления своих внутренних позиций“. Эти товарищи обращаются к Китаю за помощью, ибо они считают Китай социалистической страной, тогда как Китай Мао Цзэдуна даже и не говорит о них, не пропагандирует и не перепечатывает их статей, не помогает им, а только констатирует, что убиты все руководители той или другой партии. Какое бесстыдство!!

„Социалистический Китай“ встречает товарищей-коммунистов так же, как Никсона, как Танаку, как может встречать Чан Кай-ши, как встречает ревизионистов. Это вопиющее предательство. Он обращается с коммунистическими марксистско-ленинскими партиями и революционными группами так же, как и советские. Китайцы опасаются заслужить „дурную“ репутацию и лишиться „доброй славы“, которая ходит о них среди американской и мировой буржуазии.

Вот почему китайцы не могут согласиться с революционной, марксистско-ленинской линией нашей партии. Они несогласны с нашей внутренней и внешней политикой в целом. И это они демонстрируют. Чжоу Энь-лай, Ли Сянь-нянь и Мао прекратили контакты с нами; да и те контакты, которые они поддерживают, являются совершенно формальными, дипломатическими. Албания не является больше „особым верным другом", для них она стоит последней в очереди — за Румынией и Югославией в Европе, за Кореей, Вьетнамом и Камбоджей — в Азии. Китай не принимает участия в наших политических манифестациях, боясь быть скомпрометированным! Он посылает к нам цирковые труппы, футбольные, волейбольные команды (поскольку они совершают поездки по Европе) и больше ничего. Экономические соглашения он, хотя и затягивает их выполнение, соблюдает, но, очевидно, что „первый пыл" спал.

Как это может быть, чтобы Китай был согласен с нашей внешней политикой, когда он устанавливает отношения с Соединенными Штатами Америки, с Японией, с Федеративной Германией, с франкистской Испанией, между тем как мы не только не устанавливаем отношений с ними, но и все время разоблачаем их империалистическую и фашистскую политику? Как это может быть, чтобы Китай одобрял революционизирование нашей страны, нашу борьбу против религии и Ватикана, в то время как Юй Чжань, высокопоставленное лицо в Министерстве Иностранных Дел Китая, говорит нашему послу, что „того, что вы делаете, мы не можем делать, ибо более 50 миллионов человек в Китае составляют элементы из свергнутых классов и их семей"? Иначе быть не может, ибо в то время, когда у нас ведется борьба против религии, церкви и Ватикана, в Китае, в Пекине, открываются католические и православные церкви и соборы, а китайская печать пропагандирует их посещение.

Католическая печать всего мира развернула во всех концах земного шара клеветническую кампанию против нас и ставит нас в оппозицию с Китаем; буржуазно-капиталистическая печать нападает на нас за то, что мы не устанавливаем

дипломатических отношений с Соединенными Штатами Америки и ставит нас в оппозицию с Китаем.

Мировая капиталистическая печать также, анализируя оппортунистические позиции Китая по многим международным проблемам, отмечает и наши позиции по тем же проблемам и, естественно, приходит к выводу, что между Китаем и Албанией существуют противоречия, что „Албания полностью изолирована и брошена Китаем“ и т.п.

В отношении Народной Республики Албании и Албанской партии Труда Китай занимает ныне ту же позицию, которую он занимал в отношении марксистско-ленинских коммунистических партий и революционных групп, о которых он, боясь „скомпрометировать себя“, не помещает в своей печати никаких материалов. Он никаких материалов о нас не помещает в своей прессе, кроме сообщений о приеме и проводах китайских футболистов, волейболистов и циркачей. Все остальные вопросы, связанные с Албанией, игнорируются китайской печатью. Этим китайцы открыто хотят сказать капиталистическому и ревизионистскому миру, что с социалистической Албанией и с Албанской партией Труда особых отношений они не поддерживают. Теперь на Албанию они смотрят так, как и на Югославию и Румынию. **Однако социалистическая Албания и Партия Труда, со своей стороны, говорят мировому коммунистическому движению, китайцам и капиталистическо-ревизионистскому миру, что они непоколебимо, гранитной скалой стоят на революционном, марксистско-ленинском пути, что они ни на йоту не отходили и не отойдут от этих позиций и победят. Китай отождествлен с титовской Югославией и с ревизионистской Румынией, а не с нами.**

Политика распахивания ворот Китая „успешно“ продолжается не только в государственных отношениях, но и „на широком пути пролетарского интернационализма“. Наряду с распахиванием ворот Китая, как государства, для иностранцев любой масти, начиная с Никсона, Танаки и Чан Кай-ши, если ему захочется, и вплоть до тех антимарксистов, которые бичевали и бранили его, распахнулись и ворота Коммунисти-

ческой партии Китая. Да, да, они распахнулись перед иностранцами.

Иностранным специалистам, работающим в китайских учреждениях, был роздан на чтение и одобрение проект положения под заглавием: „Об улучшении работы с иностранными специалистами, работающими в Китае“. Настоящий проект носит отпечаток речи, которую произнес на днях Чжоу Эньлай, и о которой в китайской печати была опубликована даже статья. Итак, китайским официальным комментатором было сказано: „Пусть иностранные специалисты знакомятся с жизнью китайского народа, пусть они знакомятся с партийными материалами, с которыми знакомятся партийные и беспартийные массы в Китае. Они могут создавать парторганизации и даже могут быть приняты и в Коммунистическую партию Китая, могут принимать участие и в политучебе либо вместе с китайцами, либо отдельно — смотря по их желанию. Следует проявлять заботу о семьях иностранных специалистов, чтобы они посылали своих детей в детские ясли и сады, чтобы их дети входили в пионерские организации и в организации союза коммунистической молодежи, чтобы они посещали школы в соответствии с возрастом и жили в общежитиях вместе с китайцами. Не следует мешать иностранным юношам дружить, влюбляться и даже жениться на китайских девушках. Соответствующие организации должны содействовать проведению разъяснительной работы с китайскими семьями, чтобы изжить бытующие в этом отношении пережитки. Органам государственной безопасности следует улучшить работу по охране работающих в Китае иностранных экспертов. Материальное обеспечение последних должно быть на высоте“ и т.д. и т.п. **Одним словом, настоящий проект положения явился целой либерально-ревизионистской „поэмой“. Перед иностранными капиталистическо-ревизионистскими подонками распахиваются все ворота Китая.**

Это очевидно. **„Кого мы должны бояться?“, — спрашивают те, которые правят Китаем и руководят Коммунистической партией Китая. И отвечают: „Догматиков, сектантов, а**

не либералов“. Поскольку они сами утверждают, что „50 миллионов человек в Китае — реакционеры“, то пусть наплывет извне еще миллион таких! „Что из этого получится? Они потонут в китайском море. В будущем мы накроем весь мир. Разве мы не самый великий народ в мире?“!

Чжоу Энь-лай лично походатайствовал в албанском посольстве, чтобы были приняты меры против некоторых албанских студентов, которые просто из товарищеских соображений дружили с некоторыми китайскими девушками. И это было за много лет до Культурной революции, так что подобные взгляды они не могут приписать Линь Бяо. **Сколько путей засыпано „цветами“ в Китае с тех пор, какие „цветы“ расцветали и расцветут в китайской земле, „благословленной“ Конфуцием!**

Какой мусор проникнет в Китай! Сколько иностранцев поженятся там! Сколько обществ, легальных и нелегальных, будет создано! Сколько церквей и соборов будет открыто! Сколько подонков получит китайское подданство и сколько из них пролезут в ряды Коммунистической партии Китая и под флагом Мао будут работать в интересах ЦРУ, в интересах советского КГБ и мирового капитализма!

Там действительно будет создан центр троцкистского интернационала. Все эти подонки наплывут на Китай под видом „левых“, „маоистов“ и „репрессированных“ в своих странах. В Китае они найдут помощь, встретят покровительство и оттуда, заручившись поддержкой Мао и заполучив „его печать“, начнут и развернут борьбу против истинных марксистов-ленинцев, а также борьбу за то, чтобы перетянуть на свою сторону ревизионистские партии и выбить их из-под влияния ревизионистского Советского Союза.

Отсюда начнется очень опасная деятельность „маоистских“ ревизионистов. Нам надо быть начеку. **Борьба против советского ревизионизма, ведущаяся с ревизионистских позиций, ведет на ревизионистский путь; опираться на американский империализм в борьбе против советского ревизионизма, значит поднять загаженный флаг троцкизма и бороться против советского ревизионизма за то, чтобы занять его место в ка-**

честве великой державы и „великого идеологического руководителя“.

Итак, по всей видимости, Соединенные Штаты Америки и Китай согласились добиться ослабления своего главного соперника, социал-империалистического Советского Союза. Как американский империализм, так и Китай стремятся отколоть „народно-демократические“ страны-сателлиты от Советского Союза. Ли Сянь-нянь, окруженный 4-5 замминистрами, начал эту работу с принятия экономических представителей Чехословакии и Болгарии.

Китай поддерживает хорошие отношения с Тито, с Чаушеску, с Каррильо. Он наверняка расширит эти связи и с другими ревизионистскими партиями и с троцкистами — „маоистами“. **Буржуазия выдвинет лозунг о том, что ее „осы“ должны пойти собирать мед и откладывать яд в саду, где „расцветает сто цветов“.**

ПЯТНИЦА
18 МАЯ 1973 г.

ПИСЬМО МАО ЦЗЭДУНА К СВОЕЙ ЖЕНЕ

8 марта Чжоу Энь-лай в „самокритичной“ речи, которую он произнес перед иностранными специалистами, работающими в Китае, сказал им: „Мы ознакомим вас с некоторыми партийными документами, связанными с разоблачением Линь Бяо“.

„Первый“ документ, переведенный на 7 иностранных языков, был зачитан перед иностранными специалистами, среди которых были и наши — те, которые работают в Пекинском Радио. Этот документ есть письмо Мао к Цзян Цин от 8 июля 1966 года.

Мао пишет жене: „Уехав из Ханчжоу, я прожил 10 дней в пещере и теперь нахожусь в Чанша (край белых облаков и желтого аиста!). Твое письмо после этих 10 дней без вестей было очень интересно и полно новостей… Руководящий орган Центрального Комитета спешит послать мне последние материалы на утверждение, и я утвержу их. Мой друг (речь идет о Линь Бяо) выступил с докладом о „государственном перевороте“, подвергнув эту проблему такому анализу, какому никто не подвергал до сих пор. Некоторые его мысли наводят на глубокие размышления и тревожат меня. Мне и в голову не приходило, чтобы мои книги обладали такой чудотворной силой, поэтому невольно я вспоминаю афоризмы: „То, что много растягивается, легче обрывается“, „Чем выше поднимаешься, тем пуще ушибаешься, падая вниз“, „Чем больше растет слава человека, тем труднее ему быть достойным ее“.

Обстоятельства вынудили меня удовлетворить просьбу некоторых… Это впервые я согласен с другими против собственного желания, впервые я иду наперекор своей воле. Теперь у меня черты и тигра и обезьяны, однако верх берут черты тигра. Это главное, это важное. Советую тебе не задрать нос от этой славы, быть осмотрительной и слушаться советов товарищей… и Чэня“. **(Идет речь о Чэнь Бо-да; однако, когда иностранцы спросили китайских товарищей, что это за товарищи, которых должна была слушаться Цзян Цин, они ответили: не знаем их!)** „Теперь я обезьяна, обратившаяся в короля, ибо в горах тигров нет. В наше время, когда нет героев, я, маленький человек, поднялся так высоко. Я герой потому, что не было других. **Ты никого не должна посвящать во все это, ибо это совпадает с гнусными словами правых! Для левых это явится холодным душем, между тем как правым это пойдет на пользу. Теперь главное — это борьба за частичное свержение правых. Мои высказывания левым и массам не по душе. После чистки правых, нам придется произвести другую чистку и, пожалуй, несколько чисток. В мире раз в 7-8 лет происходят потрясения и в ходе этих потрясений зло всплывает на поверхность. Быть может, после моей смерти эти мои высказывания будут преданы гласности, и правые используют их в своих целях; однако и левые используют другие мои высказывания, сорганизуются и разгромят правых и т.д.** Правые потерпят провал, как и Чан Кай-ши“.

Это письмо Мао представляется странным по многим причинам, если учесть год, когда оно было написано, и происшедшие с того времени в Китае события.

Во-первых, Мао пишет своей жене и открыто говорит, что он только ей доверяет, ибо он наказывает ей, „никого не посвящать в его мысли“. Цзян Цин — единственная его опора. Ведь так это получается. О партии он совсем не говорит, будто она не существует. По мнению Мао, существуют два течения: правые и левые, и они борются за власть, между тем как Мао полностью оторван от партии, от масс, от товарищей. Не направлено ли это письмо против его „друга“, Линь Бяо, совершающего Культурную революцию? По всей видимости,

да, ибо намеки на поднятие своего культа он приписывает Линь Бяо. Однако, когда осиливаются правые, Мао способствует назначению Линь Бяо по уставу заместителем председателя партии в то время, когда его имя, Линь Бяо, он занес в список левых, подлежавших чистке. Двурушничество!? **Без опоры на партию, на массы. Впрочем он сам говорит в письме, что „массы меня не поймут“. Но кто, по его мнению, поймет его? Ничего подобного не видно.** Только одно ясно, что в Китае и в будущем правые будут ополчаться на левых, затем последние сорганизуются и уберут правых и так всегда — раз в 7 лет.

Да здравствует хаос и анархия! Кто сильнее, тот пусть захватит власть. Один раз королем станет обезьяна, другой раз — тигр! Ну и теория! Какое доверие могут питать надежные кадры к подобным теориям? Там обоими крыльями ведется борьба только за власть, и антимарксисты, и марксисты-ленинцы должны подчиняться убеждениям того или другого крыла!?

Какова может быть цель оглашения этого отрицательного письма? Его целью может быть только одно — выдавать за положительный факт то, что Мао с самого начала подметил, что Линь Бяо был левым, и Мао не доверял ему, но использовал его как наименьшее зло, а затем ликвидировал его.

Этим он говорит и другим: „Такая же участь постигнет и вас завтра; ничего надежного нет. Вопрос о двух линиях в партии есть моя теория, а над обеими этими линиями тигр, который решает — будет ли солнце или дождь — это я“! Однако любой вывод о китайских делах, точными данными о которых мы не располагаем, придется делать при помощи воображения, поэтому надо предположить и другие версии.

Выше мы сказали, что указанное письмо было написано в июле 1966 года, когда Культурная революция уже началась, когда заговор правой группы Лю был раскрыт и разоблачался; значит, сквозь призму событий **того времени мы должны рассматривать и его содержание. Мао был занят этой борьбой и ему незачем „истолковать“ как иронию доклад Линь Бяо о „государственном перевороте“.** Следовательно, было

ясно, что руководимая Мао Культурная революция была направлена на ликвидацию государственного переворота Лю Шао-ци, и Линь Бяо стоял за эту борьбу, стоял, значит, за Мао.

В этом письме Мао пишет Цзян Цин: „Советуйся с товарищами…“. Первое имя не упоминается, однако это, несомненно, имя Линь Бяо, которое снято и заменено многоточием. Почему оно снято? Понятно почему, если принять во внимание последующие события и обвинения против Линь Бяо. Другое имя это Чэнь. Кто такой этот Чэнь? Когда спросили китайских товарищей о нем, они ответили, что не знали его. Это неправда; они знают его, но не хотят признаться. Тут, дается мне, речь идет о Чэнь Бо-да. Может ставиться вопрос: Почему имя Чэнь (без Бо-да) оставили, а имя Линь Бяо сняли? Почему не оставили или не сняли имена обоих? Вот именно в том-то и кроется „китайщина“ вещей: Чэнь Бо-да они разоблачили по имени, а Линь Бяо — еще нет. Или же дело Линь Бяо еще не разъяснилось? Или же, хотя его и разоблачают внутри Китая, обстоятельства остаются еще туманными? („Каким образом Линь Бяо совершил предательство?! Каким образом он сбежал в Монголию?! Каким образом он хотел убить Мао?! Каким это образом он был просоветчиком и антиамериканцем?“ и т.д. и т.п.).

Другими словами, подходя к письму с учетом времени, когда оно было написано, можно вывести, что друзьями Мао оказываются … (имя, замененное многоточием) и „Чэнь“. **Чжоу Энь-лая нигде не видно; значит, он не фигурировал в числе „доверенных“ Мао. Тогда каково было положение этой столь главной, после Мао и Лю Шао-ци, фигуры?**

Если истолковывать письмо в этом духе, то возникают вопросы: **Почему это письмо вышло в свет именно теперь?! Кому оно на руку?! Способствует ли оно этой сложившейся обстановке или же будет создана новая обстановка, будет совершен новый „перелом“, который проповедует Мао в своем письме и которому он готовит почву?**

Произошло много событий, все делалось под именем Мао, и в переломные моменты Мао ловко вывертывался. Лю ору-

довал „под флагом Мао“, Мао выступил против него; Культурная революция проходила „под флагом Мао“, Мао выступил против Линь Бяо; Чжоу Энь-лай борется „под флагом Мао“, Мао потворствует Чжоу, но это мы еще посмотрим. Теперь он больше молчит, чем говорит; выводит наружу какие-то письма и каких-то дэн сяо-пинов.

СУББОТА
26 МАЯ 1973 г.

В КИТАЕ ТЯНЕТ ЗАПАДНЫМ ВЕТЕРКОМ

Накануне Парижской конференции, в которой было подписано соглашение об „установлении мира во Вьетнаме“ Китай заявил, что его министр иностранных дел Цзи Пэн-фэй совершит поездку по миру, причем были установлены и сроки. И во главе списка в числе первых стран, которые должен был посещать китайский министр, фигурировала Албания, „близкий союзник Китая“. Это было правильное и достойное решение.

Наступила Парижская конференция, в которой должен был принимать участие и Китай делегацией, возглавляемой Цзи Пэн-фэем; но план поездок был расстроен, был отложен. Ладно!

Теперь сообщают, что начнется поездка Цзи Пэн-фэя, однако порядок уже не прежний. Не только не говорят больше, что Албания будет посещена первой, но даже и не указывается, когда она будет посещена. Сообщали, что в июне Цзи Пэн-фэй поедет в Лондон, а оттуда — в Париж, затем, говорят, что посетит Румынию.

Очевидно, что в Китае тянет западным, а не восточным ветерком!

СРЕДА
27 ИЮНЯ 1973 г.

В ПЕКИНЕ УСТРАИВАЮТ БАНКЕТЫ ДЛЯ БАНКИРА РОКФЕЛЛЕРА

Китайцы опубликовали коммюнике, в котором извещают мировую общественность о том, что они произвели взрыв атомной бомбы. Это хорошая вещь и служит ответом на советско-американское заявление об „атомной войне“. Но посмотрим, что будет дальше.

Говорят, что Киссинджер осенью поедет в Пекин, Чжоу Энь-лай поедет в Соединенные Штаты Америки, а в 1974 году Никсон снова поедет в Китай. Тем временем Синьхуа сообщает из Пекина: известный американский банкир, Рокфеллер, находится в Китае; он ведет переговоры, в его честь устраиваются банкеты, тогда как Цзян Цин занимается американскими пловцами и другими американскими спортсменами, через которых она шлет привет Никсону и его супруге.

Куда это они идут?!!

СУББОТА
30 ИЮНЯ 1973 г.

НАРОДЫ НЕ ПРОСТЯТ КИТАЮ ЭТИ ЗАНИМАЕМЫЕ ИМ ОПАСНЫЕ ПОЗИЦИИ

Брежнев съездил в Соединенные Штаты Америки. Его переговоры с Никсоном были очень сердечными и сенсационными. Просто курам на смех: советский ковбой встретился даже и со „Звездами Голливуда", с ковбоями Калифорнии, обнялся и поцеловался с ковбоем-артистом, играющим роли „бандита". Поистине многозначительно! Столь же многозначительным является и выступление на сценах американского телевидения Брежнева, одетого в подаренный ему Никсоном пиджак с американским орлом! Брежнев переменил рубашку, он променял советский пиджак на американский. Это одно и тоже: он продался американскому империализму. Американские миллиардеры, с которыми Брежнев имел долгую и сердечную беседу, испытали большое удовольствие и назвали Брежнева „настоящим американцем", который „встречу вел точно как американец". К чему упомянуть его другие гротесковые шутки, которые вызвали сенсацию во всем мире и осквернили престиж Советского Союза.

Клоун следует за клоуном: Хрущев „обручился", а „медовый месяц" провел в Соединенных Штатах Америки, тогда как Брежнев поехал туда, в Кэмп Дэвид и в Калифорнию, для заключения „брака" между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки, для своего бракосочетания с Никсоном. Брежнев принес ему в качестве приданого богатства Советского Союза, земли, политическую свободу, суверенитет, престиж Советского Союза, и все это за горсточку долларов.

В моих набросках к статьям, которые были опубликова-

ны в „Зери и популлыт“ по этим проблемам, изложены наши взгляды, однако, сколько ни углубишься и сколько ни напишешь об этих вопросах, никогда не будет много. Это проблемы мирового значения; они являются объектом опасных интриг международного характера.

Не давать открыто, публично в печати оценку соглашениям, заключенным между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки и ставшим уже общеизвестными, как это поступают китайцы, которые ограничиваются лишь высказыванием своего мнения нашим товарищам в Пекине, в кулуарах, — они несомненно, то же самое делают и с другими, — это большая ошибка. Китайцы совершенно не занимают официальную и открытую позицию относительно встречи между Брежневым и Никсоном и относительно того, в чем они сошлись и о чем они договорились. Только испытание Китаем атомной бомбы, хотя и это имеет свое значение, совершенно недостаточно. А между тем китайцы считают, что этого достаточно для объяснения всего и для расстройства коварных советско-американских планов.

Китайское молчание — ненормальный и весьма многозначительный факт. Оно свидетельствует о том, что Китаю не хочется говорить. Почему? Да потому, что если будет говорить, то ему обязательно придется разоблачать обоих „бандитов“, как это выражаются китайские товарищи в кулуарах. Чтобы не разоблачать того, с которым он проводит „медовый месяц“, он не разоблачает и другого и принимает олимпийские позы, желая сказать: „Я не говорю, а думаю и работаю молча“. „Ну и отличный метод!“, но им никого не проведешь, он никому не понравится, его никто не одобрит, ему никто не поверит. У тебя в голове может быть много хороших вещей или много дури, однако люди научились смотреть дерево в плодах, а человека в делах.

Ты, Китай, великая страна, однако своего слова ты не высказываешь даже в ключевые моменты, когда все страны, все народы очень встревожены крупным международным заговором, составляемым обеими империалистическими державами — Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки.

Утверждать, что Советский Союз и Соединенные Штаты Америки „не пришли ни к какому соглашению“, это значит, что либо ты не видишь, а это большая политическая близорукость, либо ты все понял, но молчишь, не говоришь, ибо у тебя задние мысли.

Оба крупных империалистических бандита *„urbi et orbi“** договорились о важных для них проблемах, как и о международных вопросах. Достигнутые между ними соглашения были открыто подписаны и провозглашены, однако имеются и тайные соглашения, которые не были провозглашены, о которых молчат, но о существовании которых можно прийти к выводу, судя по тому, что написано в целях сокрытия чего-то. Эти бандиты ничего не могут держать в тайне, не потому, что они возьмут да объявят о них во весь голос по радио и телевидению, а потому, что мир узнает о них, когда они станут проводить их в жизнь, ибо эти тайные решения приняты для их осуществления на практике в ущерб другим народам. „Между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки имеются противоречия“, говорят китайцы. Конечно, противоречия есть и будут, однако эти достигнутые между ними соглашения направлены на смягчение противоречий. Относительно этих соглашений в одно прекрасное утро коса найдет на камень, поэтому надо подложить камни, чтобы коса нашла на них.

Это факт, что Соединенные Штаты Америки больше выиграли в этой игре. Они обеспечили себе новые, крупные колониальные рынки, причем там, где они никогда и не думали обеспечивать их — в Советском Союзе. Когда-то Соединенные Штаты Америки находились с Советским Союзом во враждебных отношениях, чуть ли не в состоянии войны, ибо Советский Союз был социалистической страной, заклятым врагом капитализма и империализма. А с приходом к власти советских ревизионистов ситуация изменилась, и все, несомненно, должно было привести к тому, к чему и привело. Вели-

---

* По-латински: ко всеобщему сведению.

кое и могучее государство пролетариев превратилось в капиталистическое государство, в социал-империалистическое государство, готовое прийти к соглашению с другим империалистическим государством. Соглашения, вне всякого сомнения, должны были заключаться не на основе равенства. Соединенные Штаты Америки обладали превосходством над Советским Союзом в области экономики, техники, промышленности, сельского хозяйства, как и в области военной. Ревизионисты обрекли свою страну на отставание. В своем курсе на капитализм Советский Союз терпел разнообразные поражения, что заставило его склонить голову, приспустить флаг и просить помощи у Соединенных Штатов Америки с целью отремонтировать дом, который мог развалиться.

Именно Брежнев, хотя он и был представителем великой страны, съездил в Вашингтон за милостыней, проявляя при этом такое пресмыкательство, что унизил себя, до единого отчитавшись перед американскими сенаторами о советских евреях — о гражданах своего государства: сколько евреев он послал в Израиль, сколько готовится к отправке, сколько еще останется и что будет с ними. И зачем был допущен такой отвратительный скандал низкопоклонства? Да затем, чтобы вымолить долларов, и этими истекающими кровью долларами закупать передовую американскую технологию и в то же время найти рынок для продажи богатств советского народа американским миллиардерам. Этот вопрос ясен и в комментариях не нуждается. „Мудрецы“ скажут: „Это тактика, с помощью которой Советский Союз стремится догнать Соединенные Штаты Америки“. Как будто американский империализм на рынке выдает свою силу в качестве дани в целях ослабления самого себя и укрепления своих противников! „Мудрые и безмолвные политики“ делают вид, будто все понимают, и открыто, во всеуслышание говорят: „Советские ревизионисты опаснее американских империалистов“ .

К чему это пускаться в споры о том, кто опаснее, когда оба они одинаково жестокие враги народов, их свободы, независимости и суверенитета?! Ставить вопрос так, как его

ставят эти беспринципные и обанкротившиеся политики, значит стать на сторону „более слабого", а более слабыми для них являются Соединенные Штаты Америки. Последние будут эксплуатировать Советский Союз, они извлекут из него баснословные прибыли, которые будут использовать для укрепления своей мировой империи. С другой стороны, проникновение американских капиталов в Советский Союз приведет к скорейшему уничтожению даже самых незначительных остатков завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции, приведет к распаду Советского Союза, как союза республик. Такова цель американского империализма: разгромить Советский Союз, как опасную капиталистическую державу и соперника.

„Мудрецы" скажут: „Это вряд ли будет достигнуто". Наоборот, этого легко достигнуть, когда ты сходишь с колеи марксизма-ленинизма. Ревизионизм содержит в себе разжигание националистических настроений, а Соединенные Штаты Америки из всех сил раздуют этот огонь. „Мудрецы" говорят: „Это же невозможно". А факты, что они говорят? К власти пришел Хрущев, но что он принес с собой, что произошло в Советском Союзе? Хрущев был свергнут, к власти пришли брежневы, а дела в Советском Союзе к чему привели? К продаже его Соединенным Штатам Америки. Завтра те, которые придут за ними, разгромят Советский Союз и как государство. Хотят этого или нет ревизионисты, их путь к этому ведет; помощь и союз с Соединенными Штатами Америки основаны на лейтмотиве: „разделяй и властвуй", ибо нелепо думать, что империализм может помогать тебе укрепляться, чтобы ты угробил его.

Подписанные между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом соглашения обеспечили развитие этого процесса, но как у того, так и у другого свои оговорки и цели, в которых они не могут признаваться друг другу, но которые в то же время известны как тому, так и другому; впрочем они понимают друг друга. Чтобы этот процесс мог развиваться, им надо было подписать „громогласное" соглашение, соглашение о „предотвращении войны между обеи-

ми странами“. Соединенные Штаты Америки и Советский Союз расширили положения этого соглашения, в действенности которого никто не может заручаться. Они стали жандармами всего мира; они открыто заявили и решили, что будут вмешиваться везде, где будут ущемлены их интересы, везде и всякий раз, когда „будет поставлен мир под угрозу“, как это они выражаются.

Ход этого процесса в отношениях между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом показывает, что он есть обычный, классический процесс империалистического характера. Последствия этого процесса не ограничатся только этими двумя странами, они скажутся во всем мире. Обе эти сверхдержавы стремятся к мировому господству, хотят эксплуатировать весь мир, хотят чтобы он находился под их пятой, чтобы им управлял кнут господ из Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Поэтому они разделили свои зоны влияния. Эти зоны и определены и не определены. По этим вопросам имеются написанные союзы, но имеются и ненаписанные. Как в написанных, так и в ненаписанных будут сталкиваться интересы этих двух господ. В этом-то и заключается их тайная сделка: чтобы эти столкновения происходили без взрывов, чтобы эти господа договаривались и сговаривались между собой, а главное, чтобы оба они не допускали, чтобы народы, за счет которых заключаются эти торгашества, восставали. В этом случае они наметили два пути: первый путь — обоим бандитам договориться о грабеже; второй путь — в случае, если ограбленный восстанет, бить его и говорить ему: „Тише!“, „ты ставишь мир под угрозу!“, конечно, мир бандитов.

Тут речь идет не о „разоружении“, а о сохранении вооружений, о сохранении атомной монополии. Тут речь идет о попытках включить все народы в две особые сферы, понятно, под атомные зонты Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Китай и Франция, обладающие атомной бомбой, считаются еретиками, поэтому тот или другой точит зубы и на первый, и на вторую с целю поставить их на колени, „включить их в клуб“, чтобы, точно куре, свернуть им шею.

Пакты и всякого рода соглашения, которые Соединенные Штаты Америки и Советский Союз заключили со своими партнерами, в свете советско-американского союза приняли другой смысл, иной характер. Теперь оба сильные мира сего все рассматривают просто сквозь призму подписанного ими союза, а партнеры по двусторонним или многосторонним союзам не что иное как пешки этой шахматной игры.

Все будет служить в первую очередь целям этого пресловутого союза. Сотрудничество, взаимопомощь, торговые соглашения и другие сделки изменят свой смысл и свое направление. Поскольку зоны влияния уже разделены, Советский Союз „обеспечил“ себе, как он полагает, господство над своими сателлитами. Он еще и до этой ситуации гнал их дубинкой, всячески притеснял их, оказывал на них экономическое давление, но отныне гайки он будет завинчивать так сильно, что он превратит своих „союзников“ в настоящих холопов. Советский Союз, который продает американскому империализму свои богатства и свою душу, не в состоянии соблюдать обязательства перед сателлитами, поэтому он постарается еще сильнее удушить их, связать их по рукам и ногам, привязать их к своей колеснице и легче тащить за собой. Такова перспектива СЭВ и интеграции, к тому же над их головами стоит еще и Варшавский договор. Плодами новой царской империи будут заведовать, их будут использовать и распределять по новым критериям, вдохновленным „новой“ идеологией, враждебной по отношению к идеологии Карла Маркса и Владимира Ильича Ленина.

У американского же империализма путь определен. Он уже давно запустил когти в своих партнеров. Его задача — еще глубже вонзить их в их горло, чтобы они сидели смирно под его пятой.

Разразившийся глубокий мировой кризис схватил за горло Соединенные Штаты Америки и Советский Союз, а также их сателлитов. Порождением настоящего кризиса является этот союз, с помощью которого они пытаются преодолеть трудные ситуации, то есть вырваться из клещей революции. Соединенные Штаты Америки и Советский Союз решили со-

общa подавить революцию, восстания, национально-освободительную борьбу народов, поставить на службу своим целям и подавить, если понадобится, и своих капиталистическо-ревизионистских партнеров. Вот почему вашингтонские и калифорнийские соглашения вызвали гнев, возмущение, сомнения и сопротивление у всех народов, во всех странах мира, независимо от их политической направленности. Кто открыто, кто вполголоса — все говорят: „союз между США и СССР направлен против нас“.

В этом создавшемся клубке, Соединенные Штаты Америки и Советский Союз, независимо от того, что они сильнее всех, чувствуют себя изолированными и со всех сторон окруженными сильным духом негодования. Они планируют „пояснить“ эту ситуацию с помощью демагогии, угроз и шантажа. Они знают, что этому союзу не долго продержаться в случае, если каждый из них в отдельности и оба они вместе не наведут порядок в своих домах и союзах, то есть, если они не обескуражат и не запугают твердолобых и не содействуют своим послушным партнерам. Рубль и доллар будут стоять в повестке дня в целях подкупа, тогда как демагогия, интриги и оружие — с целью поддерживать правящие клики и привести к власти новые клики в случае, если их сила окажется под угрозой. „Статус-кво и мир“ — вот, что будет лейтмотивом обоих.

Наверняка у обеих агрессивных сверхдержав не все пойдет как по маслу. Их коварные планы и деяния встретят реакцию и сопротивление. Сопротивление это уже заметно во всем мире. За исключением нашей социалистической страны, европейские государства, все капиталистическо-ревизионистские страны включены в блоки. И те государства, наподобие Югославии, которые выдают себя за неприсоединившиеся, находятся внутри этих осиных гнезд. Значит, все эти государства и эти клики пустились в хоровод, однако они держат уши востро, они кипят злобой против двух сверхдержав.

В Хельсинки и Вене проводятся совещания, произносятся речи, однако словам никто не верит, все подозрительно смотрят друг на друга, ибо знают, что там играют на их спине,

там преобладают взгляды и интересы двух сильных мира сего, которые добиваются „умиротворения“ Европы, причем такого умиротворения, которое отвечало бы их гегемонистским интересам. Здесь они наталкиваются на более или менее нюансированные противодействия.

Даже и боннская Германия, наиболее благоприятствуемая при данной обстановке, видит, что ее гегемонии в Европе угрожают оба великих мира сего. Раньше, когда еще не были налажены дела между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом, она была в выгодном положении, а ныне у нее две ревнивые и лукавые свекрови, которые не дадут строптивой невестке ожиреть, как ей заблагорассудится. Обе свекрови будут пытаться расположить к себе невестку, однако обе они хотят иметь в ее лице и противницу неукротимой Франции.

Франция еще больше осознает опасность, которая ей угрожает со стороны двух великих партнеров, а также со стороны Бонна, ловко использующего ситуации. Французское правительство открыто проявляет свое оппозиционное отношение к советско-американскому союзу, а также к новой хартии Атлантического пакта, которая еще больше усиливает зависимость западных стран Европы от Соединенных Штатов Америки. Уже заметны нынешние тенденции и стремления политики буржуазной Франции использовать недовольство и страх, вызванные этим союзом, для создания внутри союзов оппозиции против американо-советских планов не только в Европе, но и во всем мире.

Капиталистическая Европа, также как и Франция, погрязла в долги у Соединенных Штатов Америки, которые глубоко проникли в ее экономику и держат там вооруженные силы. Капиталистические страны Европы недовольны Соединенными Штатами Америки, однако без них они не могут жить, им не обойтись без американской помощи и армии. Они могут иной раз и говорить против них, но все же просят их: „Умоляем тебя, Америка, не покидай нас, не оставляй нас одинокими лицом к лицу с русским!“. Русского, конечно, они боятся, но особенно они боятся революции, восстаний своих на-

родов. Поэтому и тенденции волнения буржуазной политики Франции остаются в этом заколдованном кругу. Основная цель обоих главных бандитов — „навести порядок“ в Европе и развязать себе руки, чтобы маневрировать за ее пределами, ибо они знают, что отсутствие спокойствия в Европе сказывается и вызывает брожения на других континентах. Европа продолжает играть свою роль в мире.

Азия, Африка, Южная Америка и Средний Восток еще более возмущены и встревожены создавшимся положением. Ясно, что на Среднем Востоке обе империалистические сверхдержавы вершат закон, они определили там свои сферы влияния и договариваются обо всем. Соединенные Штаты Америки поддерживают и вооружают Израиль, превратив его в свое оружие против Египта, Сирии, палестинского народа и против арабских народов вообще. Советский Союз стал для упомянутых стран поставщиком оружия, он никоим образом не разрешает им пустить их в ход без его разрешения и навязывает народам этих стран положение „ни войны, ни мира“, и в то же время укрепляет свои господствующие позиции незваного, ложного союзника. У Соединенных Штатов Америки в этом районе, конечно, не только Израиль; они господствуют и в Ливане, в Иордании, в Саудовской Аравии, в княжествах Персидского Залива и в самом Иране. Здесь их нефтяная империя. Советские сближаются с Ираком, чтобы эксплуатировать его, и, в сговоре с Соединенными Штатами Америки, разжигают противоречия между этой страной и Ираном, чтобы каждый со своей стороны легче мог держать их оба в узде.

На Дальнем Востоке проблемы для них еще более сложны; однако и там оба они стремятся удобно расположиться — один при помощи угроз, другой — при помощи улыбок. Целью их стратегии являются Китай и Япония. Связи Японии с Соединенными Штатами Америки известны. Советский Союз приглашает Японию полакомиться сибирским „тортом“. Наверняка Япония полакомится им. Цель советских — нейтрализовать Японию, чтобы окружить Китай и не дать ей сближаться с ним. Япония всегда имела и имеет в виду эту перспективу, однако у нее имеются и свои оговорки,

ибо, оказавшись между двумя более крупными волками, она опасается быть растерзанной ими. Поэтому Япония направила свой взор и на Китай, так что на него смотрят все трое.

Советский Союз угрожает Китаю, оказывает на него давление, чтобы либо сблизиться с ним, либо толкнуть его к Соединенным Штатам Америки, которые улыбаются ему. И Китай принял на вооружение ошибочную, на наш взгляд, стратегию, если не больше: Фактически он отказался от борьбы на два фронта — и против советских и против Соединенных Штатов Америки и стал проводить другую политику: вражда с советскими и дружба с американцами.

Почему Китай принял на вооружение такую политику? „Чтобы использовать советско-американские противоречия“, — говорит он. Однако каковы эти противоречия и как Китай использует их? Голоса Китая не было слышно в Европе, его и теперь не слышно. На деле Китай и публично упускал из виду Европу. Ныне он начал интересоваться ею, однако Европа сложный, византийский, макиавеллистский континент; ее не легко на „китайщине“ провести. Он не проявляет интереса к Среднему Востоку. Во всех других странах мира вес Китая лишь потенциален, он нереален. Обе сверхдержавы маневрируют везде. Народы хотят избавиться от их клещей, они нуждаются в помощи Китая, в его моральной, политической, экономической и военной помощи, но Китай не в состоянии как следует и в должной мере оказывать им эту помощь, ибо на международной арене он занимает неправильные, ошибочные позиции.

Вместо того чтобы при этой острой кризисной ситуации и в условиях этой сделки между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом Китай добивался их раскола, выступая как против того, так и против другого, вместо того чтобы при этих ситуациях страха перед советскими и американцами и негодования против них он сплачивал вокруг себя недовольных, он провозгласил политику сближения с Соединенными Штатами Америки. Но расчеты Китая совершенно ошибочны. Подобной политикой он не может завоевать доверие народов, таким образом он не умножает противоречия между Сое-

диненными Штатами Америки и Советским Союзом, а способствует и усиливает Соединенные Штаты Америки, этот свирепый и мощный империализм.

Китай проводит подобную ошибочную политику потому, что он опасается возможного советского нападения! Неужели Соединенные Штаты Америки заступятся за него? Предполагать подобное, значит быть дураком или реакционером. Тогда что получается? Нуждаешься в помощи и кредитах? Но ведь советские тоже нуждаются в них. Тогда последуешь по пути советских, ведя в то же время борьбу против них. Это не политика, вдохновляемая марксизмом-ленинизмом. Подобную политику проводили и западные капиталистические государства после второй мировой войны. Они опирались на Соединенные Штаты Америки, которые финансировали и поглотили их. Страх перед Советским Союзом в то время, когда жил и руководил великий Сталин, побудил капиталистические государства мира привязаться к американской колеснице. Теперь эти государства, эти страны ощущают тяжелое бремя и цепи, накинутые на них Соединенными Штатами Америки, и пытаются разорвать их.

Этот же опыт хочет испробовать и Китай, которому как раз подходит изречение нашего народа: „назло моей свекрови пойду и пересплю с мельником“. Значит, Китай, опасаясь советских ревизионистов, добивается схождения с американцами. Должен ли он сделать это? Это не то, что идет вразрез с марксизмом-ленинизмом, это просто роковая ошибка. Китай до конца должен устоять против обеих сверхдержав и сплачивать вокруг себя недовольные народы и нации, которых не мало и которые составляют колоссальную силу. Сила народов, поднявшихся на революцию и борьбу против двух сверхдержав, несокрушима. Именно эти противоречия должен в первую очередь использовать Китай, а не идти на охоту за гипотетическими противоречиями; ему надо идти не по ведущим к политическому рабству следам, а по революционным, правда, трудным, но зато революционным путям.

Далеко ходить не надо, возьмем вопрос о Франции. У голлистской Франции и у Франции Помпиду отношения с Соеди-

ненными Штатами Америки были и остаются натянутыми. Теперь, при нынешних ситуациях, она боится и Соединенных Штатов Америки, и Советского Союза, и Бонна, которому улыбаются оба великих мира сего. Франция чувствует угрозу и пытается сопротивляться этому сильному напору. Очевидно, что она норовит вставлять палки в колеса европейским планам обеих гегемонистских сверхдержав. Она пытается создать вместе с другими европейскими государствами группировку, способную сопротивляться, но вряд ли добьется своего. Франция ищет поддержки и вне Европы. Она направила взор на Китай. Мы знаем, что Цзи Пэн-фэй, который встретился с Помпиду, сказал ему: „Берегитесь Советского Союза, будьте бдительны в отношении его!". Как будто французский капитализм ждал, чтобы Цзи Пэн-фэй наказывал ему быть бдительным в отношении Советского Союза!!

Франция заинтересована в дружбе с Китаем, несомненно, для того, чтобы восстановить его против Советского Союза. В этом ее цели совпадают с целями Соединенных Штатов Америки; в то же время дружба с Китаем ослабляет напор Советского Союза на нее. У Франции имеются разногласия с Соединенными Штатами Америки, но тем не менее ей не хочется полностью разорвать связи с ними, ибо она хочет иметь их в качестве жандарма в противовес тевтонскому реваншизму и на случай советского нападения. Что же касается Китая, то Франция хочет проникнуть туда, она стремится найти рынки, чтобы избавиться от кризиса и экономического давления, которое на нее оказывают и которое еще больше усилится в попытках поставить ее на колени.

Что будет делать Китай? Поживем — увидим! Будут ли улыбки Франции способствовать революции, или же будут способствовать выведению из трудных условий капиталистического государства, которое также добивается гегемонии в Европе? Франция, конечно, принимает в расчет и дружбу Китая с Соединенными Штатами Америки, но она не очень беспокоит ее. Франция учитывает вражду Китая к Советскому Союзу, она устраивает ее. Другими словами, Китай таскает для них каштаны из огня.

Занятые Китаем позиции, проводимый им внешнеполитический курс являются, по-нашему, неправильными, нереволюционными. Он упускает очень благоприятные для революции моменты, моменты острого и тяжелого для американского империализма и советского социал-империализма кризиса.

Народы и марксисты-ленинцы не простят Китаю эти весьма опасные, очень отрицательные и вредоносные позиции.

ДУРРЕС, ПЯТНИЦА
13 ИЮЛЯ 1973 г.

ФОРМАЛЬНАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ

Я принял в Дурресе делегацию китайской армии, находящуюся у нас по случаю 30-летия нашей Народной армии; она отбудет завтра.

Я спросил у главы делегации, как прошла его поездка по Албании, хотя она была короткой и совершилась на самолете, какое впечатление произвели на него наша армия и люди из народа, с которыми он встречался. Он, конечно, ничего не сказал мне, кроме нескольких затасканных формул, которые мы слышали от всех китайцев, с которыми встречались. Трудно беседовать с подобными членами делегаций, ибо у них не встречаешь никакого отклика, не получаешь никакого ответа на то, о чем их спрашиваешь. Все твои мысли, беседа, которую ты стараешься вести, наталкиваются на глухую стену (с виду), ибо не видишь никакого реагирования, не слышишь никакого разумного ответа, кроме приевшихся стереотипных формул.

Подобное испытывал я и при встрече с главой этой китайской делегации. Я начал говорить ему об экономических вопросах, чтобы остановиться затем на других проблемах, касающихся армии и политики. Я заметил, что, когда я говорил, глава делегации смотрел на потолок, картины и стены. Тогда я прибегнул к другой тактике с целью увлечь его беседой: посреди беседы я останавливался и задавал ему вопросы, каково было его мнение, как рассматривал Китай ту или иную проблему. Я несколько раз отмечал, что „мы рады встречать у себя делегации высшего уровня, ибо с ними можем обмениваться мнениями об интересующих обе стороны капитальных проблемах“. Однако Шу Ю упорно молчал.

Тем не менее, я высказал ему свое мнение о многих вопросах, и члены китайской делегации записывали. По крайней мере, те, которые прочитают эти записи, если им захочется, пусть вынесут вывод о том, что направление к нам подобных формальных и безличных (ввиду их молчания) делегаций никуда не годится. Даже и то, что им следовало записывать в книги отзывов в музеях, которые они могли посещать у нас, слово в слово было предусмотрено еще в Пекине. Это уж чересчур!

Когда я закончил свою беседу, глава китайской делегации начал выговаривать формулы. Он сказал, что нынешним летом они проведут партийный съезд и решили не приглашать представителей из братских партий. Я ответил ему, что это ихнее дело, однако мы сожалеем о том, что не будем принимать участия в их партийном съезде, где наверняка будет выступать и Мао. Никакого реагирования. Затем он говорил о „великой победе" вьетнамского народа и т.д. В ходе беседы я сказал ему, что это не такая уж великая победа, раз Тхиеу сидит в Сайгоне и поскольку он силен. Никакого впечатления, никакого реагирования, или, вернее, своим поведением он хотел подчеркнуть: „я приехал выговаривать наши формулы и больше ничего". О Камбодже он не сказал ни слова, но зато о ней говорил я.

Наконец-то он вынул „веский лозунг", который, по их мнению, „оправдывает" активизацию их политики в отношении США, т.е. лозунг о том, что Советский Союз является более опасным, но другие не знают его таким. Я сказал ему, что это не очень состоятельно, ведь ныне в мире все знают, что такое Советский Союз. Своими деяниями он уже изобличен; советские столь же опасны, сколь и американцы. Другими словами, он хотел выдать американцев за менее опасных. Выкинув эти формулы, китаец то и дело посматривал на часы, давая этим понять, что ему хотелось как можно скорее уйти, ибо он опасался затягивания беседы; однако я задержал его и тепло беседовал с ним *„à bâtons rompus"* (через пятое на десятое), пока я наконец не отпустил его, проводив теплыми словами, несмотря на то, что он стоял как мумия.

ДУРРЕС, ВОСКРЕСЕНЬЕ
29 ИЮЛЯ 1973 г.

ПОЧЕМУ КИТАЙЦЫ ОТЛОЖИЛИ СОЗЫВ ПАРТИЙНОГО СЪЕЗДА?

Наш посол сообщает из Пекина, что китайские товарищи, своими приемами, как это принято у них, через переводчиков информируют нас о важных постановлениях, выносимых их руководством.

6-7 дней назад нашему корреспонденту его китайский переводчик сказал, что в „Жэньминь жибао" нет чего-либо важного для перевода, потому что „руководители не устраивают встреч, так как у них масса дел". Иметь массу дел и поэтому не устраивать встреч, это не значит, что жизнь застряла на месте, но, видимо, китаец хотел сказать, что „руководство заседает".

Вчера китайский переводчик снова повторил эту же песнь нашему товарищу. Тогда последний сказал ему: „Конечно, у руководителей масса дел, они ведь готовятся к партийному съезду". Переводчик же ответил: „Нет, съезд не состоится, он перенесен". Значит, как явствует из этого хитроумного сообщения, намеченный съезд скоро не состоится. Трудно узнать, на какое время он перенесен. Причина его перенесения также точно не известна; разве можно принять на веру слова какого-то переводчика, хотя переводчики другого не скажут, кроме того, что им наказывают говорить?!

Раз съезд перенесен, то каковы причины? Вот этот вопрос важен. Не исключаются технические причины, однако мне кажется, что это не то. Если переносится партийный съезд, то, конечно, он переносится по политическим и идеологическим причинам. По всей вероятности, китайские руко-

водители не смогли договориться о крупных политическо-организационных проблемах; а таких, по-нашему, не одна, а много. Политика, которую проводит Коммунистическая партия Китая по многим крупным проблемам, по-нашему, висит в воздухе и качается туда-сюда, подобно маятнику часов. Поживем — увидим.

Внутренних проблем, конечно, много, но мы ничего другого не знаем, кроме тех, которые оставила на разрешение **Культурная революция, и особенно „дело Линь-Бяо“. Эта проблема, как я уже выражался во многих своих прежних записях, — сложная и таинственная, а между тем с ней связаны многие партийные вопросы: проблема реорганизации партии и массовых организаций, развитие правильным путем экономики, которую, по словам китайцев, саботировал Линь Бяо, а также вопрос о кадрах.**

Вопрос о кадрах, по-видимому, является сложной проблемой, потому что в этом отношении влияют и их идеологические взгляды, а также потому, что в этом ералаше суетятся марксисты-ленинцы, сторонники Лю Шао-ци, единомышленники Линь Бяо и, наконец, сторонники линии Чжоу Энь-лая и т.д. Все они выдают себя за приверженцев линии Мао Цзэдуна; одни из них „исправлены“, другие „реабилитированы“, а третьи „воспитываются“. Ну вот и разберись, что тут происходит, причем в такое время, когда партия „реорганизовывалась“ .

А кто же реорганизовывал партию? На основе каких принципов и критериев проводилась эта реорганизация? А те, кто реорганизовывал ее, стояли ли на высоте этой великой задачи и проявляли ли они в этом деле принципиальную, марксистско-ленинскую строгость? Все эти внутренние проблемы теперь никак не могут не сталкиваться с работой по подготовке партийного съезда. Эти проблемы должны найти правильное решение, если только не решено, чтобы каждый съезд вызывал подобную бестолковщину и подобные брожения. Впрочем, может быть, что китайское руководство приняло именно такое решение, ведь Мао в письме к Цзян Цину, говоря о группе Лю Шао-ци, сообщал ей, что уберут их,

затем других, а позже третьих и так подряд. Это, конечно, зависит от того, как понимают чистку там, в Китае, и как производится чистка, кто убирается, а кто остается и, с завершением этого процесса, кто из „подвергнутых чистке“ вновь принимается в партию.

Для нас многие проблемы внешней политики Китая остаются темными, и они, конечно, должны быть подвергнуты анализу и определены в докладе их партийному съезду. Однако, может быть и так, что, настоящие проблемы, которые для нас остаются темными, и отношение китайских товарищей к которым мы считаем неправильным, для китайских товарищей полностью решены, причем „решены правильно“. По-нашему, китайско-американские отношения начались с неправильного пути и продолжают развиваться также по неправильному пути. Как у них дела с американцами? Вот уже целых два года ничего не слышно. Киссинджер, этот таинственный человек, приезжает и уезжает из Китая, встречается с Чжоу Энь-лаем, беседует с ним с глазу на глаз. Туда съездил Никсон, туда приезжают и уезжают многочисленные делегации американских сенаторов, банкиров, ученых, туристов, футболистов, артистов и всякого рода шпионов. Чем занимаются все они?! Что они говорят?! Что получается из этого торгашества?! Ничего не слышно! Обо всем знают только Чжоу Энь-лай и его ближние; и Никсон, конечно. Мир знает только то, что они приезжают в Китай, в их честь устраивают банкеты, и они уезжают. Большая, гнусная, подозрительная, предосудительная таинственность со стороны китайцев. Все вправе спрашивать: „Что устраивается за спиной у человечества?“. Встречаясь друг с другом, Брежнев и Никсон наверняка принимают и тайные решения, но, по крайней мере некоторые из них, они публикуют. Китайцы же ничего не публикуют. Что принесла китайцам вся эта таинственная политика? Публично хорошего ничего, а ущерб — большой. Мир задумывается: что это за Китай?! Что он делает?! Какой линии он придерживается, каковы его цели?!

Разъяснят ли китайские товарищи своему партийному съезду эту линию и эти результаты? Быть может, мы напра-

сно ломаем голову, ведь китайцам очень легко „решить“ этот вопрос: или представить съезду все в розовом свете, или ничего не говорить ему. Подобное решение может казаться странным, однако для китайских товарищей ничего странного не бывает, ведь они как своему съезду, так и миру могут говорить: „Нет надобности заявлять о чем-нибудь сегодня, завтра вы чего только не увидите. Верьте нам, ведь мы никогда не ошибаемся, никогда не сбиваемся с пути, дайте нам спокойно орудовать втайне, ибо из темноты выйдет что-то столь яркое, что ослепит весь мир“!

Накануне съезда китайцы примут Киссинджера, который заявлял, что будет обсуждать с китайцами многие вопросы (конечно, таинственные), в том числе и вопрос о Камбодже. В то время как американец Киссинджер выступает с подобным заявлением, Сианук взял и поехал в Корею, наверняка в знак протеста. И он очень хорошо поступил. С одной стороны, Камбоджа подвергается бомбардировке со стороны американцев, а с другой Китай ведет тайные переговоры с Соединенными Штатами Америки! Как они объяснят это съезду? Как они объяснят съезду „большой мир во Вьетнаме“, когда, с другой стороны, утверждают, что Ле Зуан — ревизионист, верный союзник Советского Союза и ныне тайный, а завтра явный союзник американцев и вообще западных стран, которые предоставят ему кредиты?

Доложат ли они обо всем этом съезду?! Эти и многие другие, подобные им проблемы не стали ли помехой, причиной перенесения съезда? Может, да, может и нет! Подождем, посмотрим!

Бехар Штюла назначен послом в Китае. Теперь он готовится. Будет запрошен агреман и, в случае, если китайцы перенесут съезд, он может выехать немедленно.

ДУРРЕС, СРЕДА
1 АВГУСТА 1973 г.

КИТАЙЦЫ ОХЛАДИЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ С НАМИ. ПОСТАРАЕМСЯ РАЗБИТЬ ЛЕД

Я высказал Мехмету мысль о том, что настало время направить в Китай с дружеским визитом, быть может, в марте или апреле будущего года (это мы посмотрим и решим) делегацию во главе с ним. В Китае произошло столько событий, „была завершена Культурная революция“, „был ликвидирован Линь Бяо“, своей политикой Китай распахнул двери Соединенным Штатам Америки. С того времени китайцы охладили политические контакты с нами. Они ничего не делают, ни малейшей попытки не предпринимают для обмена с нами мнениями о многочисленных и важных международных проблемах, хотя мы с нашей стороны, начиная с меня и вплоть до других кадровых работников, высказывали им свои мнения. Китайцы же умалчивают, причем их печать дошла до того, что не только никогда не откликается на какую-либо из наших статей, но не информирует даже об успехах нашей страны. Они имеют у нас своих представителей телеграфного агентства, которые передают только краткие сообщения хроникального характера.

Это, конечно, говорит об их предрасположенности продолжать свою политику; они остались недовольными и наверняка им не понравилось мнение, которое мы высказали им относительно поездки Никсона в Китай. Но что получилось, наконец, из этой встречи с американцами? Мы ничего не видим, да и они сами ничего не говорят. Все они держат под спудом. Наша критика носила внутренний характер. В этом деле стало ясно и очевидно, что мы ничего не изменили в своем отно-

шении к Соединенным Штатам Америки, мы продолжали и будем продолжать борьбу против них, а китайцы смягчили ее. Быть может, им хотелось, чтобы мы последовали их примеру, однако мы так не поступали, да и поступать не будем, мы на правильном пути. Тем не менее, несмотря на существующие между нами противоречия по этим проблемам, мы должны стараться разбить лед, образовавшийся не по нашей вине. Это в интересах нашей страны, в интересах Китая и революции.

Более того, мы нуждаемся в контактах с ними, ибо, встречаясь с главными китайскими товарищами, мы можем узнавать реальную действительность о внутреннем положении в Китае, реальную действительность о положении партии, о политике, об экономике; нам нужно еще лучше выяснить политику Китая в отношении Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и т.д. Нам надо также узнать, что думают китайцы о развитии обстановки и событий в будущем в мировом коммунистическом и рабочем движении.

Наша делегация поедет, конечно, после завершения работы съезда Коммунистической партии Китая и созыва ВСНП. До этого времени произойдет много событий, будут решены многие вопросы, так что наши контакты с ними могут быть более плодотворными.

Пользуясь случаем, наша делегация поедет также в Корею, Вьетнам и Пакистан. Таким образом, мы установим контакты с друзьями. Это нам полезно как во внутреннем плане, так и во внешнем. Мехмет был вполне согласен.

ДУРРЕС, ВТОРНИК
21 АВГУСТА 1973 г.

ТАКТИКА МНОГИХ ЛИНИЙ В КИТАЕ — ПРАКТИКА, ВОЗВЕДЕННАЯ В ПРИНЦИП

На международной арене голоса Китая по-прежнему не слышно. Для каждого государства имеются периоды затишья, однако затишье китайцев в области международной политики продолжается слишком долго в такое время, когда другие великие мировые державы продолжают свои козни и интриги. Советские ревизионисты и их сателлиты каждодневно нападают на Китай, обвиняя его в сотрудничестве с американским империализмом, в антимарксизме и расколе так называемого лагеря социализма. Китай не отвечает на эти нападения. Антикитайская пропаганда советских ревизионистов принимает, и, по всей вероятности, примет еще более конкретные формы. На конференции „неприсоединившихся" в Алжире советские готовятся действовать через Фиделя Кастро, которому они выдают, по меньшей мере, полтора миллиона долларов в день. Последние месяцы бородатый Кастро совершал, правда, не по имени, нападки против Китая и Албании. По его мнению, Советский Союз — подлинно социалистическая страна, входящая в „третий мир". Этот трубадур советских изложит эти положения и в Алжире.

„Советские — участники третьего мира"!!! Почему бы нет! Чжоу Энь-лай также выдвигал подобное положение относительно Китая. Ну что же, давайте, кто первым войдет в этот „третий мир"! А во „второй мир" кому остается войти? В первый кто входит? Они могут создать и четвертый, и пятый миры, чтобы никто не мог разобраться что к чему! Их цель — как бы лучше замаскироваться.

Перед лицом этой усиленной политической антикитайской деятельности Китай молчит. Какой-то китайский посол говорит нашему послу: „Мы тоже готовим политическое наступление на советских относительно вопроса о китайско-советских границах“. Верно ли это? Во всяком случае, это достойно сожаления.

Никсон и Соединенные Штаты Америки погрязли в гнусный скандал, в тяжелый кризис. Советские помогают Никсону выбраться из этой трясины. **А китайцы, что они делают? Молчат! Китайские газеты ничего не пишут о том, что происходит в Соединенных Штатах Америки. В Китае ходят осторожно, соблюдая типично китайскую „деликатность“, чтобы не разбить яйца наседок Чжоу-Киссинджер-Никсон.** Китайские газеты пропагандируют приезды-отъезды, обеды и ужины, которые устраиваются в честь американских делегаций в Китае.

Киссинджер сообщал, что 15 августа отбудет в Китай „наладить“ камбоджийский вопрос, однако он не поехал туда, ибо Сианук „удрал“, отправился в Корею во избежание переговоров с ним об этой проблеме. Планы расстроились.

Китайцы официально сообщали нам, что в августе или в начале сентября проведут свой партийный съезд и созовут ВСНП. Может быть, и проведут! Однако, никаких признаков не видно, август миновал, наступает осень. Говорят — впрочем это слова дипломатов, — что состоялся пленум ЦК Коммунистической партии Китая, но договоренности о созыве съезда не было достигнуто: „Цзян Цин и Яо Вень-юань стоят в оппозиции к Чжоу Энь-лаю. Съезд перенесен“. Посол Китая в Париже сказал нашему послу, что 11 сентября Помпиду отбудет в Пекин. Если это так, то навряд ли съезд будет созван до праздника 1 октября.

АФП вчера вечером сообщало, что на днях Чжоу Энь-лай встретился с голландскими парламентариями, оно давало понять, что он „поставил на одну доску Советский Союз и Соединенные Штаты Америки относительно их опасности“. Кому верить? Будем исходить из нашего желания, чтобы это было именно так, однако, если в этих словах имеется хоть доля правды, тогда, видимо, что-то произошло на таинственных за-

седаниях Центрального Комитета Коммунистической партии Китая! Одна линия, по всей видимости, временно одержала верх над другой! Тактика двух или многих линий, как видно, является в Коммунистической партии Китая обычной практикой, возведенной в принцип. Эти различные линии, несомненно, имеют и своих руководителей, и своих последователей, которые защищаются флагом Мао Цзэдуна. **Мао Цзэдун „высказывается вполголоса“ об одной из них и предоставляет „времени подтвердить“ ее правоту. Если же время не подтвердит ее, то он обращается к другой линии, также „предоставляя времени подтвердить ее правоту“. И так подряд! При каждом повороте Мао выговаривает „фразу“, „цитату“, и на них вертится китайский мир, поразмысливают люди и пускаются в путь: одни к власти, другие — на время к „школе перевоспитания“. Только Линь Бяо „покончил самоубийством“, так как оказался заговорщиком. Третьи реабилитируются, затем становятся у руля правления партии и государства и снова уступают место другим.**

Правильны ли эти выводы? Из имеющихся у нас фактов трудно вынести другие выводы.

Китайские товарищи упорно молчат: ничего не пишут, ничего не говорят. Мы не видим ни анализа проблем и ситуаций, ни заметных политических акций, из которых могли бы делать иные выводы. Все факты и данные, которые мы тщательно собираем и анализируем с большой доброжелательностью и объективностью, не позволяют прийти к другим, более ясным путям. Предоставим времени подтвердить их правильность, как это поступает Мао Цзэдун.

ДУРРЕС, ЧЕТВЕРГ
23 АВГУСТА 1973 г.

КИТАЙ НЕ ДОЛЖЕН УПУСКАТЬ ИЗ ВИДУ ЕВРОПУ

Мы всегда стояли за то — и эту мысль мы высказывали и Ли Сянь-няню, — что Китаю следует выступать на международной арене с активной политикой, чтобы укрепить в мире свои революционные позиции, поощрять мировой пролетариат в его борьбе против капитала, помогать прогрессивным народам, борющимся за завоевание и защиту свободы, независимости и суверенитета, за свое избавление от когтей американского империализма и советского социал-империализма. Против этих двух сверхдержав, говорили мы Ли Сянь-няню, надо вести беспощадную борьбу, не идя ни на какие уступки в принципах. Мы должны углублять противоречия между этими двумя сверхдержавами, не держа сторону ни одной из них. Подвергая анализу ситуации, надо всегда связывать их со складывающимися в мире конъюнктурами, а применяемая нами тактика не должна идти вразрез с нашей стратегией, противоречить ей. Наш великий лозунг „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ не должен оставаться мертвой фразой.

Ли Сянь-няню мы давали понять также, что Китай упускает из виду Европу, а Европа имеет большое значение. В Европе сталкиваются большие интересы империалистов и социал-империалистов, у которых там свое главное логово; она служит им исходным пунктом в борьбе за колонизацию мира, за угнетение народов, здесь они развивают свои теории и районизируют их по всему миру. Этим, сказали мы Ли Сянь-няню, мы не хотим сказать, что надо забывать о той интенсивной борьбе, которую нам следует вести

во всех концах мира. Китай везде должен играть решающую для судеб революции роль — в Азии, Африке и Латинской Америке, однако Европу он никоим образом не должен упускать из виду.

Теперь Китай начал интересоваться Европой, однако он не всегда проводит правильную тактику. Это я отмечал и в прежних записях, так что незачем повторять его здесь. Поездка Помпиду в сентябре в Китай свидетельствует о том, что китайцы стали применять хорошую тактику. И Франция стремится извлечь пользу, однако Китай также выигрывает при правильном использовании этих конъюнктур.

Почему Помпиду едет в Пекин? По-моему, между Францией и Соединенными Штатами Америки существуют серьезные противоречия, унаследованные еще со времени де Голля. Они будто смягчились с приходом к власти Помпиду, но снова обострились, ибо Соединенные Штаты Америки пытаются поставить Францию на колени в экономическом, политическом и военном отношении. Главным партнером Соединенных Штатов Америки является Германская Федеративная Республика. Бонн становится опасным и для Франции, он не только ставит под угрозу ее авторитет и ее экономику, но и угрожает ей в военном отношении. Итак, к соперникам Франции, помимо Соединенных Штатов Америки, прибавляется еще и постоянный соперник — германский реваншистский империализм, тогда как Советский Союз стал для нее третьей большой угрозой.

Франция видит, что обе сверхдержавы сговариваются особенно в ущерб ей, тогда как Бонн стоит между ними и завоевывает почву. Значит, Соединенные Штаты Америки, Германская Федеративная Республика и Советский Союз становятся угрозой для Франции. Франция, со своей стороны, старается избавиться от этой угрозы и расколоть этот мощный блок, так что теперь она выбрала Китай в качестве опоры. Вот почему Помпиду едет в Пекин. Помпиду, конечно, изложит там те вопросы, на которые взгляды Франции и Китая совпадают, а такими могут быть: противодействие двустороннему сотрудничеству обеих сверхдержав, пытающихся решать международные проблемы и разделить сферы влияния в ми-

ре; противодействие сделкам обеих сверхдержав о так называемом сокращении вооружений, имеющем своей целью монополизацию и балансирование вооружения обеих сверхдержав и разоружение других стран; противодействие вмешательству двух сверхдержав во внутренние дела других стран, их экспансии в морях и океанах, и т.д.

Китай наверняка согласится с ним по этим вопросам, однако посмотрим, как он будет маневрировать, чтобы извлечь больше выгод для себя, ибо он видит только „одним глазом“, на Советский Союз он смотрит сквозь большие бинокли, а на Соединенные Штаты Америки и Бонн — сквозь маленькие. Между тем при этом ему не следует упускать из виду ни пролетариата, ни революции и ни народов Европы, борющихся против капитала.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
2 СЕНТЯБРЯ 1973 г.

ПОЗДРАВИТЕЛЬНАЯ ТЕЛЕГРАММА ПО СЛУЧАЮ X СЪЕЗДА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ

Китайские товарищи через печать и радио сообщили, что они провели X съезд своей партии. С политическим докладом выступил Чжоу Энь-лай. Был сделан также другой доклад — о новом уставе партии, и был принят и устав.

Сегодня, от имени Центрального Комитета АПТ и от себя лично я направил Центральному Комитету Коммунистической партии Китая и Мао Цзэдуну поздравительную телеграмму по случаю X съезда.

СУББОТА
8 СЕНТЯБРЯ 1973 г.

ДЕСЯТЫЙ СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ

С 24 по 28 августа 1973 года проводил свою работу X съезд Коммунистической партии Китая.

Были сделаны два главных доклада: один, самый главный, был зачитан Чжоу Энь-лаем, а второй — об уставе партии — был зачитан Ван Хун-вэнем. Съезд проводил свою работу при совершенно закрытых дверях и при глубокой, как сказать, „образцовой" тайне. Китайские товарищи оправдывают эту таинственность тем, что в противном случае съезд могли саботировать советские ревизионисты(!) Ну ладно, это их дело, но ведь таинственность продолжалась и после завершения работы съезда. Это было как раз в то время, когда наш посол в Пекине, Джорджи Робо, кандидат в члены ЦК АПТ, совершал прощальные визиты, так как уходил с этого поста. Хотя он и спрашивал их, китайские товарищи так и не сказали ему, что съезд был созван и о нем будет сообщено. Тем не менее, и это неважно.

Десятый съезд одобрил генеральную линию и деятельность Культурной революции, как и линию IX съезда. Культурную революцию теперь они определили более правильно, как революцию политическо-идеологического характера. Мы такое определение дали этой революции в то время, когда в Китае давались неясные, а иной раз и неправильные определения.

Съезд дает понять, что в ходе Культурной революции были допущены ошибки. Подобные ошибки мы видели, обсуждали их между нами, критиковали их в узком кругу нашего руководства и по праву удивлялись тому, каким это образом допускались подобные ошибки антимарксистско-

го характера. Думаю, что, насколько это нам позволяли сообщения печати, ибо китайцы не информировали нас, так как эти проблемы они считали внутренними проблемами, мы в сущности не ошибались в оценке дел. Мы, конечно, еще не можем как следует судить об этих проблемах, поскольку до сих пор сами китайцы не подвергали какому-либо глубокому анализу Культурную революцию, а также идеи, течения и тенденции, которые появлялись и противопоставлялись друг другу до такой степени, что вызывали даже вооруженные столкновения в ходе этой революции. Китайцы для себя, быть может, сделали подобный анализ, однако публичного анализа нет, так что кроме приговоров по делам групп Лю Шао-ци, а также Линь-Бяо и Чэнь Бо-да, как и причин их вынесения, мы ничего другого не знаем.

Девятый съезд одобряется огулом, при этом указывается на тот факт, что Линь Бяо в работу этого съезда не внес какого-либо вклада, „если не считать невольное чтение“ им отчетного доклада, ибо этот доклад был написан другими товарищами под руководством Мао, тогда как доклад, подготовленный Линь Бяо и Чэнь Бо-да, был отвергнут.(!)

Десятый съезд осуждает „преступную, антипартийную“ и др. деятельность Линь Бяо и его группы, участники которой квалифицируются как агенты советских ревизионистов, как заговорщики, замышлявшие убийство Мао. Эта группа и ее враждебная деятельность „были ликвидированы полностью, успешно и везде. Эта группа много саботировала“. Съезд „полностью и единодушно одобрил правильную, марксистско-ленинскую линию председателя Мао“ и отметил: „Надо продолжать борьбу за разоблачение предательского нутра Линь Бяо“ и „извлечь уроки из отрицательного примера“.

О внешней политике и о задачах Коммунистической партии Китая X съезд, на наш взгляд, говорит ясно, он правильно определяет большую опасность обеих империалистических сверхдержав — Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, „борьбу против обеих“, „желающих ужалить Китай и господствовать над миром и над народами“; отмечает необходимость борьбы „за укрепление и в защиту пролетарского

интернационализма, за упрочение единства с пролетариатом, с народами, с угнетенными нациями“ и т.д. В противовес некоторым прежним явлениям, X съезд правильно отмечает, что „мы должны объединиться со всеми настоящими марксистско-ленинскими партиями и организациями во всем мире и довести до конца борьбу против современного ревизионизма“.

Наша партия стояла на стороне Коммунистической партии Китая и выступала в ее защиту как в хорошие дни, так и в бурях. Однако наша партия выступала с критическими замечаниями, также марксистско-ленинским путем, всякий раз, когда она находила, что те или иные вопросы трактуются неправильно. Эту критику и эти замечания она всегда делала своевременно и в пределах сложившихся норм.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
30 СЕНТЯБРЯ 1973 г.

НА ПРИЕМЕ, УСТРОЕННОМ КИТАЙСКИМ ПОСЛОМ В ТИРАНЕ

На приеме, устроенном вчера в китайском посольстве, посол, после того как я тепло поздравил его со съездом и с переизбранием его кандидатом в члены Центрального Комитета, проинформировал нас о подготовке и о работе съезда, а также об энтузиазме, вызванном в Китае этим событием. Все сказанное им нам было известно, ибо все уже было передано китайской печатью и радио. Посол перифразировал нам доклад Чжоу Энь-лая.

На мои вопросы относительно визита Помпиду он не сказал чего-либо конкретного, но зато он полностью одобрил изложенные мною наши взгляды на нынешнюю политику Франции.

Я спросил его о будущности Камбоджи. Китайский посол проявил некоторую сдержанность, он сказал, что камбоджийцам надо еще бороться, им надо закалиться, укрепиться, освободить многие другие центры, прежде чем взять Пномпень; что у Лон Нола армия, намного превосходящая армию фронта; что другие войска проникают через Тайланд и что Соединенные Штаты Америки продолжают помогать Лон Нолу и т.п.

Отвечая на мой вопрос, он сказал: „южновьетнамцы разрешают нам отправить в Камбоджу через их территорию оружие, которое мы (китайцы) предоставляем камбоджийцам“.

1974

ВТОРНИК
2 АПРЕЛЯ 1974 г.

ПОЧЕМУ КИТАЙЦЫ НЕ ХОТЯТ, ЧТОБЫ МЫ СТРОИЛИ ФИЕРЗСКУЮ ГИДРОСТАНЦИЮ?!

Почему китайское руководство ошибочно и, пожалуй, враждебно подходит к существенному для нас вопросу о Фиерзской гидростанции? Китайские специалисты, так, как они ставят проблему, открыто говорят нам, что надо отказаться от сооружения этой гидростанции. А почему? Неужели дело упирается в „отсутствии геологических исследований“?! Это неверно! Эти исследования уже проведены и ими же найдены исчерпывающими; о них мы подписали совместный документ. Что же тогда?!!

Является ли это враждебной работой некоторых китайских специалистов, превратно доложивших об этом вопросе своему руководству, которое дало им ответ: „Вы правы, мы должны предотвратить возможную катастрофу“? Подобное положение вполне возможно, ибо та же заместитель китайского министра энергетики когда-то отстаивала положение о том, что „Гидростанция на Вау-и-Деес была бы катастрофой“. Мы возразили ей, гидростанция была сооружена. Чжоу Эньлай заявил, что китайские специалисты допустили ошибку, а албанские специалисты были правы. Гидростанция на Вау-и-Деес живет и здравствует.

Будем надеяться, что и с Фиерзской гидростанцией будет то же самое. Посмотрим, как будет встречено изложение, которое Рахман Ханку[1] сделает китайскому министру энер-

---

1 Министр строительства.

гетики. Если и при этом они будут настаивать на своем ошибочном мнении, то мы будем стучать выше, пока не осуществится наше правое дело.

Рахман Ханку сообщает из Пекина, что руководство китайских специалистов, занимающихся вопросами, связанными с Фиерзской гидростанцией, известило Петрита Радовицку[1] о том, что „китайские специалисты не отступают от своих позиций“ . Другими словами это означает не построить гидростанцию. **Радовицка ответил им, что наши специалисты также не отступают, ибо мы правы.** Рахман попросит встречи с соответствующим китайским министром и изложит ему дело, согласно полученным указаниям.

---

1 Руководитель группы, проектирующей Фиерзскую ГЭС.

СРЕДА
10 АПРЕЛЯ 1974 г.

„БУРЯ“ ОТНОСИТЕЛЬНО ФИЕРЗСКОЙ ГЭС КОНЧИЛАСЬ С ПОЗОРОМ ДЛЯ КИТАЙЦЕВ

„Буря“, которую китайские товарищи подняли относительно Фиерзской гидростанции, кончилась „в стакане воды“. Все дело заключалось в том, чтобы создать такое положение, при котором они могли сказать нам: „Возьмите на себя ответственность за проектирование гидростанции, а мы поможем вам всем необходимым, как и раньше“. Китайцы боялись ответственности. Мы ответили им, что мы согласны, берем на себя ответственность, и все пошло своим чередом. Однако, полагаю, китайские специалисты подговорены (не знаем, каким образом) и югославами, которые относительно Фиерзской гидростанции поднимали перед нашими людьми те же вопросы, одинаковые как по форме, так и по содержанию. Титовцы, конечно, были очень заинтересованы в приостановлении работ на гидростанции, ибо это вызвало бы политические затруднения между Китаем и нами, и в то же время навредило бы нам экономически. Но все было налажено. Китайцы покрыли себя позором, признавшись в том, что они боятся ответственности, что было зафиксировано и в подписанном ими официальном документе. Ну и люди!!

ПЯТНИЦА
24 МАЯ 1974 г.

ДЭН СЯОПИНУ УСТРАИВАЮТ ШИРОКУЮ РЕКЛАМУ

Зарубежные телеграфные агентства все говорят об „уходе“ Чжоу Энь-лая с управления государством и замещении его Дэн Сяо-пином. В этих случаях они особо отмечают, что он якобы „потерпел неудачу из-за своей проамериканской политики“, „из-за своего либерализма и оппортунизма в политической линии“ и т.д. Буржуазно-капиталистические телеграфные агентства сообщают также, что на стенах некоторых заводов вывешены дацзыбао, в которых Чжоу Энь-лая называют „лизоблюдом иностранцев“ и т.д. Враги социалистического Китая, конечно, всегда спекулировали относительно подобных вопросов.

Что же на деле происходит? Это факт, что, насколько мы знаем и судя по тому, что нам говорили китайские товарищи, Чжоу переутомлен выполненной им огромной работой, особенно при его преклонном возрасте. Факт также и то, что он так монополизировал работу в сношениях с внешним миром, что не давал иностранцам уехать из Китая, не встретившись и не побеседовав с ним; он встречал и провожал их на аэродроме и даже устраивал ужины и обеды для всех гостей, начиная с глав государств и вплоть до американских сенаторов, ученых, журналистов и пингпонгистов, одним словом, „для борова и свиноматки“. Это не только переходило меру дозволенного, но и вредило престижу Китая. Поэтому, говорили нам Ли Сянь-нянь, Дэн Сяо-пин и другие, принято решение о том, чтобы Чжоу отдыхал и отказался от всех протокольных дел. **Они уже проводят в жизнь это решение, и на деле Дэн Сяо-пин замещает его в этих делах.**

В беседе с Бехаром относительно переутомления Чжоу, Ли Сянь-нянь уронил даже такую фразу: **„Когда кадры стареют, они ошибаются и идеологически“!** Бехар подправил его, отметив, что „когда они стареют, они слабеют физически, но не идеологически“. Ли Сянь-нянь сразу же исправил высказанную мысль и согласился с Бехаром. Что он этим хотел сказать?

Факты свидетельствуют о том, что Дэн Сяо-пин более открыто выступает против Соединенных Штатов Америки как в ООН, так и при других случаях. Как сообщают телеграфные агентства, китайцы закрыли клуб, открытый американцами в Пекине для детей дипломатов; они потребовали также, чтобы матросы, охраняющие американскую миссию, были заменены штатскими. По всей видимости, это допускалось раньше, во время „медового месяца“ с Соединенными Штатами Америки. Ныне же, после „опыта“, должно быть, отмечаются „разочарования“ этой линией, и она стала более жесткой в отношении американцев. Это нам нравится. Может быть, это означает новый поворот, который они осуществляют с помощью вновь пришедших к власти, одним из которых является Дэн Сяо-пин. Однако, насколько мы можем судить теперь, Чжоу не „забракован“, как это утверждают западные агентства. На деле, он переутомлен, и тем не менее руководит, но новыми формами и методами. Быть может, они назначат его и председателем президиума, в случае созыва Собрания.

Факт то, что Дэн Сяо-пину устраивают широкую рекламу, ему готовят кресло. Вчера китайский посол Лю официально вручил в нашем Министерстве иностранных дел большую стопку „фотографий-реклам“, поступивших из Пекина; они показывают, что „торжествует“ Дэн, которого встречают с большой помпой и провожают в ООН; он снят во время приема государственных деятелей и т.д. А ведь подобного они не делали для Чжоу и даже и для Мао. Китайский посол у нас, с кем бы ни встречался, не перестает говорить о Дэне и славославлять его. Все это делается неспроста, а по директиве; впрочем это еще лучше уяснится в будущем.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
26 МАЯ 1974 г.

КИТАЙЦЫ СНОВА ОТЛОЖИЛИ ВИЗИТ НАШЕЙ ПАРТИЙНО-ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

Как передал нам Бехар, китайцы, через Ли Сянь-няня, сообщили нам, что нашу партийно-правительственную делегацию во главе с товарищем Мехметом не могут принимать во вторую половину текущего года и отложили ее визит на первую половину 1975 года. Мы, конечно, согласны, однако, будь мы на их месте, подобного не сделали бы. Желание направить в Китай эту делегацию мы изъявили почти год назад, и они перенесли срок ее поездки на этот год. Мы попросили китайцев принять делегацию в первое полугодие 1974 года, но они согласились принять ее во второе полугодие 1974 года по той причине, что их календарь встреч был перегружен. Это могло быть именно так и можно было считать чем-то нормальным, между тем как нынешнее, второе, перенесение не нормально. Каковы причины? Оснований уже нет. Пойми их как хочешь! Сделай тысячу предположений!

Вот, что в сущности сказал Ли Сянь-нянь: „Поймите нас, вашу просьбу мы особо обсуждали, серьезно изучали ее; учитывая внутреннюю и международную обстановку, мы будем более подготовленными принять вашу делегацию в будущем году. Лучше удовлетворим вас в будущем году. Ныне мы заняты кампанией против Линь Бяо и Конфуция“ и т.д.

Это странные „причины“. Да разве они причины?! Если у них имеется что-либо другое, будь это связано с внутренней или с международной обстановкой, то они могли бы сказать нам об этом. Мы можем делать всякие предположения; но подождем и посмотрим, это лучше всего.

Неужели они визит нашей делегации переносят в силу имеющихся у них противоречий с нами?! Противоречия у нас есть и будут и в будущем году; однако это были внутренние противоречия, и они не должны мешать поездке наших делегаций. Существующие между нами противоречия не преданы гласности, но тем не менее публика свои выводы вынесла, например, из нашей позиции в отношении американского империализма. Однако жизнь показывает, что китайцы разочаровались своей политикой открытых дверей в отношении Соединенных Штатов Америки. После такой перемены китайской позиции по отношению к ним, американцы должны были идти по пути ослабления связей с Тайванем, но они, наоборот, послали туда нового посла, причем бывшего помощника секретаря госдепартамента. Поэтому в случае анализа наших противоречий с ними, китайцы должны прийти (если только они не захотят) к выводу, что мы правы, как раньше, так и теперь. Поэтому, полагаю, не исключено, что поездку нашей делегации в Китай китайские товарищи откладывают во избежание очной ставки с нами, ибо им пришлось бы выступить с самокритикой перед нами.

Мы спорили с ними и о технических вопросах, связанных с выполнением объектов по кредиту, но спорные вопросы были разрешены путем товарищеских дискуссий. При кампаниях против врагов партии и государства Китая мы поддерживали их. Это они открыто признают и сами. Поэтому в этом отношении ничем нельзя объяснить подобное поведение китайских товарищей.

Тогда, быть может, нам надо полагать, что имеются внутренние причины? Что это могут быть за причины? Предположения: „Чжоу Энь-лай переутомлен“, „Чжоу Энь-лай болен“. Он отступил. Но насколько он отступил и в чем именно?! Имеется ли относительно его какая-нибудь политическая проблема? Будет ли он и дальше премьер-министром или же будет замещен Дэн Сяо-пином, которому устраивают помпу? Кем станет Чжоу? Он может стать и президентом республики. Но в таком случае должно быть созвано Собрание Народных Представителей. Может быть, это и есть действительная

причина. Посмотрим. Могли ли они говорить нам об этом? Так и надо было сделать, однако они вот уже два-три года, как говорят нам, что ВСНП будет созвано „не в этом, так в будущем году“, но оно еще не созвано. Быть может, им не хочется говорить нам об этом, понимая неловкость своего положения в этом вопросе. Откуда им знать, что у них получится? Ведь так это было всегда у них. **Воды в их руководстве не чистые. Наблюдается неразбериха в связи с людьми, которые встречают и провожают гостей. На церемониях встреч и проводов очень часто видишь руководителей, которым не следует быть там, и не видишь тех, которые должны быть.**

ПЯТНИЦА
13 ДЕКАБРЯ 1974 г.

КИТАЙ НЕ ПРОВОДИТ ПОЛИТИКУ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ МЕЖДУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМИ СТРАНАМИ

К нам прибыла делегация китайских экономистов, присланная китайским правительством для изучения совместно с нашими людьми предъявленных нами запросов в связи с предстоящим пятилетним планом.

Сегодня мне доложили о речи, произнесенной главой китайской делегации, после того как наши подробно изложили ей запросы об объектах. **А. Кэлэзи как-то показался мне оптимистом, а я не оптимист, и скажу почему. Об этом я говорил и Мехмету, и Хюсни, и товарищам секретарям Центрального Комитета, с тем чтобы они наказали нашим товарищам, занимающимся этой работой, быть настороже и по-товарищески обсуждать дела с китайцами, но как следует отстаивать наши взгляды.**

Что из сказанного китайцем звучит нехорошо для нас? Если не считать обычные формулы о дружбе, начало его изложения было таково: „Китай — великая страна, он насчитывает свыше 800 миллионов человек; у него большие потребности, он — развивающаяся страна. Китай оказывает помощь 80 государствам, у него много международных обязательств. Самую большую помощь он оказывал и оказывает Корее, Вьетнаму и Албании. Албании он помогал больше чем этим двум другим дружественным странам, не говоря уже о других". Таковой была ясная постановка проблемы.

Далее он сказал: **„Из нынешнего плана у вас есть около 20 объектов, строительство которых вы уже начали или еще**

не начали, и которые вы, естественно, должны включить в будущий план“. Это второе замечание. Он знает, что строительство этих 20 объектов еще не начато потому, что китайцы не смогли предоставить нам того, что нужно было для начала и продолжения работ в них.

Китайский представитель сказал далее: „Вы должны представить нам полные данные, с тем чтобы мы могли судить о том, где и на чем основаны ваши запросы“, и тут он обратился к взглядам Чжоу Энь-лая: рабочая сила, деревня, строительная мощность и т.д. и т.п. подробности.

После того, как мне зачитали речь китайца, А. Кэлэзи сказал мне: „мы передадим им все подробные данные“. Нет, — ответил я ему, — мы должны давать им данные, но нет надобности в подробностях по всем вопросам.

Мехмету и товарищам секретарям Центрального Комитета я сказал — и они согласились с моим мнением, — что, „насколько я могу судить, у китайцев намечаются две тенденции: **заполучить все данные о нашей экономике, но не выдать нам запрошенного нами, ставить нам много рогаток и давать мало. Поэтому наши товарищи в обоих этих направлениях должны быть очень осторожными, передавать им надо только необходимые данные, добиваясь выполнения ими всех взятых перед нами обязательств, а не так, чтобы давать много и получать мало“.**

Что китайским товарищам, которые предоставят нам кредиты, нужные для сооружения некоторых объектов, следует передавать данные, обосновывающие и оправдывающие наши запросы, это верно. Насколько они могут помогать нам — это ихнее дело. Однако в правительственном письме к ним мы, если не полностью, то в подавляющем большинстве разъясняли им наши запросы. Они, со своей стороны, могли бы говорить немного иначе с нами, а не так, как они начали беседу. Все китайские руководители, причем даже от имени Мао и Чжоу Энь-лая всегда, всем нашим людям, бывавшим в Китае, говорили, что **„Албании мы помогали очень мало, будем помогать ей больше“ и т.п.**

Мы понимаем потребности Китая, его размах в мире, мы знаем, какую он помощь оказывает другим; однако, как марксисты и интернационалисты, мы считаем, что Китай меньше помощи должен оказывать буржуазным правительствам (ведь мы знаем, для чего они используют эти кредиты, кто ими пользуется, с кем связаны эти буржуазные правительства и как они переплелись и погрязли в кабальные капиталистическо-ревизионистские кредиты) и не отказывать нам в разумных запросах. Китайцам не следует забывать и о положении нашей страны в идеологическом, политическом и военном отношениях. Поэтому мы надеемся, что китайские товарищи правильно, на основе политики интернационалистической помощи между социалистическими странами разрешат выдвинутые нами вопросы.

СУББОТА
14 ДЕКАБРЯ 1974 г.

КИТАЙЦЫ ХОТЯТ ПОЩУПАТЬ НАМ ПУЛЬС

Китайский посол в Стокгольме говорит нашему послу, что китайцы пребывают в нерешительности — принимать участие или нет в церемонии вручения Нобелевской премии советскому диссиденту Солженицыну. Однако это были только слова, ибо они приняли в ней участие, да как! Мы, конечно, не приняли участия не потому, что Солженицын — антихрущевец, а потому, что он нападает на Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и коммунизм. Китайцам мы сказали об этом, однако для них достаточно, чтобы кто-нибудь был настроен против советских, и они сразу говорят ему „аминь!“ Так, несмотря на то, что Солженицын нападает на Ленина и Сталина, они почитают его! Срам!

Китайский посол в Белграде также, информируя нашего посла там о переговорах Юй Чжаня в Югославии, говорит ему: „Мы, китайцы, потребовали от советских, чтобы они выступили с самокритикой в связи с Бухарестом и чтобы границы с Китаем стали на статус-кво времени Хрущева“! А что, разве только бухарестское Совещание отделяет китайцев от советских?! Видимо, остальное не имеет для них значения. Да ведь Бухарест явился только макушкой головы, которую поднял хрущевизм, дерьмо же появилось после Бухареста. Значит, если советские ревизионисты возьмут и скажут, что „Хрущев в Бухаресте поступил не хладнокровно“, то китайцы готовы помириться с ними. Странно, почему же советские этого не делают?!

В себе ли китайские товарищи, или же это просто слова

их послов? Пожалуй, навряд ли китайские послы скажут подобные невероятные глупости без директив сверху. Они стараются пощупать нам пульс, однако в полученных ответах они наверняка видят, что наш пульс, как всегда, бьется как коммунистический, революционный, антиревизионистский пульс.

ПОНЕДЕЛЬНИК
23 ДЕКАБРЯ 1974 г.

НЕТ, КИТАЙСКИЕ ТОВАРИЩИ, МЫ С ЮГОСЛАВАМИ НЕ ВСЕ РАВНО, ЧТО „ЗУБЫ И ГУБЫ“

Юй Чжань, заместитель министра иностранных дел Китая, побывавший у нас по случаю 30-летия освобождения в качестве члена делегации, которую возглавлял Яо Вэнь-юань, отсюда отбыл в Белград с „дружеским“ визитом. Там он имел „сердечные“ встречи и переговоры даже с премьер-министром.

Вернувшись в Пекин, Юй Чжань встретился с нашим послом, товарищем Бехаром, которого он проинформировал об этих переговорах. Он сказал, что „югославы ситуацию в мире находят сложной. Советские оказывают на них давление“, „советские организовывают не только сторонников информбюро, но и усташей“, „югославы сопротивляются им“ и т.п. В этом отношении югославы наговорили китайцам с три короба, и последние остались довольными этими „глубокими“ советско-югославскими „противоречиями“. Затем они с югославами повели речь о „третьем мире“, участниками которого являются китайцы, и о „неприсоединившемся мире“, куда входят югославы. В итоге, „югославы остались довольными объяснениями и теперь хорошо поняли китайскую позицию в этом вопросе“... Ведь раньше они не понимали ее!!!

Затем в этих переговорах они не преминули говорить и о позиции Албании в отношении Югославии, причем китаец сослался якобы на наши заявления. И титовцы не преминули окурить их своим „фимиамом“, заявляя, что они „Албании желают добра“, что они хотят жить „в дружбе“ с ней, что своими портами они предлагают услуги не только советским, но и американским кораблям, что это вопросы экономического

характера, тогда как в военном отношении они хранят бдительность и т.д. и т.п. **И „наш друг“, Юй Чжань, в итоге, сказал Бехару, что югославам он говорил, что именно такой должна быть дружба между югославами и албанцами, ибо обе страны все равно, что „зубы и губы“.**

„Китайский папа“ благословил „югославско-албанскую дружбу“ конфуцийской, низкопробной, ревизионистской параболой. Трудно понять, сказал ли он это по глупости или движимый „инерцией“ наплыва употребляемых ими стереотипных формул, или же потому, что он хотел этим сказать югославам: „мы причастны к этой политике и одобряем ее, поскольку мы считаем, что вы и албанцы настолько же близки и настолько же тесно связаны друг с другом, что и зубы с губами“.

Какая глупость! Какая низость! Этот „библейский“ образ китайца означает, что, по его мнению, у нас с титовцами одна и та же голова, одно и то же сердце, одно и то же тело, что мы проводим одну и ту же политику, руководствуемся одной и той же идеологией! Можно ли считать это легкомыслием? Как это можно утверждать, что это у него сорвалось с языка?! Это он сказал не только югославскому премьеру, Биедичу, который радостно одобрил его и даже и сам повторил эту „жемчужину“, но и нашему послу. **Мы, конечно, никогда не согласимся с этими словами и с их смыслом, мы будем против них, ибо титовцы являются врагами, ренегатами, ревизионистами, агентурой империалистов и ревизионистов.**

Нам наплевать на Юй Чжаня и его единомышленников в Китае! По-видимому, у ревизионизма глубокие корни в Китае, а большая метла там прошла не как следует и не где следует. Мусор еще остался в Китае не только по углам, но и на высоких и доверенных постах, причем орудует он в открытую. Откуда знать, о чем еще Юй Чжань беседовал с югославами, однако это факт, что он остался довольным. Но пусть он удовлетворение оставит при себе, ибо нас на нем не проведешь.

1975

СРЕДА
23 АПРЕЛЯ 1975 г.

КИТАЙЦЫ ЗАТЯГИВАЮТ ПОЕЗДКУ АЛБАНСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ В КИТАЙ

Китайские товарищи еще не открывают зеленую улицу для поездки нашей правительственной экономической делегации в Пекин. Различные заведующие в центральных ведомствах в Китае говорили нашим товарищам: „мы примем вашу делегацию в начале апреля, или 15 апреля, или к концу апреля“. Однако все эти сроки уже позади. Уже наступает май, и они никакой весточки не подают, хотя в Китае какие только иностранные делегации не побывали — любого типа, любого характера и любой масти.

Чем это объясняется? „Изучаем материалы“, — говорят китайские товарищи, материалы, которые были присланы им почти год назад вместе с нашими запросами. К нам приезжали две-три группы важных делегаций из КНР якобы для изучения наших запросов, тогда как на деле они занимались изучением экономического положения нашей страны, с тем чтобы на основе своих заключений предоставить нам кредит. Они много „превозносили“ нас за наши достижения, за большие успехи, которых мы добились, за наше хорошее экономическое положение и т.д. Они сказали нам: „Мы извлекли большую пользу из богатого опыта Албании“.

Хотя они расточили столько похвал в наш адрес, они еще не сообщили о том, когда мы можем отправить нашу делегацию. Мы этого ждем, а они продолжают говорить нам „изучаем материалы“!

Посол КНР в нашей стране задал вопрос: „Когда отпра-

вится ваша делегация, ибо ее ждет Ли Цян, министр внешней торговли Китая“. Наши товарищи по праву ответили ему: „Когда Пекин даст знать“. Когда Ли Цян пошел на обед к Бехару, он израсходовал там все обычные похвальные формулы в адрес нашей страны. После этих похвал он сказал ему, что „Китай переживает крупный дефицит, у Китая нет валюты, нет нефтепроводов, у него еще слаборазвитая промышленность, мировой кризис затронул и его, Китай помогает всему миру, он будет помогать обоим Вьетнамам, будет помогать Камбодже, будет помогать… даже и Мальте, с тем чтобы оградить ее от советского влияния“ и т.п.

Вывод ясен: **„Албания должна опираться на свои ноги“. Господин Ли Цян, как некогда говорил нам и Микоян, сказал нам: „Торгуйте с капиталистическими государствами, расширяйте отношения с ними“.** Подлец! Ревизионист! Бехар Штюла дал ему ответ. Уходя, Ли Цян спросил его: „Когда приедет ваша делегация?“ Бехар ответил: „Когда вы дадите разрешение на ее поездку“.

В позиции китайцев по отношению к нам мы замечаем две тенденции. Одна — это политическая тенденция. Везде, с кем бы наши люди ни встречались в Китае, в центре и в провинциях, особенно на предприятиях и в народных коммунах, как рядовые люди, так и многие кадры отзываются о нас с симпатией и даже с большой любовью, тогда как в высших сферах ощущается некоторая сдержанность, чтобы не сказать холод. Другая — это тенденция, касающаяся области экономических связей. Говоря об экономических отношениях, нельзя сказать, что китайцы не помогали нам, однако помощь с их стороны поступала нам не своевременно и даже после многочисленных дебатов. В ходе этих дебатов некоторые китайские руководители позволяли себе неразумные выражения и мысли. Мы и теперь отдаем себе отчет в том, что Китай будет оказывать, и фактически оказывает, помощь и другим, однако говорить нам о подобных ситуациях Китая, как это делает Ли Цян, давать нам такие советы, какие некогда нам давал и Микоян, затягивать дело с поездкой нашей прави-

тельственной делегации во главе с товарищем Адилем Чарчани и, хуже того, делать вид, будто они забыли наш запрос о направлении туда другой правительственной делегации во главе с товарищем Мехметом — это уже не дружеская позиция.

ВТОРНИК
17 ИЮНЯ 1975 г.

НАЧАЛОСЬ СИЛЬНОЕ КИТАЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ДАВЛЕНИЕ, НО МЫ НИКОГДА НЕ ВСТАНЕМ НА КОЛЕНИ

После приема, после обычных речей, изобиловавших стереотипными формулами, Адиля Чарчани и других членов нашей правительственной делегации принял Чжоу Энь-лай в больнице; прием длился 15 минут. Он справился у них о нашем здоровье и, на прощании, сказал им: **„Завтра мне сделают операцию, поэтому я принял вас раньше. Эта операция делается с целью продлить мне жизнь“.** Это может быть так, но может быть и… „Прощайте, не пытайтесь больше встречаться со мной“.

Сегодня мы получили радиограмму от Адиля; он сообщает об официальной беседе, которую имел с ним Ли Сянь-нянь, глава правительственной делегации КНР, после изложения проблем Адилем.

На наши запросы о кредитах и помощи на предстоящую пятилетку китайцы дали низкопробный ответ: они удовлетворяют нашу просьбу о кредите лишь на 25 процентов, из которых 50 процентов на объекты и 50 процентов на материалы. В этот кредит они включают и военные запросы. Они предоставляют такую помощь, просто не желая сказать, что не хотят оказывать нам никакой помощи.

Причины, которые китайцы выставляют в связи с этим, смехотворны: **„Мы очень бедная страна“. А 5 лет назад, когда они были „гораздо более бедной страной“, они предоставили нам кредит в несколько раз более крупный. Более того, из 35 объектов, которые значатся в заключенных соглашениях, 20 вообще еще не поставлены и они, конечно, переносятся**

на предстоящую пятилетку; впрочем уже строящиеся у нас объекты они также перенесли дальше нынешней пятилетки.

Пять лет подряд все китайские официальные лица, начиная с Чжоу Энь-лая, говорили нам: „Помощь, которую мы оказываем вам, очень незначительна, но через два года и в будущей пятилетке мы будем помогать больше, ибо положение у нас будет лучше“. А ныне, судя по словам Ли Сянь-няня, получается, что положение Китая „хуже“, что Китай стал „очень бедной страной“, так что слова „будем помогать больше“ они свели к смехотворной помощи.

Нам ясно, что такая позиция китайцев не вызвана тем, что они „бедны“, наоборот, их страна сделала большой прогресс; нет, это противодействие касательно решительной марксистско-ленинской позиции нашей партии и нашего государства в отношении их внутренней и внешней политики. Китайцы несогласны с нашей внешней политикой, потому что мы не разделяем их политические установки.

Мы несогласны с утверждениями китайцев о том, что „американский империализм менее опасен, чем советский социал-империализм“. Мы говорим, что „оба они опасны и против них надо вести упорную борьбу“. Китайцы заявляли, что они являются участниками „третьего мира“. Мы говорим, что мы — социалистическая страна и поддерживаем правильную национальную антиимпериалистическую и антисоциалимпериалистическую политику любого народа и любого государства так называемых третьего мира, второго мира и еще кто знает, как они самоназываются и саморазделяются. Албания — социалистическая страна, она не смешивается ни с кем и проводит независимую, марксистско-ленинскую политику. Китайцы же поддерживают НАТО, Европейский общий рынок и „Объединенную Европу“.

Мы против подобных позиций и не считаем их марксистско-ленинскими. Все эти договоры и организмы являются в руках американского империализма и империализма других стран орудием угнетения народов и подготовки третьей мировой войны для установления мирового господства. Такими являются и Варшавский договор, „социалистическое содружество“ и СЭВ.

Против обеих этих группировок и содружеств надо вести самую жестокую борьбу. Ленин в свое время изобличал, осуждал и со всей силой боролся против этих организмов капиталистической буржуазии.

Любое государство, любого человека, будь он троцкист, титовец, чанкайшист, если он скажет „я против советских", китайцы сделают своим другом. Мы против подобного принципа. Противоречия среди врагов социализма мы умеем углублять и углубляем, насколько можем, но в первую очередь мы сохраняем принципы. Старую собаку батькой мы не зовем.

Понятно, китайцам не по душе эти наши позиции и им подобные, ибо они срывают с них марксистско-ленинскую маску, которую они хотят носить; поэтому они оказывают на нас давление. Это давление носит экономический характер, так как политически и идеологически им не удалось поколебать и никогда не поколеблют нас. **Это начало с их стороны сильной экономической блокады. Но и в этом направлении они потерпят провал. Мы никогда и никому не покоримся — ни китайцам и ни кому бы то ни было другому.**

Очевидно, что такая их позиция является составной частью крупного империалистическо-ревизионистского заговора, который составляется против Албанской партии Труда и социалистической Албании. Настоящий акт китайцев не может быть рассмотрен в отрыве от большого политического, идеологического, пропагандистского, экономического и военного давления, которое оказывают на нас Соединенные Штаты Америки, Советский Союз и их сателлиты, в том числе и Югославия и Румыния, которые китайцы причисляют к государствам „третьего мира". **Их давление не является воображаемым; оно было конкретизировано в военно-экономическом заговоре, во главе которого стояли Бекир Балуку, Петрит Думе, Хито Чако, Абдюль Кэлэзи, Кочо Теодоси, Липе Наши и т.д.** Целью этих предателей была ликвидация партии и ее марксистско-ленинского руководства, с тем чтобы социалистическая Албания превратилась в ревизионистскую страну. О такой Албании мечтают советские, югославы, китайцы и др. Все они противодействуют марксистско-ленинской поли-

тике нашей партии, ведут борьбу с ней, поэтому они вместе со своей агентурой организовали заговор внутри нашей страны, содействовали этой агентуре и продолжают содействовать ей и теперь, когда мы уже раскрыли и ликвидируем ее. Эти государства своими деяниями продолжают натравливать эту агентуру, разбитую нашими ударами, продолжают поощрять ее и подобными действиями надеются ослабить нас, прибегая к экономическому давлению и т.п., с тем чтобы мы не вынесли суровый приговор предателям. Именно к этому и направлена нынешняя экономическая блокада, которую нам устраивают китайцы.

Чьими агентами были раскрытые нами предатели? Это неважно. В основном они были агентами советских и югославов, однако к этому причастны и китайцы, ибо именно теперь, когда мы переживаем трудности, своим поведением они стараются усугубить наши трудности.

Разве так поступают друзья? Нет! Как мы поступали, когда Китай испытывал большие трудности, когда он оказался изолированным всеми? Мы помогли ему всеми силами, мы одни устояли перед сильной бурей, обрушивавшейся на Китай, и боролись вместе с ним до конца. **Бекир Балуку и его группа не только были старыми агентами советских, но связались и с китайцами. Враждебный стратегический план, который готовил Бекир Балуку, вырабатывался по совету Чжоу Энь-лая. Сам Бекир сказал нам, что этот план ему „предложил Чжоу“, но мы отвергли его совет, как враждебный нам. Бекир Балуку втайне работал в том направлении, которое посоветовал ему Чжоу Энь-лай, т.е. „отступление в горы“, „союз с Югославией и Румынией“.** В этом суть всей китайской ревизионистской стратегии, причем не только военной, но и политической и идеологической. Мы отвергли эту враждебную нам стратегию, ибо она была на руку НАТО и советским, а также китайцам. Эта стратегия была нацелена на превращение Албании в арену интриг и вожделений великих держав. Не является ли китайский план слишком темным? А в экономических взаимоотношениях с нами как поступали китай-

цы в эти последние годы? Самое меньшее, что можем сказать, это то, что они совсем не были корректными.

Правда, китайцы предоставили нам порядочный кредит на пятую пятилетку, однако они далеки от выполнения своих обязательств. Из 35 объектов, которые они должны были предоставить нам, предоставили только 10 или 15. Строительство некоторых объектов мы еще не начали, и это не по нашей вине. Мы с трудом начали строительство трех крупных объектов — Эльбасанского металлургического комбината, Фиерзской гидростанции и Балшского завода глубокой переработки нефти, за которые нам пришлось вести упорную борьбу. Тем не менее, их завершение было отложено на один или два года сверх срока, намеченного по контракту. В этой отсрочке также виновны не мы.

Все это происходило в то время, когда Бекир Балуку составлял военный заговор, а Абдюль Кэлэзи с Кочо Теодоси саботировали добычу нефти и экономику вообще. Можно ли считать случайным такую согласованность целей и времени? А китайцы, не показали ли они нам свои волчьи клыки, когда мы ликвидировали военный путч предателей, когда мы нанесли удар Абдюлю Кэлэзи и его компании? Весьма вероятно, что Абдюль Кэлэзи, будучи человеком югославов, в то же время был и человеком китайцев. Итак, получается, что мы имеем дело с очень крупным заговором с участием многих враждебных нам государств, которые добиваются насильственного изменения положения в Албании.

Я уверен, что Китай причастен к этому заговору; но какой Китай? К нему причастен ревизионистский Китай, ревизионистское течение, которое, видимо, сильное и стоит у власти.

Эту трудную ситуацию мы наверняка успешно выдержим. Мы еще больше напряжем колоссальную энергию народа и партии, их пламенный патриотизм и сорвем и эту блокаду, как срывали все прежние. Мы будем идти осмотрительно. Это не мы сожжем мосты дружбы с Китаем. Наше мнение и наше недовольство мы открыто и по-товарищески выскажем китайским товарищам, поэтому мы подготовили официальный от-

вет, который Адиль устно передаст им, т.е. скажет им каково наше мнение о той исключительно малой помощи, которую они предоставили нам. Мы скажем им, что нам не понимать этого беспочвенного поступка, идущего вразрез со всем тем, что они говорили нам раньше. Мы скажем им, что подобная позиция с их стороны сильно навредит нам не только экономически, но и политически.

Китайские товарищи должны осознать, что поступают неправильно и что мы понимаем, в чем источник этого их неправильного поступка и чего они добиваются этой своей позицией.

СРЕДА
18 ИЮНЯ 1975 г.

КИТАЙЦЫ НЕ ПОСТАВЯТ НАМ ВСЕХ ЗАПРОШЕННЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ОБЪЕКТОВ

Мы получили радиограмму от Адиля. Китайская рабочая группа, возглавляемая Фан И, сообщила, какие промышленные объекты нам будут поставлены. Из запрошенных нами 20 они вычеркнули 10, т.е. предоставляют нам 10 объектов. Производственная мощность этих предоставляемых нам 10 объектов, за исключением одного или двух из них, уменьшена по сравнению с запрошенной. Из тех, которые вычеркнуты, наиболее важными для нашего народного хозяйства являются Команская гидростанция (они предоставили нам небольшую гидростанцию, Бушатскую), завод по производству мочевины и завод по производству соды, который нам очень нужен, ибо его продукция пойдет и на экспорт. Мы, конечно, сначала скажем китайцам, что мы думаем о помощи, которую они предоставляют нам, и, если они не пойдут на попятную, тогда мы должны попросить, чтобы они предоставили нам упомянутые выше три главных объекта, и отказаться от двух или трех из тех, которые они нам предоставляют, но без которых мы можем обойтись. Подождем до пятницы следующую радиограмму, в которой пойдет речь о другой части наших запросов, о запрошенных нами материалах и, изучив обе радиограммы, в субботу, китайским самолетом, пошлем нашей делегации в Пекин наши окончательные указания и соображения.

Мы с Мехметом, Хюсни и Хаки решили, какие объекты мы должны попросить в пределах кредита, предоставленного нам китайцами. Сюда входят: Команская гидростанция (вместо Бушатской), комплектный завод мочевины для производ-

ства удобрений, завод по производству соды, как и оборудование для рудников и шахт и взрывчатка.

Относительно других вариантов у Адиля имеются списки того, что он должен запросить. В связи с этим мы уполномочили Мехмета дать ему какое-нибудь дополнительное указание.

20 июня Адиль наверно китайским самолетом пошлет нам письмо о материалах, которые они предоставляют нам.

Посмотрим, какой эффект произведет наше заявление, хотя мы на него не рассчитываем. Они не предрасположены политически подойти к проблеме в пользу социалистической Албании.

СУББОТА
21 ИЮНЯ 1975 г.

КИТАЙ ВКЛЮЧАЕТСЯ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ИГРУ ОБЕИХ СВЕРХДЕРЖАВ

Китай высказывается за Европейский общий рынок и „Объединенную Европу“ и поддерживает их.

Какова стратегическая цель Китая и основана ли она на марксистско-ленинских принципах? Чтобы ответить на эти вопросы, надо выяснить цели самих этих организмов, которые Китай отстаивает или поддерживает.

Первоначальной целью Европейского общего рынка было развитие экономических и торговых отношений между странами-участницами, которых вначале было 6, а затем стало 9. Целью этого учреждения было обеспечение наибольших прибылей для капиталистической буржуазии каждой страны-участницы, как и укрепление капиталистической экономики каждого государства-участника в отдельности и всех их в целом. Конечно, наряду с налаживанием проблемы таможенных взаимоотношений был решен и ряд других вопросов, как вопрос о ценах, денежные проблемы и прочие вопросы, связанные с двусторонними и многосторонними отношениями.

Вначале Европейский общий рынок не мог не принимать в расчет мощную американскую экономику, так что он шагал якобы обособленно, но на самом деле согласовывал свои шаги с американским империализмом. Последний, сразу же после второй мировой войны, своей „помощью“ способствовал экономическому восстановлению Западной Европы, однако он ни на миг не упускал из виду свои большие и все возрастающие интересы. Итак, с созданием Европейского общего рынка, с одной стороны, продолжались попытки американ-

ского империализма навязать этому учреждению свою экономическую политику, с другой стороны, продолжались усилия участников Европейского общего рынка к избавлению от американского опекунства. Таким образом, между ними возникли все углубляющиеся противоречия.

Так называемая холодная война в известной мере прикрывала эти противоречия, ибо участники Европейского общего рынка, и если начинали серьезно проявлять экономическую независимость, в области обороны они были вынуждены жить под американским атомным зонтом. Естественно, Соединенные Штаты Америки умело использовали в своих интересах чувство страха, которое охватывало страны Европейского общего рынка при мысли о возможной войне с советскими.

Хрущевское предательство избавило капиталистическую буржуазию от страха перед революцией и коммунизмом, **содействовало мировому капиталу, дало ему возможность перевести дух. Хрущевское предательство раскололо революционные силы во всем мире, отдалило пролетарскую революцию, способствовало националистским настроениям, а буржуям-капиталистам дало время и возможность укрепить свои шаткие внутренние позиции в ущерб пролетарской революции и предпринять новые акции и сделки между государствами на международной арене.** Хрущевские социал-империалисты, обуреваемые националистскими настроениями, стремились к превращению Советского Союза из социалистического государства в атомную империалистическую сверхдержаву и лезли из кожи вон, пока не добились своего. Стало, таким образом, две сверхдержавы, которые соперничают в борьбе за мировое господство. **Закон обоих — Соединенных Штатов Америки и Советского Союза — есть закон борьбы за ограбление, есть закон порабощения народов. Этому закону сопутствуют заключение чудовищных „союзов“, захват с помощью замаскированной силы стратегических пунктов в целях использования их для подготовки войны, вооружение до зубов и увеличение все более современного атомного оружия, сопутствует экономическое и политическое ограбление и поглощение многих**

государств посредством запугивания, шантажа, кредитов и „помощи“, как и посредством подрывной деятельности.

При этих конъюнктурах Западная Европа набралась большей смелости. Франция с де Голлем во главе проводила более независимую от американцев и вообще от англосаксонцев политику. Де Голль вышел из НАТО при соблюдении им только договора. Де Голль, конечно, также мечтал о Европейском общем рынке и об „Объединенной Европе“, в которых, не игнорируя Германию Аденауэра, доминировала бы Франция. Де Голль был одержим духом явного национализма, чего он добивался и у других своих партнеров, но направленного в русло такой Европы, о которой он мечтал. Конечно, цели де Голля не могли быть достигнуты, ибо и у его партнеров были свои цели, стремления и опасения. Не все эти государства одинаково представляли себе роль Соединенных Штатов Америки в Европе и в мире. В первую очередь Западная Германия, ныне отделенная от остальной части страны, предпочитает идти на некоторые уступки Соединенным Штатам Америки в других областях, вопреки примеру Франции, которая вышла из-под американского покровительства. Германия и другие партнеры не считаются с „атомной мощью“ не только Франции, но и Англии, и даже с „атомной мощью“ Англии и Франции, вместе взятых. Эта мощь, думают они, есть своего рода „карлик“ по сравнению с советской или американской ядерной мощью.

Все эти империалистические державы, будь это две сверхдержавы, „Объединенная Европа“ или Япония, стремятся к гегемонии. С тех пор, как начались тяжелый кризис доллара и американские военные поражения в Юго-восточной Азии — во Вьетнаме, Камбодже и т.д., „Объединенная Европа“ начала вновь укреплять свои внутренние политические позиции и больше стремиться к тому, чтобы, будучи самостоятельным организмом, превратиться в новую капиталистическую и империалистическую сверхдержаву. Итак, вот именно эту „Объединенную Европу“ поощряет и поддерживает Китай Мао Цзэдуна. Эту „Объединенную Европу“ поощряла и поддерживала Франция Помпиду, а позже Франция Жискара,

которая не только пытается сохранить и еще дальше развивать свою ядерную силу, но и более активно начала оживлять старую колониальную политику, облаченную в неоколониалистскую тогу, в африканских странах, пользующихся французским языком, на Среднем Востоке и на Дальнем Востоке. Экономические силы не позволяют Франции конкурировать с другими, однако, насколько это ей удается, она конкурирует. Нынешнее отношение Франции к Соединенным Штатам Америки это уже не отношение времени де Голля и Помпиду. Теперь оно стало более **мягким**, но, тем не менее, в нем видна ее независимость. Англия также продолжает кое-как укреплять утраченное экономическое влияние в странах Содружества наций, между тем как Бонн экономически вмешивается в Центральную Европу, на Балканы (кроме Албании), в Турцию и всюду вокруг, где это ему удается.

Все эти их усилия могут увеличить совместный экономический потенциал, который должен быть одним из факторов становления сверхдержавы. Однако, чтобы стать сверхдержавой, одного только этого фактора недостаточно. У этой „Объединенной Европы“ нет термоядерной мощи, которой располагают две сверхдержавы. **С другой стороны, в этой „Объединенной Европе“, между составляющими ее государствами, имеются настолько большие политические и экономические противоречия, что даже через десятки лет ей нельзя будет добиться того экономического и военного потенциала, которым обладают Соединенные Штаты Америки.** „Соединенные Штаты Европы“ во многих отношениях не похожи на Соединенные Штаты Америки. Навряд ли эти европейские государства ассимилируются как ассимилировались те государства американского континента, из которых образовались Соединенные Штаты Америки. У каждого государства Европы своя исторически сформировавшаяся веками личность как нация. У каждого из них своя история, свое общественное, экономическое и культурное развитие, отличное от других государств. Внутри каждого европейского капиталистического и ревизионистского государства имеются острые классовые противоречия,

которые осложняют не только внешнее, но и внутреннее единство.

Следовательно, поддерживать, как это делает Китай, курс европейского капитализма, который стремится к гегемонии, стремится стать сверхдержавой, это принципиально неправильно. Поступать так, значит предать забвению путь революции и включиться в политическую игру двух сверхдержав, выступая и маневрируя с позиций их политики, переоценивая происки сверхдержав в условиях имеющихся у них противоречий, недооценивая мировую пролетарскую революцию, недооценивая борьбу народов против сверхдержав и буржуазных капиталистических государств. Китай ошибается, когда утверждает, что „главным врагом является Советский Союз, тогда как Соединенные Штаты Америки являются менее опасными“. Правда, Соединенные Штаты Америки понесли поражения, однако они остаются империалистической державой. Ослаблять борьбу против них, значит ослаблять революцию и способствовать американскому империализму. Ту же самую ошибку совершат китайцы, если у Соединенных Штатов Америки „взъерошится волчья щетина“; тогда Китай начнет говорить, что „Советский Союз менее опасен, а Соединенные Штаты Америки стали более опасными“. **Китай ошибается, когда ставит себя в положение Дон Кихота в отношении старой капиталистической Европы якобы потому, что она станет противовесом, с одной стороны, советским, с другой — американцам, тогда как „Китай победит“, ибо он поддерживает „Объединенную Европу“.**

Противоречия среди империалистов надо углублять и использовать в наших интересах, но только с классовых позиций, с позиций пролетарской революции. Китай этого не делает, он делает противоположное, говоря народам Европы, Америки и „третьего мира“: „Поддерживайте свою капиталистическую и империалистическую буржуазию, ибо главным врагом является советский социал-империализм“. Это не ленинский путь, он не способствует революции, а защищает тот оппортунизм, за который выступал Второй Интернационал, изобличенный Лениным. Стало быть, мы не можем мириться

с этой стратегией и тактикой Китая. Для нас главной борьбой против империалистических сверхдержав и мирового капитализма является борьба народов, борьба пролетариев, мировая пролетарская революция. Сквозь эту призму и поддерживая эту справедливую борьбу, мы должны маневрировать и использовать конъюнктуры, способствуя углублению противоречий.

Противоречия и кризисы империализма, социал-империализма и мирового капитализма имеют своим источником угнетение народов капиталистами и борьбу, которую эти народы ведут против капиталистического гнета и эксплуатации. Раз это так, то надо ли поощрять и поддерживать борьбу народов против капиталистов, или же надо содействовать последним, чтобы они маневрировали в целях наживы и чтобы они вели борьбу против того или иного империалиста, говоря народам: „Идите и погибайте за меня“? **Марксисты-ленинцы должны поощрять и поддерживать борьбу народов, борьбу пролетариев против империалистических сверхдержав и мирового капитализма, включая и свои силы в эту борьбу. Этого пути придерживалась и будет придерживаться наша Партия Труда.**

Порочная внешняя политика Мао в этом направлении создает впечатление наивной политики. Проводя такую политику, китайцы не только не исходят из классовых пролетарских позиций, но, не признаваясь в этом и даже отрицая это на словах, встали на путь великой державы. Китай не сверхдержава, однако в мировых делах он оказывает и может оказывать большое влияние. **Китай может и будет играть в мире роль в одном из следующих двух направлений: или на марксистско-ленинском пути, на пути революции, или на буржуазно-капиталистическом пути с новым ревизионистским оттенком.** Только ведя борьбу на революционном, марксистско-ленинском пути, Китай завоюет доверие народов, которые хотят и борются за революцию.

Ныне Китай старается убедить капиталистические страны в том, что „им угрожает Советский Союз“. Будто Китай учит капиталистов в мире чему-нибудь новому! Главным врагом капиталистов являются коммунизм и революция. Если Китай бу-

дет идти по революционному пути, то не только никого не убедят его слова о том, что „ревизионистский Советский Союз есть главный враг“, но и все капиталисты, какой бы масти они ни были, будут направлять свои удары против Китая. **Если же ныне они не боятся Китая, то это объясняется рядом причин: или потому, что Китай является коммунистическим только на словах, а не на деле, или потому, что он еще слаб в экономическом и военном отношении, или же потому, что он является антисоветским фактором, который они хотят использовать до конца в целях ослабления агрессивности советских по отношению к ним.**

Политика обеих сторон, китайцев и американцев, имеет своей целью бороться против Советского Союза, но в то время как китайцы пытаются натравить американцев на Советский Союз, Соединенные Штаты Америки и их союзники пытаются натравить Китай на Советский Союз. Обе стороны ведут эту *„chassé-croisé“* с* одних и тех же позиций и с одним и тем же расчетом. Однако Советский Союз тоже не сидит сложа руки. Он старается предотвратить войну с Соединенными Штатами Америки, господствовать над теми народами, с которыми он может справляться сам, расстроить натовский союз и изолировать Китай, желательно и подчинить его. И все эти стремления он прикрывает ширмой социализма.

Мировой и особенно европейский капитализм пережил ряд мировых войн, которые имели своим источником его жестокую природу. Так что „Объединенную Европу“, Францию Жискара д'Эстена или Германию Штрауса не легко поймать на удочку политики Чжоу Энь-лая и Дэн Сяо-пина. Они не вступят в войну с советскими оттого, что им надувает в уши Дэн Сяо-пин. Нет, они стараются избежать столкновения с Советским Союзом, поскольку они находят его сильнее себя; они стараются подмыть крепость изнутри, а затем подготовить удар. Все — Соединенные Штаты Америки, Англия, Франция,

* По-французски: одновременный взаимный обмен местами обеими сторонами.

Германская Федеративная Республика и другие страны — добиваются ослабления советских, ослабления их союзов с Польшей, Румынией, Чехословакией и т.д.; однако они не поступают так, как это хочется Китаю. Старые волки хорошо владеют тактикой нападения, так что не легко поводить их по тем тропам, по которым тебе больше с руки, ибо к подобным планам они сами прибегали и продолжают прибегать и в отношении Китая. Президент Франции наверняка пропускал мимо ушей басню о „советской угрозе". **По всей вероятности, Жискар д'Эстен говорил Дэн Сяо-пину: мы желаем развивать дружбу с Китаем, но не против Советского Союза, ибо хотим избежать конфликта. Однако, с другой стороны, д'Эстены с компанией косвенно натравливают Дэна на советских, хотят, чтобы он таскал каштаны из огня, а самим сидеть в стороне.**

Европейская буржуазия это старая шлюха, которая каких только грехов не совершала. Много перевидала она хитросплетений и козней на своем веку. Только революционная борьба пролетариата и народов не дает ей спуску. На почве этой борьбы она изобличается и отступает, утрачивает силу интриги и лукавства. Именно на этой почве надо бороться и Китаю; он должен не натравливать Западную Европу на советских, а исходить из того принципа, что дипломатические признания и торговля с капиталистическими странами Европы должны служить правильной, революционной стратегии. На таком порочном пути, на котором ныне стоит Китай, некогда стояли Англия и Франция, натравливавшие Гитлера на Советский Союз и Советский Союз на Германию. Нам известен результат этих происков. Сталин не впал в эти ошибки, он не скатился ни на позиции англо-американцев, ни на позиции гитлеровцев.

Придерживаясь прочных революционных позиций, можно успешнее использовать и противоречия между врагами, можно ослабить в первую очередь наиболее опасных врагов, не упуская из виду, однако, и тех, которые на один момент, быть может, ослабли, но которые могут вновь давать себя знать. Если подойти к событиям и ситуациям с революционных позиций, то можно ясно видеть, что в качестве поддержки име-

ется не конъюнктурный фактор, а огромный и постоянный потенциал в борьбе против капитала, — пролетариат любой страны и международный пролетариат вообще, а также народы, стремящиеся к свободе и революции. Революцию надо делать, борясь как против Соединенных Штатов Америки, так и против Советского Союза.

**СРЕДА
25 ИЮНЯ 1975 г.**

ЧЖОУ ЭНЬ-ЛАЙ И ЕГО ГРУППА ВСТАЮТ НА ВРАЖДЕБНЫЙ АЛБАНИИ ПУТЬ

Китайцы окончательно выделили нам экономическую помощь на предстоящую пятилетку. Собралась совместная комиссия. Китайскую часть комиссии возглавлял „знаменитый“ Ли Сянь-нянь, хорошо известный своими антиалбанскими настроениями.

Адиль искренне и дружелюбно изложил им наше мнение о помощи, которую КНР предоставляла нам не на пять, а на семь и даже на восемь лет, ибо срок строительства некоторых объектов официально переносится с пяти на семь лет, не говоря уже о том, насколько могут еще отложить китайцы их завершение под различными предлогами, с единственной целью навредить нашей экономике. Так поступали китайцы и с объектами истекающей пятилетки, которые незавершенными включаются в будущую пятилетку.

Итак, Адиль выразил китайцам наше мнение о том, что „сумма, ...предоставленная нам на пять и даже на семь лет, резко ограничивает наши запросы, что идет вразрез с обещаниями и с положением прошагнувшей вперед китайской экономики, к тому же при этом не учитывается блокада, которую устраивают Албании империалисты, социал-империалисты, титовцы и другие капиталистические соседи. Этим мы не довольны“, — сказал им Адиль, изложив наши веские причины и отвергнув их несостоятельные „причины“. В заключение мы попросили их доброжелательно и в интернационалистском духе пересмотреть решение, как пересмотрели и мы свое решение, сократив запросы...

Ли Сянь-нянь, этот враг социализма в Албании, пес Чжоу Энь-лая, бесстыдно, грубо, враждебно ответил Адилю: „Ваши предложения неприемлемы, мы даже не представим их на рассмотрение; наше решение бесповоротное, оно принято всем нашим руководством, в том числе и Мао Цзэдуном“. „Мы, — сказал господин Ли Сянь-нянь, — не прибавим ни юаня к тому, что мы уже решили“. Другими словами, этим ответом он хотел сказать: „Хотите — берите, не хотите — так не берите, от ваших слов нам все равно“.

И на нашу просьбу о том, чтобы наши мысли, которые Адиль, вручил Ли Сянь-няню и в письменном виде, были переданы товарищу Мао Цзэдуну, Ли Сянь-нянь ответил: „Я ему передам, но вы не ждите никакого ответа“. По его словам, это означало что, либо **„Мао положительно против того, чтобы соизволить дать ответ на запросы албанцев“**, либо же „я беру ваше изложение, которое не намерен передать Мао, а выброшу его в мусорную корзину“. **С каких бы версий не подходить, враждебная Албании клика прочно сидит в руководстве Китая и навязывает свою волю китайским друзьям Албании.**

Вся эта деятельность есть продолжение враждебных позиций, на которых стоит эта группа в китайском руководстве. На подобных позициях эта группа стояла и раньше, но Культурная революция, революционные позиции Албанской партии Труда и Народной Республики Албании, выступивших в защиту Китая в такое время, когда все, — подчеркиваю: все — стали спиной к нему и нападали на него, — все это помешало участникам этой группы беспрепятственно осуществить свои враждебные по отношению к нам цели. Мао постарел; его, может, совсем не спрашивают; может, совсем не спрашивают его мнения не только, когда дело касается нас, — а, насколько мы знаем, он нас защищал, — но и о других внутренних и международных проблемах. Продолжается тактика этих подозрительных китайских „товарищей“: „Под флагом Мао мы делаем свое“, — думают они.

Таким образом, китайцы начинают против нас сильное экономическое давление, с помощью которого они рассчитывают подчинить нас политически и идеологически. Они действуют

подобно великой державе, идя вразрез с революционными принципами и с марксизмом-ленинизмом. Они не хотят, чтобы мы придерживались правильной, марксистско-ленинской линии во всех отношениях, а хотят, чтобы наша линия и наши позиции являлись придатком их оппортунистической, непринципиальной, конъюнктурной линии. Участники этой группы ополчаются на нашу линию и начали экономическое давление подобно советским ревизионистам, которые надеялись, что этим заставят нас согнуть спину.

Чжоу Энь-лай и его группа встают на такой враждебный Албании путь в такое время, когда в нашей стране ликвидированы враждебные группы Бекира Балуку и Абдюля Кэлэзи. А это говорит о том, что они были их людьми, как были в то же время и людьми советских и югославов. Всем им — китайцам, советским и югославам — было несносно и неприемлемо это прочное положение нашей страны, поэтому, независимо от того, каким образом осуществлялись связи между ними, для всех трех упомянутых сторон все враги Албанской партии Труда и ее марксистско-ленинского руководства были их друзьями, поэтому пользовались их всемерным содействием. Враждебный план Бекира Балуку был продиктован Чжоу Энь-лаем. Бекир Балуку втихомолку работал над „антитезисами“ и над организацией путча. „Антитезисы“ ему предложил Чжоу Энь-лай. Мы отвергли их, и Бекир Балуку, быть может, осведомил об этом китайцев.

Чжоу сказал Бекиру Балуку: „Укрепляйте связи и сотрудничество с Югославией против советских“, „для вас нет другой стратегии, кроме стратегии горы“. Это значит: „дайте тягу в горы в первый же день вражеского нападения“!

План Чжоу Энь-лая и Бекира Балуку носил просоветский характер, ибо он развязывал советским ревизионистам руки для оккупации Албании; он в то же время был и проюгославским, ибо был нацелен на ликвидацию социализма в нашей стране. Раскрытие, изобличение и осуждение Бекира Балуку и участников его группы явились в одно и то же время и ударом против Чжоу, состряпавшего этот заговор вкупе с Бекиром Балуку и Абдюлем Кэлэзи, который также, будучи пре-

дателем, саботировал нашу нефтепромышленность и наше народное хозяйство в целом.

Итак, Чжоу просчитался в своих попытках свергнуть нас изнутри, так что, за неимением возможности иначе поступать, пустил в ход оружие экономической блокады. Он и его группа, будучи ревизионистами, думают, что мы будем изолированы, помрем с голоду, станем на колени. Они полагают: **„У албанцев иного выхода нет“, так что Чжоу Энь-лай вновь изложил Адилю Чарчани старый коварный план: „Тесно объединяйтесь с другими балканскими странами, невзирая на имеющиеся между вами разногласия“. Мерзкий враг, псевдомарксистская сволочь! Мы и на колени не станем, и не устрашимся, и без хлеба не останемся, а будем жить с честью свободными, независимыми и суверенными, как марксисты-ленинцы, как албанские коммунисты, как сыны этого славного и героического народа, на протяжении веков никогда не склонившего своей головы.** Мы денно и нощно в тесном единстве, умноженными силами будем бороться против любого врага, откуда бы он ни шел на нас. Знамя нашей партии будет всегда победоносно развеваться в битвах и сражениях. С нашей партией во главе, мы сорвем любую блокаду, любой заговор; **наш народ победит, он всегда успешно будет продвигаться вперед по пути социализма и коммунизма.**

Чжоу и его друзья, как и другие, разобьют себе голову о стальную твердыню социалистической Албании и Албанской партии Труда, железной марксистско-ленинской партии. Заговор группы Чжоу Энь-лая — это подлый и координированный заговор!!

Именно день или два спустя после того, как Ли Сянь-нянь отказал Адилю Чарчани в кредите, приведя в качестве причины то, что „Китай очень бедная страна“, Московское радио, в комментарии об Албании, в частности отмечало: „Люди в Тиране уже поняли, что Китай — бедное государство, …которое не помогает Албании“ и т.п. Как это назвать? **Не координированным ли китайско-советским экономическим давлением?!**

Два-три дня спустя после того, как Чжоу Энь-лай сказал Адилю Чарчани: „Объединяйтесь с балканскими странами“,

какая-то югославская газета в пространной статье писала, что „Албания, несмотря на разногласия, обратила свой взор на Европу и особенно на Югославию в области торговых и культурных связей“ и др. В газете дальше подчеркивается, что „после Китая, наибольшую торговлю Албания ведет с Югославией“ и т.п. **Ничего не скажешь! „Перспектива“, хорошо координированная для нас Чжоу Энь-лаем и Тито.**

Нельзя не увязывать эти факты. Помимо известного нам прочего, это также подтверждает наличие связей с заговором Бекира Балуку и Абдюля Кэлэзи, с блокадой и с „перспективой“, которую открывает нам „знаменитый“ Чжоу Энь-лай.

Все это мы принимаем к сведению, мы рассмотрим наше отношение к этим людям, однако мы будем осмотрительны, чтобы не поддаться их провокации, ибо они этого и добиваются. Но нас они не проведут.

Они портят дружбу, а мы будем продолжать говорить о ней, конечно, не пускаясь в лицемерие, как они будут говорить о нас с целью смыть дерьмо мочой. Мы будем корректными; однако возвышенные слова уже позади до тех пор, пока эта клика будет продолжать враждебную работу против нас.

Мы не только не поддадимся шантажу этой клики, но и будем обращаться с ней холодно, если не больше, до тех пор пока не переполнится чаша терпения и эта клика не будет изобличена.

ЧЕТВЕРГ
26 ИЮНЯ 1975 г.

КИТАЙЦЫ ДАЛИ НАМ ДВА ОБЪЕКТА. ОТНОСИТЕЛЬНО ОСТАЛЬНЫХ ОНИ НЕ ОТСТУПИЛИ НИ НА ЙОТУ

Китайцы согласились внести, по нашей просьбе, изменение в пределах выделенного нам кредита: предоставили нам Команскую гидростанцию, сняв Бушатскую, и прибавили положение о том, что завод мочевины должен выпускать и удобрения, но не в запрошенном нами количестве.

Ничего, положение у нас кое-как наладится, ибо оба этих объекта важны. Относительно других объектов они не отступили ни на йоту.

ПЯТНИЦА
4 ИЮЛЯ 1975 г.

КИТАЙ ПУСТИЛСЯ В ПОЛИТИЧЕСКИЙ ХОРОВОД БУРЖУАЗИИ

Это трагедии подобно, что Китай против хаоса борется хаосом. Китай Мао Цзэдуна создает впечатление, будто внутри страны проводит „социалистическую" политику, однако, если вникнуть вглубь, хотя бы настолько, насколько позволяют внешние проявления, то можно отметить, что „марксистско-ленинская" политика, о которой он трезвонит во всеуслышание, есть „маоцзэдуновская" политика, нечто перемешанное с подозрительными позициями и принципами. Всегда наблюдаются две линии, которые идут то параллельно, то врознь, ибо одна берет верх над другой. Подобная неустойчивость всегда наблюдается и по многим основным проблемам. Пропаганда ведется таким образом, чтобы люди думали, что любая позиция и любая акция Китая являются „правильными, принципиальными, марксистско-ленинскими, антиимпериалистическими и особенно антисоциалимпериалистическими".

И во внешней политике Китай Мао Цзэдуна выдает себя за социалистическую страну, за страну, проводящую социалистическую политику. На самом же деле это не так. Китай, хотя его и нельзя ставить в один ряд с двумя сверхдержавами, не проводит марксистско-ленинскую политику.

Раз Китай провозгласил себя государством-участником „третьего мира", в принципе он проводит и политику этого „третьего мира", у которого нет ничего социалистического. Понятно, что Китай в „третьем мире" смешивает свою политику с буржуазно-капиталистической и ревизионистской политикой этого „третьего мира".

Политика Лю Шао-ци, Чжоу Энь-лая и Дэн Сяо-пина до Культурной революции провозглашала: „Союз со всеми государствами мира, в том числе и с советскими ревизионистами“. Ныне политика Чжоу Энь-лая и Дэн Сяо-пина провозглашает: „Союз со всеми странами мира, в том числе и с американским империализмом, против советских“. А Мао Цзэдун, к какой линии он примыкает? Дают понять, что он одобряет, а позже отклоняет эти линии, но на деле он поддерживает их и поощряет путь, на который встал Китай. Это политика, чреватая серьезными последствиями для самого Китая и для всего мира. Революционному миру хочется видеть классовую, революционную политику Китая, но он не видит ее, ибо ее на деле не существует в этой стране, так что ему остается вообразить ее такой, какой она должна быть.

Китай проводит политику балансирования. Он активизировался, поддерживает дипломатические отношения со всеми, стремится утвердиться в мире. И мы этого желали и советовали это ему. Но как Китай должен утвердиться в мире? Как социалистическая страна или же как страна „третьего мира“? Китай, конечно, должен утвердиться как социалистическая страна. Однако этого он не делает. Он утверждается в мире как государство, противопоставляющее себя Советскому Союзу. Испанию Франко, Чили Пиночета или Родезию Яна Смита Китай считает своими друзьями, а „советских — наиболее опасными врагами, ибо они выдают себя за марксистов-ленинцев“. Это беспринципность. Борьбу против советских Китай не ведет на идеологической платформе, он не изобличает их социал-империалистическую политику с этой платформы. Нет, Китай делает это далеко не как следует. А почему? Да потому, что его политика не базируется на марксистско-ленинской теории. **Китай пустился в политический хоровод буржуазии, стал проводить политику конъюнктур**, причем он убежден, что это наиболее правильная политика. **Китай упускает из виду, что политика, которую он без разбору проводит в отношении президентов и королей, принцев и принцесс, боннских фашистов и реваншистов, американских или других империалистов, подобных Пиночету, не является оригинальной политикой.**

Подобную политику широко практиковала мировая капиталистическая буржуазия, а еще до нее — наследственные монархии и аристократия. Китай добивается дружбы с господствующими кликами с целью „проникнуть в гущу народов“, вместо того чтобы завоевывать сердца народов, убеждая их в том, что он целиком на стороне их дела.

Какую помощь оказывает Китай чилийским или филиппинским народам и революционерам, или немецким революционерам, если он скандальным образом выставляет себя напоказ рядом с Пиночетом, Маркосом, Штраусом и им подобными? Он не оказывает им никакой помощи, а только обескураживает их. Своей политикой Китай поощряет самую черную реакцию. Китай дает революционерам предполагать, что это „политический маневр“. Фактически это контрреволюционный маневр, ибо для революционеров проводить политику, которую проводит Китай, значит прекратить борьбу против реакции. Однако **революционеры не могут быть двурушниками: бороться против реакции и в то же время потворствовать ей.**

Китайцы стараются создать впечатление, будто они тайком помогают революционным силам. Это совершенно неверно, этого не может быть, поскольку Китай стремится быть в ладах, например, с государством Германской Федеративной Республики и с ее фирмами, а не с немецкими коммунистами-марксистами-ленинцами. Так называемая помощь революционерам-марксистам-ленинцам это только поддержка, которую Китай оказывает им в случае, если они превозносят Китай и его политику в Бонне, Париже или Риме. А между тем поступать так, значит дружить с реакцией этих стран. Китай, понятно, с этими странами должен поддерживать дипломатические, торговые и культурные связи, но эти связи он должен основывать на марксистско-ленинской теории и они должны способствовать революции.

Китай предоставляет кредиты некоторым государствам, в том числе и нам. Характер этих кредитов, особенно тех, которые предоставляются нам, определяется той политикой, которую проводит Китай внутри страны и на международной арене. Когда ситуация внутри Китая революционная, т.е. когда

из двух линий одна — революционная, преобладает над другой — регрессивной, тогда и оказываемая нам помощь носит доброжелательный, дружественный характер, тогда китайцы правильно понимают наши нужды и трудности. Мы в свою очередь выказываем им свою искреннюю признательность, а они, со своей стороны, говорят нам: „Помощь, которую вы, албанцы, оказываете нам, очень большая, а помощь, которую мы оказываем вам, очень незначительная. Мы должны больше помогать вам, и будем больше помогать в будущем".

Однако, когда высказывались эти слова, регрессивная линия Чжоу Энь-лая находилась, по-видимому, в подчиненном положении, была слабой. Теперь она, должно быть, взяла верх, так что ее последователи стали говорить совершенно по-иному.

Товарищ Адиль, который вернулся из Пекина, куда он съездил для заключения экономического соглашения, констатировал там явно холодный, грубый, пренебрежительный и даже враждебный дух со стороны людей из группы Чжоу Энь-лая и Ли Сянь-няня. **Ли Сянь-нянь почти открыто сказал Адилю: „Даже оказание вам той помощи, которая была оказана, было ошибкой с нашей стороны, за которую меня раскритиковали".** „Я, — сказал ему Ли Сянь-нянь, человек, который рубит сплеча, — стою за сокращение капиталовложений". Другими словами это означает: „Вы, албанцы, думайте, что хотите, я топором отсекаю ваши запросы". Наши запросы разумны, однако для китайцев наши взгляды и наша политическая линия „неразумны". Китайцы хотят, чтобы и мы мыслили и поступали подобно им, проводили оппортунистическую, непринципиальную внешнюю политику, чтобы мы внутри страны либеральничали с врагами народа и партии, которых мы наказываем, а китайцы восстанавливают на руководящие посты. **Китайцы добиваются того, чтобы наша партия и наше государство лишились своей личности, завоеванной ценою крови и лишений, и стали их сателлитом. Они хотят, чтобы по всем делам наши куранты бились в унисон с пекинскими курантами. Но этого никогда не будет, если пекинские куранты не будут биться в унисон с курантами Маркса, Энгельса, Ленина**

и Сталина, которых верно и последовательно придерживается Албанская партия Труда.

Ясно, что группа Чжоу Энь-лая оказывает давление на нас и хочет, чтобы наша правильная, марксистско-ленинская линия не затмевала и не ставила в трудное положение их линию, которая не является марксистско-ленинской, но которую они всячески стараются записать в историю как „революционную, марксистско-ленинскую" линию. Эта их враждебная нам позиция стала всем известна. Различные китайские послы говорят о нас языком Ли Сянь-няня. Советские, румыны и югославы пронюхали это и вновь усилили свое давление на нас. Действительность такова, однако давлением нас нельзя ни поколебать, ни запугать. **Группа Чжоу Энь-лая, подобно хрущевской группе, грубо ошибается, когда она думает, что поставит нас на колени. Мы осилим и эту группу на международной арене.** Мир и народы увидят, что народ, каким бы малочисленным он ни был, если им руководит марксистско-ленинская партия, непобедим; наоборот, он смело идет вперед и побеждает. Братский китайский народ в один прекрасный день также увидит шовинистическую политику, проводимую его руководством против социалистической Албании и Албанской партии Труда, которые в любой момент и особенно в самые тяжелые для Китая времена были рядом с ним, всеми силами защищали и поддерживали его.

Мы всегда будем стоять за правое дело китайского народа, всегда будем стоять за путь революции и марксизма-ленинизма. Великодержавную политику долго нельзя скрывать.

ПОНЕДЕЛЬНИК
7 ИЮЛЯ 1975 г.

ЛИ СЯНЬ-НЯНЬ ВЫСТУПАЕТ ПРОТИВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ АЛБАНИИ

Ли Сянь-нянь на IV съезде нашей партии выглядел туча тучей. Он „Буддой" сидел, и только было заметно судорожное подергивание на щеке, по-видимому, от нервного раздражения потому, что делегаты съезда целые дни без устали скандировали и аплодировали с целью бросить в лицо советским ревизионистам — Поспелову и Андропову — сплоченность албанских коммунистов вокруг Центрального Комитета, а также свою верность и верность всего народа Албанской партии Труда и марксизму-ленинизму. Этот Ли Сянь-нянь, который на съезде важно сиживал, выдавая себя за представителя великого Китая, из-за которого пошла писать губерния в Бухаресте и в Москве, посоветовал нам быть осмотрительными с советскими, беседовать с Хрущевым и его компанией. Этот лакей Чжоу Энь-лая во время Культурной революции стал похож на крысу, которой некуда было деваться. Тогда на него чуть ли не надели колпак, не говоря уже о том, что его резко критиковали, обругали, осудили, довели до ручки. Это он сам говорил нам. Во время Культурной революции, когда различные делегации из нашей страны бывали в Китае, он и его патрон, Чжоу Энь-лай, который не был убран лишь благодаря вмешательству самого Мао, сидели как мокрые курицы.

«О *tempora! O mores!»* Бурные времена миновали, Чжоу и Ли Сянь-нянь всплыли на поверхность и захватили власть, между тем как Чэнь Бо-да оказался, мол, „агентом всех" и был ликвидирован; Линь Бяо, „агент советских, заговорщик, взял самолет, сбежал и испепелился в Монголии", другие были бро-

шены в тюрьмы. Китай выбивался из сил, чтобы реорганизовать расшатавшуюся партию, которая созвала свой съезд. С трудом удалось созвать Собрание Народных Представителей. Поговаривают, что готовятся съезды общественных организаций. Однако в обстановке этих брожений одно было сделано основательно: была установлена крепнущая ныне дружба с Соединенными Штатами Америки. Батареи были направлены только против советских. Был реабилитирован Дэн Сяо-пин, который стал зампремьером, зампредседателем партии, членом Политбюро Центрального Комитета, начальником генштаба и т.п. Он съездил и на сессию Генеральной Ассамблеи ООН, где заявил, что Китай „входит в третий мир“. Китай стал активизироваться на международной арене, проповедуя дружбу со всеми, за исключением Советского Союза.

Ли Сянь-нянь, в связи с болезнью Чжоу Энь-лая, был превознесен как „король“ китайской экономики и даже как „король“ тщеславной международной политики Китая. Он говорил нашим товарищам: „Я был в Пакистане и сказал Али Бхутто быть бдительным в отношении советских и бороться против них“, — словно Бхутто ожидал наставлений Чжоу Энь-лая и Ли Сянь-няня; „Я был в Иране и посоветовал шахиншаху беречься советских и бороться против них“, — словно шах Ирана не знал, как бороться против советских и ждал, чтобы его надоумил Ли Сянь-нянь; „Я посоветовал иракцам быть в ладах с Ираном и порвать с Советским Союзом“. Видите ли, Аль Бакр договорился с Пехлеви за красивые глаза Ли Сянь-няня!; „Я посоветовал афганцам быть бдительными в отношении советских“, будто Даут ждал, чтобы Ли Сянь-нянь посоветовал ему не связываться тесно с Москвой! „Очень умная“ политика и индюшечья мегаломания! Они думают, что „сердечные“ переговоры, которые они ведут с правящими кликами различных стран „третьего мира“, имеют решающий вес! Эти клики поступают подобно буржуям-капиталистам, какими они и являются; запрашивают долларов, и, когда Китай дает их, они говорят какое-нибудь доброе слово о нем, но без ущерба для себя, ибо они получают со всех сторон и держат нос по ветру. У них не было и нет принципов. С дру-

гой стороны, фальшивая беседа и дружба с Китаем ослабляют позиции революции в их странах, срывают работу патриотов, коммунистов и демократов, которые считают, что Китай стоит за революцию и ведут пропаганду в этом духе. К сожалению, политика Китая на руку королям и буржуазным диктаторам. Китай играет на руку Соединенным Штатам Америки, которые предоставляют ему до какой-то степени свободно действовать в его сферах влияния, ибо он выступает антисоветским трубадуром, а американцев это устраивает.

Таким образом, „премудрый“ Ли Сянь-нянь делает большую экономическую и международную политику Китая. Он говорит под сенью флага Мао и выступает против Албанской партии Труда, против социалистической Албании, против верного друга Китая. Теперь эти элементы стоят у власти в Китае. Реабилитация Дэн Сяо-пина и, несомненно, многих подобных ему других, изобличенных Культурной революцией, привела к тому, что все они вершат закон в Китае, ведут борьбу против друзей — марксистов-ленинцев и берут под защиту антимарксистов, колеблющихся, буржуа и всех своих лизоблюдов. Мао говорил, что каждые 7 или 8 лет в Китае будет проведена революция, которая сметет власть имущих. Согласно этой „проповеди“, срок наступает. Посмотрим, что будет.

ЧЕТВЕРГ
31 ИЮЛЯ 1975 г.

У КИТАЙСКОЙ ПОЛИТИКИ НЕТ ПРОЛЕТАРСКОЙ КЛАССОВОЙ ОСИ

Мы не должны упускать из виду, что Советский Союз, как социал-империалистическое государство, видит в Китае Мао большую угрозу, поэтому он старается подточить его, желательно и напасть на него. Однако, будучи социал-империалистическим государством, он считает, что Китай также может напасть на него. Китай, думается мне, этого не сделает, но стратегически он стремится наверстать упущенное, чтобы в экономическом и военном отношении стать великой державой с совершенно современной индустрией и сельским хозяйством. Если Китай добьется этой цели без войн, то он станет колоссальной державой, третьей мировой великой державой. Но какой мировой великой державой? Социалистической или империалистической? Это зависит от политических и идеологических позиций Коммунистической партии Китая. Если Китай станет на прочные и незыблемые марксистско-ленинские позиции, то он станет великой социалистической державой, столпом мировой революции, заклятым врагом двух империалистических сверхдержав — Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. В противном случае, Китай тоже станет социал-империалистической державой. И тогда все эти три державы захватническими войнами будут господствовать над народами, тогда будет пущена в ход игра империалистических союзов и несправедливых войн за гегемонию и передел зон влияния и т.д.

На каких позициях стоит ныне Китай на международной арене? На мой взгляд, он не занимает революционную пози-

цию, не проводит воистину классовую, революционную политику. Китай считает, что главным врагом мира является Советский Союз. Но это не совсем так. Сегодня главных врагов в мире два: Советский Союз и Соединенные Штаты Америки. Для Китая стратегически Советский Союз, быть может, является непосредственным врагом, однако, когда речь идет о мировой политике, нельзя проводить такую грань, делать такое отличие, ибо тогда получается, что Китай думает только о самом себе и не думает и о других народах, которые страдают и хотят своего освобождения. Но освободиться от кого хотят они? Только ли от Советского Союза? А от Соединенных Штатов Америки? Народы, несомненно, хотят освободиться от обеих этих сверхдержав и от всех капиталистов в мире, которые все вместе сосут у них кровь.

Нынешняя международная политика Китая отличается призывом к „единству всех“: американского империализма, других великих капиталистических держав, „третьего мира“, к которому он открыто причисляет и самого себя, „мира неприсоединившихся“, и, наконец, народов, марксистов-ленинцев и всех революционеров. Итак, всех их, без разбору, он призывает к „единству“ против социал-империалистического Советского Союза. Настоящая явно немарксистская политика Китая говорит всем: **„Бросьте классовую борьбу, забудьте на время революцию (пока я, Китай, не стану великой державой), пролетарии всего мира, объедините свои усилия с угнетающей вас буржуазией, ибо (послушайте меня и следуйте за мной) сначала нам надо разгромить врага номер один, социал-империалистический Советский Союз, потом видно будет“.**

Такая политика Китая, способствующая американскому империализму и мировым капиталистическим державам, вводит в заблуждение и раскалывает революционные силы и коммунистов во всем мире. То же самое делали и хрущевцы. Что говорили они? Мирное сосуществование, дружба со всеми и особенно с американцами; борьба против марксистов-ленинцев, против революционной борьбы; революция мирным путем“ и т.д. и т.п. А что говорит ныне Китай? Все упомянутое мною выше, которое уже всем известно, но в адрес Совет-

ского Союза и против него. „Против“ Соединенных Штатов Америки под сурдинку выступает и Китай, между тем как Хрущев в свое время разил их „крупными бомбами“. Противоречия Китая с Соединенными Штатами Америки находятся, как сказать, в состоянии спячки.

Китай с поражающей наивностью думает, что Соединенные Штаты Америки и другие страны, которые он призывает к единству, „пойдут войной“ на Советский Союз, как ему угодно и когда ему угодно. Как далеко его желание от действительности! На практике происходит обратное. Американский империализм и его союзники принимают и поддерживают политику и призыв Китая, ибо они очень выгодны им, эта политика оказывает им большую помощь в борьбе за введение в заблуждение революционеров и за их подавление, за смягчение классовой борьбы и восстановление всех сил против Советского Союза и других ревизионистских партий какой бы то ни было страны. В своей глобальной стратегии американские империалисты и их союзники лезут из кожи вон, чтобы натравить Китай на Советский Союз и чего только не делают, чтобы напугать его китайской угрозой, с тем чтобы легче добиться своей цели, еще больше и возможно скорее ослабить и подточить Советский Союз, а затем умноженными силами пойти и на Китай. Это ясно любому сколько-нибудь здраво мыслящему человеку, между тем как китайским „марксистам-ленинцам-маоцзэдунъистам“ — нет. Китайские руководители хвастаются тем, что своей политикой они ослабляют Советский Союз и углубляют противоречия между ним и Соединенными Штатами Америки. Однако они забывают о том, что существует и другая возможность, которую они полностью упускают из виду, а именно, что эта политика на руку Соединенным Штатам Америки. Китайцы наивно полагают, что своей политикой они ослабляют обе сверхдержавы — Советский Союз и Соединенные Штаты Америки.

Социалистический Китай может играть поистине решающую роль в мире, если его внешняя политика будет классовой, марксистско-ленинской политикой, опирающейся на силу, желания и чаяния народов. Китайцы запросто и часто на

словах проповедуют такую политику, но не подкрепляют его делами. Китай поддерживает дипломатические отношения со многими государствами в мире, даже и с фашистскими государствами. Он ведет крупномасштабную международную торговлю, быть может, он предоставляет им и кредиты, **однако везде ясно видно, что он придает особенно большое значение и старается отмечать свои связи с лидерами этих стран.** Надо сказать, что межгосударственные связи неизбежны, однако „такое дружелюбное" обращение Китая с лидерами господствующей буржуазии прозрачно означает, что он предал забвению классовую сторону взаимоотношений между государствами. Народы и революционеры этих стран горько разочаровываются китайской политикой.

Народ — единственная настоящая основа борьбы против советских социал-империалистов, американских империалистов и местной буржуазии. Этот фактор никогда, ни при каких условиях, не должен быть упущен из виду. Однако китайцы забывают об этом. Свои союзы и свои надежды они возлагают на буржуазно-капиталистических лидеров. Китайцы считают, что последние являются „верными союзниками" революции, достаточно того, чтобы они проявляли даже малейший признак антисоветизма. Фашистский режим Чили является антисоветским и проамериканским до мозга костей, однако для китайцев он является их союзником и спутником.

Китаю совершенно не по себе, что Вьетнам, Лаос и Северная Корея выступают просоветчиками. И в этом он прав. Но зато им тоже не по себе, что Китай выступает проамериканцем. Обе стороны проводят непринципиальную, неклассовую, немарксистсколенинскую политику. Они стоят на оппортунистических позициях, чреватых угрозами для всех. Советские ревизионисты через вьетнамцев стараются доминировать в Индокитае. Китай, понятно, стремится во что бы то ни стало вступить в беспринципную конкуренцию. Если в этом соперничестве с Советским Союзом Китай окажется в подчиненном положении, то он либо порвет со странами Индокитая, либо косвенно позовет на помощь Соединенные Штаты

Америки. Что получится из этого? Вьетнам и подобные ему страны станут добычей ряда империалистов.

И в международном коммунистическом движении Китай делает то же самое. Вначале при возникновении марксистско-ленинских коммунистических партий он не особенно интересовался ими, затем этот интерес был сведен на нет, а ныне он проявляет больше интереса к ним и призывает к беспринципному объединению различных групп под лозунгом „борьба Советскому Союзу и союз с Соединенными Штатами Америки и с капиталистической буржуазией их стран“. Конечно, настоящая политика вызвала большое и законное смятение и недовольство у наших товарищей в мире, но как они, так и мы не хотим открыто выступать против этой политики Китая. Однако язык на привязи держать мы не можем, да и не можем стать патефоном порочной китайской политики.

Мы открыто и во всеуслышание заявляем о наших позициях и о нашей политике обо всем — о любом событии, о любой политической сделке, совершаемой в ущерб народам. И вот почему наша политика отличается от политики Китая по многим принципиальным вопросам. По-нашему, это хорошо, ибо народы и марксисты-ленинцы в состоянии сами судить о том, кто мыслит и поступает правильно, а кто — неправильно; затем это их дело следовать по марксистско-ленинскому пути и применять марксизм-ленинизм в соответствии с конкретным положением своих стран.

Наша партия неоднократно изъявляла и изъявляет желание вести товарищеские переговоры с китайскими товарищами об этих жизненно важных принципиальных проблемах, однако китайцы не хотят таких переговоров, они увиливают от них, причем они открыто заявляют об этом, откладывая даже и поездку туда нашей партийно-правительственной делегации в такое время, когда какого только реакционера они не принимают у себя. Нам ясно, что они несогласны с нашими правильными позициями и не хотят очной ставки путем обсуждения проблем, так как они не стоят на марксистско-ленинских позициях.

Подобная неправильная политика Китая на международной арене является результатом бытующих в Китае немарксистсколенинских взглядов. Трудно точно установить, что происходит в этой стране; но одно мы можем сказать: там, видимо, нет стабильности; там, видимо, имеются сильные соперничающие группы, которые, под флагом Мао, стремятся занять господствующие позиции в партии и в государстве. Осужденные „Культурной революцией" реабилитируются и вновь занимают утраченные посты. Они, несомненно, отомстят тем, которые совершили Культурную революцию. Культурная революция официально продолжает считаться знаменем для любого предпринимаемого там действия и шага, однако это дряхлеющее знамя. Те, которые совершили Культурную революцию, не могут мириться с тем курсом, который получили события — с реабилитацией их вчерашних противников, с проведением столь мягкой политики в отношении американских империалистов, с уходом от правильного пути — пути борьбы против ревизионистского Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Их, последователей этого пути, называли последователями Линь Бяо, объявленного „советским агентом". Ныне говорят, что в Ханчжоу, Шанхае и в других городах Китая наблюдаются волнения в армии. Говорят, что это „сторонники Линь Бяо". Они и могут быть сторонниками Линь Бяо, однако важно то, каковы их истинные политические и идеологические взгляды.

Праздник нашей армии прошел очень бледно в Пекине. Организатор официального празднества, какой-то работник протокольного отдела министерства иностранных дел час спустя сказал: „Праздник кончился". По этому случаю в зале почти никого не было из главных руководителей.

Почему все это происходит? Почему китайцы совсем не упоминают нашу статью о Конференции в Хельсинки, тогда как они роются во всяких газетенках, выступающих против Советского Союза относительно этой конференции? Если Советский Союз где-либо подвергается воистину сильному изобличению, то это в нашей статье. Тогда почему же китайские товарищи обходят молчанием эту статью?! Нам причина ясна:

в этой статье так же сильно изобличаются и Соединенные Штаты Америки, а китайцам не хочется, чтобы их внутренняя общественность ознакомилась с этим. Мы не можем подыскать никакого другого объяснения этому важному политическому событию.

ВТОРНИК
5 АВГУСТА 1975 г.

ОТНОШЕНИЕ КИТАЙЦЕВ К НАМ СТАНОВИТСЯ ВСЕ ХУЖЕ

Мы отмечаем некоторое политически некорректное отношение к нам со стороны китайцев; оно обращает наше внимание потому, что мы никогда раньше не отмечали его.

Каждый раз на празднике своей армии нашего военного атташе в Пекине они сажали на почетное место, за один стол вместе с военными и гражданскими китайскими руководителями, или же с представителями тех государств, с которыми мы поддерживаем отношения, как-то с вьетнамцами, корейцами и т.д. **На этот раз они поступили иначе, причем в явно провокационных целях: нашего военного атташе посадили за один и тот же стол, что и советского военного атташе. Узнав об этом, наш атташе отказался сесть, потребовал другого места и выразил протест по поводу того, что китайские товарищи хотели усадить его за общий с ревизионистским врагом стол. Его пересадили за другой стол, за которым главным был английский военный атташе. Провокации следовали одна за другой. Наш атташе отказался и от этого места и потребовал отвести ему другое место, иначе он был бы вынужден покинуть праздник. Тогда провокаторы отвели ему другое место.**

Китайская сторона ведет себя с нами так в то время, когда наши статьи последних дней не опубликованы в китайской печати. Китайцы ничего не передавали об этих статьях, что обратило внимание даже многих иностранных послов в Пекине: Как это может быть, что Китай, относительно Конференции в Хельсинки, ссылается на прессу всего мира, а об албанской печати и слова не говорит?!

Мы послали в Пекин также выставку живописи. Однако китайцы откроют ее сначала в Кантоне, а не в Пекине, „ибо у них залы заняты, так как там они откроют румынскую выставку, вьетнамскую выставку“ и др.

Я думаю, и это очевидно, что такие недружелюбные акты в отношении нас увеличатся в будущем, потому что китайцы не разделяют линию нашей партии, они не довольны тем, что мы не следуем их либеральной, проамериканской и западной линии. Им наверняка не по душе то, что мы раскрыли и разгромили военных предателей — Бекира Балуку и его соумышленников, которые в основу своего заговора положили данные им Чжоу Энь-лаем советы „об обороне“. Бекир Балуку и китайцы, может, сговорились и о других вопросах, о которых мы не знаем, однако „мысли-советы“, которые Чжоу Энь-лай дал Бекиру, когда тот был в Пекине, нам известны.

С другой стороны, разгромив врагов — Абдюля Кэлэзи, Кочо Теодоси и т.д., мы, может быть, наступили китайцам на мозоль не потому, что Абдюль Кэлэзи был председателем албанско-китайского общества дружбы, а потому, что он разделял политическо-экономические взгляды Чжоу Энь-лая, был другом китайцев, их „ценным другом“, если не больше. Децентрализация экономики, курс на „самоуправление“, саботирование нефти, раздувание бюрократизма и другие злодеяния Абдюля Кэлэзи и его компании были очень по душе Чжоу Энь-лаю, если не сам Чжоу подбивал их на это. **Во всяком случае, Бекир Балуку и Абдюль Кэлэзи были две змеиные головки, которые мы отрубили, и им так и не удалось ужалить нас, как о том могли мечтать и велеть Брежнев или Тито, Чжоу или Соединенные Штаты Америки.** Чжоу и люди его группы обеспокоены тем, что мы раскрыли их затею, и они в этом правы, ибо мы судим о них, только основываясь на фактах, которые они сами предоставляют нам. Мы прямых обвинений на них не возводим, но, поскольку нашей дружбе они противопоставляют такие недружественные жесты, мы вправе подозревать их в том, что за кулисами они, может, замышляли неприятельские деяния в отношении нас; они, может, натво-

рили и других злодеяний, о которых мы еще не знаем, но которые время наверняка раскроет.

Мы должны отстаивать свою линию, марксистско-ленинские принципы; это нам надо делать открыто и во весь голос; нам надо беречь дружбу с китайским народом и с китайскими марксистами-ленинцами, быть осмотрительными и остерегаться провокаций, ибо китайские ревизионисты к этому и ведут дело. Они постараются, чтобы мы попали впросак, с тем чтобы затем взвалить на нас вину за разрыв отношений с Китаем. А отношения с Китаем нам не следует обострять. Надо отстаивать принципы, а если китайцы пойдут в отношении нас на какой-нибудь серьезный поступок, идущий вразрез с нашими марксистско-ленинскими принципами, то мы обязательно должны указать им на это и противодействовать. На мелкие несуразности, которые они допускают себе, нам следует отвечать дружелюбно и трезво, как поступили работники нашего посольства относительно вопроса о выставке.

Не подлежит сомнению, что какой-нибудь из раскрытых нами врагов-саботажников, вроде Бекира Балуку, Абдюля Кэлэзи, Хито Чако или кого-нибудь другого, говорил китайцам, что „наше (албанское) руководство критикует вас по многим вопросам“ и т.п. И, по всей видимости, китайское руководство приняло это близко к сердцу, поэтому оно стоит на известных нам позициях и еще не принимает нашу официальную партийно-правительственную делегацию. Об этом свидетельствует также и то, как они встретили наши запросы о кредитах на шестую пятилетку.

На этот раз китайцы обошлись с нами резко, жестоко, враждебно, а не как раньше, когда, хотя они и не удовлетворяли всех наших запросов, их тон был доброжелательным, дружелюбным.

Последние два года отношение китайцев к нам изменилось к худшему. Какова причина? Причина кроется в наших правильных, принципиальных позициях, которые не совпадают с их позициями. Но ведь они это знали давно. Наши позиции открытые по любой проблеме; великую дружбу с Китаем мы отмечали и отмечаем. Тогда что?! Не подлежит никакому сом-

нению, что в основе этого их возмущения лежат наши идеологические разногласия, однако здесь врагами пущена в ход и крупная интрига. Они пытаются во что бы то ни стало подорвать нашу дружбу с Китаем, с тем чтобы ослабить нашу оборону и нашу экономику, а затем нанести нам удар и захватить власть. Так что Бекир Балуку, Абдюль Кэлэзи и др. в одно и то же время и интриговали и клеветали заодно с китайцами, и саботировали внутри.

С арестом военных предателей и с ликвидацией враждебной работы Абдюля Кэлэзи и его компании китайцы, быть может, думают, что мы разбили этих врагов с „антикитайских" позиций. Мы осведомили их о враждебной деятельности Бекира Балуку, проинформируем их и о деятельности Абдюля Кэлэзи. Нам надо говорить китайцам о враждебной деятельности этих предателей и разъяснить им в чем правда, а именно, что раскрытые нами предатели были, помимо всего прочего, закоренелыми клеветниками, мошенниками. Мы должны назначить какого-либо товарища из Политбюро председателем общества албанско-китайской дружбы на место Абдюля Кэлэзи.

Вполне вероятно, что, если вопросы будут поняты не марксистским, а субъективистским путем, китайцы нашу дружбу с Китаем свяжут с саботажником типа Абдюля Кэлэзи. Эту ситуацию мы должны уяснить и желательно ликвидировать.

ЧЕТВЕРГ
21 АВГУСТА 1975 г.

НЕУРАВНОВЕШЕННЫЕ КИТАЙСКИЕ ДЕЯНИЯ

Зарубежная пресса продолжает говорить и делать упор на „волнения в Ханчжоу“, где „рабочие взбунтовали из-за зарплаты“. С другой стороны, эта же пресса пишет, что якобы в иностранные посольства в Пекине „народом“ посланы листовки против Дэн Сяо-пина, которого называют „виновником подавления повстанцев и кровопролития“.

Классовая борьба продолжается и будет продолжаться в период строительства социалистического общества, однако у нас складывается впечатление, что в Китае эта борьба ведется непоследовательно; она мягкая и не основана на прочных и устойчивых принципах. Когда наблюдаются колебания в политической линии, наверняка будут и колеблющиеся позиции в отношении врагов.

Не придерживаться твердой линии в поворотные моменты, значит не быть хозяином положения, а это приводит к тому, к чему и привело: совершилась Культурная революция против предательской группы Лю Шао-ци, и в эту группу вошли и Дэн Сяо-пин, Ли Дэ-шэн и др. Через некоторое время они оказались „невиновными“ и заняли прежние посты, „перевоспитались“. „Магические“ слова, „чудеса мысли Мао Цзэдуна“! Однако есть много таких, которых не проведешь на этой скоропалительной реабилитации и которые ставят вопрос: Кто был прав — те, которые совершили Культурную революцию, или же те, которые выступали против нее? Конечно, будут столкновения как посредством дацзыбао, так и посредством беспорядков и забастовок, но, в случае углубления противоречий, может быть пущено в ход и оружие.

Мне думается, что эта политика Китая, характеризующаяся зигзагами, приливами и отливами и пронизанная „проамериканскими“ тенденциями, неясная и неустойчивая „глобальная политика“, не будет иметь успеха среди государств и народов мира.

Вьетнамцы и китайцы за глаза дурно отзываются друг о друге. Вьетнамцы говорят, что китайцы вмешиваются в их внутренние дела. Правду мы не знаем, однако Китай заинтересован в том, чтобы Вьетнам не стал базой Советского Союза. Вьетнам представляет собой большую угрозу для Китая в случае нападения советских ревизионистов.

Ким Ир Сен, со своей стороны, является псевдомарксистом. Он, подобно Тито и Чаушеску, начал пускать в ход *«la tournée des grands-ducs»** в Европе, в Африке, подобно Тито и Чаушеску…

США стали „Каабой“ ревизионистов. Все просят благословения у „всемирного халифа“ — американского президента в Вашингтоне. Ревизионисты из-за долларов на серебряном блюдце подносят американскому президенту лакомые куски своей родины. Одним словом, они, как ни в чем не бывало, ходят к президенту Соединенных Штатов Америки и продают ему свободу, независимость и суверенитет своей родины…

Японец Мики с глазу на глаз побеседовал с Фордом. О чем? Об интересах Соединенных Штатов Америки и Японии. Естественно, Япония также настроена против Китая. Форд и Мики будут проводить теперь уравновешенную политику как против Китая, так и против Советского Союза. Не подлежит никакому сомнению, что Форд пообещал Японии атомное оружие, но зато и Япония, со своей стороны, пообещала Форду дружбу азиатского жандарма против того или тех, которые поставят под угрозу эту американско-японскую дружбу.

Китай, таким образом, извивается между хитрыми японцами-врагами, колеблющимся ревизионистом-мегаломаном Ким Ир Сеном, просоветскими вьетнамцами и враждебной Инди-

---

* По-французски: любовные шашни.

ей. Ничего прочного не может получаться от подобной политики, лишенной марксистско-ленинского спинного хребта. Если китайцы полагают, что подобной политикой им удастся укрепить и консолидировать позиции социализма в стране и за ее пределами, то они грубо ошибаются, и их ждут горькие разочарования. Китайцы, исходя из некоторых буржуазных дипломатических улыбок, считают, что капиталистические клики на стороне политики Китая, а между тем они должны уяснить себе, что эти клики всем своим существом связаны с мировым капитализмом, с двумя сверхдержавами. Они нуждаются в „дружбе" Китая в целях получения какого-нибудь кредита и оказания какого-либо спорадического шантажа. Для них Китай является „модным государством", который „и не шьет и не порет; ныне он не опасен для нас, но и проку нам от него нет". Китай они считают „буферным государством", которое может как-нибудь содействовать им справиться с какой-нибудь неожиданностью.

К сожалению, Китай верит, что „дружба" этих клик равносильна дружбе народов, над которыми они господствуют. В этом Китай либо грубо ошибается, либо поступает так потому, что это ему больше по вкусу.

ПОНЕДЕЛЬНИК
29 СЕНТЯБРЯ 1975 г.

У КИТАЯ И РУМЫНИИ ОДНА ЛИНИЯ

Кто такие эти румынские ревизионисты с Чаушеску во главе, которых китайцы так сильно любят и поддерживают?

Последнее время высокопоставленные партийные и государственные румынские деятели посещают Китай, как свой дом, встречаются с высокопоставленными деятелями — членами Политбюро, получают от них и дают им, жмутся и целуются, пишут и взаимно хвалят друг друга.

Что румынская буржуазия известна в истории „любовными интрижками" — это вне всякого сомнения. Она со всеми заводила „любовь", во все времена; так поступала буржуазия, например, с буржуазной Францией, так поступала и поступает новая ревизионистская буржуазия с Советским Союзом Хрущева, с Китаем Мао, с Югославией Тито, с Соединенными Штатами Америки, с Германской Федеративной Республикой и со всеми теми, кто выдает ей деньги. Это очевидно для всех, только для китайцев — нет. По мнению китайцев, Румыния Чаушеску настроена „против Советского Союза", поэтому „она является социалистической страной", а „румынская партия — марксистско-ленинской партией". Все это беспочвенно. Обратное — сущая правда.

Если у Чаушеску и есть хоть доля антисоветизма, то это потому, что он авантюрист хрущевского, титовского и т.п. типа, который занял позицию сводника, причем вполне вероятно, что занимает он такую позицию с ведома и при помощи советских и живет необеспокоенный ими в силу тех услуг, которые он оказывает им. Он живет на деньги Соединенных Штатов Америки, Германской Федеративной Республики и всех

тех, кто субсидирует его. Режим Чаушеску является режимом коррупции и банкротства, режимом личной и семейной диктатуры.

Позор китайцам, считающим подобную партию марксистско-ленинской, а подобного авантюриста, как Чаушеску — „великим политиком“!

А почему китайцы обходятся так с Румынией и с Чаушеску? Нет другого объяснения этому: они друг другу по душе, их политика совпадает как в области стратегии, так и в области тактики. Румыны выдают себя за антисоветчиков, тогда как китайцы являются антисоветчиками. Румыны являются друзьями американцев, они посредничали и помирили китайцев с американцами. Чаушеску и Боднэраш стали „шаферами“ китайско-американской дружбы, которая сходна с румынско-советскими или с советско-американскими связями. Якобы перебраниваются друг с другом, но это лишь для видимости, а за стеной они занимаются политическим, торговым и др. содомизмом.

Румыны выступают за широкую политику с капиталистами Европы, которым Румыния продалась якобы для того, чтобы защищаться от советских. Китай также выступает за политику сближения с европейской реакцией, но против советских. Тактика китайцев в этом направлении такова: „Берегись, Европа, а то Советский Союз пожрет тебя войной!“

Значит, у Румынии и Китая одна линия. Первая получает и кредиты у Европы, а Китай пока что еще нет, но, как бы то ни было, он ведет „интересную“ торговлю с ней. У Румынии „муж“ — Соединенные Штаты Америки — силен; она урывает от него долларов и других льгот, тогда как Китай ведет с Соединенными Штатами Америки торговлю, покупает и продает, больше принимает, чем посылает туда группы людей всякого рода, которых там сердечно встречают.

Чаушеску задумал совершить королевские дипломатические поездки по всем странам мира. Его больше увидишь за пределами Румынии, чем в самой Румынии. Что он делает за рубежом? Получает и выдает, заключает и расторгает соглашения, получает какую-нибудь долю, а кое-кто вручает ему и

какой-нибудь орден. Чаушеску замещает Тито в подозрительных переговорах по континентам.

Китай ведет себя в мире не подобно Румынии: ему по душе тактика „активизации, признания“, однако он пока что не делает мерзостей, подобно Румынии. Румыния отказалась от коммунизма и от революции. И Китай на таких же водах плавает. Китай объявил себя участником „третьего мира“, однако быть участником „третьего мира“, значит быть участником также „мира неприсоединившихся“. Чем отличается „третий мир“ от „мира неприсоединившихся“ — это объясняют „теория“ Тито и „теория“ Дэн Сяо-пина, ознаменовавшая собой вступление Китая в этот „мир“.

Итак, все это и прочие факторы делают Румынию „ближайшим другом Китая“!

Мы осуждаем антимарксистскую, проамериканскую и проревизионистскую политику румынского руководства. Конечно, подобная позиция с нашей стороны вызывает и охлаждение Китая к нам.

В Китае на все перекрестки пропагандируют Румынию. Кто-то в Шанхае сказал нашему товарищу: „В Албании советскими агентами был предпринят путч с целью свержения вашего правительства, но вам пришли на помощь две румынские дивизии, которые спасли положение“. Его, полагаю, не подговорили сверху говорить это, но он наверно был вражеским элементом или же человеком, узнавшим о деле Бекира Балуку, так что он увязал его дело и с „их верной союзницей — Румынией“ и состряпал канву.

Такова международная политика Румынии, таково и мнение Китая о ней. Мы стоим и против первой, и против мнения второго; при этом мы основываемся на реалистичных анализах, произведенных сквозь призму марксизма-ленинизма.

В Европе и в мире вообще Румыния уже проводит „большую политику“, но она норовит завладеть и дирижерской палкой балканской политики. Ни больше ни меньше: Чауш хочет стать башчаушем* на Балканах, выступая за совещание

* Из турецкого. Соответственно: сержант и старший сержант.

всех руководителей балканских государств, куда были бы приглашены также Соединенные Штаты Америки и Италия. „Младшая латинская сестра“ вместе со своей старшей латинской сестрой, обе известные как соучастницы в фашизме и своим подчинением американскому империализму, мечтает завести нас в загон американцев.

Румыния знает, что это ее предложение — мыльный пузырь; но ничего, пузырь, прежде чем лопнуть, отливается „некоторыми цветами“ радуги.

В чем заключается антисоветизм Чаушеску? Ни в чем важном. Он, мол, не принимает участия войсками в маневрах Варшавского договора, но ведь принимает участие в них штабами. Румыния состоит в Варшавском договоре и останется в нем. В СЭВ она входит целиком и полностью, хотя и возражает иногда, иной раз лягается; однако в СЭВ лягаются даже и болгары, которые прилипли к советским, „как штаны к заднице“ .

Тогда в чем выражается их антисоветизм? Не в том ли, что они не стали подобными болгарским руководителям?! Но ведь они стоят недалеко от них, если не зашли дальше их. Когда-нибудь болгары могут нанести и какой-либо неожиданный удар, а румыны не относятся к числу таких „храбрецов“.

ВТОРНИК
30 СЕНТЯБРЯ 1975 г.

В КИТАЕ НИ СЛОВА НЕ БЫЛО СКАЗАНО ОБ ИСПАНСКИХ ГЕРОЯХ

Ни одного единственного слова не говорили до сих пор китайцы в защиту пяти наших испанских товарищей, расстрелянных палачом Франко, трое из которых являются членами Коммунистической партии Испании (марксистско-ленинской), заняв таким образом, антимарксистскую и скандальную позицию. Весь мир поднялся на ноги, выступая с резкими протестами; весь мировой пролетариат, буржуазные правительства и даже Ватикан протестовали против этого отвратительного, возмутительного акта и отозвали своих послов из Мадрида, и только „революционный, социалистический Китай Мао“ не сказал ни единого слова об испанских героях!! Разве это революционная позиция?! Разве это марксистско-ленинская позиция? Нет, это реакционная позиция в полном смысле слова. Китай защищает Франко, как вчера защищал Пиночета в Чили. Итак, ясно, что Китай берет под защиту фашистских псов американского империализма, берет под защиту Соединенные Штаты Америки. Подобные позиции нельзя скрывать разглагольствованиями „…народы хотят революции“ и т.п., когда Китай на деле защищает контрреволюцию.

СРЕДА
1 ОКТЯБРЯ 1975 г.

НЕ ТОЛЬКО РАЗОБЛАЧАТЬ АМЕРИКАНСКИХ ИМПЕРИАЛИСТОВ, НО И БОРОТЬСЯ С НИМИ

Вчера всем Политбюро и Правительством мы были на ужине у китайского посла по случаю 26-й годовщины провозглашения Китайской Народной Республики. Гостиница „Дайти“ была полна приглашенных; роскошный банкет! На обеды и ужины Китай раскошеливается, а на удовлетворение некоторых запросов, связанных с нашим планом, он скупится. Впрочем этот вопрос уже позади, и в беседе с китайским послом мы даже не затронули его.

Конечно, в ходе беседы мы ставили проблемы. Китайский посол, как всегда, прибегнул к известным формулам и словесам, одним словом, к „силосу“. Он только что вернулся из Китая и сказал, что в Дачжае состоялось „самое большое совещание, когда-либо организованное Государственным Советом“, и распространился известными о Дачжае формулами. Я сказал ему, что „мы читали о том, что в Дачжае Дэн Сяо-пин и Цзян Цин выступили с важными речами. Не смогли ли вы сказать нам что-нибудь о содержании этих речей, поскольку „Жэньминь жибао“ ничего не пишет об этом“? Посол ответил, что „и в Пекине повторилось то же совещание“. Другими словами, он хотел сказать, что „я больше ничего не знаю“ или „я не уполномочен говорить вам больше этого“. Тем не менее я попросил его передать нам эти речи, если это будет возможно, „чтобы и мы могли извлечь пользу из их значения“. „Несомненно“, — ответил он. Мы, конечно, ждем получить их, как и другие, …к греческим календам.

Более конкретно я говорил китайскому послу о нашем сельском хозяйстве, о пшенице, которая дала неплохой урожай. Я отметил ему, что теперь мы боремся за более высокую урожайность кукурузы и т.д., ибо в этом году у нас была засуха, которая еще продолжается и вредит нам.

Я рассказал ему также о враждебной работе советских и титовских агентов — Бекира Балуку, Абдюля Кэлэзи и др., отметив, что они много навредили нам, и теперь мы работаем над возмещением ущерба, причиненного их деятельностью. Я подчеркнул, что эти предатели состояли на службе у советских, были саботажниками, клеветниками, обманщиками и т.д. Посол сидел да слушал и только сказал: „Как Лю Шао-ци и Линь Бяо“.

Затем я заговорил о некоторых ключевых проблемах международной обстановки и об агрессивной роли обеих сверхдержав. Он вмешался и вставил их лозунг о борьбе против Советского Союза. Соединенные Штаты Америки он не назвал по имени, а только сказал: „Остальные надо разоблачать“. Я ответил: „Разоблачать-то да, но надо еще и бороться против них, ибо, если мы не будем бороться против них, то одно только разоблачение не очень их беспокоит“.

Потом китайский посол высказал формулу: „Председатель Мао учит готовиться к войне, поэтому надо запасаться хлебом“.

Я ответил ему: „Мао правильно говорит, подготовка для военного времени требует хлеба, но требует и современного оружия. Мы придерживаемся одинаковой с вами линии и знаем, что человек играет главную роль на войне; однако и оружие очень необходимо. Наши враги вооружены до зубов, причем сверхсовременным оружием. Сверхдержавы вооружили не только себя, они вооружают и своих союзников вроде Тито, который получает современное оружие как от Соединенных Штатов Америки, так и от Советского Союза. Румыния придерживается того же пути. Против кого они будут обращать это оружие? Неужели против тех, от которых его получают?! Навряд ли. Впрочем, нельзя исключить и эту возможность, ибо между ними существуют противоречия, однако это

оружие будет направлено в первую очередь против нас, поэтому мы, — как Китай, так и Албания — должны как можно скорее вооружиться современным оружием. У Албании только один открытый путь к приобретению оружия, это путь к нашему великому союзнику, Китаю Мао. Если этот путь будет заказан, а он будет заказан внезапно, то социалистическая Албания будет сражаться в условиях окружения".

Посол выкинул другую известную формулу: „Мы очень отстаем в силу враждебной работы Линь Бяо".

Я не вытерпел и сказал ему: „Эта ситуация обязательно должна быть преодолена, причем как можно скорее. Иначе не полностью проводится в жизнь мысль Мао о том, что обычным оружием нельзя воевать по-настоящему. Вы, китайцы, правильно рассуждаете, когда говорите, что Балканы являются пунктом неминуемого нападения со стороны советских. В этом мы согласны с вами, ибо и мы того же мнения, поэтому мы усиленно активизируем нашу оборону. Партия возложила на Мехмета обязанность Министра обороны. Мы не дадим врагу живым ступать на нашу землю; однако он будет обладать перевесом в воздухе и на море, поэтому нам нужно подходящее оружие для отражения современного оружия врагов". Я продолжал дальше развивать свою мысль, отмечая, что „действительно, угроза неминуемого нападения — в Европе, однако и вы в Азии должны быть настороже, ибо ни советские ни американцы не дремлют".

„Умный" китайский посол опять завел беседу об опыте Дачжая!

Так закончилась наша беседа.

ЧЕТВЕРГ
2 ОКТЯБРЯ 1975 г.

КИТАЙ НЕ ПРОВОДИТ РЕВОЛЮЦИОННУЮ ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ

Коммунистическая партия Китая в области внешней политики занимает ошибочные, немарксистские позиции. Ее политика является нереволюционной, неклассовой, непролетарской политикой, она не способствует революции. Еще вчера Китайская Народная Республика и ее внешняя политика были замкнуты в своей скорлупе, а теперь они разошлись, точно масло в каше, причем разошлись, на наш взгляд, в неправильном направлении.

Каково их неправильное направление?

Коммунистическая партия Китая представляет дело так, будто она содействует мировой революции и марксистско-ленинским коммунистическим и рабочим партиям, а в действительности же она этого не делает.

Коммунистическая партия Китая утверждает, что „Китай входит в третий мир“, вместо того чтобы утвердить его как социалистическую страну и помогать народам мира, а не господствующим кликам их стран, особенно кровожадным кликам реакционной буржуазии, продающимся любому империалисту в целях господства над своими народами. Китай пропагандирует дружбу и союз со всем „третьим миром“, не проводя политической и, особенно, не проводя никакой классовой грани; он не борется за дальнейшее углубление противоречий, существующих между рабочим классом этих стран и их реакционной угнетающей буржуазией. Коммунистическая партия Китая и политика китайского государства игнорируют эти противоречия и добиваются их смягчения, откры-

то выступая в защиту клик Пиночета, Франко, Мобуту и многих других. Это не марксистско-ленинская, а антимарксистская политика, ибо она направлена на погашение классовой борьбы в международном плане. Итак, Коммунистическая партия Китая и китайское государство упускают из виду своего классового союзника, мировой пролетариат, недооценивают его и подчеркивают союз с лидерами буржуазии, угнетающими пролетариат и народы. Причем этот пресловутый союз, рассматриваемый Китаем не сквозь классовую призму, колеблется в зависимости от обстановки.

Китайская внешняя политика руководствуется двумя основными критериями:

Первый критерий: Являешься ли ты поклонником Китая или нет? Если являешься или прикидываешься таким, то ты, кто бы ты ни был, являешься союзником и другом Китая, и „я, Китай, упускаю из виду классовую сторону политики и защищаю тебя, встречаю тебя гонгами, предоставляю даже кредиты тебе. Если ты много будешь воспевать меня, тебя я очень буду любить, будь ты кем угодно; если ты меня умеренно будешь любить, то я настрою дружбу на этот диапазон; если узнаю, что ты противишься мне или же ты запеваешь на иной лад, тогда я поверну флюгер к началу вражды“. Стало быть, колеблющаяся дружба, дружба буржуазного характера.

Второй критерий: Если ты настроен против советских ревизионистов, то ты друг Китая, будь ты кем угодно. Принцип, которого придерживается китайская политика, таков: главным врагом Китая и всего мира является советский социал-империализм, ибо он „не разоблачен, он воинственно настроен, он стремится к мировому господству“. Поэтому, согласно китайской политике, против Советского Союза надо сколотить „священный союз“ с Соединенными Штатами Америки, о которых китайцы говорят, что „они являются империалистами“, но „врагами“ второстепенными, после Советского Союза. Это китайцы говорят лишь для отвода глаз, ибо они пытаются социал-демократическим союзом связаться с Соединенными Штатами Америки. Они ослабили пропаганду по разоблачению американского империализма, смягчили или, вернее, прекра-

тили свою борьбу против Соединенных Штатов Америки и даже зашли еще дальше в консолидации этого ложного и чудовищного союза. В любой партии, выдающей себя за марксистско-ленинскую коммунистическую партию, в любом государстве, прикидывающемся социалистическим государством, китайцы пропагандируют, дают советы и оказывают содействие всем проамериканским течениям, и в то же время добиваются того, чтобы в них мало или совсем не говорили об агрессивных действиях Соединенных Штатов Америки; они совращают революционные, освободительные и марксистско-ленинские движения, внушая им идти по руслу китайской политики. Даже там, где американский империализм глубоко запустил свои кровавые когти и где местные клики стали агентурой американцев, прогрессивным и революционным движениям внушают и советуют говорить, что „главным врагом является Советский Союз“, будь это и вопреки их воле.

Это ужасно. Это значит надувать пролетариат, удушить революцию и потворствовать мировой империалистической войне, вместо того чтобы идти по марксистско-ленинскому пути — бороться за ослабление американских империалистов и советских социал-империалистов, содействовать революции, а не душить ее, содействовать национально-освободительным войнам народов против двух сверхдержав, с тем чтобы расстроить, таким образом, их планы захватнической империалистической войны, и, если не удастся предотвратить эту войну, то превратить ее в гражданскую, освободительную войну, в революцию.

Однако Китай не идет по этому пути. Он заявил, о чем подписал Шанхайское коммюнике, что Соединенные Штаты Америки не являются гегемоном и не будут добиваться гегемонии. Думать так и верить „клочку бумажки“, как Форд назвал в Пекине подобные заявления, значит уйти в сторону от марксистско-ленинской теории, идти противоположным ей путем.

Китай прибегает к некоторым лозунгам, таким как „нации стремятся к своему освобождению“, „народы стремятся к революции“, тогда как на самом деле он не помогает национально-освободительной борьбе и революции, а тушит их. „Мир,

— говорят китайцы, — смутен, но ситуация блестящая“. Утверждать, что „ситуация блестящая“, в то время как обе сверхдержавы угнетают и порабощают народы, готовятся к империалистической войне, подбивают народы на истребление друг друга и т.д. и т.п. и когда ты, Китай, стоишь на стороне одного империалистического государства и просишь у него помощи для борьбы против другого империалистического государства и ради этой предосудительной политики приносишь в жертву революцию, марксистско-ленинское движение и национально-освободительную борьбу народов, значит обманывать, значит совершать великую измену революции. Вот о чем свидетельствует опасная игра Китая.

Китайская пропаганда разоблачает Советский Союз, Варшавский договор и СЭВ, указывая на то, что Советский Союз проникает, например, в Боливию, где он построил цементный завод, и т.п.; с этим мы согласны. Мы всегда были согласны относительно борьбы против советского социал-империализма. Однако утверждать, как это делает Китай, что американский империализм стал мягче, что НАТО нужно, что Европейский общий рынок нужен, что следует говорить: „Да здравствует объединенная буржуазная капиталистическая Европа!“, „Да здравствуют Франко и Пиночет!“, с такими и им подобными взглядами и действиями Китая мы не были и никогда не будем согласны. Наоборот, мы против них, мы будем вести открытую борьбу со всеми подобного рода взглядами, ибо они на руку американскому империализму, мировому капитализму и направлены против марксизма-ленинизма, против революции и социализма.

Капиталистический и ревизионистский мир никогда не были охвачены столь острым и столь глубоким кризисом, как теперь. А Китай что делает? Помогает ли он поднимающимся на забастовки миллионам пролетариев? Помогает ли он безработным, которые исчисляются миллионами в мире? Помогает ли Китай этим колоссальным массам, которые поднялись на ноги, с тем чтобы этой своей помощью углубить кризис американского империализма и советского ревизионизма? Нет, вовсе нет! К сожалению, Китай помогает Соединенным

Штатам Америки и западным капиталистическим государствам безболезненно преодолеть кризис, помогает им политически и идеологически. Он предоставил им рынок своей страны и допускает иностранные капиталовложения в Китай. Все это делается под видом „марксистско-ленинской“ политики и якобы в целях борьбы против врага номер один, Советского Союза, который завтра может стать и его другом номер один.

Китай на деле предоставляет ревизионистам, социал-демократии, стоящим на службе у местного и международного капитала, манипулировать всей массой забастовщиков и безработных. Революционные движения, марксистско-ленинские коммунистические и рабочие партии Китай не поддерживает, не помогает им, а делит их на категории: те, которые хорошо отзываются о Китае и проводят его политику — хорошие; остальные — никуда не годятся.

Однако трагедия международного коммунистического движения заключается в том, что оно ограждает Китай и не говорит против него, берет его под защиту даже тогда, когда он ошибается. Мы, албанцы, открыто его не атаковываем, ибо общие интересы этого еще не требуют. Но наша внешняя и внутренняя политика открыта, решительна и идет вразрез с политикой Китая по всем упомянутым выше вопросам. Китай это знает, народы мира знают, марксисты-ленинцы также знают, ибо язык мы не держали и не будем держать на привязи. Мы ничего, никакого вмешательства или давления не допустим, не позволим ущемления и искажения всемирно известной линии нашей партии. Не мало в мире таких людей, таких государственных деятелей и передовых буржуа, которые с большой симпатией отзываются о политике Албанской партии Труда.

Почему они выказывают такую симпатию?

Во-первых, потому, что мы открыто, смело и прямо говорим против двух великих держав, говорим и в то же время действуем. Эта правильная политика им по душе, потому что многие другие не могут проводить такой политики, ибо обе сверхдержавы связали их по рукам и заткнули им рот.

Во-вторых, потому, что наша политика в отношении буржуазных правительств не является ни либеральной, ни сек-

тантской. Мы умеем отличать прогрессивные правительства от непрогрессивных, причем все поняли и видят, что наша политика отстаивает в первую очередь интересы рабочего класса и народов этих стран и что сквозь призму этих интересов мы поддерживаем те правительства или тех правителей, которые, в общих чертах, в своей правительственной программе хоть сколько-нибудь учитывают эти интересы.

В-третьих, потому, что в смелой политике нашей партии они видят пример, которому и они, и их народы, будь это малые, наподобие нас, или великие, хотят последовать. В моменты кризиса и насилия со стороны двух сверхдержав многие буржуазные правительства или буржуазные правители, в своих попытках выбраться из железных клещей вспоминают Албанию и черпают вдохновение в ее примере.

Китай, как великую социалистическую страну, мы любили и искренне любим, защищали и будем защищать его марксистско-ленинским путем, но эти его ошибки в политической линии нас огорчают, мы считаем их недопустимыми и неприемлемыми. Мы хотим обсуждать их, но китайцы несогласны. Они „успокоились" на том, что мы открыто не выступаем против них, мало ли что всем видно, что наши позиции расходятся. Подобные отношения не должны иметь места между двумя нашими партиями и государствами. За последние два года мы три раза повторяли просьбу о поездке в Пекин нашей Партийно-правительственной делегации во главе с Мехметом, однако китайцы все три раза откладывали ее, пропуская мимо ушей нашу просьбу. В то же время, они принимают всяких государственных деятелей любой категории — империалистов, буржуа, королей и принцесс, начиная с Форда и вплоть до югославского ревизионистского премьер-министра Биедича. Такое равнодушие и пренебрежение нельзя называть иначе, кроме как высокомерием великой державы, которая промежду нас и вполголоса говорит: „вы — наши друзья", а про себя говорит: „друзья, от которых проку нет", т.е. „вы не поддерживаете мою международную политику". Нельзя иначе истолковывать такое недружеское отношение Китая к Албании. Но

Албанская партия Труда умеет хранить выдержку и не выходить из терпения.

Мы многое переживали и со многими трудностями сталкивались, но их успешно преодолевали, ибо мы отстаивали и придерживались марксизма-ленинизма, были справедливыми и осмотрительными, умели тесно связывать наше национальное дело с международными интересами трудящихся. Албанская партия Труда отдает себе отчет в том, что ее сила в народе, в свободной и суверенной социалистической родине. Это первый и решающий фактор. Международная помощь стоит на втором месте. Мы бдительно следим за международным положением, как и за бесчисленными конъюнктурными происками различных государств в мире и стараемся извлекать уроки и выносить правильные выводы, которые служили бы политике нашего государства. Однако политика нашего государства не может основываться на этих конъюнктурах и колебаться в зависимости от них. В основе политики Албанской партии Труда лежит ее стратегия и тактика, основанные на марксистско-ленинской теории, применяемой в соответствии с внутренними и международными условиями. Такую формулу могут употреблять многие люди, выдающие себя за марксистов, а на деле не являющиеся такими, но ведь марксизм надо проводить корректно. Для нас конъюнктуры в политике являются чем-то побочным, неустойчивым, так что на них нельзя опираться. Сегодня конъюнктурная политика может иметь такую целенаправленность, которую при умении можно тактически с выгодой для себя использовать, но завтра она может полностью измениться в невыгодном тебе направлении. Следовательно, нельзя допускать, чтобы политика твоей партии, политика твоей страны оказалась в темном лабиринте, полном ловушек, расставляемых капиталистическими, буржуазными и ревизионистскими государствами.

ВТОРНИК
7 ОКТЯБРЯ 1975 г.

КИТАЙ И ЮГОСЛАВИЯ

Руководители этих двух государств „влюбились“ в друг друга! Старое знакомство, старая симпатия. Китайцам и самому Мао очень приходилась по душе борьба, которую вел Тито против Сталина, они приветствовали эту борьбу и считали ее справедливой. Мао своими собственными устами говорил: „Ошибся не Тито, а Сталин“. Что Мао это говорил — это сущая правда не только потому, что это он говорил нам, но и потому, что и по сей день Чжоу Энь-лай, Гэн Бяо и другие ведут пропаганду против Сталина. „Да, — говорят китайцы (для публики), — Сталин великий человек, но он допускал ошибки“. Какие ошибки он допускал? „Он неправильно подходил к китайскому вопросу“, „и к делу Тито он подходил неправильно“, „и к вопросу о Советском Союзе“, „и к вопросу о международном коммунизме“ и т.п.

Тогда, если он, как утверждают китайцы, допустил такие ошибки, то почему же они говорят, что „Сталин был великим марксистом-ленинцем“? А кто был Хрущев, которого китайцы теперь загоняют в отхожее место? „Лениным нашего времени“, — назвал его Мао на московском Совещании 1957 года. Ну и „гениальная“ оценка предателю со стороны Мао!

И в отношении Тито и титизма китайцы занимали непринципиальную позицию. Явные зигзаги китайской линии относительно политического и идеологического определения ревизионистской деятельности Тито и титизма вытекают из оппортунистической политики китайцев. Надо было хорошо отзываться о Тито, ибо таковым было их убеждение, но надо было и „разоблачать“ его, ибо его разоблачали и другие, да-

же и Хрущев иной раз бросал камнем в него. Настало такое время, когда китайцы прекратили полемику с Тито и начали политическое и идеологическое сближение де-факто с ним (хотя идеологических и партийных связей они пока что еще не поддерживают).

Когда Китай встал на проамериканские и антисоветские позиции, настоящая политика проявилась во всех областях его отношений с внешним миром. Империалистическая Америка, фашисты Пиночет и Франко, а также Тито и Чаушеску, ренегаты и авантюристы, немецкие реваншисты и итальянские фашисты являются его друзьями. Для Китая идеология не имеет значения. Он ничего не рассматривает с классовых позиций, ничего не рассматривает сквозь призму мировой революции и дела освобождения народов! Согласно китайскому руководству, у Китая и всего мира только один единственный враг — советский социал-империализм. Это горький, трагический факт, что они забывают другого врага — американский империализм.

Союз со всей мировой реакцией, даже и с отъявленными и заядлыми фашистами, лишь бы они выступали против советских, — такова антимарксистская китайская тактика. Это не только явно противоречит духу марксизма, но и говорит о том, что анализ развития мировых проблем китайцы делают настолько ошибочно и глупо, что это просто поразительно. Все политические акции китайцев льют воду на мельницу империализма и мировой реакции.

Китайцы думают (ведь нельзя иначе истолковывать их действия), что весь мир убежден и считает, что Китай является красным, революционным. Такая политика Китая преследует одну „революционную“ цель: объединить „третий мир“, „второй мир“ и американский империализм на борьбу против советских социал-империалистов. А из их действий явствует, что для осуществления этого „идеала“ не следует обращать особого внимания на принципы. „Теперь, — оправдываются китайцы, — мы выступаем в защиту Соединенных Штатов Америки потому, что они слабее Советского Союза, однако этим мы должны углублять и противоречия между Советским Со-

юзом и Соединенными Штатами Америки“. Ну и гениальные идеи!! Мир, видите ли, идет так, как угодно Китаю!! Земной шар вертится сообразно с желаниями Китая, политика континентов, их народов и государств проводится в угоду Китаю!! Какие глупости! Вся мировая реакция, за исключением советской реакции, толкает Китай на этот порочный путь и вторит ему. И китайское руководство надувается индюком, причем якобы… скромным индюком.

С отходом от классовой и принципиальной марксистско-ленинской политики понятно, что Китай основывается на политических конъюнктурах, на хитросплетениях и кознях реакционных правительств.

Но давайте вернемся к китайско-югославской дружбе. Она уже реальна; но эта дружба потерпит неудачу, если китайцы заметят просоветские тенденции в югославской политике. Как нам известно, политика Тито в сущности является антисоветской и проамериканской политикой. Однако Тито ужом извивается, он всегда ужом извивался и зарекомендовал себя авантюристом-акробатом. Тито проводит антинародную, антисоциалистическую, а стало быть, антимарксистскую политику, он занял положение „лидера“ бессмысленного блока „неприсоединившихся“. На деле Тито проводит политику этих государств, которые фактически связаны со сверхдержавами, несмотря на то, что они не являются участниками их военных договоров и пактов.

Тито возится, получает чеки и льготы ото всех. Он поработил Югославию, создал там прослойку новых богачей, он живет королем, сам выдает себя и слывет за „важную политическую персону“. Правда, не все принимают на веру его бестолковщину, однако, когда им надо пускать его в ход, они расхваливают его, а когда он становится уже негодным, они выбрасывают и будут выбрасывать его вон, как выжатый лимон.

Советские, несомненно, стремятся поставить Югославию под свою пяту и в этих целях они прибегают к любому средству, к любой политике, к любой конспирации, к любым проискам; задабривают Тито, положительно отзываются о нем, обещают и предоставляют ему кредиты. Тито, подобно мате-

рой лисице, подходит к ним и улыбается им. Когда не могут полностью добиться своей цели, советские посматривают на него со скрежетом зубовым. Тогда Тито принимает вид кошки, которая оттачивает когти и ерошит усы на советских, а на самом деле мяукает в сторону американцев.

Такова титовская политика, которая очень по душе китайцам. Почему? Во-первых, потому, что они и Тито — единомышленники; во-вторых, потому, что он по сути дела проамериканец и антисоветчик; в третьих, потому, что китайцам надо укрепить дружбу с Тито в целях „углубления противоречий между Югославией и Советским Союзом". Гениальная тактика!!

Джемаль Биедич, югославский премьер-министр, прибыл вчера в Пекин, где был встречен „с любовью, тепло", народом, гонгами, плакатами и лозунгами. Наверняка его примет и Мао. Передовица „Жэньминь жибао" пела осанну „Бараббасу" и титовской Югославии. В целях маскировки игры, газета не употребляла термина „социалистическая Югославия", однако, отмечая большие экономические достижения Югославии и настроенность югославского руководства против капитализма, империализма и гегемонизма, она бесспорно имела в виду именно этот термин. Значит, по мнению китайцев, титизм проводит одинаковую с Китаем „прогрессивную политику".

Китай включил себя в „третий мир", между тем как Тито входит в „мир неприсоединившихся". Между ними стоит и Румыния, потому что она, видите ли, занимает антисоветскую позицию. Будучи присоединившейся страной, она выдает себя за страну, „не присоединенную" ни к китайцам, ни к Тито, ни к советским. **Разница между „третьим миром" и „миром неприсоединившихся" это все одно, что разница между снегом и снегопадом.**

В данной статье газеты „Жэньминь жибао" пространно излагается пресловутое положение о том, что „Советский империализм угрожает войной и агрессией Европе и особенно Балканам". Китайцы „призывают": „Европа и Балканы, вам грозит непосредственная опасность, поэтому сплотитесь, бросьте распри и всякие имеющиеся между вами разногласия,

опирайтесь на Соединенные Штаты Америки, на НАТО, на Европейский общий рынок. Вы, балканские страны, находитесь у волчьей пасти, поэтому объединитесь с Югославией с Тито во главе". Другими словами, они говорят нам, албанцам: „Вы ошибаетесь, что не доверяете, как это мы доверяем, Югославии Тито, Румынии Чаушеску, Греции полковников, Турции Демирелей и, почему бы нет, и Болгарии Живкова. Вы, албанцы, не хорошо поступаете, что не принимаете участия в этом балканском хороводе". Всем своим поведением китайцы хотят сказать нам: „К чему вам, албанцам, разобраться в сути дела, посмотрите и довольствуйтесь вывеской магазина".

Китайский военный атташе в Белграде сказал одному из наших дипломатов, что „китайская делегация сердечно была принята югославскими военными"; они „показали ей все", говорили ей „открыто и искренне", „показали ей и вооружение" и т.д. **Китайский военный атташе хочет убедить нас в том, что волк обратился в ягненка, но он забывает, что волк всегда остается волком и что встречаются даже случаи, когда, как в романах Джека Лондона, и собака обращается в волка.**

В то время, как уже больше двух лет откладывают визит нашей делегации, китайцы принимают югославского премьер-министра Биедича. Этим они хотят сказать нам: „Не хотим принимать вас, потому что между нами и вами имеются политические и идеологические противоречия, тогда как между нами и югославами нет (и факты подтверждают это визитом Биедича) никаких противоречий".

Конечно, советским ревизионистам и их выкормкам не по нутру поездка Джемаля Биедича в Китай, поэтому, зная это, на устроенном им ужине Дэн Сяо-пин, как всегда, намекнул „на сверхдержаву, стремящуюся к войне" или на что-то в этом роде. Тогда советские и их друзья взяли и покинули зал. Китайцы думают, что этим они углубили противоречия. Однако они ошибаются: дела поправляет Тито с другой стороны. **Только ты, китаец, живи иллюзиями, удовлетворяй материальные запросы югославов и следуй пути, которому ты следуешь, а что касается до Тито, то не счесть проделок, которых он перевидал на своем веку! Тито мастер подобных фокусов.**

ПЯТНИЦА
10 ОКТЯБРЯ 1975 г.

МАО ЦЗЭДУН ПРИНИМАЕТ ДЖЕМАЛЯ БИЕДИЧА

Биедич был встречен тепло в Китае. Дэн Сяо-пин превознес Тито за „его мужественную стойкость против грубости", что, говоря более понятным языком, значит против Сталина. Какой срам! Китайцы хвалят враждебный акт Тито против такого великого марксиста-ленинца, как Сталин! Впрочем, согласно китайцам, это Сталин ошибся, а не Тито.

Биедич тепло был встречен и Мао Цзэдуном. Этому факту мы посвятили в печати только „одну строчку", итак, только одну строчку и больше ничего. Это мы сделали с тем, чтобы давать китайцам понять, что мы несогласны с ними не потому, что Биедич посетил Китай, а потому, что, хотя мы трижды выражали им свое желание направить в Китай нашу делегацию, они, обходя нашу просьбу молчанием, фактически не принимают ее.

Китайцы являются и ловкачами. На приеме корейцев по случаю 30-летия Трудовой партии Кореи Дэн Сяо-пин и вся его свита демонстративно подошли и пожали руку только Бехару. Это они сделали, с тем чтобы сказать нам и всем присутствующим, что „беседовать-то с югославами мы беседуем, однако албанцы являются нашими близкими друзьями".

ПОНЕДЕЛЬНИК
10 НОЯБРЯ 1975 г.

МЫ ВСТРЕВОЖЕНЫ ТЕМ, ЧТО ПРОИЗОЙДЕТ В КИТАЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ МАО

Наши товарищи передают нам из Пекина тревожные вести, особенно о здоровье Чжоу Энь-лая, а также и о тяжелой старости Мао Цзэдуна.

Как информируют нас китайские товарищи, а это подтверждается и их официальной печатью, Чжоу Энь-лай лежит в больнице. Нам не говорят, чем он болеет. Кое-какие зарубежные телеграфные агентства передают, что он болен раком (т.е. неизлечимой болезнью), некоторые другие говорят — сердечной болезнью. Некоторое время он принимал иностранцев и гостей в больнице. С нашей делегацией, возглавляемой товарищем Адилем, он также имел 15-минутную встречу; тогда он сказал, что ему сделают операцию, исход которой неизвестно каким будет — удачным или неудачным.

В последнее время он уже никого не принимает и в больнице. На вопрос одного из наших товарищей о состоянии здоровья Чжоу Энь-лая, Ли Сянь-нянь ответил: „Он болен“, и выражением лица дал ему понять, что нет надежд на его излечение.

Что же касается Мао, то говорят не о болезни, а о старости его; он „не может ходить или ходит с трудом; не может говорить или говорит очень мало; слишком сутулится и сидит разинув рот“. Однако в период болезни Чжоу Энь-лая Мао принимает и провожает иностранцев, его можно видеть с ними на экране телевизора, он крепко жмет и трясет им руку и т.п. Мы видели Мао и по итальянскому телевидению. Но никто ничего не говорит нам о состоянии его здоровья.

Мы, естественно, спрашиваем, потому что нас тревожит его состояние, а те, кого мы спрашиваем, говорят, что он хорошо держится. Мы того и желаем. Нас тревожит одно: в каком положении он оставляет партию?! Что произойдет в Китае после его смерти?

Мы знаем, что борьба против фракций и фракционеров, против „уклонистов“, „оппортунистов, либералов и сектантов“ велась зигзагами; более того, без разбору применялся метод „воспитания“, и все эти люди через некоторое время „перевоспитались“, „реабилитировались“. Что делают теперь эти люди и что будут делать они после смерти Мао мы, конечно, ничего не знаем, однако мы убеждены в том, что спокойно они сидеть не будут, ибо они не перевоспитаны и не исправлены.

По всей видимости, Дэн Сяо-пин исполняет должность премьера Государственного Совета. Теперь он говорит от имени Чжоу, ибо Мао на своем посту. Но после Мао Дэн может говорить и от его имени. Другим „подготовленным“ Чжоу лицом является Ли Сянь-нянь, который, по нашему мнению, не является надежным человеком. Ныне он закусывает удила.

В Политбюро имеются и другие молодые товарищи. Это верно, однако они не показываются или мало показываются. Упомянутые выше два первых на сцене стоят на первом месте. Какой курс возьмут Коммунистическая партия Китая и китайское государство после смерти Мао, точно мы сказать не можем. Посмотрим, мы будем судить по позициям, на которых они будут стоять в области внутренней и внешней политики. Как и до сих пор, мы будем высказываться только на основе фактов, подвергая их марксистско-ленинскому анализу.

СРЕДА
19 НОЯБРЯ 1975 г.

КИТАЙ И ВЬЕТНАМ ТАЯТ ЗЛОБУ ДРУГ НА ДРУГА ИЗ-ЗА ПОГРАНИЧНЫХ ВОПРОСОВ

Китай, помимо всего прочего, таит злобу на вьетнамцев из-за некоторых островов, „захваченных Северным Вьетнамом“. Китай утверждает, что они принадлежат ему (Китаю) и должны быть возвращены ему; одним словом, он обращается к старым „купчим крепостям“, активизирует географов и историков, чтобы доказать свои положения. Вьетнам молчит, сидит на островах, ибо говорят, что там имеется нефть, и урывает кредиты от Китая. А нам Китай говорит: „Не могу предоставить вам столько кредитов, сколько вы запрашиваете, потому что я помогаю Вьетнаму“.

ПЯТНИЦА
21 НОЯБРЯ 1975 г.

СЕГОДНЯ ГОВОРЯТ ОДНО, ЗАВТРА — ДРУГОЕ

Все китайские послы трубят о том, что Советский Союз пойдет войной на Западную Европу, что война у порога, поэтому „мы (китайцы) с вами, жертвами (с западными капиталистическими государствами), с „объединенной Европой“, с Европейским общим рынком и с НАТО“.

Но ввиду того, что Советский Союз не нападает и что западные капиталистические государства стараются ослабить напряженность, Цяо Гуань-хуа, министр иностранных дел Китая, говорит Нести: „Это нападение намечено не на сегодня и не на будущий год, а на перспективу“.

Китайские послы сегодня говорят одно, а завтра — другое. Они говорят, что „Советский Союз окружает Европу, затем он может напасть. Ныне он старается вмешиваться или заниматься подрывной деятельностью на Балканах, в Португалии и Испании и, таким образом, задушить Европу“.

Посмотрим новые версии, которые они преподнесут нам.

СРЕДА
3 ДЕКАБРЯ 1975 г.

ФОРД БЫЛ ПРИНЯТ МАО ЦЗЭДУНОМ

Джералд Форд в Пекине. Его принял и два часа беседовал с ним и Мао Цзэдун.

На аэропорте американского президента встречали Дэн Сяо-пин и его свита. Дэн имел с ним переговоры, он устроил банкет и произнес речь. Форд также выступил с ответной речью.

Речь Дэн Сяо-пина в сущности сводилась к следующему:

„Мир находится в состоянии брожения, война готовится и стучит в дверь, положение блестящее! Советский Союз готовится к войне и угрожает Европе. Советский Союз борется за мировое господство. Вы — Соединенные Штаты Америки, и мы — Китай, как мы уже отмечали в Шанхайском коммюнике, не добиваемся господства. Поэтому вам (Соединенным Штатам Америки), нам (Китаю) и третьему миру надо сколотить союз и переломать ребра Советскому Союзу. Нас, китайцев, не надувать „разрядкой", о которой трубят советские; поэтому и вы, американцы, смотрите, не поддавайтесь советскому обману". Была пущена в ход и их формула „мир стремится к своему освобождению, мир стремится к революции" и т.п.

Вот такова суть речи Дэна, на которую президент Соединенных Штатов Америки ответил краткой речью: „Мы будем вооружаться, ибо так обеспечивается мир; мы будем делать все возможное, чтобы напряженность ослабилась, а не обострялась; у нас свои интересы, и наша политика будет отстаивать их и мир человечества" и т.п.

Нам хорошо известно, кто такой Форд; нам известно также, что такой американский империализм и каковы его цели. Однако мы должны подвергнуть анализу речь Дэн Сяо-пина, выражающую основную линию политики Китая и Мао.

Когда у власти стоял Лю Шао-ци, а Дэн был генеральным секретарем партии, был выдвинут пресловутый лозунг: „Союз со всеми, в том числе и с советскими ревизионистами, против американского империализма". Мы, по известным причинам, не приняли этого фронта против американского империализма, в который вошли бы и советские ревизионисты в качестве наших союзников. Этот лозунг, как и основанная на нем китайская политика просуществовали недолго, они затухли бесшумно.

Теперь проявился другой лозунг, который выдвигает Дэн, конечно, с согласия Мао и Чжоу Энь-лая: „Фронт со всеми, в том числе и с американским империализмом, против советского социал-империализма". Мы снова против этого лозунга, против этой китайской политики. Обе линии, как первая, так и вторая, являются антимарксистскими линиями. Первая примиряла и объединяла нас с советскими ревизионистами и с другими заклятыми врагами марксизма-ленинизма, социализма и революции. Наши заявления о том, что американский империализм и ревизионистский Советский Союз были и остаются заклятыми врагами социализма и народов, оказались правильными. Жизнь подтвердила, что те, с которыми китайцы призывали включиться в антиимпериалистический фронт, были социал-империалистами, да они и сами показали себя такими. Следовательно, наша линия была марксистско-ленинской, китайская же линия была неправильной, либеральной, проревизионистской. И за эту линию виновником китайцы объявили Лю Шао-ци.

Нынешняя, новая линия китайцев опять-таки является либеральной, оппортунистической, антимарксистской, а противопоставляющаяся ей наша линия — правильной. Мы должны вести решительную борьбу против обеих империалистических сверхдержав, угнетающих народы, выступающих против социализма, добивающихся передела мира, одинаково борющихся

за мировое господство и сообща готовящих войну. Мы, сквозь эту классовую призму, в интересах революции должны способствовать углублению противоречий между двумя сверхдержавами, ослаблять эти последние, объединяясь не с этими двумя душителями народов и революции, а с народами, с революционерами, с пролетариатом всего мира.

Кроме этого, Китай, вместо того чтобы бороться против захватнической войны и поощрять справедливые, революционные войны, на деле, потворствует мировой войне, которая якобы будет развязана в Европе. Китай даже и не ставит себе великую цель — при невозможности предотвратить империалистическую войну, превратить ее в революционную войну против поджигателей. Нет. Он не помогает как следует народам, борющимся против капиталистическо-империалистическо-ревизионистского ярма, а ищет союза с Соединенными Штатами Америки, с Пиночетом, с Франко, с Жискар д'Эстеном, с Хитом, с Штраусом и со всеми буржуазными капиталистическими кликами, угнетающими народы.

Дэн и Мао выдвинули теорию „третьего мира", заявив, что этот мир является „союзником Китая". Этой теорией Дэн „запугивает" Форда, представляя дело так, будто этот „третий мир" у него в кармане. А Форд усмехается, ибо господствующие клики этого „мира" в его кармане, а не в кармане Дэна. Эти народы так называемого третьего мира могли быть на стороне Дэна в том случае, если бы Китай проводил марксистскую политику; однако политика Китая не как следует учитывает эти народы. Китай ухватился за колеблющиеся клики, которые держат нос по ветру доллара и рубля. Угнетенные народы видят, что Китай добивается и заключает союзы с реакционными кликами, ныне прежде всего с американским империализмом. Завтра он может повернуть флюгер по направлению к Москве.

Китай пускается в опасную и неприглядную игру. Ему угрожает Советский Союз, но он скрывает эту угрозу и прикидывается сильным с целью „убедить" ныне Соединенные Штаты Америки в своей силе. Этим Китай хочет сказать, что советские не могут нападать на него, но, поскольку они социал-

империалисты, на кого-нибудь они все же нападут. В связи с этим Китай подверг дела „марксистскому анализу“, согласно которому „Советский Союз нападет на Европу. Так что ты, Западная Европа, берегись, ибо война у тебя на носу. Вы, народы Европы, слушайте меня, Китай, вооружайтесь, объединяйтесь со своими буржуазными реакционными правительствами, которые угнетают вас, и ополчайтесь на Советский Союз, не ослабляйте, а повышайте напряженность. Вот я с вами. Ты, Америка, тоже будь начеку, справляйся с кризисом, крепче свяжись с Западной Европой и со всей мировой реакцией, не ослабляй напряженность с Советским Союзом, а повышай ее, по возможности, сокрушай его и тащи за меня каштаны из огня“.

Дэн дошел до того, что повторил Форду: „В Шанхае мы решили, что ни один из нас не будет гегемонистом“. Китай верит, что Соединенные Штаты Америки не будут гегемонистами!! Даже самые верные друзья и союзники американского империализма не допускают себе и не верят такой антимарксистской чуши.

Китай стал проводить неправильную, немарксистскую политику, идущую вразрез с классовыми революционными принципами. Но даже если предположить на миг, что настоящей политикой он хочет выиграть время, хочет „как-нибудь шантажировать“ и толкать других против Советского Союза, который Китай считает врагом первой руки, все равно он не может иметь никакого успеха в этом политическом маневре.

Форд ответил Дэну и не принял политику неослабления напряженности, политику „дружбы с народами“ и выразился в таком духе, что „у любого государства своя политика в защиту своих интересов“. Каковы интересы Соединенных Штатов Америки, это он изложил в своей речи. Их интересы, понятно, следующие: продолжать господствовать над миром, значит они гегемонисты; ослаблять Советский Союз, Китай также держать в узде, а, по возможности, натолкнуть его на войну с Советским Союзом, следовательно, добиться того, чтобы Китай таскал каштаны из огня за Соединенные Штаты Америки.

История не раз была свидетельницей торговли *de dupes**: кто кого проведет. Но разве можно так легко надувать американский, французский, западногерманский или английский империализм? Только наивные могут верить в это. Надо отказаться от подобной близорукой политики, основанной на фантазии, на мнении о том, что „я великая держава“, или на идее о том, что „мне аплодируют все народы, все революционеры за все, что я делаю“, так как „меня зовут марксистско-ленинской партией“ (в действительности же ты не придерживаешься марксистско-ленинских принципов).

Речь Дэна перед Фордом достойна осуждения тем, что она призывала американский империализм к сколачиванию антисоветского фронта и выражала уверенность в том, что, как это было указано в шанхайском коммюнике, Соединенные Штаты Америки не будут бороться за гегемонию. Дэн говорит, что „народы стремятся к революция“. Не означает ли это, что есть надежды на объединение американского империализма с теми, кто будет совершать революцию? Или же этим он угрожает Форду: „У тебя два пути: или примкни к нам, или же вспыхнет революция“? Или же Дэн думает, что буржуазные клики „третьего мира“ стоят за революцию?

Поистине удивительные идеи! Странные!! Что это за люди, которые господствуют в Китае? Какие псевдореволюционные трюки они разыгрывают? Если глубже подвергать анализу этот вопрос, то полагаю, что совершенно нельзя исключить возможность нападения ревизионистского Советского Союза на Западную Европу, однако это не исключает и возможности нападения Советского Союза на Китай. Это зависит не от желаний одного или пяти человек. По-моему, поджигателям надо еще подготовиться к войне. Как я отмечал и в другой записи, Советский Союз и Соединенные Штаты Америки боятся друг друга из-за ядерной войны. Но это не устраняет обострения противоречий между ними и, когда эти противоречия будут обострены до предела, тогда будет пущено в ход

---

* По-французски: жертвы обмана.

оружие. В настоящее время обе стороны и вооружаются, и ведут переговоры, и заключают политические, тактические и стратегические сделки. Ревизионистский Советский Союз превратил Восточную Европу в свою губернию и готовит ее в качестве плацдарма не только для нападения, но и для обороны, ибо тот, кто думает нападать, должен думать и о том, что он может быть подвергнут нападению. Советский Союз может организовать путч в Румынии и ликвидировать банду Чаушеску, как непригодную для него, а Соединенные Штаты Америки и западные страны вообще будут сидеть сложа руки.

То же самое может произойти и в Югославии в случае образования там просоветского правительства: американцы и западные страны вообще также будут сидеть сложа руки, несмотря на то, что ставится под угрозу оборона НАТО, западных государств, Греции и Турции. Я, может, ошибаюсь, однако непосредственную войну Советского Союза против НАТО, о которой говорят китайцы, мы пока что не находим столь легким делом, хотя и не исключаем ее.

Я объяснял, как могут развиваться события, но мы учли все, даже наиболее худшие варианты. Однако было бы близорукостью исключать возможность попыток Соединенных Штатов Америки и других западных стран натравить Советский Союз на Китай. Нет. Как Китай практически пытается возбудить Советский Союз на Европу и на Соединенные Штаты Америки, так и последние, вкупе с другими западными странами, добиваются того, чтобы Советский Союз напал на Китай.

Как только Дэн покинул Францию, Жискар поехал в Москву восстановить „дружбу“. То же самое сделал и немец Шель, а также англичанин Вильсон и в последнее время и итальянец Леоне. Давай, Дэн, говори „вы, западные страны, идете войной на Советский Союз“; они же едут туда за концессиями, производят там капиталовложения и т.п.

Китай настроен против Советского Союза, но вместо того чтобы он работал в Азии и вокруг нее, он проявляет неоправданный интерес к Европе. Советский Союз запустил когти в оба Вьетнама, в Лаос и не исключается, что то же самое сделает даже и в Камбодже или в Тайланде. С Индией, куда Со-

ветский Союз глубоко проникает, у Китая натянутые, если не враждебные отношения; ну и пусть он довольствуется конъюнктурной дружбой с Пакистаном, визитами госпожи Маркос из Филиппин, принцессы Пехлеви, которую столь большими почестями принимают Мао Цзэдун и Чжоу Энь-лай.

А в отношении Японии что предпринимает Китай? Ничего, только торгует с ней. Теперь поговаривают, что Китай заполучит или уже заполучил краткосрочные кредиты на пятилетний срок от капиталистических государств, но не „от государства“, а от частных капиталистических компаний. Не снег, а снегопад. Очень странная и опасная политика!

ВТОРНИК
16 ДЕКАБРЯ 1975 г.

СКОНЧАЛСЯ ТОВАРИЩ КАН ШЭН

Пекин передал прискорбную весть о кончине товарища Кан Шэна. Я очень опечалился, так как хорошо знал его. Он был у нас в 1966 году. Участвовал и в московском Совещании 1960 года, когда мы открыли огонь по Хрущеву и хрущевцам. Он был выдающимся и очень твердым марксистом-ленинцем. Мы с ним были одинакового мнения не только относительно великих принципов; он одобрял и находил правильной и нашу тактику во всех отношениях. Он был верным принципам товарищем, учеником школы Ленина, Сталина и Коминтерна. Кан Шэн очень любил социалистическую Албанию, он питал глубокую и искреннюю любовь к нашей партии, при любой ситуации он защищал нас и был для нас одним из лучших товарищей в руководстве Коммунистической партии Китая. Мы потеряли хорошего товарища и друга, Коммунистическая партия Китая — выдающегося теоретика, достойного руководителя, мировая революция потеряла борца, верного делу коммунизма, пролетарского интернационалиста.

1976

ЧЕТВЕРГ
1 ЯНВАРЯ 1976 г.

ЗИГЗАГИ КИТАЙСКОЙ ЛИНИИ

Я неоднократно писал о том, какого я мнения о линии Коммунистической партии Китая, и относительно этого (насколько мог, конечно) я высказывал мысли о многих вопросах и проблемах ее национальной и международной политики, рассматривая их сквозь призму нашей марксистско-ленинской теории. Я высказывал мысли о всех главных происходивших в Китае событиях, о политическом и идеологическом пути, по которому они развивались. По мере возможностей, которые мне создавали сообщения об этих событиях, я старался осмыслить и истолковать их в первую очередь сквозь призму линии нашей партии, но и сквозь призму международных конъюнктур, полагая, что эти некорректные позиции Китая были временным явлением, диктуемым внутренними и внешними обстоятельствами, поскольку он был великим государством. Однако, несмотря на эти обстоятельства, ошибки в линии Коммунистической партии Китая я называл ошибками, всегда надеясь, что они будут исправлены с преодолением трудных ситуаций, которые переживал Китай.

Другое, что может привести к неправильному суждению о китайской линии, это глубокая тайна, которую хранят относительно происходящих событий. Китайские руководители строжайшим образом засекречивают эти события, да и когда что-нибудь объявляется ими, оно опять-таки выглядит исковерканным, неясным, часто непонятным и странным! „Объяснение“ какого-либо события (имею в виду какое-нибудь важное событие) наступает неожиданно, причем целые годы объявляется „совершенной линией“, затем год или два подряд

говорится намеками, позже оно открыто объявляется реакционной линией. Но это одно только название „открыто", ибо года через два или три, в течение которых „открыто говорили" об ошибках и допустивших их людях, объявляется, что „ошибки исправлены и люди реабилитированы". Это свидетельствует о большой неустойчивости линии, идей, позиций и действий, которая похожа на маятник стенных часов, качающийся то вправо, то влево, т.е. о постоянной *suspense** в линии.

Политическая и идеологическая линия Лю Шао-ци была объявлена ревизионистской, либеральной, оппортунистической. Мы также того же мнения: такой она была. Лю Шао-ци официально приклеили много эпитетов, но особенно ему был приклеен эпитет „китайский Хрущев". Этот „китайский Хрущев" стал „полновластным", и, насколько давали понять (ибо в Китае все вопросы приходится подразумевать), „Мао Цзэдун был изолирован, на него не обращали внимания", однако все делалось „от его имени, под его флагом". Так что это для нас означало, что Мао, видимо, не был, как о нем говорили, „изолирован", ибо он руководил партией, руководил партийными съездами. В 1957 году он принял участие в московском Совещании и выступил в защиту Хрущева, которого он назвал „Лениным нашего времени". Там Мао критиковал и Сталина. Он сказал: „Когда я пришел к Сталину, я чувствовал себя как ученик перед учителем", и это Мао сказал, чтобы показать „самоуправство" Сталина в отношении его. Он также поздравил Хрущева с тем, что „он верно поступил, изобличив антипартийных элементов", т.е. группу Молотова. Итак, можно ли предположить, что Лю Шао-ци изолировал Мао Цзэдуна? Мне кажется, что нет; наоборот, Мао стоял на тех же позициях, что и Лю и Хрущев.

Следовательно, политические, идеологические, экономические и др. взгляды, утвердившиеся VIII съездом Коммунистической партии Китая (1956 г.), в котором присутствовали и

---

* По-французски: здесь в смысле неуверенности.

мы, явились продуктом либеральных, правых и ревизионистских идей не только Лю Шао-ци, но и Мао, и Дэн Сяо-пина, Чжоу Энь-лая, Пэн Чжэня и др., другими словами, всего руководства. В связи с этим возникает вопрос: почему Мао не сделал и сам того, с чем он поздравил Хрущева, не выбросил на свалку этих фракционеров? Не потому ли он не выбросил их на свалку, что в их руках была сила?! Нет, это никогда не было сказано. А какой была эта банда Лю Шао-ци, „правой“ или „левой“? Открыто это никогда не было сказано. А сам Мао кем был, правым, центристом, либералом, левым или же марксистом-ленинцем? Он всегда выдавал и выдает себя за марксиста-ленинца, за последователя Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, чьи портреты в Китае развешиваются по стенам крупным форматом; однако Мао, фактически, не выступал и не выступает согласно их учению против уклонистов и врагов марксизма-ленинизма.

В своих сочинениях Мао высказывал и продолжает высказывать мысль о том, что „крестьянство является наиболее революционной силой, на которую должна опираться революция“. Роль пролетариата в революции, которая, согласно марксовой теории, является решающей, Мао ставит на второй, если не на третий план. „Вот так была совершена китайская революция, поэтому настоящая теория должна преобладать“, — говорит он. „Да здравствует Маркс!“, — говорит Мао Цзэдун, однако для него марксова теория о руководящей роли рабочего класса несостоятельна. Другими словами, по мнению Мао, не может быть, чтобы рабочий класс руководил революцией, а беднейшее крестьянство и середняки стали его союзниками в революции; наоборот, революцией должно руководить крестьянство, а рабочий класс должен быть его союзником.

Другим выражением этой антимарксистской линии Мао является и тезис об „окружении города деревней“. Этот тезис означает, что революцией должно руководить беднейшее крестьянство, ибо „городской пролетариат утратил революционный дух, стал консерватором, приспособился к капиталистическому гнету и эксплуатации“. Настоящая теория, конечно,

является антимарксистской теорией и не может привести к революции, не может установить диктатуру пролетариата, не может отвести соответствующую роль ни ей, ни ее руководству — пролетарской, марксистско-ленинской партии. Словесами и пропагандой можно прикрывать все, но не сущность вопроса; так что, не сегодня-завтра крыша и стены рухнут, ибо социализм нельзя строить без руководства марксистско-ленинской коммунистической партии и без правильного и решительного проведения бессмертных положений марксистско-ленинской теории.

Невзирая на внешность и на рекламу, которую она устраивает себе, Коммунистическая партия Китая не является и не может быть истинно марксистско-ленинской партией, она не может стоять на прочных революционных позициях. История этой партии свидетельствует о том, что внутри нее существовали различные идеологические фракции, орудовавшие друг против друга; впрочем это естественно, ибо и в партии ведется классовая борьба, но самое главное и тревожное здесь то, что эти фракции допускаются, они продолжают существовать и даже получают официальное признание, поскольку открыто провозглашается: „Пусть расцветает сто цветов". **Партия, которая допускает в своих рядах процветание либерализма, кулацких, ревизионистских и анархистских взглядов всякого рода, или которая допускает выплату ренты капиталистам города в такое время, когда уже установлена диктатура пролетариата (sic), не может быть названа марксистско-ленинской партией.**

В такой партии преобладает крестьянское мелкобуржуазное умонастроение; да иначе и не может быть, поскольку в ее деятельности марксистско-ленинские принципы не только не соблюдаются, но и нарушаются, недооцениваются и используются в качестве ширмы для прикрытия несоциалистической действительности. Настоящая оппортунистическая ревизионистская линия подточила партию и заводила Китай на хрущевский путь.

Мао Цзэдун прореагировал решительно, но тем не менее не как руководитель марксистско-ленинской партии. Имею в

виду „Великую пролетарскую культурную революцию“. Что это за Культурная революция была?! Кто руководил ею и против кого она была направлена?! Этой революцией, как сказать, руководили Мао Цзэдун и небольшой штаб вокруг него. Мао обратился, приблизительно, со следующим призывом: „Штурмовать штабы!“. Но что это за штабы были? — Это были Лю, Дэн, Чжоу, Ли Сянь-нянь и многие и многие другие, вплоть до низовых комитетов. Кто должен был штурмовать эти штабы? — Молодежь, которая по призыву Мао стихийно и анархистски вышла на улицы.

Вся эта деятельность была развернута не марксистско-ленинским путем, была проведена не в марксистско-ленинском духе. Характерно то, что те, которые поднялись на эту „революцию“, были студентами, учащимися, интеллигентами. **Эта пресловутая „революция“ совершалась, таким образом, интеллигенцией, вне контроля партии, которая не то что не руководила, но фактически была, так сказать, ликвидирована.**

Штаб революции не доверял ни партии класса, ни самому классу. Так что имели место кровавые схватки, причем велись и регулярные бои с применением артиллерии и минометов. Хунвэйбины вершали закон на улицах и площадях, арестовывали людей и без разбору, виновных и невиновных, дискредитировали их, надевали на них „колпак“ и доходили даже до убийства их на улицах; они доходили до того, что сжигали и иностранные посольства. Ксенофобия со всей жестокостью проявилась в отношении иностранцев, в отношении культуры других народов, но борьба была объявлена также тысячелетнему культурному наследию самого Китая.

О чем свидетельствовала вся эта буря? Очевидно, что она свидетельствовала не о марксистском духе и о марксистских принципах в действии, а о применении анархистских теорий Штирнера, Бакунина и Прудона, против которых Маркс и Ленин вели самую жестокую борьбу. „Великая культурная пролетарская революция“ не была культурной революцией (она была направлена против той культуры, за которую выступали Маркс и Ленин), она была политической революцией не марксистско-ленинской направленности, революцией бес-

программной, анархистской, направленной против рабочего класса и его партии, ибо руководящая роль класса и сама партия фактически были ликвидированы. Однако, помимо бестолковщины и анархистского самотека, надо отметить еще и то, что местные органы государственной власти уже не пользовались авторитетом, между тем как руководимая Линь Бяо армия, боровшаяся под флагом Мао, при помощи красного томика Мао и миллиардов подков всяческих размеров с изображением лица Мао, полновластной сидела в качестве „резерва“ Мао. Линь Бяо стал центральной фигурой штаба революции, Чэнь Бо-да — тоже. Однако позже оба они были объявлены „заговорщиками, предателями, организаторами различных покушений на Мао, которые потерпели провал“.

Согласно приказанию Мао Цзэдуна, деревня не должна была подняться на революцию, ибо там якобы все было в порядке. Говорили, что „зло гнездилось в городах, в партии, среди рабочего класса“ (sic). Это выглядело и считалось левизной, а на самом же деле это правизна, а это означает, что ревизионистские правые — это были участники группы Лю Шао-ци — прибрали к рукам класс и его партию, между тем как „левые“ — Мао с компанией — подняли на революцию студенчество и интеллигенцию с целью вновь прибрать к рукам партию и класс! Какие странные вещи бывают в Китае! Тут явно проступает правая теория Мао, согласно которой „деревня и молодежь должны штурмовать и захватить город“ (sic).

В ходе хаотической и анархистской революции якобы были внесены поправки, якобы была воссоздана партия. И сколько было исключено из партии после всего этого переполоха и периода недоверия и неуверенности? Только 3-4 процента. Однако эта цифра свидетельствует не о том, что партия была „подточена“, а о том, что Мао и некоторые его последователи не доверяли партии.

Чего другого „хорошего“ принесла Культурная революция? Ничего! Надо было восстановить власть разгромленной диктатуры. Но каким образом? — Просто русский винегрет, хотя китайские руководители выступали против русских! Образовавшуюся власть везде составляли члены партии, военные,

крестьяне и рабочие. Главным руководителем этой власти был самый старший по чину офицер. Однако еще до сих пор не известно, каким образом была образована власть в Китае. Говорят, что партия уже организована, а массовые организации еще не образованы и не проводят соответствующих съездов.

Классовая борьба в теории якобы продолжается, однако все те, кто был осужден настоящей „революцией“, были реабилитированы, и Дэн де-факто ныне занимает первое место в руководстве, поскольку Мао и Чжоу больны. Все лица, занимавшие высокие посты, такие как министры, маршалы и генералы Чан Кай-ши, были помилованы и живут на свободе. Говорят, что они „добросовестно работают“ на свою родину, на социалистический Китай.

Все немарксистские теории Мао были названы „маоцзэдунъидеей“. Это, конечно, было сделано в целях проведения грани между марксизмом-ленинизмом и „маоцзэдунъидеей“. Эту „теорию“ они пытались навязать как нам, так и всем коммунистам в мире, но мы не согласились пойти на подобную роковую ошибку. С целью надуть других, т.е. чтобы выдать либеральные, ревизионистские и анархистские идеи Мао за марксистские, маоисты состряпали другую формулу: „Марксизм-ленинизм-маоцзэдунъидея“. Подоплека этой маскировки налицо. Ревизионистско-капиталистический мир и некоторые лакеи китайцев, называющие себя „марксистско-ленинскими коммунистическими партиями“, наподобие французской ревизионистской партии, приняли на вооружение эту „теорию“. Ревизионистская „маоцзэдунъидея“ без никакой ширмы проводится ныне в области международной политики.

Китайская политика основана на принципе „главное острие борьбы против советского социал-империализма“. „Тот, у кого имеются противоречия с Советским Союзом, тот на стороне Китая“. Этим китайские руководители хотят сказать, причем они открыто говорят, что „советский социал-империализм является главным врагом“. Они это говорят еще в целях подкрепления идеи о том, что Китай является „социалистической страной и „руководствуется“ марксизмом-ленинизмом.

В своей внешней политике Китай ни в чем не руководствуется марксизмом-ленинизмом, революционными и классовыми принципами. В Китае попраны все основные марксистско-ленинские принципы. Китай не ведет классовой борьбы против двух сверхдержав; в его немарксистской политике перечеркнута марксистская идеология в области внешней политики. Китай Лю стоял за „союз со всеми, в том числе и с советскими ревизионистами, против Соединенных Штатов Америки“, тогда как Китай Мао стоит за „союз со всеми, в первую очередь с американским империализмом и реакционной буржуазией, против Советского Союза“.

Китай искажает марксистско-ленинскую теорию, которая учит, что на одной стороне баррикады стоят народы во главе с пролетариатом, а на противоположной стороне ее — мировой империализм и капитализм, к которым примкнул и советский социал-империализм.

Во внешней политике Китая продолжает преобладать маоистская теория „окружения города деревней“, и это выражается в „теории“, согласно которой „третий мир (куда включен и Китай) должен окружить и ликвидировать второй и первый миры“. Однако эти два „мира“, которые Китай Мао стремится окружить и изобличить, в действительности он поддерживает в целях подавления их народов и народов „третьего мира“, которые он считает якобы солдатами революции. Тито, Чаушеску и им подобные выступают союзниками Китая, стоят за „революцию“ (sic)! Такими считают их и хрущевцы, которые в этой игре доходят до того, что страны, в которых правят упомянутые мною выше люди, считают „социалистическими“. Китай выступает в защиту Франко, Пиночета, НАТО, Европейского общего рынка и „Объединенной Европы“, реакционеров вроде немца Штрауса, англичанина Хита, итальянца Фанфани и др. Этого нельзя считать классовой, марксистско-ленинской политикой. Пресловутый „третий мир“ не может быть принят огулом, как это делают китайцы. Подлинно социалистическая страна как при заключении союзов с различными государствами, так и при предоставлении государственной помощи обязательно должна делать отличия. И от-

ношения с государствами „третьего мира“, не говоря уже о франко и пиночетах, надо рассматривать прежде всего сквозь классовую призму, с тем чтобы не мешать революционным и прогрессивным силам, борющимся в той или другой стране; наоборот, надо чтобы эти отношения содействовали этим силам. Однако Китай, проводя теорию Мао, не считается с этими силами и даже дает ясно понять, что не желает порвать с буржуазными и капиталистическими руководителями-сатрапами этих стран, выступающими против своих народов и стоящими на стороне тех великих держав, которые оказывают им больше поддержки и предоставляют больше кредитов. Социалистическая страна никогда не должна проводить такой политики.

Порочная политика со стороны Китая отмечается и относительно образовавшихся в мире марксистско-ленинских коммунистических партий. Наряду с этими партиями появились, словно грибы после дождя, группировки всякого толка — троцкистские и анархистские, начиная с групп, действовавших под эгидой Сартра, и вплоть до групп всякого рода буржуазных фракций и провокаторов; и Китай поддерживает связи со всеми этими группировками, без всякого различия. Их представителей он принимает и провожает, проповедует им объединение с социал-демократами, советует им пропагандировать Китай и Мао и установить союз с местной буржуазией и с Соединенными Штатами Америки против Советского Союза.

Это враждебная буржуазная, антимарксистская и антиреволюционная великодержавная политика. Однако им не провести нашу партию на подобных опасных авантюрах. Ведь китайцы знают, что мы несогласны с их линией, и об этом несогласии мы говорим каждый день, отстаивая взгляды нашей партии на любую проблему. Мы пока что не выступаем открыто против них, но и они делают то же самое, молчат, говорят в народе какое-нибудь доброе слово о нас; однако они ничего не пишут о наших позициях, иначе они нажили бы себе хлопот, причем опасных. Даже тогда, когда они публикуют что-нибудь в своей печати, они искажают его ловкими приемами на китайский лад.

Общей характеристикой китайской и советской печати является то, что как в той, так и в другой нет глубоких теоретических статей, изобличающих соответственно Советский Союз и Китай. Они публикуют затасканные, поверхностные статьи, изобилующие пустословием, а это потому, что в случае глубокого анализа проблем они разоблачили бы блеф друг друга, ибо обе стороны являются ревизионистскими государствами и партиями.

Эти мысли относительно позиций Китая, а также наше мнение о том, что Китай следует считать ревизионистской страной, на первый взгляд могут показаться странными. Подобное мнение могло казаться ошибочным и неразумным, но ведь нельзя иначе объяснять позиции Китая по ряду вопросов внутренней и внешней политики. Китай готов войти в сделку о переговорах и даже примириться по многим вопросам и с ревизионистскими странами, и с теми ревизионистскими партиями, которые еще вчера поддерживали Советский Союз, а сегодня критикуют его. То, что я сейчас говорю, является не предположением, а реальной действительностью. Китайцы приняли в Пекине Каррильо Испании, беседовали и расстались с ним друзьями. И почему бы нет? Почему не было опубликовано какое-нибудь коммюнике, говорящее об обратном? С Испанией Франко китайцы установили дипломатические отношения, а с Коммунистической партией Испании (марксистско-ленинской), членов которых убивают фалангисты, они совершенно не считаются. Почему? Да потому, что коммунисты-марксисты-ленинцы Испании не мыслят подобно французу Жюрке, выступающему последователем идей Мао Цзэдуна и советующему своим единомышленникам поддерживать армию французской буржуазии.

Китай хорошо отзывается о любой ревизионистской стране, достаточно лишь, чтобы она сближалась с американским империализмом. В отношении Польши, которая входит в сферу американского капитала, а также в отношении Болгарии Живкова, не говоря уже о Румынии и Югославии, Китай занимает неустойчивую позицию.

Румыния — самый дорогой друг китайцев. Почему? Причина в том, что она „сопротивляется советским“. Это „сопротивление“ румын советским есть просто личина. У румын и советских много общего — у них одинаковая внутренняя, а также и внешняя политика. Обе их партии являются ревизионистскими, оба их государства являются капиталистическими, а противоречия, если вообще у них есть такие, либо малочисленные, либо скоропреходящие, либо же это просто игра. Китай не подвергает и не желает подвергать анализу это положение. Для Китая Румыния — „социалистическая страна“ и как таковую он защищает ее.

Югославию также Китай поддерживает политически, ибо идеологически пока что он не может поддерживать ее открыто, так как это попахивало бы дурным запахом, запахло бы изменой. Ведь титизм не что иное, как живой капитализм; титовская Югославия руководствуется анархистскими идеями федералистского „самоуправления“, при котором государство сохраняется на случайные нужды, а партия коммунистов ликвидирована титизмом. Титизм ликвидировал партию и якобы предоставил классу „самоуправлять“, но этим фактически он помог богатой буржуазии, старой и новой, стать хозяином Югославии, разбогатеть и продать страну иностранцам. В действительности же в Югославии царят хаос и анархия — в экономике, в политике и в идеологии. И буржуазно-ревизионистский мир считает Югославию „социалистической страной“, а Тито — „великим человеком“, так как он сопротивлялся Сталину, но ведь этим сопротивлением он оказывал и продолжает оказывать большие услуги американскому империализму и крупному мировому капиталу.

В политике Китая мы осуждаем не дипломатические отношения, установленные им с различными капиталистическими и ревизионистскими государствами (его отношения с фашистскими государствами мы, конечно, осуждаем), а немарксистский курс, которым руководится эта политика. Мы несогласны с его неклассовыми позициями и с теми китайскими позициями, которые не служат ни мировой революции ни национальному освобождению народов „третьего мира“. Своими

политическими и идеологическими позициями Китай **наносит большой вред социализму и революции, а также освободительной борьбе народов в мировом масштабе.**

Капиталистическому миру известна эта услуга Китая. Любое истинное марксистско-ленинское движение или волнения студентов Кон-Бэндита и Тупамаров, невзирая на имеющиеся между ними различия, капиталистический мир называет „маоистскими", а Китай радуется этой квалификации, этой „чести", которую оказывает ему мировая реакция. Он даже проповедует объединение всех этих течений — маоистских „оппозиционных", анархистских — и марксистско-ленинских коммунистических партий в одно целое, без учета существующих между ними прямо противоположных взглядов. **К тому же Китай советует этим партиям сотрудничать с буржуазными правительствами их стран, поддерживать их буржуазные армии, подавляющие народы и пролетариат. Китай разрывает связи с теми марксистско-ленинскими партиями, которые не следуют проповедуемой им линии, борется с ними. В таком случае как это можно настоящую линию считать марксистско-ленинской линией? Нет, это ревизионистская линия.**

Отличительной чертой современного ревизионизма является „мирное сосуществование", рассматриваемое и проводимое не сквозь классовую, не сквозь революционную призму. Другой чертой его является мирный, парламентский путь взятия власти „для перехода в социализм". Такой является линия, которую проповедовал Хрущев и которую проповедуют ныне и советские ревизионисты; такой является линия итальянских, французских, испанских и прочих ревизионистов. Таковы и линия и путь китайцев. Они проповедуют тот же путь. На революцию они поставили крест, поскольку проповедуют союз и сотрудничество с буржуазными капиталистическими государствами и со всеми их учреждениями, в том числе и с буржуазным парламентом. Такова действительность в теории и на практике, несмотря на то, что теоретически китайцы этого не утверждают. Советские также не признают своих преступлений: хрущевское мирное сосуществование они выдают за

„ленинское“, а парламентский путь взятия власти никогда не забывают увязать с высказыванием Ленина о том, что „власть можно взять и этим путем“. Однако ревизионисты объявляют его единственным путем и де-факто выступают против другого, вооруженного, насильственного пути, пути революции и утверждения настоящего социализма.

Фидель Кастро трубит о том, что „армия это партия“. Современные ревизионисты открыто этого не утверждают, однако это факт, что в Китае армия командует партией, которую Мао Цзэдун „распустил“ в ходе Культурной революции. В период этой революции единственным „костяком“ режима была и осталась армия: без партии, без профсоюзов, без правящего рабочего класса. Так это было, это факт. А почему это произошло? Это совершенно ясно: в силу немарксистсколенинского идейного мировоззрения.

Эти основные теоретические проблемы надо решить до конца, а не поверхностно; надо верить не словам, а фактам, причем эти факты надо анализировать сквозь призму нашей марксистско-ленинской теории. Как следует понимать поступок китайцев в последние дни прошлого года, когда они освободили советский вертолет с тремя летчиками, которых они держали в плену 21 месяц за то, что „они вторглись на 400 километров вглубь китайской территории“? Они поступили правильно, что освободили их, ибо одно из двух: советских летчиков надо было либо отдать под суд, либо освободить месяца через два. Однако что же получилось? В течение 21 месяца китайцы чего только не писали в печати об этом вертолете: „Это преступное деяние, шпионская вылазка, грубая провокация“ и т.д. Представитель Министерства иностранных дел КНР официально говорил Бехару Штюла, что „советские летчики — шпионы; вертолет был полон разведывательных приборов; мы перехватили важные документы“; „вертолет приземлился в Синьцзяне в целях похищения людей“ и т.д. Между тем, советские отстаивали версию о том, что вертолет заблудился. Однако через 21 месяц и Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики заявило по-другому, будто вертолет заблудился, а летчики невиновны,

поэтому их освобождают, для них устраивают и официальный ужин в Министерстве иностранных дел и их „торжественно“ провожают на аэродром.

Что это за позиция? Как это понимать? Это нельзя понимать иначе, кроме как существующее за кулисами что-то. Тут что-то кроется, чем-то дурным пахнет. Для нас не является неожиданным то, что подобный поворот на китайский манер называется „величественным ходом политики Мао Цзэдуна“, к тому же, конечно, и „марксистско-ленинским“ поворотом. После этого „гениального поворота“, может, Чжоу Энь-лай или Дэн Сяо-пин скажут нашему послу в Пекине: „Давайте поедем в Москву, чего ждете, ситуация изменилась“, ведь Чжоу Энь-лай точно так сказал нашему послу, когда был свергнут Хрущев. Кто-то пускает слух, что „предвидится свержение Брежнева“, и китайцы мечтают о поворотах и втихомолку вынашивают планы, быть может, в сговоре с советскими. Поживем и увидим ревизионистские и изменнические мошенничества.

Китайцы относятся к нашей Партии Труда и социалистической Албании неискренне. До сих пор мы были „самыми лучшими и самыми верными друзьями Китая и Коммунистической партии Китая“. Этот дух в Китае развивался и распространялся очень хорошо на местах, и относительно этого у нас нет никаких замечаний. Однако центр относится к нам по-иному. Между тем мы открыто излагали им свои взгляды и высказывались за обмен делегациями и за переговоры, но наши попытки угодили глухому на ухо. Китайское руководство, не говоря дословно, что оно несогласно с нами по многим принципиальным вопросам, своим отношением к нам на деле дает понять, что оно несогласно. **Экономическую помощь, запрошенную нами на объекты пятилетнего периода с 1976 по 1980 гг., строительство которых наверняка закончилось бы в течение 6-7 лет, китайцы резко урезали.** Наши запросы о кредитах они удовлетворили лишь на 20-25 процентов, встречали нас холодно, отклоняли все наши просьбы о добавлении, заявляя, что „таково и мнение Мао“. „Мы очень бедны“, сказали они нам, а ведь еще два года тому назад они, даже сам Чжоу

Энь-лай, слово в слово заявляли: „Мы помогаем вам мало, очень мало, но через два-три года, в следующую пятилетку (т.е. в нынешнюю пятилетку), поможем вам больше“. Но получилось совершенно наоборот; да и с каким пренебрежением разговаривают они сегодня с нами. Они говорят нам: „Ничего не запрашивайте, потому что не будет принят никакой другой запрос“. Можно ли считать это экономическим давлением? Да, можно; причем с полным голосом. Почему они обходятся так с нами? Да потому, что они несогласны с нашей политической линией.

Мы с Мехметом посланием к Мао запросили у них военную помощь. Китайцы на этот раз предоставили нам смехотворную помощь; они без зазрения совести сказали нам: „Теперь больше не запрашивайте!“. Почему произошел такой поворот? Да потому, что они не разделяют нашу политическую, стратегическую и идеологическую линию, ибо они хотят, чтобы мы подчинились их ревизионистской линии.

Китайские руководители советовали нам „сотрудничать, связаться с Югославией и с Румынией“, т.е. стать ревизионистами, как и они, „установить дипломатические отношения с Соединенными Штатами Америки“ и всякие подобные этим гадости, т.е. поступать подобно Китаю. Это предательство, которое мы отвергаем с отвращением; так или иначе, мы боремся с этой линией открыто и во всех случаях нашей печатью и пропагандой.

Было подтверждено, что предательская группа Бекира Балуку и Абдюля Кэлэзи стояла именно за эту китайскую линию, которая на деле совпадает и с советской, югославской, румынской, американской и т.д. линией, ибо все они добиваются и борются за ликвидацию нашей марксистско-ленинской партии и ее руководства, отстаивающих марксизм-ленинизм и социализм в Албании. Китайское ревизионистское руководство, значит, приняло все эти меры с целью ослабить нас. Эти действия пока что не столь грубые, как действия Хрущева, однако и китайцы по этому пути следуют, думая, что они мало-помалу задушат нас, но… нам наплевать на них!

Более того, Мао Цзэдун поступает подобно хрущевцам. От имени Центрального Комитета партии мы направили ему два-три важных послания за моей подписью, а он не соизволил давать нам ответ, хотя бы в порядке вежливости или взаимности. Или он не соизволил ответить, или же он не хочет оставить документа о поднятых нами проблемах. Да и устные ответы, которые были даны нам через других его товарищей, были совершенно отрицательными. На официальное письмо надо отвечать письмом, будь это положительно или отрицательно.

Китайцы поступают неприлично и, отчего не сказать?, и хитро. Относительно поставки нам оружия все члены китайской делегации, с которой был обсужден этот вопрос, на этот раз обращались с нами подло, они закрыли нам все двери. В связи с этим глава нашей делегации выразил им наше недовольство. На прощальном ужине Е Цзянь-ин в своей речи стал пускаться в избитые заигрывания вроде: „Приедете и в будущем году посмотреть и поговорить с нами“ и прочий сущий вздор, а, с другой стороны, они говорили нам: „К 2000 году мы будем в состоянии помогать вам“.

Подобными позициями они не только обходятся с нами недружелюбно, но и заходят еще дальше: пытаются внести раскол между нашими кадрами и руководством, давая им понять, что „вот мы принимаем вас очень хорошо, но оружия мы не можем давать, ибо мы не в ладах с вашим руководством“. Троцкистские методы!

ЧЕТВЕРГ
8 ЯНВАРЯ 1976 г.

СКОНЧАЛСЯ ЧЖОУ ЭНЬ-ЛАЙ

Сегодня вечером Бехар прислал нам из Пекина радиограмму, которой извещает нас о том, что товарищ Чжоу Энь-лай умер от рака. Это известие Бехару сообщил, от имени Центрального Комитета, министр иностранных дел Китая Цяо Гуань-хуа, который был у него на ужине. Когда последний справился у него о здоровье Чжоу Энь-лая, он, видимо, чтобы не испортить ужин, куда он мог бы и не поехать, ответил Бехару, что скажет после ужина.

Чжоу Энь-лай был революционером и членом КП Китая с самого ее основания. Надо признать, что он был значительным деятелем, очень умным, способным, большим организатором и трудолюбивым человеком, Чжоу был самым авторитетным человеком Китая после Мао. В то же время он был великим международным деятелем. Мы близко знали его, беседовали с ним и ценили его большое умение в работе, его организаторские способности. Он был ближайшим соратником Мао, боролся как „коммунист" под флагом Мао. Мы считали его другом нашей страны, уважали его, мы искренне встречали его и беседовали с ним. Следует отметить, однако, что, хотя в китайской помощи Албании есть и его лепта, мы имели и дебаты с ним, когда он шел вразрез с марксистско-ленинской идеологией и с дружественным духом наших отношений.

Часто у нас возникали принципиальные разногласия с его позициями и с позициями Центрального Комитета Коммунистической партии Китая, и мы в устном и в письменном виде по-товарищески говорили им о них, особенно Чжоу, но и Центральному Комитету КП Китая. Всякий раз, когда у Чжоу

проявлялись такие взгляды, или когда линия Коммунистической партии Китая шла вразрез с линией нашей партии, я делал соответствующие записи. Однако наши принципиальные противоречия с китайскими товарищами относительно линии ни мы, ни они не предавали гласности. Наши партии стояли и стоят на своих соответствующих позициях. Несмотря на то, что разногласия касались линии, ни мы, ни китайские товарищи не оглашали их, и дружба между двумя нашими народами и двумя нашими странами продолжалась почти как и раньше.

Мы проявляли и проявляем великодушие, но принципы нашей партии не попираем и не позволяем, чтобы они стали предметом игры оппортунистической политики. Я много писал о Чжоу Энь-лае, и, полагаю, без *parti pris*,* однако терминов я не смягчал; но об этом распространяться здесь не буду. Скажу лишь, что, несмотря на это, он был великим человеком и политиком, но не руководствовался марксизмом-ленинизмом. Чжоу Энь-лай был „балансированным", человеком беспринципных компромиссов, компромиссов „широкого охвата".

Хотя мы по многим вопросам не были согласны с его мнениями и его политикой, смерть Чжоу Энь-лая искренне огорчила нас, ибо Китай лишился великого человека, я бы сказал, самого великого после Мао, причем не менее „действенного", чем сам Мао, человека, игравшего заметную роль в управлении и ведении делами столь великого государства, как Китай.

---

* По-французски: без предвзятости.

ЧЕТВЕРГ
22 ЯНВАРЯ 1976 г.

КИТАЙЦЫ НЕ ПРОПАГАНДИРУЮТ ПРАВИЛЬНУЮ ЛИНИЮ НАШЕЙ ПАРТИИ

19-й том Сочинений уже вышел из печати и роздан на многих иностранных языках. Весь зарубежный мир, друзья и враги Албании отзываются о правильной линии и о смелости нашей партии в изобличении и борьбе против хрущевских ревизионистов, о защите с ее стороны чистоты марксизма-ленинизма и особенно о защите Коммунистической партии Китая. Только в Китае не говорили и не говорят об этом, ни в каком органе печати не опубликовано что-нибудь, хотя бы и в виде сообщения о том, что в Албании вышла из печати такая книга.

Центральный Комитет АПТ и Президиум Народного Собрания опубликовали текст проекта новой Конституции Народной Республики Албании. За рубежом все говорили и говорят о нем и публично анализируют его. **Только в Китае совсем не упомянули этого столь важного для нашей страны события, этого документа столь важного для нашей партии и для албанского государства политического, идеологического, организационного и конституционного значения.**

В китайской печати пишут никчемные вещи о нашей стране. Печать там, в первую очередь, не упускает случая воспроизвести то хорошее, что у нас говорят о Китае; а другие известия являются просто банальными хрониками; то состоялось такое-то собрание, то состоялся такой-то митинг, здесь выступал тот, там выступал другой; в Албанию прибыл тот, из Албании уехал другой; помещаются и спортивные хроники, однако ни разу не упоминается, что „в Албанию прибыла та или

другая делегация той или иной марксистско-ленинской коммунистической партии“. Вот к чему свел Китай политические и идеологические связи с нашей страной! Это касается печати и пропаганды, тогда как политическо-идеологические переговоры между двумя нашими сторонами давно сведены к чепухе на постном масле. Ни малейшего обмена взглядами на мировые события не проводится.

Экономические отношения и помощь для армии также сведены к минимуму минимумов. И тем не менее, для видимости, китайцы блефуют и хотят создать впечатление, что для них „Албания является самым верным союзником“.

Как нам понимать подобные позиции? Объяснять ли их тем, что китайцев с запозданием информируют их люди? Это несостоятельно, ибо тут мы имеем дело не с мелочами, а с важными для нашей страны и нашей партии событиями и материалами. К тому же, кроме корреспондентов Синьхуа в Тиране, каждую неделю самолет совершает рейс Пекин-Тирана и обратно, затем у Китая и свое посольство в Тиране.

Или же китайцам нужно время на перевод и изучение наших материалов? И это несостоятельно, ибо у них целый батальон переводчиков; к тому же мы не хотим, чтобы они опубликовали какую-нибудь статью или сделали комментарии к этим событиям, мы просто хотим, чтобы они передали краткое сообщение, через которое китайская общественность узнала бы, что в Албании „вышли в свет такие-то документы“. Тогда почему они поступают так? Что происходит? Есть только одно объяснение: китайцы саботируют, они несогласны с политической линией нашей партии.

Китайцы говорят „о диктатуре пролетариата“; за нее боремся и мы; они выступают против Советского Союза, ну а 19-й том о чем говорит? Затем, что мы делаем каждый день? Тогда почему они не передают хотя бы просто известие о том, что вышли в свет эти документы?

Как понимать эту китайскую таинственность? Они не хотят пропагандировать правильную линию нашей партии в силу того, что:

а) выявится ложность их позиции;

б) существует великопартийная и великодержавная мегаломания;

в) они несогласны с нашей марксистско-ленинской линией как в теории, так и на практике, так что, если они станут пропагандировать правильную линию нашей партии, то само собой напросится очная ставка;

г) китайские формулы и словеса являются якобы марксистскими;

д) им хочется, чтобы мы славословили их, говорили и действовали подобно им. Китайцы несогласны с принципиальной марксистско-ленинской позицией нашей партии. Они хотят, чтобы мы стали их подлизами. Этого, конечно, никогда не будет;

е) им не по душе пришлись внутренние меры, которые мы приняли против врагов партии и государства — Бекира Балуку, Хито Чако, Петрита Думе, Аблюля Кэлэзи и др. Почему? В какой мере китайцы были причастны к их заговору? Одно нам известно: линия предателей нашей родины китайским товарищам была по нутру;

ё) китайцы хотят выбить нас из марксистско-ленинских позиций, они хотят, чтобы мы примкнули к предателям — к Тито и Чаушеску, хотят ввергнуть нас в ревизионистскую трясину. Мы, конечно, осуждали эти их антимарксистские и капитулянтские взгляды.

Все это я неоднократно поднимал в виде вопросов и давал и некоторые объяснения. Я старался быть объективным и справедливым в анализах, несмотря на то, что порой прибегал к хлестким терминам. Но я считаю, что вещи надо называть своими именами.

При анализе фактов об этом вопросе мне кажется, что в китайской загадке главным, которое надо рассмотреть, является следующее: Стоит ли Коммунистическая партия Китая на правильном марксистско-ленинском пути? Стояла ли она на таком пути? Придерживается ли она организационных принципов партии ленинского типа, как тому нас учат Маркс, Энгельс и Ленин? (Не говоря уже о Сталине, к которому ки-

тайцы относились и относятся враждебно. Китайцы выступают про Сталина нехотя, так как один раз они уже определили свое отношение к этому вопросу, и лишь для видимости они противопоставляют Сталина Хрущеву.)

Я, конечно, не могу претендовать на то, что знаю Коммунистическую партию Китая в ее развитии, ее организационную структуру. Однако я нахожу, что первый шаг этой партии был неверным, не на марксистско-ленинском пути как относительно ленинских принципов, так и относительно организационных вопросов и различных проблем, которые ей приходилось решать в период буржуазно-демократической революции или позже, в период слияния с гоминьданом, в гражданской войне, в войне против японцев, относительно роли рабочего класса, роли крестьянства. Итак, по всем этим проблемам первостепенной важности партия в Китае, полагаю, действовала хаотично.

Мы констатируем, что до прихода Мао к руководству партии, в ней в организационной области, в области идеологии и на практике имели место уклоны и фракции, начиная с Ли Лисаня, Ван Мина и др. И в партии Ленина, конечно, имели место подобные вещи; враги нападали на Большевистскую партию изнутри и извне; но Ленин выступал против них, руководствуясь ясной, марксистской идеологией, действовал против них железной рукой; он закалил партию и вооружил ее бессмертными нормами, которые руководят и всегда будут верно руководить истинно марксистско-ленинскими партиями и революцией в мире.

Я думаю, что Мао, придя к власти, навел какой-то порядок, создал и руководил армией и войной; однако в организационном строительстве партии, в ее позициях не были утверждены прочно ни основные принципы, ни ленинские нормы. Коммунистическая партия Китая подняла свою репутацию, но ей надо было закаляться на широком военном и послевоенном пути. Прежде всего, взгляды Мао, ранние и нынешние, на роль рабочего класса как гегемона, и на его союз с крестьянством несовместимы с марксистско-ленинской теорией. Его взгляды в этом отношении, несмотря на провозглашаемые лозунги, являются либеральными, и, полагаю, от этого ведут начало колеба-

ния в линии Коммунистической партии Китая и Мао. **Это, как учат теория и практика, есть колебания, свойственные мелкой буржуазии, крестьянству.** Крестьянство сыграло воистину большую роль в национально-освободительной войне как в Китае, так и у нас; однако в Китае оно не руководствовалось, как у нас, идеологией рабочего класса. В нашей стране рабочий класс не преобладал в численном отношении, он был совсем малочисленным, но зато его идеология была великой. Это значит, что наша партия была организована на ленинских основах и поставила рабочий класс в положение гегемона.

В Китае-то действительно была создана Коммунистическая партия, но там преобладал тезис об „окружении города деревней". Это не могло не предопределить слабость организационных связей партии, в силу этого тезиса партия должна была страдать половинчатыми партийными нормами, а в ее рядах обязательно должны были расцветать, как и расцвели, ряд антимарксистских фракций и разного рода уклонисты, несмотря на то, что ли ли-саней и ван минов убрали.

Таким образом, полагаю, Коммунистическая партия Китая пошла на войну, не будучи организованной как следует. У нее не было ясной линии, и она не могла играть подлинную роль авангарда. Эта партия росла среди фракций и продолжала жить фракциями, то левого, то правого толка.

Армия и война затушевывали эти опасные болезни, и фракционеры сплотились вокруг „хозяев войны", которые на этот раз были командующими армиями, были коммунистами, как их считала Коммунистическая партия Китая. Партия существовала, однако армия была столь полномочной, что можно полагать, что это она командовала партией, а не партия армией. Все эти выдающиеся и доблестные командующие считали себя коммунистами, но коммунизм они понимали согласно неверным, колеблющимся взглядам и установкам своей партии.

В своих сочинениях военного времени Мао правильно трактует многие партийные вопросы. На них воспитывались кадры, но сколько и как они воспитывались — это уж другой вопрос, последствия чего будут видны позднее. Главные

военные руководители с Мао во главе стояли в руководстве и во время войны, и после войны, и это было естественно. Вместе с ними в руководство партии и нового государства пришли не только люди, прошедшие войну, но и другие. Этот подбор людей был произведен якобы партийными формами, однако фактически каждый руководитель привел с собой скорее своих людей, нежели людей, проникнутых партийным духом.

Вышедший из войны великий Китай должен был организоваться и как государство. Но как какое государство? Как государство народной демократии, но на его красном флаге было вычерчено четыре звезды, представлявшие четыре класса китайского общества (?!), и еще одна звезда в середине. Чью гегемонию представляла эта звезда? Гегемонию „рабочего класса", говорили они, однако проводившиеся экономические, политические и организационные реформы не туда вели, ибо сама партия не была монолитной, не было идеологического единства ее рядов, а было „единство" вокруг Мао. Капиталисты продолжали существовать как класс в этом государстве, причем они получали и ренту.

Лю Шао-ци, прикрываясь флагом Мао, прибрал к рукам власть и партию. Дэн Сяо-пин руководил партией, а Чжоу — государством. Мао служил столпом, вокруг которого играл хоровод. Армия находилась в руках маршала Пэн Дэ-хуая. Эта могучая группа маневрировала как ей заблагорассудилось. Они говорили о социализме, а шли к ревизионизму.

Пэн Дэ-хуай пользовался настолько большой свободой, что манипулировал армией по хрущевскому пути, заимствуя у хрущевцев все психические, политические, материальные и организационные черты. Лю заодно с Пэн Дэ-хуаем и Дэн Сяо-пином готовили контрреволюцию. Пэн Дэ-хуай был снят Центральным Комитетом, и его место занял его друг, Линь Бяо. В армии были проведены новые реформы, совершенно противоположные первым, причем они проводились самим Мао. Армия всегда была столпом якобы потому, что ею руководил Мао. Партия находилась в руках Лю Шао-ци, а Чжоу Энь-лай был умеренным оппортунистом с самого рождения и до своей смерти. Обострилась борьба за власть. А каким путем? Оппор-

тунистическими лозунгами, начиная с лозунга „ста цветов", т.е. допущения в партии всякого рода идеологий и фракций, с „борьбы против оперы и университета", и вплоть до требования о том, чтобы „все шло в ногу с армией", и, таким образом, Линь Бяо стал полновластным „спасителем". Лю Шао-ци почуял грозившую ему опасность и постарался ниспровергнуть Мао, как поступил Брежнев с Хрущевым.

Мао также заметил опасность и поднял тогда миллионы хунвэйбинов. Началась Культурная революция без партийного руководства, без рабочего класса. Лю тоже выступил, появились „бунтовщики" и разного рода организации. В Китае разыгрывалась анархия, партия была ликвидирована, были ликвидированы и общественные организации, и тогда началась гражданская война между фракциями. Следовательно, можно представить себе, что за коммунистическая партия была партия в Китае! Тогда Мао призвал Линь Бяо, которому он присвоил всякого рода звания, приказать армии вмешаться, и армия вмешалась. Этой „Культурной революцией" были ликвидированы Лю Шао-ци и некоторые из главных, как Дэн Сяопин. (Что стало с первым — неизвестно, а Дэн, „был перевоспитан" и ныне, как ни в чем не бывало, „враг номер два" Китая встал на посты, которые он прежде занимал.) В ходе Культурной революции Линь Бяо стал „хозяином борьбы", он вершал закон, он издал и распространил „красный томик" — маоистскую „библию"; он изготовлял подковы с портретом Мао, а Чэнь Бо-да готовил речи. Армия господствовала над партией и государством, были созданы „революционные комитеты", поступавшие согласно указаниям Линь Бяо. Последний довлел себе, „готовился повергнуть Мао в прах и связать Китай с Советским Союзом", как об этом говорят. Мао сманеврировал, низложил Линь Бяо и, сообща с Чжоу, настроил антенны на Соединенные Штаты Америки, на Европейский общий рынок, на „Объединенную Европу", на Франко и Пиночета и объявил Китай участником „третьего мира" вместе с Испанией, Египтом, Чили, Югославией, Турцией и т.д. и т.п.

Какой вывод можно вынести из такого неполного, крат-

кого изложения этих событий, имевших место в Коммунистической партии Китая?

Ее руководство утверждает, что в Коммунистической партии Китая существуют две линии. Оно признает их существование и даже ставит его, кажется мне, в качестве условия для существования партии, и это китайцы считают классовой борьбой в партии. Однако **я полагаю, что в этой партии есть не две, а много линий, которые сталкиваются друг с другом в целях захвата власти. Партия переживает хаос и не ведет классовой борьбы на основе здоровых, революционных, марксистско-ленинских принципов, или, вернее, партия совсем не ведет классовой борьбы, но в ней идет борьба между кланами.** Кланы имеются в партии и в органах власти, на местах и в руководстве. Все сторонники фракционеров, которые якобы осуждены, сидят в партии и орудуют. Все это делалось и делается под именем Мао, который становится табу; его цитаты выучиваются, однако каждая фракция из-под полы делает свое. Сам Мао допускает, если не „сто цветов“, то „два цвета“. „Пусть будут и сосуществуют две или три фракции, затем будем делать революцию каждые 7 лет, — говорит он, — и посмотрим, кто победит. Если победят правые, то левые поднимутся и свергнут их“. Такова „блестящая теория Мао“!! И действительно, так оно и было. С тех пор как пришел Мао в руководство Коммунистической партии Китая, был свергнут Ли Ли-сань, был выдвинут Ван Мин — свергли и его, был выдвинут Лю Шао-ци — свергли и его, был выдвинут Линь Бяо — его тоже свергли. Только Чжоу Энь-лай умер, будучи у власти. А теперь как пойдут дела? Вот на каком пути продолжает Мао строить работу. Ныне в Китае нет премьер-министра, функции главы правительства исполняет Дэн, который является и начальником Генерального штаба. Однако мы знаем, кто он такой. Дэну противостоит в качестве начальника политуправления Чжань Чунь-цяо, а вакантный пост министра обороны занимает какой-то старик, который скорее держит сторону Чжоу Энь-лая, тогда как экономикой, не будучи во главе ее, правит Ли Сянь-нянь — человек, самый верный Чжоу, Дэну, Линь Бяо, Мао, всем, но никогда марксизму-ленинизму.

Вот каково положение в руководстве Коммунистической партии Китая, не говоря уже о положении на местах. Там имеются „левые“, „правые“, „умеренные“, кого там нет. Все делают вид, будто следуют линии Мао и фактически они вынуждены следовать ей, ибо боятся возможных ударов в ходе фракционной борьбы, которая, если не скоро, то после смерти Мао, вспыхнет. Теперь началась перепалка: то министр просвещения — ревизионист, то кто-другой не в порядке и т.п. Кампания против Лю умерилась; на повестке дня ныне стоит кампания против Линь Бяо и Конфуция. До каких пор она будет продолжаться? Умеряется ли она? Были опубликованы два стихотворения Мао, и о них была поднята большая шумиха. Что явствует из этих стихотворений-парабол? Ничего не разберешь. Продолжают, по обычаю, говорить обиняками, которые можно истолковывать только с помощью экзегетов, как это делал в свое время Линь Бяо.

Публикуется неплохая статья о диктатуре пролетариата, продолжается там-там против советских ревизионистов, но, с другой стороны, поддерживается американская империалистическая политика. Ставится вопрос: кто здесь верховодит, левые ли — Цзян Цин, Чжань Чунь-цяо, Ван Хун-вэнь и Яо Вэнь-юань — или правые с Дэном и его бандой во главе, или же умеренные, оппортунисты, ревизионисты, как Чжоу со своими собратьями? Нельзя точно установить что-нибудь. Китай ходит „по инерции“; говорят, что в экономическом и военном отношении он укрепляется, однако нельзя сказать, что идеологически и политически он идет верным путем. Китайский народ отважен, умен, трудолюбив, но политически и идеологически его ведут не по правильному пути.

Говорят, что левые верховодят в руководстве, однако в политике партии и государства мы не видим никаких заметных перемен. Говорят, что сторонников Линь Бяо много, и это может быть верным; говорят также, что у Чжоу Энь-лая не было особой поддержки, кроме Мао. Поговаривают, что захватывают власть сторонники Дэна, другие же утверждают, что ее захватывают сторонники Линя, кому верить и кому не верить? Все надо определять, исходя из их политики, идеологии,

действий. Вот тут-то загадка, непонятные вещи как того, так и другого.

О чем это говорит? По-моему, **это говорит о том, что у Коммунистической партии Китая нет правильной, марксистско-ленинской линии; внутри нее имеются течения, фракции, колебания, ибо в ней нет стабильности, нет марксистско-ленинского единства мнения и действия.** Партия не стоит действительно в руководстве; армия действует, но она не находится под командованием партии; экономика движется, но ею также не руководит партия; политика проводится, но ею не руководит партия, она не основана на принципах марксизма-ленинизма.

Люди, группы, фракции, которые орудуют, прикрываясь именем Мао, правят, сталкиваются, сегодня говорят одно, завтра — другое. Будущность, завтра Китая, неизвестна. Куда идет, куда пойдет и как пойдет Китай? Это неизвестно. При нынешних ситуациях, как я неоднократно отмечал, настоящее положение чревато угрозами для революции, для всеобщего мира, для социализма.

Позиции Китая в отношении нашей партии и нашей Народной Республики понятны. Мы не отойдем от своих правильных позиций, ибо руководствуемся марксизмом-ленинизмом. Между тем, позиции китайцев по отношению к нам колеблются. Низы в Китае любят нас, они хорошо отзываются о нас, а руководство, смотря по обстоятельствам; когда-то оно хорошо говорило о нас, затем совсем перестало говорить. Понятно, что **настоящие позиции по отношению к нам не являются принципиальными, не являются марксистско-ленинскими.**

Могут ли китайские руководители измениться? Будет ли позже „ясная погода“? С китайцами всякое бывает. Мы бдительны и защищаем нашу партию, ее марксистско-ленинскую линию, свою Республику. Мы боремся и будем бороться за революцию.

ПЯТНИЦА
23 ЯНВАРЯ 1976 г.

НЕРЕШИТЕЛЬНОСТЬ В ВОПРОСЕ О ЗАМЕЩЕНИИ ЧЖОУ ЭНЬ-ЛАЯ

Смерть Чжоу Энь-лая, судя по сообщениям печати, глубоко опечалила китайский народ, вызвала у него глубокую скорбь. И это по состоятельным причинам, ибо для него Чжоу, после Мао Цзэдуна, был самым выдающимся, самым трудолюбивым человеком, самым способным организатором и умным государственным мужем.

Прошло уже столько дней после смерти Чжоу Энь-лая, и еще не назначен новый премьер-министр. Китай, думается мне, после этого душевного потрясения не должен оставаться без руководителя высшего исполнительного органа. Китай великая страна, у него масса сложных дел, подлежащих решению. Конечно, руководство в социалистических странах является коллегиальным руководством. Это относится и к Китаю, и, поскольку в партийном руководстве там имело место много событий не следует проявлять нерешительность и допускать развитие фракций, ибо, хотя и говорят и пишут, что нет фракций, все же дух, течение и сторонники Лю Шао-ци существуют, живут, работают и стоят на постах как реабилитированные; они наверняка пускаются в интриги и, если им удастся, попытаются захватить власть.

Дух, течение и сторонники Линь Бяо и Чэнь Бо-да существуют, живут, работают, стоят на постах как реабилитированные или „незапятнанные“; они наверняка пускаются в интриги, и, если им удастся, также попытаются захватить власть.

Существуют и „умеренные“, „дипломатичные“ элементы, каким был Чжоу, который опирался на Мао и переходил то

в одну, то в другую сторону. Людей, движимых взглядами Чжоу, имеется сколько угодно как в руководстве, так и на местах.

Наконец, в партийных и государственных органах, должно быть, есть и настоящие марксисты-ленинцы, которым надлежит руководить, укреплять и закалять Коммунистическую партию Китая и диктатуру пролетариата и последовательно вести классовую борьбу.

Однако там, видимо, не решаются назначить премьер-министра. Почему? Это нерешительность процедурного порядка или же тут дело в борьбе между фракциями? Второе — опасная вещь, и чем скорее она будет решена, причем на марксистско-ленинском пути, тем лучше будет для Китая. В Китае отмечалась и такая практика: в период Культурной революции правительство управляло без министров, только замминистрами. И ныне можно управлять без премьер-министра, только зампремьерами и Дэн Сяо-пином в качестве первого зампремьера. Это тактика Мао: пробуй, смотри, ибо время ждет; затем решай, какая фракция должна взять верх, или какую фракцию надо подменить другой, и в конце решай. У подобной линии нет непрерывности, нет устойчивости, поскольку она зависит от одного лица, хотя и говорят о коллегиальности и несмотря на то, что в принципе существует демократический централизм. Подождем и увидим, как будут развиваться события.

ЧЕТВЕРГ
29 ЯНВАРЯ 1976 г.

КИТАЙЦЫ ЗАМЫШЛЯЮТ БЛОКАДУ ПРОТИВ АЛБАНИИ

Главное лицо среди китайских специалистов при Эльбасанском металлургическом комбинате стал делать некоторые злонамеренные, беспочвенные замечания, отдающие провокацией. Он пошел к директору комбината и к секретарю парткома и сказал им приблизительно следующее: „Ваши люди в таком-то и таком-то предприятии говорят нашим товарищам (китайцам): „Вы можете уходить, потому что мы (албанцы) больше не нуждаемся в вас; вас (китайцев) здесь много“, поэтому и мы удалили некоторых. Хорошо будет, продолжал он, чтобы было меньше, но хороших китайских специалистов, чем больше да хуже. Мы — братья, поэтому наведите порядок внизу“ и т.д.

Наши люди, конечно, сделали большие глаза, удивились и сказали китайскому товарищу: „Что это вы говорите? Мы очень нуждаемся в вас, причем не только в имеющихся специалистах, но и в других. Китайские товарищи никоим образом не должны уходить, а если вам хочется удалить кого-нибудь, то решайте сами, ставя и нас в известность. Только, пожалуйста, скажите нам, кто это из наших людей говорил это, без нашего ведома?“

Китаец ответил: „Мы не можем назвать их по имени, так как вы примете меры и накажете их“, и дальше он добавил, что „один (албанец) выразил одному из наших и в письменном виде мысль о том, что он (китаец) может уходить“.

Наши сказали ему: „То, что вы не хотите назвать наших людей и не хотите выдать нам даже письмо, нас удивляет. Тогда что нам делать? Как нам разгадать эту тайну?“

— Примите меры там, внизу, — добавил он.

— Но против кого, если мы не знаем, кто виновники? К тому же, как это вы можете полагаться на одного или двух человек, которые к тому же могут быть и провокаторами, пытающимися напустить туману между нами? Мы считаем, что относительно подобных вопросов, когда возникают проблемы, требующие решения, вы должны говорить с нами, руководителями, а мы — с вами.

На деле это провокация, которую устраивают нам с целью дать несуществующее оружие той фракции в Пекине, которая не хочет нам добра и старается выискать измышленные причины для замедления или заторможения работ по сооружению объектов в нашей стране. Подобные провокации — не личного порядка, они наверняка подстроены сверху. Это экономическое давление, предшествующее политическому давлению накануне нашего VII съезда. Мы хорошо понимаем подобного рода давления, так как раньше к нему прибегали и другие по отношению к нам. И ныне правая фракция в Пекине „бросает нам пояс“, чтобы мы ступили на него, после чего она обвинила бы нас в том, что это мы начали нападение.

Поэтому я посоветовал нашим товарищам хранить хладнокровие в беседах с ними. Я дал им указание послать на комбинат заместителя министра строительства, чтобы тот лично поговорил с ними „по-товарищески и по-братски“, как это китайцы любят говорить. Я посоветовал им сначала осведомиться у директоров и секретарей парторганизаций тех предприятий Комбината, из которых ушли китайцы. Товарищи так и поступили, и все наши люди там ответили им, что „сами китайцы явились к нам и сказали, что уедет тот-то или тот-то“, а мы ответили им, что „они никоим образом не должны уехать, мы очень нуждаемся в них, поэтому, пожалуйста, примите меры, чтобы был отменен их уход“.

Очевидно, что это с умыслом подстроенное дело. Однако нечто гораздо более предосудительное чинят они в Пекине. Один из китайских работников Министерства промышленности говорил нашему торговому атташе в Китае, что никелевокобальтовый завод, строительство которого по контракту должно

быть начато и завершено в одну очередь, „будет осуществлено в две очереди“.

Это другая крупная провокация, последствия которой мы увидим позже, ибо мы будем настаивать на соблюдении контракта.

Балшский нефтеперегонный завод закончился, только нет еще двух-трех компрессоров, срок поставки которых уже прошел.

— Находятся в процессе испытания, — говорят нам.

— А сколько мы будем ждать? Когда будет закончено испытание? А что, — сказали мы им, — если вы закупите их в Западной Германии?

— Нет, у нас нет валюты, — отвечают нам китайцы.

— Валюту дадим мы, ведь это не такая уж крупная сумма, — говорим мы им . Но и с этим они не согласны.

Что это такое?! Нам это ясно. Это саботаж, это давление. Китайцы замышляют блокаду против Албании. Мы будем осторожны, ибо они пытаются взвалить вину на нашу голову.

СРЕДА
11 ФЕВРАЛЯ 1976 г.

МАО САМ СЕБЕ ГОЛОВА

В Китае началась новая кампания дацзыбао против „главных людей, облеченных властью“, которые были осуждены Культурной революцией, выступили с ложной самокритикой, а затем были реабилитированы. Эти бывшие осужденные опять являются главными; это именно те, которые говорили, что „неважно, если кошка черная или белая, достаточно лишь того, чтобы она уничтожала крыс“ (высказывание Дэн Сяо-пина). „Этих людей, — отмечается в дацзыбао, — если они будут противопоставлены линии Мао Цзэдуна, постигнет та же участь, что и Лю Шао-ци“ и т.д. и т.п. Говорят, что 45 дацзыбао написано в Пекинском университете против Дэн Сяо-пина. Последний „сошел со сцены“ с тех пор, как он прочел заупокойную молитву Чжоу Энь-лаю. Зарубежные телеграфные агентства передают, что в дацзыбао подвергается атаке и „экономическая“ политика Чжоу Энь-лая.

Ли Цян, министр торговли, сказал нашим, что Ли Сяньнянь лежит в больнице, так как у него болит сердце. Почему он сказал нам это? Нам хоть бы что за этого ревизиониста, лакея-двурушника, одного из китайских руководителей, который всегда недолюбливал нашу партию и нашу страну.

Известно, что ныне первым заместителем премьер-министра больше не выступает Дэн Сяо-пин.

Зарубежные телеграфные агентства без обиняков передают, что левая, радикальная группа, Шанхайская группа взяла верх. А что происходит на самом деле, мы ничего не знаем. Несколько лет назад Мао извлек Дэн Сяо-пина из-под спуда, реаби-

литировал его и сделал заместителем председателя партии, заместителем премьер-министра, вершавшим закон от имени Чжоу Энь-лая; когда Чжоу лежал в больнице, Мао сделал его начальником генерального штаба, так что оставалось только сделать его и „выдающимся соратником великого кормчего“, как он это сделал Линь Бяо.

А теперь что происходит? Мао вновь ниспроверг Дэна. Выдвинет ли он кого-нибудь другого, пока не ниспровергнет и его и не посадит на его место какого-либо другого Дэна? Даже не разберешь, что там происходит; вернее, можно понять, что Мао сам себе голова, выдвигает кого ему угодно; снимает того, выдвигает другого, поддерживает и поощряет две линии в партии и государстве. Все партийные съезды в Китае эту цель преследовали, и Мао добивался ниспровержения одной правящей группы и выдвижения другой. Это оппортунистическая, нереволюционная, немарксистсколенинская политика. Она не вызывает доверия, наоборот, дискредитирует и срывает строительство истинно социалистической системы, государства диктатуры пролетариата, придерживающегося марксистско-ленинской линии. Китайская линия — это типично мелкобуржуазная линия, окрещенная марксистско-ленинскими фразами и словесами. Фасад красный и таким он пропагандируется, однако нутро и не красное и не социалистическое; и обо всем этом нельзя не сказать, что зодчим этого здания является „великий кормчий“.

СРЕДА
25 ФЕВРАЛЯ 1976 г.

КИТАЙСКАЯ ТАИНСТВЕННОСТЬ, МАОИСТСКИЙ РАЗБРОД

Китай бурлит. Сразу же после похорон Чжоу Энь-лая вовсю началась кампания против правых, против „главных людей в руководстве, вставших на капиталистический путь“, против тех, кто „выступал против Культурной революции“, против тех, которые „были реабилитированы и вновь начали борьбу с линией великого рулевого“. Газеты и журналы изобилуют статьями, изобличающими это течение, эту „чуму“. Согласно китайскому обычаю, пока что никого не называют по имени, но надевают им колпак „Второй китайский Хрущев“, „Главный после Лю Шао-ци“, „Враг, наподобие Лю и Линя“ и т.п. Понятно, что речь идет о Дэн Сяо-пине. Уже месяц, как он не показывается, он лишился славы; встречами и проводами, которыми он занимался как заместитель Чжоу Энь-лая, теперь занимается какой-то другой, по имени Фэн или Фан, которого мы еще не знаем как его зовут, ибо они ныне выдвигаются, а завтра ниспровергаются. Такова тактика Мао: и Дэна не изобличает, но и нового он не считает за премьер-министра.

Мне ясно, что через Дэна они бьют по Чжоу Энь-лаю, Ли Сянь-няню и их группе. А кто бьет по ним? Мао, что ли?! Не верится. Мао оппортунист. Говорят, что это бьют „левые, радикалы“, такие, как Ван Хун-вэнь, Цзян Цин, Яо Вэнь-юань, Чжан Чунь-цяо. Вполне возможно, что это так. Однако до каких пор, сколько они будут продолжать эту кампанию? Ничего не известно, это знает Мао, который еще вчера следовал за Чжоу, а ныне говорит этим, „левым“: „Совершайте сами вашу революцию“.

А что изменилось во всем этом переполохе? Что изменяется? Изменяются люди, изменяется политика или же изменяется идеология? Все они правеют с каждым днем, особенно внешняя политика, которую движет и руководит идеология. Ничто не меняется: американцы — друзья китайцев, советские же — их враги. Однако и в проамериканской политике Мао отмечаются невероятные вещи. Между тем как идет „левая кампания“ и Китай кипит котлом, бывшего президента Америки, Никсона, мошенника Уотергейта, самого ярого антикоммуниста и фашиста приглашают в Китай, на аэропорте его встречает премьер-министр с большой свитой из тысяч людей, скандирующих ему, держа в руках американские флаги.

Это и есть китайская таинственность, маоистский разброд.

Весь мир не понимает, почему это делается, и у него есть причины не понимать этого, однако я дам свое толкование. Мао не в себе, не в себе и окружающие его товарищи. Ему кажется, что он ведет большую и умную политику. Он задается целью своей стратегией углубить противоречия между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом. Советский Союз, по его мнению, является главным врагом, поэтому надо объединить силы против него. Мао говорит, что „война между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом разразится в Европе“.

Мао был более уверен, что при Никсоне будет проведена эта его стратегия, однако этим он „навлек на себя неприятность“. А при Форде он не уверен, вот почему он принял его холодно. И Форд, со своей стороны, открыто стоял против стратегии Мао. Тогда „гениальный“ Мао, чтобы „потрясти Форда и Соединенные Штаты Америки“, чтобы расположить к себе все фашистские правительства и фашистских правителей в Европе и везде, где они замешаны в новый скандал взяток, которые они получили от Никсона и его правительства, приглашает в Китай Никсона, которого встречают с большой помпой, точно будто он был президентом. Фактически этим Мао хочет сказать, что он не согласен с обвинениями, которые возводят на „замечательного“ Никсона, и что „вы, американцы, если хотите быть в ладах с Китаем, должны следовать по-

литике Никсона, который, даже не будучи президентом, побуждает американские концерны заключать крупные торгашества с социалистическим Китаем". Между тем, всему миру Мао говорит: „Отстань! Я представитель великого государства, мне и карты в руки"!

Другое толкование подобным вещам давать мы не можем. Время покажет, верно или неверно мы рассуждаем.

Относительно хода событий в Китае я могу вынести такой вывод: **Во-первых, Мао Цзэдун не является последовательным марксистом-ленинцем, хотя его величали и „теоретиком", „философом" и даже „классиком" марксизма-ленинизма. Он клонится к правым среди левых. На самом деле, он не человек действия.**

Придя во главе партии, Мао показал себя более правым среди левых, фактически он стоял на центристских позициях, ни левых не сдерживал, ни правых не изобличал. Правых, в частности некоторых главных лидеров этого крыла, он якобы убрал, но в то же время он дал им „существовать" на дачах, выплачивая им даже оклады внутри страны и за рубежом, как, например, Ван Мину в Москве. К левым он проявлял такую терпимость, что они прибрали к своим рукам власть. В период после освобождения Лю Шао-ци, Дэн Сяо-пин, Чжоу Энь-лай и их крыло правили Китаем, партией, экономикой, армией под флагом Мао, которого они обратили в бога и упрятали в храм. Мао стал божественным, но в его руках был один лишь ветер. Ну а Мао, стоял ли он в оппозиции к ним? Нет, их мысли он одобрял, ибо они совпадали с его взглядами.

Эти „левые" хотели и старались зайти еще дальше: „левые" превратились в правых. Они продолжали выдавать ренту капиталистам (которые занимали руководящие посты) и выступали в единстве с хрущевцами. Это пришлось не по душе Мао, который на словах усердно поддерживал Хрущева, но с тех пор, как тот отказался передать Китаю атомную бомбу и поехал в Вашингтон завязать дружбу с американцами, Мао возмутился, ибо ему самому хотелось связаться с американцами. Однако он увидел, что внутри страны сила была на стороне трио Лю-Дэн-Чжоу, поэтому ему оставалось поднять на „ре-

волюцию“ хунвэйбинов и воспользоваться своим авторитетом, чтобы штурмовать „штабы“.

Таким образом, началась Культурная революция. Лю и Дэн были изобличены, между тем, как Чжоу, будучи „эквилибристом“, покинул тонувший пароход „Лю-Дэн“ и вознес „красный томик“ Линь Бяо, ни на йоту не отойдя от своих правых взглядов. Чжоу показал себя организатором, экономистом, политиком, но и политиканом. Он был нужен Лю, которому он оказал услуги. После свержения Лю и Дэна, Чжоу был нужен и Мао, так что в период Культурной революции последний оставил его во главе правительства, причем он уберег его и от атак со стороны этой революции. В этот хаотический период Чжоу зарекомендовал себя изворотливым ловкачом. Он ужом извивался перед Мао, Цзян Цин, Линь Бяо и в то же время постарался закрепить свои позиции, что устраивало Мао, ибо у него не было другого человека, равного Чжоу по его размаху, который справлялся бы с делами.

При этих условиях, в ходе этих событий Чжоу сплотил вокруг себя всех своих людей, людей Лю, Дэна и, низкопоклонничая перед Линь Бяо, стал пожарником Культурной революции. Линь взлетел на воздух, а Чжоу с аппаратами остался „первым“ после Мао, сидевшего в башне. Чжоу стал необходимым Мао и на этот период. Он затушил революцию, поставил экономику на первый план, привел к власти свои кадры и выжидал смерти Мао, чтобы сесть на оседланного коня. Однако в руководство партии и государства пришли некоторые молодые люди. Чжоу принял их, ибо они были „травами“ Культурной революции, которые он рассчитывал скосить попозже. Знал ли Мао, кем был Чжоу? Мне кажется, что он знал, но Чжоу был нужен ему и приспосабливался к его политическим и идеологическим колебаниям.

Оба они, как Мао, так и Чжоу, думали о будущем. Мао, со своей стороны, привел в руководство некоторых молодых людей с целью формировать их под эгидой своего культа. Для Мао они были „левым крылом“ его идеологической игры. Чжоу, заболевший раком, также думал, что надо было оставить наследника на потом. Итак, естественно, следовало реа-

билитировать Дэн Сяо-пина, который бы пошел по пути Чжоу, как будущий „руководитель правой линии“. Мао понравилась такая инициатива Чжоу, ибо он знал, что Чжоу умрет, и полагал, что, будучи изобличенным Культурной революцией, Дэн, по сравнению с Чжоу, был гораздо менее опасен. Таким образом, Дэн пустился рысью и устремился вперед настолько быстро, насколько быстро наступал и конец Чжоу.

Чжоу скончался. У Мао одно препятствие было убрано с пути; у молодых также, и последние, с „разрешения“ Мао, приступили к разоблачению Дэна. Это „небольшая бескровная революция“, проводимая пером, ибо Мао знает, что молодые должны править сообща со средними и старшими кадрами, подавляющее большинство которых стояло и стоит за линию Чжоу Энь-лая. Другими словами: **„Уберите некоторых главных, а затем продолжайте старую игру в две линии. Если левые станут слишком радикальными, тогда спустим с цепей правых и так продолжим“.**

СРЕДА
3 МАРТА 1976 г.

СЕГОДНЯШНЕЕ МУТНОЕ; НЕИЗВЕСТНО, ЧТО ПРИНЕСЕТ ЗАВТРАШНЕЕ

Самые сильные там-тамы играют в Китае против „нового китайского Хрущева“, против „правых врагов“, „агентов гоминьдана“, против тех, „которые стремятся взять власть“, „которые внесли раскол в Центральный Комитет партии“, „которые выступают против линии Мао Цзэдуна“ и т.д. Кто этот враг? Это Дэн Сяо-пин, „золотце“, как Мао называл его, это тот, которого Культурная революция изобличила как „врага номер два Китая“ после Лю Шао-ци, и которого Мао три года тому назад не только реабилитировал, но и назначил первым заместителем премьер-министра и даже почти премьер-министром (ибо Чжоу умирал), назначил также членом Политбюро, заместителем председателя партии и начальником генерального штаба. А теперь? *Patatras!** Рухнула крепость, рухнул культ Дэна. Говорят, что его ниспроверг Мао. Но почему он выдвинул, а затем ниспровергнул его? „Потому, что он замышлял заговоры, наврал в своей самокритике“. „Великий кормчий“ очень бдителен!

Кто правил Китаем: Мао Цзэдун ли и Чжоу Энь-лай? Или же руководила Коммунистическая партия Китая? Трудно высказаться. Однако, как подтверждает жизнь, правили скорее они оба, чем Коммунистическая партия Китая. Мао был знаменем, фактически орудовал и господствовал Лю; затем Лю и Дэн были свергнуты и были выдвинуты Линь Бяо и Чэнь

* По-французски: Бух!

Бо-да. Были свергнуты и они и установилось царствование Чжоу и Ли Сянь-няня, царствование правых, которые реабилитировали Дэна и его ближних. Дэн сразу же стал полновластным! Из исправительного лагеря он был послан прямо в ООН, во Францию и в руководство „третьего мира". Дэн сдал советский вертолет и советских шпионов, а социалистической Албании нанес удары как в области экономики, так и относительно военной помощи. Дэн взошел на облака, достиг небес, но в одно прекрасное утро умер Чжоу Энь-лай. Дэн остался за бортом…!

Тогда начались дацзыбао, согласно китайскому обычаю, неадресованные, но в последнее время начали называть по имени и „зятя и тестя", и Дэна и Чжоу, но имя последнего называют под сурдинку, ибо Чжоу Энь-лай фактически является лидером правых и пользуется высоким уважением у внутренней и международной буржуазии, которая называла его „самым умным, самым обходительным, самым тонким дипломатом, самым совершенным мандарином". Там-там продолжается, но и Дэн продолжает стоять на занимаемых им постах. Он, правда, сидит в тени вместе с Ли Сянь-нянем, но, откуда знать, „золотце" может вновь выступить с самокритикой, и „великий кормчий" вновь простит его.

Во всяком случае, никто не может представить себе, что будет. У китайской политики особая идеология, идеология своего китайского склада, своя тактика и стратегия, также китайского склада! Неизвестно, что принесет завтрашнее, а что касается сегодняшнего, то оно просто хаос! С одной стороны, китайский народ „борется" против правых, с другой стороны, он проявляет неописуемую радость и безудержный энтузиазм перед фашистом, бывшим президентом-мошенником Соединенных Штатов Америки, Никсоном. Такова „гениальная" политика Мао. Тут просто диву даешься: **Мао стоял за Хрущева, затем он стал против него, тем более, когда тот съездил в Вашингтон; позже Мао сам поцеловался с Никсоном. Чжоу, который больше стоял за Лю и Хрущева, присоединился к Мао против Хрущева и за Соединенные Штаты Америки. Пришел Дэн, который, как сообщник Лю, должен**

был быть просоветчиком, но он стал проамериканцем, ибо ему надо было замаскироваться, выдавать себя за сторонника Мао.

Что произойдет теперь? Это зависит от того, что скажет Мао! Говорят, что власть захватывают левые, однако схождение с Америкой становится все более прочным якобы потому, что „ослабла она, несчастная, и ей надо помочь“, ибо советские становятся опасными.

Ныне в Китае не разбери поймешь. Работникам нашего посольства китайцы говорят: „Мы не можем ограждать албанских студентов от реакции“. У кого же там ситуация в руках, у коммунистов или у реакции? „Надо мутить воду, чтобы она прояснилась“, говорил Мао. Тогда подождем пока она не прояснится!

ВЛЕРА, ЧЕТВЕРГ
1 АПРЕЛЯ 1976 г.

ГДЕ БЫЛ КИТАЙ И КУДА ОН ИДЕТ?

Китайцы называли и называют Китай „Чжунго“, что по-французски значит *„l'Empire du Milieu“* (так он назывался и в древних веках), что значит „Срединная империя“. Но почему „Срединная империя“? Да потому, что десятками веков подряд китайцы (раскрыты археологические ценности прошедших 50 веков) считали свою страну „центром мира“. Этот „центр мира“ имел большую и древнюю культуру, не с того времени, когда это констатировал Марко Поло; она, быть может, была древнее культуры египтян и сумеров, которые считаются народами с самой древней культурой в мире.

Понятно, что слово „чжунго“, которое продолжает употребляться и поныне китайцами, не является просто традиционным названием, а последствием формирования тысячелетнего мировоззрения у всех китайских поколений, которое, сознательно или несознательно, сохраняется и поныне.

Религиозные верования буддизма и конфуцианства, которое Мао Цзэдун задним числом опомнился „отметить“ и „бороться с ним“ (и это он связал с борьбой против Линь Бяо), укоренили в китайцах идею „чжунго“ вместе со своими религиозно-мистическими и философскими мировоззрениями, со своими формами организации и управления, с писаными и неписаными нравами. Понятно, что древняя китайская культура не стала культурой китайского народа, а осталась культурой мандаринов, а письменность осталась привилегией императоров и мандаринов, „хозяев войн“, которые угнетали народы Китая и сосали у них кровь.

В своей истории Китай неоднократно подвергался нападению со стороны иноземцев и боролся против них, однако иноземцы со своей стороны неоднократно воздействовали и вырабатывали там свою организацию и управление. Но культура захватчиков, хотя она и оставила свои следы, не смогла ассимилировать богатую и древнюю китайскую культуру. Произошло, конечно, обратное.

Религия создала в Китае свой культ, культ буддизма, и с ним она связывала культ „чжунго“, воскрешала и усиливала у китайцев теории Конфуция. Буддизм и конфуцианство вызвали там ксенофобию относительно всего иностранного, наподобие того, как они вызвали мегаломанию относительно всего своего, относительно того, что принадлежало „чжунго“. Все переплеталось с этими религиозными и этическими воззрениями. Все это, а также сильная вековая нищета сделали китайского крестьянина, угнетенного императорами и феодалами, фаталистом, трудолюбивым и дисциплинированным, патриотом, ксенофобом, несколько молчаливым, человеком, с подозрением относившимся к другим местным жителям и иностранцам. Любое действие и любая мысль его формулировались и совершались таким образом, что трудно было разобраться в истинной мысли и проследить нить проблемы. Другими словами, у китайца не было откровенного, искреннего образа мышления и действия, он мудрил многими изворотливостями и хитросплетениями, и порой эти признаки защитного характера обращались в навыки, граничившие с лицемерием.

Однако в течение веков и особенно в наше время характер, вероисповедания и обычаи людей изменялись, терпели глубокую эволюцию, не лишившись совсем старых черт. И после окончательного избавления от иностранного ярма, и после образования Китайской Народной Республики, и после руководимой Коммунистической партией Китая революции Китай до какой-то степени продолжал оставаться „замкнутой“ страной. Под личиной народно-демократического строя и под руководством Коммунистической партии Китая и Мао Цзэдуна, несмотря на совершенные его народом перевороты, опять-таки Китай остался на позициях недоверия, завязывал

„дружбу“, но конъюнктурную; он закрывал или оставлял закрытыми двери для мировой передовой культуры, и все, любую эволюцию, он старался совершить „под колпаком“. Все иностранное, даже марксистско-ленинская теория, которая была взята на вооружение в качестве „руководящей идеи“, претерпевала изменения в формах эклектизма, якобы применительно к условиям Китая.

Китайская культура и после победы революции не претерпела бурного развития, она не была очищена от старых, регрессивных и реакционных теорий, не были заложены надлежащие, прочные основы для национальной и революционной культуры. Это факт, что после Великой культурной революции, которая преследовала иные цели, были выдвинуты лозунги и созданы некоторые „революционные балеты“, которые китайцами были оценены так, будто они были все, будто они были основой революционной культуры.

Вся китайская культура была и продолжает оставаться в тисках старой, конфуцийской культуры. То, что маоисты считают „революционной культурой“, является повседневной политической газетной пропагандой. Школы либо остаются закрытыми, либо в них усваиваются привитые знания. „Культура“ ограничена борьбой против Као Гана, Пэн Дэ-хуая, Лю Шао-ци, Линь Бяо и Дэн Сяо-пина, не забывая и Конфуция, в тогу которого одеты по этому случаю все эти боссы.

Представляется странной (и не без оснований) идеологическая и политическая деятельность Коммунистической партии Китая. Она оставалась недосягаемой для иностранцев, особенно для братских коммунистических и рабочих партий. Полагаю, что это имеет свои принципиальные причины. „Нечисть смывать внутри, чтобы о ней не знали другие“. **В линии Коммунистической партии Китая, начиная с ее основания и до сих пор, были допущены ошибки, которые оставили глубокие следы и вследствие которых у партии неустойчивая линия, страдающая особенно правым оппортунизмом.** Но фактически какие ошибки были допущены и каков характер этих ошибок? Об этом нет никакого документа, никакого анализа. Есть политические статьи с общими формулами и перечислением имен

„главных антипартийных элементов“. **У Коммунистической партии Китая еще нет официального текста своей истории.** Есть отрывочные, эпизодические, безответственно написанные книги, которые сегодня в употреблении, а завтра запрещаются и вместо них появляются новые, пронизанные другими идеями. Официально известны только доклады VIII, IX и X съездов этой партии. Все они, вернее, только они, считаются правильными, из них ничего не изъято, хотя в них имеются колоссальные ошибки. Все эти ошибки прикрываются именем Мао, ибо они были совершены Мао, Лю, Дэном и Чжоу, так что, если устранить имеющиеся в них ошибки в политической линии, что станет с авторитетом Мао, который стоял во главе партии?

Существуют также четыре тома, написанных Мао во время войны. Они были собраны, „упорядочены и украшены“ как сочинения, основанные на марксистско-ленинской теории. Эти сочинения вышли в свет несколько лет спустя после освобождения Китая, причем говорят, что они были выправлены советским философом Юдиным, который был послом в Китае. Других произведений у Мао нет. Борьба ведется с помощью его старых, эклектических цитат. Чем занимался этот „великий теоретик“ все эти годы? Высказывал ли он мысли, выступал ли он, решал ли он важные проблемы? Об этом почти ничего не опубликовано. Только **пропагандируется „маоцзэдунъидея“, равная марксизму-ленинизму; причем имеются такие лакеи Мао, которые в ряд портретов классиков вставили его портрет после Энгельса и перед Лениным.**

О чем все это говорит? О сокрытии истины в развитии и в борьбе Коммунистической партии Китая и об искусственном превозношении Мао Цзэдуна. **Антимарксистская китайская мегаломания развернута, культ Мао стал одинаковым с культом Конфуция.** Все, что делает Мао, все, что он говорит — „правильно“. Все должны слушаться Мао Цзэдуна. Никаких рассуждений, только фанатизм.

Выше я отметил, что в Коммунистической партии Китая с самого начала было допущено много ошибок в линии. Но на каких же основах была создана партия в Китае? Ничего

не известно. Сам Мао ничего не писал об этом, или писал мало, но и это не известно. В опубликованных четырех томах Мао рассматриваются вопросы политики партии, партийной линии, говорится и о ее организационном строительстве; в них Мао старается парафразировать Маркса и Ленина, однако все он перекрашивает в теоретическую лекцию, задаваясь целью воспитывать кадры или выступая и выдавая себя за признанного теоретика. В них не отражаются, или отражаются совсем мало, живая борьба партии, фракционная борьба, классовая борьба внутри и вне партии. Нет, складывается впечатление, будто в них вложена теория, а в действительности это просто изуродованное парафразирование Маркса или Ленина. В этих томах не найдешь высказываний Сталина. **В Китае Сталина найдешь только одним портретом, на Тяньаньмыни.**

Много фракций существовало в Коммунистической партии Китая, и это потому, что марксизм-ленинизм не полностью лежал в основе партийной линии. По-видимому, это так было еще с основания партии, ибо ее протагонисты — Мао, Чжоу Энь-лай, Чжу Дэ, не говоря уже о ли ли-санях и других, не были сложившимися марксистами; более того, они даже не прилагали должных усилий к овладению марксизмом-ленинизмом. Они хотели национального и социального освобождения Китая, но идеи о коммунизме и его идеология, видимо, не были ясны этим товарищам.

Уход Китая в себя предопределял также замыкание Мао и Чжоу в эту среду. Они не смотрели за пределы Китая, и, наверняка, в элементарных знаниях, которые вели их к революции, переплетались многие национальные, буржуазные, демократические, передовые и мистические взгляды. О республике Сун Ят-сена, о которой они хорошо отзываются, мы не видим хотя бы критической мысли в каком-нибудь ясном материале Коммунистической партии Китая. Как тогда, так и ныне вещи заволочены туманом, бытуют всякого рода мысли и интерпретации, поэтому „разбирай и выбирай“ из них. Об этой революционной и передовой эпохе больше всего и в основном писали иностранцы. Для китайцев пробуждение и борьба Китая начинается и кончается вместе с Мао.

Сун Ят-сен был великим деятелем, правильно понимавшим значение дружбы с Советским Союзом Ленина, который протянул Китаю руку и оказал ему помощь и поддержку. Тогда Коммунистическая партия Китая только что была основана и, конечно, ее влияние на массы было незначительным, тогда как влияние Сун Ят-сена и гоминьдана было большим. Как действовала, как связалась с ними и как боролась Коммунистическая партия Китая в эти моменты, мы не можем говорить наверняка, или можем говорить, основываясь только на том, что писали иностранцы, ибо только они делали анализы; однако в своих анализах они руководствуются другими принципами и целями, которых мы не можем брать за основу. Факты подтверждают, что при Ленине и Сталине Советский Союз сохранял и развивал дружбу с Китаем и с гоминьданом как при жизни Сун Ят-сена, так и тогда, когда он на время был замещен Чан-Кай-ши.

Китайские коммунисты сотрудничали в этой линии, но как, сколько и какие возникли противоречия и почему они возникли, мы представляем себе, ибо мы марксисты и знаем, что из себя представлял Чан Кай-ши. Подобное исследование и подобный анализ со стороны Коммунистической партии Китая, по крайней мере насколько мы знаем, не сделан. Никакого текста об истории китайского народа не написано китайским пролетарским государством и Коммунистической партией Китая. Все, что мы читали об этой крупной проблеме, мы читали у иностранных и буржуазных историков, ученых и социологов.

Многих вещей мы не знаем, однако мы знаем то, что Коммунистическая партия Китая *in petto** трубит: Коминтерн допустил ошибки в отношении Китая, Сталин ошибся (и, по словам Мао, Всесоюзная Коммунистическая партия (б) признала ошибку), Советский Союз дал директиву о том, чтобы Коммунистическая партия Китая сотрудничала с гоминьданом, когда этого не следовало делать, и т.д. и т.п. Все это нашептывается по углам и коридорам, и мне думается, что это

---

* По-итальянски: про себя.

делается с целью поднять Мао, „который никогда не ошибался“, и унизить Сталина, „который ошибался“.

Какие выводы можно вынести из этих вещей, которые не подвергнуты никакому анализу? Сталин и Коминтерн, в общих чертах, не ошибались ни относительно революционной борьбы в Китае, ни относительно союза Коммунистической партии Китая с гоминьданом. Мао же и Коммунистическая партия Китая ошибались; они не интерпретировали правильно и не проводили в жизнь правильно линию Коминтерна. Для освобождения Китая от колонизаторов, от милитаристской Японии нужен был союз этих двух сил, коммунистических и прогрессивных буржуазных сил. Может быть, в процессе этой борьбы, при этих контактах, люди, вроде Блюхера и других посланников Коминтерна, которые оказались троцкистами и были осуждены, ошибались, но линия Коминтерна на союз прогрессивных сил в Китае, боровшихся против Японии, была правильной. Чан Кай-ши изменил, он откололся от коммунистов, постарался ликвидировать их, ослабил борьбу с Японией, а затем и прекратил ее. Это проблема, связанная с темным и сложным периодом, и в этом нельзя винить ни Сталина, ни Коминтерна, как это делают китайские товарищи. „Сталин допускал ошибки“, утверждает Мао, однако, фактически, сам Мао Цзэдун допускал ошибки, причем не только тогда; он и теперь допускает много ошибок, которые мы видим вместе с их горькими последствиями. В Китае продолжают говорить, что Мао никогда не ошибался — ни вчера, ни сегодня, что и завтра он не будет ошибаться. Для китайцев это табу, однако это есть антимарксистское утверждение.

Позиция Мао и его товарищей в отношении Советского Союза времени Сталина наводит на сомнения. Она не была правильной и искренней. В период освободительной борьбы Китая, по крайней мере мы не видели проявлений натянутых отношений, особенно со стороны Сталина, Советского Союза и Коминтерна. Кан Шэн, один из лучших революционных марксистско-ленинских руководителей Китая, был представителем Коммунистической партии Китая в Коминтерне, но он ничего дурного не говорил в этом направлении.

Китай периода после освобождения мы считали народно-демократическим государством, которым руководила славная Коммунистическая партия, и что во главе этой партии стоял великий марксист-ленинец, которого звали Мао Цзэдуном, Подобно всем нашим странам, которые освободились и установили народно-демократический строй, и Китай тесно связался с Советским Союзом и со Сталиным. Позже мы узнали многое о перипетиях Коммунистической партии Китая и гоминьдана, о „Великом походе“, о дружбе Мао с иностранными офицерами и журналистами, как, например, с американцем Эдгар Сноу и другими, которые сидели при его штабе; мы узнали о „плодотворных“ контактах Мао и Чжоу с Ведемейером и Маршаллом, которые организовывали оказание американской помощи Мао и Чану, а также о китайских лобби в Вашингтоне. Все это, конечно, производило впечатление на нас, однако мы считали, что это просто тактика, а не тяга к Соединенным Штатам Америки, как это стало очевидно позже. В лице Мао мы видели коммуниста, в его партии — коммунистическую партию, а в Китае — социалистическую страну, дружественную нам и, в первую очередь, Советскому Союзу и Сталину.

При жизни Сталина Мао съездил один раз в Москву, он встретился и беседовал со Сталиным. О чем он беседовал с ним — мы ничего не знаем, однако предполагаем, что Сталин принял Мао очень хорошо и наверняка предоставил Китаю всякую помощь, которую он запросил. Сама Коммунистическая партия Китая официально заявляла, что „как Ленин, так и Сталин признавали, что царский режим похитил у Китая земли, которые должны быть возвращены Китаю, ибо они принадлежат ему“. Эти заявления китайцы огласили, когда Китай вступил в конфликт с хрущевскими ревизионистами.

Итак, насколько мы можем судить, Сталин подходил к Китаю как к дружественной, социалистической стране; пограничный вопрос он рассматривал в марксистско-ленинском духе, а Мао Цзэдуна искренне считал товарищем. Однако на совещании коммунистических и рабочих партий, состоявшем-

ся в Москве в 1957 году, т.е. еще до совещания 81 партии, Мао, в целях поддержки Хрущева, который изменял марксизму-ленинизму, открыто, пренебрежительно и иронически сказал, что, когда он встретился со Сталиным, он показался себе „маленьким учеником перед учителем“. Этим Мао хотел взять и фактически взял под защиту измышления Хрущева относительно „культа Сталина“, который „этого великого Мао“ якобы считал пареньком. Это было нападение Мао против Сталина. Это я говорю с полным убеждением, ибо во время моей первой встречи со Сталиным, когда я был столь молодым и взволнованным, Сталин, проявляя большую человечную чуткость, любовь и уважение к товарищу, обращался со мной как с равным, и его столь теплая беседа сразу же растопила лед во мне. Мао на указанном совещании зашел еще дальше; он признал правым Хрущева, ликвидировавшего „антипартийную“ группу Молотова и других, и даже назвал его „Лениным нашего времени“.

Какой вывод можно сделать из этих деяний Мао?

Мао был против Сталина и вместе со своими товарищами добивался превозношения своего культа. Мао задался целью занять среди великих марксистов в международном коммунистическом движении место Сталина „развенчанного и опороченного“ предателями. Он думал, что ради помощи, которую он оказывал Хрущеву в этом случае, последний будет способствовать новому культу Мао, и Китай станет центром революции. „Дует ветер с Востока“, „Алеет Восток“, „Мао Цзэдун — солнце всего мира“, — это были словеса китайской пропаганды того времени.

Но произошло не так, как думал и желал Мао. Советский ревизионизм и Хрущев показали ему кукиш. Мао и маоисты постарались не оказаться с ними на ножах, однако дела иначе развиваться не могли. Тогда тактика Мао Цзэдуна изменилась. Продолжалось превозношение культа Мао, как „великого марксиста-ленинца“, боровшегося против современного ревизионизма и, в первую очередь, против советского ревизионизма, и в то же время и против американского империализма и мировой реакционной буржуазии. Это было пра-

вильной борьбой, поэтому мы поддерживали ее, китайцы в свою очередь тоже поддерживали нас. Но фактически они применяли эту тактику не с классовых позиций и не в духе марксизма-ленинизма. Такой тактикой китайцы стремились и старались укрепить в коммунистическом движении и среди народов мира позиции Китая как „поистине социалистического государства, непримиримого к классовым врагам и к врагам народов, борющихся за свое освобождение“. Тем временем, Мао и маоистам внутри своей партии приходилось бороться против правой фракции Лю Шао-ци, Чжоу Энь-лая, Дэн Сяо-пина и других, которые, под сенью Мао, боролись за восстановление капитализма и стремились изменить политику в направлении дружбы с хрущевцами.

Мао Цзэдун оказался меж двух огней, которые фактически он сам зажег с целью добиться своего — превратить Китай в великую мировую державу. Он оказался, таким образом, между советскими ревизионистами и опасной фракцией Лю Шао-ци. Вот тогда он начал Культурную революцию, о которой я здесь не буду распространяться, ибо о ней я много говорил и писал.

Какими путями Мао (ибо мне кажется, что здесь не идет речь о воле партии) пришел на подобные немарксистские позиции? Он стал проводить приспособленческую линию. При жизни Сталина Мао проводил линию „дружбы“ и „восхищения“ Сталиным. В то время в Китае насаждалась дружба с Советским Союзом. После смерти Сталина Мао оказался оппортунистом и попытался занять его место в международном коммунистическом движении. Он начал заигрывать с Хрущевым с целью надуть его и, конечно, стал критиковать Сталина. На наших глазах в Пекине в 1956 году он взял под защиту ревизиониста и предателя Тито, так как он и сам был ревизионистом, либералом, сторонником Хрущева.

После разрыва с Хрущевым, когда Лю и Дэн стояли у власти и занимали ключевые посты, в центральных органах Китая был опубликован ряд идеологических статей в марксистско-ленинском духе против хрущевских ревизионистов. Эти статьи носили теоретический характер, они не представляли

собой обычную пропаганду против ревизионизма. Это был поворот, причем, конечно, хороший поворот, ибо теоретическое разоблачение ревизионизма, способствовало воспитанию Коммунистической партии Китая. Однако это был кратковременный поворот. Статьи подобного рода были упрятаны в ящики, начали вырисовываться колебания в линии. Коммунистическая партия Китая перестала воспитывать массу коммунистов в правильном, марксистско-ленинском духе и ограничивалась опубликованием идеологических статей нашей партии. Нам это было приятно, но мы не хотели и считали неправильным прекращение Китаем полемики с ревизионизмом, его отступление с поля битвы. Это опять-таки говорило о колебаниях либерального характера в линии Коммунистической партии Китая. Публикуя наши теоретические статьи в китайской печати, китайцы хотели не поддерживать нашу марксистско-ленинскую линию, а создать впечатление о том, что линия Коммунистической партии Китая оставалась прежней, хотели скрыть предпринимаемый ими поворот либерального характера и сказать мировой общественности, что „это я, Китай, диктую Албанской партии Труда эти статьи, эту линию“. А мировая буржуазная пресса открыто писала, что „Албания является сателлитом Китая“, что „Албания является патефоном Китая“, что „то, что задумывает Китай, он диктует Албании и последняя выражает его“. Это была нечестная, немарксистская позиция со стороны Китая. Однако, поскольку пропагандировались марксистско-ленинские идеи нашей партии, мы говорили: „Пусть дрова прямо горят“. Однако в Китае дрова не прямо горели.

Хрущев был низложен. Сразу выступила наружу оппортунистическая линия Мао. Он подумал, что настало его время, поэтому, через Чжоу Энь-лая, который поспешил в Москву, он потребовал, чтобы и мы поехали туда принимать участие в „свадьбе“ ревизионистов. Мы категорически отказались от такого оппортунистического шага, мы категорически отклонили также китайское предложение „о создании антиимпериалистического фронта вместе с ревизионистами“. Эти их шаги свидетельствовали о пламенном желании китайских

руководителей помириться с советскими ревизионистами, но, будучи ревизионистами, они стремились самим взять верх на этом пути. Из этого у них ничего не получилось.

Вспыхнула Культурная революция. **Эта революция явилась результатом грызни между двумя правыми либеральными ревизионистскими течениями, в которой речь шла о том, кто возьмет власть: Мао или Лю.** В этой грызне победил Мао, который Лю и Дэна квалифицировал соответственно как „врага номер один" и „врага номер два". Чжоу был поставлен на службу Мао, ибо он, подобно Микояну в Советском Союзе, был слугой всех. Мао оказался „спасителем", „революционером", ибо он проводил „революцию", и возросла его слава как „великого марксиста-ленинца", ибо он одержал верх над Лю Шао-ци.

Мы поддерживали Культурную революцию, мы были единственной партией у власти, державшей их сторону. Сами китайские руководители признали эту огромную поддержку и вовсю пропагандировали ее.

Конечно, Культурная революция, как я отмечал и раньше, не основывалась на ясной, марксистско-ленинской линии, так как партия была разгромлена, общественных организаций также не существовало. Только армия с Линь Бяо во главе беззаветно стояла за революцию. Все было в разброде, дело шло по инерции. Чжоу, который держал нос по ветру, одной рукой держался за руль власти, а другой размахивал „красным томиком" Мао, который был подготовлен Линь Бяо. В ходе Культурной революции вовсю проявилась ксенофобия, дошедшая до того, что были сожжены здания иностранных посольств, были избиты дипломаты и т.п. Во главе этих безобразных деяний, походивших на деяния, совершенные Сухарто в Индонезии, стоял и сам Чжоу Энь-лай.

Дэн и Лю с компанией были „осилены", однако надо было склеить разбитое, и фактически многое было разбито. Упорядочением всего этого занимался ревизионист Чжоу Энь-лай якобы по указанию председателя Мао, который во время Культурной революции писал своей жене: „Мои сочинения будут использованы и революционерами, и контрреволюционерами".

Сам Мао утверждал, что у него не было одной марксистско-ленинской линии, а было две и даже десять линий, равносильно теории „расцветания ста цветов“.

Наша партия чего только не делала для укрепления дружбы между двумя нашими странами и двумя нашими партиями, но китайцы неоднократно отказывались от обмена деловыми делегациями между нашими партиями. Любую делегацию они обращали в делегацию „дружбы“ для массовых митингов и для речей и тостов на банкетах. Мы замечали, что **китайские руководители не желали обмена опытом между своей партией и нашей партией, они сторонились политических, идеологических и организационных дебатов.** Перед нами дверь была закрыта. Я, как и другие товарищи, в беседах с Чжоу и Яо Вэнь-юанем улучали случай говорить о партийных проблемах, исходя из нашего опыта, но они продолжали прибегать к своим избитым формулам. Только один раз Чжоу, этот либерал и оппортунист, когда приезжал к нам, упрекнул нас в том, будто наша партия не ведет классовой борьбы, а когда мы приперли его к стенке при помощи фактов, доказывая ему, что всю жизнь наша партия вела острую классовую борьбу, в стране и за ее пределами, а также внутри своих рядов, он, перед лицом фактов, вынужден был принести извинение, заявив: „не как следует знаю историю вашей партии“.

Мы не находили правильной также линию изоляции Китая на международной арене. Наши взгляды мы официально излагали Ли Сянь-няню, отметив ему, что борьбу надо было упорно продолжать против двух сверхдержав, а в отношении народов, в отношении других государств Китай должен был активизировать свою политику, ибо таким образом мы внесли бы раскол в ряды своих главных врагов и опровергли бы клеветническую пропаганду, которую они вели против наших стран. Однако китайцы стояли на своих позициях и не хотели следовать по этому разумному пути, который был в интересах Китая, нашей страны и других народов мира. Китайцы поражали нас своим поведением. В этом случае они превратились из либералов в сектантов. Либерализм и сектантство — одного поля ягоды. Китай совершенно игнорировал Европу, нахо-

дился во враждебных отношениях со странами Азии, а установление нормальных отношений с различными государствами обуславливал прежде всего признанием Тайваня частью китайской территории. Об Африке и странах Латинской Америки китайцы в кои-то веки публиковали какую-нибудь пропагандистскую статью в „Жэньминь жибао“. **На международной арене Китай проводил закостенелую, сектантскую, тщеславную, замкнутую политику, пронизанную ксенофобией и доходившую, как бы сказать, до непровозглашенного „желтого расизма“.**

В то время, как мы были обеспокоены этими вопросами, как гром среди ясного неба явились тайная поездка в Китай Киссинджера и его тайные переговоры с Мао и Чжоу. Китай начал новый период, новую политику, опять-таки ошибочную, правую политику — курс на сближение с американцами, который должен был зайти еще дальше, вплоть до сближения с фашистами Франко в Испании и Пиночет в Чили.

Стало очевидно, что „препятствием“ на пути к активизации Китая в его отношениях с различными государствами мира был не вопрос о признании Тайваньского острова китайской землей. Эта проблема была исчерпана как по мановению волшебной палочки, и Соединенные Штаты Америки взялись за установление связей и заключение соглашений с Китаем, хотя фактически до сих пор они не шли ни на какую уступку относительно Тайваня. Мы, будучи их товарищами, высказались против тайных связей и соглашений с Соединенными Штатами Америки и против поездки Никсона в Китай, указывая на то, что дружба, которую китайцы завязывали с американским империализмом, не принесет ничего хорошего, а лишь навредит самому Китаю, социализму и всему миру. На наше письмо об этом вопросе, а также и о других вопросах, как я писал и раньше, Мао Цзэдун даже не соизволил отвечать.

Почему произошел этот поворот Китая к американскому империализму? Потому, что Мао и Чжоу были ревизионистами, либералами, оппортунистами и что их политика была прагматической политикой, нацеленной на то, чтобы поднять Китай на уровень сверхдержавы. Для этого, по мнению Мао и

Чжоу, Китаю следовало опираться либо на ревизионистский Советский Союз, либо на американский империализм. Борьба на два фронта никуда не годилась для Мао. Китай, по его мнению, „должен был опираться на одну сверхдержаву для борьбы против другой, с тем чтобы для него другие таскали каштаны из огня". Именно так поступил и Советский Союз. Он не согласился связаться с Китаем, разумеется, потому, что Советский Союз не хотел стать под господство Китая. Мао, со своей стороны, не удалось поставить Советский Союз на службу Китаю. Советский Союз взял курс на Соединенные Штаты Америки, богатую сверхдержаву, от которой он мог получать кредиты и установить, таким образом, свое господство. Соединенные Штаты Америки, со своей стороны, положительно встретили такую активизацию в целях передела сфер влияния с Советским Союзом.

Китай ничего оригинального не сделал. Он также, увидев, что его цель в отношении Советского Союза не осуществилась, взял курс на Соединенные Штаты Америки, на старую дружбу Мао. Чжоу, понятно, желал славы, желал доминирования. Оба они — Мао и Чжоу — были ревизионистами. Они выработали новую политику. Однако на их пути имелись внутренние противники, и среди них одним из самых главных был Линь Бяо. Так что последнего надо было ликвидировать, и он был убран под тем обвинением, что был „заговорщиком, замышлявшим убийство Мао, но был раскрыт, взял самолет и полетел в Советский Союз через Монголию; однако его самолет сгорел в монгольских степях". Итак, Линь Бяо был убит как „агент советских".

На IX съезде Коммунистической партии Китая, состоявшемся при жизни Линь Бяо, говорили о борьбе на два фронта, между тем как позже, на X съезде, после убийства Линь Бяо, не было сказано ни единого слова о том, какую внешнюю политику отстаивал Линь Бяо.

Соединенные Штаты Америки стали судьей всего мира; они должны были маневрировать и в направлении Советского Союза, и в направлении Китая, понятно, в своих интересах. **Соединенные Штаты Америки как следует дозировали и продол-**

жают дозировать свою позицию в отношении обоих — и Советский Союз ослаблять, и сманеврировать с таким расчетом, чтобы использовать и Китай против Советского Союза. И так оно и происходит. Китай на деле прекратил борьбу против Соединенных Штатов Америки и до абсурда усилил пропаганду против Советского Союза. Я говорю пропаганду потому, что идеологических статей, изобличающих Советский Союз, Китай не публикует. **Линия Китая в эти моменты такова: „Нашим главным врагом является Советский Союз". Кто выступает против Советского Союза, тот является другом Китая, будь это и фашист.** Так, между тем как в отношении нашей страны, ведущей борьбу на два фронта — против Соединенных Штатов Америки и против советского социал-империализма — Китай занимает недружескую позицию, проамериканские ревизионистские государства, прибегающие к некоторым антисоветским вылазкам, он считает своими друзьями. Такую позицию „мы занимаем в целях обострения и углубления противоречий", — говорят китайцы. Однако факты показывают, что благосклонное отношение Китая Мао к этим государствам объясняется его ревизионистской линией в области идеологии и политики. Китай расширил связи со всеми капиталистическими странами мира, и официально провозгласил себя участником „третьего мира". Распахнулись ворота Китая для президентов Соединенных Штатов Америки, для королей, принцев, принцесс, премьер-министров, сенаторов, парламентских групп, дельцов, для борова и свиноматки. Ворота Китая закрыты только для албанских официальных делегаций.

Китайский народ питает чувства искренней дружбы к албанскому народу и Албанской партии Труда. Китайские ревизионисты еще не осмеливались атаковать эту дружбу. Главные правые кадры, которые, по-моему, в Китае стоят у власти и имеют прочные позиции, подрывают существующие между нами экономические отношения. Они не реализуют предоставленных нам кредитов, откладывают сроки поставки строящихся у нас объектов, снизили уровень торговли, до минимума суживают сферу контактов с нашей страной. Одним сло-

вом, китайские руководители стали против нас, стали на путь Хрущева. Они извлекли уроки из советской блокады, которая наступила грубо; их блокада осуществляется постепенно и прикрывается лицемерными позициями и заявлениями, вроде „мы друзья, мы бедны, поймите нас“ и т.п. Весь этот поворот носит правый, ревизионистский, социал-империалистический характер.

Это линия Мао и Чжоу Энь-лая, реабилитировавших Дэна и подготовивших его к замещению Чжоу, который, после смерти Мао, должен был занять его место. Однако „Срединное“ лицо „Срединной империи“ умер первым. С его смертью „радикалы“ не приняли Дэна и приступили к его изобличению. Это привело к тому, что в Китае, в партии и государственных органах появились две линии, две соперничающие группы, так что ныне Мао стоит на перепутье. Но он стар и уже не может действовать. Произошло то, о чем он когда-то предупреждал Цзян Цин в письме к ней, что „маоцзэдунъидею“ будут использовать и реакционеры, и революционеры.

Итак, в Китае идет борьба, но кто же победит?! Это неизвестно. **У „радикалов“ в руках только пропаганда, у других же в руках внешняя политика, экономика и армия**, ибо фактически ничего не изменилось в старом курсе Мао-Чжоу-Дэна.

Дэн состоит в партии и его разоблачают, но его товарищи стоят у власти, их политика в отношении Соединенных Штатов Америки продолжается и процветает. Китай поддерживает также все реакционные правительства и государства. Коммунистическая партия Китая внушает марксистам-ленинцам, где бы они ни находились, объединиться с буржуазией своих стран, будь она даже фашистская, и защищать ее реакционные союзы, бороться только против ревизионистского Советского Союза.

Куда идет Китай настоящей линией? К новому социал-империализму, по пути передачи власти новым, а также старым капиталистам, которых оппортунистическая линия Мао оставила у власти, охраняла и укрепляла.

В Китае наверняка имеются здоровые, марксистско-ленинские силы, однако я думаю, что они не могут быть отождествлены с так называемыми радикалами. Последние настроены против правых, но являются маоистами, либералами, стоят за сосуществование двух линий в партии. **Только сильный, революционный, марксистско-ленинский переворот избавит Китай от восстановления капитализма.**

ПОНЕДЕЛЬНИК
24 МАЯ 1976 г.

НЕДОСТОЙНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КИТАЙСКОГО ПОСЛА В ТИРАНЕ

Мне сообщили, что китайский посол, Лю Жэн-хуа, который 29 числа этого месяца покидает нашу страну, совершает поездку по строящимся объектам, устраивает для наших людей ужины и т.п. Он ведет себя недостойно, недружелюбно. Но странно то, что он ведет себя так неприлично в моменты прощания. Видно, что он хочет обострить отношения, или же предвещает их дальнейшее обострение. Он совсем не говорит о борьбе, которая ведется в Китае против Дэн Сяо-пина. Нам от этого все равно, однако этим он показывает, что является сторонником Дэна. Прикидывается всезнайкой, претендует на знание горнорудного дела, и это только потому, что он был „однажды в шахте в Китае“. С кем бы ни встречался, где бы ни бывал, он критикует любую нашу работу, начиная с фортификационных сооружений и вплоть до „куска железа“, брошенного куда-то в сторону. На все это он клевещет и представляет дело так, будто наши люди работают нехорошо. Китайский посол открыто, причем даже перед Адилем Чарчани, Спиро Колекой и Нести Насе, говорит, что он в курсе всего. Другими словами, он собственными устами утверждает, что является резидентом китайской безопасности в Албании и сколотил агентуру из китайских специалистов.

Наши товарищи дают заслуженный отпор этому ревизионисту, скрывающемуся под личиной посла Китая.

ПЯТНИЦА
28 МАЯ 1976 г.

„МАОЦЗЭДУНЪИДЕЯ“

Существуют социалистические государства, но коммунистические и рабочие партии, которые руководят ими, не все стоят на истинно марксистских позициях. В них имеются явные, заядлые антимарксисты. Таково положение и в Китае. В этой стране **руководит „маоцзэдунъидея“, которая не есть последовательное проведение марксизма-ленинизма. В ней бытуют в корне ошибочные, оппортунистические и даже замаскированные ревизионистские идеи. „Маоцзэдунъидея“, которая руководит Китаем, не ратует за революцию, за единство пролетариата и, не называя Китай „великим государством“, а себя „универсальной идеей“, подменяющей марксизм-ленинизм, фактически она претендует на это.** Кто не следует „маоцзэдунъидее“ и не отождествляет ее с марксизмом-ленинизмом, тот для китайцев не является марксистом-ленинцем или же не считается ими таким. „Маоцзэдунъидея“ вызвала большой разброд в рядах китайского и мирового пролетариата.

В самом Китае царит анархия, существуют две или двадцать линий в партии и в народе. Даже не известно у кого там власть и кто ее захватит. Коммунистическая партия Китая не построена на марксистско-ленинских принципах и нормах, не руководствуется ими. Диктатура пролетариата там бездействует.

Этот разброд Китая перенесся и переносится и в часть мирового пролетариата, и в марксистско-ленинские коммунистические партии. Многие из этих партий не мирятся ни с „маоцзэдунъидеей“, ни с действиями Китая, но не выступают открыто. Действует культ великой державы, которая извест-

на „как пролетарская“, но не является такой; действует культ Мао, который является Мао Цзэдуном и ничем больше, и особенно не является ни Марксом, ни Энгельсом, ни Лениным и ни Сталиным.

Лжемарксистские лакеи, примазавшиеся к рядам некоторых марксистско-ленинских коммунистических партий, возвеличивают культ Мао и ставят его превыше всего. Буржуазия также понимает значение Китая, Мао, „маоцзэдунъидеи“ и пропагандируют ее. Любой революционной группе, любой марксистско-ленинской коммунистической партии и даже любой анархистской группе, наподобие группы Сартра и т.д., буржуазия приклеивает ярлык „маоистская“. Китаю и Мао это по душе. Со всеми он поддерживает связи и помогает им только потому, что они превозносят Мао и следуют его сумасбродной и мутной политике. Антисоветизм стал единственным лейтмотивом китайского руководства, и это не на правильных идеологических основах, а под флагом „маоцзэдунъидеи“ с целью верховодить пролетариатом и „коммунистическим“ миром.

При этих условиях и обуреваемая этими идеями, Коммунистическая партия Китая решила не приглашать представителей марксистско-ленинских коммунистических партий на свои съезды, она практикует только двусторонние встречи с каждой марксистско-ленинской коммунистической партией, пропагандирует среди них „маоцзэдунъидею“ и советует им нападать на Советский Союз, но не на Соединенные Штаты Америки; она проповедует им сотрудничество с местной реакционной буржуазией, вплоть до Франко и Пиночета.

Мао и „маоизм“ стали одним из самых серьезных препятствий для единства мирового пролетариата и новых марксистско-ленинских коммунистических и рабочих партий. Так что этому другому замаскированному злу надо во всем противопоставлять нашу непогрешимую теорию, марксизм-ленинизм.

То, что Коммунистическая партия Китая является великой партией, неважно; для марксизма-ленинизма нет партий малых и партий великих; так что наша партия считает себя равной с ней, поэтому, когда Коммунистическая партия Ки-

тая ошибается, как и действительно ошибается ныне, наша партия не только не разделяет ее ошибочные идеи и пути, но и борется с ней, ныне не прямо, а косвенно, с помощью своих открытых и публичных позиций, через которые все ясно видят, в чем заключаются разногласия между Албанской партией Труда и Коммунистической партией Китая.

Если Коммунистическая партия Китая не исправит свою линию и дальше продолжит свой ошибочный путь, то Албанская партия Труда, ради интересов пролетарской революции, должна и открыто полемизировать с ней.

**СУББОТА
12 ИЮНЯ 1976 г.**

КИТАЙ ПРОВОДИТ ПРАВУЮ ЛИНИЮ

Будь и китайцем, трудно понять внутреннюю и внешнюю политику Китая. У нее нет постоянного стержня. Она колеблется то в одну, то в другую сторону. Имеются моменты, когда она находит какую-то центристскую стабильность, затем, смотря по внутренним обстоятельствам и конъюнктурам, меняются и внешние позиции. Имеются такие моменты, когда эти ее позиции, рассматриваемые сквозь призму марксистско-ленинской теории, кажутся правильными, но вот чаша весов сразу же клонится к либерализму или сектантству.

Все эти позиции без стержня сопровождаются словами, статьями, цитатами Мао. Цитаты Мао употребляются „в любом блюде“ и для любой позиции — правой и левой. Мао и его идеи приспосабливаются, все используют его „авторитет“ и каждый делает свое дело. Значит, „классовая борьба“ ведется, но на какой идеологической основе? На основе „марксизма-ленинизма“, — говорят, однако действительность в Китае подобного не подтверждает, ибо сам Мао проповедовал „пусть расцветает сто цветов“. Но, естественно, не все „сто цветов“ одного и того же „цвета“.

Мао встал на сторону Хрущева, взял под защиту и славословил его, пока он не оправился и не закрепил свои позиции. Значит, при этих ситуациях и в этих мыслях Мао и Лю Шао-ци были согласны друг с другом и оба они были правыми. Эта их позиция отметилась и на VIII съезде Коммунистической партии Китая в 1956 году. Он явился правым съездом, он даже указывал Хрущеву, как он должен был поступать. Однако Хрущев окреп и сразу обрушился на так называемый

„культ Сталина“. Он стремился одним выстрелом убить двух зайцев: внутри страны подменить „культ Сталина“ своим культом, а в международном коммунистическом движении самому быть первым и никому другому, значит, подразумевается, ни Мао. А ведь последний надеялся, что после этого они поменяются ролями: Хрущев „станет учеником Мао“, однако Хрущев почуял неладное и взял другой курс, перебросил ружье с одного плеча на другое.

Мао начал занимать, таким образом, почти „марксистско-ленинские“ позиции. На московском Совещании 81 партии китайцы были вынуждены внести изменения в свою речь, приведя ее в гармонию с нашей. Я говорю, что они начали занимать почти „марксистско-ленинские“ позиции потому, что позже, на XXI, XXII, XXIII съездах Коммунистической партии Советского Союза, маоисты попытались добиться примирения. Но тем временем хрущевцы закусили удила, и именно в это время Мао и маоисты начали полемику. Мы, конечно, были довольны, ибо видели, что Мао „начал правильно подходить к ситуациям“. Это было время великой дружбы Китая с нами.

Однако за это время в Китае имели место новые колебания. Лю Шао-ци, Дэн Сяо-пин и другие их последователи, как мы уже сказали, пытались захватить власть и вступить в „союз с Советским Союзом“. Они прилагали совместные усилия к этому, однако для хрущевских ревизионистов, по всей видимости, Лю был более приемлемым, чем Мао. Тогда последний, видя что все было в руках Лю и его друзей, повернул налево и бросил клич: „Штурмуйте штабы!“. Началась Культурная революция, Лю лишился престола. И тем не менее его люди остались на своих постах. Все они стали маоистами, имея Мао во главе. Чжоу был главой власти и экономики, Линь Бяо — главой армии. Партия в это время была уже разгромлена, везде царила неразбериха, слышалось только имя Мао. Под этим именем все и каждый в отдельности добивались захвата власти. Мао якобы поддерживал „равновесие между левыми и правыми“. Ни одна из сторон не была марксистско-ле-

нинской. Линь Бяо был ликвидирован, Чжоу Энь-лай остался „вице-королем Китая“, а Мао, как всегда, „судьей“.

После непрестанных смятений была достигнута якобы стабильность, но антимарксистская. Китай связался с американскими империалистами против советских, что и завело его еще дальше по антимарксистскому правому пути.

Понятно, что китайцы и Мао не могли согласиться с нами. И это они показывали и показывают делами. Мы храним выдержку. Руль в линии Китая взял курс направо, Мао и Чжоу Энь-лай реабилитировали Дэн Сяо-пина, и последний из „врага номер два“ стал заместителем председателя Коммунистической партии Китая и тем временем готовился занять место Чжоу Энь-лаю. Чжоу умер, и Дэн не смог стать премьер-министром, а был обозван ревизионистом, предателем. Чего только не говорили и чего только не говорят против него! Странные обвинения. Они кажутся справедливыми, но возникает вопрос: где был Мао, реабилитировавший этого человека? Однако, хотя и возводятся обвинения на Дэна, не видно никакой положительной, марксистско-ленинской позиции во внешней и внутренней политике Китая. Снова большое смятение. Хуа Го-фэн говорит, что во внешней политике Китая не будет никаких изменений; более того, еще больше будет усилен прежний курс.

В печати Дэна обвиняют и в централизации и в децентрализации, обвиняют в том, что он хочет модернизировать промышленность зарубежной технологией, тогда как Мао держит курс на строительство социализма своими собственными силами в такое время, когда в Китае крупные современные комбинаты сооружаются американцами, японцами, западногерманцами. Кто допустил все это? Только Дэн Сяо-пин, что ли?! А Чжоу Энь-лай что?! А Мао, разве он не одобрял все это?! Нет, говорят, Мао ничего не одобрял, а на самом деле в Китае все делалось и делается под его руководством.

ЧЕТВЕРГ
24 ИЮНЯ 1976 г.

В КИТАЕ НЕ ДЕЙСТВУЮТ НИ ПАРТИЯ, НИ ГОСУДАРСТВО ПРОЛЕТАРИАТА

В Китае продолжается пародия пространных и повторных критических выступлений против Дэн Сяо-пина, будто он был единственным внутренним врагом партии. Но тем не менее и этот „столь зловредный, столь подлый, столь коварный“ враг остается в партии, его не исключают из нее. Почему? Потому что он не один, он пользуется большим влиянием в партии и вне ее. Дэн Сяо-пин был правой рукой Чжоу Энь-лая, он был подготовлен последним, чтобы заместить его и, под знаменем Мао Цзэдуна, повести Китай по оппортунистическому либеральному пути и превратить его в великую капиталистическую бюрократическую державу. Мао и Чжоу разделяли идеи друг друга, которые они прикрывали марксистско-ленинскими формулами, Мао выдвигал свои идеи, Чжоу проводил их в обоюдных интересах. Фракционная борьба в Коммунистической партии Китая вела начало именно от этих либеральных идей, которые развивались с различной интенсивностью.

Лю Шао-ци был согласен с Мао относительно ключевых проблем, но он перегнул палку, он, а также и его люди завладели значительной властью; он господствовал в партии, в армии и в экономике. Мао у всех не сходил с языка, о нем говорили, „его превозносили до небес“, но сила его ослабла, она была у других — у Лю Шао-ци, у Чжоу, у Дэна и других.

У Мао оставался один путь: вновь захватить власть, а для этого ему следовало опираться на „романтичную“ молодежь, которая „обожала“ его, и на Линь Бяо, которого он сделал своим заместителем, т.е. следовало опираться на армию.

В этом источник Культурной революции, которая ничего иного не сделала, кроме как ликвидировала группу Лю Шао-ци. Чжоу Энь-лая Мао уберег, ибо он нужен был ему на потом и еще потому, что он был его единомышленником. Чжоу был флюгером, вращающимся в направлении ветра. Однако пируэты укрепили позиции Чжоу, они способствовали сплочению вокруг него всех правых, умеренных и левых. Великая Культурная революция фактически наделала большого шума. Ее пропагандировали на всех перекрестках, однако это был „парад красногвардейцев", нацеленный на демонстрирование „силы" Мао и закрепление мысли о том, что „маоцзэдунъидея" подменила марксизм-ленинизм. Фактически эти идеи давно завладели Китаем, но по этому случаю им был дан толчок, с тем чтобы они „завладели миром".

Анархия, разброд, две линии, „сто цветов" и люди всяких мастей и всяких идей под прикрытием „маоцзэдунъидеи" оставались непоколебимыми, набирали силы, укрепляли свои позиции. Шла борьба за посты, за власть, а не за социализм. В этой фазе взял верх Чжоу Энь-лай, который, сообща с Мао, „Всегда с Мао" и „За Мао" ликвидировал Линь Бяо.

Началась эпоха Чжоу Энь-лая: эпоха дружбы с Соединенными Штатами Америки. Почему бы нет? Чжоу ценил „ловкость" Хрущева, поэтому он следовал его наставлениям относительно союзов и думал: „Подружимся с Соединенными Штатами Америки и ослабим советских, последуем по пути Хрущева в целях модернизации и вооружения Китая, станем и мы великой державой". И эта политика продолжается.

Чжоу готовился торжествовать победу: старца Мао он заткнул за пояс, ибо тот умрет не сегодня-завтра; в руководстве он имел некоторых противников, но зато он обладал большой силой, так что поставит их на колени. С этой целью он призвал на помощь Дэн Сяо-пина и научил его как действовать, как маневрировать, как захватить власть. Чжоу знал, что он сам умрет от рака; тем не менее, у него имелось три с половиной года для того, чтобы „вышколить" Дена.

Однако Дэн не был таким ловким, как Чжоу; у него вскружилась голова от силы, и он вынул меч „диктатора".

„Или я, или вы“, — сказал Дэн. Конечно, Мао стало неприятно от этих скороспелых действий Дэна, который расстраивал ему оппортунистическую политику двух линий, срывал их сосуществование. И Дэн был свергнут. Тем не менее, его сила остается, Дэн также состоит в партии.

Газеты Китая каждый день изобилуют десятками статей, „изобличающих“ Дэна и правый уклон. Однако **нельзя отличать, кто правый, а кто левый. Обе стороны стоят у власти, занимают прежние посты, каждая сама по себе и каждая для себя делает свое дело**, причем так читают разглагольствования газет, что обеим надоело. Мао „посоветовал левым“ „не атаковать правых“, а воспитывать их (как они воспитывали Дэна!), предотвратить грызню, иначе „в Китае произойдут беспорядки, от которых выиграет враг“. Что такие директивы были — это достоверно. Это подтверждается развивающимся там положением.

Согласно сообщениям китайских газет, Мао говорил: „В партии засел враг“. Тогда мы спрашиваем: Кто этот враг? Как надо бороться с ним? Что делается против этого врага? Заместитель министра иностранных дел Китая Юй Чжань на вопрос нашего посла в Пекине об этой проблеме ответил: „Это глубокая мысль председателя Мао, и понадобится некоторое время, чтобы осмыслить ее значение“. Это нас ничуть не удивляет! Мао Цзэдун сам вызвал брожение и разброд в партии, и ничего конкретного не делается для устранения ила, в котором завязнули колеса „машины“ партии и диктатуры пролетариата в Китае.

В этой стране бездействуют как партия, так и государство пролетариата; там ведется „беззубая“ борьба, борьба газетными формулами. Партия и народ видят, что при сложившейся там обстановке правые, умеренные, оппортунисты, друзья Соединенных Штатов Америки являются более сильными и, не сегодня-завтра, они захватят власть. Они выжидают смерти Мао, о котором они сами заявили, что отныне он никого больше не будет принимать. Что это значит? Обе стороны скрываются за его существованием, не выступают открыто. А это для того, чтобы не раздражать массы. Как только умрет Мао, обе сто-

роны или все шесть сторон, размахивая флагом Мао, начнут борьбу за власть. Подобное состояние застоя на руку реакции.

В прошлом мы думали, что Мао мыслил и действовал как марксист; однако мы замечали, что допускались и неправильные вещи. Мы думали, что это не Мао делал, или что это было просто тактикой. Но уже давно вещи для нас проясняются: Мао не оставался верным марксизму-ленинизму. Не будь он руководителем великого Китая, он еще раньше был бы выведен на чистую воду. Интересы Китая и мирового коммунистического движения требовали осторожности в этом деле, но в этой осторожности они перегнули палку и, если в Китае одержит верх не та революционная часть партии, которая остается верной теории Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, а не „маоцзэдунъидее“, Китай обязательно скатится в вязкую ревизионистскую трясину. Он пойдет по пути великого капиталистического государства. Эта теоретическо-политическая направленность, этот стиль и этот метод работы лежат в основе идей Мао Цзэдуна. Китай Мао, который выдает себя за социалистический, страдает большими модернизированными пережитками мистицизма. Там выработаны такой дух и такая дисциплина в области философии, в работе, в жизни, что трудно будет избавиться от старых конфуцийских воззрений и от „маоцзэдунъидеи“ — амальгамы марксизма-ленинизма, капитализма, анархизма и всех влияний империализма и современного ревизионизма.

В результате национально-освободительной войны Китай завоевал свободу, однако весь период после этой войны не был ясным периодом, в котором бы красной нитью проходил и последовательно проводился революционный марксизм-ленинизм. Оппортунистические идеи, тесное сотрудничество с партиями буржуазии и т.д. преобладали в политике, в идеологии, в организации народного хозяйства, в государственном и армейском строительстве; капиталисты продолжали пользоваться привилегиями, им была предоставлена свобода развернуть свою прежнюю деятельность, набить себе карманы, менять образ жизни и работы, чтобы притворяться „покорными“, но они превратились в умелых управляющих делами и финан-

систов, стали поддержкой оппортунистов. Во главе их стояли Лю Шао-ци, Чжоу Энь-лай, Дэн Сяо-пин и др., а в какой-то мере и Мао Цзэдун.

Китай скрывает много неожиданностей, которые, впрочем, если глубоко поразмыслить, не являются „неожиданностями“. Многое мы увидим и услышим.

ДУРРЕС, СУББОТА
17 ИЮЛЯ 1976 г.

БЕСПРИНЦИПНАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОГО КИТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Я встретился с Бехаром, приехавшим из Пекина для участия в работе Пленума Центрального Комитета, который состоится послезавтра, 19 июля. Реальное положение в Китае он рисует довольно мутным, между тем как согласно китайской печати оно представляется „блестящим". Эйфория продолжается для вида, однако это ложное представление. Только одно идет хорошо: снабжение населения продовольственными и промышленными товарами. Это может быть результатом проделанной работы и характеризующей китайский народ трудовой дисциплины; но в этом, быть может, сказывается и низкая покупательная способность населения. Крестьянский рынок один-два или три раза в неделю очень оживлен во всем Китае. Торгует ли государство такими продуктами, как пшеница, курицы, свиньи, овощи и всем остальным, или же они предоставили кооперативам „самоуправлять" продуктами? Думается, что имеет место последнее.

Относительно политической и идеологической борьбы, как и борьбы в организационной области подтверждаются наши соображения. Схватки и приготовления к более упорным схваткам лихорадочно продолжаются. Разоблачаются Дэн Сяопин и правое течение; с другой стороны, и друзья Дэна, не отойдя ни на йоту от своих взглядов, приняли на вооружение общий лозунг, однако с самокритикой не выступают, они отстаивают свои правые взгляды, особенно на власть, армию, экономику, а также и на партию. Все стараются укреплять свои позиции с целью захвата власти после смерти Мао, кото-

рый, по мнению Бехара, не долго протянет. „Поговаривают, — сказал Бехар, — что производятся аресты, но те, которых сажают в тюрьму, неизвестны, это средние и низкие кадры. Старшие правые стоят на прежних постах, они то впадают в немилость, то появляются на страницах газет, чтобы кое-как создать впечатление, будто царит согласие“.

Правые, видимо, сильнее, у них много ключей в руках и они пользуются ими, между тем, как „у левых“ в руках только печать, и они скрываются за именем Мао.

Ксенофобия сильна и в отношении нас, албанцев. За всеми следят, установлена слежка, они не могут ходить ни в кино, ни в ресторан, кроме как сопровождаемые китайцами и только в определенные места. Китайцев, судя по тому, что они сами говорят, арестовывают в случае общения с каким-либо иностранцем.

Идет большое строительство, везде воздвигаются небоскребы и крупные современные комбинаты. Они получают кредиты от Соединенных Штатов Америки, Японии, Германской Федеративной Республики, Франции и т.д. Получают двоякого рода кредиты: или от этих государств сроком на пять лет, или же от частных капиталистических банков, производящих капиталовложения с погашением их за более длительное время и при процентной ставке. Гонконг стал центром капиталистического финансирования Китая.

Мнение о нас, об Албании, среди китайского народа — хорошее; однако рядом с нами восходит к небесам особенно звезда Румынии, а также звезда Югославии. Лидеры этих двух стран, будучи двумя агентурами империалистов и ревизионистов, играют большую подрывную роль в отношении того незначительного социализма, который, быть может, еще остался в Китае. Под маской антисоветизма румынские и югославские ревизионисты добиваются разгрома Китая.

О хороших политических отношениях с нами даже нельзя и говорить, все является маской, видимостью. „Хорошие“ слова и словеса, но без содержания. Среди народных масс дело обстоит немножко иначе, однако проявления нашей дружбы гаснут подобно соломенному огню, затушевываются мно-

гочисленными и разношерстными пожарниками. Но в Китае у нас имеются и друзья. Бехару говорили, что в высшем китайском руководстве идет обсуждение относительно вопроса Албании. Некоторые руководители поставили вопрос: „Почему задерживаются поставки, почему не выполняются взятые перед Албанией обязательства?! Почему мы так ведем себя с Албанией, нашим другом, а в отношении стран, с которыми только что установили связи, проявляем готовность?!“. Должностное лицо правления капиталовложений за рубежом также сказало одному из наших товарищей: „У нас есть приказ, согласно которому мы можем обсуждать всякие вопросы, касающиеся других, а проблемы Албании — нет, ибо их изучает руководство“.

Таковы, вкратце, некоторые аспекты жизни в Китае. Мы следим за всеми этими последствиями, за всей этой эволюцией. Внешняя политика Китая ни на волос не изменилась по сравнению с прежней: дружба с Соединенными Штатами Америки, против которых почти совсем не говорят; против советских ведется только политическая борьба, а не идеологическое разоблачение их; дружба даже и с фашистами, лишь бы они говорили какое-нибудь слово против Советского Союза. Беспринципная, антипролетарская, антимарксистская, ревизионистская политика возрастающего „великого государства“.

ПОГРАДЕЦ, ЧЕТВЕРГ
29 ИЮЛЯ 1976 г.

КИТАЙЦЫ ПРОВОДЯТ ПО ОТНОШЕНИЮ К НАМ ТАКТИКУ „ТЯНИ КАНИТЕЛЬ"

Китай явно активизирует свою пропаганду в пользу Югославии, не говоря уже о Румынии, с которой он выказывает во всех отношениях единство мысли политического, идеологического, партийного и государственного характера. Из этих двух стран в Китай приезжает и уезжает много делегаций всякого характера. Югославия и Китай установили между собой и партийные связи, но в силу обстоятельств они камуфлируют их, ибо и для китайцев нехорошо, но и югославов пока что не устраивают открытые партийные контакты с китайцами.

Тито втихомолку добивается подрыва марксизма-ленинизма в Китае, как он добивается этого везде, где находит благоприятную для этого почву. Китайцы сносят и оскорбления со стороны югославов; я имею в виду дипломатические формы приема. Здесь обе стороны вошли в сделку: титовцы стараются не обижать советских, и китайцы полностью доверяют „антисоветской" тактике и стратегии титовцев. Поэтому, начиная с премьер-министра Биедича и вплоть до Махмута Бакалы и Косты Надь посещают Китай, где им оказывают сердечный прием; китайцы даже отвозят их и к советской границе для ознакомления их с китайскими стратегическими узлами. Нашим товарищам они ни разу не показывали этих мест. Махмута Бакалы они встретили ласково, как „сына" албанского Косово.

Китайцы, которые выступают против линии нашей партии и нашего государства, прямо порекомендовали нам связаться

союзом с Югославией (об этом Чжоу Энь-лай говорил Бекиру Балуку), то есть воскресили старую историю, мечту титовцев о превращении Албании в седьмую республику Югославии. Китайские газеты ежедневно помещают сообщения о Югославии, защищают ее политику, открыто расточат похвалы в адрес Тито. Мао Цзэдун совершенно не изменил своего мнения о Тито с тех пор, когда он сказал мне и Мехмету, что „Тито не виновен, виновны Сталин и Коминтерн“. Но Сталин был и остается великим марксистом, тогда как Тито и Мао — люди одной и той же краски, но не красной.

Когда-либо, когда все узнают, кем был в действительности Мао, будет поставлен вопрос: почему мы называли его „великим марксистом-ленинцем“? Правда, мы говорили это, но не вполне убежденно. Тогда не были ли мы оппортунистами? Нет, мы всегда желали добра китайскому народу и Коммунистической партии Китая, открыто защищавшим Сталина, мы желали добра и самому Мао.

Китайцы и Мао сражались, однако их послевоенная линия изобиловала явно оппортунистическими, либеральными элементами. Мы считали это временным явлением. После смерти Сталина Мао показался „умеренным“ в критике Сталина, но энтузиастом в отношении действий Хрущева. Позже он поднял шум против Хрущева, и мы подумали, что он вошел в колею. Однако, предпринимая подобные шаги, он руководствовался другими, конъюнктурными и идеологическими мотивами, толкавшими его к этой *volte face**. Когда началась Культурная революция, наша партия сочла целесообразным всеми силами защищать Китай и Мао, которым угрожали реакция и ревизионисты. И мы продолжали называть его „великим марксистом-ленинцем“, однако мы были против превозношения до небес его культа, который до отвращения пропагандировали китайцы. Мы отказались повторять и печатать большие глупости китайцев. Свои мысли об этих немарк-

---

* По-французски: резкая перемена.

систских деяниях китайцев и Мао я подробно излагал в особых записках о Китае.

Особенно после Культурной революции внешняя политика Китая и другие шаги Коммунистической партии Китая пошли вразрез с нашей линией. Мы применяли правильную тактику, и свою линию открыто провозглашали по любой проблеме. Но это шло вразрез с линией Коммунистической партии Китая, китайского государства и Мао. Все видели это разногласие, однако мы старались положительно воздействовать на Китай, чтобы он изменил путь. Мы обратились к Мао Цзэдуну и с официальными письмами, но он даже и не ответил нам; наоборот, китайцы до минимума уменьшили нам помощь, и всякими словесами хотят создать впечатление, будто ничего не произошло во взаимоотношениях между двумя нашими партиями и странами; на деле же произошло нечто большое, однако китайцы проводят по отношению к нам тактику „тяни канитель“.

ПОГРАДЕЦ, ВТОРНИК
17 АВГУСТА 1976 г.

В КИТАЕ БЫЛО „СТО ТЕЧЕНИЙ“ И „СТО ШКОЛ“

Товарищи часто спрашивают меня: сколько идеологических течений было в Китае во время Культурной революции и к какому течению принадлежал Мао? Конечно, необходимо, чтобы я высказал товарищам свое мнение, независимо от того, насколько оно может быть правильным; однако это мнение я должен высказать не наобум, а на основе того, что произошло в Китае, и стараясь анализировать эти данные сквозь призму диалектического и исторического материализма.

Я всегда внимательно следил за событиями в Китае, и из каждого из них я выносил свои выводы, которые своевременно излагал на бумаге. Это я делал потому, что перед Китаем и его Коммунистической партией стояла великая миссия в мире и в международном коммунистическом движении.

В Китае было „сто течений“ и „сто школ“. Это говорил сам Мао Цзэдун, который провозглашал девиз: „пусть расцветает сто цветов, пусть соперничает сто школ“ . Это как дважды два — четыре. Значит, Мао Цзэдун не только признавал „сто течений и сто школ“ при социализме, но и позволял им развиваться в условиях „мирного сосуществования“. Само собой разумеется, что теория „ста цветов и ста школ“ является ревизионистской теорией. Нынешние современные ревизионисты говорят, что „мы должны идти в социализм вместе со всеми партиями, в том числе и с партиями правой крайности“, то есть с фашистами.

Эту идею Мао Цзэдун осуществляет на практике в то время, когда Коммунистическая партия Китая является партией,

стоящей у власти, и „руководит делом социалистического строительства“.

„Великий рулевой“, как это у него вошло в привычку, с „вершины Олимпа“ говорит, что ему вздумается. В какой-то момент ему вздумается другое: уничтожить „сто цветов и сто школ“, подобно тому, как уничтожают сорняки. Однако это „уничтожение“, естественно, не зависело больше от „головы Зевса“. „Сто школ и сто цветов“ продолжали развиваться, но в двух „садах“: в „саду“ Лю Шао-ци и в „саду“ тех, кто совершил Культурную революцию.

Лю Шао-ци, Чжоу Энь-лай, Дэн Сяо-пин, Пэн Чжэнь и другие принадлежали к правому крылу Коммунистической партии Китая. Эта группа сплотила под своим зонтом „сто цветов и сто школ“ и правила Китаем. Главные участники этой группы прибрали к рукам партию, армию, власть, экономику и общественные организации, между тем как „Зевс“ на Олимпе держал в руках ветер. В один прекрасный день он пробудился и сказал: „Они свергнут меня“, поэтому он оперся на группу, состоявшую из Кан Шэна, Линь Бяо, Чэнь Бо-да и других и начал Культурную революцию, отдав приказ: „Штурмуйте штабы!“, то есть правую группу. Однако эта революция выдвинула и новых руководителей: Чжан Чунь-цяо, Ван Хун-вэня, Цзян Цин, Яо Вэнь-юаня и др.

И Культурная революция своими „красногвардейцами“ и миллионами солдат, одетых Линь Бяо в штатское, напала на штабы и победила. Чжоу Энь-лай пошел на попятную, извился ужом и подчинился Мао, поэтому он остался на месте нетронутым, спасся от чистки. Как только „ситуация была спасена“, Мао взошел на „Олимп“, а Чжоу стал организовывать власть на „земле“. Чжоу надо было ликвидировать Линь Бяо, поэтому, так или иначе, была ли сплетена интрига, был ли составлен заговор, но Линь Бяо был ликвидирован. А Кан Шэн заболел и умер. Чжоу оставалось, таким образом, убрать новых. Для этого он работал систематически, пользуясь также помощью Мао, он собрал вокруг себя всех правых якобы под флагом Мао, реабилитировал Дэн Сяо-пина и поднял его на пьедестал. Мао, будто из театральной ложи, следил за тем,

как „дрались люди в партере театра и выжидал, кто возьмет верх“.

Мао был и остается центристом, созерцателем, марксистом-ленинцем *à l'eau de rose**, как говорится на французском языке.

„Великий кормчий“ будет „беспристрастным“ в своих суждениях, он будет поступать подобно буржуазии при вынесении „решения“, символизирующейся „красивой“ женщиной, которой завязали глаза марлей и дали в руки „чрезвычайно точные“ весы, чтобы она выглядела „беспристрастной“.

Посмотрим, как будет развиваться ныне эта обстановка. Наш партийный долг — следить за ней и быть бдительными.

---

* По-французски: слащавый, приторный.

ВТОРНИК
24 АВГУСТА 1976 г.

КИТАЙЦЫ ЧИНЯТ НАМ ТРУДНОСТИ

Матьо Блета, наш заместитель министра промышленности и рудников, сообщает из Китая о трудностях, которые чинят нам китайцы и о перенесении срока строительства или завершения некоторых объектов Металлургического комбината. С этой целью они выдвигают в качестве повода сильное землетрясение, происшедшее в июле нынешнего года в Таншане, Фенане, которое не имеет никакого отношения к этим объектам, хотя оно, судя по сообщениям, было очень сильным.

Я думаю, что нам следует принять разумные предложения, а относительно остальных объектов, сооружение которых они откладывают, не указывая дат, наша сторона должна заявить, что мы несогласны, но мы просто не знаем, как быть с вами; „повод" землетрясения, которое якобы вынуждает их отсрочить сооружение этих объектов, для нас несостоятелен. Об остальном подпишем протоколы, не ссылаясь на землетрясение. Если же китайцы будут настаивать на этом, то пусть наша сторона скажет, что мы не подпишем протокола, и вернется в Албанию, оставив им письмо.

Сегодня приходил ко мне домой с визитом товарищ Бехар Штюла, ибо завтра он вернется на работу, в Пекин. Конечно, мы поговорили о положении в Китае и об уровне наших отношений с китайцами.

Я изложил Бехару наши соображения о политической и идеологической линии Коммунистической партии Китая. Бехару это ясно. Мы проводим свою независимую и открытую линию и, хотя и ни разу не говорили о китайской линии, весь мир видит

противоречия между линией нашей партии и линией Коммунистической партии Китая. Не подлежит никакому сомнению, что это замечают и китайцы, которые несогласны с марксистско-ленинской линией нашей партии. Они охладели к нам и даже рассержены на нас. Открыто они этого не проявляют, но на деле выступают против нас, оказывая на нас давление. Они замедляют, а главное откладывают сооружение объектов; они также не предоставляют нам намеченных кредитов и не соблюдают уже подписанные экономические соглашения. Китайцы думали, что мы окажемся в их милости. Они добивались и добиваются того, чтобы мы были зависимы от них и следовали их антимарксистскому курсу. Однако этого они не добились и не добьются. Во всяком случае китайцы, одержимые великодержавными взглядами, думали, что мы станем проводить их проамериканскую, реакционную линию. Они думали также, что мы выступим в защиту Европейского общего рынка, „Объединенной Европы“, Тито, Чаушеску, Пиночета и Франко. Но их расчеты оказались построенными на песке!

Как и советские, китайское руководство начало оказывать давление на нас. Прежде всего китайцы начали с экономического давления, не прибегая, однако, к методам советских. Китайцы не отменили нам кредиты, а отложили, уменьшили их. „У нас нет, мы бедны“, говорят они нам, и эти свои слова прикрывают лицемерными заявлениями, как-то: „мы друзья“, „наша дружба нерушима“ и прочий сущий вздор. **Все это объясняется тем, что их линия в области внешней и внутренней политики основана не на марксизме-ленинизме, а на „маоцзэдунъидее“, которая не имеет ничего общего с линией нашей партии ни в области идеологической, ни в области политической, ни в области организационной. „Маоцзэдунъидея“ является оппортунистическим, либеральным течением.** Яркое свидетельство тому — все позиции и действия китайского руководства.

Китайцы (говорю о руководстве, а не о народе и массе коммунистов) являются хитрюгами и лицемерами. Когда ты им нужен, они подлизываются к тебе; когда ты им не нужен и не согласен с ними, они бросают тебя. Когда мы боролись

против Хрущева, китайцы не заступались за нас, а „хранили и козла, и капусту“, ибо они полагали, что Хрущев примет Мао в качестве верховного начальника. Но когда Хрущев задал им перцу, Мао и его товарищи стали нашими пламенными сторонниками, поэтому стали вовсю пропагандировать нашу страну и нашу партию среди своего народа. Это было и остается и поныне великой для нас победой. Эту победу китайское руководство даже теперь не смеет атаковать, а, подобно крысе, подтачивает ее втихомолку.

Обуреваемый стремлением к гегемонии, как великая держава, Китай, после ликвидации Линь Бяо, взял проамериканский, прозападный курс, курс на борьбу против Советского Союза. Он опирается на Соединенные Штаты Америки, а последние опираются на Китай, который добивается развязывания войны с Советским Союзом.

Если в Китае не произойдет коренной перелом марксистско-ленинской, революционной направленности, то албанско-китайские отношения пойдут на убыль по вине китайских руководителей.

Открыто против нас они могут и не выступить, но экономическое давление на нас наверняка продолжат. Мы, конечно, примем меры и своими силами (а силы у нас есть) сорвем возможные саботажнические действия китайцев.

Я сказал Бехару, что в Китае, как он и сам знает, царит хаос, идет борьба между двумя линиями. Кто там сильнее и кто победит — это нам трудно сказать. Они могут прийти к оппортунистической сделке и после Мао подготовить нового „Мао“, который дозировал и сбалансировал бы линию, обеспечил бы примирение непримиримых, „переход“ к социализму со „ста цветами“, со многими линиями и в согласии, с тем чтобы представить гегемонистский Китай в розовом цвете.

ПОНЕДЕЛЬНИК
30 АВГУСТА 1976 г.

ЭТО ПОЛОЖЕНИЕ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ НИ НОРМАЛЬНЫМ, НИ РЕВОЛЮЦИОННЫМ

Поступающие из Китая сообщения похожи на рокот, идущий со дня моря, который, хотя его и не слышно, фактически существует. На поверхности видно, что ведется каждодневная и разнузданная пропаганда против Дэн Сяо-пина, однако почему говорят против него и что именно говорят — это остается засекреченным внутри партии. Подобное положение является совершенно ненормальным, оно не является революционным.

Пропаганда против правых, согласно словесам Мао о том, что „буржуазия засела в партии“, кипит, а между тем эти правые, эта буржуазия преспокойно сидит себе на занятых ею важных постах. Подобное положение является совершенно ненормальным, оно совершенно не является революционным.

На всех перекрестках трубят о классовой борьбе, говорят и пишут о диктатуре пролетариата, однако ни классовой борьбы не ведется, ни диктатура пролетариата не действует, поскольку она не бьет по врагам. Подобное положение является совершенно ненормальным, оно совершенно не является революционным.

Видно, враждебные течения заняли кресла, так что у одной стороны в руках микрофон и пресса, а у другой — экономика и винтовка. Первая выглядит раздраженной, вторая — спокойной, конечно, потому, что у нее винтовка. Мао нигде не показывается, чтобы выступал, задавал тон, давал директивы. Только через микрофоны и газеты провозглашаются некото-

рые его лозунги, причем все они словно палки о двух концах, все легко применимые как левыми, так и правыми. Даже и не указывается, когда выдвигал Мао эти лозунги и словеса, что заставляло его выдвинуть и против кого он выдвинул их. Ничего. Они напоминают евангельскую притчу.

Как видно, у Китая нехорошая будущность. Думается, что там быть „тайфунам“, как говорят китайцы. Однако кого же снесет бурей: левых или правых, реакционеров — сторонников Чжоу, Дэна, Ли Сянь-няня, или же новых руководителей, Ван Хун-вэня и его товарищей?

Ныне на поверхности сильными выглядят новые руководители, однако подводные волны в огромном китайском океане бурлят, и, как мне сдается, сторонники Чжоу и Дэна пользуются, хотя, быть может, и не открыто, поддержкой Мао, ибо его оппортунистические и либеральные идеи являются колоссальной помощью для них. Для них достаточно лишь того, чтобы их никто не трогал, а „мегафон“ пусть болтает. Правые выжидают смерти Мао, и наверняка они выступят.

СУББОТА
4 СЕНТЯБРЯ 1976 г.

КИТАЙЦЫ НАРУШАЮТ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ОБЪЕКТОВ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОМБИНАТА

В присланной нам товарищем Матьо Блета радиограмме говорится, что китайцы ни на йоту не отступают от неправильных вопросов, которые они выдвигают в связи с подписанием протоколов и с своевременной поставкой, как это они обязались раньше, объектов Металлургического комбината. Они, видимо, пытаются запугать нас невыполнением обязательств, связанных с этим комбинатом. Под предлогом происшедшего в Китае землетрясения они хотят сделать поворот в 180 градусов в дружественных отношениях с нашей страной. Дружба для них, как видно, преследовала иные цели — снискать наше расположение, поскольку им было туго; с нашей же стороны это была искренняя дружба.

Во всяком случае, Матьо Блета даст им решительный и марксистский ответ.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
5 СЕНТЯБРЯ 1976 г.

ШАНТАЖ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЛОКАДА КИТАЯ ПРОТИВ АЛБАНИИ

Недружелюбные, чтобы не сказать враждебные, действия Китая в отношении нашей страны неуклонно усиливаются. Китайцы открыто, скандальным образом замедляют материалы импорта и экспорта с целью вредить нашей экономике и поставить нас перед трудностями.

До августа месяца план экспорта товаров в нашу страну китайцы выполнили только на 22 процента, тогда как мы свой план экспорта товаров в Китай — более чем на 80 процентов.

Ожидаемый импорт из Китая — это сырье для нашей промышленности, которое официально законтрактовано по клирингу. Наши товары полностью поставлены Китаю, так что, если я не ошибаюсь, с Китаем у нас активный баланс в нашу пользу. Это позорно со стороны китайцев и ясно говорит о том, что они саботируют нам. Мы вынуждены были дать указания нашему послу в Пекине, Бехару, встретиться с китайским министром внешней торговли, Ли Цяном, и заявить ему протест. Бехар встретился с ним, подробно изложил ему положение и „попросил" его принять срочные меры и отправить нам материалы. Наши пароходы, как „Влёра", стоят на якоре в китайских портах по 120 дней, ожидая нагрузки, что можно сделать за 5 дней.

Господин Ли Цян выслушал Бехара, но сделал вид, будто он был не в курсе дела (что является низкопробной ложью), пообещал ему посмотреть этот вопрос и дать ответ следующую неделю.

Китайцы по отношению к нам прибегают к низким торговым методам, которых не практикует никакая капиталистическая или ревизионистская страна. Торговые соглашения с „дружественной“ Албанией Китай подписывает в два этапа: часть их в первое полугодие, а остальную — во второе полугодие. Это означает, что товары, законтрактованные в первое полугодие, поступят к нам к концу года, а те, которые законтрактовываются во второе полугодие, поступят в первое полугодие следующего года. Согласно этой практике получается так, что свои товары мы поставляем китайцам в течение года, тогда как они свои товары поставляют нам в течение полутора лет и даже больше. Поэтому товары второго полугодия текущего года они даже и не начали поставлять нам. Когда Бехар высказался за то, чтобы отправить в Китай для переговоров албанские рабочие группы, Ли Цян ответил: „Посмотрим, сможем ли мы принять их до декабря месяца“. Другими словами, этим он хочет сказать, что объем торговли с Китаем, который они сократили до 30 процентов в год по сравнению с прошлым, будет еще больше уменьшен — до 15 процентов в год. Это явно враждебный шаг.

С другой стороны, почти 3 месяца китайцы шантажируют и оказывают грубое давление на нашу делегацию Министерства промышленности, которая находится в Пекине для обсуждения вопросов, связанных с Металлургическим комбинатом. Иными словами, они не хотят поставить нам важных объектов комбината, поэтому не назначают никакой даты, хотят, чтобы над нашей головой висел Дамоклов меч. И все эти стремления они прикрывают разглагольствованиями вроде „мы еще не усвоили технологию того-то и того-то“. Все это — ложь, ведь в рабочей программе, которую они прислали нам раньше, отмечалось, что их делегация „будет присутствовать при первом выпуске жести“ и т.д.

Кроме этого, китайцы пытаются заставить нас подписать протоколы, составленные в соответствии с их интересами, и настаивают на том, чтобы в них была включена и идея о том, что „происшедшее в Китае землетрясение может затруднить поставки, и албанские друзья должны понимать нас“

и т.п. Во время переговоров их кичливым притязаниям: „право говорить — за нами, ибо мы — поставщики“, наши дали заслуженный отпор: „мы не подпишем других протоколов, кроме как о том, о чем была достигнута договоренность. Если в приложение вы хотите занести свои взгляды, то и мы также занесем свои взгляды“. Китайцы, говорит Матьо Блета, пришли в замешательство от этого заявления и высказались за „возобновление переговоров во избежание разногласий“. Вот в таком положении находится это дело.

С другой стороны, заместитель министра иностранных дел Китая Юй Чжань высказал Бехару мысль о том, чтобы мы принимали делегации дружбы, культуры и т.д. в эти месяцы, но все это китайцы делают с целью скрыть свои враждебные действия при помощи псевдодружеских действий, то есть, стараются сохранить внешность, между тем как с другой стороны подрывают дружбу.

Относительно нового китайского посла, который задерживается там целые месяцы, якобы по состоянию здоровья, Юй Чжань сказал Бехару, что он приедет приблизительно 15 сентября. „Ему опять не здоровится, — сказал Юй Чжань, — но как бы то ни было, он приедет, затем посмотрим, он снова может вернуться в Китай отдохнуть“, — заключил он.

О чем говорят все эти предосудительные акты, совершаемые китайскими ревизионистами по отношению к нам? Это те же подлости, которые совершали и советские ревизионисты против нас, с той единственной разницей, что советские грубо разорвали отношения с нами, между тем как китайцы прибегают к хитростям и к тактике „тяни канитель“. Их тактика такова: „Тебе оборвать канитель, а не нам“. К чему клонят китайские ревизионисты подобной тактикой? Они видят, что наша партия открыто следует по правильному, марксистско-ленинскому пути, но их этот путь не устраивает, им хочется, чтобы мы шли по их ревизионистскому и предательскому пути. Мы никогда не сделаем этого, а продолжаем и будем продолжать идти нашим правильным путем, противоположным ихнему. Они не в состоянии навязать нам свою волю и свою линию, поэтому тем, что делают, они изобличают себя.

Итак, китайцы приступили к экономическому шантажу и давлению с целью запугать и сломить нас. Несмотря на наш отпор, они не набрались ума, а мыслят и поступают как великое ревизионистское государство. Как я писал и раньше, Чжоу внушал Бекиру Балуку натворить того, чего он натворил. То же самое сделал он и с Абдюлем Кэлэзи. Китайцы наверняка очень возмущены тем, что мы убрали их соумышленников; и именно тогда, когда мы убрали этих предателей, они начали усиливать экономическое давление.

Скоро мы проведем VII съезд партии. Они понимают, что там мы изложим свою линию, а она будет открытой и противоположностью китайской линии, хотя мы вовсе не будем ссылаться на них прямо; и тем не менее всему миру будет ясно, что между двумя нашими партиями имеются принципиальные противоречия по целому ряду ключевых проблем.

Все то, о чем я говорил выше, китайцы используют в качестве давления, с тем чтобы мы не говорили на съезде о своей кристально чистой линии. Но они идут вслепую, и им достанется на орехи. Мы никого не боимся. Мы на правильном пути, пусть они трепещут!

Понятна и причина, почему они хотят послать к нам делегации „дружбы“ накануне съезда. Это китайское хитросплетение, которым они хотят сказать нам: „Вы нас — пинками, мы вас — цветами“.

Этим объясняется и то, что Юй Чжань говорит нам о китайском после, т.е, что „может вновь вернуться в Китай“. Вот на что он намекает: „Если вы продолжите свой путь, то мы отзовем посла“ под предлогом его „болезни“, и тогда отношения между двумя странами будут ниже всякой критики, то есть такие же, как и с остальными ревизионистами. Вот как рассуждают китайские ревизионисты, но они не понимают, что от этого нам хоть бы что, наши горы выше станут. **Мы хотим, старались и постараемся сохранить дружбу с Китаем, но никакой другой дружбы, кроме дружбы на марксистско-ленинском пути. Дружбу в рабстве, под давлением, под шантажом, будь это дружба с Китаем или с кем еще угодно, мы отвергаем.** Китайские руководители поступают как руководи-

тели „великого государства“. Они рассуждают так: „Албанцы порвали с Советским Союзом потому, что за ними стояли мы; если они порвут и с нами, то они вновь поладят с советскими“, поэтому они говорят: „То ли с нами, то ли с советскими, это все равно, албанцы ликвидированы“. Но нам наплевать на них! Мы будем бороться против всех этих подонков, ибо мы — албанские марксисты-ленинцы, и на нашем правильном пути мы всегда победим!

ЧЕТВЕРГ
9 СЕНТЯБРЯ 1976 г.

СКОНЧАЛСЯ МАО ЦЗЭДУН

Сегодня было сообщено о кончине товарища Мао Цзэдуна. Смерть его, особенно в этих бродящих ситуациях, огорчила и тревожит нас. Она является крупной потерей для Китая.

Мао Цзэдун был, на мой взгляд, революционером, был деятелем, важным не только для Китая, но и в международном масштабе.

Мао Цзэдун повел Коммунистическую партию Китая и великий китайский народ к великой победе — к освобождению Китая от ига захватчиков и от гоминьдановской реакционной клики. Это явилось достижением большой исторической важности как для китайского народа, так и для лагеря социализма и для народов, боровшихся и борющихся за свое освобождение.

Под руководством Мао началось строительство социализма в Китае. (По крайней мере, у нас такое убеждение было до нынешних дней, когда мы видим, что это „строительство" шло зигзагами.) По-нашему, дело уже дошло до того, что ставится вопрос: „Кто победит в Китае, социализм или капитализм?". Поэтому смерть товарища Мао Цзэдуна вызывает у нас также много тревог относительно будущности китайского народа и относительно пути, по которому пойдет Китай после его смерти. Мы, естественно, высказаться теперь не можем, время разъяснит нам все. Да просчитаемся мы, однако эта линия, которую китайские ревизионисты называют „маоцзэдунъидеей" и которая не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом, не принесет Китаю ничего хорошего.

Мао Цзэдун, как мыслитель и философ, как революцион-

ный демократ и руководитель китайского народа, является историческим деятелем; однако история и марксистско-ленинский анализ обстановки в Китае покажут, что он был философом обширной культуры, но не марксистом-ленинцем. Он был насквозь насыщен древней китайской философией Конфуция и др., а в труды его, как эклектика, марксизм-ленинизм проник только в виде исковерканных положений и идей.

Именно в силу своего философского эклектизма Мао относился, как сказать, умеренно к различным течениям, всегда существовавшим в Китае, которые он допускал и поощрял, способствуя в то же время и их якобы диалектическому „столкновению". Однако умеренность могла влиять и положительно и отрицательно, но, во всяком случае, подобное могло случиться только при жизни самого Мао. Теперь он умер. Останется ли Китай красным, и обратится ли это красное в истинно красное, пламенное, революционное, марксистско-ленинское красное?

Мы со всей коммунистической искренностью от всего сердца хотим и желаем этого, ибо это на благо Китая, революции, социализма и коммунизма.

Мы, албанские коммунисты, с уважением будем вспоминать Мао Цзэдуна за его положительные стороны, за его положительные мысли и за его длительную революционную деятельность; однако, что касается тех политических, идеологических и организационных взглядов и позиций, которые мы находим ошибочными, немарксистскими, мы не переставали и не перестанем отмечать и критиковать их. Ленинизм учит нас всегда быть справедливыми, объективными, а не субъективными и не сентиментальными.

Несмотря на то, что по многим вопросам мы были несогласны с товарищем Мао Цзэдуном, смерть его опечалила нас еще и потому, что он всегда показывал себя другом и доброжелателем нашей социалистической страны и Албанской партии Труда; и об этом мы, как коммунисты и интернационалисты, не должны забывать. Могу сказать, что в китайском руководстве Мао Цзэдун был главным и решающим лицом, помогавшим Народной Республике Албании экономическими и военными креди-

тами, которые он предоставлял ей в интернационалистском духе. И наша партия в этом духе помогала им, оставаясь на стороне Китая и защищая Мао как в хорошее, так и в трудное время, особенно от нападок хрущевских ревизионистов, а также в период Великой культурной революции.

Узнав о его кончине, мы решили направить в Пекин партийно-правительственную делегацию во главе с товарищем Мехметом, однако в опубликованном китайским руководством заявлении мы прочитали, что не будет приглашено зарубежных делегаций для участия в траурной церемонии.

Конечно, мы приняли меры для направления посланий соболезнования и возложения венков в Пекине, для организации визитов и направления посланий соболезнования в китайское посольство в Тиране со стороны партийного и государственного руководства, общественных организаций, учебных заведений, культурных и научных учреждений, а также делегаций от трудовых коллективов из Тираны и от некоторых промышленных предприятий и сельскохозяйственных кооперативов других районов.

ВТОРНИК
12 ОКТЯБРЯ 1976 г.

ТРАГЕДИЯ КИТАЯ

Большая трагедия в Китае. То, что мы предвидели относительно обстановки, которая будет создана в Китае после смерти Мао Цзэдуна, произошло, причем события развивались с молниеносной быстротой. Мы думали, что оба течения, и правые и левые, будут продолжать „сосуществовать при разногласиях" так, как делал всю жизнь Мао и как он советовал своим сотрудникам действовать и после смерти его и всегда. Но дело в том, что „великий рулевой" двух и больше линий создал такой авторитет, благодаря которому он мог держать в руках баланс. Но какой баланс? Никогда истинный и последовательно марксистско-ленинский баланс.

Мао Цзэдун говорил, употребляя революционные формулы, о „революции", о „классовой борьбе" и о других принципиальных вопросах, тогда как на практике он был либералом, мечтателем, центристом в направлении манипуляции и балансирования разных течений, участвовавших и интриговавших в Коммунистической партии Китая и в китайском государстве. Мао Цзэдун, которому были присущи подобные свойства, легко поддавался влиянию того или другого течения; он поддерживал то одно, то другое.

Чжоу Энь-лай, что истинно и очевидно, был самым крупным „Яго" китайской шекспировской драмы. Он был правым, был мандарином, был буржуа, был псевдомарксистом. Чжоу Энь-лай ловко маневрировал в манипуляциях, к которым прибегал Мао. Когда тонул корабль одного реакционного течения, в котором он сам находился, он наспех покидал корабль и прятался за флагом Мао.

Следует отметить еще раз, что Мао подчеркивает первостепенную роль крестьянства в революции, а это говорит о том, что он несогласен с руководящей ролью и с гегемонией рабочего класса. Его колеблющиеся идеи, наподобие идей о крестьянстве, отражаются во всей либеральной линии Мао Цзэдуна.

Мао, в теории, признавал некоторые основные положения марксизма. **В его официальных сочинениях** эти положения и некоторые другие вопросы сформулированы **вообще** правильно. Однако на практике Мао формулировал и отстаивал немарксистские положения, каким является положение, которое отмечается и в некрологе его: „Деревне следует окружить город". В некрологе отмечается, что „без этого революция была бы невозможной"! Это значит, что пролетарской революцией должно руководить крестьянство. Это — антиленинское положение.

Но Мао выдвигал и другие положения и взгляды, которых мы не разделяли и не разделяем. Он много **писал** о классовой борьбе, о противоречиях и т.д., но классовая борьба в Китае, **особенно на практике**, не велась остро и последовательно. И в этом отношении Мао показал себя либеральным, проявлял усмиряющие тенденции. Он позволял правым ревизионистским элементам захватывать власть и пускать глубокие корни в партии, в органах власти и везде. Мао сосуществовал с ними, наблюдал за ними, часто поддакивал им. Наконец он ниспровергал отдельных лидеров этих течений, но их основу он оставлял нетронутой. Благодаря его авторитету, сложившемуся в ходе войны и после победы, фракции „терпели крах", но решение оставалось половинчатым, и положение всегда продолжало быть умеренным, либеральным. Мао Цзэдун был центристом, он покровительствовал людям различных течений, которые называли себя марксистами, но не были такими и боролись в соответствии со своей линией под зонтиком Мао Цзэдуна. Когда они нарушали равновесие, Мао Цзэдун вмешивался и „наводил порядок".

В мыслях и поступках Мао не было постоянства, и мне сдается, что марксизм он истолковывал и проводил как-то фантастически, как ему заблагорассудилось. Это, конечно, „объяснялось" и „оправдывалось условиями Китая".

Мао и много лет спустя после освобождения не опрокинул устой зажиточных и эксплуататорских капиталистических классов в городах и деревнях, не лишил их привилегий, утверждая, что „это была тактика, необходимая до тех пор, покуда не будет стабилизировано положение“. Однако эту „тактику“ не надо было возвести в теорию и стратегию, согласно которой капиталистам можно „перейти в социализм“, получать дивиденды, и это на протяжении десятков лет, как и поныне происходит в Китае. Эти капиталисты, видите ли, превратились в „коммунистов“ и стали частью „буржуазии в партии“, о которой говорит Мао.

Коммунистической партии Китая также не ясны основные положения марксистско-ленинской теории; наоборот, она подменила их эклектическими идеями Мао. „Буржуазия засела в партии, и вы не замечаете ее“, — говорит Мао. И это верно. Однако, **кто позволял этой буржуазии преспокойно сидеть в партии? Позволял сам Мао своими идеями, позволяло отсутствие правильного, марксистско-ленинского, организационно-политического и идеологического строительства партии. Мао допускал процветание многих линий, оппортунизма, практицизма и либерализма.**

В „поворотных моментах“ в жизни Коммунистической партии Китая Мао Цзэдун опирался не на партию, а на армию, на интеллигенцию и студенчество. При этих „поворотных моментах“ рабочий класс и крестьянство либо находились в руках контрреволюционеров, либо сидели в стороне.

Ставится вопрос: почему Мао в трудные моменты не обращался с призывом к партии, рабочему классу и крестьянству? Либо потому, что эти силы не послушались бы его, либо потому, что он боялся кровопролития. В то время, как Мао кричал: „Власть рождается из дула ружья“, реакция захватывала эту власть.

Культурную революцию, говорят, развязал и ею руководил Мао, который поднял миллионы хунвэйбинов под лозунгом: „Штурмуйте штабы!“. Армия же и Линь Бяо, говорят, сложили руки. Однако факты говорят совсем о другом. Линь Бяо стоял во главе революции вместе с Мао, Кан Шэном, Чэнь Бо-да,

Цзян Цин, Яо Вэнь-юанем, Чжан Чунь-цяо и др. По имеющимся у нас данным, Линь Бяо переодел два миллиона солдат в штатское. Этими „красногвардейцами“ он напал на штабы и осилил их, а все заслуги присвоил Мао. Последний спас Чжоу Энь-лая и многих других, а Дэн Сяо-пина он законсервировал на даче.

Однако Чжоу сманеврировал очень ловко, и в одно прекрасное утро Линь Бяо оказался „предателем, агентом советских и заговорщиком, замышлявшим покушение на жизнь Мао“. И, якобы в подтверждение этого, было объявлено, что Линь Бяо взял самолет и сбежал в Монголию, где „самолет сгорел“. Все находившиеся в нем погибли. Говорят, что Чжоу и Мао были осведомлены об этом, но Мао, видите ли, говорил: „Пусть сбежит!“. Странные вещи.

Значит, Линь Бяо, как опасный для Чжоу элемент, был ликвидирован. Вместе с ним та же участь постигла и Чэнь Бо-да. Ну а Культурную революцию, как ее ликвидировать? Это было трудно для Чжоу, ибо это задело бы Мао, поэтому о ней продолжали говорить как раньше. Кан Шэн постарел и тяжело заболел, но остались другие молодые — Цзян Цин, Ван Хун-вэнь и т.п. Это они начали и продолжали революцию, но, конечно, настолько, насколько им позволял „председатель“. Мао распределил роли. Левым он предоставил прессу и радио, а правым с Чжоу Энь-лаем во главе — власть, экономику, армию и безопасность. Отсюда ясно, как рассматривал революцию и строительство социализма „великий рулевой“.

Мао и Чжоу построили и внешнюю политику. Китайская внешняя политика Мао и Чжоу Энь-лая была и осталась немарксистской, нереволюционной политикой; она является неуловимой политикой, принимающей форму в зависимости от международных политических конъюнктур и занимающей опасные для социализма и революции позиции.

За это время Чжоу работал над тем, чтобы оставить за собой заместителя; они с Мао выдвинули на сцену „Хрущева номер два“ Китая, которого они сделали первым заместителем премьер-министра, заместителем председателя партии и т.д. Три года подряд, пока болел и вплоть до смерти Чжоу Энь-

лая, Дэн набирал сил. Однако, по всей видимости, левые зажали „рулевого“ и Дэна. Последнего они опрокинули, и началось его разоблачение. Тогда „рулевой“ „гениально“ сманеврировал и, по его обычаю дозирования течений, еще при жизни привел к власти Хуа Го-фэна, человека до сих пор неизвестного, начальника государственной безопасности, умеренного на словах, но правого на деле.

Мао умер, и в Китае произошла большая трагедия. Как только закрыл глаза „рулевой“, правые во главе с Хуа Го-фэном устроили путч и убрали Цзян Цин, Ван Хун-вэня, Чжан Чунь-цяо и Яо Вэнь-юаня. Эти четыре были арестованы. Ныне правые, используя слова Мао, убивают или сажают в тюрьму левых и революционеров, реабилитируют осужденных правых и контрреволюционеров.

Нельзя и представлять себе, каким это образом слова „революционного марксиста-ленинца“ могут играть на руку и контрреволюционерам, как это происходит в Китае с высказываниями Мао!

Чего только не наговаривает о Китае буржуазная капиталистическая пресса! Что радикалы во главе с Цзян Цин „устроили заговор“, что якобы племянник Мао повернул тело больного Мао на левую сторону, наперекор советам врачей и т.д. и т.п. и этим они якобы хотят доказать, что „эти заговорщики умертвили и Мао“. Несколько лет назад трубили о том, что Линь Бяо три раза пытался убить Мао, а ныне трубят о том, что „заговорщики умертвили Мао и замышляли также убийство и Хуа Го-фэна“. Но настоящими заговорщиками являются люди Чжоу Энь-лая, Ли Сянь-няня, Дэн Сяо-пина, Хуа Го-фэна и др.

Ничего официально не публикуют эти заговорщики, а постепенно готовят массы к тому, чтобы они поверили этому трагическому измышлению. **Замаскированная китайская реакция прикидывается „революционной и марксистско-ленинской“ и, прикрываясь этой маской, истребляет революционеров и коммунистов. Хрущевцы Китая спешат закрепить свои позиции.** Они пытаются закрепить позиции с помощью террора

и наверняка дойдут до того, что не только не будут цитировать больше Мао, но и втопчут в грязь то его наследие, которое может представлять какую-либо ценность. С перерождением Китая в капиталистическую страну будут подняты на пьедестал Лю Шао-ци, Чжоу Энь-лай, Пэн Чжэнь, Дэн Сяопин и другие.

СРЕДА
13 ОКТЯБРЯ 1976 г.

БОЛЬШОЙ ХАОС В КИТАЕ

Большой хаос в Китае. Уже два-три дня западные и ревизионистские телеграфные агентства **передают, что в Китае произведен государственный переворот и к власти пришли „умеренные“, как они называют Хуа Го-фэна и его соумышленников, среди которых был замечен и Ли Сянь-нянь. „Умеренными“ для нас являются сторонники Чжоу Энь-лая, являются те ревизионисты, которые, прикрываясь оглушительной демагогией, попрали марксистско-ленинскую идеологию почти по всем вопросам. Они проводили и проводят политику великодержавного шовинизма, проамериканскую внешнюю политику. Эта политика, проводившаяся Чжоу Энь-лаем, была в то же время и политикой Мао.**

Мао нельзя оторвать от Чжоу Энь-лая. Они действовали сообща. Оба были либералами и старались, под личиной марксизма-ленинизма, создать великую державу и вести на международной арене „большую политику“, соответствующую величине Китая. Другими словами, они стремились **сделать Китай промежуточной силой, способной балансировать вес двух сверхдержав — Соединенных Штатов Америки и Советского Союза.**

Мао Цзэдун, Чжоу Энь-лай и все китайское партийное и государственное руководство, которое всегда боролось под флагом Мао Цзэдуна, как я писал и в других записках настоящего дневника, были настроены против Сталина, против ленинского Советского Союза, против Большевистской партии и против Коминтерна, но они тщательно скрывали все это. Позднее, после смерти Сталина, эти их позиции и взгляды

стали явными. Китайское руководство намеревалось помочь Хрущеву и хрущевцам оправиться после государственного переворота, произведенного ими в Советском Союзе для ниспровержения идей марксизма-ленинизма. Мао Цзэдун, Чжоу Энь-лай и другие стремились к тому, чтобы Китай, при помощи Советского Союза, превратился в великую державу, и чтобы Мао Цзэдун занял место после Ленина, т.е. чтобы он стал в ряд с великими классиками, которыми, по их мнению, были Маркс, Энгельс, Ленин, Мао Цзэдун. С этой целью, конечно, он должен был заигрывать с Хрущевым и помогать ему. Это он делал не только втихомолку, но и открыто, не только в кулуарах, но и накануне международных совещаний коммунистических и рабочих партий, на которых присутствовали и мы. Мы собственными ушами услышали то, что сказал Мао Цзэдун о деяниях Хрущева. Одни только восхваления.

Однако со временем и с дальнейшим ходом событий дела обернулись не так, как думал Мао Цзэдун. Хрущев, правда, был клоуном, антимарксистом и закоренелым интриганом, однако он не был таким глупым, чтобы поставить Советский Союз под опеку, под крылья Китая и Мао Цзэдуна. Наоборот, он хотел и добивался того, чтобы Советский Союз стал империалистической державой с большим военным потенциалом и превратился, таким образом, в сильного партнера Соединенных Штатов Америки, с которыми они бы разделили мир и эксплуатировали его в своих интересах.

Итак, несмотря на усилия Мао Цзэдуна и Чжоу Энь-лая, их мечты не сбылись. Одним словом, оба они видели сон наяву. Тогда, как я уже не раз объяснял, они сделали поворот в 180 градусов, направили „огонь батарей“ против ревизионистского Советского Союза, что было и в наших интересах, но в то же время они повернулись лицом к американскому империализму и протянули руку президенту-фашисту, Никсону. Значит, Мао Цзэдун и Чжоу Энь-лай мечтали еще и о том, чтобы в тесном сотрудничестве с американским империализмом и опираясь на него, превратить Китай в великую социал-империалистическую державу.

На вопросе о Культурной революции и т.д. и т.п. распространяться не буду, ибо о них я много писал в своих записках; хочу только сказать, что одно верно: план ликвидации Линь Бяо, Чэнь Бо-да и других был составлен Мао Цзэдуном и Чжоу Энь-лаем. Вначале мы отнеслись с большим сомнением к этому неожиданному акту Линь Бяо, которого Мао Цзэдун, Чжоу Энь-лай и вся китайская пропаганда назвали предателем, изображая дело так, будто он замышлял заговор с целью ликвидировать Мао Цзэдуна и занять его место. Однако, с течением времени и с ходом нынешних событий, мы видим, что в Китае Мао Цзэдуна заговоры являются обычной практикой, а отсюда выходит, что работа Коммунистической партии Китая очень слаба, что она не ведется на основе марксизма-ленинизма. **В пропаганде этой партии много таких слов, как „революционный“, „марксистско-ленинский“, „пролетариат“ и т.д., тогда как на деле мы видим, что Мао Цзэдун, который выдавал себя за „великого марксиста-ленинца“, не только не является таким, но и является виновником всех этих отрицательных явлений, которые имели и имеют место в Китае.**

События, связанные с Лю Шао-ци, Линь Бяо и Дэн Сяопином, как и происшедший в Китае последний переворот, являются результатом либеральной, оппортунистической, немарксистской линии Мао Цзэдуна. Он допускал явные послабления в организационной и политической линии партии; допускал процветание в партии и в народе двух и больше линий; в последнее время представлял дело так, будто он вел борьбу против Конфуция. Однако, при принципиально искаженной линии по основным вопросам диктатуры пролетариата, классовая борьба как против внешних и внутренних врагов, так и против мелкобуржуазных пережитков, религии и т.д. и т.п. **в Китае была мнимой борьбой, или же она велась компанейски — для свержения того и выдвижения другого, для свержения или пересвержения того и для выдвижения или перевыдвижения другого.**

Лю Шао-ци и Дэн Сяо-пина, которые много раз ошибались в своей жизни, Мао оставил соответственно в качестве зампредседателя и генерального секретаря партии, между тем

как в самый разгар Культурной революции он назвал их „Хрущевым номер один“ и „Хрущевым номер два Китая“. „Хрущев номер два“ (Дэн Сяо-пин) был вызван Мао Цзэдуном и восстановлен на все прежние посты и даже стал заместителем председателя партии (конечно, при благословении, если не по предложению, Чжоу Энь-лая). Может быть, эта „счастливая доля“ выпала бы и на Лю Шао-ци, если бы он не умер. (Но и после смерти, быть может, друзья не позабудут его). Эти выдвижения и свержения врагов с высших государственных и партийных постов, а также многие другие безобразные действия, не являются марксистско-ленинскими действиями.

Короче говоря, зарубежные телеграфные агентства уже два-три дня передают, что Хуа Го-фэн захватил власть в Китае. Хуа Го-фэн, который был начальником государственной безопасности и министром внутренних дел, заменил Дэн Сяо-пина. Последний был осужден Культурной революцией. По мнению китайских руководителей, все, что было сделано Культурной революцией, было „правильным“ и с жаром отстаивалось Мао Цзэдуном и всеми его адептами. **Правда, в этой Культурной революции были и люди, которые с полным убеждением и охраняя знамя Мао, стремились укрепить коммунистические позиции Китая.** Однако в этой революции были и сильные и многочисленные враги, которые, как я неоднократно писал в настоящем дневнике, сплачивались вокруг Чжоу Энь-лая. Последний сильно привязался к Мао и заинтриговал его. Чжоу Энь-лай был нужен Мао. Это значит, что Мао Цзэдун всегда думал проводить и продолжал проводить политику балансирования, а одним из тех, кто мог проводить эту политику балансирования при жизни Мао, был Чжоу Энь-лай. Он был подходящ для Мао, ибо достаточно хорошо понимал его психологию и его немарксистские взгляды. Чжоу сумел сплотить вокруг себя и посадить на ключевые посты в государственных органах, в армии, в партии и вплоть до Центрального Комитета антимарксистских элементов, людей, которые в подходящий момент захватили бы власть и ликвидировали бы здоровых марксистско-ленинских элементов. С этой целью Мао Цзэдун и Чжоу Энь-лай реабилитировали почти всех тех элемен-

тов, которые якобы были репрессированы. В действительности же здесь идет речь не о репрессированных, а об осужденных.

Чжоу Энь-лай, который наверняка точно знал о своей болезни, о раке, в течение целых трех лет готовил Дэн Сяо-пина, своего будущего заместителя, и когда прах Чжоу разлетелся по всему Китаю, Дэн Сяо-пин прочитал *De profundis** **Чжоу Энь-лая.** Однако это было и его *De profundis*. **Дэн не смог стать премьер-министром, так как был убран и изобличен как ревизионист и враг, как глава правых, как враг Мао Цзэдуна, враг социализма и т.д. и т.п. Началась, таким образом, яростная кампания против него, кампания правильная, но только в печати, в пропаганде и по радио. По всей видимости, Цзян Цин, Яо Вэнь-юань, Ван Хун-вэнь и Чжан Чунь-цяо имели в своих руках только печать.** Когда началась эта кампания, Мао Цзэдун был еще жив, и все думали, что эти четыре пользовались и его поддержкой.

Но пользовались ли эти четыре человека нужной поддержкой со стороны народа, партии и армии для продолжения на практике Культурной революции, другими словами, для чистки рядов партии, органов власти и армии от реакционеров, орудовавших под личиной коммунистов, от последователей Лю Шао-ци, Дэн Сяо-пина, Чжоу Энь-лая и Пэн Чжэня? Мы были убеждены, что эти четыре не пользовались такой поддержкой. **Это были новые, волевые кадры, но слишком незрелые, между тем как старые волки в Коммунистической партии Китая пустили глубокие корни, и эти корни были вскормлены немарксистсколенинской идеологией Мао Цзэдуна, который считал, что, если не он сам, то его мысли будут жить в веках.**

Значит эти четыре руководителя занимались только пропагандой. Дэн Сяо-пин был убран из руководства, однако Мао Цзэдун, который был еще жив, советовал конфликтовавшим сторонам идти „потихоньку-полегоньку“, „не ссориться друг

---

* По-латински: заупокойная молитва.

с другом“, „договориться друг с другом“ и „прекратить распри“. Все это были странные, нереволюционные лозунги, и выдвигались они человеком, который выдавал себя „за великого марксиста-ленинца“. Мао Цзэдун считал себя марксистом, но он был „марксистом“ с мелкобуржуазными взглядами. Раз он в своих мыслях, выступлениях в печати и действиях считал крестьянство „ключевым фактором революции“, которую к тому же он назвал „пролетарской“, в его идеологических и политических взглядах могли отображаться только мелкобуржуазные черты крестьянства, какими являются колебания последнего то вправо, то влево. Значит, Мао присоединялся то к одной, то к другой группе или государству. В следующий день он бросал их и присоединялся к другим. Под зонтиком Мао жили и орудовали все: буржуа, капиталисты, пролетарии, и Мао был доволен своей популярностью. В своих высказываниях и сочинениях он употреблял и использовал и идеи и цитаты Маркса и Ленина, однако это делалось для вида. Если внимательно изучить идеи Маркса и Ленина, использованные в сочинениях Мао, то можно заметить, что они отредактированы так, будто являются плодом его головы.

Мао проповедовал примирение, но, с другой стороны, кричал: „Чего вам надо? Не видите ли, что враг засел в партии?“. Но этого врага внутри партии следовало сокрушить до смерти. Сделал ли Мао это? Нет, он поступил не так. Он только говорил эту фразу, ибо на практике проводил лозунги: „Не ссоритесь“, „помиритесь“, „не составляйте заговоров“, а с другой стороны говорил: „Выступайте против ревизионизма“, „ратуйте за марксизм“! Итак, эти фразы Мао Цзэдуна использовали все в Китае, марксисты и антимарксисты. **Он наверняка не дал благонадежным элементам захватить власть и поставить Китай на истинный путь.**

При этом большом хаосе нам трудно высказываться, однако, судя по тому, что мы видели, что произошло и как произошло в Китае, можем сказать, что новые элементы казались более революционными и более прогрессивными, чем группа Чжоу Энь-лая. Так что Мао Цзэдун, „в целях примирения“ людей и видя, что сам был очень больным и при смерти, преж-

де чем отправиться „к богу“, как он говорил Эдгару Сноу, нашел „подходящее решение“, посадил Хуа Го-фэна во главе дел. Кто был этот Хуа Го-фэн? Это был человек неизвестный и без большого авторитета. **Но его знал Мао Цзэдун и его признавало правое крыло, которое делало ставку на этого человека, надеясь, что он, по крайней мере, будет умеренным. И он пришел в высшее руководство, не будучи избранным. После смерти Чжоу Энь-лая он стал премьер-министром и первым заместителем председателя Центрального Комитета Коммунистической партии Китая. Это означало, что после смерти Мао председателем партии наверняка станет он.**

Немного времени спустя после этих мудренных операций, Мао Цзэдун умер. Был объявлен траур, были надеты черные повязки, и не прошло и двух-трех недель, самое большее месяц (поди-ка догадайся, сколько времени прошло!), как в Китае разразился большой хаос, разразилось то, что мы предвидели.

Что мы предвидели? Мы предвидели, что оба открытых течения столкнутся друг с другом в борьбе за власть (и мы думали так потому, что власть была в руках правых, сторонников Чжоу Энь-лая, в силу указанных мною выше причин, тогда как в руках их противников были только пресса и пропаганда; поэтому на вопрос о том, кто захватит власть, можно было ответить, что ее захватят нереволюционные элементы), но мы думали также, что „царствование“ Мао Цзэдуна могло продолжаться еще немного. Однако этот Хуа Го-фэн, который держал в руках баланс, не был Мао Цзэдуном. Хуа был далек до авторитета, созданного Мао Цзэдуном в Китае и в мире. Хуа Го-фэн показал свое лицо. **Три дня тому назад зарубежные телеграфные агентства сообщали, что однажды утром он арестовал в их домах Цзян Цин, Яо Вэнь-юаня, Ван Хун-вэня и Чжан Чунь-цяо, т.е. всех главных руководителей левого крыла, которых они называют „радикальными“. Власть прибрали к рукам Хуа Го-фэн и Ли Сянь-нянь, бывший правая рука Чжоу Энь-лая.** Ходят слухи также о том, что Дэн Сяо-пина вернули в Пекин и, если пока что его не назначают заместителем премьер-министра, то, все равно, судя по тому,

по какому пути идет Китай, он обязательно займет важный пост, быть может, и пост генерального секретаря партии, должность, которую он занимал еще во время Лю Шао-ци и Мао Цзэдуна и на которой он приобрел опыт.

Следовательно, ныне Китай переживает трудные моменты, причем не только Китай, а вся мировая революция. **Если все то, что передают зарубежные телеграфные агентства о Китае, является верным, то это значит, что будет нанесен колоссальный урон социализму и мировой революции, причем последняя будет отодвинута на много лет назад. Сам Китай пойдет по пути великой социал-империалистической державы. В настоящее время он будет опираться на Соединенные Штаты Америки, но ничего удивительного не будет, если позже он станет проводить ту же политику, которую проводит Тито, т.е. протянет руку Советскому Союзу для достижения этой цели.** Это также явится победой для Советского Союза, независимо от того, что Китай ныне ведет „оглушительную" пропаганду против хрущевского современного ревизионизма. Эту пропаганду завтра он может постепенно ослаблять. С превращением Китая в независимую державу, располагающую крупной промышленностью, которая усиливается при помощи американской технологии, и обладающую известным количеством атомных бомб, менее мощных по сравнению с теми, которыми обладает Советский Союз, но располагающую огромной в численном отношении армией по сравнению с армией Советского Союза, **вполне возможно — и мне думается, что так оно и может быть — что в мире будут три сверхдержавы, причем все они захотят иметь свои зоны влияния.** Противоречия, конечно, усилятся между ними; настанет время, когда они обострятся, и мы будем свидетелями этого обострения, которое может привести даже к новой мировой войне.

Что будет делать теперь китайский народ? Поднимется ли он или же равнодушно примет сказки Хуа Го-фэна и Мао Цзэдуна? Согласится ли он с происходящей в Коммунистической партии Китая ликвидацией кадров? А Шанхай, выдвинувший из своей среды столько деятелей, согласится ли он с тем,

чтобы Хуа Го-фэн, Дэн Сяо-пин и Ли Сянь-нянь с компанией господствовали в Пекине, вершали закон в Китае и направили его на путь сближения с Соединенными Штатами Америки или с Советским Союзом? Это вопрос, который нам придется прослеживать.

Возможны ли в Китае беспорядки? Возможны. В Советском Союзе Никита Хрущев орудовал более осмотрительно, он не ускорял дела таким образом. Свою контрреволюционную деятельность он начал несколько лет спустя после смерти Сталина, причем начал он ее „мягко“, потихоньку, обошел своих врагов с флангов, подготовил внутреннее и внешнее общественное мнение и, наконец, убрал якобы прогрессивных элементов, которые не показали себя ни прогрессивными, ни чертами. Во всяком случае, Хрущев расчистил себе путь не за месяц, как это делает Хуа Го-фэн. Советский народ с помощью хитросплетенной демагогии был подготовлен к тому регрессивному повороту, который должен был произойти, и происходившие события он считал нормальным явлением, „соответствующим ленинским партийным нормам“. Он не видел правды, ибо ему не давали видеть ее. Между тем, правая ревизионистская клика в Китае орудует спешно, опрометчиво, так что подобные действия могут вызвать реакцию в народе. Китайский народ поднялся на Культурную революцию, конечно, потому что его призвал Мао, но он действительно поднялся и нанес удары. **Если бы ее не сдержал Мао, то эта революция убрала бы всю эту нечисть, которая ныне приходит к власти.** Китайский народ может снова сделать подобное. Насколько он сделает это — неизвестно, и сделает ли он это или нет — этого мы тоже не можем сказать с уверенностью, так как китайский народ фанатизировали именем Мао Цзэдуна.

Согласно зарубежным телеграфным агентствам, все говорят, что элементы правого крыла с Хуа Го-фэном во главе **утверждают, что они подавили „государственный переворот“, возглавляемый Цзян Цин, Яо Вэнь-юанем и др. Это блеф.** Согласно зарубежным телеграфным агентствам, Хуа Го-фэн заявлял, что этот „государственный переворот“ „четверка“ под-

готовила, „исказив мысли Мао Цзэдуна“. Это значит, что „всю пропаганду против Дэн Сяо-пина, за диктатуру пролетариата и т.д. и т.п. искажала эта группа заговорщиков“. Следовательно, по мнению Хуа Го-фэна, это они „искажали идеи Мао Цзэдуна“. Хуа Го-фэн будет пропагандировать среди народа наказ Мао Цзэдуна: „Не составляйте заговоров!“. Однако кто составлял заговор? „Цзян Цин с компанией“, — скажут Хуа Го-фэн, Ли Сянь-нянь, Дэн Сяо-пин и другие, изображающие дело так, будто они избавляют Китай от подобных „реакционных элементов“, попирающих идеи Мао Цзэдуна, флагом которого они усиленно размахивают, так как этого требуют их интересы.

Если китайский народ будет надут этим маневром, то в Китае восстания не будет. Если же он не будет надут, то народ поднимется, и тогда быть гражданской войне. В Культурной революции в схватку вступили и народ и рабочие, невзирая на то, за какую группу они стояли. И в армии стреляли друг в друга из пушек и пулеметов, были человеческие жертвы. Больше ничего не знаем. Посмотрим позже.

Но одно мы можем сказать с уверенностью: то, что произошло в Китае, является катастрофой для него и неисчислимым уроном для мировой революции, для коммунизма. Американский империализм и реакционная буржуазия потирают руки. Настоящая катастрофа является делом их рук. Те, кто вызвал такую ситуацию в Китае, являются их сообщниками, какими были и являются и Хрущев, Брежнев, Суслов, а также вся ревизионистская банда Тито и ряд контрреволюционеров и их лакеев в мире.

Что касается нас, албанцев, то нам, конечно, ясно, что сложившаяся в Китае обстановка не принесет нам добра, а создаст трудности. **Эту обстановку мы предвидели давно, еще в 1960 году, когда китайские руководители якобы защищали нас от хрущевцев. Мы видели, что они колебались и, в действительности, никогда не защищали нас.** Они с Чжоу Энь-лаем во главе добивались того, чтобы советские прекратили полемику с нами и тем самым считать этот вопрос исчерпанным.

Однако Хрущев, как *potentat**, не хотел унижаться перед албанцами. Он не согласился с подобной идеей Чжоу Энь-лая и Мао Цзэдуна. Чжоу Энь-лай и Мао Цзэдун очень надеялись, что Хрущев передаст им атомную бомбу и экономически поможет Китаю стать великой державой, поэтому, и когда конфликт уже возник, они старались смягчить его. Эти мысли я заносил в дневник каждый день, по мере происхождения событий, так что они не являются заключениями, к которым я прихожу сейчас.

Итак, эта ситуация не застала нас неподготовленными. Уже несколько лет, и особенно в течение минувшей пятилетки, Чжоу Энь-лай действовал против нас. В экономической области он саботировал нам. Эту его саботажническую деятельность мы видели на практике и боролись с ней. Чжоу оказался в таких условиях, при которых ему нечего было делать, кроме как прибегать к методу отсрочки реализации объектов, так как к методу отмены кредитов он не мог прибегать. **Чжоу Энь-лай не последовал тактике Хрущева, который сразу сжег мосты с нами, он применял другую тактику: не поставлял нам своевременно оборудования для объектов большой важности для развития нашего народного хозяйства, которые должны были быть закончены еще два или два с половиной года назад. Вот почему они еще не завершены.** И это объясняется не тем, что Китай „бедная страна“ и прочими сказками китайских ревизионистов. Нет, **подобную позицию они занимали и занимают, руководствуясь политическими соображениями: Чжоу Энь-лай и Мао Цзэдун видели, что Албания стояла на своих марксистско-ленинских позициях и проводила, как проводит и ныне, свою независимую политику, которую она провозглашает открыто, никого не стесняясь, что не устраивало и не устраивает китайцев.**

Китайцев не устраивало также то, что малая Албания защищала великий Китай на международной арене. Может быть, что сами Мао Цзэдун и Чжоу Энь-лай защиту Китая с нашей

* По-французски: человек, выступающий властелином.

стороны считали позорным фактом, ибо в их голове не могла уложиться мысль о том, чтобы малая страна отстаивала великую страну. Как бы то ни было, мы их защищали, и этого они не могли отрицать, но им было не по душе подобное положение.

В последнее время стало очевидно, что китайские руководители оказывали на нас открытое и прямое давление с целью спасти Бекира Балуку и Абдюля Кэлэзи, которые были их сообщниками в заговоре, состряпанном против Албании, направленном на свержение нашего руководства. Однако они не добились своего, поэтому предельно сократили свою экономическую, а также военную помощь нам, ибо ничего другого они не могли чинить нам.

Итак, мы подготовлены в этом отношении. Подготовлены, ибо наша партия закалялась в борьбе с многочисленными бурями. Она не боится того, что может остаться одинокой. И фактически в данном случае мы в одиночестве и ведем уникальную марксистско-ленинскую политику как стоящая у власти партия, которая противостоит американским империалистам, советским социал-империалистам, китайским социал-империалистам, реакционной буржуазии, соседям, дьяволу и кому угодно. **Однако Албания и Албанская партия Труда стоят непоколебимо и так будут стоять всегда.**

Продолжит ли более открыто вражду против нас пришедшая к власти в Китае группа? Посмотрим. Мы будем бдительны, наша бдительность должна быть на высоте. **Наши интересы требуют, чтобы, хотя они и будут применять свой метод перенесения сроков полного сооружения этих объектов, мы с нашей стороны не вступали с ними в конфликт, а проводили свою марксистско-ленинскую линию и не нарушали принципов, невзирая на то, что Китай может отменить нам кредиты. Пусть он это сделает; мы будем жить собственными силами, будем работать до седьмого пота, будем жить, причем еще лучше прежнего.** Мы в то же время будем пользоваться поддержкой всего прогрессивного мира, всех настоящих марксистов-ленинцев, всего пролетариата и всех революционеров в мире, которые увидят, как малая страна остается верной

марксизму-ленинизму, не боится, а идет вперед, живет и преуспевает. Так оно и будет.

Конечно, враждебное отношение Китая к нам доставит удовольствие нашим врагам, которые усилят свою деятельность против нашей партии и нашего государства как за рубежом, так и внутри страны; **но мы — большая сила, способная и против внешних врагов успешно выстоять, и внутренних врагов подавить.** Поэтому мы должны хладнокровно ждать, внимательно, как всегда, следить за ситуациями в мире, особенно в Китае.

Сначала мы должны подождать, подтвердится или нет то, что пишет мировая пресса, ибо официальная пресса в Китае ничего не пишет об этом. Впрочем, китайцы именно такого метода придерживаются. Как при ликвидации Лю Шао-ци, так и при ликвидации Линь Бяо, а позже Дэн Сяо-пина и т.д. и т.п. прошло долгое время, прежде чем они открыто сказали, в чем дело. Вполне возможно, что и в этом случае произойдет то же самое, ибо, начиная с Цзян Цин и вплоть до Чжан Чуньцяо, несмотря на то, что они сравнительно молоды, все они видные деятели. Тем не менее, думаю, что мы должны быть очень осмотрительными, отстаивать свою линию и не вступать в полемику с китайцами, если будет подтверждено то, что пишет мировая пресса. **Мы не должны вступать в полемику с ними до тех пор, пока не будет атакована публично наша марксистско-ленинская линия, но зато для этого момента батареи у нас, как всегда, должны быть наготове.** Но и на экономические интересы мы должны обращать внимание, несмотря на то что китайцы могут замедлять поставку материалов, полагающихся нам по существующим подписанным контрактам. Итак, нам надо быть осмотрительными и в то же время бдительными, внимательно следить за тем, по какому пути пойдут дела в Китае.

В Китае все происходит неожиданно. За исключительно короткое время происходят все эти вещи, и всему они приклеивают ярлык „государственный переворот“, „путч“, „заговоры против жизни Мао Цзэдуна“ и т.д. и т.п. Завтра могут

происходить другие события, поэтому здесь, в нашей стране, мы должны быть бдительными в отношении китайских специалистов. Работникам китайского посольства в Тиране мы будем продолжать искренне говорить о дружбе на марксистско-ленинских основах между нашим народом и китайским народом, между нашей партией и Коммунистической партией Китая; тем не менее, мы не знаем, что за люди эти работники посольства, как и китайские специалисты, работающие в нашей стране.

Из имеющихся у нас сведений явствует, что их нынешний посол у нас, который был и в Москве, является одним из тех, кто был подвергнут критике Культурной революцией. Значит, по всей видимости, он является сторонником Дэн Сяо-пина, Лю Шао-ци и Чжоу Энь-лая, т.е. правым элементом. **Он приехал к нам не для того чтобы помогать нашей стране, а для того чтобы саботировать, интриговать, информироваться не как друг, а как человек на службе у правых, пришедших к власти в Китае. Он приехал с недобрыми намерениями, поэтому, может быть, он и другие китайцы начнут совать нос в наши внутренние дела.**

Мы не можем запретить работникам китайского посольства ходить в различные предприятия, где работают китайские специалисты, чтобы встретиться с ними. Во всяком случае, первым секретарям райкомов партии, главным инженерам, директорам институтов, фабрик и комбинатов, где работают китайские специалисты, надо быть бдительными, беречься, ибо мы много раз страдали — от титовцев, от советских ревизионистов, и можем пострадать и ныне от китайцев.

Высокие интересы родины и партии требуют, чтобы в эти непрочные и хаотические для Китая моменты, чреватые угрозами для мировой революции и особенно для социалистической Албании, мы укрепляли положение внутри партии, укрепляли единство ее рядов, укрепляли единство партии с народом, сделали более активной подготовку к обороне и проявляли бдительность, успешно выполняли и даже перевыполняли наши экономические планы. Это наш основной долг по защите независимости, свободы и суверенитета нашей родины.

Все мы должны уяснить себе — и это мы так или иначе должны разъяснить партии, коммунистам, всему народу, — что социалистическая Албания сильна как внутри, так и за ее пределами. За рубежом у нашей страны многочисленные и верные друзья. Этими друзьями являются не только революционеры и прогрессивные люди, но и такие люди, которые, несмотря на то, что несогласны с нашим общественно-экономическим строем, относятся с уважением к политике социалистической Албании и восхищаются смелостью нашего государства.

ЧЕТВЕРГ
14 ОКТЯБРЯ 1976 г.

ЧТОБЫ УВАЖЕНИЕ БЫЛО ВЗАИМНЫМ

Вчера товарищ Нести [Насе] сообщил мне, что новый китайский посол выразил свое желание прийти ко мне домой 16 октября, чтобы поздравить меня с днем рождения и, по этому случаю, преподнести мне корзину цветов.

Мне думается, что в эти смутные моменты и после такого пренебрежения, которое выказали в отношении нашего Центрального Комитета китайское руководство и сам Мао Цзэдун, которые не отвечали ни на одно из наших посланий, а также на приглашение, которое наш Центральный Комитет прислал Коммунистической партии Китая направить делегацию на съезд нашей партии, а лишь прислали своего посла, который от имени внешнего отдела передал нам приветствия Центрального Комитета своей партии, нам надо беречь авторитет нашей партии. Мы должны дать ясно понять китайцам, что наши взаимоотношения должны быть корректными и основываться на полном равенстве.

ПОНЕДЕЛЬНИК
18 ОКТЯБРЯ 1976 г.

КИТАЙЦЫ МЕШАЮТ НАШЕМУ ИМПОРТУ

Товарищ Бехар почти две недели тому назад встретился с министром внешней торговли Китая, Ли Цяном, и спросил его о причинах того, **почему наш импорт из Китая на 1975 год недовыполнен на 40 миллионов юаней, между тем как наш экспорт этого же года полностью выполнен.** Бехар отметил ему, что Китай чинит нам много препятствий и трудностей в выполнении нашего пятилетнего плана, и что переговоры о торговле на 1976 год даже не начались, — и фактически в нынешнем году между Албанией и Китаем не ведется торговли. Бехар подчеркнул, что такое положение неправильно и что в этих условиях мы не можем обеспечить экспорт.

Ли Цян выслушал его и сказал ему: „Я не в курсе (фактически он лгал), но осведомлюсь и вызову вас“.

Прошло две недели, и Бехара вызвал заместитель министра внешней торговли, который от имени Ли Цяна сказал ему:

„Мы ошиблись, мы в долгу перед вами, поэтому мы будем активизировать торговлю и предприятия и постараемся до конца года поставить вам товары, за исключением некоторых машин, таких как тракторы и т.д. Это было вызвано, — сказал он ему, — нашей ошибочной линией. Что касается товаров, законтрактованных на 1976 год, то мы их поставим к ноябрю или декабрю месяцу в случае, если мы наладим свой план“ и, с целью засахарить сказанное, добавил ему, что „переговоры проведем сначала с вами“. Вот и все, что сказал Бехару заместитель министра внешней торговли Китая. Все это вздор и ложь.

Ли Цян является одним из главных врагов Народной Республики Албании. То, что делают китайцы против нас, есть саботаж, экономическая блокада. Этим саботажническим актом они открыто поддерживают заговор Бекира Балуку, Абдюля Кэлэзи, Кочо Теодоси и Кичо Нгьели. Они делали это в порядке давления на нас, в целях обеднения нашего рынка и замедления темпов производства, делали с целью вызвать в народе недовольство нашей партией и нашей властью. Однако эти саботажники и заговорщики не добились и не добьются своей цели. Товары нашего экспорта таковы, что их закупает любой, поэтому **Китай не может блокировать нас, как не смогли блокировать ни Советский Союз, ни остальные ревизионисты и капиталистические государства.** Мы хотим торговать с Китаем и постараемся торговать с ним, но в условиях равенства, а не так, как поступают китайские ревизионисты.

ПЯТНИЦА
22 ОКТЯБРЯ 1976 г.

ВОР КРИЧИТ: „ДЕРЖИТЕ ВОРА!“

Хуа Го-фэн прибрал к рукам бразды правления партии; он назначен и председателем партии, и председателем Военной Комиссии при Центральном Комитете. Об этом назначении сообщили Бехару. На днях, наверняка, эти акты будут подтверждены постановлениями Центрального Комитета.

Хуа Го-фэн пришел к власти посредством заранее подготовленного военного путча. Чжоу Энь-лай был зодчим заговора. Убрав Линь Бяо сообща с Мао и при его помощи, он не только работал над „умиротворением“ положения, но и изменил политику Китая. Мао служил знаменем, а Чжоу, во главе реакции, организовал все, что надо было, с тем чтобы эту политику защищали и левые. Чжоу готовил все это еще при жизни Мао, чтобы после смерти его прибрать к рукам все ключевые позиции, особенно армию и безопасность. Этого он добился еще при жизни Мао. Левые шумели при помощи радио и прессы, а Чжоу давал им болтать. Он, с согласия Мао, реабилитировал Дэн Сяо-пина, своего старого друга. Чжоу знал, что он сам скоро умрет, и наверняка посоветовал своим сообщникам быть осмотрительными при жизни Мао, и, как только тот умрет, захватить власть.

Чжоу умер еще при жизни Мао. Нормально, премьер-министром должен был стать Дэн, но его не приняли левые. Тогда „великий рулевой“ оказался перед дилеммой. Что ему было делать? Он вызвал Хуа Го-фэна — начальника безопасности, как и других участников заговора, подготовленного правыми, с Чжоу во главе. А когда Мао умер, Хуа Го-фэн нажал на кнопку заговора и совершил путч. Фашистскими методами он

ликвидировал главных из левого крыла. Хуа Го-фэн и заговорщики крикнули: „Мы подавили заговорщиков, Мафию Шанхая“, они забрали в руки также микрофон, радио и прессу и развернули широковещательную кампанию. Вот и все. Вор кричит: „Держите вора!“.

Заговор Бекира Балуку и Абдюля Кэлэзи был приноровлен к китайскому заговору. Чжоу готовился к тому, чтобы одновременно с изменениями в Китае изменилась ситуация и в Албании, с тем чтобы облегчить осуществление своих планов в отношении рабочего и коммунистического движения, как и планов, связанных с нашими и международными отношениями. Однако наша партия раскрыла и ликвидировала путч Бекира Балуку и Абдюля Кэлэзи.

СУББОТА
23 ОКТЯБРЯ 1976 г.

ПО ВСЕЙ ВИДИМОСТИ, ТАК ПРОИЗОШЛО С „ЧЕТВЕРКОЙ“

Внимательно прочтя информацию об одном циркуляре ЦК КП Китая, по-моему, можно заключить, что **все утверждения китайцев есть вздор и ложь.**

В этом циркуляре указывается, что в октябре 1974 года Ван Хун-вэнь, пошел, мол, к Мао Цзэдуну и „обвинил“, мол, Чжоу Энь-лая. По-моему, Ван Хун-вэнь поступил очень хорошо, и это допускается партийными нормами.

Любой член Центрального Комитета и даже любой член партии имеет полное право идти к председателю или первому секретарю ЦК партии и высказать ему свое мнение о каком-либо члене руководства или о любом коммунисте, какой бы пост он ни занимал. Это соответствует партийным правилам. В повседневной практике многие люди, партийные или беспартийные, обращаются к Центральному Комитету, председателю или первому секретарю Центрального Комитета с письмами, подписанными или даже анонимными, информируя его о деятельности провинившихся людей.

Итак, член партийного руководства, каким был Ван Хун-вэнь, пошел к председателю Центрального Комитета с целью критиковать действия одного из членов Политбюро; его поступок нельзя считать преступлением и тем более заговором, наоборот, это нормально. Только те, которым хочется, чтобы их порочная деятельность или допущенные ими ошибки не стали известны руководству, могут думать иначе и расценивать это по-иному. Особенно в случае с Мао Цзэдуном, который сидел замкнутым в своем кабинете и ждал, пока другие придут и выскажут ему свое мнение, будь это

коллективное или отдельное, индивидуальное, о работе и людях, Ван Хун-вэнь поступил совершенно нормально. **Поэтому, возведенное на Ван Хун-вэня обвинение беспочвенно и предосудительно. Нам ясно, что это злоумышленно делается теми, кто выдумал его.**

Как заместитель председателя Центрального Комитета, Ван Хун-вэнь, как я уже сказал, имел полное право обращаться к Мао Цзэдуну, как к председателю Центрального Комитета партии, и высказать ему свое мнение об одном из членов Центрального Комитета. Однако нынешние китайские руководители тяжко обвиняют Вана, считая его „заговорщиком". Зная, кто был Чжоу Энь-лай и какую деятельность он развертывал, я думаю, что Ван Хун-вэнь очень хорошо поступил, что пошел к Мао Цзэдуну и высказал ему свое мнение о Чжоу. **От этого нам становится ясно, что те, кто ныне обвиняется Хуа Го-фэном и его компанией, придерживались одной и той же, причем правильной, точки зрения относительно Чжоу Энь-лая, его деяний, его преступлений и его интриг.**

В информации из Пекина ничего не указывается, но вполне возможно, что Ван Хун-вэнь пошел к Мао с целью критиковать Чжоу Энь-лая, предварительно проконсультировавшись с остальными товарищами, чтобы изложить ему общие для них точки зрения о нем.

Нам ясно, что Ван Хун-вэнь, по всей видимости, не ограничился только этим. Свое мнение относительно действий, совершенных Чжоу Энь-лаем не на правильном, не на марксистско-ленинском пути, он излагал и официально. **Тот факт, что эту проблему, как указывается в уже известном нам циркуляре, он открыто поставил и на X пленуме Законодательного Собрания, подтверждает, что ни Ван Хун-вэнь, ни его товарищи, которые ныне там подвергаются гонениям, отнюдь не поступали как „заговорщики", наоборот, как таковые поступали те, которые пришли к власти.**

Левые элементы, по нашему мнению, правильно прореагировали, но контрреволюционерам было не по нутру вмешательство Ван Хун-вэня, поэтому они противодействовали. Мао, оказывается, не принял предложения и обвинения левых

элементов; более того, судя по тому, что говорится в циркуляре, он упрекнул Ван Хун-вэня за его предложения, которые он отверг.

Это свидетельствует о том, что Мао Цзэдун, сообща с Чжоу Энь-лаем и его группой, поддерживал правых реакционных ревизионистских элементов, засевших в партийных и государственных аппаратах или реабилитированных ими, таких как Дэн Сяо-пин. Возражения Ван Хун-вэня, Яо Вэнь-юаня, Цзян Цин и Чжан Чунь-цяо, как явствует и из анализа циркуляра, были вполне законными.

В одной информации из китайского источника говорится, что Цзян Цин уже давно возражала Чжоу Энь-лаю против его ревизионистской и капитулянтской деятельности. Более того, она информировала и Мао о своих взглядах относительно Чжоу Энь-лая, и это было правильно. А теперь, согласно доведенному до нашего сведения циркуляру, получается, что Мао Цзэдун критиковал Цзян Цин за „властолюбие“, за то, что она морочила ему голову, преподнося „мелочные вопросы“, а не великие проблемы. **Из этого можно вынести вывод, что любая критика, с которой другие выступали против Чжоу Энь-лая, была неприемлема для Мао Цзэдуна. Мао защищал ревизиониста Чжоу Энь-лая.**

Возникает вопрос: Где тут заговор? Неужели некоторые члены Политбюро не имеют права взять и открыто высказать в Центральном Комитете мысль, внести предложение или даже критиковать какого-либо лица, вроде Чжоу Энь-лая, или любого другого члена руководства? Основываясь на партийных нормах, мы не видим здесь никаких нарушений; наоборот, мы замечаем догматизм и немарксистскую авторитарность со стороны самого Мао, который критикует за „догматизм“ этих смелых людей. Заговорщики используют в качестве своего оружия слова Мао о том, что их противники являются „догматиками“, **но таким является сам Мао Цзэдун, который заставлял своих товарищей поступать только так, как говорил и решал он.**

Позже, 3 февраля, — говорится в циркуляре, — Чжан Чунь-цяо выступил со статьей, в которой яростно возражал против личного предложения Мао. Что это за предложение и о чем в нем идет речь, нам это не ясно; однако, по мнению путчистов, и в этом случае опять-таки надо было заткнуть рот тому, кто осмеливался критиковать, ибо относительно вопросов, которые решались Мао, не надо было критиковать. Может быть, здесь намекают на выдвижение в руководство Дэн Сяо-пина или какого-либо другого, который в циркуляре не упоминается. Вполне возможно, что именно с целью критиковать это предложение, Чжан Чунь-цяо опубликовал указанную статью, которая, естественно, не была основана на мыслях Мао. В последнем циркуляре Центрального Комитета Коммунистической партии Китая опубликование этой статьи считается преступлением, так как она содержит возражения против Мао.

Это возражение, быть может, было связано и с назначением Хуа Го-фэна на задуманные Мао посты — заместителя председателя партии и премьера Госсовета. Это значит, что все четыре осужденных товарища из руководства не приняли предложения Мао Цзэдуна о назначении Хуа Го-фэна на доверенные ему посты, и, может быть, в связи с этим они публично высказали свои взгляды в этой статье. Это путчисты также считают „заговором“, что, конечно, неприемлемо, ибо заговор устраивается не так.

Посол Китая в одном западном государстве, рассказав нашему послу о „заговоре четырех“, информируя его якобы конфиденциально, сказал: **„Говорю тебе по секрету, что Чжан Чунь-цяо является агентом гоминьдана, и что Мао Цзэдун давно знал, что за зловредные люди были эти четыре заговорщика, но он сам дал им приехать в Пекин и дал свое согласие на назначение их в Центральный Комитет и даже в Политбюро“.** Какие гадости измышляют об этих четырех! Но в то же время до чего они простофили!! Не понимают ли они, что таким образом они изобличают самого Мао? Или же они, будучи ревизионистами и реакционерами, делают это с целью „развенчать“ Мао за все то, что они терпели в силу его коле-

баний, как и в своих ультраревизионистских и реакционных целях на будущее? Попробуй-ка раскусить эту китайщину!

Ревизионисты-путчисты дошли до того, что Цзян Цин обозвали „уличной женщиной“ и распространяют о ней брошюры, в которых выражаются до того гнусными словами, что обзывают ее „распутницей“. Возникает вопрос: Каким образом эта „распутница“ могла оставаться женой Мао Цзэдуна в течение целых 33 лет, иметь от него детей, быть избранной членом Центрального Комитета и Политбюро ЦК Коммунистической партии Китая? Где были эти „храбрецы“, которые ныне измышляют подобные чудовищные вещи, которых не найти даже в самой отвратительной порнографической литературе Запада? Само собой разумеется, что эти люди сами являются агентами империализма, и через Цзян Цин стараются дискредитировать лично Мао, якобы сохраняя его флаг, конечно, до тех пор, пока они не вывернутся из беды. И то немногое хорошее, которое Мао сделал для Китая, ревизионисты-путчисты подобными действиями обливают грязью.

Ниже в циркуляре путчисты продолжают возводить общие обвинения в адрес революционных элементов, **так как последние пытались расстроить заговорщицкие планы ревизионистского крыла во главе с Чжоу Энь-лаем, Дэн Сяо-пином, Хуа Го-фэном и др.** Эти нескончаемые клеветнические обвинения касаются пустяков, мелочей. Они, по-моему, включены в циркуляр путчистами во главе с Хуа Го-фэном потому, что у них не было другого обвинения, посредством которого можно было квалифицировать как „заговорщиков“ товарищей из левого крыла. **Все их действия, борьба, которую они вели против реакции, нарушали покой ревизионистам, которых поддерживал Мао.** Ревизионисты уже создали мощную базу в партии и государстве. Они держали в своих руках ключи и повсюду сажали своих людей. Они не хотели, чтобы другие мешали им в этом благоприятном положении, которое они создали себе. Однако им нарушали покой „левые“ статьями и другими формами, в том числе и рядом критических выступлений. Все это ревизионисты окрашивали в цвет „заговора“. В ревизионистском заговоре, который сами уже давно составили, они пыта-

ются винить тех товарищей, которых они называют радикалами, но которые, насколько нам известно и как нам кажется, стояли на более правильных позициях, несмотря на ошибки и недостатки, которые у них могут быть.

Я убежден, что Чжоу Энь-лаю, при поддержке Мао, удалось собрать вокруг себя всех ревизионистов и реакцию, одним словом, всех сторонников предателя Лю Шао-ци. Он по очереди и постепенно выдвигал всех их в партийные, государственные, армейские и др. аппараты. Добившись этой цели, Чжоу Энь-лай принялся за устранение одного за другим всех своих противников, поэтому, сначала он состряпал дело Линь Бяо, который был его главным противником. Его он ликвидировал с помощью ловушки. После него он взялся за ликвидацию выявленных Культурной революцией остальных противников, с Кан Шэном и другими во главе. Но Кан Шэн заболел и умер, тогда как ликвидации Линь Бяо предшествовала ликвидация Чэнь Бо-да.

Остались теперь эти четыре — Ван Хун-вэнь, Яо Вэнь-юань, Цзян Цин и Чжан Чунь-цяо, которых Чжоу Энь-лаю было трудно ликвидировать. **Но, будучи крупным ревизионистским организатором и заговорщиком, при поддержке Мао, Чжоу Энь-лай смог реабилитировать и снова привести к руководству Дэн Сяо-пина, которого он усиленно готовил в качестве своего заместителя.** „Четверка“, видимо, сразу же возразила против реабилитации ревизиониста Дэн Сяо-пина, но выдвижение его, по всей видимости, было навязано ей Мао. **Я убежден, что все четверо они были против прихода Дэн Сяо-пина в партийное и государственное руководство. Им, по всей вероятности, Мао говорил, что надо делать так, как предлагает Чжоу с компанией.**

Мне думается, что Чжоу наставил своим сообщникам не действовать при жизни Мао. Однако после смерти Чжоу выступили эти четыре, так что благодаря их сопротивлению Дэн не мог быть назначен на место Чжоу в качестве премьера Госсовета. Возникла, таким образом, необходимость дальнейшего развития Культурной революции. Но Мао, в силу имевшихся у него противоречий с этими четырьмя товарищами, вызвал

Хуа Го-фэна, которого он сделал заместителем председателя партии, а также и главой правительства. Мао прекрасно знал, что Хуа Го-фэн был сторонником Чжоу Энь-лая. Это хорошо знали так же и Ван Хун-вэнь, Чжан Чунь-цяо, Цзян Цин и Яо Вэнь-юань, поэтому они, по-видимому, возражали против прихода Хуа Го-фэна в руководство; однако его назначение на посты заместителя председателя партии и премьера Госсовета навязал им Мао.

После смерти Мао „четверка", по всей видимости, снова возразила против прихода Хуа Го-фэна во главе партии и государства, а это возражение было расценено ревизионистами как „заговор". Обвинив этих четырех в том, что они „боролись против партии, возражали Мао Цзэдуну, а также против принятого им самим решения передать Хуа Го-фэну бразды правления", они арестовали их, не собрав ни Центрального Комитета, ни Политбюро и т.д. и т.п. По-моему, такова действительность, иначе нельзя понимать имевшие место события.

Прочтя поступившую к нам информацию, можно ясно представить себе, какие клеветнические измышления и ложные обвинения возведены на этих четырех товарищей. Ревизионистские предатели обвиняют их в том, что „они десятки раз беседовали с иностранцами, поддерживали связи с ними", не упоминая по имени, кто это они. Они забывают, что, начиная с самого Мао и Чжоу Энь-лая, все участники ревизионистской группы невесть сколько раз встречались и целыми днями и ночами беседовали с такими иностранцами, как Киссинджеры и Никсоны, с чертом и с кем еще угодно. И, для того чтобы их не обвиняли в этих известных всему миру встречах, ревизионисты обвиняют „четверку" в том, что она, мол, беседовала с иностранцами! Этим они хотят сказать, что эти четыре „были агентами иностранцев". Так они расценивают встречу Цзян Цин с одной американской журналисткой или писательницей, которая пишет о ней.

Ревизионисты обращаются с этими четырьмя так, как обращались и с Линь Бяо, называют их „агентами", но чьи они агенты — этого они не говорят. Наверняка они скажут это завтра, и в этом отношении уже появляются признаки того,

что их обвиняют в том, будто они были „агентами советских“, в чем они обвинили и Линь Бяо. Тот же китайский посол, которого я упомнил немного выше, кроме вышесказанного, говорил нашему послу еще, что **„пока что мы не можем сказать, что эти четыре являются агентами советских, но никто не может заверить нас в обратном, так что завтра мы можем раскрыть, что они являются их людьми“.** Подделав документы, китайские ревизионисты наверняка скажут и это.

С другой стороны, этот же китайский посол проинформировал нашего посла о том, что „Запад считает четырех заговорщиков левыми радикалами, но это не так“, ибо, по его словам, **„они являются правыми крайними, прикрывающимися личиной левых радикалов“.** Конечно, они не могут сказать, что эти четыре являются агентами американцев, ибо у них самих дело с империалистами янки на мази.

Можно догадаться, что путчисты во главе с Чжоу Эньлаем стояли против Культурной революции. Они даже нападают на эту революцию, изобличившую штабы реакции внутри партии, когда утверждают, что Мао раскритиковал Цзян Цин и остальных троих за то, что „в ходе Культурной революции они надевали колпак некоторым руководителям“ и т.д. и т.п. Этим они хотят сказать, что Культурной революцией и т.д. и т.п. революционеры обрушивались на партию, и обвиняют их в том, что „они совершали преступления“ тем, что „надевали колпак“ контрреволюционерам, что они „свергали кого им удавалось“ и т.д. и т.п.

По всей вероятности, сразу после смерти Мао, четыре обвиняемых подняли вопрос о том, кто будет избран в новое руководство. Однако, для путчистов Хуа Го-фэна это является „интригой“, „заговором“. Но почему же это является интригой или заговором, если они еще при жизни Мао выступили против избрания Хуа Го-фэна главным руководителем?

Обвинения путчистов являются настолько банальными, что в целях убеждения других их авторы придираются к пустякам. Вот что они пишут в своем циркуляре: **В апреле 1976 года Мао отмечал, что „надо следовать курсу прошлого“, между тем как эти четыре „искажали“ его слова, прибегая к**

формуле „действовать по определенному курсу“. А в чем здесь разница? Трудно отличать ее, однако, если глубже вдуматься, то получается, что и слова Мао „следовать курсу прошлого“ с умыслом упоминаются ревизионистами. Надо полагать, что под старым курсом подразумевается линия, которой придерживались во всех направлениях Мао, Чжоу Энь-лай и Дэн Сяо-пин с компанией. По их мнению, „лучшими людьми являются вновь пришедшие к власти и к руководству партии, а не те, которые были выдвинуты Культурной революцией“. **Эта революция для путчистов кончилась, поэтому они призывают „обращаться к старому курсу, не восставать против тех, которые были реабилитированы, ибо они самые лучшие“.**

Значит, постановку со стороны „левых“ вопроса об избрании нового руководства ренегаты считают „преступлением“. Этим объясняется и использование ими высказывания Мао „Объединяйтесь и не раскалывайтесь… не устраивайте заговоров и не интригуйте!“. Все эти высказывания Мао путчисты используют для защиты этого курса, и обвиняют „четверку“ в том, будто она искажала слова Мао. На деле, Мао выдвинул этот лозунг еще в период Культурной революции, тогда как нынешние путчисты пытаются доказать, будто он выдвинул его теперь и специально против этих четырех. Налицо хитросплетение путчистов, стремящихся ввести в заблуждение широкие партийные и народные массы, поскольку они норовят убедить людей в том, будто Мао говорил это теперь. Во всяком случае, независимо от того, когда Мао выдвинул этот лозунг, теперь или в ходе Культурной революции, из него не как следует проступает революционный и классовый дух.

„Не устраивай заговор“, — говорит Мао, но на самом деле кто же устраивает заговоры? Если подвергнуть анализу деятельность этих четырех, то получается, что они не устраивали заговор. Это Лю Шао-ци, Чжоу Энь-лай, Дэн Сяо-пин, Пэн Чжэнь и др. хотели совершенно изменить социальный строй в Китае, причем пытались добиться такого изменения. Некоторые из них были отстранены в ходе Культурной революции, однако они снова пришли к власти, поэтому их надо было изо-

бличить, с ними надо было вести борьбу за контрреволюционную деятельность, которую они развертывали. Но кто должен был вести с ними борьбу? Конечно, революционные элементы, руководимые марксистско-ленинской партией. **Однако стоявшие у власти люди в Китае, такие как Чжоу Энь-лай с компанией, которых волна Культурной революции не смогла смыть и которым хотелось удержать и увековечить эту власть, обвиняют левых элементов в „заговоре". Путчисты прибегают к этому слову в целях самозащиты. Ныне они все пришли к власти и обвиняют четырех товарищей в нарушений директив Мао.**

Этих четырех товарищей обвиняют также в том, что они написали статью против ревизионизма, в которой содержится призыв действовать „согласно намеченному председателем Мао курсу". Эта статья считается антипартийной вылазкой против Центрального Комитета. Очень хорошо поступили эти четыре товарища, что выступили против Центрального Комитета, если он стоял на ревизионистском пути. В статье, при постановке вопроса о борьбе против прагматизма, говорится и против ревизионизма. Известно, что прагматизм представлялся Чжоу Энь-лаем, был методом его деятельности. Проведение прагматизма с его стороны означает деятельность, направленную против марксизма-ленинизма.

В беседе, которую имел с нашими товарищами, когда они были в Пекине, Мао Цзэдун говорил им: **„Если ревизионистам когда-либо удастся узурпировать руководство в Китае, то марксисты-ленинцы других стран должны также решительно изобличать этих ревизионистов и вести против них борьбу, они должны помочь рабочему классу и народным массам Китая бороться против ревизионизма".**

Чжан Чунь-цяо обвиняют в том, что он устроил совещание с армейскими комиссарами и др., в котором он отметил в качестве вопроса первостепенной важности борьбу с прагматизмом, причем отстаивал эту мысль на указанном совещании. Нам ничего не известно, как он это сделал, но, по-видимому, он отмечал, что мы, марксисты, отстаивать то марксистско-ленинскую теорию должны, но в то же время должны и

осуществлять ее на практике, и это нам надо делать не отрицанием ее положений. По словам путчистов, „Чжан Чунь-цяо и другие попрали марксизм-ленинизм“. И это есть другое ложное обвинение, которое возводится на них.

Мао говорил, что „при защите марксизма надо идти и против течения“. Фактически, Ван Хун-вэнь, Чжан Чунь-цяо, Цзян Цин и Яо Вэнь-юань, несмотря на сильное противодействие ревизионистов, боролись против ревизионизма. Это они сокрушали ревизионистов в рядах партии, а путчисты обвиняют их в „измене Мао, Центральному Комитету, революции“ и т.д.

Участники „четверки“, по словам ревизионистов, „искажали стратегию Мао в борьбе против Линь Бяо и Конфуция“. Ну а что это за стратегия Мао? Этого ревизионисты не говорят. Если эти четыре товарища „искажали эту стратегию“, то где же были их обвинители с Мао во главе? Почему они не подняли вовремя этого вопроса? Раз дело так, то почему они не созвали заседание руководства, чтобы убрать тех, кто „искажал“? Поскольку они убрали Линь Бяо и Чэнь Бо-да, не могли ли они убрать и тех? Почему же они не выступили еще тогда против Цзян Цин? Но этого они не могли делать, так как в период Культурной революции они были, с позволения сказать, обос…

Чего только не наговаривают путчисты на Цзян Цин. Ревизионисты измышляют, будто Мао в такое-то и в такое-то время говорил ей, что **„ты властолюбивая, ты стремишься захватить власть, ты такая, ты сякая, ты отстаиваешь меньшинство, вы составляйте четверку“** и т.д. и т.п. Однако эти вопросы, по их словам, стали известны несколько лет назад, и Мао, как говорится в циркуляре, изложил их и на заседании. Поскольку дело обстоит так, то странно почему не прижали еще тогда Цзян Цин, а также трех остальных? „Вот видишь, у тебя есть ошибки“, якобы говорил Мао Цзян Цин, „но товарищи тебе не ставят их на вид. Ты занимаешься мелочами, которыми тревожишь меня, и не говоришь мне о серьезных делах“. Вопросы, выдвигавшиеся Цзян Цин, озадачивали Мао.

По словам путчистов, „четверка“ „совершала преступления еще во время изобличения Линь Бяо, пустив три стрелы.

Первая стрела была направлена против Линь Бяо, вторая — против Конфуция и третья против лицеприятий“, или против „входа через задний ход“. А это что значит? **Почему они только теперь ставят вопрос о борьбе против лицеприятий? Почему это беспокоит их? Кто же допускал лицеприятия? Наверняка те, у которых была власть в руках, начиная, в первую очередь, с Чжоу Энь-лая и вплоть до Дэн Сяо-пина, которые сбили вокруг себя в ключевых местах своих людей и допускали лицеприятия политического, экономического и другого характера.** Смотрите, какие обвинения возводят ревизионисты! Они обвиняют других потому, что они сами нечисты. Стрела, которую они приписывают „четверке“ относительно Мао, Чжоу и его сообщников, специально выдумана с целью ослабить две первые стрелы, стрелы против Линь Бяо и Конфуция. Вот в какие софистические суждения пускаются путчисты.

И в этом случае повторяется та же тактика. О Линь Бяо ревизионисты говорили, что „он хотел занять место Мао“. И о Цзян Цин говорят, что „она попыталась, подобно Линю, прибрать к рукам руководство партии“. Эти обвинения путчисты сформулировали так, что, прочтя их, даже не углубляясь во все эти измышления, человек может сказать: „Ну и ну! А ведь эти четыре, оказывается, были воистину крупными преступниками!“. Стоит, однако, углубиться хоть немного, и само собой возникает вопрос: Раз Цзян Цин была столь зловредной, и Мао неоднократно так резко критиковал ее, то почему ее не исключили, по крайней мере, из руководства? Цзян Цин, несомненно, информировала Мао о вопиющих закулисных мошенничествах ревизионистов, делала ему замечания со своей стороны, **но Мао с вершины Олимпа не допускал посягательств на свои „непогрешимые“ мысли.**

На Ван Хун-вэня возводятся те же обвинения, что и на Линь Бяо — будто „он хотел занять место Мао, подобно Цзян Цин, которая стремилась прибрать к рукам руководство партии“.

Все это показывает, что правые, при поддержке самого Мао, долгое время боролись за то, чтобы любой ценой удержать власть.

Четырех „левых“ обвиняют в том, что они „включились в борьбу против эмпиризма“ (понятно, против Чжоу Энь-лая) и якобы „они не боролись против ревизионизма“. Это тоже измышление. Эмпиристы в Китае являются в то же время и ревизионистами, и это — Чжоу Энь-лай, Дэн Сяо-пин, Хуа Го-фэн и другие. Понятно, что своей борьбой против эмпиризма, левые наступали на мозоль вышеупомянутым ревизионистам.

Ревизионисты отмечают в циркуляре также высказывание, согласно которому „Мао требует дисциплины и повиновения“, и это высказывание, по мнению правых, при нынешних условиях непререкаемо и подлежит исполнению.

Их вывод таков, что „четверка“ и ее последователи представляют собой „буржуазию в партии“, как, по словам путчистов, говорил Мао Цзэдун, тогда как они сами с Хуа Гофэном во главе являются „марксистами-ленинцами“.

К чему говорить о том, что они в своем циркуляре ни одного слова не говорят, ни малейшего обвинения не возводят на Дэн Сяо-пина. Сей раз его совсем не упоминают.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
28 НОЯБРЯ 1976 г.

ГРЫЗНЯ ЗА ВЛАСТЬ

Нет никакого сомнения в том, что в Китае, после смерти Мао, ситуация осталась хаотичной, и партия, вооруженная эклектической теорией, переживает состояние раскола.

Известно, что при жизни Мао правая группа Чжоу Энь-лая преобладала. Мао, как „рулевой“, руководил через „центристов“, сдерживая и правых, и левых, которые противостояли друг другу с „обнаженными мечами“.

В группе Чжоу вторым был Дэн Сяо-пин, который должен был занять его место. С этим Мао был согласен, но зато возражали левые. Как только умер Чжоу, Мао оказался на распутье. Он не мог навязать свою волю левым, так что они приступили к разоблачению Дэна еще при жизни Мао. Мао удалось сохранить Дэна в партии, однако правые находились под угрозой. Тогда Мао-балансир вынул из середины центриста Хуа Го-фэна, которого назначил зампремьером и первым заместителем председателя партии. Левые не одобрили и этого решения Мао. В этот период, который длился около года, центристы вступили в союз с правыми и решили назначить Хуа Го-фэна после смерти Мао председателем Коммунистической партии Китая, причем еще до его смерти назначить его премьер-министром и главнокомандующим армией. И так и было сделано. Как только умер Мао, Хуа Го-фэн и армия арестовали левых лидеров и, не созвав ни Политбюро, ни Центрального Комитета, Хуа Го-фэн присвоил себе звания.

Однако для правых и для последователей Чжоу Энь-лая и Дэн Сяо-пина Хуа Го-фэн был главой лишь временно, до тех пор пока не будет произведен путч и не будет изобличена „чет-

верка“, затем он должен был уступить место какому-нибудь другому, более сильному, какому-либо правому деятелю, которого одобрял и Мао, и Чжоу. Таким деятелем был Дэн Сяо-пин.

Хуа Го-фэн сделал первые шаги, утверждая, что он „был назначен Мао“. Ему становилось все приятнее от места и званий. С банальным и клеветническим „изобличением“ „четырех“ Хуа подумал, что закрепил свои позиции, но это, несомненно, не так. Правые ратуют за Дэна. Хуа тоже ратует за Дэна, но наверно ему хочется, чтобы Дэн выступил с какой-то самокритикой, прежде чем быть реабилитирован, а затем дать ему пост, но не пост председателя партии. Однако Дэн и его сторонники несогласны с этим, поэтому блокировали Хуа Го-фэна. Последний нелегально стоит у руля правления и не может созвать даже пленума Центрального Комитета, ибо там имеются левые, имеются центристы, имеются и правые, и люди прочих мастей. В таких условиях Дэн напирает на Хуа, а Хуа — на Дэна. Хуа продолжает „критиковать“ (увы, это совершенно беззубая критика) некоторые правые ошибки Дэна, покуда не добьется того, чтобы последний поступал так, как угодно Хуа. Однако Дэн — „упрям“, он хочет всю власть и ничуть не меньше. В этом источник конфликта.

Хуа Го-фэн борется за то, чтобы удержать власть с поддерживающей его частью военных, с которыми и маневрирует. Он собрал Постоянный Комитет Всекитайского собрания народных представителей, в котором единственным поставленным Хуа вопросом было назначение жены Чжоу Энь-лая заместителем председателя ВСНП. Эту кандидатуру Хуа выдвинул под тем предлогом, будто год назад „Мао сказал ему, что жену Чжоу надо назначить на это место“. Говорят, что жена Чжоу — это сестра Дэн Сяо-пина. Этим приемом Хуа хочет показать народу и правым, что он „пользовался доверием Мао“, что Мао наказал ему „ликвидировать левых, что Мао сказал ему: „Раз ты у руля правления, я умираю спокойно“, что Мао сказал ему: „Назначь жену Чжоу на этот высокий пост“. Этим последним актом Хуа Го-фэн старается располо-

жить к себе часть правой группы, последователей Чжоу Энь-лая.

Другими словами, в Китае борьба за власть не только не кончилась, но только что начинается. Тут решающую роль будет играть армия, и от этой роли зависит, будет ли власть в руках Хуа Го-фэна, Дэн Сяо-пина, или же в руках какого-нибудь другого правого, сильного, как Дэн.

При этом Коммунистическая партия Китая не играет никакой роли или играет формальную роль, т.е. лишь одобряет на своих формальных собраниях то, что наверху решено путчистами. У Коммунистической партии Китая, по-видимому, одно только название и внешность. Она выступила в мире и в коммунистическом движении как партия „с революционной, марксистско-ленинской линией, со структурой партии ленинского типа“. Однако факты показали, что она не такой была. Китайский народ сражался, коммунисты-революционеры с Мао и другими сражались, однако это была национально-освободительная борьба, которая не закрепила ни партию в соответствии с марксистско-ленинскими нормами, ни власть в форме диктатуры пролетариата. Алжирцы тоже сражались как националисты, однако они убрали своих врагов, а китайские коммунисты — нет. И поэтому они страдают.

ЧЕТВЕРГ
2 ДЕКАБРЯ 1976 г.

РАССЕЯННАЯ ПАРТИЯ

Дело Коммунистической партии Китая можно считать чем-то таинственным. С виду она кажется легальной партией, и такой она является. Она — партия у власти, у нее своя политика, своя печать и свое организационное строительство. Говорили, что эта партия во всем руководствовалась марксизмом-ленинизмом, а теперь к этому прибавилась еще и „маоцзэдунъидея“. И тем не менее, Коммунистическая партия Китая это партия, которая существует и действует как в подполье. Ее съезды проводились редко, заседания Центрального Комитета и Политбюро проводились также редко и в глубочайшей тайне, как в военное время. Только VIII съезд проходил открыто, были приглашены делегации из братских партий, была разрешена раздача докладов. И последний съезд, на котором выступили Чжоу Энь-лай и Ван Хун-вэнь, проходил полуоткрыто, но ни одна из братских партий не была приглашена. Все остальное остается в потемках. Только „Жэньминь жибао“ помещает длинные пропагандистские статьи, которые навряд ли кто-либо читает, ибо они изобилуют формулами, цитатами, одними и теми же словесами, сказанными Мао Цзэдуном еще до освобождения. Трудно, очень трудно узнать, был ли проведен какой-нибудь пленум, кто там выступал, какие он рассматривал проблемы и какие решения были приняты им. Никогда и ничего не слышно, кроме некоторых общих указаний, которые также неизвестно кем сформулированы. Говорят о сельском хозяйстве, о Дачжае, связывается все это с какой-нибудь цитатой Мао, и ведется пропаганда!

Наше впечатление таково, что Коммунистическая партия Китая живет словесами и действует по приказам. С нами и с другими, даже члены китайского руководства, за исключением Чжоу Энь-лая, говорят цитатами и словесами и тогда, когда речь идет о самых различных и самых сложных ситуациях. Кажется, будто им сообщен „лозунг молчания", „ничего не выдавать, старайтесь выведать". И это может быть действительно так; тут что-то кроется, т.е. или соблюдается нездоровая конспирация и в отношении товарищей и друзей, или же это такое посредственное воспитание со стороны партии, что никто ничего другого не знает, кроме формул, преподносимых прессой и радио. И то и другое верно.

Неоспоримым фактом является то, что у Коммунистической партии Китая, имеющей такого „великого" председателя и таких „выдающихся" руководителей, еще и поныне нет написанной и официально одобренной Истории партии. Нет, ее не существует! Где поколения в Китае изучают историю своей коммунистической партии с ее положительными и отрицательными сторонами? Нигде. По меньшей мере, у внешнего мира нет ничего в руках. Нет ли у них об Истории Коммунистической партии Китая какой-нибудь книги, которую они держат в тайне? Подобное невозможно. Тогда почему ее не пишут? Нет ли у них людей или же нет средств? Ни того, ни другого не может быть. Ну тогда что? **Трудно им писать историю своей партии, ибо им трудно подвергать анализу ее линию и ее борьбу. Им трудно определять и сквозь призму марксизма-ленинизма анализировать этапы, через которые она прошла, события, изменения и их причины, роль того или другого руководителя или группы и т.д.** Тем, которые должны это сделать, если напишут подобный документ, придется взять на себя ответственность за его содержание, ибо мир будет судить о них и смотреть на них, как в зеркале. Те, которые могут ее писать, не могут сделать это сквозь призму марксизма-ленинизма, ибо они не из таких, они оппортунисты, прагматисты, они десятками лет подряд участвовали во фракциях и заговорах, они отличались удивительной политической и идеологической неустойчивостью. Иначе нельзя понимать то, что

книга об истории такой коммунистической партии, которая столь богата событиями, положительными и отрицательными сторонами, такой фракционной работой, еще не вышла в свет, чтобы служить большим опытом для китайских коммунистов, для китайского народа и для других.

Это еще не все, ведь и история великой освободительной войны Китая не написана, ее и теперь не пишут. Я говорю о книге, написанной на научной основе, а не об отрывочных работах, в которых факты изображаются как легенды „витязей" средневековья и главным витязем является председатель Мао. Мы знаем, что они воевали, но почему не пишут эту богатую историю, на которой учились бы люди? По-моему, причины те же, которые я привел и в связи с историей партии.

У Коммунистической партии Китая никогда не было марксистско-ленинского стержня. Разного рода люди, которые не воспитывались ни марксистско-ленинской теорией, ни событиями, проводили конъюнктурную, „независимую" политику, как „коммунисты" в такой „коммунистической партии", у которой не было марксистско-ленинского стержня.

Такие люди приходили в руководство, становились карьеристами, боролись за захват власти и вступали в конфликты с другими группировками, которые также не руководствовались какими-либо принципами. Соперничество и грызня между фракциями назывались войнами, и, согласно китайским словесам, таких проведенных Мао Цзэдуном войн насчитывается 10 или 11. Эти 10 войн именуются и именами фракционеров, и только. Упрощенчески указывается, что эти фракционеры „выступали против линии Мао Цзэдуна", что „Мао Цзэдун ликвидировал их" и т.п. Однако Мао Цзэдун не ликвидировал фракционеров ни физически, ни идеологически, ибо он до конца проповедовал „сто школ". Относительно какой-нибудь ликвидированной им группы можно заключить, что Мао сделал это потому, что ставилась под угрозу его личная власть.

Следовательно, партия в Китае была органом некоторых людей, боровшихся за сохранение своей власти, а не партией пролетариата, тогда как власть, которую они сохраняли, была их властью, а не властью диктатуры пролетариата.

Как была организована, как работала и как воспитывалась эта партия? Это для нас тоже было и остается окутанным мраком неизвестности. Об этом нам ничего не было сказано когда-либо, никакой опыт не был передан нам, никакая поистине партийная делегация из нашей страны не была принята в Китай. Совершенно иначе поступали мы. Мы откровенно объясняли китайцам, как в организационном отношении решала наша партия политические и идеологические задачи. Они никогда этого не делали по отношению к нам. Работа в Коммунистической партии Китая, по-видимому, была очень слабой. С виду, численно она великая партия, но внутри она рассеянна, ибо рассеянными были ее руководство и ее линия.

Имевшиеся в партии бесчисленные фракционеры проводили и на местах фракционную работу. В партии одерживала верх то одна, то другая фракция. Эта игра становилась опасной. Молодые люди из рядов рабочих и других классов выдвигались, вступали в партию; они отличались энтузиазмом и революционным порывом, но работа по их воспитанию хромала. Всем вдалбливали в голову идеализацию главного руководителя, который „никогда не ошибался". Все, включая и фракционеров, втихомолку боролись под флагом Мао. Что можно сказать об уйме руководящих деятелей, старых и молодых, которые были осуждены в последние годы — о Линь Бяо, Чэнь Бо-да, Цзян Цин, Яо Вэнь-юане, Чжан Чунь-цяо и Ван Хун-вэне? О них нам говорили как о хороших людях, и, насколько мы их знали, они нам таковыми казались. Среди китайских руководителей Кан Шэн казался нам твердым революционером, серьезным товарищем с марксистско-ленинским формированием, самым пламенным интернационалистом среди знакомых нам китайских руководителей. Теперь всех их тяжко обвиняют, называя их „правыми и крайне безнравственными", кроме Кан Шэна, который умер, но который, как известно, был сторонником левых.

Что мы знаем об этих товарищах, которые, может, и допускали какую-нибудь ошибку в этом хаосе и в этом разброде идей и беспорядочных действий, имевших место в Китае? Мы мало знаем о них. Они боролись в Культурной революции,

„напали на штабы“ ревизионистов и реакции, атаковали Лю Шао-ци. Они стояли против советских ревизионистов и американского империализма. (Мы не знаем, насколько Линь Бяо стоял на стороне советских, за это ручаться мы не можем.) Они хотели довести до конца эту революцию. Мао и Чжоу Энь-лай с правыми помешали им. Каково было у этих людей марксистско-ленинское воспитание? Таково, каково было у всей партии, но, видно, они пришли к выводу, что душившие Китай цепи надо было разорвать. Не боролись ли и они за власть? Этого мы не можем сказать, однако и ручаться мы не можем.

С другими, которые во главе имели Чжоу, мы спорили по принципиальным вопросам и боролись против них, ибо мы прекрасно знали, кто они такие.

То, что произошло ныне в Китае, является ничем иным, как возобновлением упомянутой мною выше фракционной борьбы, однако эта борьба развернулась после смерти Мао, который дал правым укрепиться и прибрать к рукам бразды правления в целях ослабления революционного крыла. Мао уже не мог проводить свою политику балансирования, поэтому реакция обрушилась на левых революционных элементов и на этот раз она доведет дело до конца.

Мы стояли и стоим на стороне революции и революционеров; мы надеемся и желаем, чтобы революция в Китае впредь руководствовалась не „знаменем маоцзэдунъидеи“, а идеями Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Только так победит революция в Китае.

ПОНЕДЕЛЬНИК
6 ДЕКАБРЯ 1976 г.

НЕСТАБИЛИЗОВАННОЕ РУКОВОДСТВО

Новое китайское руководство плавает в неописуемом политическом, идеологическом и организационном хаосе. Не видно никакой стабильности, даже и в ошибочном пути, на который вступил Хуа Го-фэн. Все выдают себя и прикидываются последователями линии Мао, но это неверно. **Казалось будто немарксистсколенинская линия Мао была стабильной, но она не была да и не могла быть такой.** А почему не могла быть такой? Да потому, что Мао не придерживался марксистско-ленинской теории в политике, в идеологии и в строительстве государства диктатуры пролетариата. И это явилось результатом того, что Мао строил Коммунистическую партию Китая не как марксистско-ленинскую партию и воспитывал ее не как таковую.

Как теоретик, Мао не был марксистом. По его мнению, руководящей силой революции было крестьянство, а не пролетариат. Он никогда не считался с пролетариатом и с профсоюзами, покуда Чан Кай-ши, не нанес им сильный удар в период шанхайской контрреволюции. Позднее, вплоть до своей смерти, Мао считал так называемый третий мир „величайшей движущей силой в борьбе против империализма и социал-империализма“. Это черная нить оппортунистической, немарксистской линии Мао, проявлявшейся в словах „окружить город деревней“ и „Китай входит в третий мир“. Из антимарксистских теорий Мао вытекает антимарксистский вывод о том, что там, где капитализм уже уничтожил крестьянство и превратил крестьян в безработных или в холопов капиталистичес-

ких концернов, перспектива поднятия пролетариата на революцию закрыта.

Мао, о котором трезвонят как о „великом марксисте-ленинце“, является никем иным, как эклектиком, прагматистом, а, следовательно, оппортунистом. **Придерживаться теории „пусть расцветает сто цветов, пусть соперничает сто школ“, — такова суть самого оппортунистического прагматизма, ведущего к многопартийной системе, к подрыву руководящей роли Коммунистической партии Китая в революции и в социалистическом строительстве, то есть к реставрации капитализма.** Это не может быть тактикой или хитросплетением, как хотят представить дело некоторые, с жаром старающиеся сохранить за Мао красный цвет, утверждая, будто Мао выдвинул этот лозунг с целью узнать „где зайцы спят“ и одним выстрелом „убить всех их“. Нет, своими теориями Мао никогда не бил и не будет бить по классовым врагам. Классовая борьба, диктатура пролетариата, партия пролетариата в Китае никогда не существовали и никогда не действовали как следует, на марксистско-ленинском пути. На деле это были словеса и только словеса, ибо там существовало и продолжает существовать „сто школ“.

Мао Цзэдун говорил: „Достаточно, чтобы в Центральном Комитете десять человек понимали, что такое марксизм“. Хотя бы этого утверждения достаточно для того, чтобы увидеть пропасть и смысл „расцветания ста цветов и ста школ“. В партии, говорил Мао, „имеется три течения, то есть три группировки: левые, центристы и правые“. Этим Мао собственными устами подтверждает существование „ста школ“, которые сплочены вокруг трех групп и трех линий партии, которые китайская практика сводит к двум линиям.

В годы „большого скачка“ он утверждал, что коммунизм можно построить за 30 лет. Затем, когда эта политика провалилась, он отказался от нее и „отложил“ победу социализма на десятки тысяч лет.

Он писал также, что „каждые семь лет будет совершаться революция, к власти будут приходить правые, затем левые и так подряд в течение десяти тысяч лет“. Вся эта практи-

ковавшаяся Мао Цзэдуном теория является типично крестьянской мелкобуржуазной теорией. Ею вызван весь этот большой хаос или, вернее, при поддержке Мао Цзэдуна правые ныне захватили власть и орудуют, лгут, подавляют и дискредитируют под флагом Мао.

Мао выступал против „культа Сталина“, однако он допустил создание своего культа, принимавшего скандальный характер и внушавшего широким массам Китая почти совершенно религиозное преклонение перед Мао, как перед богом. Допущение им безудержного раздувания своего культа, достигшего апогея в ходе Культурной революции в речах и стратагемах Линь Бяо с компанией, когда дело дошло до того, что был поставлен знак равенства между марксизмом-ленинизмом и „маоцзэдунъидеей“, и было объявлено, что „маоцзэдунъидея есть марксизм-ленинизм наших дней“, не свидетельствует о скромности… (чтобы не сказать больше!). Для правых, прибравших власть к рукам, культ Мао служил большим препятствием при его жизни; но и теперь, после его смерти, „его слава“ остается и мешает им. Поэтому правые будут бороться с этим препятствием, пока они не превратят его в тень, т.е. пока они совсем не уничтожат миф о Мао. При жизни Мао не осмеливались выступать ни левые на революционном пути, ни правые на своем явно контрреволюционном пути. Теперь последние во главе с Хуа Го-фэном насилием, путчем захватили власть в партии и в государстве. Правые поставили себе на службу „центристов“ и бьют и еще сильнее будут бить по левым. „Четверку“ они арестовали, арестовали и много других главных кадров, которых мы не знаем. Остальную часть левых они будут запугивать, сокрушать, компрометировать, **и к власти придет Хуа Го-фэн или какой-нибудь другой, более жестокий, чем он, реакционер для установления фашистской диктатуры и реставрации капитализма в Китае.**

Правые в своей деятельности внутри страны будут бороться якобы под флагом Мао, пока они не создадут своего Мао. Цитаты Мао будут стоять в повестке дня, ибо они являются мыслями руководителя-оппортуниста, псевдокоммуниста,

прагматиста, мечтателя и идеалиста. Взгляды Мао были названы „маоцзэдунъидеей", и китайская пропаганда не без умысла состряпала формулу „марксизм-ленинизм равен маоцзэдунъидее". Это антимарксистская формула как в теории, так и на практике, ибо „маоцзэдунъидея" не только не является марксизмом-ленинизмом, но является его противоположностью по многим существенным теоретическим вопросам и в ее практическом проведении.

Зачем это делалось? Это делалось с целью бороться с марксизмом-ленинизмом, как с революционной теорией и практикой, с целью превратить его в мертвую формулу, как это делают современные ревизионисты. Вместо него **китайцы выдвинули „маоцзэдунъидею", являющуюся нереволюционной теорией и практикой.** Это антимарксистский, контрреволюционный и ревизионистский акт. **Это ясно говорит о гегемонистском характере, как в политике, так и в идеологии, великого государства и многочисленной, но не марксистско-ленинской партии.**

Правые будут сохранять „маоцзэдунъидею" в целях пропагандирования в мире антикоммунизма, а Мао они набальзамированным будут хранить в мавзолее. Так китайские правые положили Мао в мавзолей в целях возведения его на уровень великого Ленина. Ныне, значит, по мнению китайцев, имеется „два Ленина", „два коммунизма" и „два социалистических государства". Двойственность двух линий как в партии, так и в мире. Итак, коммунистам мира надо выбирать: или марксизм-ленинизм, или „маоцзэдунъидею". Советские ревизионисты говорят: „Мы ленинцы". Китайские же ревизионисты говорят: „Мы маоисты". Однако, как одна, так и другая сторона ни в подметки не годятся Марксу и Ленину, обе стороны являются их врагами, являются ренегатами коммунизма. Маркс и Ленин принадлежат настоящим коммунистам, принадлежат революционерам всего мира.

Однако, как я отмечал и выше, цитаты Мао это палка о двух концах. Кроме уже известных цитат, правые используют и другие цитаты Мао, сказанные или несказанные, которые они подправляют и приводят в порядок так, как им

угодно, чтобы они лучше служили им. Где эти сказанные и несказанные слова Мао? В воздухе ли, в памяти того или другого или же в перебеленных и неперебеленных протоколах? Ныне Хуа Го-фэн принял решение и создал комиссию по изданию произведений Мао. Весь мир знает только четыре тома Мао Цзэдуна, написанные до освобождения. После освобождения у него нет почти ничего опубликованного, ни одного доклада, ни одной речи. Странно!! Почему же председатель Мао, культ которого превозносили до небес, не разрешал выпускать в свет ничего из своих перлов?! Кстати, были ли они перлами, или же были просто углем и золой?! Теперь эти перлы выпустит в свет Хуа Го-фэн, но когда и как — это неизвестно. Он предоставит миру на съедание „щавелевые листья", чтобы на них „воспитывались" и ими „набивали себе голову" сторонники теории „третьего мира", ибо, что касается до настоящих коммунистов, то их не проведешь на них.

Произведенный ими путч правые приписывают левым, которых они называют „правыми, фашистами, ревизионистами" и т.д. Дэн Сяо-пина, который является правым и против которого, как такового, левые вели яростную борьбу, Хуа Го-фэн, в силу сложившихся обстоятельств, продолжает называть правым, выдавая себя за центриста, как Мао. Пойми, если хочешь, эту „гениальную" логику нового председателя. Он обвиняет „четверку" в извращении мыслей Мао, которые он сам извращает.

Новый председатель и его правые соумышленники, за неимением политических обвинений против „четверки", прибегают к личным, самым скверным, самым безнравственным измышлениям. Когда у тебя, Хуа Го-фэн, нет аргументов, ты вынужден прибегать к гнусностям! Даже буржуазия и реакция, осуждая коммунистов, прибегают по отношению к ним только к политическим обвинениям, между тем как правые в Китае показывают себя более заядлыми реакционерами, чем черная реакция.

Но почему правые ударились во всю эту грязь? Да потому, что они стоят на явно реакционных позициях, потому, что

хотят окончательно дискредитировать Мао и добиться того, чтобы люди задавали вопрос: „как это могло быть, чтобы Мао имел своей женой шлюху, чтобы у него в Политбюро были агенты Гоминьдана и советских, чтобы у него были заговорщики, люди, совершающие покушения?“ и т.д. Правые подобными гнусностями стремятся в то же время раздражать простой и честный китайский народ. Они стараются одним выстрелом убить двух зайцев.

Правые, совершенно без зазрения совести, за все злодеяния, совершенные ими же самими в государственных органах, в экономике, в армии и везде, винят „четверку“. Однако всему миру известно, что власть, экономика, армия и партия были в руках правых, Чжоу Энь-лая, Е Цзянь-ина, Ли Сянь-няня и их шайки.

Этот хаос в Китае будет продолжаться. Ну а революционеры, будут ли они молчать, станут ли на колени перед этой шайкой преступников? Время покажет. Пока что, при этом положении хаоса, в умах китайцев и в рядах простых коммунистов царят страх, неуверенность, политическое, идеологическое, экономическое и организационное смятение.

ЧЕТВЕРГ
9 ДЕКАБРЯ 1976 г.

КИТАЙСКАЯ НОТА БЕЗ АДРЕСА И БЕЗ ПОДПИСИ

Товарищ Бехар Штюла был принят вчера Ли Сянь-нянем, который вручил ему „вербальную ноту“, подобно ноте протеста, которое какое-либо министерство иностранных дел может направлять правительству какой-либо другой страны. Но в министерских вербальных нотах имеются адреса, тогда как в „ноте“ китайцев не было ни адреса, ни подписи. **В сущности в ней говорилось: „Товарищ Хуа Го-фэн говорит, что на VII съезде АПТ публично были подвергнуты нападкам в виде намеков линия Коммунистической партии Китая и стратегические идеи Мао Цзэдуна о некоторых важных проблемах, особенно относительно международного положения.** Это он не считает правильным, основанным на марксизме-ленинизме, ибо это вредит дружбе, единству движения, раскрывает перед врагами разногласия между двумя братскими партиями“ и т.п. Упоминается наше письмо от 1964 года (относительно китайско-советских границ), о котором Мао Цзэдун говорил, что не будет отвечать нам на него, ибо ему не хотелось вступить в полемику, поэтому и они „не дадут ответа на обвинения“ и т.п. Это переданное Бехаром изложение „вербальной ноты“ из двух страниц, которую он пришлет нам завтра самолетом.

Китайские ревизионисты впервые выступают открыто с выпадами против Албанской партии Труда „документом“, который завтра они могут отрицать. Китайцы никогда не оставляют официальных документов. Нынешнее китайское ревизионистское руководство находится в трудном положении как внутри страны, так и за ее пределами. Внутреннее положение

Китая я неоднократно объяснял; что же касается его внешней политики, то она терпит провалы.

Китайское руководство внутри страны обвиняет „четверку“, которую оно связывает с Линь Бяо, и всех считает причиной всех зол, называет их агентами советских и т.д. За рубежом этой „нотой“ оно обвиняет Албанскую партию Труда в том, что якобы атакует стратегию Мао, т.е. желает этим сказать, что причиной „поражения Китая за рубежом“ являемся мы, стало быть, мы „против стратегии Мао“, „мы помогаем советским“. По ихнему, мы составляем „единый блок с четверкой и с Линь Бяо“. Все это — намеки, рассчитанные на то, чтобы запугать нас, заставить нас следовать их линии, „иначе мы примем дальнейшие меры, прекратим вам кредиты“ и прочие камуфлированные угрозы. Их ревизионистская логика побуждает нынешних китайских руководителей считать, что „это они поддерживают нас в живых“, что „социалистическая Албания существует по их милости“, что, если они нас бросят, то мы свяжемся со сверхдержавами, и тогда будет подтверждена правильность их пропаганды“ и т.п. **Все это как две капли воды похоже на деяния ревизиониста Хрущева и его адептов против нас!**

Мы должны ответить им и изобличить провокаторов, как и их великодержавные шовинистические взгляды — китайских путчистов, ревизионистов и антимарксистов.

Хотя они направили нам вербальную ноту, нам надо прислать им официальное письмо от имени Центрального Комитета и отметить в нем:

Во-первых, АПТ является независимой марксистско-ленинской партией и это она сама вырабатывает свою линию сквозь призму марксистско-ленинской теории, на основе реального анализа внутреннего и международного положения. АПТ не торгуется марксистско-ленинскими принципами, она руководствуется своей стратегией, которую она сама определяет, и вырабатывает подходящую для этой стратегии тактику. АПТ не позволяет кому-либо навязывать ей такую стратегию, которую она находит неподходящей. Она, на основе своих марксистско-ленинских норм, согласна слушать критические замеча-

ния братских марксистско-ленинских партий и обсуждать с ними многие проблемы и в то же время считает, что и она имеет такое право в отношении других братских партий.

Во-вторых, АПТ всегда открыто провозглашала свою линию и стратегию, врагов она критиковала и критикует по адресу и никогда намеками и за глаза. Поэтому Албанская партия Труда и ее Центральный Комитет решительно отвергают обвинения Хуа Го-фэна и Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Китая о том, будто Албанская партия Труда и ее VII съезд атаковали линию КП Китая и т.д. Наоборот, Албанская партия Труда тепло отзывалась о дружбе с Китаем и т.д. Так что это вы атакуете Албанскую партию Труда и ее VII съезд.

В-третьих, поскольку вы обвиняете нас, то долг КП Китая — сказать нам, по каким „важным проблемам“ мы атаковали Коммунистическую партию Китая и стратегию Мао Цзэдуна, и ясно разъяснить нам эту вашу стратегию, чтобы мы могли судить, кто прав — мы или вы, и кто атакует друг друга, если говорить об атаках. Мы ждем этого и не принимаем вашего заявления о том, что на выпады, с которыми якобы наша партия выступила против вас, вы не будете отвечать так как „не хотите начать полемику“. **В действительности же, тем, что вы делаете, вы начинаете полемику. Подобный подход к делу со стороны товарища Хуа Го-фэна и Политбюро Коммунистической партии Китая неприемлем для нас, и это мы понимаем так, что вы против обмена мнениями и устранения разногласий или расхождений, если такие, как вы утверждаете, имеются.** Мы по-товарищески говорим вам, что это обязательно надо сделать. Ни одна из наших партий — ни Албанская партия Труда, ни Коммунистическая партия Китая — не могут принимать односторонних мнений и решений.

Между двумя нашими сторонами существуют два подписанных заявления — одно — 1964 года, другое — 1966 года, — в которых говорится, что относительно стратегических вопросов надо проводить консультации. Эти заявления вы попрали даже касательно кардинальных проблем, относительно которых вы не проводили консультаций с нашей партией; вы сов-

сем не спрашивали и не информировали нас, или же ставили нас перед совершившимся фактом.

Вы упоминаете в своей „ноте“ наше письмо от 1964 года. Мы считали и считаем, что это письмо имеет большое политическое, идеологическое и стратегическое значение, ибо то, что мы поднимали в нем, казалось будто было вашим делом, и, действительно, вашим делом было, однако оно касалось и нас, и мировой революции. Вы не поставили в известность нас, как братскую партию, между тем как мы совсем по-товарищески выразили вам свое мнение. И этот вопрос остался между двумя нашими партиями. **Несомненно, упоминая это письмо вы преследуете свои нынешние или будущие цели, но мы заверяем вас, что это письмо ни в коем случае и ни в какое время никому не будет служить оружием против АПТ. Произойдет обратное.**

Но это не единственное письмо, с которым мы обращались к Центральному Комитету КП Китая и товарищу Мао Цзэдуну. Другие письма также были связаны с существенными вопросами стратегии и тактики. Это были товарищеские, открытые и откровенные письма.

6 августа 1971 года мы обратились к вам с другим письмом, которым мы осуждали ваше решение принять в Китай американского президента Никсона. Мы обратились к вам с письмом потому, что мы были поставлены перед совершившимся фактом, которого не допускали ни великая дружба между двумя нашими партиями, ни совместные заявления. Ваш шаг касался проблемы большой международной важности. Но и это наше письмо осталось с вашей стороны без ответа. Албанская партия Труда продолжала свою стратегию и свою линию и вместе с тем закаляла албанско-китайскую дружбу.

Центральный Комитет Албанской партии Труда 12 ноября 1975 года направил Центральному Комитету Коммунистической партии Китая и Мао Цзэдуну письмо за подписью ее Первого Секретаря, но и оно осталось без ответа, а между тем вы вели дело к обострению. Тем не менее эти вопросы мы сохраняли и сохраняем между нами.

Центральный же Комитет Албанской партии Труда на предложение по вопросу большой стратегической важности („антиимпериалистический фронт и с ревизионистами“), внесенное Лю Шао-ци 27 июня 1962 года, ответил отрицательно, отклонив его.

29 октября 1964 года мы ответили отрицательно и отклонили предложения товарища Чжоу Энь-лая о стратегических вопросах (поехать в Москву после низложения Хрущева).

15 июня 1975 года Центральный Комитет Албанской партии Труда не принял и отверг дважды внесенное в разное время предложение Чжоу Энь-лая о союзе с Югославией и Румынией. Но эти дела оставались между нами ради марксистско-ленинской дружбы между двумя нашими партиями и народами.

Все это и другое мы делали нормальным путем, в соответствии с марксистско-ленинскими нормами. Это было необходимо сделать, ибо нам надо было разъяснить вопросы и закалять дружбу.

Ни при каком случае мы не говорили за глаза, а говорили открыто; мы никогда не совершали публично и намеками выпадов против Коммунистической партии Китая, как это вы утверждаете; никогда мы не вступали в полемику, однако, поскольку вы не давали нам никакой другой возможности, мы все говорили вам посредством внутренних посланий товарищеского духа.

Мы дорожили и дорожим дружбой на марксистско-ленинском пути с братским Китаем и с Коммунистической партией Китая. На нашем VII съезде это было полностью подтверждено, а линия съезда является линией партии. Центральный Комитет и наша партия ни на йоту не отойдут от этой линии, и мы поэтому вновь подтверждаем это, чтобы дать ответ на вашу вербальную ноту.

Во-первых, мы еще дальше будем закалять дружбу Албанской партии Труда и албанского народа с Коммунистической партией Китая и с китайским народом. С нашей стороны, мы будем бороться на марксистско-ленинском пути за устранение любых рогаток, которые враги будут ставить нам на нашем

пути дружбы. Дружба между нами очень необходима как нам, так и вам и международному коммунистическому движению.

Во-вторых, мы ждем ваших объяснений о том, в чем мы атаковали вас и какова ваша стратегия и тактика относительно тех вопросов, в связи с которыми вы находите, что „мы косвенно атаковали вас на VII съезде АПТ“.

P.S. Некоторые из этих тезисов я передал товарищу Рамизу для составления ответа на „ноту“, врученную нам Ли Сянь-нянем от имени Хуа Го-фэна и Политбюро Коммунистической партии Китая.

**ПОНЕДЕЛЬНИК
13 ДЕКАБРЯ 1976 г.**

ЛАКЕИ КИТАЙЦЕВ ПОТЕРПЯТ ПРОВАЛ

Председатель Коммунистической партии Австралии (марксистско-ленинской) Эдвард Хилл, который принял участие в VII съезде нашей партии и который на этом съезде выразил свое „удовольствие" и выступил „хорошо", покинув нашу страну, прислал нашему послу в Париже, товарищу Димитру Ля-мани, письмо для товарища Рамиза. Письмо вручила нашему послу жена Хилла, которая сказала ему, что „это некоторые замечания Хилла о VII съезде АПТ".

Как видно, у этого „коммуниста", которого мы считали хорошим и объективным товарищем, совершенно не хватало смелости поговорить с кем-либо из нас, поэтому „замечания" сделал в письменном виде. Однако это его „замечания" представляют собой нападки, измышления и провокацию против нашей партии, которые он предпринял в силу своих заключений или же перенял их у китайцев, став их орудием.

Письма мы еще не получили, но посол радиограммой послал нам выраженные в нем главные мысли. Хилл говорит:

а) „Почему Албанская партия Труда стоит за проведение совещаний и со многими партиями, а Китай против этого?" Это даже не заслуживает комментария с нашей стороны. Мы уже сказали, почему.

б) Почему мы на съезде не объявили, что Китай против многосторонних партийных совещаний? Это тоже настолько провокационно, насколько и нелепо. Но, поскольку поднимает такие вопросы, он преследует более далеко идущие цели.

в) Хотя мы и объяснили, почему можно проводить и многосторонние партийные совещания, этот ревизионист приходит

к заключению, что мы это делаем с целью „наставить Китай на путь истины“. Заслуживает ли эта выдумка какой-нибудь комментарий? Он норовит обвинять нас в том, что мы хотим выступать в „роли знаменосца“.

г) „Мао Цзэдун — великий марксист-ленинец; это доказано и доказывается историей“. По его мнению, все, что делал и говорил Мао — „чудо“; он добавляет, что „Мао надо ставить после Маркса и Ленина“. Кто ему мешал делать это? Однако, мы, с нашей стороны, ставим Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Это опять-таки провокация, и этим Хилл пытается навязать нам „маоцзэдунъидею“. И тем не менее, он необоснованно и вопреки фактам возводит обвинение: „Албанская партия Труда свои мысли пытается навязать и другим“.

д) Хилл клевещет, заявляя, будто мы на съезде дифференцировали партии Вьетнама, Кореи и Лаоса, и добавляет, что относительно этих партий у него много недосказанного, ибо он несогласен с ними.

е) Хилл-„коммунист“ несогласен с оценкой, данной нашей партией Коминтерну, и пускается якобы в анализы (это целая страница в попытках доказать, что Димитров „ошибался“ и „был раскритикован Сталиным“.

До чего низок этот человек, который, с целью опорочить дело Коминтерна, говорит, что Торез, Тольятти, Дюкло, Шарки (все они совершили предательство) пришли в Коминтерн случайно! Он, другими словами, отрицает роль Коминтерна в укреплении коммунистических партий в мире и косвенно хочет сказать: „Вот, те партии, которым содействовал Коминтерн, совершили предательство“.

Товарищ Лямани говорит также, что Хилл дает и свои соображения „о международной обстановке“, которые противоположны анализу, произведенному нашим съездом. Впрочем все эти вопросы мы еще лучше выясним, когда получим его письмо. Я только могу сказать, что Хилл поступает наподобие ревизиониста и провокатора. Мы нигде не подвергаем никакой критике ни Китай, ни Мао, никогда мы не говорили о них с Хиллом. То, что мы говорили на съезде, говорили и в одной беседе, которую имели с ним год или два назад, и в которой

ни Китай и ни Мао мы не упоминали лихом, а упоминали их только добром. Хилл как в первый, так и во второй раз показал себя лицемером, он не осмелился высказать свои мысли, с тем чтобы нам можно было по-товарищески обсуждать их. Выходит, что он приехал „выведать“ что-нибудь у нас и передать его Китаю. Оттуда, видимо, Хилл получил и указания относительно своих действий. Его подговорили провоцировать нас, с тем чтобы мы начали с ним полемику о третьей партии, о Коммунистической партии Китая. Но мы не скатимся в эту трясину. Нам известна эта их троцкистская выходка еще со времени Хрущева, который подговаривал Живкова и Кадара провоцировать нас.

Тактика китайцев налицо. Они передали нам „вербальную ноту“, которой обвиняют нас в том, что мы „атаковали линию Коммунистической партии Китая и стратегию Мао Цзэдуна“ и все, подчеркивая при этом: „не будем отвечать на обвинения, так как не хотим вступить в полемику“. С другой же стороны, они используют Хилла, а может и других, с тем чтобы мы полемизировали с ними относительно китайского вопроса. Это имеет своей целью расколоть революционное движение и подорвать единство марксистско-ленинских коммунистических партий. Они уже давно выкинули такой номер в отношении целого ряда марксистско-ленинских коммунистических партий, с которыми порвали связи и в то же время поддерживают связи с разного рода группами провокаторов, называющими себя „маоистскими“. Пускаясь в эту игру, они стремятся также изолировать Албанскую партию Труда и унизить ее большой авторитет.

Мы должны проявлять бдительность в этом отношении, остерегаться провокаторов и всеми силами защищать правильную линию нашей партии и чистоту марксизма-ленинизма. Китайские ревизионисты и их лакеи будут изобличены и потерпят провал.

Мы должны ответить на письмо Хилла, и указать ему, что от нас он никогда не получит ответа о каких бы то ни было вопросах, касающихся третьей братской партии. Мы опровергнем одни за другими его антимарксистские взгля-

ды. Это мы будем делать товарищеским тоном, как всегда поступала наша партия; этим мы покажем ему, что он неправ, когда где-то употребляет выражение „со страстью“, в чем нас в свое время обвинял Хрущев. По тем вопросам, на которые у него свои взгляды, он волен придерживаться и отстаивать свое мнение.

ЧЕТВЕРГ
16 ДЕКАБРЯ 1976 г.

АГЕНТЫ КИТАЯ ЗАШЕВЕЛИЛИСЬ

На основе переданного нашим послом в Париже краткого изложения письма председателя Коммунистической партии Австралии (марксистско-ленинской), Э. Хилла, я сделал некоторые записи в своем дневнике. Вообще они касаются вопросов, которые отражаются в сжатом переводе, присланном нам послом.

Теперь мы получили весь присланный Хиллом материал. Он сопровождается его кратким письмом в адрес товарища Рамиза. **Этот материал из 15 страниц написан лаконичным стилем, якобы в теоретическом духе, снабжен цитатами и т.д., причем написан за рекордно короткий срок — за один день, после отъезда Хилла из Тираны в Лондон. Имеем прочные основания думать, что материал заранее написан им или кем-нибудь другим, а некоторые из его главных „положений“ — еще до приезда Хилла на наш съезд. По всей видимости, по прибытии в Лондон Хилл нашел материал в готовом виде и на завтрашний день сразу прислал его в Париж своей женой для передачи нашему послу.**

Цели автора, которые я разъяснил в настоящем дневнике еще до поступления к нам полного текста материала, несмотря на то, что его перевод был посредственный и что наш посол прислал только изложение его, нам понятны. Теперь, когда мы прочли полный его текст, нам становится еще яснее, **что сущность взглядов Хилла заключается в том, что Албанская партия Труда не имела права излагать на своем VII съезде свои взгляды на международное коммунистическое движение.**

Он дает понять в материале, что не дело Албанской партии Труда сделать это.

Хилл пишет нам, что в отчетном докладе Центрального Комитета нашей партии мы подвергали неправильному, по его мнению, анализу деятельность Коминтерна. В связи с этим вопросом он не без умысла обходит молчанием тот факт, что в докладе мы отмечаем, что здесь мы вовсе не ставим себе целью подвергать анализу деятельность Коминтерна, а **желаем лишь отметить, что перед лицом большой опасности, угрожающей марксистско-ленинским коммунистическим партиям со стороны современного ревизионизма и двух сверхдержав, эти партии обязательно должны проводить не только двусторонние, но и многосторонние встречи, на которых обсуждались бы проблемы общего интереса.** Мы также отмечали, что проделанной в свое время работой Коминтерн внес большой вклад в дело укрепления новых марксистско-ленинских партий. Наконец, **в докладе мы ясно подчеркивали, что ныне отнюдь не время создать международную организацию, подобную Коминтерну. Мы не стояли и не стоим за подобное, однако совещания представителей марксистско-ленинских партий должны стать обычной практикой.**

Из этого нашего вывода Хилл приходит к заключению, что, выступая за проведение многосторонних партийных встреч, мы ставим себе целью „наставить Коммунистическую партию Китая на путь истины“. Хилл, видимо, делает нам замечание за то, что мы думаем, что Коммунистическая партия Китая сбивается с пути. Для этого у него нет никаких фактов, ибо на нашем съезде мы не атаковали Коммунистическую партию Китая, несмотря на то, что у нас свое мнение о многих ее взглядах и позициях. **Наоборот, это Хилл атаковывает в данном случае Коминтерн, обвиняя его в грубых ошибках, которые, по его словам, признавал, мол, и Ленин.** Он обвиняет и нас, утверждая, что Коминтерн не может быть оправдан лишь тем, что мы сказали о нем на VII съезде нашей партии, на котором мы отмечали, что не исключено, что им могли быть допущены ошибки. Господину Хиллу хотелось бы, чтобы в докладе мы проанализировали, в чем заключались ошибки Ко-

минтерна и насколько тяжкими они были. Однако нам совсем не к месту было делать это. Но Хилл клонит к другому.

Помимо Коминтерна Хилл атаковывает и Димитрова. По его мнению, Димитров допускал, мол, ошибки, ибо его известная речь была раскритикована Сталиным, так как в ней не говорилось о диктатуре пролетариата. Как известно, Димитров в указанной речи развил положение о борьбе против фашизма. Он говорил о необходимости образования народных фронтов с прогрессивными элементами и партиями с целью пресечь путь нависшей в то время над народами угрозе германского и итальянского фашизма. До сих пор мы не знаем, чтобы Сталин критиковал речь Димитрова по этому вопросу.

С другой стороны, Хилл приходит к выводу о том, что последствия речи Димитрова „сказались в уклоне и перерождении марксистско-ленинских партий“, и упоминает в связи с этим бывших лидеров этих партий — Тольятти, Тореза, Гарри Поллита, Шарки и др. **Он забывает, что речь Димитрова вызвала в то время чрезвычайно большой отклик во всем мире, забывает, что она дала мощный толчок борьбе против фашизма и созданию во Франции и особенно в Испании народных фронтов, которые оказывали политическое и вооруженное сопротивление германскому и итальянскому фашизму.** Хилл забывает также, что эти фронты и борьбу против фашизма, к которой призывал Коминтерн, организовывали коммунистические партии Запада. Позднее, когда их страны были захвачены наци-фашизмом, реакционная буржуазия этих стран капитулировала, и в горы ушли и развернули борьбу только французские и итальянские партизаны. Он забывает сказать, что в Испанской войне ни Тольятти, ни Дюкло, ни Мартия, ни Лонго не изменили делу, а боролись против фашизма на марксистско-ленинском пути, на пути, указанном Коминтерном.

Итак, критика Хилла в адрес Коминтерна, которая представляется им якобы реальной и обоснованной, является мыльным пузырем. Он выступает против Коминтерна потому что думает, что мы стремимся завладеть его знаменем и восстановить марксистско-ленинские партии мира против Коммунистической партии Китая. Это видно в его возражении против вы-

двинутой нами на съезде идеи о многосторонних совещаниях. По его мнению, можно и надо проводить только двусторонние совещания.

Хилл против нашей партии еще и по другому вопросу. По его мнению, братские марксистско-ленинские партии не должны приглашать друг друга на свои съезды. „Теоретическим" аргументом, который он приводит против этой практики, является то, что эти партии на съезде приглашающей их партии оказываются в трудном положении перед лицом взглядов принимающей их партии, и они, мол, не в состоянии там же выразить свое мнение о них. **Значит, по его мнению, и многосторонние совещания марксистско-ленинских партий нецелесообразны, и в съезде братской партии не должны принимать участия представители других партий**. Отсюда Хилл приходит к выводу, что лично он и его партия против подобной практики, и отмечает, что, если бы он знал, что на нашем VII съезде будут поставлены те проблемы, которые были поставлены, он подумал бы прежде чем отправиться на этот съезд.

Дело с Хиллом исторически обстоит так: **полтора или два года назад, точно не могу сказать когда, мы имели с ним двустороннюю беседу, в ходе которой мы изложили все те взгляды, которые изложили и на VII съезде нашей партии. Он говорил всего лишь десять минут и совсем не затронул изложенных нами по этому случаю кардинальных вопросов, составлявших линию нашей партии, которую мы изложили и на съезде. Значит, его блеф очевиден. В то время Хилл либо боялся, либо не хотел открыто высказать свои взгляды против нашей партии, и обошелся тем, что не высказался определенно.** Так что его утверждение о том, что он стоит за двусторонние переговоры, несостоятельно, ибо и в двусторонней беседе, которую мы имели с ним, он, со своей стороны, не высказал никакой критической мысли против взглядов нашей партии.

Хилла беспокоит то, почему мы не следуем политической, идеологической и организационной линии Коммунистической партии Китая, почему мы выходим из общего с ней строя. По его мнению, мы должны послушно придерживаться линии этой партии. Лично он старается выдать себя за человека,

„вполне независимого“, с „развязанными“ руками, между тем как все остальные братские марксистско-ленинские коммунистические партии, которые прислали своих представителей для участия в съезде нашей партии и которые высказали самые лучшие слова о ее линии, он считает партиями-лакеями. Занятая теми партиями на VII съезде нашей партии позиция, по мнению Хилла, объясняется лишь их желанием попадать в тон Албанской партии Труда. **Другими словами, Хилл хочет сказать, что и то, что он сам лично сказал на нашем съезде, не представляет его мыслей, ибо его истинные мысли изложены в материале, который он прислал нам из Лондона и в котором он говорит, что не разделяет многих кардинальных взглядов VII съезда Албанской партии Труда.**

Хилл считает, что каждая партия должна проводить свой съезд, однако, по его мнению, она должна говорить там только о кукурузе, тыквах и огурцах, а не занимать политические и идеологические позиции, не высказывать критические мнения о том или другом. Это значит, что проводящая съезд партия не должна искренно высказывать свои марксистско-ленинские взгляды. **Хиллу хочется, чтобы все марксистско-ленинские партии мира совершенно беспрекословно следовали линии Коммунистической партии Китая. По его мнению, только в этом случае все в порядке со стороны этих партий.**

С одной стороны, Хилл прикидывается защитником положения о том, что каждая партия имеет право высказывать свои мысли; с другой стороны, он впадает в противоречие с самим собой, когда говорит, что партия не имеет никакого права во всеуслышание провозглашать свои взгляды. Между тем это факт, что в присланном нам материале он критикует пятую и шестую главы Отчетного доклада Центрального Комитета нашей партии, в которых идет речь о международном положении и некоторых проблемах мирового коммунистического движения. **Эти две главы сильно задевают его и его соумышленников. Задевают их, с одной стороны, потому, что, как мы уже знаем, в этих двух главах широко и ясно излагается наша марксистско-ленинская линия, которая идет вразрез со многими взглядами Коммунистической партии Китая, хотя с**

нашей стороны нигде эта партия не упоминается по имени. С другой стороны, Хилл не согласен с тем, чтобы такая партия, как наша, брала на себя труд высказать свое мнение о борьбе, которую ведут и должны вести другие марксистско-ленинские партии, о методах их работы, об их союзах в борьбе, которую они ведут, и о других проблемах, вытекающих из накопленного опыта.

Хилл утверждает, что участие других партий в съездах братских партий компрометирует их. Это блеф. Подобная практика вовсе не компрометирует их. Вот, например, были ли скомпрометированы партии Вьетнама, Кореи или Лаоса на съезде нашей партии? Нет! Их делегации совершенно свободно высказали на нашем съезде свои взгляды, и мы считаем, что, если бы у них было что-нибудь против нашей партии, они совсем легко могли бы попросить встречу с нашими руководителями, чтобы изложить вопросы, по которым наши и их взгляды расходились. Они этого не сделали. Если у них имелось что-нибудь сказать нам и не сказали, то это не по нашей вине.

Мы согласны с тем, что, как говорит и Хилл, таких замечаний нельзя делать в ходе работы съезда, однако, если кому-нибудь не хочется восхвалять деятельность и позиции принимающей партии, то пусть не восхваляет, мы ничего против этого не имеем. **Кстати сказать, наша партия не любит переходящих меру восхвалений в ее адрес; она хочет, чтобы реально говорили о ее деятельности.** Если же у кого-либо были замечания в наш адрес, как я уже сказал, то он совсем легко мог бы попросить встречу с нами, чтобы в двустороннем порядке разъяснить занимавшие его вопросы. **Этого и Хилл не сделал.**

Он утверждает, что участие в работе съезда одной партии ставит в трудное положение другие приглашенные коммунистические партии, а мы считаем, что это ничуть не ставит их в трудное положение, наоборот, выгоды от такого участия огромны. **Об этих выгодах говорит и Хилл, но он недооценивает их и явно переоценивает отстаиваемое им положение о том, что на съезды не следует приглашать другие партии. Это**

значит проводить съезд под колпаком, чтобы никто не узнал о том, что ты думаешь. Современные ревизионисты, советские, а также империалисты пламенно желают, чтобы мы оставляли их в покое, чтобы мы не говорили о деятельности, развертываемой ими против коммунизма, против народов, против социалистических стран. Таков весь вывод, который можно вынести из подобного антимарксистского подхода к этому вопросу, поднимаемому Хиллом в присланном нам материале, в котором он открыто выступает против VII съезда нашей партии.

В связи с этим вопросом Хилл пытается извратить действительность относительно позиции, занятой Чжоу Энь-лаем на XXII съезде советской ревизионистской партии. **В действительности, на этом съезде Чжоу Энь-лай высказался за прекращение полемики с Албанской партией Труда, что было нежелательно для нас и для многих других. Правильность позиции нашей партии подтверждена временем. Чжоу Энь-лай в знак протеста покинул также XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, но не потому, что там были предприняты нападки на Албанскую партию Труда, а потому, что между Коммунистической партией Китая и Коммунистической партией Советского Союза имелись разногласия по таким крупным внутренним стратегическим проблемам, как отказ передать Китаю атомную бомбу, пограничная проблема с Индией и т.д. и т.п. Именно эти существовавшие между двумя сторонами проблемы и побудили Чжоу Энь-лая покинуть XXII съезд.** Как раз эти треволнения и надежды заставили его позднее, после низложения Хрущева в 1964 году, попросить снова съездить в Советский Союз и связаться дружбой с советскими ревизионистами. **Поэтому примеры и положения Хилла совершенно непригодны как в историческом, так и в теоретическом и практическом плане.**

По мнению Хилла, партия, когда она намерена поставить проблему международного характера, в которой заинтересовано все мировое коммунистическое движение, сначала должна совершить большой круг, установить контакты и вести двусторонние переговоры с большим количеством марксист-

ско-ленинских партий, и лишь в том случае, если они достигнут договоренности по тому или другому вопросу, она может поставить ту или другую проблему на своем съезде; если же она встретит возражения, то она не должна ставить ее совсем. **Это один из основных пунктов нелепых и антимарксистских критических замечаний этого австралийского ревизионистского провокатора, специально подговоренного китайскими ревизионистами с целью провоцировать Албанскую партию Труда.**

Я и выше сказал, что Коммунистической партии Китая и провокатору Хиллу не хотелось и не хочется, чтобы Албанская партия Труда высказывала свое мнение о том, как следует укреплять международное единство коммунистов и пролетариев. Они против этого. **А между тем интернационалистическое единство пролетариата и марксистско-ленинских партий является великой проблемой марксизма-ленинизма.** Коммунистическая партия Китая также провозглашает этот лозунг, но фактически, на практике она против него, борется с ним. Этот великий девиз она включила в единство „третьего мира", в который включена и сама. Мы никак не можем мириться ни с подобным взглядом, ни с позицией, которую занимают по этому вопросу.

Мы против взглядов Коммунистической партии Китая на „третий мир", ибо они являются антимарксистскими, ревизионистскими взглядами. На VII съезде эту проблему мы трактовали сквозь призму классовых позиций, на основе нашей идеологии — марксизма-ленинизма. К лозунгу о „третьем мире" еще до 1960 года прибегали и Хрущев, и Тито, называя этот мир по-разному, как „неприсоединившиеся страны" и т.д., с чем наша партия боролась, как с понятиями и группировками, выдуманными и рассматриваемыми без классового критерия. Наша партия объяснила на VII съезде, что она выступает в защиту всех государств, которые провозглашены свободными и независимыми, но на деле являются экономически и политически зависимыми. Мало государств „третьего мира" можно считать независимыми, ибо, фактически, так или иначе, каждое из них зависимо от той или иной империалистической державы; и если оно называет себя политически

независимым государством, то экономически оно зависимо, и, согласно учению наших классиков марксистско-ленинской науки, без экономической независимости не может быть и политической независимости. Мы за то, что эти государства надо защищать всеми силами, и жизнь подтверждает, что мы вели неуклонную и решительную борьбу в их защиту, однако мы не можем разделять подобных „теоретических“ выводов Коммунистической партии Китая. Именно в этом заключается одно из наших основных разногласий с ней.

Наши основные разногласия с китайцами касаются тесно связанных друг с другом вопросов: вопроса о „третьем мире“, отношения к двум сверхдержавам и „пролетарского интернационализма“, т.е. вопроса об укреплении единства марксистско-ленинских коммунистических партий. Коммунистическая партия Китая, по нашему мнению, подходит к этим вопросам с оппортунистических, ревизионистских позиций, тогда как мы подходим к ним с марксистско-ленинских позиций. Мы за пролетарский интернационализм, за укрепление единства с марксистско-ленинскими партиями, а также за оказание более мощной и постоянной помощи всем странам так называемого свободного и независимого мира, который на деле зависит от американского, советского и др. капитала и находится под его влиянием. Чтобы добиться своего полного освобождения, народы этих стран, как говорит Ленин, сначала должны бороться против врага в своей собственной стране, а затем и против внешнего врага. Мы говорим, что надо всеми силами бороться против современного ревизионизма, что надо бороться также и против реакционной буржуазии, которая свободу и независимость своей страны вверяет американскому империализму или советскому социал-империализму. Поэтому мы считаем необходимым бороться с обеими этими сверхдержавами, а китайцы подходят к делу не с этой платформы.

Другим изложенным Хиллом вопросом является неоглашенная конкуренция, которая якобы ведется между Коммунистической партией Китая и Албанской партией Труда. Жертвой этой игры являются, мол, все те марксистско-ленин-

ские партии, которые возникли как реакция на современный ревизионизм. По мнению Хилла, те марксистско-ленинские партии, которые хорошо отзываются об Албанской партии Труда, являются партиями-лакеями, партиями, стремящимися попадать в тон нашей партии. **Он ставит вопрос так: все те марксистско-ленинские партии, которые питают любовь и уважение к Албанской партии Труда и которые в силу своих теоретических и политических взглядов согласны с ней, не являются настоящими марксистско-ленинскими партиями. По мнению Хилла, партией „чистой воды и марксистско-ленинской" является только его партия!**

Хилл говорит, что новые марксистско-ленинские партии чего только не делают, чтобы они были признаны. А кем, Албанской партией Труда? Согласно Хиллу, самым правильным, обязательным путем, по которому должны следовать эти партии, является путь установления связей с Коммунистической партией Китая, поэтому они должны придерживаться именно этого пути. Но многие из них хотят быть признанными и Албанской партией Труда, поэтому Хилл пускается в анализ теоретической стороны дела, заявляя, что отсюда вытекает потом вопрос о партии „матери" и партии „дочери". Это, по мнению Хилла, означает, что Албанская партия Труда признает за собой право определять, какая из новых партий является марксистско-ленинской и какая не является таковой.

К чему Хилл клонит этим? Этим он стремится ослабить интернационалистическое единство марксистско-ленинских коммунистических партий мира, подорвать это единство, а укрепление и расширение международного коммунистического движения предоставить самотеку. Что касается ее положения в международном коммунистическом движении, то наша партия никогда не считала себя партией „матерью", а другие — партиями „дочерьми". Наша партия никогда и ни при каком случае не навязывала свои мысли какой-нибудь братской партии; причем всегда, всякий раз, когда мы беседуем и высказываем свои мысли представителям других братских партий, мы знакомим их с нашими взглядами на ту или другую проблему, с накопленным нами опытом, затем у каждой партии

свои независимые мысли, так что она сама судит и решает обо всем.

Прежде всего, мы всегда отмечали и отмечаем, что **любая мысль и любое действие братских партий должны быть основаны на марксизме-ленинизме и только на марксизме-ленинизме.** Это верно. Этот вопрос мы ребром поставили и на VII съезде. **Однако Хиллу это невыгодно и невыгодно именно потому, что Албанская партия Труда не намерена поставить знак равенства между марксизмом-ленинизмом и „маоцзэдунъ-идеей", ибо Мао Цзэдуна мы не ставим в ряд с четырьмя великими классиками — Марксом, Энгельсом, Лениным и Сталиным.** Хилл выступает против этих взглядов и установок нашей партии и то и дело говорит о Мао, поет ему большие дифирамбы, не будучи знаком как следует с его взглядами на все проблемы, относительно многих из которых, как мы уже знаем, он допускал ошибки. **Мао для нас не является настоящим марксистом.** Об этом мы не говорим открыто, однако наше убеждение таково, а убеждение Хилла противоположно нашему.

Чтобы набить цену Мао Цзэдуну Хилл обрушивается на Энгельса, заявляя, что он ошибался поэтому и лишился места среди четырех. Хилл того же мнения придерживается и о Сталине. На место этих двух великих марксистов, Энгельса и Сталина, он ставит Мао и отмечает, что он является марксистом-ленинцем размеров Маркса и Ленина. По мнению Хилла, Мао на протяжении всей своей жизни обогащал марксизм и теорию Маркса так, как обогащал их и Ленин в свое время. **В этом состоит сущность всей теории Хилла, которую в своем материале он излагает нам якобы в дружеских выражениях, но которые фактически являются беспочвенными выпадами, измышлениями и упреками не только против нашей партии, но и против Коминтерна, против Энгельса, Сталина и Димитрова. То же самое можно сказать и о других вопросах, ибо в письме этого ревизионистского демагога имеется и много других антимарксистских положений.**

Хилл отмечает, что мы якобы не как следует подходим к мировому кризису, ибо последний, по его словам, является не

всеобщим кризисом мировой капиталистической системы, а кризисом перепроизводства, и эту мысль он якобы основывает на теории Маркса. Одним словом, помимо прочих необоснованных обвинений, которые возводит на Албанскую партию Труда, он норовит сделать и некоторые критические замечания, якобы теоретического характера, относительно определения некоторых существенных международных проблем, одной из которых является и проблема нынешнего мирового кризиса капитализма.

В заключение можно сказать, что провокатор Хилл приезжал на VII съезд не без умысла. Однако поставленных перед собой целей ему не удалось добиться в зале съезда. Ему понадобилось сесть в самолет, покинуть нашу страну и прислать нам из Лондона настоящий материал ревизионистского содержания. Оттуда он потом возвратился в Австралию, и сразу, не теряя времени, закатился в Пекин, где, как нам уже известно, ему устроили очень горячую встречу. Его принимали по очереди все руководители, начиная с Ли Сянь-няня и вплоть до Хуа Го-фэна. Хилл нанес визит даже и супруге Чжоу Эньлая. Китайское телеграфное агентство Синьхуа сообщило о приеме Хилла Хуа Го-фэном, о проведенных с ним сердечных переговорах в связи с множеством международных проблем, и отмечало, что обо всех проблемах обе стороны были полностью единого мнения.

Синьхуа передавало также краткую речь Ли Сянь-няня на этом приеме, через которую китайские лицемеры высказались корректными выражениями, стараясь отметить, что Коммунистическая партия Китая выступает против двух сверхдержав — Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Ли Сянь-нянь говорил и о пролетарском интернационализме, не забывая отметить дружбу Коммунистической партии Китая с Коммунистической партией Австралии (марксистско-ленинской) и с народом Австралии.

После Ли Сянь-няня, на приеме взял слово Хилл, который косвенно атаковал VII съезд нашей партии. Он отметил, что Хуа Го-фэн поступает как „великий марксист-ленинец“, как

верный ученик Мао Цзэдуна, которого, как я уже сказал, он возводит в ранг Маркса и Ленина. **Хуа Го-фэн, говорит Хилл в своей речи, в массовом порядке разгромил предательских элементов с „четверкой“ во главе. Он подчеркивает, что намеченная Мао Цзэдуном линия является истинно марксистско-ленинской, что марксистско-ленинская теория — это „маоцзэдунъидея“, и отмечает, что те элементы или партии, которые выступают против этой линии, против „маоцзэдунъидеи“, будут разгромлены, как была разгромлена великой Коммунистической партией Китая „четверка“ со своими товарищами; он заключает, что марксистско-ленинские партии мира с верностью будут придерживаться правильной, марксистско-ленинской линии председателя Мао Цзэдуна.**

Вот что, вкратце, говорит в своей речи председатель австралийской прокитайской ревизионистской партии. Эти идеи высказаны им и в материале, который он прислал нам. **Этим документом он показал свое истинное лицо ренегата. Подтвердился, таким образом, наш вывод о том, что Коммунистическая партия Китая постарается побудить подобных людей косвенно атаковать линию Албанской партии Труда с целью ослабить единство международного коммунистического движения, извратить подлинный марксизм-ленинизм, ввести в заблуждение пролетариат и разгромить марксистско-ленинские партии во всех странах мира**. Кстати, за это дело китайцы взялись уже давно.

Что касается утверждений Хилла о том, что марксистско-ленинские коммунистические партии мира соревнуются в получении признания Албанской партией Труда, то в действительности это Коммунистическая партия Китая добивается того, чтобы эти партии домогались признания со стороны КПК, это она поддерживает связи со всеми фракциями, возникающими в тех новых марксистско-ленинских коммунистических партиях, которые стоят на правильных позициях; это она поощряет образование подобных фракций во многих из этих новых партий, — в португальской, итальянской, уругвайской, французской и т.д. и т.п. Коммунистическая партия Китая орудует в открытую и втихомолку в этом направлении с целью

расколоть все эти партии и из образующихся в них фракций сколотить ряд маоистских групп, которые она выдает за марксистско-ленинские, с тем чтобы использовать их в качестве своей агентуры.

В присланном нам письме Хилл обвиняет Коминтерн и Сталина в том, что по их указке до, в период и после второй мировой войны коммунистические и рабочие партии мира находились на службе у Коммунистической партии Советского Союза. Эти партии, по словам Хилла, „не могли действовать и бороться на основе марксизма-ленинизма“, который, как мы уже знаем, правильно проводился Лениным, Сталиным и Партией большевиков. **По утверждениям Хилла, эти партии были ничем иным, как агентурами Партии большевиков и Сталина. Эти утверждения Хилла совпадают с положениями, которые пропагандирует мировая реакционная буржуазия в своей борьбе против коммунистических и рабочих партий мира и за дискредитирование коммунизма.**

Однако положение, которое отстаивает Хилл, является однобоким. Быть связанным с „маоцзэдунъидеей“ и с Коммунистической партией Китая, по его мнению, отнюдь не одно и то же, что быть партией, зависимой от Коммунистической партии Китая; между тем, факты говорят об обратном.

Хилл, значит, является провокатором, агентом китайцев; поэтому он не заслуживает того, чтобы о нем и о его так называемой марксистско-ленинской партии говорили больше этого. Относительно этой партии ставится вопрос, существует ли она вообще или нет. Мы никогда не могли узнать, сколько членов в этой партии; однако мы находим, что этой партии не существует даже численно, не говоря уже о том, чтобы она была вооружена ясной, марксистско-ленинской идеологией, которая правильно руководила бы ею в ее работе.

Эти объяснения я давал сегодня товарищам секретарям Центрального Комитета. В заключение я сказал им, что Албанская партия Труда должна предвидеть ожесточенную борьбу со стороны китайских ревизионистов и их охвостья. Китайская тактика теперь нам уже ясна. Мы думаем, что они ограничатся переданной нам вербальной нотой и не ответят на

письмо, которое мы направим им. Они заранее, еще в вербальной ноте от 8 декабря, в которой говорят, что не будут отвечать на наши „обвинения“, а будут продолжать развивать нашу дружбу и т.д. и т.п., показывают, как будут вести себя с нами. В действительности они подговорят других, как Хилла с компанией, нападать на нас, но они всегда будут терпеть провал.

Борьбу против нашей партии китайские ревизионисты начнут в двух направлениях: в рядах международного коммунистического движения и внутри нашей страны. Внутри страны борьба китайцев примет характер саботажа экономического характера. Эта саботажническая деятельность будет конкретизирована в замедлении реализации официально законтрактованных между обеими сторонами кредитов. Доставку предусмотренных на минувшую пятилетку объектов, как мы уже знаем, китайцы безмерно замедляли в эти последние годы. Среди этих объектов имеются такие, которые должны были быть завершены два или три года назад, но работы в них приостановлены, так как нам не поставлены машины и оборудование. Этим нашей стране наносится большой урон в экономическом отношении.

Тем не менее, мы преодолевали трудности, создавшиеся нам китайцами, и не предавали их гласности. Однако нам должно быть ясно, что в будущем они еще больше усугубят эти трудности. Китайским ревизионистским руководителям хочется, чтобы мы заполняли их ящики письмами протеста, на которые, как у них вошло в обычай, они никогда не ответят. Но эти крупные объекты, в строительство которых мы вложили пот и кровь своего народа, мы, конечно, не оставим развалинами. Мы, по мере своих сил, за неимением ответа от китайцев, примем меры к выполнению плана, стараясь закончить объекты нашими возможностями и средствами. Так возникнет конфликт между нами. Они найдут повод обвинять нас: „вы, невзирая на большую помощь, которую мы оказываем вам, не ждали, покуда мы не закончили экспериментирование и т.д. и т.п., а продолжаете строить сами эти объекты, не договорившись с нами; тогда и мы отзовем своих спе-

циалистов“. Таким образом будут отозваны специалисты и прекращена помощь с их стороны. Конечно, это дело примет с их стороны характер политической и идеологической борьбы. Мы, со своей стороны, постараемся, чтобы эта борьба с ними не велась в открытую.

Однако деятельность против нашей партии китайские ревизионисты будут координировать и с борьбой, которую они поведут с нами извне. Я объяснил нашим товарищам, как будет вестись эта их борьба извне. Оба направления борьбы преследуют одну и ту же цель:

Во-первых, изолировать Албанскую партию Труда от всего международного коммунистического движения, с тем чтобы в этом движении не было слышно правильного, марксистско-ленинского голоса нашей партии.

Во-вторых, сколачивать различные группировки, называющие себя „марксистскими“ и состоящие из провокаторов, проявивших себя в своей раскольнической деятельности в рядах марксистско-ленинских коммунистических партий. Китайцы, подобно хрущевцам, будут сколачивать в свою пользу подобные группировки, которые будут субсидироваться ими же самими, а также буржуазией стран, где они сколачиваются. С помощью этих провокаторов они постараются развернуть разнузданную пропаганду против марксизма-ленинизма; их пропаганда будет направлена особенно против нашей партии и будет расточать похвалы в адрес китайской ревизионистской линии. Снова произойдет то, что произошло с хрущевцами, в открытой борьбе против которых вначале оказалась только Албанская партия Труда. Тогда в борьбе с хрущевцами вместе с нами оказалась также и Коммунистическая партия Китая, которая не исходила, однако, из ясных марксистско-ленинских позиций. В некоторые моменты хода событий китайцы наступали рука об руку с нами, затем они отклонились и это их отклонение в сторону от марксизма-ленинизма продолжается. **Своей нынешней ревизионистской деятельностью Коммунистическая партия Китая задается целью создать так называемые марксистско-ленинские партии,**

с тем чтобы они превратились в прислужников китайского ревизионизма, во врагов марксизма-ленинизма.

Наш долг — готовиться к этой борьбе как во внутреннем, так и во внешнем плане. Мы будем вести ее на основе марксизма-ленинизма, который является нашей теорией, на основе установок VII съезда партии. Поэтому надо учесть и ни на миг не упускать из виду того, что два дня назад я сказал нашим товарищам о необходимости глубокого усвоения идей, изложенных на съезде, и правильного разъяснения связанных с ними проблем.

Многие основные политические, идеологические, экономические и др. проблемы, изложенные в докладах съезду, надо будет разобрать, а затем надлежащим образом разъяснить, развивать, чтобы они стали как можно более понятными для коммунистов и для широких масс нашего народа. Это дело должно помогать нам в одно и то же время в двух направлениях — как во внешнем плане, так и во внутреннем, чтобы распознать коварные, враждебные, антимарксистские замыслы китайских ревизионистов. Я считаю целесообразным создать в этих целях определенные группы из числа квалифицированных кадров, которые бы глубоко вдумались и составили тезисы о различных проблемах; эти тезисы нам надо потом обсуждать и те из них, которые окажутся рациональными — одобрить. После теоретической и политической обработки эти тезисы должны стать основой идейно-политической подготовки наших кадров-коммунистов, как и широких народных масс. Эти материалы мы должны также издать, перевести на иностранные языки и отправить и за границу, чтобы передать их марксистско-ленинским партиям в качестве дальнейшего пояснения документов нашей партии об основных проблемах, выдвинутых VII съездом. Таким образом, думается мне, мы успешно справимся с делом оказания помощи международному коммунистическому движению, опережая, тем самым, агентуру китайских ревизионистов, ибо надо предвидеть, что в этой борьбе, которую ведут против марксизма-ленинизма и нашей партии, китайцы пустят в ход многочисленные и мощные средства пропаганды.

Я уверен, что, если мы как следует организуем борьбу (и нам обязательно надо как можно лучше организовать эту борьбу, ибо это жизненно важное дело), мы изобличим китайских ревизионистов, даже и не называя их по имени открыто. Это не означает, что мы не должны дать ответ некоему Хиллу, иксу или игреку, которые, совсем не называя нас по имени, хором будут нападать на положения нашего VII съезда. Мы улучим случай и подходящий момент, чтобы сразу ответить им всем, или же тем, которые, по указке китайских ревизионистов, будут атаковать положения нашего VII съезда. Подготовка, о которой я говорил выше, служит именно этому делу. Если они нападут на нас поименно, то нам надо будет подумать, следует или не следует вступать в полемику с тем или с другим. Дело в том, чтобы заблаговременно принять продуманные меры, с тем чтобы толком объяснять и решительно, правильно, в духе марксизма-ленинизма защищать положения нашего съезда. Их можно защищать ясным объяснением и как можно более понятным истолкованием каждого из этих положений, ибо в рядах марксистско-ленинских партий есть и будут люди, которые не как следует понимают наши положения. Причем многие из этих людей уже зашевелились, так как в партиях, членами которых они являются, дело идет к рутине, т.е. в них бытуют положения, преподнесенные китайцами.

Как видно, китайцы и Хилл встали на социал-демократический путь. Им не понимать, что марксистско-ленинские коммунистические партии в исключительно трудных условиях борются против вооруженной до зубов буржуазии, против американского империализма и современного ревизионизма, возглавляемого советским социал-шовинизмом. Они не понимают, что им обязательно надо работать, готовиться и применять обе формы борьбы, — и легальную и нелегальную — и уметь сочетать их так, как тому учит Ленин. На словах китайцы все это признают, а в действительности они стоят только за открытые, социал-демократические формы работы, ибо, конечно, и сами они являются социал-демократами, прикры-

вающимися „марксистско-ленинскими“ лозунгами, которые фактически являются антимарксистскими.

Другой вопрос, который мы должны предвидеть, связан с работой внутри страны. Мы должны с каждым днем все лучше разъяснять всем, что, поскольку классовые враги существуют, они будут орудовать. При хорошей разъяснительной работе со стороны партии деятельность классовых врагов, если они будут пытаться косвенно использовать противоречия, существующие между нами и Коммунистической партией Китая, и борьбу, которая ведется против Албании через зарубежные радио, не будет иметь успеха; наоборот, она будет способствовать усилению бдительности коммунистов и трудящихся и успешной подготовке их к еще более трудным дням.

Другой проблемой для нас являются экономические вопросы. Мы никоим образом не должны думать, что борьба, которую ведут с нами Китай и его сателлиты, не будет иметь отрицательных для нас последствий. Мы должны заблаговременно думать об отрицательных последствиях этой борьбы, предвидеть и опередить их. Это требует, чтобы мы целиком мобилизовали свои силы на борьбу за полное выполнение всех, без исключения, многочисленных плановых заданий во всех областях народного хозяйства и жизни страны.

В нынешней обстановке огромное значение приобретает особенно выполнение задач в области сельского хозяйства и рудников, в первую очередь в области добычи нефти. Мы должны уделять большое внимание нефти, выявлять новые нефтеносные поля, не допускать аварий, ибо мы должны уяснить себе, что без нефти отстанут все области народного хозяйства. Остальные полезные ископаемые приносят нам хорошие доходы как путем их обработки в стране, так и путем экспорта их в виде сырья. Однако в области экспорта минералов враги могут саботировать нам, используя, например, даже и заурядность некоторых наших работников торговли, из-за неповоротливости которых мы можем не найти рынка для сбыта своих товаров.

Нам надо уяснить себе, что мы не такое государство, которое может за известное время накапливать большие нераспроданные запасы минералов. Если мы этого не поймем, то у нас создадутся тяжелые ситуации. Поэтому в этом отношении мы должны поразмыслить. Иметь особые планы на случай таких трудных ситуаций, которые, как мы предвидим, будут нам созданы, это еще не все; нам необходимо более ловко работать как в направлении развития рудников и шахт, так и в направлении экспорта минералов, будь это в обработанном или в полуобработанном виде или в виде сырья. Надо прилагать всесторонние усилия к тому, чтобы в наших складах и наших портах не создавались залежи минералов и других товаров.

Другим жизненно важным для нас сектором является сельское хозяйство. Его мы должны развивать интенсивно, с тем чтобы народ мог питаться, одеваться и обуваться, т.е. чтобы не снижался экономический уровень наших трудящихся.

При выполнении наших планов мы должны идти фронтально; но имеются и некоторые объекты, строительство которых, правда, предусмотрено нами в этих планах, но может быть отложено, поэтому их можно без колебаний временно отложить в пользу этих двух ключевых проблем, требующих разрешения при сложившихся условиях.

В связи с этим я порекомендовал товарищам серьезно и как можно скорее подумать об этих вопросах, не предоставлять их самотеку и не успокаиваться на некоторых половинчатых мерах. Необходимо хорошо продумать программу работы, которую надо проделать в целях решения всех этих крупных проблем.

СУББОТА
25 ДЕКАБРЯ 1976 г.

АГЕНТУРНЫЕ МЕТОДЫ ДЛЯ РАСКОЛА МИРОВОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Меня ввели в курс беседы, которую глава делегации Коммунистической (марксистско-ленинской) партии ... имел с нашими товарищами. Этот друг, как он сам нам сказал, поехал в Китай как посланник представителей 8 коммунистических (марксистско-ленинских) партий стран Латинской Америки осведомить Коммунистическую партию Китая о совещании, проведенном этими 8 партиями и о подписанном ими заявлении.

Этот товарищ был возмущен и разгневан инквизиторскими методами, которые были применены по отношению к нему восьмью сотрудниками Гэн Бяо, ибо сам Гэн Бяо счел ниже своего достоинства присутствовать в этом „суде". Он сказал: „Я впервые выезжаю из своей страны и никогда не представлял себе, что между двумя братскими партиями могут быть отношения, похожие на отношение следователя к сидящему перед ним преступнику. В этом случае, — сказал он, — „преступником" был я, Секретарь Коммунистической (марксистско-ленинской) партии, а „следователем" были они.

Часами и днями, без перебоя, — продолжал он, — китайцы забрасывали меня вопросами и настаивали на том, чтобы я читал их материалы.

Они обвиняли Албанскую партию Труда и 8 партий стран Латинской Америки в том, что они открыто и во всеуслышание „возводили обвинения" на Коммунистическую партию Китая и на линию Мао Цзэдуна. Я решительно отверг эти обвинения и спросил их: почему вы замешиваете Албанскую

партию Труда в этот вопрос? Относительно нашего совещания она ни при чем, она не была в курсе его; это мы поставили ее в известность, как ставим и вас. Китайцы назвали совещание представителей 8 наших партий „заговором против Китая, наподобие того, который был устроен в Бухаресте".

Какие противоестественности! Китайцы, сказал этот товарищ, находят, что Латинская Америка не является добычей Соединенных Штатов Америки, и что государства этого района не идут по пути фашизации, а являются „независимыми буржуазно-демократическими государствами". „По мнению китайцев, — продолжал он, — мы должны прекратить вооруженную борьбу и даже выступить с самокритикой за то, что мы начали эту борьбу".

Затем этот товарищ добавил, что, „нарушая всякие нормы, китайцы яростно обрушились на Албанскую партию Труда, перечисляя ряд противоречий, которые у вас имеются с линией и стратегией Мао Цзэдуна.

Они измучили, изнурили меня, смотрите, как я иссох, — сказал он нам, — они хотели сломить меня, пытались заставить меня капитулировать перед ними. Я был один, их было 8, однако я выстоял перед ними. Теперь, когда я нахожусь в Албании, я счастлив и спокоен, я совершенно избавлен от этой жути, о которой, наконец, я сказал вам".

Я порекомендовал Рамизу дать этому товарищу отдохнуть, а затем встретиться с ним, выслушать его и, в общих чертах, отвергнуть обвинения и измышления, которые китайцы возводят против них и против Албанской партии Труда. Потом, другой раз, все эти контробвинения нашей стороны подкрепить документами, показывающими марксистско-ленинскую линию Албанской партии Труда и ревизионистскую линию Коммунистической партии Китая.

Мы правильно поняли тактику Коммунистической партии Китая. Китайцам не хочется ответить нам прямо, потому что они не смеют вступать в полемику с нами. С другой стороны, они прибегают к троцкистским, агентурным, инквизиторским приемам в борьбе, которую за глаза ведут против нашей пар-

тии, в своих попытках изолировать нас от международного коммунистического движения и подорвать его единство. Это деяние, типичное для великого, буржуазного, капиталистического и империалистического государства. Мы будем решительно бороться с ними и победим их.

ВТОРНИК
28 ДЕКАБРЯ 1976 г.

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ О БАЛЛЫСТСКОМ „ДЕКАЛОГЕ“ МАО ЦЗЭДУНА

Китайские ревизионисты во главе с группой Хуа Го-фэна, захватившего власть в Китае путем военного путча, опубликовали в текущей неделе документ Мао Цзэдуна, речь из десяти пунктов („О десяти главных соотношениях“), произнесенную им на расширенном заседании Политбюро Центрального Комитета в апреле 1956 года.

Этот документ написан до VIII съезда Коммунистической партии Китая, на котором отчетный доклад зачитал Лю Шаоци. Доклад был ревизионистского содержания. Мы, присутствовавшие на съезде, удивились тому, как мог быть зачитан такой доклад и особенно удивляемся тому, как он не был осужден, по крайней мере, позднее, вместе с Лю Шао-ци, который был ликвидирован. В этом докладе VIII съезду вопросы толковались согласно идеям Мао Цзэдуна, так что и после Культурной революции его считали правильным. **Это подтверждается десятью пунктами баллыстского „декалога“ Мао, составляющими его стратегию и его немарксистское, эклектическое мировоззрение.**

Эти десять пунктов были написаны и выдвинуты Мао после XX съезда Коммунистической партии Советского Союза, где ревизионист и ренегат Хрущев обрушился на марксизм-ленинизм, оклеветал Сталина и облил его грязью. **Этим Мао выступил с инициативой, которая, быть может, была согласована с хрущевцами. Так оно и было. Мао был поставлен в известность Хрущевым о его ревизионистских идеях и о его будущих действиях. Мао был согласен с Хрущевым, о чем**

он публично заявил на московском Совещании 1957 года, где он превознес Хрущева, обрушился с нападками на Сталина и одобрил ликвидацию Хрущевым „антипартийной группы Молотова и его компании“. Этим Мао оказал содействие Хрущеву. Он был согласен с линией XX съезда, он был против Сталина. VIII съезд Коммунистической партии Китая был согласован с хрущевцами, ибо оба „кума“ были одержимы одинаковыми идеями. Конечно, Хрущев также дал Мао много обещаний, однако он не выполнил их, он лишь надул его, чтобы вывернуться.

Мао стремился помочь не Хрущеву, а самому себе, ибо он задавался целью сделать Китай главным руководителем коммунистического мира, а ему самому, Мао, занять место Сталина, которого считали уже зарытым землею. Мао решительно добивался гегемонии.

Со своей стороны Хрущев стремился поставить в строй Мао Цзэдуна и держать его под своей властью, однако вмешалась Албанская партия Труда, которая выступила в защиту марксизма-ленинизма и Коммунистической партии Китая. В Бухаресте вспыхнул огонь полемики, которую Албанская партия Труда „пулеметными очередями“ продолжила на совещании 81 партии в Москве. Мао стоял за тушение этого огромного пожара, он был против полемики. Он был за совещания, за социал-демократические сделки, ибо он сам был социал-демократом, оппортунистом, ревизионистом. Однако Мао не удалось потушить огонь и прекратить полемику, и, поняв, что он не смог установить свою гегемонию, изменил позицию. Мао кое-как стал „более прочно“ на антисоветские позиции, и в этом он, внешне, соприкасался с нами, последовательно борющимися с хрущевским ревизионизмом. Но и в то время он лелеял надежды на сближение с хрущевскими ревизионистами. Китайские руководители приложили усилия к этому, но мы выступили против.

Когда Хрущев был низложен, у Мао возродились надежды. Он послал Чжоу в Москву, предложил и нам поехать туда, но мы решительно отказались. Это было фиаско для Мао Цзэдуна. Тогда он, бросив стратегию борьбы на двух фрон-

тах, повернулся лицом к Соединенным Штатам Америки. Многочисленные встречи китайского и американского послов в Варшаве подготовили почву для поездки в Китай Киссинджера, а за ним и Никсона.

Пролетарская революция кончилась чепухой на постном масле. Она осталась на полпути, или, вернее, укрепила личные позиции Мао Цзэдуна. Левые „одним ударом были ликвидированы" правыми с Хуа Го-фэном во главе. Итак, ревизионистская линия Мао одержала верх, вышел в свет „декалог", подходящий для правых. **В этом „декалоге" совершенно не говорится о мировой революции, о диктатуре пролетариата, о классовой борьбе и о помощи свободолюбивым народам, борющимся за свое освобождение.**

Этот документ служит зеркалом ревизионистских идей Мао, который выступает за мирное сосуществование и с Соединенными Штатами Америки, хотя он и совершенно не упоминает о них. Я бросаю беглый взгляд на этот документ, однако его надо глубоко проанализировать.

Что касается антимарксистских, прагматических, либеральных, путчистских и полных зигзагами идей Мао Цзэдуна, Чжоу Энь-лая, Дэн Сяо-пина, Хуа Го-фэна и других китайских ревизионистов, то нам нечего удивляться. Эти их идеи — старые, пятидесятилетние идеи, идеи, переплетенные с идеализмом и мистицизмом, окрашенные красной краской, которая выцветает от солнца марксизма-ленинизма.

Одной из главных целей этого „декалога" Мао было установление грани между ним и Сталиным, между социалистическим строительством в Советском Союзе и идеологией, руководящей строительством социализма в Китае. Другими словами, марксистской теории Мао Цзэдун противопоставляет свои идеи, „маоцзэдунъидею", как китайцы называют ныне эти так называемые „одинаковые с основной теорией марксизма-ленинизма" мысли, которые на самом деле являются ее противоположностью.

Еще в 1913 году Ленин предвидел деятельность антимарксистов, кто бы они ни были — Мао, маоисты и др., когда в

своем произведении „Исторические судьбы учения Карла Маркса“ он писал, что:

> *„Диалектика истории такова, что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его* **переодеваться** *марксистами“*[1].

Как видно из этого „декалога“, по многим принципиальным вопросам Мао Цзэдун давно шел вразрез с революционной теорией и практикой марксизма-ленинизма. Как явствует из „декалога“, еще во время „Великого похода“, еще в Яньани, он придерживался антимарксистских взглядов на гегемонию рабочего класса и проповедовал руководящую роль крестьянства в революции. И ныне так называемый третий мир Мао считает „центром и руководящей силой революции“, отрицая тем самым руководящую роль международного пролетариата. Своими антимарксистскими взглядами, находящими свое отражение и в этом „декалоге“ и выкристаллизовавшимися в разгаре китайской освободительной войны, Мао не только упускает из виду классовую борьбу, но и открыто проповедует ее прекращение.

Итак, эти реакционные и антиреволюционные положения Мао зафиксированы и в „декалоге“ 1956 года. В его произведениях в 4 томах не найдешь таких явно антимарксистских и антиленинских положений. По-видимому, Мао Цзэдун был эклектиком, замаскированным ревизионистом, сорвавшим с себя маску только тогда, когда договорился с хрущевскими ревизионистами развенчать ленинизм и опорочить Сталина. Под маской марксизма-ленинизма Мао Цзэдун провозгласил свою псевдомарксистскую теорию, считая, что эта „теория“ „отныне будет руководить мировым пролетариатом и революцией“. Вот почему „маоцзэдунъидея“ носит обманный, тщеславный характер, вот почему она направлена на опорочение марксизма-ленинизма.

---

1 В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 653, алб. изд.

„Маоцзэдунъидея“ руководила и „Великой пролетарской культурной революцией“, противопоставив ее Великой Октябрьской социалистической революции, которая, по мнению Мао, была „преодолена“ и „устарела“ вместе с теорией Маркса и Ленина. Наступили другие времена, так что, по его мнению, понадобилась „новая теория для марксизма“ и такой „теорией“ явилась „маоцзэдунъидея“. Это есть теория современного ревизионизма, которая, как и хрущевская, прикрывается ленинской маской. Обе эти разновидности современного ревизионизма одного поля ягоды, но дело в том, какая из них одержит верх, ревизионистская разновидность Хрущева или Мао, невзирая на то, что обе они сходятся в одном — обе они направлены против марксизма. В этом соперничестве речь идет о том, которое из великих государств возьмет верх над другим, которое из них будет вершать закон.

На этом пути оба они взялись за опорочение гениального дела Сталина. Хрущевцы чего только не выдумали против Сталина, а Мао воспользовался опорочением Сталина, собрал данные, которые нужны были ему, чтобы прикрывать свою ревизионистскую линию, превознести ее до небес как марксистско-ленинскую и лучше замаскировать себя, чтобы одержать верх над хрущевцами. **Мао заявил, что 30 процентов дела Сталина — ошибочно, а 70 процентов — положительно. Искусный мастер балансов! Он взвесил дело Сталина с той точностью, с которой взвешивают помидоры в поле!!**

В первом пункте „декалога“ Мао Цзэдуна излагается антимарксистское положение о том, что преимущество нужно отдавать легкой промышленности и сельскому хозяйству, а не тяжелой промышленности. Мао Цзэдун обосновывает такое косыгинско-ревизионистское отклонение тем, что капиталовложения в тяжелую индустрию — большие и нерентабельные, тогда как индустрия конфет и туфель обеспечивает хорошие доходы, она более рентабельна. Что касается сельского хозяйства, то оно производит продукты питания для народа.

Антимарксистское положение Мао не двигает вперед, а сдерживает развитие производительных сил. Для того чтобы

сельское хозяйство и легкая промышленность могли развиваться нужными темпами, надо развивать горнорудную промышленность, надо производить сталь, нефть, тракторы, поезда, автомобили, пароходы, надо создавать химическую промышленность и т.д. и т.п.

Развитие промышленности, по мнению Мао, представляет собой процесс кустарного характера. Легкая промышленность, за развитие которой ратует Мао, создается не только одними кирпичами, велосипедами, ситцем, термосами и веерами, хотя они, правда, могут приносить кое-какие доходы, но ведь люди, для того чтобы могли покупать эти товары, должны обладать покупательной способностью. В 1956 году Китай, как страна с большим народонаселением, характеризовался отсталой экономикой, и многие ее потребительские товары надо было продавать ценой ниже их себестоимости. Тогда производительность труда была невысокой.

В своем „декалоге“ Мао критикует Сталина и экономическое положение в Советском Союзе. Однако „шила в мешке не утаишь“. Действительность подтверждает, что в Советском Союзе за 24-25 лет со времени революции и до второй мировой войны, под руководством Ленина, а затем — Сталина, благодаря правильной политической линии была создана такая тяжелая промышленность, которая не только дала толчок вперед всей экономике первой страны социализма, но и позволила отразить нападение страшной военной машины гитлеровской Германии. А при экономической политике Мао, хотя с 1949 года и до наших дней прошло около **30 ле**т, как обстоит дело с промышленным потенциалом Китая? Он весьма отстает! И в этом, видите ли, виновна „четверка“! Нет, виновна не „четверка“, а линия Мао, как это доказывают изложенные в „декалоге“ его взгляды.

А как мог обойтись великий социалистический Китай без тяжелой индустрии? Мао, несомненно, рассчитывал на помощь Советского Союза в создании тяжелой индустрии, в противном случае, он повернулся бы лицом к американским кредитам. Увидев, что Советский Союз не „внял“ его просьбе, не оказал ему желанную помощь, Мао приступил к выплавке

стали в печках, сооружавшихся вдоль бульварных тротуаров, или в минидомнах для плавления чугуна. Китай отставал, Китай остался без современной технологии. Китайский народ, правда, больше не бился, как раньше, из-за куска хлеба; однако дойти до утверждения о том, будто в 1956 году китайскому крестьянину жилось лучше, чем советскому колхознику, как это заявил Мао, в то время, когда фактически крестьяне Китая отставали, значит опорочивать дело коллективизации сельского хозяйства и социалистическое строительство в Советском Союзе времен Ленина и Сталина.

Мао Цзэдун с пренебрежением заявляет: „Что толку из разговоров о создании тяжелой промышленности? Надо обеспечить трудящимся средства к жизни". Иными словами, это хрущевская „теория гуляша". И в заключение, в „декалоге" Мао стремится доказать, что они не допускали ошибок, как допускал, мол, Советский Союз, или, вернее, (однако это он говорит не полным голосом) как допускали, мол, Ленин и Сталин. Но, в целях маскировки такого отклонения, он добавляет, что „нам надо развивать также и тяжелую промышленность, но больше внимания должны уделять сельскому хозяйству и легкой промышленности". Вследствие этой его точки зрения, которая проводилась в жизнь прагматически и благодаря которой Китай отстает, этой стране понадобятся десятилетия, понадобится срок вплоть до 2000 года, чтобы кое-как преодолеть отсталость… с помощью и посредством кредитов американского капитала, которые он обеспечивает себе благодаря новой стратегии. Не подлежит никакому сомнению, что Китай может опираться на свои собственные силы, он располагает огромными людскими силами, обладает также значительной экономической мощью, но он отстает из-за своей неправильной линии.

Во втором пункте „декалога" ставится и вопрос: где надо создавать промышленность, в приморских районах или вглубь страны? Мао говорит, что „около 70 процентов всей нашей промышленности, легкой и тяжелой, было создано в приморских районах и только 30 процентов во внутренних районах. Такое неправильное деление есть результат истории". Понят-

но, эта промышленность была создана иностранцами, у которых были там свои концессии и которые добывали сырье во внутреннем Китае, а в приморье обеспечивали себе рабочих-рабов. Такому методу развития и придает значение Мао. Он подчеркивает, что и в будущем следует продолжать строить в приморье; при этом он строит нелепые расчеты, согласно которым на доходы одного объекта легкой промышленности они могут обеспечить средства, необходимые для того, „чтобы за четыре года построить три другие фабрики, или две, или одну, или хотя бы половину одной“. Это похоже на теорию ревизиониста Кочо Ташко, который на первой партийной конференции в Лябиноте заявил, что мы „должны совершить кровопролитную, малокровную, или, возможно, совершенно бескровную революцию“.

В связи с этим вопросом Мао приходит к выводу: „Создавать промышленность и вглубь страны, чтобы иметь ее и на случай войны“.

Но откуда у него наступит война? Из Соединенных Штатов Америки, из Японии, или же из Советского Союза? Видимо, он в то же время думает, что война не грозит ему ни с какой стороны, особенно с моря, поскольку Мао рекомендует сооружать фабрики на побережье.

Мао, видимо, совершенно не думает над тем, каким образом можно сократить немножко народонаселение на Юге и Юго-востоке, чтобы заселить Север и Запад.

В третьем пункте „декалога“ Мао Цзэдун определяет соотношение между экономическим и оборонным строительством. Ясно, что он строит расчеты неправильно, поскольку говорит, что надо сократить расходы на оборону. По мнению Мао, Китай обладает обороной, более мощной, чем оборона Советского Союза периода до второй мировой войны.

Хрущев выдвинул положение о том, что Сталин якобы оставил Советский Союз незащищенным перед лицом гитлеровцев. К аналогичной клевете прибегает и Мао, восхваляясь тем, что благодаря самолетам и пушкам, которыми он располагал, (а также благодаря атомной бомбе, которую должен

был передать ему Хрущев) оборона Китая была вполне обеспечена.

Факты показывают, что Китай отстал. Это следствие недооценки тяжелой промышленности, а также следствие опоры на других в деле укрепления оборонной способности, придерживаясь ошибочной военной стратегии. Ныне Китай передумывает касательно обороны и вместе с этим изменил и союзы. Он сблизился с американцами и приобрел у них современную военную технологию.

В этом же пункте „декалога“ Мао определенно выступает за легкое вооружение, за платных китайских солдат (как при наемной армии) и за сокращение управленческого аппарата, относительно которого ничего не предпринято, наоборот, он превратился в рак для Китая. Это мы сами заметили в 1956 году, когда находились там; они сами сказали нам об этом: все бывшие чанкайшистские военные использовались в качестве оплачиваемых служащих.

В четвертом пункте „декалога“ речь идет об отношениях между государством, производственными единицами и производителями. Конечно, такую организацию, такое организационное деление Китая мы никогда не понимали и не понимаем; мы не знаем каковы отношения между государством, производственными единицами и производителями. Китай может и должен иметь свою специфику, так как он обладает обширной территорией и является многонациональным государством, причем делится он не на республики, а на провинции. Нам было известно, что там существовал демократический централизм, но чтобы провинции не были наделены компетенциями в своей юрисдикции и чтобы фабрики и заводы не работали на основе хозрасчета, это нам и в голову не приходило. Мао говорит, что в Советском Союзе (понятно, времени Сталина) был установлен чрезмерный бюрократический централизм, и что советские республики были связаны по рукам. Мы не знаем, насколько это верно, но знаем то, что столько бюрократизма и централизма, сколько было в Советском Союзе, если не больше, было и есть ныне и в Китае. Однако Китай проводит линию на опорочение Советского Союза времени

Сталина, причем поступает подобно Хрущеву. Мао желает показать себя более умелым „марксистско-ленинским“ организатором, однако своими поступками не идет ли он по пути титовского „самоуправления“?

В этом же пункте Мао отождествляет армию с государством, то есть, орудие государства он называет государством и ставит его даже над партией. В самом деле, как в старом, так и в современном Китае, армия играла решающую роль. Она поддерживала одну фракцию и ликвидировала другую.

Демократический централизм и экономическую независимость от центра Мао опошляет смехотворным и упрощенческим примером, поражающим тем, как этот „великий теоретик“ объясняет с такой *désinvolture** столь важный политический, идеологический и хозяйственно-организационный вопрос социализма?!

Говоря о крестьянстве — и это Мао делает в 1956 году, т.е. всего немного лет спустя после освобождения — **он отмечает и подчеркивает, что колхозная и совхозная система в Советском Союзе есть фиаско, что там крестьяне облагаются непосильными налогами, что продукты закупают у них по низким ценам, и другие бедствия; что же касается Китая, то он едва ли не говорит, что крестьянству там живется в изобилии и счастливо**, что там изобилие продуктов, цены низкие, государственное накопление небольшое. Странный анализ! Мы сами знали, каково было положение как в Советском Союзе, так и в Китае, ибо в те годы мы бывали в обеих странах, поэтому сказанное Мао не соответствует реальной действительности.

В этом пункте „декалога“ анализ, которому Мао подвергает вопросы об отношениях между государством и сельским хозяйством, между коммунами и коммунарами, вопросы распределения доходов, проблему капиталовложений, вопрос о накоплении и жизненном уровне крестьянских коммун и города, нисколько не является марксистско-ленинским анализом, он не служит также ясной и объективной картиной поло-

* По-французски: развязность.

жения, а лишь используется для демонстрирования мнимого „превосходства“ китайского сельского хозяйства над советским. Хрущев прослыл „теоретиком сельского хозяйства“, якобы призванным вывести его „из грязи, куда завел его Сталин“. А Мао подражает этому кулаку и скупщику.

Этот столь важный вопрос Мао исчерпывает утверждениями о том, будто в Китае все идет благополучно; тяжелую промышленность он отодвигает на третий план, буржуазных фабрикантов интегрирует в социализм, так же он рекомендует поступать и с сельскими кулаками, с тем чтобы все налаживалось согласно его, маоистской, теории, которую он считает совершенно правильной, безукоризненной теорией. В действительности же эти идеи Мао идут вразрез с идеями Ленина и Сталина.

Нет лучшего доказательства мегаломании этого ревизионистского „классика“, лучшего свидетельства того, что он опорочивает дело Ленина и Сталина.

В пятом пункте „декалога“, в котором речь идет об отношениях между центром и местами, Мао Цзэдун указывает, каковы должны быть эти отношения. Конечно, это зависит от компетенций, которыми места в Китае наделены центром. Это связано с огромными и обширными территориями этой страны. В этом пункте Мао Цзэдун пишет, что нельзя следовать примеру Советского Союза, где все дела сосредоточены в руках центральных органов, зажимая инициативу местных органов, а надо стараться, чтобы последние самостоятельно управляли делами. Этим Мао хочет сказать, что союзные республики Советского Союза не имели никаких компетенций. Это блеф, это обман, ибо, как нам известно, советские республики имели свои планы экономического развития, планы развития своей промышленности, сельского хозяйства и т.д., которые, конечно, были тесно связаны и с центральными планами. Итак, утверждать, что республики в Советском Союзе, подобно провинциям в Китае, не имели компетенций, значит дискредитировать социализм, построенный там во время Сталина, значит стараться доказать, что организация, управление, идеология и политика Китая стоят выше, чем в Советском

Союзе, что ленинская практика экономического строительства социализма в Советском Союзе, по мнению Мао, была неправильной, ибо, по его утверждениям, эту ленинскую практику извратил, мол, Сталин! Однако мы знаем, что Сталин верно проводил ленинскую политику в области экономики и идеологии, как и в организационной области. Не исключено, чтобы в ходе этой колоссальной работы и там были допущены ошибки. Сам Мао Цзэдун признает, что и в Китае допускались ошибки, однако, когда речь идет о Советском Союзе, он очень раздувает эти ошибки, преувеличивает их до того, что становится очевидным его стремление опорочить правильную систему социалистического строительства при Сталине.

Нелепо утверждать, что в Советском Союзе времени Сталина местные органы не проявляли инициативы. **Не стремится ли этим Мао Цзэдун минимизировать и умалить роль демократического централизма и оправдать путь титовского „самоуправления"?** Мы не забываем о том, каково мнение Мао Цзэдуна о Тито. Раз Мао Цзэдун утверждает, что Сталин ошибся по отношению к Тито, он одобряет методы „самоуправления" югославской экономики, то есть методы титовского ревизионистского „самоуправления". Такое „самоуправление" Мао намеревается постепенно внедрять и в Китае. Он не забывает говорить и о специфике. Интересны заявления китайцев о том, что хотят построить специфический социализм. В этом вопросе они сходятся с Тито, который уже давно разглагольствует о „специфическом социализме". Дело тут не только в термине, употребляемом китайцами, но и в содержании и во вложении титовского опыта в это содержание.

В шестом пункте Мао говорит об отношениях между национальностью хань и национальными меньшинствами, живущими в Китае. В теории можно говорить сколько угодно о равенстве между нациями, но в самом деле в Китае господствует национальность хань. В отношениях между национальностями народность хань сохраняла и сохраняет превосходство, она доминирует и распоряжается другими народностями, вопреки употребляемым затасканным и демагогическим формулам. Во время Сталина отношения между русскими на-

циональностями и национальными меньшинствами были не такими, какими их изображает Мао. Ошибки имелись, но не такие, как Мао говорит. В Китае нет демократии и равенства между национальностями. Там, как и в прошлые времена, господствует военная диктатура. Фракция той национальности, которая имела на своей стороне армию, навязывала свою волю народным массам и партии. **Это значит, что во главе партии там стоит армия, во главе государства также стоит армия.**

В седьмом пункте, в котором трактуется вопрос об отношениях между партийными и беспартийными, Мао Цзэдун целиком и полностью придерживается ревизионистской и оппортунистической линии. Коммунистическую партию он не ставит во главе, в руководство; он дает понять, что она стоит в руководстве, но ратует и выступает за деление власти с буржуазными партиями. Это значит, что Мао выступает за многопартийную систему в руководстве пролетарским государством. Наличие разного рода партий он считает необходимым по многим причинам, в частности потому, что Коммунистическая партия Китая может стать объектом критических замечаний и потому, что через эти партии можно многое узнать о том, что устраивается и что происходит под полой и т.д. **Существование таких партий он считает определяющим фактором, или, вернее, необходимым фактором строительства социализма в Китае.**

При этом Мао идет вразрез с Лениным, который, конечно, не позволял, чтобы другие партии, кроме большевистской, руководили советским государством. Итак, принять многопартийную систему в руководстве, значит придерживаться антимарксистских идеологических взглядов. В этой главе Мао старается свести эти партии к горстке людей, к нескольким руководителям, которые „выступают с кое-какой критикой, или же одобряют решения Коммунистической партии Китая". Дело тут не в отдельных личностях — передовых демократах, которых, как Коммунистическая партия Советского Союза, так и наша партия и все другие партии допускали к фронту, держали их поближе и советовались с ними, когда

это нужно было. **Нет, Мао Цзэдун узаконивает существование буржуазных партий в руководстве пролетарским государством. Этим он пытается показать, будто „демократические партии — это плод истории“, и что „все, что появляется в истории, исчезает также в истории“.** Марксистам-ленинцам ясно, что каждая партия представляет интересы определенных классов и слоев, поэтому какой смысл сохранять при социализме партии, представляющие интересы буржуазии? Это значит не вести классовой борьбы, не бороться за гегемонию пролетариата и его партии.

Эти так называемые демократические партии, вплоть до гоминьданской партии, по мнению Мао, отомрут так же, как отомрет и Коммунистическая партия. „Мы будем очень довольны отмиранием коммунистической партии и диктатуры пролетариата“, — заявляет он.

Мао не забывает сказать, что ныне нам не обойтись без диктатуры пролетариата и без партии пролетариата. Он делает упор на это и отмечает необходимость укрепления партии; он даже ссылается на Ленина, но он это делает после того, как уже пустил яд. Ленин говорил, что нам не обойтись без партии пролетариата и без диктатуры пролетариата; он объяснял также значение этой диктатуры. В 1920 году Ленин говорил:

> *„Кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата“*[1].

Сталин также говорит:

> *„Стоит только поколебать партию, ослабить ее, чтобы мигом поколебалась и ослабла диктатура пролетариата“*[2].

---

1 В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 33, алб. изд.
2 И. В. Сталин, Соч., т. 7, стр. 347, алб. изд.

В восьмом пункте, где речь идет о соотношении между революцией и контрреволюцией, Мао Цзэдун говорит, что диктатура пролетариата нужна для подавления контрреволюции и контрреволюционеров, но, к сожалению, он балует контрреволюционеров. **Он признает, что „первое время мы убили несколько контрреволюционеров, но больше не следует убивать, не следует сажать в тюрьму, не следует передавать их суду, а переубеждать их, посылать их в деревню, чтобы они воспитывались в труде“ и т.д. и т.п. „Мы можем оставлять в силе закон о смертной казни, — заявляет Мао, — но мы не должны применять его на практике“!** Что это такое? Это ведь не классовая борьба. Этим нельзя ликвидировать контрреволюцию, нельзя ликвидировать эксплуататорские классы.

Однако в связи с этим Ленин в частности рекомендовал:

> *„...вплоть до поголовного изгнания или интернирования эксплуататоров наиболее опасных и упорных, установление над ними строгого надзора для борьбы с неизбежными попытками сопротивления и реставрации капиталистического рабства, только подобные меры в состоянии обеспечить действительное подчинение всего класса эксплуататоров“*[1].

Из положений „декалога“ Мао, по всей видимости, изъято многое, ибо несколько месяцев спустя после VIII съезда Коммунистической партии Китая буквально говорилось, что владельцы фабрик и заводов должны получать ренту и быть их замдиректорами. Подобная точка зрения пронизывает все эти положения Мао Цзэдуна. Он оставляет капиталистических реакционеров в управлении фабриками и заводами, бывшими их собственностью, дает им часть доходов этих фабрик и заводов, которые были национализированы, но частично считаются их собственностью, и забывает о том, что они строили и расширяли их за счет крови и пота рабочих. Разве это

---

1 В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 201, алб. изд.

классовая борьба? Нет, это нисколько не является классовой борьбой. **Эти бывшие владельцы, согласно Мао Цзэдуну, должны слиться с обществом, врасти в общество, воспитываться в обществе.** (Т.е. они должны быть интегрированы в социализм. О врастании капитализма в социализм ныне много разглагольствуют буржуазные и ревизионистские „теоретики“, а также титовцы, „еврокоммунисты“ и т.д.) „Это, — утверждает Мао, — было бы очень хорошо, по многим причинам, одной из которых является то, что мы (китайцы), дадим, таким образом, хороший пример другим странам мира“. („Хороший“ пример того, как не бороться с врагами народа!)

Совершенно иначе думает Ленин. Он говорит:

> *„И борьбу с этой стихией нельзя вести только пропагандой и агитацией, только организацией соревнования, только отбором организаторов, — борьбу надо вести и принуждением“*[1].

И опять, в связи с этим вопросом, Ленин подчеркивает:

> *„...Всякое допущение мысли о мирном подчинении капиталистов воле большинства эксплуатируемых, о мирном, реформистском переходе к социализму является не только крайним мещанским тупоумием, но и прямым обманом рабочих“*[2].

Другая точка зрения Мао это то, что, по его мнению, если ликвидировать капиталистов, мы лишимся еще другого источника сведений, так что не будем знать, что происходит в их среде. Какие „гениальные“ выводы, нацеленные на затухание классовой борьбы! Чжоу Энь-лай, обвиняя нас в том, будто мы не ведем классовой борьбы, попытался убедить и нас вести именно такую „классовую борьбу“. Этим он хотел

---

1 В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 295, алб. изд.

2 В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 201, алб. изд.

узнать, в какой мере мы вели классовую борьбу, стояли ли мы за линию Мао Цзэдуна на затухание классовой борьбы, или же мы придерживались ленинской и сталинской линии на упорное ведение этой борьбы.

Мао насаждал культ своей личности в Коммунистической партии Китая и не претворял в жизнь великого учения марксизма-ленинизма ни о классовой борьбе, ни о железной пролетарской дисциплине, ни о диктатуре пролетариата. Коммунистическая партия Китая росла и воспитывалась на либеральных, реформистских началах, в условиях существования двух или больше линий. Значит, основные положения марксизма-ленинизма являются мнимыми для Мао и для Коммунистической партии Китая.

Люди, наподобие Мао Цзэдуна, обвиняют Сталина в том, что он, мол, допускал ошибки в вопросе о классовой борьбе, а сами утверждают, что при социализме классовая борьба постепенно ослабляется. Более того, Мао Цзэдун открыто призывает прекратить классовую борьбу, не казнить преступников, не расстреливать опасных врагов, никого не сажать в тюрьму. А Сталин никогда этого не делал. Он на практике упорно, решительно и до конца продолжал борьбу с врагами народа. В целях оправдания контрреволюции и защиты ее, Мао Цзэдун приводит пять-шесть аргументов в „доказательство“ того, что его путь является, мол, правильным, марксистско-ленинским.

Мао призывает покончить с насилием, со смертной казнью, с судами и прокуратурами, с тем чтобы не наказывать контрреволюционеров. Он проповедует только воспитание и пропаганду. А где же тут классовая борьба со стороны Мао? В чем состоит диктатура пролетариата в его взглядах и практике?

В девятом пункте Мао говорит об отношениях между правильным и неправильным. Во что он метит, говоря об этих отношениях? И здесь Мао норовит атаковать Сталина. Он говорит, что „Сталин расстреливал людей за малейшую ошибку“. Это клевета. Сталин не расстреливал людей за ошибки, наоборот, он старался исправить заблудившихся и

об этой истине свидетельствуют документы. Сталин давал указания сажать в тюрьму и заключать в концлагеря злодеев или расстреливать контрреволюционеров, предателей, шпионов и других врагов народа за особо опасные преступления. Если бы он поступал не так, нельзя было бы построить социализм в Советском Союза, и Сталин не стоял бы на ленинском пути. Мао Цзэдун же выступает против такого курса. Он обобщает этот вопрос, и одинаково относится как к тем, кто совершал не очень опасные преступления, которых никоим образом не следует расстрелять, так и к контрреволюционерам. Разве мы когда-либо говорили, что надо расстреливать людей, не совершавших опасных преступлений? Наоборот, мы за то, чтобы таких людей исправить, да мы так и поступали.

В десятом и последнем пункте „декалога“ идет речь об отношениях Китая с другими странами. Эти отношения, которые он разъясняет и возводит в тезисы, являются оппортунистическими, ревизионистскими отношениями. Они преследуют цель мешать проведению в Китае правильной, революционной линии на поддержку мирового пролетариата и мировой революции, на поддержку марксистско-ленинских коммунистических партий, мешать последним успешно бороться с буржуазией, с капитализмом и современным ревизионизмом. Фактически Мао — это такой же современный ревизионист, что и советские, титовские и другие ревизионисты.

Относительно внешней политики Китая, в пресловутых тезисах Мао Цзэдуна говорится: „Наша политика состоит в том, чтобы учиться на всем положительном, что имеется у всех других наций и стран, усвоить все положительное в политической, экономической, научной и технической областях, а также в области литературы и искусства“. Это и есть вся его политика. Чтобы осуществилось все это, согласно Мао Цзэдуну, надо установить мирное сосуществование (ревизионистское) со всеми государствами мира. Для Мао нет никакого различия между этими государствами. Позже, игнорируя существующий в той или другой стране социально-эконо-

мический строй, Мао Цзэдун разделил мир натрое и выступает за стратегию „трех миров“. Он не против никакого „мира“. И в „первом мире“, куда Мао включает американский империализм и советский социал-империализм, он не делает никакого отличия. Сегодня он выступает на стороне американского империализма, завтра же он может выступать против него; сегодня он выступает против советского социал-империализма, завтра же он может выступать на его стороне. Значит, он действует смотря по обстоятельствам, сообразно с ревизионистскими интересами китайского государства, а не на основе принципов марксизма-ленинизма, он не думает о том, что надо бороться с империалистическими державами и поддерживать национально-освободительную борьбу народов.

Подобной линией Мао Цзэдун не может поддерживать национально-освободительную борьбу народов. Он может пускаться в демагогию и заявлять, что „мы, китайцы, на стороне народов третьего мира“, однако все это лишь пустозвонство. Раз он придерживается вышеупомянутой тактики, раз он на стороне американского империализма, отношения с которым он не хочет испортить, так как ему нужно „учиться“ у него, получать от него и кредиты, открытые или тайные, Мао Цзэдун не может быть с народами так называемого третьего мира, которые борются с американским империализмом, не может помогать им избавиться от ярма этого империализма. Демагогически он норовит выступить в защиту государств, находящихся под влиянием советского социал-империализма, но это он делает с целью перевести их либо под влияние Китая, либо под влияние Соединенных Штатов Америки.

Придерживаясь антимарксистской стратегии, Мао дал согласие на поездку Никсона в Китай, хотя это государство официально не было признано США; он согласился также снять для визита американского президента барьер — тайваньский вопрос, — который стальной стеной был воздвигнут для любой страны, желавшей установить дипломатические отношения с Китаем. С тех пор он отложил в долгий

ящик тайваньский вопрос. Этим он говорит Соединенным Штатам Америки, что они могут остаться на Тайване, в Японии, на островах Окинавы, в Бирме и т.д.; именно на этой стратегии Мао и основывают Китай и его нынешние ревизионистские руководители свою внешнюю политику и свою оборону. Китайское руководство, наверняка, дало согласие на то, чтобы американцы оставались и в Южном Вьетнаме, чтобы была прекращена война, чтобы вьетнамцы подружились с американцами. По этому вопросу, должно быть, возникли противоречия между китайцами и вьетнамцами, которые одно время открыто заявляли, что „мы (вьетнамцы) никакому другому государству не позволяем вмешиваться в наши внутренние дела…“.

Мао Цзэдун обвиняет Сталина в левом авантюризме, обвиняет его в оказании большого давления на Китай и на Коммунистическую партию Китая. Сталин, видимо, не питал доверия к руководству Коммунистической партии Китая. **Когда был освобожден Китай, Сталин выразил подозрение в том, что китайское государство могло стать на титовский путь. Бросая взгляд на все главные положения ревизионистской линии Мао Цзэдуна касательно всего того, что он выдвигает против Сталина, полным голосом можно сказать, что Сталин был поистине великим марксистом-ленинцем, он правильно предвидел, по какому пути пойдет Китай, давно раскусил взгляды Мао Цзэдуна и пришел к заключению, что они были титовскими ревизионистскими взглядами по многим вопросам — как по вопросам международной политики, так и по вопросам внутренней политики, классовой борьбы, диктатуры пролетариата, мирного сосуществования между странами с различными общественными системами и т.д.**

Публикуя этот „декалог“, Хуа Го-фэн и его компания хотят легализовать свою ревизионистскую линию, легализовать свою контрреволюционную деятельность, легализовать прекращение Культурной революции, ибо они думают, что так им легче будет удить, хотя, как я и раньше писал, Культурная революция в Китае велась не на революционных, а на оппортунистических началах. Она являлась борьбой одной оппорту-

нистической группы во главе с Мао Цзэдуном против другой оппортунистической группы во главе с узурпировавшими власть Лю Шао-ци, Чжоу Энь-лаем, Дэн Сяо-пином, Пэн Чжэнем и др. Мао Цзэдун был поставлен под угрозу со стороны группы его противников и его особу выбросили бы на свалку истории подобно тому, как Мао выбросил Лю Шао-ци. Мао сумел воспользоваться своим культом личности, превознесенным до небес, хотя в культе личности он обвиняет других, обзывая их хвастунами. Хвастунами, согласно Мао, являются Сталин и его товарищи. Значит, Мао Цзэдун воспользовался разнузданным культом личности, который всю жизнь раздували вокруг его особы, поднял на ноги армию, оперся на нее и на учащуюся молодежь и развернул так называемую Культурную революцию. Однако он воспрепятствовал доведению до конца и этой революции, потому что она ставила под угрозу все оппортунистические кадры, входившие в группу Лю Шао-ци и Чжоу Энь-лая, она ставила под угрозу и самого Мао Цзэдуна. Поэтому некоторое время спустя он повернул руль в другую сторону, выступил в поддержку правых и облек властью Чжоу Энь-лая, который разработал и привел в исполнение его планы.

В это время новые элементы, выдвинутые Культурной революцией, особенно участники „четверки“, которых ныне Хуа Го-фэн называет „предателями“, видели, к какой страшной пропасти шел Китай, и своими способами и методами, которые, видимо, были не очень продуманными и зрелыми, а может быть и не совсем правильными, но во всяком случае более или менее революционными, постарались ограничить эту враждебную деятельность, которая вела Китай к социал-империализму. Со смертью Мао правым удалось захватить власть. Они зараз, одним махом, как говорится, нанесли удар левым элементам и подавили революцию. Значит, контрреволюционеры, которые при поддержке Мао Цзэдуна и его последователей проникли в органы власти и в партию, подавили революцию в Китае.

ПЯТНИЦА
31 ДЕКАБРЯ 1976 г.

КИТАЙСКАЯ СТРАТЕГИЯ ТЕРПИТ ФИАСКО

Ничего, никакие антимарксистские действия китайцев не должны удивлять нас. Мы рассматриваем действия и взгляды Коммунистической партии Китая, ее Центрального Комитета и Мао Цзэдуна в марксистско-ленинском свете, освещающем нашу партию. Однако ни одно из их действий не соответствует нашей теории, так как Коммунистическая партия Китая не руководствуется марксистско-ленинской теорией.

Как я говорил и писал и раньше, этой болезнью Коммунистическая партия Китая заболела с самого начала своей деятельности. Она ошибками начала эту деятельность и ошибками же продолжает ее, даже и в основных вопросах марксистско-ленинской теории, хотя об этой ее деятельности официально ничего не написано. Говорят о фракционной борьбе, которая велась в ее рядах: каждая фракция критиковала и обвиняла другую; одна фракция выдавала себя за сторонницу Коминтерна, другая — нет; одна утверждала, что „руководствуется идеологией рабочего класса“ и считала этот класс гегемоном в пролетарской революции, другая же признавала за крестьянством роль гегемона.

Коммунистическая партия Китая эти вопросы никогда не анализировала на научной основе, сквозь призму марксистско-ленинской теории, она не рассматривала их с учетом условий Китая. Даже и если она делала это, то в этих так называемых анализах преобладают агитация и пропаганда, насыщенные пустым и стереотипным фразерством, идеалистическим и софистическим по форме и по содержанию, похожим на старый стиль буддистских, идеалистических и мистических писа-

ний, в которых возвышается и превозносится культ той личности, которая „духовно“ руководит и управляет фракцией.

Такой была и фракция Мао, о котором мы не можем говорить, ибо мало знаем в точности о нем, не знаем, почему его несколько раз исключали из партии. Нам известно, что Мао откололся от партии, присоединился к ней, был исключен, потом вновь был принят в нее, был переизбран в Центральный Комитет и совершил „Великий поход“. Этот поход вошел в историю, и этим начинается легенда о Мао. Он поехал в Яньань и там основал „советскую“ власть Яньани. И как он ее основал? Мао поступил подобно левым, исходя из эклектических „марксистских“ позиций, руководствуясь ошибочными взглядами на классовую борьбу и на будущую власть. Можно догадаться, что под термином „советская“ он подразумевал „советы“, как органы диктатуры пролетариата, однако, как выяснилось впоследствии, „революционной народной“ властью Мао Цзэдуна оказалась „власть рабочих, крестьян, мелкой буржуазии и средней буржуазии“. При этой гибридной власти каждый класс имел свою звезду на государственном флаге. Эта власть не развивалась, она никогда не переросла в диктатуру пролетариата *de facto* и *de jure,* хотя пропаганда много разглагольствовала и разглагольствует о том, что она, мол, является диктатурой пролетариата.

В Китае власть не могла быть и не является диктатурой пролетариата, ибо одной из функций последней является подавление эксплуататоров, контрреволюционеров, классовых врагов, врагов социализма, что в Китае никогда не делалось. Вопреки положениям Маркса и Ленина, Мао не только не боролся против реставрации капитализма в Китае, не только допускал эту реставрацию, но даже и подготавливал ее своими антимарксистскими теориями.

Чем это объясняется? Это объясняется тем, что Мао, не будучи марксистом, не работал, не боролся за создание и закалку подлинной марксистско-ленинской партии. Коммунистическая партия Китая не является партией рабочего класса, ибо она не руководит диктатурой пролетариата. В Китае нет подобной диктатуры. **В этой стране власть является прогрессив-**

ной буржуазно-демократической властью и, как сам Мао признает, этой властью „руководит коалиция партий, придерживающихся различных политических и идеологических взглядов“.

Итак, по этим ключевым вопросам марксистско-ленинской теории, какими являются вопрос о диктатуре пролетариата, о руководящей роли рабочего класса и его авангарда, Коммунистической партии, как и о классовой борьбе, Мао Цзэдун стоит на оппортунистическом, ревизионистском пути, он выступает как социал-демократ. Этот критик Сталина стоит за интеграцию буржуазии и кулачества в социализм, он является новым Бухариным, прикрывающимся якобы марксистскими формулами. Относительно диктатуры пролетариата Мао Цзэдун, этот новый ученик Бернштейна и Каутского, выдвигает якобы марксистские словеса. Высказываясь за многопартийную систему управления страной, он выступает как все другие буржуазные социал-демократы, прикрывая свои правые взгляды левыми фразами.

Национально-освободительной войной китайского народа Мао Цзэдун руководил на основе этих внешне марксистских, а в сущности немарксистских принципов. Война китайского народа против иноземных захватчиков была справедливой войной, но ее можно приравнять к борьбе алжирского народа против французов. Алжирский народ вел решительную освободительную борьбу под руководством буржуазных националистов, а борьбой китайского народа руководили прогрессивная буржуазия и незакаленные, колеблющиеся коммунисты, которые не стояли твердо на принципах и нормах подлинной марксистско-ленинской партии, правильно применяющей эти принципы и эти нормы в соответствии с условиями данной страны. Тут речь идет не столько о союзах с демократическими, прогрессивными и некоммунистическими элементами (это другая важная для победы проблема), сколько о коренных принципах, которые я отметил выше. Однако нельзя было затмить роль Коммунистической партии Китая, не надо было разделить ее руководство с другими партиями, как это рекомендует Мао в своем „декалоге“ апреля 1956 года. Вся эта масса так назы-

ваемых марксистско-ленинских теорий Мао Цзэдуна проводилась в жизнь и пропагандировалась эклектически в зависимости от обстоятельств, нужд и ситуаций.

В течение 50 лет Мао Цзэдун и его товарищи вырабатывали стратегию и тактику, нацеленные не на торжество революции под знаменем марксизма-ленинизма, а на торжество Китая, как великой мировой державы.

Как в прошлом, так и теперь в Китае руководствуются мелкобуржуазными взглядами. Китайская линия характеризуется постоянными зигзагами, стратегия партии была неустойчивой, ее политика изобиловала приливами и отливами, она не рассматривала эти вопросы в соответствии с марксистско-ленинской материалистической диалектикой.

Как во время войны, так и после нее, после установления народной власти, внешние китайские союзы никогда не были прочными. А главное, эти союзы не заключались на принципиальных, революционных основах, они характеризовались лицемерными ухищрениями и конъюнктурными поворотами, основанными на идее укрепления Китая, как великого государства. Китай, бывший друг Советского Союза времени Сталина, сдружился с хрущевцами, когда они захватили власть, но, увидев, что от них нет никакой пользы, он сдружился с американцами. Завтра он может поладить и с советскими; он еще теснее свяжется и с титовцами.

Китайская Культурная революция представляла собой фракционную борьбу между группой Мао и группой Лю Шаоци. Ни рабочий класс, ни его союзник — крестьянство, — а главное ни их руководство, Коммунистическая партия Китая не принимали участия в ней, не понимали свою роль, не были приведены в движение ни той, ни другой фракцией. Руководящую роль в этой революции сыграла армия, которая была на стороне Линь Бяо и Мао.

Так называемая Коммунистическая партия Китая не была партией революции, ибо она и не воспитывалась в ее духе. Она скорее была „партией крестьян“, по традиции стоявшей в ожидании того, кто победит путем военного насилия.

Фракция Мао победила, но „революцию“ он оставил на полпути, он воспрепятствовал революционному насилию, потому что в Китае не было диктатуры пролетариата. Мао вместе с Чжоу Энь-лаем усиленно восстанавливали положение и укрепляли позиции клана на своем пути. Они устранили Кан Шэна, ликвидировали Линь Бяо и Чэнь Бо-да и в то же время собирались смести „колючки“, которые еще путались у них под ногами, то есть, ликвидировать „четверку“, как они говорят.

Со смертью Чжоу Энь-лая и Мао клан лишился главных вожаков. Страна и клан остались без головы и охвачены страшным хаосом. Те, кто остался, как внутри страны, так и за ее пределами, руководствуется призраком умерших, антимарксистской идеологией. Реакционная стратегия Мао и Чжоу терпела и терпит фиаско. Оба они маневрировали: Мао — незаслуженным „престижем“ „патриарха“, Чжоу — своими ухищрениями на сцене и за кулисами.

Новые ревизионисты, пришедшие во главе партии и правительства в Китае, продолжают плавать в социал-демократической трясине, в которую они все глубже и глубже погружаются. Они надеются, что марксистская маска не будет сорвана с них, но они сами же срывают ее. Они думают, что „престиж“ Мао и Чжоу выведет их из трясины, что потенциал Китая, как территориальный, так и людской, будет импонировать марксистам-ленинцам, революционерам и прогрессивным народам. Но они будут разоблачены, они потерпят крах, они доведут до конца антимарксистскую линию Мао и Чжоу и будут вести Китай более галопирующими темпами по пути буржуазного капиталистического государства. Это будет непременно так, если участники этой группы, этой контрреволюционной фракции, не будут низложены и если „конюшни“ Мао и Чжоу не будут подметены железной метлой, но на этот раз путем поистине великой пролетарской революции, руководимой подлинной марксистско-ленинской коммунистической партией, посредством железной диктатуры пролетариата и классовой борьбой, как нас учат Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин. Это единственный путь к спасению Китая. **Путь Мао, Чжоу, Дэна**

и Хуа Го-фэна есть путь капитализма, путь реакции и социал-империализма.

Надо окончательно развеять мифы и культы Мао и Чжоу, ибо только это спасет Китай от капиталистических хищников. Пришедшие к власти китайские предатели пытаются закрепить положение; марксистско-ленинские китайские революционеры должны бороться с оружием в руках, а не бояться революции. Это единственный путь к спасению Китая.

1977

ВОСКРЕСЕНЬЕ
2 ЯНВАРЯ 1977 г.

ВСТРЕЧА, КОТОРАЯ ДЛИЛАСЬ ПЯТЬ МИНУТ

Наш посол в Пекине сообщает, что два дня спустя после того, как он, в порядке взаимности, попросил встречу с Ли Сянь-нянем для вручения ему письма нашего Центрального Комитета в ответ на их протест, согласно которому мы якобы совершили выпады против стратегии Мао, его принял Гэн Бяо, вместо Ли.

Посол сказал ему: „Хотите, чтобы я прочитал вам письмо, как поступили и вы, или же вы хотите прочитать сами?“.

„Дайте его мне“, — ответил ревизионист Гэн Бяо.

На все это ушло только пять минут.

ПОНЕДЕЛЬНИК
3 ЯНВАРЯ 1977 г.

ВИДНО, ЧТО ПРОАМЕРИКАНСКАЯ ФРАКЦИЯ В КИТАЕ ОДЕРЖИТ ВЕРХ

Стены на улицах в Китае, особенно в Пекине, обвешаны дацзыбао, оказывающими давление на группу Хуа Го-фэна в целях полной реабилитации Дэн Сяо-пина и восстановления его на посты премьер-министра, заместителя председателя партии и начальника генерального штаба. Ничего больше, кроме как все главные ключи Китая! Другими словами, все полномочия его патрона, Чжоу Энь-лая, который реабилитировал и подготовил его занять ему место. Если бы Мао умер раньше Чжоу, то последний, как второй, занял бы место первого, а третий, Дэн, — место второго. В таком случае все пошло бы как по маслу, сопротивление их противников было бы подавлено. С этой целью Чжоу, Дэн и Хуа Го-фэн уже давно готовили заговор и удар. При этой смене „гвардии“ не принимались в расчет ни партия, ни Центральный Комитет, ни съезд. Эти органы для китайцев были и остаются лишь для вида.

Однако ход событий был не тот: двое умерли, третий был устранен, а Хуа Го-фэн, участник заговора и министр внутренних дел, орудовал быстро, он арестовал своих противников, стал у руля и привел в движение *les rouages** заговора. Но подобное положение не могло длиться долго, так как „головы охладели“ и они больше не действовали в единстве. **Итак, фракции начали действовать разрозненно и предъявлять притязания. Эта грызня между ними выявляет и будет выя-**

---

* По-французски: пружины.

влять и впредь много пакостей. Фракции договариваются между собой, с тем чтобы прибегать ко всяким сплетням против „четверки“, но они несогласны делить власть так, как этого хочет Хуа Го-фэн, который был последним в иерархии заговора. Должен подняться третий в иерархию, и это — Дэн, о котором и сам Мао сказал, когда он был низложен, что „Дэн не марксист-ленинец“; и сам Хуа Го-фэн, прибрав власть к своим рукам, резко обрушился на него и раскритиковал его.

Ныне китайское руководство переживает глубокий кризис. Страна объята пожаром (иностранные послы в различных странах говорили нашим послам, что „в Китае началась гражданская война. В 17 из 27 провинций идет революция“. Китайцы сами признают официально это положение, хотя и умаляют его). В нынешнем китайском руководстве, по всей вероятности, имеется много распрей, имеются люди, стоящие за Мао, и даже и из числа тех, кто критикует его за то, что он так высказался о Дэне и долгое время снисходительно относился к „четверке“; имеются, видимо, и другие, выступающие на стороне Чжоу Энь-лая, и в эту группу входит большинство, ибо у нее теперь власть в руках.

В группе Чжоу, видимо, имеются два течения: одно на стороне Дэна, а другое на стороне Хуа Го-фэна. Фракционная борьба ныне идет именно между этими двумя течениями. Решительно противостоят друг другу ныне обе эти линии: **линия Дэна и линия Хуа, обе правые, одна — крайняя и против Мао по некоторым вопросам, другая — более умеренная, якобы на стороне Мао по другим вопросам. Одна линия ратует за полную реабилитацию Дэна, другая линия принимает его, но только при условии, чтобы он „предварительно выступал с самокритикой и не стал премьером Госсовета“.**

Если власть возьмет Дэн, то Хуа Го-фэн будет оставлен на „почетном“ месте и ему будет отведен уголок, как был отведен и Мао группой Чжоу Энь-лая, которая пела ему осанну, а Мао временами выговаривал какое-нибудь слово или сочинял какое-нибудь стихотворение на „девятом небе“, куда он забрался.

Итак, в Китае ныне, да не только ныне, но и все время, велась и ведется беспринципная борьба за власть. Лю Шао-ци боролся за власть, Мао тоже боролся за власть; Линь Бяо, Чжоу Энь-лай, Дэн Сяо-пин и, наконец, Хуа Го-фэн — все они тоже за власть боролись. При этом принципы и идеология являются не чем иным, как масками. Партия там расколота и выбита из колеи, ее тащат за собой пропаганда и оружие. В течение всего этого периода беспорядков, интриг и заговоров господствовало оружие над партией, а не партия над оружием, „хозяева войны“, одетые в новый мундир и лакированные мнимым идеологическим „лаком“, вершат закон в Китае.

Однако в этом большом хаосе соперничества известную роль играет и политика двух сверхдержав. Каждая из них защищает своих сторонников в Китае и создает им „мираж“ выхода из экономического хаоса и укрепления военной мощи. Мне кажется, что проамериканская фракция одержит верх, так как Соединенные Штаты Америки в состоянии снабжать Китай в экономическом и военном отношении. Китайская пропаганда о том, что „Соединенные Штаты Америки ослабли“ — ложна и служит лишь для сокрытия важных переговоров, которые Китай ведет с империализмом.

Ну а революционеры, а марксисты-ленинцы, а те, кто совершил Культурную революцию в Китае, что они делают? Я думаю, что их миллионы. Ныне они подвергаются гонениям, их преследуют, но как долго и до каких пор?! Судя по тому, что мы слышим, но не можем проверять, они действуют, сопротивляются. Если в Китае вспыхнет революция, то она распространится пламенем, и нелегко будет потушить ее; тогда правые окажутся под угрозой, ибо эта революция будет кровопролитной, а не как та, которую проповедовал Мао Цзэдун.

ВТОРНИК
4 ЯНВАРЯ 1977 г.

КОНТРАКТЫ ВЫПОЛНЯТЬ ПРИ ВЗАИМОПОНИМАНИИ, НО НЕ ИДЯ НА ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТУПКИ

Мехмет осведомил меня о трудностях, которые китайцы чинят в связи с коксованным углем, который они по контракту должны были поставить нам до конца 1976 года. Теперь у нас его запасов для доменной печи хватит лишь до конца февраля текущего года. Мы с Мехметом обменялись мнениями по этому вопросу и пришли к заключению, что забить тревогу нам невыгодно, так что следует хранить хладнокровие и заблаговременно принять меры. Нам надо уяснить себе, что китайцы создадут нам много трудностей, если не дойдут до блокады. Конечно, мы не из тех, кто поднимает руки; мы будем беспощадно и ничуть не колеблясь бороться с ревизионизмом, где бы он ни проявлялся.

Китайцы должны во что бы то ни стало поставить нам большую часть угля, предусмотренного на 1976 год. Относительно другой части мы назначим срок поставки, а что касается угля, предусмотренного соглашением на 1977 год, нам надо стараться получить как можно больше, так как он будет поставлен нам по клирингу. Наши дела с китайцами не могут идти как по маслу, поэтому наши люди должны беседовать с ними деловито и терпеливо, с тем чтобы те поняли, что поступают неправильно; в то же время мы должны, насколько это будет возможно, избегать трений по спорным вопросам. Китайцам мы должны оставить открытой перспективу, ибо часть некоторых важных продуктов мы поставим и Китаю по клирингу. Это мы должны сделать с тем, чтобы и они

не могли мешать нам в строительстве предоставляемых ими объектов. В торговле с китайцами мы должны проявлять ловкость, а не жесткость. Мы должны заполучить от них то, что они дают нам, а что касается остального, то его затребовать позже. Нам не следует говорить „у нас есть контракты“, а бороться за их выполнение. Практика показывает, что и капиталистические страны нарушают контракты, когда это им выгодно; они даже согласны уплачивать неустойку. Они произвольно нарушают не только экономические контракты, но и договоры о гораздо более важных вопросах. В будущем и Китай так будет поступать с контрактами и договорами, заключенными с нами. Поэтому нам следует быть осторожными, терпеливыми, бдительными и готовыми маневрировать.

Наша торговля, импорт и экспорт, представляет собой большую и сложную проблему. Теперь, когда небо Китая заволокло тучами, эта проблема стала гораздо более сложной, так что ее нельзя разрешать „на ходу“. Нам следует изучать эту проблему во всей ее совокупности.

Очень срочным и неотложным делом является вопрос сырья, которое нам надо преимущественно ввозить из-за границы. Где его достать? Часть его нам предоставит Китай. Это хорошо, однако и к этому мы уже должны относиться с опаской. Это значит, что мы должны все хорошо рассчитывать, надо сэкономить на чем-нибудь и запасаться еще чем-либо из какого-либо другого источника. Даже в случае, если Китай поставит нам тот или другой товар, его надо рассматривать как резерв.

Товары, которые не будут поставлены нам Китаем, надо пытаться приобрести на других рынках, даже и на рынках ревизионистских стран, т.е. на рынках так называемых стран народной демократии, с которыми мы продолжаем поддерживать торговые связи. Новые запросы должны быть дополнением к тем, которые мы обычно стараемся обеспечить. Мы, конечно, должны бороться в этом направлении, потому что наша торговля с этими государствами основана на клиринге, и в то же время нам надо учесть, что с этими странами мы на но-

жах, так что они могут устроить нам и блокаду. Поэтому следует искусно маневрировать нашими клиринговыми товарами.

Нам остается еще и капиталистический рынок, на котором мы обычно платим валютой. Однако у нас валюты мало, поэтому то, что у нас есть, надо использовать разумно, строго экономно и только для тех товаров, в которых мы испытываем острую нужду.

В заключение, я сказал Мехмету, чтобы они обсудили этот вопрос, приняли соответствующие решения в Правительстве, а также приняли меры к выполнению плана. Еще в этом году надо обсудить и вопросы всей пятилетки в целом, в особенности касательно объектов, которые будут построены на китайские кредиты. Китай может оставить на полпути строительство объектов, поэтому мы заблаговременно должны принять решения и меры к продолжению и завершению строительства этих объектов своими собственными силами.

Нам надо подходить осторожно и хладнокровно к выполнению задач, связанных с китайцами, ибо протесты ни к чему не приводят. Линию партии нарушать не надо, но маневрировать в торговле надо. Что касается идеологических противоречий, то, настолько, насколько это возможно, следует избежать непосредственных столкновений с ними до тех пор, пока они не выступят открыто против нас. Больше не следует добиваться у них торговых льгот и т.д.; за контракты надо бороться, говорю **бороться**, с тем чтобы они были выполнены, причем — это надо понять — путем взаимопонимания, без никаких политических и идеологических уступок.

Обо всем этом я побеседовал с Мехметом, и он полностью разделил мои мысли.

СРЕДА
5 ЯНВАРЯ 1977 г.

КИТАЙСКОЕ РУКОВОДСТВО С КАЖДЫМ ДНЕМ ВСЕ БОЛЬШЕ СКАТЫВАЕТСЯ В ПРОПАСТЬ

Два-три дня тому назад, наверняка с целью атаковать выдвинутое на VII съезде наше правильное идеологическое и политическое положение против теории „трех миров", китайцы написали длинную якобы теоретическую статью, разделенную на главы. Данная статья не только отнюдь не была теоретической, но, судя по тому, как в ней ставилась проблема, была ошибочной.

Цель этой статьи ясна: „доказать", что деление на „три мира" есть „гениальное открытие Мао Цзэдуна". Они стремятся к тому, чтобы за Мао Цзэдуном было признано отцовство этого нелепого и антимарксистского открытия в вопросе о делении мира, в противоположность деления, сделанного Марксом и Лениным. Буржуазия и Хрущев еще раньше него родили этого „ублюдка", и тем не менее его хотят усыновить и маоисты. Он им достался в удел.

Этой статьей китайцы стремятся „доказать", что „третий мир", это их порождение, добился „больших побед" и что положение в нем „блестящее".

Однако китайцы и не утруждают себя объяснить, что такое „третий мир", ибо они не в состоянии сделать это теоретически, с марксистско-ленинской точки зрения. Будучи не в состоянии сделать это, они поручили некоторым своим „теоретикам", регистраторам происходящих в мире событий, пересчитывать их одно за другим настолько тривиально, насколько сделало бы это телеграфное агентство в рубрике „события за год".

„Умные“ китайские ревизионисты делают это для того, чтобы сказать „третьему миру“: „Посмотрите, какие у вас победы!, посмотрите, какую большую помощь вам оказывает Китай“ (!) (перечисляя ему все это). Это перечисление означает: „Китай с вами, он входит в третий мир, так что слушайтесь его, поступайте по его указке; вы с ним составляете движущую силу мира, вы — подлинный марксизм-ленинизм“.

Ну а над кем одерживает эти „блестящие победы“ этот неопределенный „третий мир“, или, вернее, определенный китайцами? „Несомненно, — говорят китайцы, — над советским социал-империализмом“. Итак, в каждом абзаце этой так называемой статьи ни о чем другом не говорится, кроме как против Советского Союза, так как, по их мнению, только он виновен во всех неприятностях! А об американском империализме что говорится в статье? Мало: только упоминается, что у Советского Союза имеются противоречия с Соединенными Штатами Америки. Но почему имеются и в чем заключаются эти противоречия? Об этом статья молчит, так как ее авторы не хотят высказываться против Соединенных Штатов Америки! **Стало быть, Китай выступает в защиту Соединенных Штатов Америки. Это ясно, ибо, если прочесть статистические данные о капиталовложениях в „третьем мире“, выходит, что 80 процентов из них производятся американцами, 10 процентов Советским Союзом и 10 процентов — остальными империалистическими странами.** Никаких комментариев не надо для понимания фальшивости борьбы китайцев, их выступлений „против империализма, против социал-империализма, против гегемонизма“. Ни теоретически, ни практически китайцы не объясняют эти основные вопросы, ибо в таком случае они выдали бы себя с головой, поэтому они страховки ради пускаются в формулы и в то же время говорят одно, а делают другое.

Ладно, этого они не объясняют, ну а **вопрос о классах и классовой борьбе внутри этих стран так называемого третьего мира касаются ли они, толкуют ли его, упоминают ли его хоть бы чуточку? Нисколько, он совсем исчез и это во имя борьбы против Советского Союза и ради защиты Соединенных**

Штатов Америки и их клик, стоящих у власти в большинстве стран „третьего мира“. А что представляют собой эти клики для китайцев? Они „демократы, националисты, свободные и суверенные“ в случае, если они на стороне Соединенных Штатов Америки! А что происходит с народами этих стран и как быть там страдающим, угнетенным и безработным людям? **Что им советуют китайцы? Для китайцев они представляют собой стада овец, они без личности, они просто народы „третьего мира“, которые должны только терпеть внутреннее ярмо, как и внешнее ярмо американского империализма и бороться против советского социал-империализма!** „Можно устраивать и совещания, — говорят китайцы, — под знаменем третьего мира“. „Давайте начнем с просвещения“, — говорит Зюльфикар Али Бхутто. „Мы согласны, — отвечают китайцы, — завтра же устроим еще другое совещание о чистке окружающей среды“.

Китайские ревизионистские лидеры скатываются и день ото дня будут скатываться в пропасть. Подобными якобы марксистско-ленинскими теориями им не подвести ни марксистов, ни революционеров, ни прогрессивных людей. Подобным вздором, как-то в Китае „положение блестящее“, между тем как там царит неразбериха, или же „положение в мире блестящее“, в такое время, когда миру грозит опасность империалистической войны и порабощения народов, доверие к китайцам будет сведено к нулю. Но, пожалуй, лучше так, чем одержать верх лжи и ревизионизму.

СУББОТА
8 ЯНВАРЯ 1977 г.

КИТАЙСКИЕ РЕВИЗИОНИСТЫ ЗА ГЛАЗА НАПАДАЮТ НА АЛБАНСКУЮ ПАРТИЮ ТРУДА

Коммунистическая партия Китая, за спиной у нашей партии, открыла отвратительную полемику, не поставив сначала на обсуждение разногласия и противоречия, которые у нее есть с нашей партией. Она подготовила стандартный материал, вызывает в Пекин представителей всех марксистско-ленинских партий, которые ей удается вызвать туда, и читает им его. Этот материал подготовлен против марксистско-ленинской линии нашей партии вообще, и против ее VII съезда — в особенности.

Такого ревизионистского, троцкистского акта даже и Хрущев не совершал против нас; насколько мы знаем, и против китайцев он этого не делал. Ренегат Хрущев нападал на нас, атаковал нас и возражал нам либо открыто, либо в письменном виде, а китайцы никогда этого не делали.

О каждом вопросе принципиальной важности, относительно которого у нас были разногласия с ними, мы или писали им, или знакомили их с нашими взглядами через наши делегации. Мы, с нашей стороны, вели себя корректно, как это подобает вести себя двум братским партиям. Когда мы не были согласны с ними, мы говорили им об этом прямо, отстаивали наши мнения, не отказываясь от них. Китайцы не отвечали на наши письма, и относительно ряда проблем каждая партия действовала сообразно со своими взглядами.

Они утверждают, что „не хотели полемизировать с нами" в связи с изложенными нами вопросами, поэтому не отвечали нам. Однако они действовали на основе своей стратегии, и

это было их „право“, но и мы действовали на основе нашей стратегии и тактики. **Но, по-видимому, нашу стратегию и нашу тактику они считали нападением на Коммунистическую партию Китая; в таком случае мы тоже имеем право считать их стратегию нападением на Албанскую партию Труда.**

Ясно, что Коммунистическая партия Китая, которая лицемерно утверждает, что не должно быть „партии-матери“ и „партии-дочери“, хотела, чтобы Албанская партия Труда вслепую придерживалась ее линии; и не только; она стремилась навязать нам свои взгляды. Говорю так потому, что она даже не хотела беседовать с нами об этих разногласиях, которые были известны обеим нашим партиям. А почему?

Во-первых, мы думаем, что Китай считал себя „великим государством“, свою Коммунистическую партию — „великой партией“, а Мао Цзэдуна — „непогрешимым руководителем“, поэтому чувство „великого государства“, „великой партии“ и „великого руководителя“ полностью давало себя знать.

Во-вторых, хотя стоит „за двусторонние отношения и за двусторонние переговоры“, Китай боится сопоставления взглядов с нами. Китай „согласен“ вести двусторонние переговоры, но они нужны ему только как источник информации, так как потом, там, где это ему удается, он начинает давать другим директивы.

В-третьих, Китай считает, что раз он предоставляет нам некоторые кредиты, то мы должны разделять его взгляды.

Мне хочется немного больше разъяснить наше мнение о том, почему Мао Цзэдун и Центральный Комитет Коммунистической партии Китая не хотели обсуждать с нами поставленные нами проблемы, относительно которых у нас были разногласия с ними. **Мы думаем, что здесь дело в социал-демократических и оппортунистических взглядах Мао Цзэдуна, но ему все равно было, если существовали противоречивые мнения об этом вопросе. Но, кроме этого, была еще и другая причина; вышеупомянутые проблемы породили бы и другие проблемы относительно генеральной линии нашей партии, их партии и Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).**

Они возводят на нас ряд беспочвенных обвинений, например, обвинение в том, будто мы стояли за положения хрущевского „мирного сосуществования“, будто мы атаковали культ Сталина, но позже отказались от этой критики, будто мы „стояли только за возможность предотвращения войны“ и другие подобного же рода обвинения, которые не подтверждаются ни действиями нашей партии, ни ее писанными документами. Однако эти их беспочвенные обвинения подтверждают что-то другое, весьма существенное и очень важное для Китая и для международного коммунистического движения. **Они, по нашему мнению, подтверждают, что после смерти Сталина, в период хрущевских перипетий и вплоть до XX съезда, Мао Цзэдун и Центральный Комитет Коммунистической партии Китая испытывали, как сказать, некоторое удовлетворение по поводу того, что „отныне мы (китайцы) будем заниматься более свободно нашими делами внутри страны и на международной арене“.** Таково наше впечатление, которое создавалось у нас как из различных бесед, так и из последующих положений Мао Цзэдуна, утверждавшего, будто „Сталин навязывал китайцам и всем другим марксистско-ленинским партиям взгляды Большевистской партии“. Итак, по мнению Мао, все марксистско-ленинские коммунистические партии мира во время Сталина вынуждены были поддерживать Советский Союз и его линию, они стояли на службе у Большевистской партии и не чувствовали себя самостоятельными марксистско-ленинскими партиями. Это подтвердил сам Мао Цзэдун на московском Совещании 1957 года. На этом совещании, кроме этого, он поднял вопрос о том, что „все мы, коммунистические и рабочие партии мира, т.е. социалистический лагерь, должны иметь главу, а такой главой должен быть Советский Союз“. Это положение Мао Цзэдун выдвинул на московском Совещании и выступил в защиту его, а Хрущев притворялся, будто не поддерживал такого положения. Мы должны признаться, что это положение поддержали и мы, и другие. Но товарищ Мао Цзэдун своим большим авторитетом сказал и другое, а именно то, что **„Хрущев — выдающийся марксист-ленинец, великий вождь Со-**

ветского Союза“, что „с Хрущевым можно беседовать и идти вперед“, тогда как перед Сталиным, хотел он этим сказать, нужно было стоять „смирно“.

Мао Цзэдун, как это мы своими ушами слышали, также полностью поддерживал Хрущева, когда тот ликвидировал так называемую антипартийную группу Молотова и его товарищей. Итак, все эти факты показывают, что **Мао Цзэдун полностью одобрял ревизионистскую линию и путчистские, дискредитирующие и заговорщицкие действия против Коммунистической партии (большевиков), против Сталина, против Советского Союза.**

Наша партия не стояла на этих позициях Мао Цзэдуна и Коммунистической партии Китая. Мы думали, что после смерти Сталина кто-то другой должен был стать во главе партии, и в скобках можем сказать, что мы делали ставку на Молотова. Именно после смерти Сталина мы вступили в конфликт с новым руководством Советского Союза, с Маленковым, с Булганиным, с Хрущевым, с Микояном и другими. Три-четыре месяца спустя после смерти Сталина они бесстыдно и резко напали на нас, обвиняя нас в том, будто мы не умели использовать те немногие кредиты, которые нам были предоставлены ими, и строить те немногие промышленные объекты, которые в действительности мы построили вовремя, ибо стремились двигать вперед дело социализма в нашей стране.

Мы приняли участие в московских Совещаниях коммунистических и рабочих партий, но там мы проводили не взгляды Мао Цзэдуна. Мы не выступали против Советского Союза до того времени, пока не созрели условия, но на душе у нас была большая тяжесть, в душе у нас копошились сомнения относительно его руководства. Оно не проявляло решимости, оно пребывало в состоянии смятения. Мы чуяли, но не были в курсе противоречий, существовавших внутри него, между руководителями, и особенно относительно линии Сталина.

Мы думаем, что Мао Цзэдун был в курсе этого положения и что он, видимо, одобрял линию и действия Хрущева против Сталина и против линии большевистской партии. **Мао**

Цзэдун также, по всей вероятности, взял с Хрущева обещание оказать ему экономическую помощь, как и политическую помощь на международной арене, а также и обещание помочь ему в военной области, в частности, передать ему секрет атомной бомбы. Хрущев дал эти обещания, полагаем мы, и некоторое время, видимо, все шло хорошо; но он был мошенником. Мао, полагаем мы, также преследовал свои цели. Мао (это, конечно, лишь предположения) после смерти Сталина, несмотря на его утверждения о том, что „Хрущев является великим человеком", ставил себя выше Хрущева и думал, что место его, как „светлая философская голова" и как руководитель страны с самым большим населением в мире — после Ленина. Хотя и говорил, что „во главе лагеря должен стоять Советский Союз", он на самом деле считал, что во главе его должны стоять, по крайней мере, двое: Китай и Советский Союз, de jure один, de facto — два, которые должны были вершать закон в мире.

Мы провели VII съезд, и Албанская партия Труда высказала свои взгляды в соответствии со своим пониманием вещей, а китайское руководство сделало кислую мину, допустив трагическую ошибку — совершила выпады против нашего съезда предосудительным образом, вопреки существующим между марксистско-ленинскими партиями нормам. Еще при жизни Мао и Чжоу между нами существовали внутренние противоречия, но они не хотели обсуждать их с нами или же оставались при своих взглядах, так что и мы, не имея другой возможности, оставались при своих. Это с их стороны было оппортунистической тактикой, но антимарксистскую ошибку, которую китайские руководители допустили теперь, они не допускали тогда, потому что: во-первых, они знали, что наша партия твердо отстаивала свои взгляды, и, во-вторых, потому, что Албанская партия Труда своей правильной линией защищала Коммунистическую партию Китая и Китай в самые трудные для них моменты, как, например, на бухарестском Совещании и на московском Совещании 81 партии, а также и позже, во время Великой Пролетарской культурной революции.

Почему Хуа Го-фэн и его компания совершили эту ошибку? Они совершили ее потому, что их политика провалилась и вызвала большой разброд как внутри Китая, так и за его пределами. Мы не могли поддерживать его деяния внутри страны, ибо у нас было много причин не поддерживать его; к тому же нам еще не ясно, что происходит в Китае. Внешнеполитические шаги Китая ослабили его позиции. Своими действиями нынешние руководители косвенно нанесли удар по Мао, между тем как Дэн, который был однажды реабилитирован и опять был свергнут, вновь выступает на сцену, чтобы снова захватить утраченные посты.

В последнее время появился еще и вопрос о „четверке“, которая была изобличена в нечестном личном плане, а не в политическом и идеологическом плане. Культурная революция теперь только упоминается, она затменена и фактически ликвидирована. В силу всех этих событий марксисты-ленинцы мира стали относиться с серьезными подозрениями к Коммунистической партии Китая. Мао Цзэдун и Чжоу Энь-лай, которые умели маневрировать, умерли, и Китай очутился в хаосе. **А почему? Да потому, что его линия не была правильной, марксистско-ленинской линией. В партии бытовали две или больше линий, существовали междоусобные фракции и т.д.**

В этой обстановке был созван VII съезд нашей партии, в котором приняли участие свыше 40 партий своими делегациями и телеграммами поддержки. Наверное, китайцы эту интернационалистическую солидарность сочли за вызов и за поражение для себя, так как многое шло вразрез с их положениями. Наша принципиальная позиция способствовала повышению авторитета Албанской партии Труда в международном коммунистическом движении и во всем мире. **Поэтому, считая ситуацию тяжелой для себя, нынешние китайские руководители за спиной начали враждебное троцкистское нападение против нашей партии. Они по очереди вызывали в Пекин представителей марксистско-ленинских коммунистических партий, начиная с партий Хилла в Австралии и Жюрке во Франции и вплоть до партий Латинской Америки.** А нас, посредством ла-

коничной ноты без адреса и без головы упрекали в том, что „на VII съезде была подвергнута нападкам линия и стратегия Мао Цзэдуна“! Наш ответ китайцам, конечно, был длиннее их ноты; мы потребовали от них объяснить нам, где и почему мы, мол, нападали на стратегию Мао Цзэдуна.

В данном стандартном материале китайские ревизионисты извращают истину, содержащуюся в наших материалах, в наших документах, как, например, в письмах, которые мы прислали им о пограничных вопросах с Советским Союзом, об их предложении поехать в Москву после свержения Хрущева, о поездке Никсона в Пекин, о встрече Чжоу Энь-лая с Косыгиным и т.д. Копии наших писем, посланных китайцам, существуют. К несчастью китайцев, *«Verba volant, scripta manent»*.* Эти письма изобличают их измышления, обман, извращения и цели, показывают, почему они совершали такие враждебные, антимарксистские и контрреволюционные действия. Им обманом не скрывать свои цели. Взгляды и действия нашей партии относительно вышеупомянутых вопросов были правильными не только для того времени; жизнь подтверждает, что они правильны и сегодня, и мы думаем, что они будут правильными и завтра. Факты — упрямая вещь, и они подтверждают правильность наших марксистско-ленинских положений. Демагогия, к которой прибегают китайские ревизионисты, и якобы ленинские теоретические основы, на которых они базируют эти свои действия против социалистической Албании, тщетны, они не в состоянии скрывать их ревизионистское и оппортунистическое нутро. Наши противоречия с китайскими ревизионистами носят принципиальный характер; напрасно китайцы утверждают, что наши анализы „слабы“, „необоснованы“ и что только они в состоянии подвергать объективному анализу международную политическую обстановку.

Главная цель китайцев заключается в том, чтобы шушуканием внушить людям, что Соединенные Штаты Америки ослабли в экономическом и военном отношении, что их внешние и внутренние долги значительно возросли и дело дошло

---

* По-латински: слова улетают, написанное остается.

до того, что другие капиталистические страны стали инвестировать в Соединенных Штатах Америки, что США не сильны как раньше. Это ложный, необоснованный анализ, рассчитанный на то, чтобы доказать недоказуемое. Они стараются доказать, будто Соединенные Штаты Америки больше не агрессивны; что они, по мнению китайцев, стремятся сохранить лишь то, что ими завоевано; что они хотят сохранить статус-кво, поэтому для человечества „главным врагом является советский ревизионизм, стремящийся к экспансии“. **Это одно из положений китайцев, причем одно из самых главных. Они обвиняют нас в том, будто мы не подвергаем марксистско-ленинскому анализу международное положение и противоречия, существующие между двумя сверхдержавами, и поэтому мы не идем по пути китайцев — не призываем „Объединенную Европу“, Европейский общий рынок и мировой пролетариат объединиться на борьбу против советских. Они пришли к заключению, что мы якобы благоприятствуем советскому социал-империализму!** Это не только ревизионистское положение, перекрашенное в антиревизионистское, но и направлено против нас, представляет собой клевету на нас.

Американский империализм — агрессивен и воинствен, он поджигатель войны, так что перед фактами не устоит никакое положение, противоположное этому. Базы американцев, кредиты американцев, значительное увеличение их вооружений, проамериканские клики, приведенные к власти в ряде стран, — все это подтверждает, что американские империалисты стремятся не только к сохранению статус-кво, но и к экспансии, иначе между ними и Советским Союзом не было бы столь глубоких противоречий, о которых говорят китайцы. **„Советский Союз хочет войны, а Соединенные Штаты Америки нет“, — утверждают китайцы, и дают понять, что именно это доказывает цитата Мао, согласно которой „Соединенные Штаты Америки стали похожи на крысу, и весь мир кричит на улицах: убейте, убейте ее“. Это также свидетельствует о снисходительности китайцев и звучит косвенным призывом не сокрушать такое государство, как Соединенные Штаты Америки, которое ныне, мол, доведено до положения крысы.**

Марксистской ли стратегией является подобная стратегия Мао?

Стратегией Мао Цзэдуна, „основанной на марксистско-ленинском анализе“, окончательно установлено, что „соперничество между двумя сверхдержавами ограничено Европой“. Странно! А почему же оно не проявляется в каком-либо другом, более уязвимом месте в мире, где Советский Союз стремится к экспансии, как в Азии, Африке, Австралии или в Латинской Америке?! По традиции колонизаторы стремились к уязвимым местам. И захватнические войны империалисты развязывают ради гегемонии, ради новых рынков, для передела мира. Главным соперничеством не является ли соперничество между Соединенными Штатами Америки и ревизионистским Советским Союзом? Тогда, по мнению китайцев, эти две сверхдержавы, одна из которых стремится к статус-кво, а другая — к экспансии, развяжут войну именно в Европе, как это сделал в свое время Гитлер, стремившийся к экспансии. Но, чтобы добиться этого, Гитлеру нужно было покорить Францию, Англию и Советский Союз. В силу этих причин он начал войну именно в Европе, а не где-либо в другом месте. **Сталин вступил в союз с Англией и с Соединенными Штатами Америки после того, как Германия напала на Советский Союз, а не раньше. А китайцы тактику, к которой Сталин был вынужден прибегать при тех условиях, используют в качестве аргумента, чтобы сказать: почему и нам не положиться на Соединенные Штаты Америки в этой будущей войне?**

Все это не доказывает положения китайцев о проповедуемых ими союзах; наоборот, это доказывает обратное. Когда Германия Вильгельма второго напала на Францию и Англию, II Интернационал выдвинул лозунг о „защите“ буржуазного „отечества“ как от германских, так и от французских социалистов, хотя война носила с обеих сторон империалистический характер. Известно, как Ленин осудил это, как он высказался против империалистических войн и за их превращение в гражданские войны. **Китайцы ныне, высказываясь в защиту „Объединенной Европы“, поступают подобно II Интернационалу. Они поощряют будущую термоядерную войну, кото-**

рую хотят развязать обе сверхдержавы, и, хотя эта война между двумя сверхдержавами не может быть ничем иным, кроме как империалистической войной, они обращаются с „патриотическими“ призывами к народам Западной Европы, к ее пролетариату оставить в стороне имеющиеся у них с буржуазией „мелочи“ (и этими „мелочами“ являются гнет, голод, забастовки, убийства, безработица, сохранение буржуазной власти) и объединиться с НАТО, с „Объединенной Европой“, с Европейским общим рынком крупной буржуазии концернов и бороться против Советского Союза, стать пушечным мясом для буржуазии.

Лучшей пропаганды не мог вести даже и сам Второй Интернационал!

Ну а народам Советского Союза и других ревизионистских стран-участниц Варшавского договора и СЭВ что советует Китай? Ничего! Своим молчанием он говорит им: **„Оставайтесь на стороне кровожадной кремлевской клики, боритесь и проливайте свою кровь за нее“! Неужели это есть ленинское отношение к делу?! Нет! Подобная линия Коммунистической партии Китая является антипролетарской, поджигательской линией.**

Китайцы не стоят за борьбу на два фронта, против обеих империалистических сверхдержав, за торпедирование их планов захватнической войны; они не хотят добиться того, чтобы война, если она вспыхнет, переросла в гражданскую войну, в справедливую войну. Мы следуем именно этому ленинскому положению, поэтому китайцы обвиняют нас в том, что мы, мол, питаем иллюзии о мире и льем воду на мельницу советских!!

Китайцы клевещут на нас, утверждая, будто мы переоцениваем сотрудничество Соединенных Штатов Америки с Советским Союзом и недооцениваем противоречия между ними. Они утверждают также, что „албанцы подчеркивают, что обе сверхдержавы одинаково опасны“. Первое неверно, а второе вполне верно. Мы не только знаем и правильно оцениваем противоречия, существующие между двумя сверхдержавами,

но и добиваемся их углубления. Во всех наших документах эти вопросы четко определены.

Китайцы не очень говорят о том, что обе сверхдержавы в полном согласии выступают против социализма, коммунизма и дела освобождения народов. Измышления китайцев и их софизмы не в состоянии ни скрывать ревизию марксизма-ленинизма с их стороны, ни опорочить правильную линию и правильные позиции нашей партии. Китайцы открыто заявляют, что американцы говорят им: „Будьте осторожны, Советский Союз нападет на вас". Это значит: „Вы, китайцы, не бойтесь нас, американцев, ибо ваш союз с Соединенными Штатами Америки на надежном пути". И, в соответствии с этим наставлением, китайцы проводят „гениальную" политику: „Подбивать Советский Союз к нападению на Европу и косвенно ослаблять и Соединенные Штаты Америки, и их союзников; таким образом мы одержим верх"! Китайщина!

Еще другой важный вопрос: Китайцы, чтобы камуфлировать поощрение с их стороны будущей империалистической войны и отстаивать свое положение об „Объединенной Европе", стараются опровергнуть процитированную нами на VII съезде нашей партии ясную мысль Ленина относительно „Объединенной Европы". Они утверждают, что албанцы, опираясь на Ленина, в целях отвержения положения об „Объединенной Европе", „производят холостые выстрелы, ибо Ленин возражал против европейской конфедерации между Россией, Австрией и Англией, которые были империалистическими государствами". И добавляют, что „мы (китайцы) имеем в виду объединение стран Западной Европы". Это, по мнению китайцев, означает, что капиталистические страны Западной Европы не реакционные! Однако эти „соединенные штаты Европы" и сами каждый день говорят, что, если объединиться, то им нельзя не составить империалистическую целостность. И каковы эти государства? Это именно те, о которых китайцы говорят, что „они стали настолько сильными, что инвестируют и в Соединенных Штатах Америки"!

В отношениях Коммунистической партии Китая с други-

ми марксистско-ленинскими коммунистическими партиями мира все пронизано обманом, демагогией. Ничего искреннего нет в отношениях китайцев с этими партиями. Они поддерживают отношения только со своими лакеями, с теми, кто придерживается их антимарксистских принципов. Марксистско-ленинским коммунистическим партиям мира они ясно дают понять, что не существует ни интернационалистической помощи, ни пролетарского интернационализма. Именно эта основная антимарксистская идея является источником всех их теорий о „двусторонних встречах", которых они „хотят" лишь для того, чтобы намылить голову другим партиям, которые возражают им. Китайцы избегают многопартийных совещаний потому, что, по их мнению, они, мол, вместо того чтобы закрепить единство марксистско-ленинского движения, подрывают это единство и усиливают разногласия. Абсурд! Антимарксистская чушь! Настоящей линией они идут наперекор единству международного движения пролетариата.

Китайцы не приглашают делегаций на свои съезды и не посылают делегаций на съезды марксистско-ленинских коммунистических партий. **Причины, которыми они объясняют это свое поведение, также абсурдны. На самом деле, всем этим они хотят скрывать порочность своей линии, попрание принципов ленинизма во всех аспектах работы своей партии, поэтому они не хотят, чтобы на этих совещаниях присутствовали представители других партий, которые могли бы судить их. Двусторонние встречи служат им только источником информаций, а отдел международных связей при их Центральном Комитете не является ничем иным, кроме как цехом госбезопасности.** По мнению китайцев, каждая партия должна бороться по-своему, причем эту идею порой они „иллюстрируют" и какой-нибудь „марксистской" цитатой; в то же время они говорят другим партиям: „Работайте так, как мы вам говорим".

Китайцы признают все партии и группы, сами называющие себя „марксистско-ленинскими" или, вернее, маоистскими. А это значит, что они раскалывают настоящие марксистско-ленинские партии, вызывают разброд, создают фракции,

ослабляют интернационалистическое марксистско-ленинское единство и штабы революции.

„Дипломатическая поддержка, — говорят китайцы, — есть поддержка революции“. Это так и должно быть, но сами китайцы никогда не придерживались и не придерживаются этого принципа. Мы раньше подсказывали им, что „вы должны поддерживать дипломатические отношения с государствами мира и не оставаться изолированными“, но они возражали нам и приводили „тайваньский вопрос“ в качестве предварительного условия, выдвигаемого народным Китаем для установления дипломатических отношений с кем бы то ни было государством. Мы боролись в ООН за Китай и добились его принятия в нее, но китайские руководители не желали этого принятия; ведь Чжоу Энь-лай публично выразил свое желание создать новую, свою ООН. Мы были против этой идеи, но они сегодня уже не говорят о своих вчерашних действиях. Мы посоветовали им разорвать дипломатические отношения с правительством Сухарто Индонезии, которое унизило Китай и как государство, но они этого не сделали. Кстати их дипломатия с Пиночетом и Франко также не может быть оправдана! Тогда почему они не устанавливают отношения и с Израилем? Разве потому, что он агрессор? А Пиночет, который угнетает и убивает народ, пролетариев, коммунистов, прогрессивных и свободолюбивых чилийских людей, что он за человек?

„Албанская партия Труда несогласна с нами, когда мы огонь сосредоточиваем против Советского Союза“, — говорят китайцы. **Это клевета. Мы против них в том отношении, что они этот же огонь не сосредоточивают и против Соединенных Штатов Америки. Мы стоим за то, чтобы одинаково сильный огонь открывать не только против Советского Союза, но и против Соединенных Штатов Америки.** Почему китайские руководители никогда не заявляют во весь голос, что Советский Союз может напасть и на Китай, как они заявляют относительно Западной Европы? Китайцы твердят только одно: „Советский Союз нападет на Европу“. Почему они так уверены в безопасности своих восточных границ? Мы вправе задавать этот вопрос и поставить на обсуждение эту проблему.

Сосредоточивая огонь против Соединенных Штатов Америки, марксистско-ленинские партии Латинской Америки сосредоточивают его в то же время и против господствующей клики генералов в своих странах, и против ревизионистского Советского Союза, а Китай — нет! **Одного врага он оценивает, двух недооценивает!** Итак, стратегия Китая не основывается ни на реальной действительности, ни на марксистско-ленинских принципах.

Культ личности мы осуждали и осуждаем и теперь, невзирая на лица. В этом вопросе мы придерживаемся взгляда Маркса и поэтому у нас, в руководстве, существует марксистско-ленинское единство, марксистско-ленинская любовь, искренность, уважение к товарищам, и эти чувства основаны на работе и верности каждого из них принципам партии. У нас не существует идолопоклонства, у нас превыше всего ставят партию, а об Энвере говорят столько, сколько этого требуют интересы партии и страны, и когда иной раз места, массы переходят меру, Центральный Комитет, руководство партии и я лично, насколько могу и насколько меня слушаются в этом отношении, принимали и всегда будем принимать меры, чтобы все было уложено в нормы.

Я не считаю нужным распространяться об измышлениях и обвинениях, возводимых Коммунистической партией Китая на нашу партию, о ее выдумках о том, будто „мы примкнули к линии хрущевского мирного сосуществования“ и т.д. Вся борьба нашей партии, все ее документы и письменные материалы доказывают противоположное китайским обвинениям, тогда как линия Коммунистической партии Китая была одинаковой с линией хрущевцев. Почему партия китайцев допустила зигзаги в своей линии? И это имеет свои причины, которые я объяснял в предыдущих записках.

Что касается теории „трех миров“, то мы на своем съезде проанализировали ее и, как мы не раз говорили, считаем ее нереальным, неклассовым, немарксистским делением мира. Данное положение Мао, как и попытки китайцев проанализировать это наименование якобы с теоретической точки зрения, упоминая при этом ленинский анализ без ссылки на автора,

не могут добиться цели. Ленин подвергал анализу международное положение после первой мировой войны и позже, но он писал, что существуют два мира: „капиталистический мир и наш, социалистический мир“. Китайцы говорят: „Поскольку Советский Союз и некоторые бывшие социалистические страны совершили измену и превратились в капиталистические страны, социалистическая система исчезла“! Нет, социалистическая система не исчезла, она существует и преуспевает в подлинных социалистических странах, остающихся верными марксизму-ленинизму, какой является Народная Социалистическая Республика Албания. Но даже в том случае, если бы не осталось ни одного социалистического государства, все равно ленинское положение незыблемо. И в этом случае два мира создавались бы борьбой, революцией, значит, существовали бы.

Мы и все марксистско-ленинские коммунистические партии подвергали и подвергаем анализу международное положение в свете ленинского анализа и ленинской теории. Как во время войны, так и после нее мы глубоко изучали международное положение. На всех наших съездах мы анализировали соотношение сил в мире, так как это необходимо делать, иначе будем блуждать в потемках. Та партия или то государство, социалистическое или несоциалистическое, которые не подвергают анализу международное положение, ввергают себя в пропасть. **Однако разделять мир на несколько миров, приклеивая им арабские или римские цифры, вступать в один из них и пытаться навязать и другим подобное вымышленное деление, это уже неприемлемо.** Как это можно отождествлять социалистическую страну с „третьим миром“, т.е. со странами, где господствуют эксплуататорские классы и гнет, и ставить ее в один ряд с королями и шахами, как это сами китайцы утверждают, когда эта страна может оказывать помощь и поддержку народам этих стран и не включая себя в этот „мир“, и не разделяя мир натрое? Наша точка зрения не является ни односторонней, ни двусторонней, как нас в этом обвиняют китайцы, а является ленинской точкой зрения и отвечает реальной действительности. Мы своим классовым анализом ситу-

ации и своими правильными классовыми позициями помогаем, в первую очередь, народам, пролетариату, делу свободы и независимости, подлинному суверенитету народов, а не помогаем в особенности тем государствам, в которых господствуют короли, шахи и реакционные клики. Мы помогаем народам и тем демократическим государствам, которые воистину хотят освободиться от ига сверхдержав. Подчеркиваем, что такую задачу невозможно выполнить как следует и классовым путем, если не бороться и с шахами, и с королями, и с международными концернами. Китайцы ошибаются, понимая так эту борьбу и думая, что уже разрешили этот сложный классовый вопрос, вступив в этот вымышленный мир, который не имеет ни головы, ни ног, и который можно считать группировкой государств с различными социальными системами и проводящими различную политику. Не все эти государства стоят, как это утверждают китайцы, за освободительную борьбу, против „второго мира“ или „первого мира“, за борьбу против американского империализма или против советского социал-империализма.

Народы мира стремятся к борьбе за свое освобождение, к революции, к социализму, но за такой путь не могут выступать клики, правящие в странах „третьего мира“, которые свалены в одну кучу, участником которого является и сам Китай, подобно тому, как Тито является участником „неприсоединившегося“ мира. Обе стороны стараются продать возможно больше „билетов“ в свой мир.

Наша точка зрения при данном анализе основана на ленинском классовом делении мира. Этот анализ не мешает нам бороться против обеих сверхдержав и помогать всем народам и государствам, стремящимся к своему освобождению и имеющим противоречия с двумя сверхдержавами. Мы можем помогать и какому-нибудь королю или принцу, если этого потребуют ситуации и интересы народа данной страны; однако скрывать принципы социалистического строя, скрывать его классовый характер, скрывать и искажать марксизм-ленинизм, идеологические и политические нормы партии пролетариата,

это противоречит марксизму, это обман и лицемерие. Албанская партия Труда никогда не делала и никогда не сделает этого, иначе она совершала бы непростительное преступление по отношению к своему народу, к другим народам, к международному пролетариату и мировой революции.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
16 ЯНВАРЯ 1977 г.

К ЧЕМУ ТАКИЕ ВАРИАЦИИ В КИТАЙСКОЙ СТРАТЕГИИ?

Я начинаю излагать в этих записках некоторые соображения относительно ряда необоснованных и троцкистских критических замечаний, которые Коммунистическая партия Китая делает в адрес Албанской партии Труда, за спиной у нее, на встречах с товарищами из некоторых марксистско-ленинских коммунистических партий мира. Китайцы вызывают их в Пекин или в свои посольства в разных странах мира и толкуют им проблемы мировой политики и международного коммунистического движения в соответствии со своей стратегией и тактикой. По некоторым из этих проблем они идут в вопиющем противоречии со стратегией и линией нашей партии.

Но сегодня я разберу вопрос, выдвигаемый китайскими руководителями, которые говорят, что наше утверждение о том, что нельзя опираться на один империализм для борьбы с другим империализмом, якобы является антикитайской точкой зрения.

Китайские ревизионисты утверждают, что все марксистско-ленинские партии должны с верностью следовать различным вариантам их стратегии. **Стратегия Коммунистической партии Китая на VIII съезде ставила себе целью сплотить все силы, которые лишь можно сплотить и, с Советским Союзом во главе, направить их на упорную и непрерывную борьбу с американским империализмом.**

Позже, на IX съезде Коммунистической партии Китая, ее стратегия изменилась. Согласно этой стратегии, надо было всеми силами и одновременно бороться как с американским империализмом, так и с советским социал-империализмом, которые

относились к числу самых ярых врагов народов. На этом съезде было сказано также, что надо так бороться, чтобы захоронить как американский империализм, так и советский социал-империализм.

На X съезде эта стратегия опять изменилась и совершился переход от борьбы на два фронта к борьбе на одном фронте. Советский социал-империализм был назван самым ярым врагом человечества, а американский империализм был отодвинут на второй план. Как видно, на каждом съезде выдвигается новая стратегия, тогда как стратегия нашей партии остается неизменной, наша линия такова: главных врагов народов, социализма и коммунизма двое — американский империализм и советский социал-империализм со всеми их союзниками, крупной реакционной буржуазией.

Итак, наш вывод о том, что нельзя опираться на один империализм для борьбы с другим империализмом, вытекает из незыблемой стратегии Албанской партии Труда. Эту незыблемую и непоколебимую стратегию нашей партии на марксистско-ленинском пути китайцы называют антикитайской стратегией! Но почему же они считают ее антикитайской стратегией? В этом есть доля правды: китайцы опираются на американский империализм для борьбы против советского социал-империализма.

Мне думается, что опора китайцев на американский империализм не является чем-то мнимым. Период, истекший со времени встреч Чжоу Энь-лая, а позднее и Мао с Киссинджером, Никсоном, Шлезингером и с уймой специализированных групп сената, крупных финансистов-магнатов американской тяжелой индустрии, доказывает, что эта опора — реальная.

Конечно, начав переговоры, обе стороны пошли на уступки друг другу. Американский империализм добивается того, чтобы Китай был на его стороне, чтобы он не перешел на сторону Советского Союза. Китай, несомненно, также преследует свои цели: он стремится стать сверхдержавой в противовес двум другим сверхдержавам. А для этого ему нужно время, нужны средства, нужно современное оружие, и Коммунисти-

ческая партия Китая, по-видимому, нашла себе путь — путь опоры на американский империализм.

Получал ли Китай помощь от Соединенных Штатов Америки? Фактов у нас нет, но мы думаем, что получал. Это мы основываем на материалах, помещаемых в американских газетах, на речах президента Форда, на намеках Киссинджера и на официальной поддержке, оказанной Китаю Киссинджером в одной речи, в которой он заявил, что, в случае нападения какой-нибудь державы на Китай, равновесие в международных отношениях потерпит большие изменения, сопряженные с серьезными последствиями. Таковы, приблизительно, слова Киссинджера. Но как бы то ни было, Соединенные Штаты Америки предоставили Китаю 10 самолетов „Боинг“, хотя между обеими странами еще не установлены дипломатические отношения, а лишь имеются бюро связи США — в Пекине и Китая — в Вашингтоне. Посредством этих бюро связи, то есть под этим зонтом, они обменивались и обмениваются бесчисленными, объявленными и необъявленными, делегациями. Да дело не только в „Боингах“, ибо, в конце концов, самолет можно считать товаром, который Соединенные Штаты Америки продают всему миру. Из речей, произнесенных Фордом в сенате, выходит, что Китай, по всей видимости, приобрел у Соединенных Штатов Америки еще и вычислительные машины. Эти вычислительные машины, комплексы важных аппаратур, помимо всего прочего, служат и для контроля мощных радарных установок и направления ракет. В связи с этим была поднята большая шумиха, в Соединенных Штатах Америки развернулась полемика, однако на деле мы узнаем, что после приобретения этой вычислительной машины или этих вычислительных машин, Китай стал интенсифицировать добычу нефти, так как подобные, довольно усовершенствованные аппаратуры одинаково служат как гражданской, так и военной промышленности.

Конечно, существовало и опасение того, как бы этим не нарушилось равновесие, поэтому, как явствует из печати, Соединенные Штаты Америки предложили и Советскому Союзу такие вычислительные машины. Наверное, китайцы получили

от американцев и другие важные военные патенты и, полагаю, они будут получать такие и в будущем. Потому я говорю, что опора китайцев на Соединенные Штаты Америки является не мнимой, а реальной опорой.

А почему Соединенные Штаты Америки предоставляют все это Китаю? Несомненно, они имеют свои стратегические цели. Соединенные Штаты Америки хотят, чтобы Китай вооружался, но чтобы он вооружался для нападения не на них, а на Советский Союз. Это значит, что они сумеют определить, в какой мере они должны предоставлять вооружение Китаю. Вооружения, патенты или модели вооружений, которые Соединенные Штаты Америки передадут Китаю, будут служить последнему также для защиты от возможного советского нападения. Стало быть, американцы не исключают схватки между Китаем и Советским Союзом, более того, они желают ее, поэтому они помогают Китаю вооружением и возбуждают свирепость советского империализма.

Другим вопросом, который американцы имеют в виду, это то, что в случае, если Китай вооружится и выставит перед советским социал-империализмом относительно мощную силу, то Советскому Союзу, полагают Соединенные Штаты Америки, надо будет перебросить часть сил из Европы на длинные границы с Китаем. С другой стороны, Соединенные Штаты Америки этим будут поощрять, как поощряли и в других странах, насаждение своего образа жизни и мышления в китайском народе, ибо подобная существенная помощь со стороны американцев, конечно, снищет симпатию китайского руководства, да и в китайской армии возродит старую дружбу. И в народ не может не проникнуть американский образ жизни и мышления. Поэтому Соединенные Штаты Америки видят в Китае не только огромный рынок, на котором они будут сбывать свои товары и будут приобретать сырье; главное в том, что в списке товаров, которые они будут вывозить, значатся прежде всего вооружения, ибо Соединенные Штаты Америки, так же, как и Советский Союз, стали самыми крупными поставщиками оружия.

Американцы хорошо знают склад ума китайского народа и

китайских руководителей. Конфуцианство еще 2000 с лишним лет назад укоренилось в сознании китайского народа, а период строительства социализма (на китайский манер строительства социализма) является очень коротким отрезком времемени. Конфуцианские взгляды бытуют не только в народе, но и среди китайских руководителей, которые не свободны от пережитков, ведь мы видим, и факты подтверждают, что в китайском руководстве существует ряд фракций; мы видим как комбинируются, устраиваются и расстраиваются разные заговоры, направленные на свержение того или другого; устраиваются убийства и многие другие деяния, которые, к сожалению, напоминают и старый китайский склад ума. В какой-то мере эти пережитки продолжают бытовать и по сей день, когда Китай уже провозглашен Народной Республикой.

Соединенные Штаты Америки подробно изучают все эти вопросы. Американский империализм имел исключительно большие интересы в районе Тихого океана, в Японии, Корее, Китае, Вьетнаме, Индии и других странах. Поэтому американские китаеведы работали, они систематически анализировали все складывавшиеся ситуации, то есть изучали политические склонности, политические воззрения народа и руководства, а проблемы трактовали так, чтобы они решались или начали решаться в пользу американцев.

Следовательно, X съезд Коммунистической партии Китая, докладом, зачитанным на нем Чжоу Энь-лаем, изменил стратегию Китая, взяв курс на опору на Соединенные Штаты Америки, причем не фиктивно, а реально, конкретно. Китай очень заинтересован в том, чтобы укрепиться за возможно более короткий срок, и этот срок Чжоу Энь-лай определил на X съезде, заявив, что до 2000 года Китай должен стать „великой социалистической державой“. Конечно, по мнению группы Чжоу Энь-лая, страна должна была стать такой „великой социалистической державой“, как посредством опоры на собственные силы Китая, так и с помощью одной сверхдержавы, а такой сверхдержавой, по мнению и в соответствии *с* тенденциями Мао Цзэдуна и Чжоу Энь-лая, был американский импери-

ализм. Оба они могли выбирать и Советский Союз, но он не имел для них значения, ибо союз с Советским Союзом не дал Мао Цзэдуну и Чжоу Энь-лаю того, на что они надеялись. Так что они повернулись лицом к Соединенным Штатам Америки. Поворот в эту сторону диктовался и военными соображениями, которые китайцы учитывают, хотя и обходят молчанием, причем именно в этом и заключается фальшивость пропаганды, объясняющей их стратегию, согласно которой Советский Союз является, в первую очередь, мощной наземной силой. Возможное нападение на Китай, которое может дать какой-то эффект, будет совершено в первую очередь с границ Советского Союза, который не только располагает крупным обычным вооружением, но и сильно вооружен современным оружием, атомными бомбами, не говоря уже о его военно-морском флоте, который до того возрос и окреп, что внушает страх как американскому империализму, так и его английским, японским и другим союзникам. Цель стратегии советских ревизионистов — мировое господство, господство в морях, угнетение народов.

Итак, Китай полагает, что возможному нападению он может быть подвергнут скорее со стороны Советского Союза, нежели со стороны американского империализма. Последний понимает и всегда понимал это положение, так как в двух мировых войнах, будучи защищенным океанами, флотом, вооружениями, которыми он располагал, как и своим экономическим потенциалом, он натравливал других друг на друга, чтобы они убивали друг друга, разорялись, а сам наживался на пролитой чужой крови. Следовательно, американский империализм всегда подстрекал других воевать, а сам пожимал плоды их крови. Так поступает он и сегодня по отношению к Китаю; он помогает ему, чтобы тот укрепился и напал на Советский Союз. Соединенные Штаты Америки могут помогать Китаю и в ходе войны, но все-таки проливаться то будет кровь китайского и советского народов, а эта война может превратиться в мировую войну, как превратились и две прошедшие войны, и Соединенные Штаты Америки могут вмешаться к ша-

почному разбору, после того как другие понесут огромный урон и одержат пиррову победу.

Со своей стороны Китай проводит стратегию, нацеленную на то, чтобы извлекать выгоды из американского империализма, не объявлять войну Советскому Союзу, а вести такую политику, чтобы его считали судьей для решения мировых проблем. При этом китайцы основывают свою политику на идее великого государства, на величине китайского субконтинента и на многочисленности китайского населения. Конечно, эта политика основана и на экономическом и военном потенциале, который Китай намерен создавать за этот период; поэтому ничего удивительного не будет, если и Хуа Го-фэн в случае, если он останется у власти, или лицо, которое заменит его, порекомендует политику „тихо-мирно“ в отношениях с обеими сверхдержавами. Иными словами, чтобы отношения Китая с Советским Союзом больше не были натянутыми, чтобы они были хорошими и с Соединенными Штатами Америки, чтобы они дальше улучшались затем с Советским Союзом; эта политика должна давать возможность Китаю получать помощь с обеих сторон и спокойнее укреплять свою экономическую и военную мощь. Это факт, что Китай переживает политический, экономический и организационный хаос, с которым необходимо покончить, в противном случае страна останется всегда слабой и сдастся на милость великим державам.

Китаю надо укреплять экономику, ибо в настоящее время китайская экономика, по всей вероятности, слаба. Китай обладает большими ресурсами полезных ископаемых, но их надо добывать, обогащать и обрабатывать. Что касается вооружений, Китай также слаб; он, правда, располагает некоторым количеством атомных бомб, но, по утверждениям американских и западноевропейских специалистов, Китаю надо будет около 20 лет, чтобы достигнуть нынешнего уровня вооружений Советского Союза.

Поэтому, при таких условиях, **вполне возможно, что мы явимся свидетелями нового поворота в политике Коммунистической партии Китая**, хочу сказать, свидетелями новой стратегии, отличной от прежней, от прошлой **стратегии**: борьба

под водительством Советского Союза против американского империализма; **от стратегии**: борьба одновременно как против американского империализма, так и против советского социал-империализма; потом **от стратегии**: борьба вкупе и с американским империализмом против Советского Союза. Китайцы могут **взять на вооружение и новую стратегию: мир с обеими сторонами, дружба с Советским Союзом, дружба с Соединенными Штатами Америки**. По всей видимости, именно такую стратегию стремится проводить Китай, и он может взять на вооружение эту стратегию.

Мы, конечно, никогда не будем следовать за Китаем по этому пути, даже если останемся одни; однако мы думаем, что такие вариации в стратегии Китая не повысят ему престиж в мире. Прогрессивные народы и люди в мире поймут, что Албанская партия Труда, маленькая партия, ведет последовательную, правильную, прочную, марксистско-ленинскую политику и что марксизм-ленинизм является непогрешимым учением.

ВТОРНИК
25 ЯНВАРЯ 1977 г.

„ТЕОРИЯ“ “ТРЕТЬЕГО МИРА” ИГНОРИРУЕТ КЛАССОВУЮ БОРЬБУ

Положения о том, что „третий мир является самой великой и самой могучей силой, толкающей революцию вперед“, и т.д. являются антимарксистскими, контрреволюционными положениями, выдвинутыми Мао Цзэдуном и его китайскими учениками (которые все называют себя марксистами). Эти положения, являющиеся результатом „марксистско-ленинского анализа мировой обстановки и ее эволюции“, серьезно сдерживают мировую революцию и национальные революции. Китай и его руководитель, Мао, которые завоевали себе незаслуженную славу, считают себя участниками „третьего мира“ и этим стараются еще больше ослабить классовую борьбу в национальном и международном масштабах.

Но каковы эти государства „третьего мира“? Никакого „списка“ до сих пор нет, и, конечно, составлять такой список невозможно. Мао и его адепты говорят только, что участниками „третьего мира“ являются те государства, которые не входят ни в „первый мир“, ни во „второй мир“. Ему легко определить „первый мир“ — это Соединенные Штаты Америки и Советский Союз; „второй мир“ — это „развитые государства“, но что эти за государства и почему они являются таковыми, об этом ни слову; остальные государства составляют „третий мир“. Такое деление без никакой научной теоретической и классовой основы кажется смешным!! И это действительно так. Все „теоретическое“ обоснование этого деления сводится к тому, что „третий мир“ стремится освободиться от социал-империализма и империализма. Это положение

никак не является марксистско-ленинским положением. Его могут считать таким только те, которые забывают, что мир разделен на капиталистов и пролетариев, что между этими двумя классами посредством классовой борьбы с каждым днем расширяется и углубляется пропасть, только те, которые не стоят на стороне угнетенных против угнетателей и не способствуют продвижению вперед этой классовой борьбы пролетариата против капиталистов.

„Нации стремятся к свободе, народы стремятся к революции“ и т.д., — говорит Мао. Это верно, но против кого должны бороться народы? На этот вопрос он не дает полного ответа. „Против Советского Союза, являющегося главным врагом, и против Соединенных Штатов Америки во вторую очередь“, — говорит Мао. А против внутренних капиталистических угнетателей не должны бороться эти народы? Эту борьбу Мао не упоминает, ибо она, по его мнению, не существует, раз он подходит к ней огульно.

Мао формулирует положение о „третьем мире“ вразрез с марксистскими принципами и включает свою страну в этот мир в целях господства над ним. Он упускает из виду клики шахов, королей, фашистских генералов, клики шейхов, эмиров и все касты в Индии, Афганистане, Пакистане и т.д., которые жестокими мерами господствуют над народами и которые так тесно связаны с империалистическими и социал-империалистическими державами! Если Китай игнорирует эти тесные связи, их цели и их развитие, то его руководители — антимарксисты. И в действительности они такими являются.

Как это возможно, чтобы марксисты-ленинцы отождествляли страны и народы, стремящиеся освободиться от ига национального и международного капитала, с капиталистическими кликами, господствующими над ними и эксплуатирующими их?! Как это возможно идти по пути освобождения и революции, не проводя грани между угнетателями и угнетенными, между эксплуататорами и эксплуатируемыми и не поощряя борьбу вторых против первых?! Именно Мао Цзэдун теорией „трех миров“ не только не проводит эту грань, но и борется за то, чтобы ликвидировать классовую борьбу, за

прекращение классовой борьбы в национальном и международном плане.

Китай Мао Цзэдуна с антиленинских позиций поощряет борьбу против Советского Союза и ослабляет борьбу против Соединенных Штатов Америки. Это есть насквозь антимарксистская политика, поощряющая мировую империалистическую войну, вместо того чтобы ослабить и уничтожить ее, так как в такой войне это народы переносят невзгоды и лишения, это они проливают свою кровь. **Китай поощряет захватнические войны и сдерживает справедливые, революционные войны.**

Китайское руководство и Мао не хотят видеть, что клики, правящие в большинстве стран „третьего мира", зависят от технологии, от современного оружия и от кредитов американского империализма и советского социал-империализма. Эту зависимость, особенно зависимость от Соединенных Штатов Америки, китайские ревизионисты считают „прогрессом"!

По их мнению, империалистическая Америка вооружает и финансирует шахов, как и военщину Латинской Америки, помогая им „сделать свои страны и народы независимыми"! Ну и „блестящее" понятие о независимости! Ну и „блестящее", „правильное", „марксистско-ленинское" понятие об империализме!! Вот такие понятия распространяли и поддерживали Мао Цзэдун и его адепты.

„Маоцзэдунъидея" — контрреволюционная, штрейкбрехерская теория, взявшая на себя и играющая роль раскольника марксистско-ленинского революционного движения, родившегося и окрепшего в борьбе против хрущевского современного ревизионизма и других ревизионистских партий. Разногласия хрущевцев с маоистами — непринципиальны, оба этих течения — антимарксистские, ревизионистские. В основе разногласий, вытекающих из этих взглядов, лежит соперничество двух великих империалистических держав, одна из которых — сложившаяся держава, другая — возрастающая.

Мы должны разоблачать маоистов так же, как разоблачали и хрущевских ревизионистов.

СРЕДА
2 ФЕВРАЛЯ 1977 г.

„ПЕРЛЫ“ КИТАЙСКОЙ ПРЕССЫ

Странные вещи публикует китайская печать в рубрике борьбы „четверки“ против Чжоу Энь-лая.

„Жэньминь жибао“ писала 27 января, что, „когда четверка наложила свою черную лапу на город Паотин (провинция Хопей), на какое-то время там нарушилась тишина, был вызван раскол и произошли вооруженные столкновения“.

Армейская газета от 23 января также обвиняла „четверку“ в том, что она „нарушала право слова, силой подавляла действия революционных масс, лишила народ демократических прав и свобод, вела шпионскую деятельность как в центре, так и на местах“ и т.д. и т.п. Она писала, что „четверка“ срывала курс Мао „пусть расцветает сто цветов, пусть соперничает сто школ“.

Та же газета в своей статье от 24 января 1977 года обвиняла „четверку“ в том, что „она саботировала дело освобождения Тайваня, хотя шанхайское заявление между Китаем и США создало благоприятные условия для его освобождения“, и отмечала, что „Чжан Чунь-цяо мешал подготовке кадров из Тайваня“.

В этой статье отмечается, в частности, что „Хуа Го-фэн проявляет большую заботу о тайванских братьях, он сам лично организовал амнистию всех военных преступников, сидевших в тюрьме, освободил всех американских и чанкайшистских шпионов, сидевших в тюрьме, как и персонал партии и правительства гоминьдана на уровне уезда и бригады“.

Эта мера, согласно этой газете, „возымела большой воспитательный эффект на население Тайваня и оказала большое влияние как внутри, так и за пределами страны“.

Вот такие ревизионистские „перлы“ помещают главные китайские газеты! Вот чем занимается китайская печать, которая, конечно, защищает тех, кто узурпировал власть, и, нехотя, ясно показывает, какая реакционная власть установлена ныне в Китае; из этих „фактов“ можно заключить, что „четверка“, по всей видимости, стояла на правильном пути.

Бороться против маоцзэдуновской ревизионистской идеи „ста цветов“ и „ста школ“ для Чжоу Энь-лая и Хуа Го-фэна с компанией означало быть антимарксистом. Однако относительно всех этих вопросов и всех возводимых на „четверку“ обвинений теперь ставится законный вопрос: А Мао что делал? Почему он не вмешивался, с тем чтобы показать место этим „уклонистам“, искажавшим его „непогрешимую марксистско-ленинскую“ линию?! Не видел ли Мао, что они действовали? Не читал ли он в газетах обо всех этих „безобразиях“, которые допускала себе „четверка“? Не докладывал ли ему обо всем происходящем его самый „ближний“, как он оказывается теперь, Чжоу Энь-лай, который „боролся зуб за зуб“ с „четверкой“ ?

Появляются весьма таинственные, странные и противоречивые факты. Если задавать вопросы, если глубже вникнуть в суть этих проблем получается, что Мао Цзэдун был ревизионистом, либералом и позволял всем своевольничать в ущерб Китаю. Об этом говорит девиз „ста цветов“ и „ста школ“. „Только не убивайте друг друга, — указывал он, — а свергать друг друга, это можно. Затем я, „великий рулевой“, буду на стороне того, кто одержит верх“. Это главная идея. Что касается Чжоу, то он и стоял, и не стоял за Мао. Если бы он полностью стоял за Мао, то они должны были вместе „бороться зуб за зуб“ против „четверки“ и ликвидировать ее. Однако у Чжоу не было полного согласия Мао, и это не потому, что Мао правильно подходил к проблеме. Чжоу орудовал из-под

полы и выжидал смерти „председателя“. Все это — сущая правда и ее нельзя скрывать. Во всем этом не было марксистско-ленинской идеологии, а, как я уже отмечал в других записках настоящего дневника, шла борьба за личную власть, плелись интриги, устраивались одни за другими заговоры, путчи.

ПОНЕДЕЛЬНИК
7 ФЕВРАЛЯ 1977 г.

ПОСЕЯЛИ ВЕТЕР, ТЕПЕРЬ ПОЖИНАЮТ БУРЮ!

Согласно поступающим сведениям, китайцы не только в Пекине, но и в своем посольстве в Париже **вызвали представителей коммунистических (марксистско-ленинских) партий Колумбии и Аргентины, предложили им даже деньги с целью подкупить их**, добиваясь того, чтобы они отказались от присоединения своих партий к совместному заявлению восьми коммунистических марксистско-ленинских партий стран Латинской Америки, принятому по окончании совещания, состоявшегося в ноябре 1976 года. Товарищи из этих двух партий были скандализированы подобными бесстыдными, враждебными и столь низкими поступками китайцев. Они категорически отклонили их предложения и их беззастенчивые и враждебные действия. Конечно, об этих действиях китайцев узнали и другие товарищи из коммунистических марксистско-ленинских партий Европы и были скандализированы.

Поистине жаль братского китайского народа и настоящих товарищей-марксистов-ленинцев в Китае при виде того, в какую тлетворную трясину, в какую грязь и пропасть ввергают Китай захватившие власть китайские ревизионисты. Однако чирей нужно оперировать хирургическим ножом, чтобы удалить гной, т.е. чтобы китайский народ увидел, где рана и мобилизовал силы на излечение тела от этой чумы, которая схватила за горло и душит его.

Пусть все настоящие марксисты-ленинцы в мире увидят также, какой ложный „марксизм-ленинизм“ утверждался в Китае рядом руководителей, камуфлированных марксистской

теорией, чтобы скрывать свой правый оппортунизм, свой ревизионизм и свою связь с внутренней и мировой буржуазией.

Смерть сорвала маску с Мао, протагониста этой трагедии. Он вошел в историю как „великий марксист-ленинец“ и при жизни ему удалось надуть ряд народов, партий и людей, но, наконец, его игра „заслуженного“ актера в искажении марксизма-ленинизма была раскрыта. **Факты из его жизни, развитие стратегии и тактики Коммунистической партии Китая, лично выработанных Мао, как и нынешнее положение в Китае подтверждают положения Албанской партии Труда, которая уже давно, еще в 60-е годы, подметила первые признаки этого идейного вырождения, которое происходило постепенно, наподобие того, как постепенно росли и уточнялись и наши сомнения.**

Наш VII съезд сильно задел китайских ревизионистов, поэтому они стали действовать безумно. Китайские ревизионисты и за рубежом, в первую очередь против несокрушимого врага современного ревизионизма, Албанской партии Труда, поступали так, как они поступали и в самом Китае путем государственного переворота, совершенного Хуа Го-фэном. **Однако они угодили головой о стену, и голова их стала истекать кровью! Они посеяли ветер, а теперь пожинают бурю! Китайские ревизионисты подумали, что запугают нас, они надеялись, что им удастся своим огромным телом задушить или изолировать нас, они думали, что „культ усопших“ сыграет ту же роль, которую он играл и при их жизни.**

Однако Мао Цзэдун и Чжоу Энь-лай были хитрыми, оба они сманеврировали; они умели изворачиваться, умели вести политику, **тогда как глава Министерства внутренних дел Китая, Хуа Го-фэн, подумал, что законы его тайной полиции смогут подменить революционную теорию Маркса и Ленина. Но здесь он свернул себе шею.**

Относительно многих ключевых проблем, таких как антимарксистские решения о неоднократном изменении стратегии Коммунистической партии Китая, или антимарксистские решения не отвечать на письма Албанской партии Труда, не посылать на съезды других марксистско-ленинских коммунистичес-

ких партий делегаций от Коммунистической партии Китая и не принимать на съезды этой партии делегаций от других партий, возражение против совещаний представителей многих марксистско-ленинских партий, деление мира на „три мира“, союз с Соединенными Штатами Америки, как и относительно целого ряда других проблем, Мао и Чжоу действовали, однако этих вопросов они не ставили ребром, не могли открыто навязывать их тем, которые не поддавались обману. **Они прибегали к ловким тактическим приемам, между тем как пришедшие к власти за ними „друзья“, не обладая ни головой, ни способностями тех, которые умерли, стали применять метод дубинки, метод кнута, заявляя: „Все, что сделано и делается в Китае, все, что сказано и сделано Мао Цзэдуном и Чжоу Энь-лаем — священно, поэтому всем надо стать на колени перед ними“!** И здесь они навлекли на себя неприятности.

Связи между Коммунистической партией Китая и марксистско-ленинскими коммунистическими партиями в мире ныне поддерживает некий Гэн Бяо, распоясавшийся антимарксист. Никто с него не спрашивает. Содержание и формы связей с другими партиями как в идеологическом, так и в организационном плане он рассматривает с антимарксистских позиций, с ревизионистских позиций китайского руководства, с великодержавных и великопартийных позиций. Мы, с нашей стороны, не поддерживали и не поддерживаем каких-либо связей с этим весьма подозрительным лицом и с его отделом, являющимся ничем иным, как „осиным гнездом“.

Гэн Бяо мы знаем уже давно, еще тогда, когда он недолго был послом Китая в Тиране; как только уехал из нашей страны, он стал заведующим отделом международных связей при Центральном Комитете Коммунистической партии Китая. После нашего VII съезда летаргия в отношениях Коммунистической партии Китая с Албанской партией Труда была нарушена, и этот горе-агент, Гэн Бяо, возвел в принцип вопрос о том, что марксистско-ленинские коммунистические партии не должны участвовать в съезде другой партии, как и вопрос о нецелесообразности проведения совещаний представителей

многих партий. Для него „легальной“ является только „двусторонняя встреча“, ибо на таких встречах он может интриговать, может клеветать, может подкупать, может угрожать собеседникам, может продавать им „свинью за бобра“.

И этот горе-заведующий пытается навязать всем другим государственную политику Китая. Этот скрытый агент, выступая перед военными кадрами, отметил, что, „ввиду советской опасности, присутствие американцев на Дальнем Востоке, в Японии и на Филиппинах необходимо, и что тайванский вопрос стоит на втором плане, что некоторые „твердолобые революционеры“ не понимают стратегию Китая, согласно которой нужно поддерживать НАТО, „Объединенную Европу“ и Европейский общий рынок, которым угрожает Советский Союз“. А этому Гэн Бяо, выступающему в качестве адвоката, защищающего американский империализм, почему бы не быть и агентом американцев?

Во всяком случае он является заклятым врагом марксизма-ленинизма, социализма и коммунизма, Албанской партии Труда и албанского государства, врагом марксистско-ленинских коммунистических партий всего мира. Гэн Бяо и Хуа Гофэн, под руководством последнего, разрабатывают и всячески проводят в жизнь везде в мире борьбу против марксистско-ленинской идеологии, борьбу против принципа пролетарского интернационализма, против единства марксистско-ленинских коммунистических партий и мирового пролетариата, борющихся против двух сверхдержав, против олигархий, против мирового капитализма.

Коммунистическая партия Китая во главе с этими людьми встала на путь раскола и создания „партий“ и „групп“, руководствующихся оппортунистическими, ревизионистскими, эклектическими и маоцзэдуновскими идеями. Эти новые ревизионисты будут разоблачаться с каждым днем, все больше и еще глубже погрузятся в трясину, откуда им не выйти, кроме как в качестве третьей сверхдержавы, а партия Мао примет краску, черты и идейное содержание „Коммунистической“ партии Советского Союза хрущевцев и задастся одинаковыми с ней стратегическими целями.

СУББОТА
12 ФЕВРАЛЯ 1977 г.

„НЕБЕСНЫЕ“ ДОВОДЫ!

Этого нам еще не доводилось слышать!! Китайская газета „Жэньминь жибао“, орган Центрального Комитета Коммунистической партии Китая, разоблачая „четверку“, в частности пишет, что „даже боги возмущены предательством „четверки““.

Как видно, „Мао отправился к богам, которые дали ему аудиенцию“ (как он говорил некогда Эдгару Сноу); он пожаловался им на свою жену, Цзян Цин, и ее товарищей!! Даже самая консервативная, самая реакционная буржуазия не делает таких глупостей при разоблачении своих врагов.

Нынешние китайские руководители не только являются антимарксистами, но и лишились всякого элементарного рассудка. **По всей видимости, они очень озабочены тем, что никто не верит их „материальным“ доводам против „четверки“, так что они начали прибегать к „небесным“ доводам!**

ПОНЕДЕЛЬНИК
14 ФЕВРАЛЯ 1977 г.

„АДВОКАТ“-ШАРЛАТАН ПРОГНИВШЕЙ КИТАЙСКОЙ ЛИНИИ

К ревизионистской линии Коммунистической партии Китая на этот раз присоединился еще один послушный солдат. Это Кажимиеж Миял, Генеральный секретарь Коммунистической партии Польши. Вслед за австралийцем Хиллем и за французом Жюрке появился еще один ренегат марксизма-ленинизма, готовый обрушиться с нападками на марксистско-ленинские положения VII съезда Албанской партии Труда. Свои критические замечания он прислал нам письмом, якобы в качестве решений Центрального Комитета Коммунистической партии Польши, с которым он вот уже 7-8 месяцев не поддерживает никаких связей. Письмо поступает к нам якобы из Варшавы, но и с ней у Мияла нет никаких связей. Вся эта инсценировка, с помощью которой Миял пытался набить цену своим ревизионистским „тезисам“, представить дело так, будто он принципиален и руководит коллегиально, имеет своей целью доказать нам, что критические замечания в адрес Албанской партии Труда — это критические замечания Центрального Комитета Коммунистической партии Польши и вовсе не китайцев, что они не нашептаны на ухо в Пекине, а затем, после VII съезда, в Тиране китайским послом.

Польский ревизионист Миял стал слугой китайцев. Относительно проблем, в связи с которыми атаковывают нас, как и относительно многих других положений, он выступал и высказывался за наши тезисы и против Коммунистической партии Китая. Все это доказывается протоколами. Теперь он запел на иной лад. А почему? Да потому, что он не только был замаскированным ревизионистом, но может быть и агентом, зас-

ланным к нам в известных нам драматических формах. Мы принимали его, ничего не жалели и делали все возможное, чтобы он, когда находился здесь, чувствовал себя у нас как в своей стране.

В политических и идеологических взглядах у нас не было никаких противоречий с ним, только одно советовали мы ему: что надо было установить связи вне Польши, с каким-нибудь товарищем, посланным ЦК Коммунистической партии Польши, ибо эти связи нельзя было поддерживать через наше посольство.

Вначале Миял не отзывался с симпатией о Китае, но и против него он не говорил. Постепенно он стал углублять критику, выступая против ряда китайских тезисов и осуждая их. Когда он съездил однажды в Китай, там к нему относились с большим пренебрежением, поэтому он зверем вернулся из Пекина и выступил против китайцев. Ладно, до этого все шло нормально, ничто не давало нам повода сомневаться.

Однако после некоторых подозрительных действий с его стороны, Миял стал, посредством ревизионистских положений, критиковать решения и действия нашей партии. Это еще больше насторожило нас. Мы ответили на его критические выступления, и он будто смутился. Затем он зашел еще дальше и дело дошло до того, что он направил нам настоящее письмо против нашего VII съезда и в защиту китайской ревизионистской линии. Миял, значит, увидев, что у нас были противоречия с китайцами, запел на иной лад.

Не состоит ли (это тоже предположение) Миял на службе у советских, и не заслан ли он в Албанию с определенными целями? При сложившейся между нами и китайскими руководителями обстановке, не была ли, в других интересах, возложена на него задача вкрасться в доверие последних? Это „ответственная задача“, которая, быть может, была поставлена польской и советской агентурой перед Миялом, который после нашего съезда начал открытые выпады против нас. Китайцы довольны этой паршивой козой, примкнувшей к их стаду.

Вернемся теперь к письму, которое этот прислужник китайских ревизионистов направил нашей партии.

Кажимиеж Миял критикует нас в связи с двумя вопросами, которые он считает „политическими и идеологическими ошибками“, „несчастными, антиленинскими и антисталинскими ошибками“, ибо они не согласовываются с „маоцзэдунъидеей“. Искажая идеи и действия Ленина и Сталина, он атакует этих последних, атакует Албанскую партию Труда, превозносит Мао и его ревизионистские идеи, прибегая при этом к якобы теоретическим формулам, которые в действительности являются банальными рассуждениями капиталистической и мудренной пропаганды, т.е. пропаганды, ничего общего не имеющей с марксистско-ленинской идеологией и лишь выдуманной китайцами в качестве „костылей“ для своих ревизионистских идей.

Каковы противоречия Кажимиежа Мияла с нами? Их два:

1) о „третьем мире“;

2) об отстаиваемом им положении, т.е. о том, что у народов мира нет два главных врага, а только один, всегда один.

Положения нашего съезда известны, поэтому я о них распространяться не буду, а лишь прокомментирую ревизионистские „перлы“ этого ренегата, „адвоката“-шарлатана прогнившей китайской линии.

1) Ему никак нельзя скрывать того, что положение о „третьем мире“ есть „положение Мао“, несмотря на его утверждение о том, что „это Дэн Сяо-пин открыто провозгласил его в ООН“. Однако это положение надо аргументировать идеологически. Между тем ни Мао, ни Дэн не давали, по крайней мере публично, этого обоснования. Тогда вмешивается „адвокат“ Миял, который берется за его защиту, причем защищает он его, „опираясь на Ленина“. Однако **Ленин не делил мир ни натрое, ни начетверо. Ленин говорил о группах государств, а, когда говорит о мире, он упоминает только два: капиталистический мир и наш мир социализма**. Именно это марксистское положение отстаивала наша партия на своих съездах, именно его она отстаивала и на своем последнем, VII съезде.

Но как отстаивать „адвокату“ Миялу „безошибочное“ положение Мао о „трех мирах“? Он дает „марксистско-ленинское“ истолкование маоистской теории „трех миров“, утверждая, что, если ее разобрать, то она означает „группы, типы государств“. Итак, „миры“ превратились в „типы государств“; „третий мир“ является, мол, „группой, типом государств“, и всему, по словам „адвоката“, было дано политическое и идеологическое толкование с классовой и с любой другой точки зрения, „поэтому в этом делении все носит классовый характер“. Итак, по его словам, получается, что „Албанская партия Труда на своем съезде допустила ошибку“.

„Адвокат“ в целях иллюстрирования ревизионистского и контрреволюционного положения Мао говорит, что „степень развития капитализма в различных государствах мира, как и экономическая и др. зависимость этих государств в мировом масштабе противопоставляются гегемонии сверхдержав“ и т.д. Однако это не служит доказательством правильности положения о „трех мирах“.

Эти капиталистические „группы государств“ с различным уровнем развития остаются капиталистическими государствами и резервом того или другого империализма. Между этими капиталистическими „группами государств“, как и между ними и империалистическими державами имеются противоречия, которые надо углублять в интересах революции и дела освобождения народов от внутреннего и внешнего капитала. Таково марксистско-ленинское положение Албанской партии Труда, тогда как „адвокат“ Миял старается объяснять маоистское положение „трех миров“. После такого „фокуса“, „адвокат“, страховки ради, поясняет, что во главе этих „типов государств“, которые Мао называет „мирами“, стоят короли, феодалы и др. Среди них есть и прогрессивные элементы и т.д., причем положение в этих государствах сложное, говорит „адвокат“. По-видимому, чтобы сделать его менее сложным, „великий кормчий“ состряпал этот „третий мир“, в который он включает и себя вместе с Китаем. Значит, Мао, шах Ирана, король Саудовской Аравии, фашист Пиночет в Чили, фашистская хунта в Бразилии и т.д. — все они взялись рука об

руку и пустились в пляску „третьего мира". Далее в своем письме „адвокат" признает, что „эти государства третьего мира связаны с неоколониальной системой" и т.д.

В связи с формулировкой нами этого нашего положения, которое полностью разъясняется в докладе нашему съезду, а также в связи с вопросами о государствах, о противоречиях и т.д., „адвокат" пытается „доказать", что „данная формулировка является слишком общей, когда указывает, что эти государства являются буржуазными, капиталистическими". Но, если они не такие, то чем же они являются? Этого „адвокат" не объясняет, а только пытается включить и Албанию в „третий мир" (что касается Китая, то он подавно в нем). Итак, по его мнению, „нам следует включиться в „третий мир", так как мы — развивающаяся страна". Таково „теоретическое" и „классовое" определение, которое „великий кормчий" и его польский „адвокат" дают „третьему миру"! Это, по их мнению, есть классовое деление, рассматриваемое сквозь классовую призму, сквозь призму классовых интересов, интересов пролетарской революции! Так могут подходить к делу только ревизионистские ренегаты, агенты мировой и национальной капиталистической буржуазии.

Верхом всего этого является утверждение этих предателей о том, что деление государств на „миры" не обеспокоило ни Коминтерна, ни Сталина. А зачем они должны были беспокоиться? Как для Ленина, так и для Коминтерна имелись государства и группы государств, однако для них было только два, а не три мира.

„Адвокат" говорит, что Ленин делил буржуазно-капиталистические государства на пять групп. Ленинский анализ правильный, однако группы-государства он не называл „пятью мирами", и Советский Союз он не включал в эти группы; он все утверждал, что имеются два мира и что этими мирами являются капиталистический и социалистический миры.

Какие гнусные искажения. В целях маскировки этих извращений и страховки ради, „адвокат" утверждает, что „Ленин, говоря о необходимости поддержки международным коммунистическим движением революционного движения

стран Азии, Африки и Латинской Америки, которые Мао называет „третьим миром“ (он поставил, таким образом, и Мао рядом с Лениным с целью убедить нас в том, что Мао думает как Ленин!!), делал это в целях поддержки не государств, а революционного движения внутри этих государств“ и т.д. Что этим доказывает „адвокат“? Противоположное тому, что он пытается защищать, ибо то, что он говорит, подтверждает, что Мао ни в теории, ни на практике не отстаивает революционного движения внутри этих государств, а берет под защиту государства, подавляющие пролетариат и революцию.

Другим верхом ревизионизма является утверждение обанкротившегося „адвоката“ Кажимиежа Мияла о том, что „не надо путать отношения международного рабочего движения, в том числе и отношения социалистических государств, с революционным движением, которое развивается в более или менее развитых капиталистических государствах“ и т.д. А Мао, что он делает?

По его мнению, оба этих движения не должны быть в союзничестве, они не должны смешиваться и руководить друг другом. Другими словами, одно в лес, а другое по дрова; достаточно, чтобы они входили в „третий мир“, чтобы они отстаивали маоистские положения, союз с капиталом и с американским империализмом против социал-империалистического Советского Союза.

Наконец, „адвокат“, страховки ради, заключает, что „эти различные движения нельзя спутывать с международными отношениями между государствами“. Чтобы убедить нас в том, что „третий мир“ Мао основан на „классовых критериях“, он говорит, что „третий мир“ не является отвлеченным понятием, ибо он состоит из ста государств. Таким образом, он определил и число, однако на деле он делает отвлеченным понятием все классовые противоречия и борьбу, которая ведется внутри этих государств „третьего мира“ против внутреннего капиталистического класса и мирового монополистического капитала.

Голова „адвоката“ Мияла, который выдает себя за „ленинского теоретика“, набита контрреволюционными воззре-

ниями. Он искажает и урезывает формулировки и цитаты Ленина, Сталина и Коминтерна, не ссылаясь на первоисточники. Тем не менее, и в таком искаженном виде, все равно они не говорят о правильности положений его и Мао, ибо они являются ревизионистскими положениями. Мао последователен в своих ревизионистских взглядах, между тем как поляк похож на ревизиониста, оставшегося „нагишом" посреди дороги и старающегося приискать себе кров, чтобы спрятать свою набитую кашей голову.

В своей защите ревизионистских положений Мао о делении мира на „три мира", он колеблется, и, пытаясь подыскать версию „государств-типов", старается отвергнуть наши положения, извращая формулировки Ленина, который, подвергая анализу международную ситуацию того времени, делил буржуазно-капиталистические государства на пять групп; но Кажимиеж Миял тщетно старается, у него ничего не выйдет, он не в состоянии хоть на волосок опровергнуть что-нибудь из ленинских положений нашего съезда.

Подобно адвокату, который, выслушав подзащитного виновника, формулирует тезисы защиты, которые он представит суду, „адвокат" Миял пошел к китайскому послу в Тиране и спросил его о том, какие положения хотелось бы Хуа Гофэну отстаивать перед Албанской партией Труда и международным коммунистическим движением. Так он и сделал — выступил в защиту маоистского современного ревизионизма, обрушился с нападками на Албанскую партию Труда и международное коммунистическое движение, взял под защиту положения капитала, американского империализма и ревизионистского Советского Союза. Подобные крупные ренегаты, вроде Тито, Хрущева, Мао, а затем и малые ренегаты, вроде Мияла, Хилла и Жюрке, обязательно появятся в поворотные для марксистско-ленинского революционного движения моменты, однако все эти ренегаты, какой бы масти они ни были, будут разоблачены, будут дискредитированы и, подобно всем своим предшественникам, окажутся на свалке истории.

Это и есть суть и аргумент первой критики поляка Мияла в связи с одним из положений VII съезда.

2) Его вторая критика касается нашего положения: „обе сверхдержавы одинаково опасны“. По его словам, „это истина отвлеченного характера“ и для того, чтобы сделать ее конкретной, он ссылается на положения нашего VII съезда, которые разъясняют международную обстановку и положение различных межборющихся сил при данной великой действительности, подкрепляя их марксистско-ленинскими теоретическими выводами.

„Адвокат“ китайских ревизионистов, ревизионист Миял, применяет те же способы, ту же тактику, те же искажения, те же фокусы и высказывает ту же „уверенность теоретика“, что и по первому вопросу. Однако здесь „кусок внушителен“ и ему трудно его проглотить. Поляк старается найти способ подтвердить то ревизионистское положение, которое даже сами китайцы не собирались отстаивать открыто, как собирается он делать, ибо они выдали бы себя с головой.

Китайцы утверждают, что „главным врагом является Советский Союз, тогда как Соединенные Штаты Америки стоят во втором месте“. Это антимарксистское положение. Всю свою идеологию и всю свою политику они основывают на этом определении, с этим положением сообразуют они любой свой шаг на международной арене. Но в целях маскировки перед нашей марксистско-ленинской линией, перед международным коммунистическим движением и перед мировой общественностью, китайцы время от времени повторяют, что „у нас два главных врага: Советский Союз и Соединенные Штаты Америки“.

Поляк Миял „больший католик, чем сам папа“. Он похож на лягушку из басни, которая, желая стать большой с буйвола, так раздулась, что лопнула. Поляк Миял также, отстаивая ревизионистское, реакционное положение так раздулся, что лопнул, выведя наружу все свои нечистоты и в то же время и нечистоты китайцев.

Как старается Миял отвергнуть наше положение? Очень просто: „Как во внешнем, так и во внутреннем плане, у одной страны может быть только один враг, а не два. В масштабе континента тоже есть один главный враг, а не два“!

Поляк выдвинул вопрос, с тем чтобы отстаивать китайское положение о том, что „главным врагом является советский социал-империализм“, ибо он „более богатый в экономическом отношении, более вооруженный, более динамичный, менее разоблаченный“! (Все эти рассуждения подготовлены и посланы ему Гэн Бяо.)

Однако Миял учитывает, что китайская стратегия меняется на каждом съезде. VIII съезд Коммунистической партии Китая отмечал, что „главным врагом являются Соединенные Штаты Америки, поэтому объединимся с Советским Союзом против американцев“, а теперь Соединенные Штаты Америки стали, мол, менее опасными! Не удивительно, если будущий, XI съезд Коммунистической партии Китая установит, что главным врагом являются Соединенные Штаты Америки, а не Советский Союз, или же заявит, что оба они — неопасные!

Итак, эти *volte-face** поляк объясняет тем „аргументом“, что „жизнь не стоит на месте“, то есть, по его мнению, коммунистические партии каждые семь лет должны изменить стратегию, ибо ныне „Советский Союз является главным врагом, а остальные — его цепными псами“, завтра „Соединенные Штаты Америки станут главным врагом, а остальные превратятся в их цепных псов“. В целях иллюстрации своей ревизионистской идеи, Миял этот „аргумент“ якобы перенимает у Ленина.

Исходя из этих ревизионистских положений, Миял рассуждает как польский националист, а отнюдь не как интернационалист. Он говорит: „Для Коммунистической партии Польши существует один внешний враг — Советский Союз, и один внутренний враг — Герек. В борьбе с этими двумя врагами Коммунистическая партия Польши должна объединиться даже с самой черной реакцией“. (Положение, присланное ему Гэн Бяо.) Так что, раз Миял может объединяться с самой черной реакцией (с Ватиканом), то почему бы ему не объеди-

* По-французски: резкие перемены взглядов.

ниться и с Гереком, ведь и он не любит советских? Впрочем настанет время и он объединится и с Гереком!

А для Коммунистической партии Германии (марксистско-ленинской) кто, по мнению Мияла, является главным врагом? Этого он не говорит, но думает: „Советский Союз". И что Западная Германия страдает одновременно от реваншистского Бонна и от гнета Соединенных Штатов Америки, а Восточная Германия угнетается в одно и то же время ревизионистской шайкой Хоннекера и Советским Союзом, этому маоистскому „диалектику" хоть бы что.

А Итальянская коммунистическая партия (марксистско-ленинская), у которой два внутренних врага и еще Соединенные Штаты Америки, против кого должна бороться, по мнению Мияла? Этого он также не говорит, но думает: „против Советского Союза".

Вот так, так ясно, так просто, так „теоретически" решает эти вопросы этот ренегат!!

Отсюда он хочет прийти к другому вопросу: к тому, что мы, албанцы, ошибаемся, когда говорим, что „нельзя опираться на один империализм для борьбы с другим". Согласно этому прислужнику американцев, можно опираться на Соединенные Штаты Америки и на их псов для борьбы с главным врагом, Советским Союзом.

Миял говорит, что положение, выдвинутое нашим съездом, закрывает дверь „компромиссам", „союзам" как внутри страны, так и за рубежом. И в целях подтверждения этой нелепости он искажает Ленина и Сталина, извращает историю! Он берет в качестве примера Брест-Литовский мир, называя его „компромиссом Ленина с Германией". Брест-Литовский мир был не беспринципным компромиссом, как его интерпретирует Миял, а миром, который Ленину был навязан необходимостью спасти Советскую Республику. Посредством этого мира Ленин, создавший первое государство пролетариев, вывел это государство из захватнической, империалистической войны и отстоял революцию. Это было правильным шагом, шедшим вразрез со стремлениями знати и керенских, которые, заодно с англо-французскими империалистами, хотели продол-

жать войну ниспроверженной царской России и удушить революцию. Этот ренегат заходит еще дальше, ссылаясь на „историю запломбированного вагона“, чтобы показать до чего доходил компромисс Ленина с кайзеровской Германией. Этот ренегат пытается таким образом облить грязью Ленина и Октябрьскую революцию, изображая дело так, будто им содействовала Германская империя.

Миял не упускает из виду также заключенный Сталиным „советско-германский пакт о ненападении“, как и союз против нацизма, заключенный Советским Союзом с Соединенными Штатами Америки и Англией. Сталин поступил правильно, он не заключал никаких беспринципных компромиссов ни с Гитлером, ни с американско-английским империализмом. Когда война была на пороге у Советского Союза, когда Гитлер уже поглотил Австрию и Чехословакию, когда Чемберлен подписывал мюнхенский договор с целью натравить Гитлера на Советский Союз, Сталин призвал западные „демократии“ заключить антифашистский союз, но последние пропустили это мимо ушей. Тогда Сталин, чтобы выиграть время, подписал пакт о ненападении, а не заключил союз с нацистской Германией.

Приведя эти „аргументы“, ссылаясь на „компромиссы“, польский ренегат сам спрашивает и сам же отвечает: „Неужели Ленин и Сталин этим изменили марксизму-ленинизму и революции? Никак нет“. Такого рода „аргументирование“ является троцкистской провокацией.

Итак, польский ренегат говорит, что марксисты-ленинцы могут в любое время, в любую ситуацию заключать союзы и идти на компромиссы „даже с дьяволом“ с тем, чтобы победить „сатану“. Все это он использует для сохранения дружбы маоистов с американцами, так как „не может быть в одно и то же время двух врагов, а есть только один, главный враг, т.е. можно опираться на одного врага для борьбы против другого“. Если это положение этого ревизионистского ренегата правильно, то он, чтобы быть последовательным, должен признать, что и единство Герека с Советским Союзом нормально, правильно. Этот „великий теоретик“ выступает против шабло-

нов, но, в действительности, чтобы демонстрировать свои ревизионистские положение, он то и делает, что извращает историю и трактует ее шаблонно, с тем чтобы вытащить Мао и Китай из трясины.

Поляк Миял, замкнутый в себе и совершенно оторванный от революционной жизни, смотрит на мир и на политику глазами ошеломленного солнцем человека, ориентирующегося по „Голосу свободной Европы“, по Варшавскому и Московскому радио. Насытившись силосом „Синьхуа“, он высасывает из пальца якобы теоретические марксистско-ленинские мысли с целью опровержения этих двух положений нашего VII съезда, ибо он говорит, что „согласен с любым другим положением VII съезда АПТ“. Демагог остается демагогом и эти критические выступления прикрывает дифирамбическими похвалами в адрес Албанской партии Труда, в мой адрес и т.д.

Кто может верить его утверждениям о том, что остальные положения Албанской партии Труда правильны, когда он даже те положения, которые ныне подвергает критике, еще вчера считал совершенно правильными? Мы ничего не изменяли в стратегии нашей партии, вот почему она добилась успехов. **Маоисты завели Китай в болото оппортунизма, поэтому там происходят все эти вещи. Ревизионист Миял хочет, чтобы мы, как и он, скатились в эту грязь. Нет, никогда этого не будет, если мы будем точно проводить марксизм-ленинизм, марксистско-ленинские нормы, классовую борьбу, как мы проводили их до сих пор. Албанская партия Труда не отойдет от этого пути.**

Наша партия анализировала внутреннюю и внешнюю обстановку сквозь призму марксизма-ленинизма, поэтому она и выносит правильные выводы, правильно ведет борьбу за углубление противоречий среди врагов революции и дела освобождения народов, поэтому она подходит к ситуациям и к врагам не с узких, национальных позиций, а с позиций партии, руководствующейся общими интересами пролетарской революции, пролетарским интернационализмом. Ни Мао, ни Коммунистическая партия Китая и ни их адвокаты, совершая выпады против нас, не говорят о пролетарской революции, о про-

летарском интернационализме, о борьбе марксистско-ленинских коммунистических партий мира. Если они коснутся этих жизненных для революции вопросов, то, наверняка, они лишатся и тех немногих перьев, которые у них остались.

Маоисты и их ревизионистские адвокаты добиваются и выступают за прекращение полемики. **Ревизионисты, как хрущевские, так и маоистские, всегда боялись марксистско-ленинской полемики.** Именно в своем последнем письме, содержащем выпады против нас, маоисты утверждают: „Мы не ответим вам, так как не хотим вести полемику".

В полемику мы не вступали, но зато свое мнение выражали открыто. Китайцы и их адвокаты хотели, чтобы мы не высказывали своего мнения, а чтобы они сами высказывали свое мнение, которое и нам надо было молча принимать его в качестве универсальной истины. Очень же они умные!!

„Зачем вы открыто выдвинули эти вопросы?", — упрекает нас „адвокат" Миял и притворяется, будто ничего не знает. А между тем он очень хорошо знает, что мы эти свои принципиальные возражения выражали в письмах, направленных Коммунистической партии Китая, что мы три года подряд высказывали свое желание направить в Китай партийную делегацию для обсуждения этих вопросов, но Мао и Чжоу сами не хотели этого. Теперь этот „адвокат" затасканного дела предлагает нам „провести многопартийное совещание для выравнивания этих противоречий", хотя он прекрасно знает, что Китай против подобных совещаний, что он даже против двусторонних встреч с нами, хотя с другими партиями, например, с партиями Мияла, Жюрке и Хилла, которые стали его прислужниками и которым он надувает в уши всякого рода чушь, он проводит двусторонние встречи.

Другими словами, маоистский Китай лезет из кожи вон для сохранения незаслуженного престижа в международном коммунистическом движении, ничего не делая в интересах этого движения или поступая вопреки его интересам. Он добивается и борется за то, чтобы навязать себя в качестве руководителя освободительной борьбы народов, следовательно, в качестве руководителя „третьего мира", старается убедить

других в том, будто Мао и его преемники реалистично анализировали положение мира „в движении, в революции“ и давали наиболее подходящие рецепты, для того чтобы все — народы, революционеры, коммунисты, марксистско-ленинские коммунистические партии, „государства-типы“ „обоих миров“ вместе также с Соединенными Штатами Америки „первого мира“ — следовали за Китаем во имя борьбы против советского социал-империализма, „главного врага человечества“.

Все эти ренегаты взяли на себя задачу вновь расколоть революцию и восстановленное и крепнущее марксистско-ленинское движение. Миялы, жюрке, хиллы и его компания являются гереками, живковыми, гомулками, шарки, марше нового ревизионистского варианта, по которым надо открыть сильный артиллерийский огонь, чтобы изобличить, разгромить и ликвидировать их.

В отношении заблудившихся Албанская партия Труда должна и будет проявлять большое терпение с целью разъяснить им правду, ибо мы не должны недооценивать миф и культ Мао в мире, как „великого марксиста-ленинца“. Адвокаты же, подобные Миялу, не относятся к заблудившимся, а являются убежденными и опасными ренегатами, поэтому откроем огонь против них, чтобы ошпарить их как крыс!

ВЛЕРА, СУББОТА
5 МАРТА 1977 г.

КИТАЙ СТРЕМИТСЯ СТАТЬ СВЕРХДЕРЖАВОЙ

Что Китай связан союзом с Соединенными Штатами Америки, в этом у нас нет никакого сомнения. Видно, между этими двумя странами существует тайное соглашение о совместной борьбе с советским социал-империализмом. **Значит Китай, вырабатывая свою стратегию, вернее, изменив свою стратегию, руководствовался не интересами мировой революции, дела освобождения народов, а интересами своего укрепления как великая социал-империалистическая держава.** В этом треугольнике обе эти державы стремятся ослабить советский социал-империализм. Эта политика Китая проявляется и в его попытках добиться того, чтобы все коммунисты, марксистско-ленинские партии и национально-освободительные движения в мире не только в стратегическом, но и в тактическом отношении считали советский социал-империализм главным врагом или же единственным врагом, с которым надо бороться при любых условиях.

Китай получал и получает помощь от Соединенных Штатов Америки и от других капиталистических стран мира, как от европейских стран, так и от Японии. Эта помощь, особенно ныне, вначале, касается военной области. Соединенные Штаты Америки в первую очередь поставляли Китаю, и будут поставлять ему и впредь, мощные вычислительные машины. Одно только сдерживает Соединенные Штаты Америки в их прокитайском курсе — советский вопрос, ибо они не хотят, чтобы советские обостряли свои отношения с ними. **Это значит, что американский империализм пытается держать в руках и „дубинку“ и „калач“.** Причем в отношении Советского

Союза он не переставал использовать калач — он предоставлял ему крупные кредиты. Общеизвестно, что американский империализм предоставляет Советскому Союзу эти кредиты не бескорыстно. Предоставляя эти кредиты, он преследует определенные цели и, в первую очередь, добиться того, чтобы Советский Союз был не агрессивно настроен по отношению к Соединенным Штатам Америки. Это не значит, однако, что между советским социал-империализмом и американским империализмом нет противоречий. Нет, между ними существуют противоречия и даже глубокие, и мы должны использовать их. Но в то же время нельзя сказать, что между этими двумя сверхдержавами не существует соглашений и взаимопонимания. Это относится к разделу мира, к разделу рынков. Итак, в отношениях между ними имеется напряженность, но имеется и договоренность, иначе нельзя понимать ту большую помощь, которую Соединенные Штаты Америки и все другие капиталистические государства оказывают Советскому Союзу, хотя эти государства, по утверждению Китая, все время находятся под угрозой внезапного и молниеносного нападения со стороны советской армии.

Советский Союз, по словам самих китайцев, сосредоточил на границе с Китаем около миллиона солдат. Держать миллион советских солдат на границе с Китаем, значит ослаблять европейский фронт, который Китай считает наиболее опасным фронтом в случае возможного нападения со стороны советских.

Коммунистическая партия Китая стремится навязать свою стратегию, выработанную Мао Цзэдуном, всем марксистско-ленинским коммунистическим партиям и народам мира. Это похоже на попытки Хрущева и хрущевцев навязать нам теоретические, политические, экономические и военные положения XX съезда и т.д., нацеленные на укрепление советского социал-империализма. То же самое делает ныне и Китай, исходя из антимарксистских позиций и руководствуясь нереволюционными целями, своими великодержавными интересами. Преследуя именно такие цели, он стремится навязать марксистам-

ленинцам в мире новую стратегию, которую отнюдь нельзя считать революционной стратегией.

Решив предоставить Китаю кредиты на вооружение, на промышленность и на другие отрасли, Соединенные Штаты Америки приняли в расчет не только огромную финансовую выгоду, но и большие политические выгоды, ибо Китай своим весом и своим влиянием ведет пропаганду в пользу американского империализма, выдавая его за неагрессивную силу. Этим Китай стремится к тому, чтобы народы, страдающие под военным и экономическим гнетом американского империализма, не сознавали этого гнета или же предпочитали его другой большой угрозе. Однако эта другая большая угроза не меньше той, которая села на закорки народам различных континентов. Это другая причина того, почему американский империализм финансирует и будет финансировать и впредь Китай. **Поскольку Китай поддерживает империалистические и гегемонистские интересы Соединенных Штатов Америки, поскольку он обостряет свой конфликт с Советским Союзом, а Соединенные Штаты Америки делают все, чтобы углубить противоречия между Китаем и Советским Союзом, именно помощь со стороны американского империализма подливает масло в огонь этих противоречий.** Именно поэтому мы говорим, что война подобно тому, как может быть развязана в Европе, может быть развязана и в Азии, ибо она является порождением империализма и социал-империализма. Советский социал-империализм является державой, потворствующей войне, подготавливающей войну, точно так, как подготавливают ее и Соединенные Штаты Америки.

Китай замешан в действия этих двух сверхдержав, чтобы добиться поставленной перед собой цели — стать, как и они, сверхдержавой. Это, конечно, объясняет и его попытки поджечь третью мировую войну. Ввиду того пути, на который встал Китай, нельзя предвидеть, где вспыхнет эта война — в Европе или в Китае. Во всяком случае, Соединенные Штаты Америки будут таскать каштаны из огня чужими руками.

Если бы Китай был поистине социалистической страной, если бы он руководствовался марксистско-ленинским учением

и проводил революционную политику, то он вел бы борьбу на два фронта, против обоих империалистических государств. Однако, на деле, он идет противоположным путем. Своим союзом с Соединенными Штатами Америки Китай поощряет войну между собой и Советским Союзом, между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. Почему я говорю это? Да потому, что в настоящее время мы можем заключить, что обе сверхдержавы борются за мировое господство, за рынки, за ограбление богатств других народов, и, судя по тому, по какому пути идет Китай, и он не преминет стать третьей державой, преследующей такие цели и проводящей такую политику.

Будучи марксистами-ленинцами, мы не должны стать на антимарксистский и контрреволюционный путь Китая, мы должны идти по нашему марксистско-ленинскому, революционному пути. Ведя борьбу на этом пути, мы отстаиваем марксизм-ленинизм, его чистоту, отстаиваем интересы нашего народа, интересы других народов, дело их освобождения, прилагаем усилия к тому, чтобы сорвать атомную империалистическую войну, которая может быть развязана между этими тремя партнерами, борющимися за гегемонию, опираясь друг на друга. Тот факт, что эти государства опираются друг на друга, всегда вредит мировой революции, социалистическим странам и делу освобождения народов.

Мы, как марксисты-ленинцы, выступаем против империалистических, захватнических войн, невзирая на то, кем они развязаны — советскими социал-империалистами, Соединенными Штатами Америки или Китаем, который превращается в великую социал-империалистическую державу. Поэтому мы, как марксисты-ленинцы, будем бороться против этих захватнических войн, ибо такие войны всегда наносят ущерб высоким интересам народов, делу их освобождения, их независимости и самоопределения; они наносят ущерб делу торжества революции и социализма в мире. Поэтому, выступая против захватнических войн, мы выступаем также против агрессивных держав, против тех, кто стремится стать сверхдержавой, выступаем на стороне народов, которым надо внушать бороть-

ся за предотвращение войн, или в случае, если они не добьются этой главной цели, за превращение их в освободительные войны. Ныне союз марксистов-ленинцев и передовых патриотов-демократов в каждой стране заключается в их единстве против империалистических и социал-империалистических поджигателей войны. Другого пути нет, другой стратегии нет.

Китай делит мир натрое, стирая всякие, не только внутренние, но и внешние, классовые различия потому, что он отвернулся от борьбы народных масс против гнета и эксплуатации и еще потому, что нынешняя китайская стратегия смешивает стремления государства с интересами народных масс, которые угнетаются и эксплуатируются этим государством реакционной буржуазии. Для Китая существуют лишь те государства, которые поддерживают его политику и стратегию, заключающиеся в борьбе против единственного врага — советского социал-империализма, и в прекращении борьбы против Соединенных Штатов Америки. Это означает, что Китай проповедует социальный мир лишь для того, чтобы этот социальный мир служил его стратегии, нацеленной на укрепление господствующих позиций Китая в так называемом третьем мире и на ограждение Соединенных Штатов Америки от ударов, которые народы непосредственно или косвенно могут наносить им, сокрушая правящие капиталистические группы в странах так называемого третьего мира, тесно связанные с американским империализмом. Что же касается стран, находящихся под господством Советского Союза, то к ним Китай не проявляет никакого интереса; народы этих стран он сваливает в одну кучу с капиталистическими и современными ревизионистскими группами, выступающими в полном единстве между собой и угнетающими эти народы. Это значит, что Китай не делает никаких различий, не обращает внимания на интересы этих народов, все равно, идет ли речь о народах бывших стран народной демократии или о народах других, капиталистических, стран, но которые находятся под советским влиянием. Китай отождествляет эти страны с властью буржуазии и с гегемонистской линией руководства Советского Союза.

Следовательно, деление мира так, как это делают китайцы, направлено на удушение борьбы народных масс за свое освобождение от ига местного и иностранного капитала. **Раз эта линия игнорирует революционную борьбу народных масс против угнетающего капитала, раз Китай не выступает в защиту революции и национально-освободительной борьбы народов, она не может быть марксистско-ленинской, революционной линией.**

Возьмем к примеру Бирму. Дипломатические отношения с Бирмой Не Вина, Китай должен поддерживать, но не столь тесные, какие он фактически поддерживает. Отношения с Бирмой он считает вечными, исключительно тесными, а ведь известно, что в Бирме существует движение народных национально-освободительных сил, руководимое Коммунистической партией Бирмы, которая, опираясь на свои собственные силы, в джунглях и в горах, в исключительно трудных условиях борется против угнетательских реакционных сил Не Вина, который организует карательные экспедиции и истребляет коммунистов и патриотов. Сам Генеральный секретарь Коммунистической партии Бирмы пал смертью в этих боях. Правильным и марксистско-ленинским ли является то, что именно в это время Китай превозносит свои связи с Бирмой Не Вина и именно к этому Не Вину отправляет с дружеским визитом жену Чжоу Энь-лая, которая забрасывает цветами этого палача бирманского народа? Вот так понимает Китай отношения с капиталистическими странами, вот как он недооценивает свои отношения с народами, которые борются против реакционных клик, угнетающих и эксплуатирующих их до мозга костей, как и помощь, которую он должен оказывать этим народам.

Поэтому Китай видит в „третьем мире“ союз с правительствами государств этого так называемого третьего мира, а не союз и дружбу с народами этих стран. Китай нисколько не поддерживает чаяния этих народов, находящихся в явном противоречии и в борьбе с руководителями этих стран, представляющими собой капитализм у власти.

В китайской печати и радио не видно хоть бы самой незначительной поддержки национально-освободительному движению народов, они ничего не говорят и не пишут о мощных демонстрациях пролетариата во всех капиталистических странах, о борьбе марксистско-ленинских партий в этих странах. Нет, такая пропаганда исчезла со страниц китайской печати. **Такое положение служит поддержкой стратегии Китая и дает понять капиталистическим государствам и американскому империализму, что Китай прекратил революционную борьбу и помощь народам, борющимся за свое освобождение.** С другой стороны, мошенничество и демагогия Китая состоят в том, что он прикидывается революционным, изображает дело так, будто он помогает революционерам и марксистско-ленинским партиям, что является сущей ложью. На деле, Китай помогает лишь тем элементам и тем так называемым марксистско-ленинским группам, которые поют осанну его контрреволюционной политике и стратегии. Поэтому, ввиду всего этого, никоим образом нельзя сказать, что политическая и идеологическая линия Коммунистической партии Китая является правильной, революционной и марксистско-ленинской. Она зашла в тупик, встала на контрреволюционный путь. **Вот почему мы своей пропагандой и своими действиями должны подчеркивать подлинную марксистско-ленинскую линию, которая заключается в решительной поддержке национально-освободительного движения народов, подлинных марксистско-ленинских партий и всех передовых людей-демократов, борющихся против гнета местного и космополитического капитала.**

Внешне кажется, будто Китай поддерживает страны „третьего мира“. **Фактически он поддерживает позиции правителей этих государств, в том числе и тех правителей, которые связаны с американским империализмом или со всеми буржуазно-капиталистическими государствами, противящимися советскому социал-империализму. Но, поскольку Китай не стоит на революционных позициях, поскольку он не борется за интересы народов, он не делает ни шагу вперед, наоборот, делает шаги назад.**

ВЛЕРА, ПОНЕДЕЛЬНИК
7 МАРТА 1977 г.

КИТАЙСКОЕ РУКОВОДСТВО ПОТЕРЯЛО ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПАС

Международное положение полно событий; во всех концах мира идет борьба между разными государствами, между двумя сверхдержавами, — американским империализмом и советским социал-империализмом, тогда как между пролетариатом и капиталистической буржуазией углубляются классовые противоречия. Коммунисты принимают активное участие в этой классовой борьбе пролетариата и других эксплуатируемых масс за политические и экономические права. Марксистско-ленинские партии везде, где они уже созданы, во всех концах мира, борются с двумя сверхдержавами, с угнетающим капиталом в своих странах и с современным ревизионизмом.

В этой ситуации ничего не известно о том, что делает и какие действия предпринимает Китай для укрепления позиций революции, для усиления классовой борьбы мирового пролетариата и освободительной борьбы народов. **Во весь голос можно сказать, что он не предпринимает никаких шагов. А почему? Да потому, что нынешнее руководство Коммунистической партии Китая стоит не на подлинных революционных позициях, а на совершенно оппортунистических позициях, оно потеряло политический компас.** В силу оппортунизма, в котором оказалось, оно проводит нетвердую, неустойчивую линию, не делает ни малейшего шага вперед, ибо рискует оказаться в противоречии с самим собой, со своим рабочим классом и чаяниями всего китайского народа. Действия, предпринятые нынешним китайским руководством внутри страны,

были контрреволюционными действиями. Эти действия были предприняты не партийным путем, поэтому они доставили ему хлопоты, от которых ему нелегко избавиться. Следовательно, китайское руководство пребывает в состоянии внутренней политической неустойчивости, вызывающей также внешнюю политическую неустойчивость или апатию.

В Китае царит хаос: трудно убедить людей в правильности взглядов и действий нового руководства, которое не в состоянии сделать так, чтобы Китай шел хотя бы по тому пути, на который поставили его Мао Цзэдун и Чжоу Энь-лай. Несмотря на то, что путь обоих этих руководителей был не марксистско-ленинским, а прагматическим, оппортунистическим путем, большой авторитет, которым пользовался Китай, продолжал играть на международной арене известную роль, понятно, не первостепенную. Ныне Китай не играет активной роли в области международной политики, не пользуется тем авторитетом, которым должен был пользоваться. Его голосу никто не внимает, ибо ему нечего говорить; он не принимает участия в политической жизни мира; даже и внутри страны политические акции ныне незначительны. Теперь Китай посещает какая-нибудь корейская торговая делегация, какой-нибудь заместитель министра, какая-нибудь делегация югославских журналистов, разъезжающая по всему Китаю. Да и в главных пекинских газетах ничего не найдешь, кроме затасканной пропаганды против „четверки“ и большого внимания, которое уделяется делегации югославских журналистов и югославской политике.

Китайская печать уделяет величайшее внимание политике титовской Югославии, пропагандирует ее, отмечает ее. Она также отмечает политику Румынии. После землетрясения в Румынии в газете „Жэньминь жибао“ то и дело найдешь такие выражения, как „героический румынский народ“, „героический народ“ и т.д. Правда, румынский народ постигло большое несчастье, этим глубоко растроганы наши человеческие и коммунистические чувства, однако политика нашей партии по отношению к румынскому ревизионистскому государству и румынскому ревизионистскому руководству неизменна. Ру-

мынское ревизионистское руководство зовет на помощь весь мир, и мы видим, что от Соединенных Штатов Америки и до Лондона посылают ему по 50-100 тысяч долларов, что выглядит смехотворно. Подобная „помощь“ стала настолько смехотворной, что румынское руководство было вынуждено направить Международному Красному Кресту в Женеве заявление о том, что оно больше не принимает помощи извне, кроме уже оказанной. Да и что ему принимать? Ведь оказанная Румынии „помощь“ — это издевательская милостыня.

Вот до чего скатилась ныне политика Китая. Действия нынешних китайских руководителей — странны, впрочем они всегда были странными. Наш посол в Пекине сообщает, что по случаю 8 марта руководительница китайской женской организации (я не знаю, существует ли вообще такая организация, но, видимо, существует ее руководительница) вместе с женой Чжоу Энь-лая устроили прием в честь супруг послов, аккредитованных в Пекине. На этом приеме они демонстративно посадили жену нашего посла между собой, за главный стол, чтобы показать женам послов, что отношения между Китаем и Народной Социалистической Республикой Албанией более чем хорошие.

О чем это говорит? Это говорит о неустойчивости и двурушничестве нынешнего китайского руководства, которое, с одной стороны, прибегает к таким демонстративным жестам, а с другой — вонзает нам нож в спину. Это значит, что оно всюду, где это ему удается, вносит раскол, старается расколоть руководство в марксистско-ленинских коммунистических партиях, которые находятся в трудных условиях, так как они не уверены в правильности того, что им говорят китайцы, но еще не решаются открыто выступить против китайской ревизионистской линии. Тогда некоторые из них обращаются к нам с просьбой разъяснить им некоторые несходные взгляды, существующие в международном коммунистическом движении и особенно между Коммунистической партией Китая и Албанской партией Труда. Мы говорим им: Пожалуйста, мы готовы к обсуждению, хотя на нашем VII съезде все политические и идеологические вопросы были изложены яс-

но для всех. У нас одна единственная линия, один единственный взгляд, которые мы открыто провозгласили на VII съезде; к тому же этот съезд, который подверг правильному анализу складывающиеся в мире ситуации, представляет собой синтез всей правильной линии, марксистско-ленинской стратегии нашей партии, как и марксистско-ленинской тактики, служащей этой стратегии.

Нам кажется, что позиции, на которых стоят нынешние китайские руководители, составляют основу неустойчивой и антимарксистской политики нового китайского руководства с Хуа Го-фэном во главе.

Бросая взгляд на обзор китайской прессы, относительно политических позиций партии и государства Китая ничего другого не найдешь, кроме одной темы: борьбу против советского ревизионизма, или, вернее, против советского социал-империализма, т.е. одну только государственную политику; значит, твердят все об одном и том же. Так, китайские газеты полны сообщений различных телеграфных агентств о политических и идеологических позициях различных государств, отражающих требования этих государств, борьбу между ними, сообщений о проходящих в мире различных совещаниях и т.д. Это значит, что курс китайской политики, китайской прессы — подбирать со всех концов мира те сообщения различных телеграфных агентств, в которых шла бы речь о таком положении, которое совпадает с китайскими взглядами и соответствует интересам политики Китая. Подобная политика направлена против советского социал-империализма, она в интересах Соединенных Штатов Америки, ратует за единство пролетариата с буржуазией всякого рода стран в борьбе с советским социал-империализмом.

Это говорит о том, что у Китая нет своей политики. В китайских газетах не видно какой-либо передовицы, в которой излагались бы политические взгляды китайского правительства, не говоря уже о взглядах партии, которых и подавно нет. В них можно читать только сообщения иностранных телеграфных агентств, которые дают возможность ясно представить себе, какую политику проводит Китай. Это делается с умыс-

лом, с тем чтобы, если когда-либо ему скажут: „Ты, Китай, проводил такую-то политику“, он смог бы ответить: „Я не проводил такой политики; я просто публикую те сообщения, которые мне кажутся наиболее важными“. Итак, формулировок его политики не найдешь ни в одной газете, ни в одном выступлении главных руководителей Китая. **Только две проблемы найдешь в этих газетах: борьбу против „четверки“ и борьбу против советского социал-империализма.**

Мы должны непрерывно разоблачать советский социал-империализм, как и разоблачали его, но мы разоблачали и будем разоблачать в одно и то же время и американский империализм.

ВЛЕРА, СРЕДА
9 МАРТА 1977 г.

КИТАЙСКИЕ ОППОРТУНИСТЫ ХОТЯТ, ЧТОБЫ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ МИР ПЕЛ ИМ ДИФИРАМБЫ

Поведение, которое нас не удивляет. Телеграфные агентства передают заявление президентов Перу и Аргентины о латино-американской интеграции. Понятно, это заявление выражает курс диктаторов государств Латинской Америки, опирающийся на американский империализм. Но дело не в этом, а в том, что это заявление через свою печать пропагандирует и Китай. Это говорит о том, что Китай готов пропагандировать любую акцию реакции и знакомить с ней внутреннюю и мировую общественность, тогда как заявление 8 коммунистических марксистско-ленинских партий стран Латинской Америки он даже совсем не упоминал.

К этому важному для международного коммунистического движения событию Китай не проявляет никакого интереса, или, вернее, оно не выгодно ему, ибо, когда ему что-либо выгодно, он готов опубликовать не то что простое сообщение, но даже целые статьи. Так он поступил с решениями, принятыми „марксистско-ленинской Коммунистической“ партией Австралии после доклада и резолюций Центрального Комитета этой так называемой марксистско-ленинской партии. Председатель этой партии, Хилл, послал также письмо Коммунистической партии Китая, в котором восхваляет Хуа Гофэна, как мудрого и способного человека, восхваляет „маоцзэдунъидею“, которая, по его мнению, равносильна марксизму-ленинизму, осуждает „четверку“, защищает „третий мир“ по теории Мао Цзэдуна. Это письмо Хилла Коммунистическая

партия Китая поместила на первой странице „Жэньминь жибао“.

Такая позиция не нуждается в объяснениях. Для нас становится ясно, что Коммунистическая партия Китая говорит только о тех партиях и группах, которые следуют за ней, попадают в тон ее руководству и восхваляют ее; она совсем не упоминает не то что о деятельности, но даже о существовании других марксистско-ленинских партий и их акциях, например, о заявлении 8 партий стран Латинской Америки, в котором выражается также поддержка Китаю и Мао Цзэдуну. Но это заявление китайцам не по душе.

„Знаменитый“ Гэн Бяо, который в Центральном Комитете Коммунистической партии Китая занимается международными вопросами, когда-то говорил нашему послу в Пекине: „Мы не хотим, чтобы в Пекин приезжали представители марксистско-ленинских коммунистических партий, но нам нечего делать, ведь выгнать их не можем; мы хотим, чтобы они совсем не приезжали к нам, так как они портят нам дело“. Итак, те партии, которые налаживают им дело, нынешние китайские руководители рекламируют, другие, которые портят им дело, они порочат. Однако этим поведением они лишь изобличают свои цели и свои позиции.

Китайцы встали на антимарксистский путь и стараются оправдать его. Вот почему они ведут беспочвенную и разнузданную пропаганду, лишенную марксистско-ленинской логики, не говоря уже о марксистско-ленинском вдохновении. Китайцы хотят, чтобы все марксистско-ленинские партии, вопреки своей воле, взяли их сторону, несмотря на то, что их положения ошибочны.

Они устроили путч и свергли четырех членов Политбюро. Это их внутреннее дело, однако они, вопреки всякой марксистско-ленинской логике, хотят, чтобы другие превозносили их положения и действия, пропагандировали, восхваляли и считали их правильными, марксистско-ленинскими истинами.

Своим поведением в следующем вопросе они покрыли себя позором. Этим путчем руководил некий Хуа Го-фэн, не очень известный до сих пор человек. **Китайцы хотят, чтобы весь**

коммунистический мир пел дифирамбы этому горе-человеку и поддерживал превозношение его культа, который китайская пропаганда превозносит скандальным образом. Подобные действия не имеют ничего общего с марксизмом-ленинизмом, поэтому путь, по которому идет Коммунистическая партия Китая, и его акции, как в области внешней политики, так и в области внутренней, для нас, албанских коммунистов, конечно, не являются марксистско-ленинскими. Когда анализ вопросов действительно подсказывал целесообразность защищать КП Китая, мы защищали ее. Так, наша партия первой выступила в защиту Культурной революции, как и в защиту Мао Цзэдуна, но культ Мао Цзэдуна мы не только не превозносили, как это делала Культурная революция, но и не приняли его. Мы даже удивлялись превозношению его культа, хотя Мао Цзэдун был известным как внутри страны, так и за ее пределами руководителем, а не человеком, подобным Хуа Го-фэну. **В отношении этих событий наша партия заняла надлежащую позицию, основанную на фактах. Культурную революцию мы поддерживали не потому, что китайцы хотели, чтобы мы поддерживали ее, а потому, что мы сочли целесообразным защищать Китай в эти очень опасные для него моменты, когда сам Мао Цзэдун говорил нам, что Китай в опасности.**

Но теперь мы ни в коем случае не можем защищать ошибочные теоретическо-политические положения нынешнего китайского руководства и поддерживать превозношение таких личностей, как Хуа Го-фэн, Гэн Бяо или некий Ли Сянь-нянь, который всю жизнь оставался у власти, показывал себя настоящим хамелеоном и всегда занимал немарксистскую и недружелюбную позицию по отношению к нашей партии и нашему социалистическому государству. Он обращался с нами нахально и с позиций представителя великого государства. Ему хотелось, чтобы мы преклонялись перед их взглядами, так как они предоставляли нам кредиты, которые китайцы должны были предоставлять нам в качестве интернационалистической помощи братскому социалистическому государству. Но мы никогда не гнули спину перед этими людьми, чьи взгляды и действия пронизаны антимарксизмом. Мы могли обойтись и

без помощи этих антимарксистских элементов, но всегда считали, что помощь, которую нам оказывал Китай, была заслуженной помощью в духе интернационализма, которую одно социалистическое государство оказывало другому социалистическому государству, каким является наша страна, которая боролась и борется за революцию и международный коммунизм, которая боролась в условиях окружения капиталистическими и ревизионистскими государствами, грозившими ее свободе и независимости.

Тем не менее, и относительно этой помощи у нас есть много, что говорить, ибо с тех пор как к власти пришел Дэн Сяопин, т.е. с тех пор как он был реабилитирован, нам была уменьшена эта помощь. И не только; ныне мы замечаем, что китайцы чинят нам трудности в деле сооружения предприятий, которые нам предоставлены Китаем.

ВЛЕРА, ПОНЕДЕЛЬНИК
14 МАРТА 1977 г.

КИТАЙ ОТСТАИВАЕТ СВОЕ ОППОРТУНИСТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ „ТРЕТЬЕГО МИРА“

Китайская теория „третьего мира“, которая не имеет никакого классового содержания и не делает никакого специфического различия между государствами, упорно и отчаянно защищает этот „мир“. В одном комментарии Синьхуа, переданном из Пекина 3 марта, отмечается, что „некапиталистический путь“, который проповедует Советский Союз для стран „третьего мира“, является просто ловушкой. Этот путь действительно является ловушкой, но почему он является таким и как надо бороться с этой ловушкой, этого китайская пропаганда не объясняет.

Советский Союз, да не только он, но и Соединенные Штаты Америки, которых Китай совсем не упоминает, всеми силами и средствами стараются проникнуть в государства так называемого третьего мира, установить в них свое влияние, неоколониализм, и эксплуатировать эти страны и эти народы в интересах Москвы и Вашингтона. С этой целью Советский Союз пропагандирует идею о том, что страны так называемого третьего мира должны использовать государственные предприятия в качестве опоры для перехода на путь „социализма“. В связи с этим, согласно комментарию Синьхуа, Советский Союз производит там капиталовложения и ведет строительство, поставляя этим странам старые, перекрашенные фабрики и заводы, и т.д. Что он поступает именно так, это не подлежит никакому сомнению, но ставится вопрос: Кто управляет этими государственными предприятиями? Народ или буржуазно-капиталистические клики этих стран? Конечно, ими

управляют капиталистические клики, следовательно, Советский Союз и Соединенные Штаты Америки помогают именно этим буржуазно-капиталистическим кликам, которые помощь обеих сверхдержав используют для сохранения и укрепления своей власти в ущерб народу. Это ясно всем, это неясно только китайцам.

Китайцам не ясна принципиальная и классовая борьба, которую должны вести пролетариат, крестьянство, угнетаемые и прогрессивные люди этих стран. Против кого надо вести борьбу? Конечно, против американского империализма, против советского социал-империализма и против внутреннего врага, которым является как раз буржуазия со своим аппаратом подавления, со своей властью, с жандармерией, армией, полицией, которая веками угнетает эти народы.

Китай этой стороны проблемы (а это главная сторона) совсем не касается, он взял на себя задачу проводить только бессодержательную и необоснованную пропагандистскую политику против советского социал-империализма. Однако, для того чтобы побороть советский социал-империализм и американский империализм, которые запустили и запускают свои когти в сердца этих народов, конечно, надо помогать классовой борьбе, направляя эту борьбу этих народов против сил мрака и гнета. Но этого нельзя делать согласно надуманной Мао Цзэдуном „классификации" „третьего мира". **Эту борьбу невозможно вести, если не ликвидировать эту „теорию", если не рассматривать эти государства такими, какими они есть на деле, в их реальном составе, с теми противоречиями, антагонистическими и неантагонистическими, которые их раздирают, если не добиваться углубления антагонистических противоречий и не стать на сторону народов, борющихся за свое освобождение. Именно этот путь поддерживает наша партия и думаем, что это есть марксистский путь. Китай же не поддерживает этого пути; путь, который он поддерживает, является не марксистско-ленинским**, а совершенно порочным путем, служащим американскому империализму и маскирующим себя якобы марксистско-ленинскими лозунгами.

ВЛЕРА, ВТОРНИК
22 МАРТА 1977 г.

ТЕОРИЯ „ТРЕХ МИРОВ" НАПРАВЛЕНА ПРОТИВ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Китайцы всеми своими силами отстаивают теорию „трех миров". С этой целью они привели в движение некоторые „марксистско-ленинские коммунистические" партии, которые пытаются доказать, будто „третий мир", сформулированный Мао Цзэдуном, теоретически состоятелен и представляет собой главную антиимпериалистическую и антисоциал-империалистическую силу в мире. Это неверно. Верно то, что говорит наша Партия Труда, а именно, что главную силу против внутренней реакционной буржуазии, империализма и социал-империализма составляют пролетариат и народы, борющиеся за свое освобождение.

Теория „трех миров" направлена против пролетарской революции, которую она подменяет буржуазно-демократической революцией. Эта антимарксистская теория перечеркивает решающую руководящую роль пролетариата в революции, округляет силы и подводит их под один зонтик, или сваливает их в одну кучу, называя их „третьим миром", она отводит им такую роль и приписывает им такие свойства, которых у них нет, и этим „миром" отрицает социалистический мир. Это значит, что Китай отрицает самого себя, как социалистическую страну, называя себя „неразвитой страной", а не социалистической страной. Согласно этой теории, быть неразвитой страной, значит быть социалистической страной. Это просто антимарксистская, реакционная теория, считающая социалистическими странами все неразвитые страны с буржуазно-капиталистической системой. Почему Китай делает

это? Мне кажется, что он делает это не только для того, чтобы защищать идеологически ошибочное положение, но и для того, **чтобы добиться своей скрытой цели — стать руководителем всех тех стран Азии, Африки или Латинской Америки, которые он включает в этот „мир“, стать их лидершипом, выдавая себя за их главного защитника. Но на самом деле Китай ничего не защищает, ибо этим государствам, являющимся буржуазными, капиталистическими государствами, он не оказывает никакого рода помощи, хотя бы и экономической; большинство этих государств связано либо с Соединенными Штатами Америки и с капиталом других империалистов, либо с Советским Союзом.** Существующие среди них противоречия Китай не отрицает; однако, без борьбы и против их внутренних угнетателей, без борьбы против современного ревизионизма, являющегося течением капитала, призванным увековечить его господство над народами, нельзя завоевать ни свободы, ни независимости, не говоря уже о строительстве социализма.

Итак, народы, борющиеся за свое освобождение, должны укрепить единство с рабочим классом и, под руководством этого класса, бороться за свое освобождение от внутренней капиталистической буржуазии и ее главной опоры — американского империализма и советского социал-империализма.

ВТОРНИК
5 АПРЕЛЯ 1977 г.

ТРИ ТЕМЫ КИТАЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Все время говорят и ожидают реабилитации Дэн Сяо-пина. Это и является первой темой китайской политики. Но, видно, у Хуа Го-фэна и его компании коса нашла на камень. **Все их повседневные усилия сосредоточены на разоблачении „четверки“.** Их пропаганда по этому вопросу уже приелась, стала надоедливой, ибо выкидываются такие скандальные, мелочные и неправоподобные вещи, которым никто не может поверить. Обвинения, возводимые на „четверку“, обращаются против их же авторов.

Второй темой политики нынешних китайских руководителей является: **подбирать и воспроизводить в своей печати все, что говорят против Советского Союза, независимо от того, кто это говорит.** Это краеугольный камень их политики, и этим они пытаются доказать правильность своего положения о том, что „Советский Союз является величайшим врагом“, так что все должны направить острие своей борьбы против него, тогда как Соединенные Штаты Америки надо считать неопасными.

Третьей темой их политики являются **встречи и проводы представителей всех тех „марксистско-ленинских коммунистических“ партий, которые стоят на позициях китайских ревизионистов**, т.е. на оппортунистических позициях. Китайцы хотят, чтобы эти оппортунисты выполняли две задачи: восхваляли Хуа Го-фэна и бранили „четверку“.

Нет никакой другой дипломатической деятельности, и это, должно быть, потому, что у китайских руководителей нет единства. Они расколоты, ибо некоторые из них, по-видимо-

му, хотят довести до конца дело защиты Дэна, иными словами, дело защиты политики Чжоу Энь-лая и подмыва основ расшатанного „престижа“ Мао, тогда как остальные, сторонники Хуа Го-фэна, пытаются сохранить и закрепить свои позиции под запачканным флагом Мао.

Мы должны принимать в расчет агентство ТАНЮГ, заслужившее доверие китайцев и ставшее их рупором по этим вопросам. ТАНЮГ передает, что о реабилитации Дэна будет объявлено в июне, так как китайские руководители сначала должны найти способ переубедить тех тридцать миллионов китайских коммунистов, которые верят, что Мао, так же как и Хуа Го-фэн, резко критиковал Дэна. Итак, теперь им нужно облизать оплеванного.

ЧЕТВЕРГ
28 АПРЕЛЯ 1977 г.

МАНИФЕСТАЦИИ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКИХ ПАРТИЙ И ОТНОШЕНИЕ КИТАЯ К НИМ

Великая интернационалистическая манифестация, проходившая в Риме по случаю 40-летия смерти Антонио Грамши, великая манифестация пролетарского интернационализма Португальской Коммунистической партии (восстановленной), проходившая в Лиссабоне, как и две предыдущие манифестации, проходившие одна в Западной Германии после III съезда Коммунистической партии Германии (марксистско-ленинской), а другая в Италии, организованная Коммунистической партией Италии (марксистско-ленинской), имеют большое значение для коммунистического движения в мире.

Эти манифестации марксистско-ленинских коммунистических партий с участием также представителей братских марксистско-ленинских партий, в том числе и представителей Албанской партии Труда, **оказывают коммунистическому движению в мире исключительно большую помощь.** Мы показываем народам и коммунистам, что, несмотря на измену советских и других современных ревизионистов, несмотря на оппортунистический уклон Коммунистической партии Китая, **марксизм-ленинизм никогда не умрет, наоборот, он пробивает себе путь вперед, крепнет, закаляется в классовых битвах** с американским империализмом, советским социал-империализмом, реакционной буржуазией и с поднимающими голову фашистами.

Манифестации, проведенные марксистско-ленинскими коммунистическими партиями, ободряют революционеров, которые в опасные моменты глубокого кризиса капитализма видят, что существует та сила, которая говорит пролетариату

всех стран и народам, угнетенным сверхдержавами и другими великими капиталистическими державами, что надо всегда смело действовать, что надо вести решительную борьбу, вплоть до применения оружия, против этих своих жестоких врагов. Кроме этого, можно сказать, что эти манифестации имели место после VII съезда нашей партии, и это было естественным. Эти манифестации приобретают важное значение, особенно учитывая то, что по многим основным принципиальным вопросам линия Албанской партии Труда идет вразрез с линией Коммунистической партии Китая.

Выдвинутая на VII съезде нашей партии идея созыва многопартийных совещаний, помимо двусторонних, была одной из его важных установок. Марксистско-ленинские коммунистические партии, когда они считают это целесообразным, могут и должны проводить и многосторонние совещания, советоваться между собой относительно совместных действий против врагов коммунизма и революции. Коммунистическая же партия Китая, как мы уже знаем, занимает противоположную нам позицию по этому важному вопросу. Она против совещаний нескольких или многих партий и утверждает, что единственным путем является практика двусторонних совещаний.

Какова линия нашей партии относительно этого вопроса? Она придерживается того принципа, что марксистско-ленинские коммунистические партии должны укрепить свое единство, разъяснить те вопросы, по которым у них могут быть противоположные взгляды в своей стратегии и тактике борьбы против врагов революции, и сочетать свои совместные действия на международной арене. Такая деятельность закаляет их и показывает врагу, что коммунизм — несокрушимая сила, что коммунисты не расколоты и что современному ревизионизму не удалось добиться своей цели. А цель современного ревизионизма, как мы уже знаем, состоит в достижении своего единства при разнообразии, чтобы подорвать единство марксистов-ленинцев. А линия Коммунистической партии Китая по этому вопросу сводится к тому, что марксистско-ленинские партии мира должны оставаться в подпольном или полуподпольном

положении. **По мнению Коммунистической партии Китая, эти партии могут развертывать деятельность внутри своих стран, а если хотят показать себя, то пусть поезжают в Пекин**, установят контакты с Гэн Бяо или Хуа Го-фэном, восхвалят Коммунистическую партию Китая; об этих встречах будет опубликовано в печати коммюнике и все. Потом пусть каждый возвращается домой.

Это значит, что марксистско-ленинские коммунистические партии мира должны жить под зонтиком Коммунистической партии Китая. Другими словами, тот, кто ездит в Пекин и получает благословение Хуа Го-фэна или Гэн Бяо, тот заслуживает краткого сообщения в газете „Жэньминь жибао“, и этим показывает миру, что „он жив и здоров и находится в полном единстве с великой Коммунистической партией Китая Мао Цзэдуна“! Такой образ действия — яркое свидетельство патриархальности, которой Коммунистическая партия Китая придерживается на практике. Это значит, что той партии, которая связана с Коммунистической партией Китая, может быть посвящено несколько строчек в китайской печати и радио, и этого, по мнению китайцев, достаточно для того, чтобы она была названа марксистско-ленинской коммунистической партией.

Китай боится многопартийных совещаний, потому что его участие в этих совещаниях потребовало бы обсуждения важных для международного коммунизма и революции проблем. Но Коммунистическая партия Китая не может выдерживать дискуссий, ибо они подмывают бумажные фундаменты, на которых она основывается по ряду великих для дела коммунизма проблем. Поэтому она избегает такого рода совещаний и выступает за то, чтобы марксистско-ленинские коммунистические партии проводили только двусторонние совещания и чтобы они, будучи несогласны друг с другом, были согласны с Коммунистической партией Китая…

Из стран Африки к нам поступают вести, из которых явствует, что местные жители, коммунисты и передовые люди, как, например, в Танзании, очень удивлены отношением китайцев к Заиру и Мобуту. Они осуждают реакционную пози-

цию Китая, который приходит на помощь американскому империализму против народа Заира; ведь Мобуту просто-напросто наемник, реакционер-капиталист, угнетающий конголезский народ в тесном сотрудничестве с неоколониалистами, которые запустили свои когти в первую очередь в Конго. У американского империализма большие интересы в Катанге и во всем Конго; у французского империализма также свои интересы в Конго.

Тогда, как это возможно, чтобы под маской так называемого третьего мира оказывать помощь таким кликам, как клика Мобуту, которые стараются держать свой народ под гнетом и, сообща с империалистами, эксплуатировать его до мозга костей? Китай делает это якобы потому, что борется против „главного врага“, как он называет советский социал-империализм. Однако так нельзя бороться против советского социал-империализма. Советский социал-империализм может вмешиваться; и на самом деле он вмешивался; в Конго и в Катанге он, может быть, подготовил жандармов Чомбе или какого-нибудь другого крупного влиятельного лидера Катанги. А о чем это говорит? Это говорит о том, что нужно одинаково бороться против обеих этих империалистических держав, стараю-щихся создать везде свои зоны влияния и разделить рынки в ущерб народам мира. Итак, народы мира надо призывать к революции, ведь говорят, будто Конго в настоящее время, под властью Мобуту или какого-нибудь другого, Чомбе или Касавубу, „свободно“ и „независимо“, но на самом деле оно не свободно и не независимо, оно является колонией одного империализма, между тем как две или три империалистические державы стремятся разделить между собой рынки Конго.

Подобное Китай понимает, но ему выгодно идти именно по такому немарксистсколенинскому пути. Как это можно не разоблачать такую порочную линию Коммунистической партии Китая, ведущую к расколу революционного движения и мировой революции? Эта линия наносит ущерб марксистско-ленинским партиям, борющимся за революцию и за полное и подлинное освобождение народов от ига неоколониализма и

внутренней бешеной реакции, связанной с внешней реакцией и с внешним капиталом.

Как нам согласиться с позицией Китая, который, с одной стороны, помогает, причем даже оружием, Мобуту, этому представителю конголезского капитала, и готов принять участие в совещании о так называемом третьем мире, которое хочет устроить в Пакистане сын Бхутто, этого агента ЦРУ, угнетающего народ своей страны, а, с другой стороны, с величайшим хладнокровием выступает против совещаний нескольких марксистско-ленинских коммунистических партий? Китай борется против подобных совещаний, вносит раскол в ряды марксистско-ленинских коммунистических партий и поддерживает связи с рядом групп диссидентов и людей, засланных в эти партии агентурами капитала и буржуазии разных стран. **Нет, в этом деле примирения не может быть, потому что китайская линия является оппортунистической, немарксистсколенинской линией, она на службе у мирового капитала.** Мы думаем, что Китай допускает грубую ошибку в этом вопросе и что он далеко отходит от правильного, марксистско-ленинского пути.

ПЯТНИЦА
29 АПРЕЛЯ 1977 г.

ЭТО ОЗНАЧАЕТ УПУСТИТЬ ИЗ ВИДУ ВОЛКА И БОРОТЬСЯ С ЕГО ТЕНЬЮ

Я обсудил с товарищем Рамизом вопрос, который считаю своевременным и важным. Нам надо **опубликовать теоретическую статью, которая в сущности своей изобличала бы нутро китайской оппортунистической линии в связи с так называемой теорией о трех мирах.**

Ныне мы видим, что китайцы и их адепты везде часто прибегают к положению о „третьем мире“ с целью выдать его за „правильную теорию национально-освободительной борьбы“, и этим, не указывая по имени, они порочат и атаковывают правильную, марксистско-ленинскую линию нашей партии и ее VII съезда, который особо рассмотрел эту проблему.

Взяв за основу отдельные цитаты Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина, выписанные вне контекста, они стараются растолковать (но ничего не растолковывают) свою теорию „третьего мира“ (которая фактически отрицает революцию). Китайцы обвиняют нас также в том, будто мы „догматики, бланкисты, пытающиеся перескочить этапы“. По их мнению, албанцы не борются за то, чтобы народы мира прежде всего поднялись на национально-освободительную борьбу, а стараются бить прямо в цель: чтобы народы боролись за пролетарскую революцию.

Другими словами, в этой статье мы, не называя по имени Коммунистическую партию Китая, должны изобличить оппортунистические взгляды, ныне выдвинутые ею в целях удушения революции. **Китай несогласен с определением нашей эпо-**

хи, данным классиками марксизма-ленинизма, согласно которому после победы Советского Союза, после победы Великой Октябрьской социалистической революции мир вступил в эпоху пролетарских революций. Для Китая человечество „не живет в эту эпоху"; он утверждает, что мы находимся еще в период буржуазно-демократических революций.

Именно этот вопрос мы должны ясно растолковать в статье. Независимо от того, что с двадцатых годов и поныне мир претерпел изменения, что народы многих стран Африки, Азии и Латинской Америки, которые Ленин причислял к колониальным странам, уже завоевали известную политическую независимость, которая фактически, как и их суверенитет и свобода, является формальной независимостью, образовавшиеся государства этих стран теперь подпали под ярмо американского империализма и других капиталистических держав мира, в том числе и советского социал-империализма, и их народы эксплуатируются другими формами, которые мы именуем неоколониализмом. Значит, **над этими так называемыми свободными государствами господствуют буржуазно-капиталистические клики, которые эксплуатируют и угнетают народы при сообщничестве и экономическо-политическом союзе со сверхдержавами и с другими капиталистическими государствами.** Во многих из этих государств, которые завоевали независимость и о которых говорят, что они уже прошли этап буржуазной демократии, не проведены даже самые элементарные реформы данного этапа, как, например, раздел земли, аграрная реформа.

Мы должны разъяснять, что при подобной ситуации марксистско-ленинским коммунистическим партиям и пролетариату непозволительно оставаться в рамках статус-кво, т.е. не бороться за пролетарскую революцию. Однако, **когда мы говорим о пролетарской революции, мы подразумеваем, что сначала ее надо готовить, а для того чтобы пролетариат и его партия были подготовлены к революции, они сперва должны организоваться, заключить союзы с крестьянством, а также с мелкой и средней буржуазией, стремящимися к своему освобождению** (последняя от крупной капиталистической буржуа-

зии) и, пройдя через глубокие политическо-экономические реформы, прийти к пролетарской революции. Пролетариат и его партия не могут вступать в союз не только с партиями крупной буржуазии, стоящей у власти во многих из этих государств так называемого третьего мира, но и с партиями мелкой буржуазии, стоящими на реакционных позициях. **Марксистско-ленинская коммунистическая партия, партия пролетариата всегда должна сохранять свою независимость. Эта партия и руководимый ею пролетариат должны быть в союзе только с тем классом и с теми слоями, которые добиваются и стремятся к революции.**

Между тем, Китай, проводимым им курсом и занимаемыми им позициями, говорит революции стоп! Он предпочитает новый ревизионизм, который является вариантом современного ревизионизма, явно оппортунистической формой извращения нашей марксистско-ленинской идеологии. В сущности, в теории и на практике, он ставит себе целью воспрепятствовать и сдержать революцию, сохранить статус-кво в так называемых свободных и независимых государствах, которые фактически угнетаются местными крупными капиталистическими кликами, состоящими в союзе с американским империализмом, и поднять эти государства на борьбу против советского социал-империализма. **„Борьба“ этого „третьего мира“, в который входит и сам Китай, ведется, значит, в союзе с американским империализмом.**

Итак, Китай, при помощи американского империализма, опираясь на него и выдавая себя за члена „третьего мира“, норовит задержать революцию и выиграть время, с тем чтобы и самому стать сверхдержавой. Соединенные Штаты Америки заинтересованы в этом, ибо Китай, придерживаясь такой линии, не только препятствует революции и извращает марксистско-ленинскую идеологию, но в то же время и способствует сохранению статус-кво, т.е. помогает американскому империализму и крупной национальной буржуазии каждого государства сохранить свои рынки до тех пор, пока и ему самому, со вступлением на этот антимарксистский, анти-

социалистический путь, не удастся стать другой сверхдержавой в противовес двум нынешним сверхдержавам.

Наш долг, долг албанских марксистов-ленинцев — разъяснить настоящую линию Китая, причем разъяснить ее, опираясь, как всегда, на наших великих учителей — Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, которые с предельной ясностью освещали эти вопросы. Наша партия не только на VII съезде, но с самого своего основания шла и будет идти по пути, указанному нашими классиками, учение которых она правильно понимает в теории и проводит правильно и на практике.

Наша партия никогда не стояла на позициях догматизма, она ни разу не показывала себя бланкистской; наоборот, она всегда умело вела народ по пути буржуазно-демократической революции, по пути Национально-освободительной борьбы за разгром наци-фашистских оккупантов и изгнание их за пределы нашей родины. **Эту великую национально-освободительную борьбу наша партия сумела сочетать с марксистско-ленинскими принципами, т.е. с переходом от этапа буржуазно-демократической революции к строительству социализма.** Не важно, сколько времени продолжался этап буржуазно-демократической революции, ибо в наших условиях решение задач буржуазно-демократической революции совпало по времени и направлениям с решением задач социалистической революции. В нашей стране условия сложились так, что этап буржуазно-демократической революции был преодолен очень скоро, и партия сумела использовать создавшиеся условия. Условия назрели, так как буржуазные элементы, элементы торговой буржуазии или местные феодалы у нас были связаны с оккупантами, они выступали заодно с ними, поднялись на борьбу против народа, и борьба народа смела их с пути, так что революция сравнительно легко и быстро перешла от одного этапа к другому.

Через эту статью, которую мы должны опубликовать, нам надо разъяснить мировой общественности и особенно марксистам-ленинцам мошеннический характер этой теории, которую китайские ревизионисты распространяют под личиной

марксизма-ленинизма. По их мнению получается, что раз Китай является, мол, социалистической страной, а Мао Цзэдун — „великим марксистом-ленинцем“, то все, что он говорил, марксисты-ленинцы всего мира обязаны беспрекословно проводить в жизнь. Мы против этого.

Мы должны подвергать и подвергали анализу развитие социализма в Китае с целью увидеть, какой социализм развивается там и какие формы применяются там на этом пути. **Мы не разделяли взглядов Мао Цзэдуна еще задолго до этого, особенно относительно его высказывания о том, что „деревня должна окружить город“**. Эту мысль Мао Цзэдуна мы никогда не считали марксистско-ленинской, ибо, согласно этой его мысли, крестьянство является **самым революционным классом. Это антимарксистская мысль. Самым революционным классом общества является пролетариат, поэтому именно он должен руководить революцией в союзе с крестьянством, которое является самым верным союзником пролетариата**. Пролетариат должен завоевать себе этого союзника, которого буржуазия, со своей стороны, старается расположить к себе. Теория Мао заходит еще дальше. „Народы трех континентов: Азии, Африки и Латинской Америки, — утверждает Мао, — должны объединиться против двух других континентов — против старого континента и североамериканского континента“, т.е. против Европы и Соединенных Штатов Америки. Итак, развивая свою теорию, Мао отстаивает ту точку зрения, что надо безоговорочно поддерживать все государства этих трех континентов, невзирая на их классовые различия или на различия социальных систем. По его мнению, Европа и Северная Америка являются городом, являются пролетариатом, а три остальных континента — крестьянством. Подобная теория — *aberrante*,* она не учитывает объективную действительность, материалистическое развитие истории, ей не ясна роль рабочего класса, пролетариата и его марксистско-ленинской партии, она не учитывает революцию. **Именно тео-**

* По-французски: отклоняющаяся от норм, порочная.

рия Мао Цзэдуна не учитывает различные этапы, через которые должно проходить развитие человечества. Мысль Мао Цзэдуна, согласно которой „деревня должна окружить город“, ныне дает себе знать в теории „третьего мира“. Это факт, что, поскольку ныне Мао Цзэдун этим самым считает „третий мир“ главной силой революции, он сводит на нет в теории великую революционную силу, двигающую историю вперед, — мировой пролетариат. Это нелепо.

Эта „теория“ или этот „анализ“, которому китайские ревизионисты подвергают ныне мир, способствует враждебным взглядам, согласно которым „революция пропала“, „она находится в большом регрессе“, так что теперь мы не должны говорить больше о пролетарских революциях, а должны сидеть сложа руки и аплодировать, помогать Мобуту Заира. Но ведь Мобуту и его компания являются представителями подкупленной крупной буржуазии, которая связана с Соединенными Штатами Америки, с Францией и с капиталистами других стран. А Китай что делает при этом? Он содействует Мобуту оружием и пропагандой. Вот такую политику проводит он. Разве правильно такое поведение? Нет, его нельзя считать правильным. Наоборот, Китай, поступая таким образом, еще более усугубляет ярмо конголезскому народу. То же самое можно сказать и о других странах.

Поэтому статья, которую мы опубликуем, должна быть хорошо продумана и насыщена теоретически, в ней ничего не должно быть упущено. Опираясь на нашу марксистско-ленинскую теорию, нам надо показать, что положения VII съезда нашей партии являются правильными, марксистско-ленинскими, они основаны на учении наших классиков и соответствуют объективной действительности современного мира, его делению, существующим ныне конфликтам и противоречиям. Наша партия подвергает глубокому анализу все эти ситуации и противоречия, она умеет вырабатывать и применять правильные тактические приемы борьбы, которые преследуют одну единственную цель: проведение пролетарских революций и освобождение народов.

Наш последний съезд очень хорошо объяснил войны, ска-

жем, войны народов Африки, которые завоевали некоторую формальную свободу или независимость. Некоторые из них завоевали свою независимость оружием, как Алжир и др., а некоторым другим эту „свободу“ и „независимость“ „преподнесли в дар“ французский, английский империализм и т.д. Они, империалисты, фактически ничего не дарят народам, а этим „подарком“ они держат всегда привязанными за собой многочисленными нитями народы этих стран. Значит, если признать, — а мы должны признать, — что подобные народы добились такой „свободы“, которая допускает угнетение их буржуазией и жестоким местным феодализмом, то они должны подняться на борьбу за настоящую свободу. Против кого должны бороться и какого рода борьбу должны вести эти народы? Они должны вести борьбу против угнетающих их правящих местных капиталистических клик, а также против иностранных капиталистов, американского империализма, французского империализма, германского или португальского империализма и др., а заодно и против советского социал-империализма. Значит, если говорить о борьбе, то народам, эксплуатируемым внутренним и иностранным капиталом, мы должны говорить, что они должны бороться, а Китай этого им не говорит. **Наша партия призывает эти народы бороться, указывая им в то же время и против кого надо бороться, тогда как Китай ничего не говорит им — ни о том, что они должны бороться, ни о том, против кого они должны бороться.** Он призывает их бороться только против советского социал-империализма, ибо тот стремится к мировому господству и, одним словом, ставит под угрозу мировое господство США. Мы указываем народам, как они должны организовать свою борьбу, кто должен руководить этой борьбой, каковы принципы этой борьбы, какова должна быть стратегия и тактика их борьбы. Между тем, Китай ничего об этом не говорит народам; наоборот, он рекомендует им следовать стратегии капитала и применять такие тактические приемы, которые играют на руку этому капиталу, которые продлевают ему жизнь; одним словом, он внушает народам упустить из виду волка и бороться с его тенью.

ВТОРНИК
3 МАЯ 1977 г.

АМЕРИКАНСКИЙ АГЕНТ — БЛИЗКИЙ ДРУГ МАО ЦЗЭДУНА

Я прочитал главную книгу американского журналиста, Эдгара Сноу, которого называют „журналистом века“ и который писал о Китае до и после революции. Однако последняя его книга, которая на итальянском языке озаглавлена «La mia vita di giornalista» („Моя жизнь как журналиста“), дает более точное представление об этом деятеле.

Этот журналист **заслужил себе большую репутацию глубокого знатока китайской проблемы, и это не без оснований. У этой персоны жизнь полна приключений.** Из всего того, что им написано, наглядно видно, что Сноу не может не быть агентом ЦРУ, если еще в то время американская безопасность называлась так, или же журналистом на службе у американской тайной полиции и Государственного департамента. Как и сам он признает, Рузвельт несколько раз вызывал его, чтобы осведомиться у него о Китае. Конечно, президент США не нуждался в том, чтобы Сноу информировал его о климате Китая или об армиях и администрации Чан Кай-ши. Совершенно ясно, что интересовало Рузвельта узнать от Сноу: ему хотелось узнать о людях яньаньских пещер, об их помыслах и целях.

В настоящей книге Эдгар Сноу рассказывает о своем паломничестве, о том, как до китайско-японской войны, с Филиппин, через Индию и Индонезию, он пролез, наконец, в Китай, где пробывал целые годы. Он был связан с иностранными концессионерами и особенно работал на Соединенные Штаты Америки; был связан с Чан Кай-ши, с главными китайскими капиталистами и, наконец, через жену Сун Ят-сена, пере-

брался и в освобожденные китайскими коммунистами районы. **Следовательно, он пробрался даже в штаб Мао Цзэдуна, в пещеры, где после Великого похода размещалась резиденция Коммунистической партии Китая.**

Прежде чем говорить о Мао, прежде чем рассказывать о широкой деятельности, которую он развернул с китайскими руководителями, Эдгар Сноу касается в своей книге ряда вопросов, ряда фактов: как организовывалось промышленное кооперирование между Чан Кай-ши, гоминьданом, Чжоу Эньлаем и другими китайскими коммунистами; как получалась помощь от тестя Чан Кай-ши и Сун Ят-сена; как был возбужден интерес закитайских капиталистов — в Соединенных Штатах Америки, в Гонг-Конге и т.д. — и как еще тогда начали организовываться формы развития сельского хозяйства, формы развития промышленности, которые впоследствии, после освобождения Китая, должны были принять, так сказать, более окончательный вид, ибо фактически в Китае ничего окончательного нет.

Эдгар Сноу говорит потом о своей жизни в яньаньских пещерах. Как я уже отметил и выше, он говорит, что пробрался в самый центр китайских коммунистов, **стал другом и благожелателем членов Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Китая и расположил их к себе, целые сутки сидел с ними и с их женами**, рассказывал им истории и учил их играть в покер. Он рассказывает о том, как он втерся в доверие к Мао Цзэдуну. Последнего вначале он рисует как беспочвенного мечтателя, а затем весьма ухищренно вплотную подходит к своей цели: к становлению великой личности Мао Цзэдуна. Автор рассказывает, что Мао Цзэдун сблизился с ним потому, что национально-освободительная война Китая, китайская революция в то время были неизвестны в Соединенных Штатах Америки и в западном мире. Сноу говорит, что Мао Цзэдун жаждал того, чтобы писали о китайской революции и о нем, с тем чтобы мир понимал, что это были за китайская революция и за китайское руководство.

Фамильярность между Эдгаром Сноу и Мао Цзэдуном дошла до того, что он упоминает даже скандальные случаи из

повседневной жизни Мао, поскольку в этой книге он черным по белому пишет, что Мао Цзэдун по 7 дней страдал от запора, и, когда он освобождал кишечник, это было большим событием во всем его кругу.

Другими словами, Мао Цзэдун и остальные китайские руководители относились с полным доверием к Эдгару Сноу. Последний оказал услуги Китаю, содействовал ему, ибо он сделал Китай Мао Цзэдуна известным за рубежом; однако Китай в свою очередь также очень много помогал Сноу. По его словам, доверие китайских руководителей к нему дошло до того, что **Мао Цзэдун ставил в известность этого американца о всех своих политических планах, о всех своих идеологических взглядах и даже о своих военных планах**. Эдгар Сноу говорит также, что всякий раз, когда Мао Цзэдун готовил наступление на японцев или на Чан Кай-ши, его ставил в известность до того подробно, что Мао говорил ему, например, что в случае применения японцами такой-то тактики, они прибегли бы к другой тактике; в случае нападения Чан Кай-ши на них с такой-то стороны, они пошли бы в контрнаступление с другой стороны или же отошли бы туда-то или туда-то. Значит, Эдгар Сноу был как бы членом Центрального Комитета Коммунистической партии Китая, и, даже не будучи в составе руководства, извне знал обо всем, ибо к нему питали полное доверие.

Этого человека выдают и пропагандируют за китаеведа большого значения; и для западных кругов он является авторитетом, что не подлежит никакому сомнению. Эдгар Сноу в указанной книге выступает ярым антисоветчиком, причем не антисоветчиком по отношению к Советскому Союзу последних времен, а ярым антисоветчиком, питающим злобу *viscérale*,* как говорят французы, против диктатуры пролетариата, против Сталина, против Советского Союза. И когда он это говорит? В годы великой антифашистской войны Советского Союза против гитлеровцев. Странно, каким это образом такая подозрительная личность, причем очень подозрительная, такой антисоветчик, который не скрывал своего антисоветизма,

* По-французски. Здесь: лютую.

пользовался таким большим доверием у Мао Цзэдуна и у других членов Центрального Комитета Коммунистической партии Китая. Он до конца своей жизни оставался для Китая таким доверенным лицом; причем и к концу своей жизни он съездил в Китай, где был принят Мао Цзэдуном с большими почестями.

Прочитав все это, нельзя не думать, что Мао Цзэдун и его товарищи придерживались проамериканских взглядов, питали большую симпатию к Соединенным Штатам Америки, и **что „журналисту“ Эдгару Сноу удалось сыграть важную роль в сближении Китая с Соединенными Штатами Америки, в подготовке поездки в Китай Киссинджера, позже Никсона и еще попозже и Форда.**

ЧЕТВЕРГ
5 МАЯ 1977 г.

ПРОАМЕРИКАНСКАЯ ИГРА КИТАЯ ОЧЕНЬ ОПАСНА

Еще несколько соображений о книге Эдгара Сноу „Моя жизнь как журналиста“.

В последней главе своей книги автор рассказывает, что, беседуя с индийцем Неру, он взглянул на часы и заметил, что они остановились, поэтому он спросил у Неру, который час. Неру ответил, но затем добавил: „Вам надо сменить часы“.

Эдгар Сноу приводит этот эпизод с целью критиковать американскую политику в отношении Китая. Эту политику, которую долгое время проводили и вдохновляли Макарти, Трумэн и другие, поддерживавшие Чан Кай-ши, он называет бесперспективной и неправильной. Он говорит, что в Америке не понимали китайскую революцию, руководимую Мао Цзэдуном, поэтому требовали, чтобы Китай оставался на старых капиталистических позициях и давал некоторую поблажку американскому капитализму.

Как защитник американского империализма, Эдгар Сноу выказывает благосклонность к Китаю. Выводы, которые он выносит из своих анализов, следующие: Когда Китай завоевал независимость в 1949 году, предположение Соединенных Штатов Америки о том, что защиту этой независимости он вверит Кремлю, было неправильным. Нет, этого не будет, — говорит он, — и приводит ряд аргументов в доказательство того, почему Китай не может стать колонией Кремля. Таким аргументом является то, что и идеологически, при проведении своей революции, Китай опирался не на городской пролетариат, а на крестьянство. Относительно этого и многих других вопросов идеологически Китай несогласен с Кремлем. Поэтому, го-

ворит Эдгар Сноу, интересы Соединенных Штатов Америки требуют, чтобы они видели в Китае своего друга и крупный рынок, в котором они нуждаются; так что абсолютно необходимо изменить отношение к нему.

И, конечно, с целью обосновать эту свою идею и воздействовать на американскую политику, Эдгар Сноу изображает Китай и новый китайский режим Мао Цзэдуна как не очень радикальный режим. По его мнению, если Соединенные Штаты Америки изменят свою политику в отношении Китая, то вполне возможно, что этот режим станет проводить дружественную по отношению к ним политику. Эта политика, по словам Эдгара Сноу, имеет большое значение ввиду того, что Китай обладает обширной территорией, огромным населением, большими подземными богатствами, как и ввиду того влияния, которое эта страна будет оказывать на Азию и на весь мир.

В заключение он говорит, что это влияние не будет причинять особого вреда нынешней капиталистической системе, которой, по его мнению, нельзя будет больше продолжать сохранять черты, организацию и политику периода до первой и даже и до второй мировых войн; поэтому капиталистической системе надо как-нибудь приспособиться к этим ситуациям.

Эдгар Сноу, человек Американского государственного департамента, поддерживавший контакты с американскими президентами (он был принят три-четыре раза Рузвельтом) и которого вызывали для консультаций в связи с китайскими проблемами, выступает другом маоистского Китая. Прочтя его книгу, можно сказать, что многие из этих мыслей и из намерений американцев ему в некоторой степени удалось провести и распространить среди китайского руководства, ибо **ныне мы видим, что китайская политика сделала резкий поворот к дружбе с американским империализмом, который не изменил ни своей природы, ни своих целей.** Говорю, что Эдгару Сноу удалось провести свои мысли в китайское руководство в некоторой степени потому, что Мао Цзэдун, после освобождения Китая, несколько лет подряд проповедовал „бес-

пощадную и бескомпромиссную борьбу“ с американским империализмом, тогда как к концу своей жизни (причем не тогда, когда он впал в беспамятство, а когда он был в здравом уме и твердой памяти) он нашел пути дружбы с Соединенными Штатами Америки. Причем эту дружбу Мао начал водить с Никсоном и с Киссинджером, с людьми, которых в своей книге Эдгар Сноу изображает как политических деятелей, к которым он сам лично питает лютую ненависть. Однако именно с Никсоном Мао Цзэдун связался узами дружбы, и, когда этот горе-президент был вынужден покинуть Белый Дом из-за своих политических скандалов, Мао вновь пригласил его в Пекин и сердечно встретился с ним с целью дать миру понять, что он поддерживает того бывшего президента, которого „ненавидела“ даже сама американская „демократия“.

Итак, понятно, что Коммунистическая партия Китая и китайское государство всю стратегию и тактику, которую они применяют в целях маскировки поворота в 180 градусов к американскому империализму, стараются подкрепить якобы марксистско-ленинскими положениями, цитатами из Ленина, Маркса и Энгельса, утверждая, что и они проповедовали компромиссы с империализмом; что мир терпит изменения; что надо видеть, где главный враг, против которого можно объединиться с другими врагами, и приведя другие враждебные марксизму-ленинизму положения. Все эти положения Коммунистической партии Китая ложны. Цитаты классиков она извращает, берет их вне контекста, так что этим она только иллюстрирует свое предательство.

Ясно, что Соединенные Штаты Америки пойдут навстречу этому китайскому курсу; они будут помогать Китаю и до какой-то степени они сделают его зависимым от них посредством кредитов и новой технологии. Но в то же время американский империализм обострение своих отношений с Советским Союзом не доведет до войны ради Китая. Нет! **Американцы будут проводить политику равновесия в своих интересах, и только когда противоречия будут обострены до предела, будь это с Советским Союзом, будь это с Китаем, только тогда они могут да и прибегнут к войне**, которая является постоянным

спутником империализма и социал-империализма. **В конечном итоге, они ввергнут мир в страшную бойню ради установления своего мирового господства.**

Итак, игра Китая, его антимарксистская политика очень опасны для человечества.

СУББОТА
14 МАЯ 1977 г.

САЙФУДДИН В ЮГОСЛАВИИ

Китайская парламентская делегация, возглавляемая неким Сайфуддином, кандидатом в члены Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Китая, совершает дружескую поездку по Югославии. Она была принята председателем Скупщины, который с большим доброжелательством рассказал ей о героической борьбе Коммунистической партии Югославии, ныне именуемой Союзом Коммунистов Югославии, как и о роли „великого марксиста“ Тито.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
15 МАЯ 1977 г.

КИТАЙСКОЕ РАБОЛЕПИЕ ПЕРЕД АМЕРИКОЙ

После Лондонской встречи представителей экономически великих империалистических держав с представителями Соединенных Штатов Америки газета „Правда" поместила статью, осуждающую принятые на этой встрече решения. Целенаправленность настоящей статьи понятна: Москва несогласна с принятыми в Лондоне решениями, поэтому в статье она по-своему и в соответствии со своими интересами разит, критикует и изобличает их. Однако действительно скандально то, что на статью Москвы сразу ответила пекинская газета „Жэньминь жибао", которая с величайшим бесстыдством берет под защиту „большие успехи" и „преимущества единства" этих капиталистических государств, берет под защиту „единство" и достижения „Объединенной Европы", считая их „большим успехом" перед лицом гегемонистских вожделений советских ревизионистов.

Даже сама пресса американского, английского, французского, японского и др. империализма пока что не берет на себя труд по горячим следам вступать в полемику со статьями „Правды". Империалисты занимаются своими делами, они проводят встречи, принимают меры, пропагандируют и, конечно, будут писать и статьи; однако возмутительно то, что испеченная Картером в Лондоне булка еще не была доставлена из хлебопекарни, как китайцы вонзили в нее зубы.

Китайцы с каждым днем все больше погрязают в трясине, в болоте оппортунизма, тем не менее совершенно не стыдятся мировой общественности, марксистов-ленинцев и революционеров. Будучи отвратительными лакеями, они берут под защиту любое деяние американского империализма и буржуаз-

но-капиталистических государств; Китай аплодирует всем акциям, предпринимаемым этими великими агрессивными империалистическими державами, угнетающими народы. Мне кажется, что это есть верх раболепия перед американским империализмом, тем империализмом, который предоставляет Китаю кредиты в целях его укрепления. В то же время Хуа Гофэн и Е Цзянь-ин на собраниях, проводимых на стадионах с участием десятков тысяч человек, заявляют, будто мировая война начнется завтра, поэтому они призывают организоваться для вооруженной борьбы, развивать военную промышленность и экономику вообще, ввести в эксплуатацию новые нефтепромыслы или новую промышленность во внутренних районах Китая. Надо сказать, однако, что они скрывают истинные цели этой кампании. По словам китайцев, войну развяжет Советский Союз против американского империализма, поэтому, твердят они, абсолютно необходимо готовиться к войне. До вчерашнего дня они такого не говорили. Возникает вопрос: Если они готовятся к войне, то против кого они готовятся? Кто пойдет войной на Китай, американский империализм или же советский социал-империализм? Не исключено, что Китай будет подвергнут нападению со стороны советского социал-империализма, поэтому китайцы не должны прийти к ошибочному выводу о том, что Советский Союз нападет на Европу, а не на Китай. **Всей своей нынешней политикой Китай преследует ясную цель: выиграть время с целью вооружиться и стать великой капиталистической державой, т.е. занять такие же позиции, что и две другие сверхдержавы и встать в один ряд с ними.**

Что касается революции, то она перенесена на греческие календы.

ПОНЕДЕЛЬНИК
16 МАЯ 1977 г.

КИТАЙСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ С БОЛЬШИМ ЭНТУЗИАЗМОМ ОТЗЫВАЕТСЯ О ТИТОВСКОМ РЕЖИМЕ

ТАНЮГ, „Жэньминь жибао“ и Синьхуа каждый день сообща комментируют поездку по Югославии делегации Всекитайского собрания народных представителей, возглавляемой Сайфуддином. Последний **с особым доброжелательством и восхищением отзывается о борьбе народов Югославии, об организации и о строительстве „социализма“ в Югославии**, посещает фабрики, заводы, фермы и т.д. В своих речах и тостах он то и дело выражает удовлетворение, „чувства тесной и искренней дружбы китайского народа к героическому югославскому народу“. Сайфуддина с почестями принял Тито в Белом дворце (американский Белый дом в Белграде). Переданное ТАНЮГом коммюнике было подкреплено и сообщением Синьхуа.

Тито с симпатией и восхищением говорил Сайфуддину о великом Китае, о его успехах, о той важной роли, которую он играет в мире; он также попросил его передать „товарищу“ Хуа Го-фэну чувства его самого высокого к нему уважения. Со своей стороны, **Сайфуддин передал Тито приветствия Хуа Го-фэна, сердечно поздравил его с днем рождения** и преподнес ему в подарок стенной ковер. Подобный ковер китайцы подарили и Ким Ир Сену, своему близкому другу, по случаю дня рождения.

Сайфуддина повезли в Воеводину, где председатель Ассамблеи Воеводины рассказал ему о том, как в этой стране все различные народности Югославии „живут в полном согласии“, желая сказать Сайфуддину, другими словами, что наци-

ональный вопрос в Югославии разрешен правильно. Оттуда Сайфуддин отправился и в Черногорию, т.е. близ наших границ, с тем чтобы увидеть и „эту горную страну и ее героический народ и подружиться с ним“. В этом паломничестве Сайфуддина сопровождал Пеко Дапчевич, старый генерал, родом из Черногории, бывший партизан югославской армии. Затем его повезли в Дубровник ознакомиться с портом этого города и увидеть советские военные корабли, стоящие на якоре там, как и в других портах Югославии.

В переговорах с югославами и с Тито Сайфуддин, с целью попадать югославам в тон, не преминул говорить о „неприсоединившемся мире“. Однако очевидно, что **Сайфуддин поехал в Югославию не только для укрепления дружбы между двумя государствами, но и для установления связей между обеими партиями, ибо Коммунистическая партия Китая ныне налаживает связи со всеми ревизионистскими партиями западного типа.**

Советник какого-то посольства в Пекине сказал одному из наших товарищей, что в настоящее время в Пекине находится делегация высшего уровня итальянской ревизионистской партии, которая ведет переговоры с Центральным Комитетом Коммунистической партии Китая, „но, — добавил советник, — о ее визите в Пекин не будет сообщено в печати“, т.е. об этом визите не будет объявлено официально.

Стало быть, Коммунистическая партия Китая уже имела официальную встречу с Каррильо, который посетил Пекин не так давно, а теперь устраивает встречи и с итальянской ревизионистской партией.

СРЕДА
18 МАЯ 1977 г.

НИСПРОВЕРГАЮТ ОДИН КУЛЬТ И ВОЗНОСЯТ ДРУГОЙ

Уже семь месяцев каждый день читаем длинные статьи и нескончаемые коммюнике, осуждающие „банду четырех“. Чего только не взваливают на плечи этой „банды“! Все зловредное и враждебное, которое только можно представить себе, учинено „бандой четырех“. Настоящая „банда“, по словам нынешних китайских руководителей, состоит из четырех руководителей, выдвинутых Культурной революцией.

Данной Культурной революцией руководил Мао Цзэдун, а это значит, что эти элементы в своих действиях пользовались полной поддержкой Мао Цзэдуна. Теперь ставится вопрос: Были или нет обоснованными эта поддержка и это доверие? Мне думается, что они были обоснованными, иначе получается, что на Мао Цзэдуне и других его товарищах, руководивших Культурной революцией, лежит тяжкая вина. Этим хочу сказать, что, если они были агентами, если Чжан Чунь-цяо был агентом гоминьдана, если Цзян Цин была шлюхой, которую, как о ней говорят, Чан Кай-ши сажал на колени, и т.д. и т.п., то надо ставить вопрос: Где была бдительность Мао Цзэдуна и других руководителей, таких как Кан Шэн, которые, и когда был осужден Чэнь Бо-да, и когда был осужден Линь Бяо, и когда подвергались критике Конфуций и Мэн-Цзы давали этим людям оставаться в Центральном Комитете и, по словам Хуа Го-фэна с компанией, вершать закон? Это, конечно, странно, но в то же время и неприемлемо.

Мы думаем, что нынешнее антимарксистское и антиреволюционное руководство, придерживающееся реакционного курса в интересах американского империализма и в единстве

с ним против другой сверхдержавы — советского социал-империализма, осилило этих элементов, которых, должно быть, не четыре, а миллионы, и продолжает изобличать их. Это говорит о том, что эти „четыре“ были не одни, так что ставится вопрос: Неужели вся эта уйма людей заблуждалась, была слепа, не чуяла, не видела, куда вела страну? Подобное положение неприемлемо, однако это факт, что китайская армия, которой командовали одержимые странными тенденциями „генералы“, всегда вершала закон, даже и в ходе Культурной революции. Линь Бяо также, в своих действиях опирался на армию. Так поступает и Хуа Го-фэн, который, как и Е Цзянь-ин, опирался на армию, чтобы сделать этот удар, как они говорят, мгновенным, „чтобы ликвидировать четверку одним махом“.

Ныне в Китае ведется широкая пропаганда с целью превознести до небес культ Хуа Го-фэна. Последний придерживается тактики нескончаемых собраний, которые длятся по 20 дней и в которых принимают участие до семи тысяч человек. Участие до семи тысяч человек в столь расширенных собраниях для обсуждения одной лишь проблемы преследует одну цель: вознести звезду Хуа Го-фэна. Итак, один культ ниспровергается, другой — возносится. Ныне баланс в ущерб Мао и в пользу Хуа Го-фэна, но до каких пор — это мы еще посмотрим. Мао Цзэдун говорил, что „каждые семь лет будет совершаться по одной революции, к власти будут приходить правые, затем левые и так подряд в течение десяти тысяч лет“.

ПЯТНИЦА
20 МАЯ 1977 г.

КИТАЙСКИЙ НАРОД БЕРЕЖЕТ ЛЮБОВЬ К АЛБАНСКОМУ НАРОДУ И АЛБАНСКОЙ ПАРТИИ ТРУДА

Из присланного товарищем Бехаром доклада о его поездке по некоторым провинциям Китая явствует, что, вообще, официальными лицами он был принят корректно, но холодно. В этой поездке его сопровождал Лю Чжэнь-хуа, бывший предпоследний китайский посол в нашей стране, человек нехороший, который, особенно в последнее время, показал, что скрывалось за его глупыми улыбками.

Многие из тех, кого Бехар знал в Пекине, холодно подавали ему руку и уходили, ибо им не хотелось, чтобы их надзиратели видели, что они стояли около него. По всей видимости, сверху было дано указание так обращаться с ним. Тем не менее, кое-кто из руководителей посещенных им районов, не считаясь с этим указанием, выразил Бехару свою любовь и симпатию к нашей партии и к нашей стране.

На местах, где Бехар установил контакты, положение было несколько иначе. По-видимому, указание не поступило туда, хотя уже не было прежней теплоты, любви и искренности. Чувствовалось, что что-то изменилось, и это изменение опять-таки было вызвано пропагандой китайского руководства против нашей партии и нашей страны. Тем не менее эта пропаганда еще не произвела нужного эффекта и, по словам Бехара, даже и там, где она возымела эффект, это только внешне, ибо в действительности люди из низов, народ, берегут любовь и дружбу с албанским народом и с Албанской партией Труда.

Имеются порядочные люди, которые резко критикуют особенно политику Хуа Го-фэна в отношении Югославии и

Румынии; они говорят: „Что это за подлость совершается? Мы вступаем в дружбу с нашими врагами и враждуем с нашими друзьями, какими являются социалистическая Албания и Албанская партия Труда, всегда стоявшие в авангарде борьбы в защиту чистоты марксизма-ленинизма и особенно в защиту Китая“.

Не подлежит никакому сомнению, что ныне в Китае царит хаос в политике, в идеологии и в экономике. Настоящий хаос вызван ревизионистской, оппортунистической линией группы Хуа Го-фэна, который прилагает усилия к тому, чтобы насадить и укоренить эту линию и в партии, и в массы.

Бехар информирует нас, что нигде в местах, где он побывал, не слышал больше выражения „председатель Мао Цзэдун“, а только „товарищ Мао Цзэдун“. Ныне „председателем“ там называют только Хуа Го-фэна.

СУББОТА
21 МАЯ 1977 г.

СКАЖИ МНЕ КТО ТВОЙ ДРУГ, И Я СКАЖУ ТЕБЕ КТО ТЫ

Путешествие Сайфуддина по Югославии завершилось „самым большим успехом“. По словам главы китайской парламентской делегации, „результаты были блестящие“. Он, как сообщают телеграфные агентства, поблагодарил от имени делегации „за устроенную ей столь сердечную встречу“ и особенно поблагодарил президента Тито, который, по его словам, „долго и с большой сердечностью беседовал с делегацией“.

Сайфуддин заявил, что члены делегации создали себе весьма положительные впечатления о развитии Югославии. Он сказал, что **„нации и народности в Югославии своей борьбой под руководством президента Тито завоевали свою свободу и независимость, а после освобождения, опираясь на свои собственные силы** (и господин Сайфуддин всегда отмечал это в своих речах), **строят свою страну и накопили ценный опыт“, что, конечно, очень поможет китайцам!**

Заявлять во всеуслышание, что экономика Югославии развивалась, мол, опираясь на свои собственные силы, значит, помимо всего прочего, брать под защиту так называемый самоуправленческий социализм и стараться скрыть тот факт, что этот горе-„социализм“ обуславливает развитие югославской экономики не опорой на собственные силы, а кредитами и милостыней империализма и капитализма. Заявлений о том, что титовская Югославия „опирается на свои собственные силы“, не осмеливался делать до сих пор даже сам Тито. Такое поведение ставит китайское руководство в смехотворное положение адвоката-шарлатана, который, не имея никако-

го аргумента, отрицает преступление, в котором сам обвиняемый признается.

Эта делегация с этим горе-Сайфуддином во главе выразила свое особое удовлетворение еще и тем, что она констатировала, что **„нации в Югославии нашли подходящее направление движения и что здесь, в Югославии, национальные проблемы разрешены в соответствии с марксистскими принципами…“. По словам Сайфуддина, титовская Югославия во главе со своим президентом является, мол, марксистско-ленинской страной и строит, видите ли, социализм!**

Общеизвестно, что титовское „самоуправление“, помимо многих прочих бед, привело также к углублению серьезных распрей и раскола между нациями в Югославии. Новая югославская буржуазия во главе с Тито всегда проводила политику угнетения в отношении национальных меньшинств. Эта политика вызвала недоверие и вражду между нациями и народностями Югославии, привела к распространению идеологии буржуазного национализма.

Опасность политики углубления распрей между нациями, входящими в состав югославского федеративного государства, признает и сам Тито, который, несмотря на принятые им строгие государственные меры принуждения с целью предупреждения распада своей федерации, как и на некоторые урезанные права, признанные им за нациями с целью умиротворить, пусть и временно, брожения, чрезвычайно озабочен тем, что станет с этими нациями после его смерти.

Когда речь идет о пересмотре установленных еще при царях границ между Китаем и Советским Союзом, Мао Цзэдун и Коммунистическая партия Китая рекламируют это, причем во всеуслышание. Однако, ставя вопрос о расторжении заключенных после второй мировой войны соглашений, ибо „границы между государствами установлены неправильно“, конечно, разумеется, Сталиным, разрешение со стороны Тито национальной проблемы внутри Югославской федерации они находят „правильным“ и „марксистско-ленинским“.

Китайцы больше этого не могут брать Тито под опеку, а Сайфуддину нечего было больше сказать с целью удовлетво-

рить тех, которые направили его в Югославию поцеловать руку у Тито. Как бы китайцы ни выступали лжесвидетелями, как бы они ни приукрашивали титизм, их слова не могут излечить Югославскую федерацию от этой душащей ее хронической болезни.

Сайфуддин высоко оценил также „политику неприсоединения Югославии, ее сотрудничество и солидарность с другими неприсоединившимися странами и с развивающимися странами“; только он не сказал „со странами третьего мира“. **Вот что за подхалимами и лицемерами являются эти люди.** Тито и все те, кто принимал и беседовал с Сайфуддином, открыто выразили свою линию и свои взгляды, а китаец скрыл их. А почему он это сделал? Чтобы угодить титовцам.

Фактически китайцы „движение за неприсоединение“ раньше считали орудием, с помощью которого капиталистические государства стремились господствовать над народами. Теперь же, запев на иной лад, они рассматривают его как движение, якобы направленное против империализма и колониализма, а Тито, этого ренегата международного коммунистического и рабочего движения, выдают за основателя „неприсоединения“, и, подчеркивая изменение китайского курса и в отношении этого так называемого движения неприсоединения, Сайфуддин отметил: „Мы также рады констатировать, что Югославия, как один из основателей движения неприсоединения, строго придерживается политики неприсоединения, решительно отстаивает свой суверенитет и независимость, неустанно прилагает усилия к укреплению единства неприсоединившихся стран и других развивающихся стран в борьбе против империализма, колониализма и гегемонизма“ и т.д. Эти заявления не нуждаются в комментариях и доказывают, что китайцы норовят скрыть тот факт, что титизм, это оппортунистическое политическое и идейное течение, ведет саботажническую работу среди передовых сил стран, борющихся за свободу и независимость, и дезориентирует их усилия к ликвидации остатков колониализма и т.д.

Совершенно очевидно, что китайская парламентская делегация не является случайной делегацией; она была напра-

влена в Югославию в определенных целях, среди которых главными были не только защита Тито и титизма и подтверждение того, что Югославия в своем развитии „опирается на свои собственные силы“ и что политика „неприсоединения“ якобы направлена против империализма и колониализма, но и укрепление государственных и партийных связей, упрочение дружбы, налаживание сотрудничества как между товарищами-единомышленниками, сбрасывая с себя маски. Эту цель ничуть не скрывал глава китайской парламентской делегации в Югославии. Вот как он высказался в речи, произнесенной на банкете, устроенном в честь его по прибытии его в Белград: „…Китай и Югославию отделяют тысячи гор и рек, но… их связывает общий для них исторический опыт и совместная борьба, которая нас ожидает. Мы сочувствуем друг другу, поддерживаем и подбадриваем друг-друга… Желаем вам добиться новых, еще более крупных успехов под руководством президента Тито…“. Совершенно очевидно, что китайцы хотят бороться вместе с титовцами. Ну а какая это будет борьба и против кого она будет направлена? Не подлежит никакому сомнению, что эта „борьба“ будет такой же, что и борьба Тито, которую поддерживал империализм, и будет направлена против марксизма-ленинизма, социализма и освободительных движений. Нынешнее китайское руководство пойдет именно по этому пути, ибо, если бы дело обстояло иначе, то оно не искало бы товарищей, друзей и сотрудников подобных Тито, и не поставило бы себя на один с ним фронт. Другой логики при оценке этих фактов быть не может.

Все упомянутые выше взгляды подробно передает ТАНЮГ. Надо сказать, что это агентство говорит именно об этих вопросах, ничего не приукрашивает, оно говорит точно, ибо интересы современного ревизионизма, которые представляет Тито — большие, интересы югославского государства — тоже; **к тому же их цель основательно заманить Китай Хуа Го-фэна на ревизионистскую колею, а китайское государство сделать своим** союзником, то есть укрепить его проамериканские позиции.

Измена китайцев по отношению к марксистско-ленинской

линии очевидна и в сообщениях об этой поездке Сайфуддина. Синьхуа передает краткие, избитые известия, в них вышеупомянутые проблемы, т.е. взгляды, выраженные в Югославии китайской делегацией, скрываются, не сообщаются. Это потому, что китайцы боятся внутренней китайской общественности, которая против подобного, общего с предателем Тито, пути; существует еще боязнь перед мировой общественностью, которая хочет зачислить Китай туда, где он заслуживает быть зачисленным. Вот почему Синьхуа скрывает правду о целях поездки Сайфуддина в Югославию и о том, что он делал и что говорил там. Это для того, чтобы китайский народ считал данную поездку незначительным событием, между тем как для китайского руководства настоящая поездка, в действительности, имеет большое значение.

Несмотря на то, что Китай по многим вопросам поддерживает связи с Соединенными Штатами Америки и может договариваться с ними сам непосредственно, все же на практике могут быть и некоторые вещи, относительно которых требуется вмешательство этого югославского мошенника в целях ускорения процесса утверждения дружбы между Китаем и Соединенными Штатами Америки. Эту работу Иосип Броз Тито всегда делал с усердием, причем после всякого подобного рода вмешательства он получал чек от Вашингтона.

И действительно, как только выехал Сайфуддин, в Югославию прибыл вице-президент Соединенных Штатов Америки, который будет иметь также сердечные переговоры с Тито, и последний поставит его в известность обо всем том, что ему говорил Сайфуддин, даст и соответствующие рекомендации американскому вице-президенту, который, естественно, за выполненную работу вознаградит его несомненно крупным чеком.

Нам, албанским коммунистам, очень жаль китайский народ, который нынешним руководством завлекается на путь предательства; но нам нечего делать, китайскому народу надо самому бороться; сначала он должен осознать эту борьбу, а затем вести ее самым упорным образом. Однако создавшееся положение имеет и свою положительную сторону: рене-

гатская, ревизионистская и антимарксистская клика, захватившая власть в Китае, подобными действиями будет разоблачена.

Нынешний Китай действует заодно с Соединенными Штатами Америки, с титизмом, со всеми ревизионистскими, так называемыми коммунистическими партиями. Мудрое слово нашего народа гласит: „Скажи мне кто твой друг, и я скажу тебе кто ты“.

ЧЕТВЕРГ
2 ИЮНЯ 1977 г.

КИТАЙ ЗАЩИЩАЕТ ТЕ ПАРТИИ, КОТОРЫЕ ПЛЯШУТ ПОД ЕГО ДУДКУ

Коммунистическая партия Китая систематически подрывает единство мирового коммунистического движения. **Она поставила в известность низовые парторганизации о своих принципиальных противоречиях с Албанской партией Труда.** Руководство партии сделало это в соответствии со своими взглядами, т.е. ввело партию и места в заблуждение, представляя дело так, будто „грехи и порочные взгляды" — наши, тогда как оно само стоит, мол, на марксистско-ленинском пути.

Что касается создавшихся в различных странах мира других марксистско-ленинских коммунистических партий, то Коммунистическая партия Китая придерживается следующего принципа: с одной стороны, она выступает против тех марксистско-ленинских коммунистических партий, которые решительно проводят марксизм-ленинизм, анализируют проблемы сквозь призму марксизма-ленинизма и борются за чистоту марксизма-ленинизма, являются революционными партиями не только на словах, но и на деле; с другой стороны, те „марксистско-ленинские" партии и группы, которые слепо держат сторону Коммунистической партии Китая, провозглашают, распространяют и отстаивают порочные положения о „третьем мире", о борьбе только против советского социал-империализма, о единстве с буржуазией, о поддержке Европейского общего рынка и т.д. и т.п., она подразделила на две группы: те, которые полностью стоят на ее стороне, она приглашает в Пекин, где их принимает сам Хуа Го-фэн; другие же, которые опять-таки разделяют ревизионистскую линию

Коммунистической партии Китая, но не защищают ее с жаром, а только упоминают ее, принимает не Хуа Го-фэн, а Гэн Бяо или Ли Сянь-нянь. Для них Хуа Го-фэн не устраивает банкетов, а для первых — да.

В тех странах, где нет таких партий, с помощью элементов, которые дуют в дудку Коммунистической партии Китая и которые являются ее агентами, с помощью обществ дружбы этих стран с Китаем, обработанных корреспондентами Синьхуа в различных странах, являющимися агентами китайской безопасности (и это мы говорим убежденно, ибо это подтверждено в ряде случаев) китайцы сколачивают группы, так называемые марксистско-ленинские партии, вооруженные идеологией „маоцзэдунъидеи“. Эти „партии“ китайцы ориентируют на борьбу против настоящих марксистско-ленинских коммунистических партий, давно созданных в различных странах и последовательно борющихся за революцию, на марксистско-ленинском пути.

Это, кажется мне, преследует две цели. С одной стороны — защиту китайской линии, т.е. защиту американского империализма и капиталистической буржуазии, сохранение этого отвратительного мира и отдаление революции. Именно за это китайцы борются с настоящими марксистско-ленинскими коммунистическими партиями, препятствующими этой китайской линии. **С другой стороны, через эти партии и группы, которые именуют себя марксистско-ленинскими партиями, но фактически дуют в китайскую дудку, Китай пытается проникнуть в старые ревизионистские партии Западной Европы, а также других континентов, как в австралийскую, и др. и проводить линию на единство с ними.** Кстати сказать, Коммунистическая партия Китая уже установила контакты с испанской ревизионистской партией Каррильо. Говорят, что она установила контакты и с итальянской ревизионистской партией и наверняка установит их и с французской ревизионистской партией. **Стало также очевидно, что с поездкой в Белград китайской парламентской делегации связи Коммунистической партии Китая с титовскими ревизионистами и с Союзом Коммунистов Югославии, если не официально, то де-**

факто установились, но еще не объявлены. Обе эти партии, китайская и югославская, разделяют линию друг друга, ибо они мало отличаются друг от друга.

По государственной линии отношения с Югославией Китай с шумом развивает. Китай посещает десятки югославских делегаций. Это говорит о сближении Китая с Югославией. Ставится вопрос: Почему Китай не оглашает и партийные связи с Югославией? Их пока что он не оглашает, ибо в противном случае он основательно разоблачил бы себя, а ему не хочется быть разоблаченным, поэтому он утаивает правду как от своего народа, так и от мировой общественности. Однако и в этом направлении КП Китая работает различными, на китайский манер, формами, чтобы сделать это *fait accompli, с* тем чтобы как внутренней, так и мировой общественности казалось чем-то естественным то, что Коммунистическая партия Китая поддерживает отношения с Союзом коммунистов Югославии так же, как она поддерживает такие отношения и с Румынской коммунистической партией.

С Албанской партией Труда она, фактически, не поддерживает связей. Мы хотели поддерживать связи с Коммунистической партией Китая, но таких связей не было. Между нами существовали только дипломатические, дружественные и торговые, но не партийные связи. Да и тогда, когда ездили туда албанские партийные делегации, они просто путешествовали, а не занимались делами, не вели переговоров, как это нам хотелось.

Между тем, с ревизионистами Коммунистическая партия Китая все больше и больше расширяет деловые, идеологические и организационные связи. Таково положение, такова новая тактика Коммунистической партии Китая на пути ее ревизионистского вырождения.

ПЯТНИЦА
3 ИЮНЯ 1977 г.

КОРЕЯ И КИТАЙ ГОТОВЯТСЯ К ВСТРЕЧЕ ТИТО

Наши посольства в Пхеньяне и Пекине сообщают, что пресса и телеграфные агентства Кореи и Китая каждодневно на всех перекрестках пропагандируют ревизионистскую Югославию и ее президента, ренегата Тито. Все эти агентства имеют задание открыто пропагандировать, что Югославия, мол, страна, которая, видите ли, „успешно" и „собственными силами" строит социализм, что она, мол, передовая страна и т.п. Это вопиющая неправда мирового масштаба; и нам думается, что, с одной стороны, это хорошо, что они так трубят о ней, ибо настоящие марксисты-ленинцы, честные люди, которые следили за всем многосторонним развитием югославского государства, поймут, что это за идеология, которая руководит Трудовой партией Кореи и Коммунистической партией Китая, и сами придут к выводу, что та идеология, которая руководит этими двумя странами, является ревизионистской идеологией.

Как видно, Корея и Китай готовят внутреннюю общественность к возможному визиту Тито в эти страны. Тито, по словам югославских послов, обещал посетить Корею, но ему надо предварительно подготовить свою поездку в Пекин. По-видимому, с поездкой в Югославию китайской парламентской делегации, которая так восторженно отзывалась о титовском режиме, китайцы и титовцы договорились о поездке Тито в Пекин, однако еще не объявлено, когда состоится эта поездка. Во всяком случае, приготовления в этом направлении продолжаются, и это будет очень хорошо для нас, ибо мы сделали все, чтобы доказать как Китаю и Корее, так и всему миру, как мы не раз доказывали и раньше, что титовская Югославия является капиталистической страной.

**ВТОРНИК
7 ИЮНЯ 1977 г.**

ПОЧЕМУ ТИТО ЕДЕТ В КИТАЙ?

Разные телеграфные агентства передают, что президент Югославии Иосип Броз Тито в августе месяце поедет в Москву и Пхеньян, а затем в Пекин. Об этом заявил представителям прессы в Белграде итальянский министр иностранных дел Форлани, который был принят Тито. Это сообщение было передано сегодня также и югославским агентством ТАНЮГ. Этот ренегат посетит Пекин именно в такие моменты, когда Китай совершает резкий поворот к тесной дружбе с Соединенными Штатами Америки и со всем остальным капиталистическим миром против советского социал-империализма, о котором китайское руководство трубит, что он является главным и единственным врагом социализма и свободы народов.

Тито, этот ренегат марксизма-ленинизма, агент американского империализма и прислужник мировой капиталистической буржуазии, с большим энтузиазмом и помпой будет принят другим ренегатом марксизма-ленинизма, Хуа Го-фэном. Хуа Го-фэн имеет ныне под своим господством (неизвестно сколько будет длиться его господство) 800-миллионный народ, целый континент, и ренегат Тито, эта старая лисица, умеющая маневрировать с целью урвать капиталы и ликвидировать социализм, будет чувствовать себя в Пхеньяне и Пекине как у себя дома. Думаю, что в Пхеньяне даже сам Тито удивится размерам культа его гостеприимного друга, культа, который никогда не имел прецедента ни в прошлые времена, ни теперь, тем более в стране, называющей себя социалистической.

Однако и Хуа Го-фэн, который занял место Мао Цзэдуну, с тех пор, как одержал верх организованный им военный

путч, также стал вести оглушительную пропаганду в целях превозношения своего культа. Помимо всего прочего, каждый день в Китай приезжают не одна, а десятки различных делегаций; некоторые — с целью петь осанну этому человеку, другие — петь осанну установленной им власти или борьбе, которую Хуа Го-фэн вот уже 8 или 9 месяцев ведет против „четверки", называя ее участников „бандитами", „разбойниками", „распутниками" и кем угодно. В Китай приезжают группы дельцов американского империализма и других капиталистических государств для производства капиталовложений и обеспечения рынков для сбыта своих товаров.

Итак, Тито будет возле этих двух, Хуа Го-фэна и Ким Ир Сена. Он еще не бывал в Китае и Корее, так что осуществится и это его желание. В его коллекции не хватало как раз почтовых марок из Китая и Кореи, тогда как марки Франко и Пиночета ему еще не удалось достать, но их он также может наклеить завтра в своем альбоме поездок, в ходе которых он, под ширмой великой мировой политики, плетет интриги. И действительно, Тито надо отдать справедливость. Несмотря на то, что он является низким предателем, он мастер интриг, темных делишек, махинаций и комбинаций. **Поэтому он едет в Пекин не с простым визитом: он едет туда с целью показать Китаю свое „величие" и сказать китайскому народу и Коммунистической партии Китая: „Вот я это я, и ваше, китайское, руководство преклонилось передо мною. Поскольку ваше руководство является марксистско-ленинским руководством и преклоняется передо мною в Пекине, это значит, что оно преклоняется перед великим марксистом-ленинцем, который первым выстоял перед Сталиным, а ныне отражает капиталистов всего мира, американский империализм, советский социал-империализм" и т.п. Вот, что хочет сказать им Тито.**

Тито, несомненно, едет в Китай для проведения политических и экономических переговоров. Что касается экономических вопросов, то Тито надеется разрешить некоторые проб-

лемы, связанные с охватившим Югославию кризисом. Это будет одной из его целей, тогда как другой его целью является дальнейшее укрепление связей группы Хуа Го-фэна с американским империализмом; это не потому, что группа Хуа Го-фэна еще не вступила и не поддерживает все усиливающихся тесных и дружественных отношений с американскими капиталистами, с крупными американскими концернами и трестами, а потому, что помощь этого американского агента может понадобиться как Вашингтону, так и Пекину.

В Китае Тито даст и возьмет обещания. Он едет туда, предварительно договорившись как с советскими, так и с американским империализмом. Перед своей поездкой в Пекин он, несомненно, хорошо взвешивал свои предложения с обеими сверхдержавами, которые, конечно, стараются непосредственно воздействовать, каждая в своих интересах, на ход событий в Китае; однако и Тито, со своей стороны, также будет делать свое дело.

Мне думается, что предприятие Тито в Китае будет в пользу американского империализма и в ущерб советскому социал-империализму. Он наверняка будет ловко действовать, чтобы попасть в тон китайцам, которые с удовольствием пойдут навстречу его предприятию. Если Брежнев поручит ему передать китайцам предложения о разрядке напряженности с Китаем, т.е. о какой-то сделке или о начале некоторой сделки между Китаем и Советским Союзом, то Тито выполнит и ему выгодно выполнить такое поручение, так как он страстно желает продолжать посредством своей измены политику равновесия между американским империализмом и советским социал-империализмом, конечно, прибавляя несколько килограммов на весы американской стороны.

Тито получит аванс от трех сторон — от двух старых сверхдержав и от новой, возрастающей сверхдержавы, „золотящей“ герб „социалистической“ республики Китая. Утверждают, будто Тито поедет в Китай в качестве президента Федеративной Республики Югославии, а не в качестве генерального секретаря Союза коммунистов Югославии. Это вздор,

рассчитанный на то, чтобы скрывать предательство китайского руководства, которое не хочет сразу показать свое ревизионистское лицо. Оно пытается скрываться под маской так называемого маоистского марксизма, но действительность говорит о другом. Сам Мао стоял за Тито и против Сталина, несмотря на то, что он делал и противоположные этому заявления, утверждая, что Тито стал неисправимым, и ставил его в один ряд с Гитлером и Хирохито. Его заместители, или Хуа Го-фэн, которому Мао Цзэдун, мол, говорил: „теперь, когда дела в твоих руках, я умираю спокойно“, „исправили“ этого ренегата.

Это факт, что своей поездкой в Китай и в Корею Тито поднимает свой авторитет ренегата на международной арене. Понятно, что этот авторитет он поднимает в мире капиталистических интриг, в мире порабощения народов, и этот титул останется за ним.

Ким Ир Сен же думает, что поездка в Корею Тито, которого он считает великим человеком, еще больше усилит в народе доверие к нему, которое должно способствовать поднятию его культа. Ким Ир Сен возлагает большие надежды на Тито и встретит его сердечно и с большой помпой, ибо знает, что Тито является посланцем Картера, посланцем американцев. Ким Ир Сен желает иметь связи с Соединенными Штатами Америки, установить дипломатические отношения с этой страной, с тем чтобы она умерила свое отношение к Корее.

Что касается вопроса единства или объединения двух Корей, это такой вопрос, который ныне не может быть решен. Тем не менее, в случае если это объединение не будет достигнуто марксистско-ленинским путем, то понятно, что оно не будет в пользу социализма.

Поэтому Тито едет в Корею для подготовки почвы к переговорам между американским империализмом и Ким Ир Сеном, ибо в этой стране для Тито нет сейфов, так что он не может получать кредитов от Кореи. Корея сама по уши в долгах и не в состоянии возвращать их.

Что касается „третьего мира“, то Ким Ир Сен не только считает себя его участником, но и стремится, по возможности,

стать и его лидером. Он стремится также молниеносно распространить по всему миру идеи „чучхе“, т.е. кимирсеновские идеи. Все эти его стремления совершенно не беспокоят Тито, который, как нам известно, выдает себя за лидера „неприсоединившегося мира“, „неприсоединившихся государств“. В Пхеньяне сойдутся оба „лидера“ наподобие того, как сошлись и оба их мира. Обе стороны будут иметь благословение, главным образом, американского империализма, но, в некоторых направлениях, и советского и китайского социал-империализма.

Руководство Коммунистической партии Китая совершило измену. Можно сказать, что и руководство Трудовой партии Кореи плавает в этих же водах. Что касается Тито, то уже известно, что он старый изменник. Это, конечно, большая беда для революции, большой регресс и большая потеря для марксизма-ленинизма. Но это беда, которая происходит и которая не зависит от нас, имеет и свою положительную сторону, заключающуюся в том, что эти люди, эти группы, эти клики разоблачаются, и настоящие марксисты-ленинцы, революционеры, мировой пролетариат, который страдает, борется и проливает свою кровь на демонстрациях и забастовках, видит, как его угнетатели, капиталисты, империалисты и их агенты, которые прикидываются коммунистами, марксистами-ленинцами, составляют заговор против революции, против народов. Итак, эта вопиющая измена откроет глаза народам, и борьба народов и марксистов-ленинцев против этих предателей усилится в качественном и количественном отношении. Настанет время, когда в различных странах пролетариат, под руководством своей настоящей марксистско-ленинской партии сокрушит власть капитала.

Марксизм-ленинизм не умер и не устарел, он остается всегда революционным, молодым, он — движущая сила нынешнего мира. Именно революция, руководимая пролетариатом, является той великой силой, которая преобразует мир, а не некий „третий мир“, о котором трубят Мао и маоисты. Вчера, на ужине, который китайские руководители устроили в честь суданца Нимейри, Ли Сянь-нянь сказал, в частности, что „империализм и социал-империализм не являются большой силой,

сегодня это мы, третий мир, являемся величайшей силой в мире“. Что будет делать эта „величайшая сила в мире“? Ли Сянь-нянь, прикидывающийся великим политиком, этого не объяснил, но, говоря об „этой величайшей силе“, он хотел сказать, что „в этот третий мир входим и мы, Китай, насчитывающий 800 миллионов человек, так что мы перерастаем в крупную силу, поэтому вам, суданцам, как и другим полуколониальным народам, надо объединиться с нами, и мы будем руководить вами“. Вот, другими словами, смысл этого утверждения Ли Сянь-няня.

Итак, в этих трудных для капитализма и империализма условиях и ситуациях зашевелились антикоммунистические и антимарксистские змеи как в Вашингтоне, так и в Москве и в Пекине, где сложились тяжелые для правящих клик ситуации. Везде происходят изменения, наблюдаются большие потрясения, и все эти изменения говорят не о силе, а о загнивании империализма, о его замене социализмом.

Поражение, которое потерпело международное коммунистическое движение, временное. Нужно подняться на гору, но на гору поднимется пролетариат под знаменем Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

СУББОТА
11 ИЮНЯ 1977 г.

КИТАЙЦЫ ПРОДОЛЖАЮТ САБОТИРОВАТЬ ЭКОНОМИКУ НАШЕЙ СТРАНЫ

Наш торговый атташе в Пекине прислал нам радиограмму, которой сообщает, что работники китайского министерства индустрии известили его о том, что ряд машин, необходимых для черной металлургии и для Балшского нефтеперерабатывающего завода, еще не готовы, еще не проходили испытания, китайцы ограничиваются словами „рассмотрим“, „изготовим“ и т.д. Одним словом, китайцы саботируют и откладывают поставку этого оборудования. Наш торговый атташе, конечно, официально запротестовал и заявил, что мы снова потребуем пересмотра этих вопросов.

СУББОТА
18 ИЮНЯ 1977 г.

КИТАЙЦЫ РАЗВЕРТЫВАЮТ ШПИОНСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Наш посол в Китае сообщает, что китайцы начали атаковывать наших студентов, с тем чтобы сделать их своими агентами. Это произошло в Пекинском университете с одним из наших студентов, которому преподаватель намекнул на это. Наш студент, сильно возмутившись, сразу дал ему отпор и тут же явился в посольство, где доложил об этом происшествии. Это подлый, враждебный акт. Мы предвидели такие акты, поэтому давали указание товарищам в посольстве установить контакты со всеми студентами, посоветовать им быть корректными в учебе, поведении и работе, но в то же время и бдительными, защищать линию партии и свою социалистическую родину от любых вылазок, какого бы характера они ни были, от всяких провокаций и всяких попыток китайцев завербовать их.

Такова „тесная“, „бессмертная“ дружба и прочий вздор, который китайцы говорят о нас. Они являются не только лицемерами, но и врагами, поскольку дошли до подобных действий против нашей страны. Но они прибегают и к другим методам. В ходе бесед они стараются выпытать у наших студентов, где работают их родители, сколько их дома, где работает каждый член их семьи. По всей видимости, они составляют карточки на каждого албанца, приезжающего в Китай на учебу или по служебным делам. А почему? Конечно, для ведения и в будущем постоянной враждебной, саботажнической деятельности против нашей страны. Такой работой китайцы занимаются и здесь, в нашей стране. Во главе их агентуры стоит корреспондент Синьхуа. Мы убеждены в том, что работ-

ники посольства, вплоть до переводчиков, являются не профессиональными дипломатами или партийными работниками, а агентами китайской безопасности. Они, естественно, поддерживают связи со своими специалистами, работающими на фабриках и в других строящихся у нас объектах, и эти инженеры, несомненно, выполняют одновременно и задания разведчика по поручению китайского посольства.

Что касается дела построения фабрик и заводов, которые мы сооружаем с помощью Китая, то китайцы чинят нам большие препятствия, особенно относительно металлургического комбината и балшского завода. Балшский завод должен был быть закончен еще несколько лет назад, однако он еще не введен в эксплуатацию из-за отсутствия некоторых совершенно незначительных частей, из-за отсутствия некоторых насосов, которые они то присылают, то берут обратно, опять присылают, монтируют и снова разбирают, заявляя при этом: „Мы не уверены, нам надо быть уверенными, а затем смонтировать их, мы еще испытываем их“ и т.д. Относительно сооружения металлургического комбината они также чинят нам ряд препятствий. Министерство горнорудной промышленности Китая предъявило нашему посланцу целый список недостающих машин и заявило, что этот объект не может быть поставлен в такой-то срок, ибо он еще не проходил испытания, что только сейчас его испытывают, но и испытания не дали результатов, так что нужно еще испытывать и т.д. и т.п. Таким образом, эти новые ревизионисты хотят саботировать оба этих два главных объекта. И в Фиерзе происходит то же самое.

Мы терпеливы, но нам ясно, что заводы и фабрики, поставленные нам Китаем, будут введены в эксплуатацию с большим опозданием, если китайцы вообще не оставят работы по их сооружению на полпути, что было бы большим скандалом с их стороны. Во всяком случае, они возместят эти убытки, которые причиняют экономике нашей страны своим предательским курсом и своими саботажническими действиями. За все это они заплатят до последнего сантима.

В Китае официальные лица — директора, замминистры, заведующие отделами — обдают холодом наших людей. Это значит, что руководство Хуа Го-фэна дало указание всему китайскому аппарату, как надо относиться к Албанской партии Труда и к Народной Социалистической Республике Албании. А в народе имеются люди, стоящие за нас, любящие нас всем сердцем и благосклонно отзывающиеся о нас, но имеются и другие, которые боятся, однако против нас не говорят. За рубежом имеются такие китайские послы, которые ведут себя так нахально и так бесстыдно, что просто тошно становится. Они говорят нашим послам, что „нет дружбы, равной дружбе между Китаем и Албанией; она будет жить в веках; нет силы, способной нарушить эту дружбу; мы всей душой любим Албанию“ и всякий прочий вздор. Но они заходят еще дальше в своем лицемерии. С одной стороны, они связаны с Тито узами теснейшей дружбы в идеологическом, политическом, экономическом и прочих планах; с другой же стороны, китайский посол в Бухаресте, например, пускается в демагогию в присутствии югославского посла; он берет под руку нашего посла и говорит ему, что „мы тесно связаны с Албанией, мы марксисты-ленинцы, мы любим друг друга искренней любовью и нет в мире силы, способной разделить нас“. Но и югославский посол хорошо играет свою роль. Когда китаец говорил эти слова, он делал вид, будто у него рука тряслась и голова ходила кругом, до того он был задет словами китайца, которые якобы были направлены против Югославии! Комедии!

По случаю отъезда из Италии китайского посла, как сообщают из Рима, была приглашена уйма итальянских высокопоставленных лиц. Китайский посол сидел в отдельной комнате со всеми директорами и президентами крупных фирм итальянских концернов, таких как „ФИАТ“, „ЭНИ“, „Монтедисон“ и т.д.

Как видно, Китай превратился в капиталистическую страну и еще дальше заходит по этому пути; он сотрудничает с концернами капиталистического мира, или „второго мира“, как он называет его. Завтра Китай то же самое сделает

и с Соединенными Штатами Америки, а что касается борьбы против нашей партии и подлинных марксистско-ленинских коммунистических партий, то он выступает против них с обнаженным мечом. Везде он финансирует и сбивает отбросы, называя их „коммунистическими партиями“, „рабочими партиями“, „партиями освобождения“, „марксистско-ленинскими партиями“. Все эти „партии“ пляшут под дудку Китая касательно „третьего мира“, объединения с американским империализмом и американскими монополиями для „совместной фронтальной борьбы против советского социал-империализма“. Все это не является не чем иным, как борьбой против марксизма-ленинизма, против революции, против социализма, рассчитанной на превращение Китая в великую мировую капиталистическую державу.

Большие расходы в Китае идут на встречи и проводы. Сотни, чтобы не сказать тысячи, делегаций со всех концов капиталистического мира стекаются в Китай. С ними заключаются открытые соглашения, но, конечно, и тайные, вырабатываются враждебные народам мира политические и военные установки, и все это Китай старается прикрыть якобы марксистской фразеологией, которая фактически выглядит смехотворно. Эти свои нахальные действия он пытается опрыскать одеколоном или, как говорят французы, *d’eau de rose*.

Китай с каждым днем все более открыто проникает в Африку, оставаясь всегда „искренним“, но не равноправным партнером Соединенных Штатов Америки. Соединенные Штаты Америки так уверены в действиях Китая, что дают китайцам свободно действовать, так как действия китайцев, как это, например, имело место в Заире или как это наблюдается ныне в Эфиопии и в какой-нибудь другой стране, очень играют на руку американцам.

Итак, мир говорит, что Китай уклонился от марксизма-ленинизма, стал близким другом титовской Югославии, а Тито поедет в Китай, чтобы связаться дружбой с ним по государственной и партийной линиям; он сходится с группой Хуа Го-фэна.

Теперь Китай принимает меры к встрече Тито. Его предстоящему визиту посвящаются передовые статьи, но не без китайских хитростей. Дают понять: „Тито, правда, будет принят, ему также будут оказаны и большие государственные почести и т.д., но о Сталине будут сказаны хорошие слова, что у него такие-то и такие-то заслуги; так что, хотя мы и встречаем Тито, мы говорим ему, что мы восхищаемся Сталиным“. Все это пучок крапив, которыми приправляют китайский салат. Но примет ли Тито этот китайский салат? Наверняка его на таком салате не проведешь.

Поездка Тито в Пекин не будет носить туристический характер. Этой поездкой Тито стремится прежде всего поднять свой престиж, чтобы сказать миру: „Вот и Китай стал на колени передо мною, признал меня главным лидером международного коммунистического движения; Китай Хуа Го-фэна отверг линию Мао Цзэдуна, который когда-то, правда, пускал по несколько стрел против меня, но говорил и хорошие слова обо мне. Теперь, с моей поездкой в Китай, все сказанное против меня отвергается“.

Тито, конечно, едет в Китай и для других сделок, с целью еще глубже завести Китай на путь предательства и изобличения, не дать ему переводить дыхание. В связи с этим визитом Тито поставит много условий — политических и идеологических, предъявит экономические запросы и коснется военных вопросов. Он станет выразителем мнения американского империализма, станет посредником советских относительно различных проблем, связанных с Китаем; по многим из этих проблем он предварительно спросит мнения и одобрения „нового великого председателя“ Китая Хуа Го-фэна и только после этого поедет в Китай.

Тито свое дело сделал, заявив, что он приглашен китайским руководством совершить визит в Китай; и он совершит его, но когда — это еще не известно. Он поедет туда после того, как многие из его взглядов будут одобрены китайцами. Мы думаем, что Тито никогда не примет китайскую теорию „третьего мира“, ибо он настаивает на своей формуле

„неприсоединившихся стран“, ибо он убежденный мегаломан, ибо этим „неприсоединившимся миром“ он крутит наподобие своего известного драгоценного перстня, который он носит на своем пальце. „Если Хуа Го-фэну захочется, — говорит Тито, — то пусть он с этим так называемым третьим миром, который не существует, войдет в этот наш мир“.

Один югославский посол говорил нашему послу: „Нам ясно, почему Китай говорит о существовании некоего „третьего мира“, который фактически не существует. Этим он стремится стать лидершипом всех неприсоединившихся стран. Однако руководителями неприсоединившихся стран являемся мы. Более того, Китай уже дискредитирован в глазах „третьего мира“. Подобных взглядов придерживаются и корейцы, которые также хотят участвовать в неприсоединившемся мире, ибо им хочется играть руководящую роль своей теорией „чучхе“, однако мы, югославы, против этих их попыток“.

Итак, мы являемся свидетелями трагикомедии, разыгрывающейся в ущерб народам и пролетариату бандой предателей, ревизионистов, фашистов, которые пришли к власти посредством заговоров и диверсий, перекрашиваются в представителей народов и пролетариата и ведут подрывную работу против дела освобождения народов и против революции.

Общей характеристикой всех находящихся у власти современных ревизионистов является диверсионная работа. Дипломаты ревизионистских стран всячески пытаются ослабить сопротивление народов внутренним угнетателям как и международным капиталистическим концернам и трестам с целью создать ту монополию, которая порабощает и угнетает пролетариат. Подобно советским, и китайцы ведут агентурную работу во всем мире, во всех государствах, в которых они имеют дипломатические представительства.

Мне думается, что как у советских, так и у китайцев диверсионная работа даже более развита, чем во многих капиталистических странах. Современный ревизионизм является среди буржуазно-капиталистических течений декадентским течением, не имеющим ни малейшей убедительной силы. Ревизионистские партии, как и другие партии капитала, не под-

держивают связей с массами. Современный ревизионизм, являющийся порождением измены марксизму и добивающийся ревизии марксизма, не может пользоваться больше никаким политическим влиянием, ибо он совершенно не искренен с широкими народными массами. Широкие массы народов, которые стремились и боролись за социализм под лозунгами марксизма-ленинизма, осознали и поняли правильность этой теории и видят, что предатели ее говорят одно, а делают другое. Поэтому ревизионистские лидеры совершенно лишились их доверия, и не подлежит никакому сомнению, что их агитация и пропаганда идут насмарку.

До сих пор был известен какой-то салат, который называли русским винегретом. Теперь появился еще другой, китайский салат. Зловонный запах, исходящий из этого салата, распространяется на тысячи миль. „Жэньминь жибао" помещает редакционные статьи, в которых "защищает" Сталина, однако защищает она его так же, как защищает и Хуа Го-фэна. Хуа Го-фэн выдает себя за „Сталина Китая". Ныне в Китае много говорят о том, что Сталин был великим марксистом-ленинцем, что он боролся против троцкистов и бухаринцев, против Зиновьева, Каменева, против икса и игрека. Говорят, что этого Сталина якобы так много любил и восхвалял Мао и т.д. и т.п., и отсюда заключают, что „товарищ Хуа Го-фэн борется против четверки", которая, говорят они, является такой-сякой, подобной троцкистам и бухаринцам и т.д. Это ингредиент китайского салата. Другим его ингредиентом является дружба с Тито. **На народы и на революционеров произвела очень дурное впечатление о Китае весть о предстоящей поездке Тито в Пекин, или вернее, преклонение Китая перед Тито.** Все они говорят, что Китай стал другом Тито, подружился с ревизионизмом, значит он отклонился от марксистско-ленинского пути, на котором фактически он никогда как следует не стоял.

ПОНЕДЕЛЬНИК
20 ИЮНЯ 1977 г.

КИТАЙ ВСЕ БОЛЬШЕ И БОЛЬШЕ СБЛИЖАЕТСЯ С КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

Визит министра иностранных дел Италии Форлани в Пекин завершился „успешно". В своих заявлениях он, конечно, тепло отзывался о Китае Хуа Го-фэна, с которым итальянцы сближаются, о добрых, с каждым днем улучшающихся отношениях, о больших перспективах, которые открываются перед Италией на китайском рынке для вывоза различного оборудования современнейшей технологии. Он ничего не говорил о том, будут ли итальянцы инвестировать в Китае, но ничего удивительного не будет, если они станут инвестировать, несмотря на то, что Италия среди развитых стран является одной из беднейших. И тем не менее итальянские капиталисты готовы лишить работы и обречь на страдание итальянских трудящихся, ради извлечения для себя больших прибылей в тех странах, в которых они лучше могут использовать свои капиталы.

Переговоры между Форлани и Хуан Хуа были „очень сердечными" и последний выглядел радостным и веселым, ибо Италия самый послушный и самый верноподданный раб среди „союзников" Соединенных Штатов Америки. **В „итальянский сапог" влезла вся американская нога, поэтому Италия для Китая является во всех отношениях хорошим союзником, тогда как Франция, и это китайцы знают, шевелится**, порой лягается против несносного и грубого господства американских капиталистических монополий.

Китаю хочется, чтобы Франция вновь стала под американский диктат и не проводила независимую политику, и особенно не вступила на путь примирения с Советским Сою-

зом. Но у него ничего не выходит, ибо его не слушается Жискар д’Эстэн, который сегодня с помпой встречает Леонида Брежнева в качестве председателя Верховного Совета. Несомненно, **атаман Леонид едет во Францию „в целях углубления“ дружбы с Жискаром, а это не выгодно ни Соединенным Штатам Америки, ни Западной Германии, ни Китаю.** Жискар д’Эстэн старается таким образом кое-как укрепить свои позиции не только в отношении Америки, но и в отношении их наиопаснейшего партнера, Европейского общего рынка, который Китай на всех перекрестках пропагандирует как важный фактор мира и счастья народов Западной Европы, и призывает всех примкнуть к этому Европейскому общему рынку. Он пропагандирует даже целесообразность присоединения к „Объединенной Европе“ всех — пролетариев и богачей.

Жискар д’Эстэн маневрирует, ибо в будущем году во Франции будут проведены выборы, а он добивается раскола так называемой коммунистическо-социалистической коалиции между Марше и Миттерраном. А ведь настоящая коалиция есть просто утопия, ибо Миттеррану никак не хочется, чтобы „коммунисты“ при полном равноправии, как говорят французы, участвовали в будущем „левом“ правительстве. Поэтому Жискар д’Эстэн уже давно маневрирует с целью дальнейшего раскола этого подорванного единства, которое существует только на бумаге, которое существует лишь по некоторым незначительным вопросам и которое именуется, мол, союзом левых.

Таким образом, **Китай сближается с французской ревизионистской партией, с Марше**, и, не одобряя политику Жискара, он, конечно, одобряет политику Марше. Но Китай не устраивает и „новая политика“ Картера, ибо он полагал, что Соединенные Штаты Америки будут проводить политику по вкусу и аппетиту Мао Цзэдуна, Чжоу Энь-лая или Хуа Го-фэна. „Очень умными“ оказались все китайские руководители, полагая, что их вес на международном балансе будет очень тяжелым, и что Соединенные Штаты Америки станут на колени перед ними и пойдут по пути обострения своей политики с Советским Союзом! У Соединенных Штатов Америки, как

империалистической страны, конечно, имеются большие противоречия с Советским Союзом; однако и они делают свои расчеты, они поддерживают состояние враждебности между Китаем и Советским Союзом, натравливают его на СССР, пытаясь довести дело по возможности до пограничных конфликтов между ними и вызвать, если не большую войну, то хотя бы несколько стычек между этими двумя странами.

Хотя Китаю не нравится „новая политика“ Картера, все же она сходится с курсом Китая, ибо она позволяет ему продолжать начатую им пропаганду в пользу Соединенных Штатов Америки, свои утверждения о том, что они „миролюбивы“, „не агрессивны“, они „выступают за статус-кво“, „добиваются сделок“ и т.д. и т.п. Речь, произнесенная Картером по его прибытии в Лондон, говорит как раз об этом ложном курсе, согласно которому Соединенные Штаты Америки якобы стоят за разрядку в широком масштабе, будто они выступают за помощь развивающимся странам, будто они выступают за более тесное сотрудничество с Советским Союзом, за тесную дружбу с Китаем и т.д. и т.п.

Ради этой политики Картера китайцы обожают Соединенные Штаты Америки, однако им хотелось бы, чтобы последние иначе высказывались о Советском Союзе. Китайцы горячо полюбили бандита Никсона, ибо он заявил, что будет работать над тем, чтобы навести большой мост от Сан-Франциско до Пекина, и который был бы мостом дружбы Соединенных Штатов Америки с Китаем председателя Мао Цзэдуна. В это время Китай аплодировал этой „гениальной“ мысли и подобным пламенным желаниям этого американского бандита.

Мост, который начали строить Никсон с Мао Цзэдуном и Чжоу Энь-лаем, продолжают строить Хуа Го-фэн с Картером, независимо от существующих между ними нюансов. Нюансы могут существовать всегда, но нынешняя линия и нынешний курс Китая не изменятся, если не изменится нынешнее китайское руководство и если Коммунистическая партия Китая не станет на правильный, марксистско-ленинский путь.

СРЕДА
22 ИЮНЯ 1977 г.

СПРАВЕДЛИВЫЕ УПРЕКИ И ТРЕБОВАНИЯ НАШЕГО РАБОЧЕГО КЛАССА

В Корче проводит свою работу VIII съезд Албанских профсоюзов. Товарищ Рита Марко в своем докладе лишь одной фразой упомянул о дружбе с китайским народом и совсем не коснулся китайской экономической помощи.

Делегаты же не только не говорят о китайской помощи, ибо они вышли из себя из-за волокиты и саботажнических действий китайцев, но и прибегли к косвенным формам проявления своего недовольства. Так, делегат коллектива Эльбасанского металлургического комбината и делегат Балшского нефтеперерабатывающего завода в своих выступлениях, рассказав о достигнутых успехах, не сказав ни слова ни о Китае, ни о его помощи, ни о китайских специалистах, отпустили несколько колкостей, критикуя Министерство торговли — органы, занимающиеся внешней торговлей и импортом, а также Министерство промышленности и рудников, как вкладчиков, за несвоевременную поставку нужных машин и оборудования. Они отметили, что непоставка этого оборудования и машин мешает закончить по плану строительство этих двух важных объектов промышленности нашей страны, и, следовательно, наносит тяжелый ущерб экономическим интересам Народной Социалистической Республики Албании и интересам албанского рабочего класса. Поэтому они попросили правительство принять необходимые меры и вновь наказать компетентным органам ускорить доставку этого машинного оборудования, которое, согласно недавно заключен-

ным государственным контрактам, должно быть доставлено из-за границы. Все поняли, что эти упреки были адресованы китайскому руководству. Это означает: „Кошку бьют, невестке наветки дают“.

ЧЕТВЕРГ
23 ИЮНЯ 1977 г.

КИТАЮ ХОЧЕТСЯ ИГРАТЬ РОЛЬ „ГОРНОГО СТАРЦА“

Посланники китайского телеграфного агентства в Европе и китайские лакеи, особенно французский троцкист Жюрке, а также элементы из „Роте Фане“ в Германии являются самыми активными в пропагандировании предательской линии Хуа Гофэна. Они активизируют людей не только внутри своих стран, но и везде, где это им удается.

Китай финансирует всех этих агентов, которые обзавелись своей печатью и ведут кое-какую пропаганду, однако в основном пропаганду они ведут деньгами. Китай выдает этим агентам денежные средства с целью подкупить колеблющихся членов марксистско-ленинских коммунистических партий Европы. Товарищи из братских партий говорили нам, что работники китайских посольств прямо, на улице, останавливают товарищей из этих партий, даже не знав их раньше, завязывают с ними беседы, а затем, после двух-трех таких встреч и бесед на якобы идеологические темы, предлагают им деньги. Некоторые категорически и с отвращением отказываются принять их, а кое-кто и принимает. Такую работу ведет агентура Гэн Бяо, который занимается взаимоотношениями между Коммунистической партией Китая и коммунистическими партиями мира.

Братские марксистско-ленинские коммунистические партии ныне в состоянии судить и действовать, и мы считаем, что они не должны колебаться в своих правильных действиях против всех этих враждебных вылазок, предпринимаемых современными ревизионистами, китайскими, советскими ревизионистами, троцкистами и всем прочим люмпеном, который состоит у них на службе.

Дело самих марксистско-ленинских партий судить о том, требует ли обстановка, чтобы они говорили и открыто. Они не должны прямолинейно подходить к нашей тактике, ибо они прекрасно знают, каково наше отношение и каковы наши взгляды на эту ревизионистскую линию Коммунистической партии Китая. Мы открыто выступаем против ее линии, ее стратегии и тактики, но без упоминания Китая по имени, не указывая пальцем на Коммунистическую партию Китая. Тем не менее, ныне все догадывают это. Может быть, для новых марксистско-ленинских коммунистических партий настало время говорить еще более открыто, и, если условия назрели, они не должны пребывать в нерешительности, ибо сами группы и партии, которые сколачивает Китай во главе со своим Хуа Го-фэном, создаются специально для того, чтобы опорочивать эти партии и бороться с ними.

Цель китайской тактики, как я и раньше говорил — разжигать полемику, но с таким учетом, чтобы эта полемика велась между марксистско-ленинскими партиями и фашистскими группировками с маоистским ярлыком, а Китай оставался вне этой полемики, чтобы его не упоминали, чтобы он играл роль „бога Олимпа“, роль „горного старца“. Так назывался в истории глава секты Ашашен, который жил в горах Сирии и который в своем логове собирал людей, опьянял их гашишом, выводил их в сад с цветами и гуриями, а затем пускал их на все четыре стороны, чтобы те пропагандировали его секту и убивали врагов „горного старца“. Этой средневековой работой занимается и Пекин. Поэтому для того, чтобы изобличить и разгромить его и его агентов, надо противопоставить ему стальную силу марксистско-ленинской идеологии.

ДУРРЕС, ВОСКРЕСЕНЬЕ
26 ИЮНЯ 1977 г.

КРАТКАЯ ИНФОРМАЦИЯ О ПОЛОЖЕНИИ В КИТАЕ

Сегодня утром приехал в Дуррес товарищ Бехар Штюла, который вчера вернулся из Пекина. Он подробно доложил мне о положении в Китае, которое таково, каково мы его знаем. У власти там стоят армия и безопасность, во главе которых стоят Хуа Го-фэн, Е Цзянь-ин и Ли Сянь-нянь. Внешней политикой занимается Гэн Бяо.

Борьба ведется не только против „четверки“, но, разумеется, и против всех имеющихся в Китае противников. На каждой улице Пекина имеется военная казарма. Никогда китайская столица не знала подобного наплыва солдат, полицейских и агентов безопасности. Жизнь, особенно для посольства нашей страны, стала трудной. С дипломатической точки зрения им совершенно пренебрегают. Конечно, румыны, югославы и некоторые другие занимают первое место среди дипломатических представительств.

Осуществляется курс на сближение с Соединенными Штатами Америки и с другими западными капиталистическими странами. Китайцы продолжают получать, в различных формах, кредиты от Соединенных Штатов Америки, от Японии и от различных капиталистических стран Европы.

Бехар, который уже четыре года работает там, сказал нам, что он удивляется тому, до чего ослабла китайская экономика; раньше товаров было достаточно, особенно сельскохозяйственных продуктов, их даже раскладывали по тротуарам. Он рассказал нам о больших недостатках и пробелах, которые наблюдаются на китайском рынке и вообще в китайской экономике.

С нетерпением ждут поездки Тито в Китай, хотя в дипломатическом корпусе почти совсем не говорят о его визите, или, как сказал Бехару какой-то посол: „Между нами говоря, это Китай идет к Тито, а не Тито в Китай“. Чем объясняется такое безмолвие в дипломатическом корпусе в Китае о поездке Тито? Это может быть объяснено тем, что западным кругам не хочется пропагандировать подобный визит еще теперь, ибо это не на руку Китаю. Им хочется, чтобы Китай не был полностью изобличен, а поездка Тито, конечно, срывает маску с Китая, как страны, выдающей себя за социалистическую. Даже капиталистические страны хотят, чтобы Китай сохранял маску, а сами китайцы сбросили ее, поэтому они с нетерпением ждут Тито, и ходят слухи, что они будут оказывать ему пышную встречу.

Кстати сказать, Тито не едет в Китай, не предъявив предварительных условий, и свою поездку в Китай к концу своей жизни он увенчает таким успехом, который произведет впечатление, что и Китай встал на колени перед ним.

Что касается экономических связей с нами, то в отношении поставки машин и оборудования для строящихся у нас объектов китайцы придерживаются известной нам тактики — „тяни канитель“, затягивай, откладывай, приводи сколько угодно „причин“ и не соблюдай сроков подписанных контрактов. В первое полугодие текущего года план торгового обмена между нами и Китаем выполнен на 30 процентов, а в этих 30 процентах законтрактованные товары составляют только 70 процентов. Что же касается задержек, то для них они находят уйму причин, из которых 90 процентов беспочвенны и только 10 процентов можно считать уважительными.

Значит, генеральная линия Китая нацелена на то, чтобы блокировать Албанию, блокировать ее в самом Китае, но блокировать ее и вне Китая, блокировать также и экономически. По отношению к нам он проводит ту же враждебную ревизионистскую политику, что и советские ревизионисты, а даже еще более яростную.

Китайская безопасность установила строжайшую слежку за работниками нашего посольства. Любого китайца, который встречается на улице или на работе с каким-либо албанцем в Китае, тут же вызывают и спрашивают: „О чем ты беседовал с албанцем? Что сказал тебе албанец?“ За нашими людьми следят работники китайской безопасности; более того, у нас имеются данные о том, что они пытаются завербовать их.

ДУРРЕС, ВТОРНИК
5 ИЮЛЯ 1977 г.

КП КИТАЯ ОРГАНИЗУЕТ СВОИХ САТЕЛЛИТОВ

Коммунистическая партия Китая организует своих сателлитов, внушая им проводить совещания и выступать с заявлениями. Последняя встреча состоялась между представителями так называемых марксистско-ленинских коммунистических партий Бельгии и Нидерландов. Эти партии подтвердили „свое боевое единство и единство взглядов“. Чтя память Мао Цзэдуна, обе эти партии провозгласили, что он „значительно обогатил науку о революции в очень тесной связи с тремя элементами эпохи, которыми являются: марксизм, ленинизм и идеи Мао Цзэдуна“. Теперь не говорят больше „марксизм-ленинизм-маоцзэдунъидея“, а все три ставят в один ряд. Они отмечают, что при анализе международного положения надо исходить из „известного“ положения Мао Цзэдуна о „трех мирах“, ибо, по их мнению, „это есть мощная движущая сила, которая двигает вперед мир, пролетариат, прогрессивные страны и народы“, не забывая указать, что обе сверхдержавы, советский социал-империализм и американский империализм, составляют „первый мир“ и что обе они являются заклятыми врагами народов. Затем они подчеркивают, что советский социал-империализм становится зверем, одним словом, он все больше вооружается и ставит под угрозу особенно Европу.

Эти две горе-партии заявляют также, что они выступают против гегемонизма, но в то же время они выступают и в защиту национальной независимости от грозящих ей опасностей. Поэтому во имя защиты этой независимости, по их мнению, надо, чтобы независимые нации Европы и других континентов примкнули к „третьему миру“ и, придерживаясь единой тактики, прибегали к одним и тем же действиям против угрозы,

исходящей из сверхдержавы, советского социал-империализма; и, наконец, обычная песня: превозношение Хуа Го-фэна, который является, мол, достойным продолжателем дела председателя Мао, „разгромил фашистскую банду четырех, освободил Китай“; настоящая „банда четырех“, оказывается, представляла собой „большую угрозу для Китая, для мира и для всего человечества“. Вот такие заявления Китай стряпает этим сумасбродным или разложившимся подонкам, которые в какой-то мере и некоторое время считались „марксистско-ленинскими коммунистическими партиями“.

Теперь, когда ревизионистский уклон в Китае находится в стадии развития, эти партии находят себе место, а также и зонтик для своей защиты, и с этих позиций выступают против нашей партии, против других марксистско-ленинских коммунистических партий, прочно стоящих на почве марксистско-ленинской теории; они борются, таким образом, против пролетарской революции и в то же время против дела освобождения народов.

Интересно отметить (и это мы констатируем не теперь), что Коммунистическая партия Китая не берет на себя труд доказывать и поддерживать эти формулировки своих идей, которые она распространяет в мире. Она даже и не старается дать теоретическое толкование этим формулировкам о „третьем мире“, как и формулировкам о более сильном или менее сильном империализме, и доказать, что американский империализм, мол, ослаб, „стал крысой, а советский социал-империализм стал медведем и тигром, которого не следует вскармливать“.

Значит, Коммунистическая партия Китая умывает руки в этой полемике, подбирает бедра, стоит в стороне, ибо она страшится стрел, которые будут пущены в нее и которые будут смертоносными для китайских ревизионистов. И эти стрелы пускались и будут пускаться в китайских ревизионистов.

Своей тактикой Коммунистическая партия Китая ныне стремится внушить так называемым марксистско-ленинским партиям, которые она поставила под господство Хуа, говорить об этих антимарксистских теориях. Однако, учитывая реаги-

рование марксистов-ленинцев, которые везде в мире выступают против них, эти партии, так называемые марксистско-ленинские, которые дуют в китайскую дудку, естественно, смотря по обстоятельствам и потребностям, прибегают к фразерству, к фразам, которые можно истолковать в двух или трех смыслах. Это фразы, которые Гэн Бяо присылает им из центра, находящегося в Пекине. Значит, китайцы придерживаются той же тактики, которую всегда придерживались Мао Цзэдун и его преемники — не говорить о щекотливых вопросах, говорить с большими оговорками, говорить двусмысленно, и да, и нет, и в середине, и в начале, и в конце, так что в любой ситуации они могут вытаскивать что-нибудь из котомки, в которой они хранят все эти „перлы", и говорить: „Вот мы говорили то, а не того".

Поэтому полемику с этим правым уклоном, с этим опасным вариантом современного ревизионизма, с этой новой изменой в отношении марксизма-ленинизма, на этот раз совершаемой китайским руководством, нам надо продолжать вести. Мы должны неуклонно обострять полемику, хорошо разъясняя вопросы, с тем чтобы ничего не оставалось в тени и чтобы члены нашей партии и весь наш народ понимали, о каких проблемах идет речь и против кого направлена настоящая полемика. Таким образом, и наши товарищи революционеры марксисты-ленинцы за рубежом и их подлинные партии из нашей полемики смогут лучше уяснить себе ситуацию, лучше ознакомятся с соображениями нашей партии об этом предательском правом уклоне.

ДУРРЕС, ЧЕТВЕРГ
7 ИЮЛЯ 1977 г.

СТАТЬЯ, ИЗОБЛИЧАЮЩАЯ КРУПНУЮ ИНТРИГУ ПРОТИВ НАРОДОВ

Наша статья „Теория и практика революции“, которая опубликована сегодня в газете „Зери и популлыт“, полагаю, произведет большой эффект на марксистов-ленинцев за рубежом, как и на прогрессивных буржуазных мыслителей, а китайцев и их охвостье, против которых фактически она направлена, статья безусловно взбесит. Было нужно, причем очень нужно и необходимо подготовить и опубликовать настоящую статью, ибо китайские ревизионисты усиливали вредительство, усиливали борьбу против марксизма-ленинизма и особенно против Албанской партии Труда.

Эта борьба, как я неоднократно говорил, велась из-под полы, хитро, лицемерно и совершенно беспринципно. Китайцы не брали на себя ни малейшего труда защищаться, ибо фактически нельзя было защищать их пресловутые положения о революции, а деление мира натрое и включение Китая в „третий мир“ нечто иное, как попытка удушить пролетарскую революцию и подчинить пролетариат ярму капиталистической буржуазии индустриализированных стран и американского империализма. **Эта нелепая и антимарксистская теория якобы была направлена против советского социал-империализма, который угрожал и американскому империализму, и китайскому социал-империализму, и развитым капиталистическим странам. Китайские теории, имеющие своим источником буржуазно-ревизионистские взгляды Мао Цзэдуна, Чжоу Энь-лая, Дэн Сяо-пина и председателя Хуа, совершенно не считаются с народами и с революцией.**

Защита китайцами американского империализма и других империалистов Европы и Азии преследует далеко идущие цели, которые китайцы осуществляют на практике. Теперь они открыто говорят о получении кредитов и помощи от этих капиталистических государств и фирм в целях укрепления своей экономики и армии, другими словами, чтобы и Китай стал сверхдержавой, конечно, при помощи этих государств и фирм, которые стремятся натравить его на советский социал-империализм.

В рамках этой крупной интриги, которая разыгрывается против народов и прикрывается якобы марксистско-ленинской теорией, китайские ревизионистские руководители надеются, что американский империализм, сообща с возрастающим китайским социал-империализмом, развяжет третью мировую войну с целью ликвидировать другую сверхдержаву, Советский Союз. При этом китайцы, конечно, представляют дело так, будто они исходят из марксистско-ленинской платформы, ибо, видите ли, „социалистическая" и „марксистско-ленинская" страна ведет борьбу против социал-империализма, тогда как Соединенные Штаты Америки ведут эту борьбу с позиций одного мощного империализма для разгрома другого империализма, который стремится занять его место.

Помощь, которую Китай получит от Соединенных Штатов Америки и других развитых капиталистических стран, будет такой, что не будет составлять угрозы ни для американского империализма, ни для других развитых капиталистических стран; более того, союз Китая с этими державами изменит соотношение сил в пользу американского империализма, что будет способствовать ослаблению советского социал-империализма. Это значит, что произойдет дальнейшее углубление противоречий, ведущих народы к мировой войне. Итак, антисоциалистический Китай борется за развязывание третьей мировой войны, что является тяжким преступлением против человечества.

Китай, будь он социалистическим, боролся бы с обеими великими империалистическими державами, использовал бы противоречия между ними и углублял бы их, боролся бы за

торпедирование усилий обеих сверхдержав к развязыванию мировой войны, и готовил бы друзей и товарищей во всем мире к отражению урагана новой истребительной войны. Этого Китай не делает, поэтому опубликование нашей статьи „Теория и практика революции“ в эти моменты было необходимым.

После этой статьи будут опубликованы и другие теоретические исследования, другие статьи, в которых, конечно, Китай не будет упоминаться по имени. Однако, если этого потребует обстановка, и это будет сделано. Ныне все понимают, что Албанская партия Труда против антимарксистской теории Мао Цзэдуна и Хуа Го-фэна. Возможно, что буржуазная пресса и радио особо отметят настоящую статью, но они могут и обойти ее молчанием. Обе возможности налицо. Те, которым хочется защищать Китай, с тем чтобы он продолжал обманывать и все больше становился под их зависимость, конечно, обойдут ее молчанием; другие же, более трезво мыслящие, которым не нравится такой путь Китая, будут реагировать.

Во всяком случае, линия Албанской партии Труда будет иметь большой резонанс в мире, и это будет в пользу нашей партии, в пользу ее правильной, марксистско-ленинской линии.

СУББОТА
9 ИЮЛЯ 1977 г.

КОРЗИНА С КРАБАМИ

Между Кореей Ким Ир Сена, Югославией Тито и Китаем Хуа Го-фэна разразился, конечно, в молчании, под сурдинку, якобы идеологический конфликт, который фактически совершенно не похож на такого рода конфликт и в котором каждая из сторон стремится захватить флаг ложных идеологий. Все эти три петушка добиваются превосходства в группировках „миров", измышленных ими сообща с империалистами, т.е. в „мире неприсоединившихся", в „третьем мире", в „развивающемся мире". Каждый старается уберечь границы своего мирка, которые фактически не существуют да и не могут существовать, ибо эти „приятели" мирового капитала угнетенным народам, стремящимся к своему освобождению, фактически советуют сидеть тихо-мирно под ярмом.

Эти три претендента на престолы этих „миров" стремятся извлечь из американского империализма или советского социал-империализма и других развитых капиталистических стран некоторые крошки, львиная доля которых досталась бы их странам, и выдавать себя за лидершипов этих группировок, делающих погоду в бедных странах различных континентов.

...Корея, поскольку она является одним из тех государств, которые не могут существовать без иностранной помощи, теперь оказалась на распутье, ибо кредиторы не выдают ей больше займов, так как она не выплачивает долгов. Мировой капитал уже не заинтересован в производстве капиталовложений в Корее.

Тем не менее корейская пресса добивается преклонения мира перед Ким Ир Сеном и без зазрения совести заявляет, что

он „является самым великим вождем, которого мир видел до сих пор“! Поэтому он не только запрашивает помощь и вымаливает милостыню для себя, но и хочет, чтобы Соединенные Штаты Америки отказались от всякого рода помощи Южной Корее, являющейся для них важной базой, которую косвенно защищает и Китай. Таким образом, Ким Ир Сен желает и старается, чтобы обе Кореи объединились под его флагом.

Этот сон наяву испокон веков видит этот „великий вождь“, и, с целью поднять свой авторитет, он запланировал встречи и проводы важных деятелей в Пхеньяне, а также всякого рода семинары и международные встречи. Так, например, запланировано проведение широкого совещания молодежи „третьего мира“, в котором, однако, примут участие и молодежь „неприсоединившегося мира“, и молодежь „развивающегося мира“, и дьявол и кто угодно. Конечно, разумеется, чем может быть подобное совещание, у которого только одно название будет „совещание молодежи“, тогда как фактически в той раскинутой „сети“ будут всякого рода рыбы и раки, люди всякого толка и всякого рода тенденций, начиная с продажных агентов и вплоть до хулиганов-созерцателей, готовых разъезжаться по миру, конечно, не для того, чтобы учиться, а для того, чтобы кайфовать „на даровщинку“.

Однако это титовцам не по нутру, поэтому они стараются сорвать его. Югославские ревизионисты не хотят, чтобы руководство всемирной молодежью осталось за Ким Ир Сеном. Но это не по душе также и другим ревизионистским странам, например, Советскому Союзу, ибо и он совершенно не заинтересован в том, чтобы этот человек, т.е. Ким Ир Сен, прикидывался тем, какой он не есть. Китайцам также это не по душе, и одна и та же история происходит со всеми участниками „третьего мира“. Никому из них не хочется, чтобы „третий мир“, якобы их мир, послал молодежь в Пхеньян и чтобы там корейцы бормотали, что им вздумается. Послы различных стран говорят нашим послам, что они несогласны с тем, они несогласны с другим, они несогласны, чтобы приезжал тот, они несогласны, чтобы приезжал другой, они несогласны с тем, чтобы совещание проходило в Корее, и другие подобные ве-

щи. Конечно, они не могут быть согласны, ибо все это — корзина с крабами, где каждый работает в своих интересах, в их стане господствуют всякого рода идеологии, только не марксистская идеология. Тут мы имеем дело с рынком, на котором каждый старается показаться самым богатым людьми или странами лавочником с целью сбывать с рук товары, предоставляемые ему тем или иным империализмом. Все это похоже на трагикомическую ярмарку.

Наши люди, конечно, растолковывают всем позицию нашей партии в этом вопросе и говорят им, что мы не только против этого, не только выступаем против сути этого совещания, не только выступаем против наименований этой группировки, но и никоим образом не можем принять участия в настоящем маскараде, который будет устроен в Пхеньяне, ибо наша партия — это серьезная партия, которая всегда оставалась и остается верной принципам марксизма-ленинизма.

Именно в этой обстановке Тито решил отправиться с визитом на Дальний Восток, и ныне уже говорят об этом визите, однако, когда он поедет и как поедет, пока что еще ничего не определено. Говорят, что он поедет в конце июля, говорят — в августе или в конце августа. Говорят, что он проедет через Советский Союз, а некоторые другие говорят, что Советский Союз не хочет, чтобы Тито ехал в Китай через его территорию. Имеются и такие, которые говорят, что и Китаю не хочется, чтобы Тито проезжал через Советский Союз, ибо это будет истолковано так, будто он является посредником, и, действительно, Тито является посредником между Советским Союзом и Китаем. Китаю хочется перетянуть на свою сторону этого горе-человека. Он старается показать Тито, что он встречает его с большим великодушием, гонгами и миллионами людей, которые выразят свою симпатию ему на Тяньаньмыни, на бульварах и вплоть до аэропорта. Китайцы встанут по обе стороны дороги встречать в своей стране знаменосца антимарксизма, ренегата марксизма-ленинизма, агента американского империализма и мировой реакционной буржуазии.

А в Корею поедет ли Тито по этому случаю? Конечно, это входит в его планы, но для этого надо упорядочить кое-какие дела, ибо Тито едет туда не только для получения какой-нибудь большой награды, но и для урегулирования некоторых дел. А каких дел? Дел, относящихся к нему самому, дел, касающихся американского империализма, который добивается того, чтобы эти страны стали подвластными ему; в результате этой сделки или посредничества Тито надеется заполучить жирный кредит от своего патрона, ибо всегда так было после его поездок в различные страны. Эти поездки всегда приносили ему прибыли.

Именно в эти моменты поражений и потерь для Китая Хуа Го-фэна поедет Тито в Пекин. В то время, как Тито едет с визитом в Китай, низлагают Зульфикара Али Бхутто, который выдавал себя за друга Китая, и фактически был таким. Это крупный пакистанский богач, который выдвинул лозунг и проповедовал осуществление совещания представителей просвещения стран „третьего мира". Однако это, конечно, чепуха на постном масле, ибо никто не послушался бы его относительно этого вопроса, к тому же ему не дали сделать эту попытку, ибо государственный переворот, произведенный в последние дни пакистанской реакцией, и, конечно, и английским, американским или даже и советским империализмом, убрал Али Бхутто со сцены, он посажен в тюрьму вместе со всеми членами его правительства, и наверняка в Пакистан придет к власти оппозиция, у которой „дружба" с Китаем, несомненно, будет последней спицей в колеснице.

Значит, это правительство реакции в Пакистане будет связано тесной дружбой с антикитайской и проамериканской или просоветской Индией. Впрочем это выяснится ходом событий, однако одно мы можем сказать: что один из друзей Китая потерпел крупное поражение. Это является в то же время также поражением „умной" политики Хуа Го-фэна.

ДУРРЕС, ПОНЕДЕЛЬНИК
11 ИЮЛЯ 1977 г.

КОГДА И ПОЧЕМУ БУДЕТ СОЗВАН ПАРТИЙНЫЙ СЪЕЗД В КИТАЕ?

Наше посольство в Пекине, основываясь на том, что говорят в кругу наших друзей и среди дипломатического корпуса, сообщает что в рядах китайского руководства существуют большие противоречия. Заметны противоречия между Хуа Го-фэном и Е Цзянь-ином. Е Цзянь-ин стоит за скорейшую реабилитацию Дэн Сяо-пина, а Хуа Го-фэн против этого. Последний лезет из кожи вон, чтобы затянуть это дело и желает как можно скорее созвать Центральный Комитет или съезд. Говорят, что сверху определено, кто примет участие в съезде, и что съезд установит должности и посты, которые получит Дэн Сяо-пин.

Конечно, говорят, что настоящий съезд будет проведен не сегодня-завтра; однако, об этом не сегодня-завтра уже год говорят, а съезд так и не созывается, тогда как разногласия сохраняются. Тем временем, по поступающим информациям, разногласия продолжаются не только в руководстве, но и среди широких партийных и народных масс. Итак, ситуация в Китае не может не быть смутной, не может не быть неустойчивой.

Что касается отношений с нами, то китайские руководители насаждают по отношению к нам холодность не только среди партийных работников, но и в народе, и это наблюдается везде, где нашим людям приходится встречаться с китайскими рабочими, студентами и др. Китайские трудящиеся ведут себя застенчиво, боятся встречаться и разговаривать с нашими людьми. Китайские официальные лица с другими по-

ступают совершенно наоборот, ударяются в крайность, и это особенно с целью давать понять, что у них дела с нами, албанцами, обстоят неважно, т.е. ухудшены, а с югославами и с румынами они в порядке.

Вчера я прочел статью газеты „Жэньминь жибао“ о впечатлениях делегации китайских ветеранов, посетивших Югославию. Чего только не говорится в ней! Отмечается столь теплая и столь пышная встреча, которую югославы оказали китайцам! Рассказывается, что объявился некий народный герой Югославии, которого некогда посадили в тюрьму за то, что он при короле Александре написал поэму о великом походе Мао Цзэдуна! Затем рассказывается о том, как встречали китайцев в доме югославских ветеранов и как последние говорили им, что они с самым пристальным вниманием следили за борьбой китайского народа. Однако и китайцы, со своей стороны, продолжает статья „Жэньминь жибао“, с самым пристальным вниманием и шаг за шагом следили за героической борьбой народов Югославии! Даже мы, которые были рядом с ними и поддерживали отношения с ними, конкретно не знали, как развивалась эта борьба народов Югославии, а китайцы, дескать, с краев Таншаня или Хэнъяна „с самым пристальным вниманием“ следили за югославской национально-освободительной борьбой, „руководимой героем Тито“! Впрочем все это имеет своей целью показать „великое единство“, существующее между этими двумя ревизионистскими странами. Китайцы ныне готовят триумфальную встречу ревизионистскому ренегату Тито, который заявил, что сначала поедет в Москву, а затем из Москвы выедет в Пекин.

Значит, все это, а также деятельность титовцев, которые умеют маневрировать, умеют надувать и превозносить у китайцев зловредные мелкобуржуазные пороки, имеют своей целью взять последних в оборот, основательно завести их на путь ревизионистского предательства и привязать их к колеснице американского империализма. Эти деяния совершенно очевидны, и мы ничуть не ошибаемся, начиная подобную идеологическую борьбу против китайского ревизионистского руководства, которое проводит, практикует и развивает теории современного ревизионизма.

ЧЕТВЕРГ
28 ИЮЛЯ 1977 г.

ПРИХОД ХУА ГО-ФЭНА К ВЛАСТИ И РЕАБИЛИТАЦИЯ ДЭН СЯО-ПИНА — СКАНДАЛЬНЫЕ ДЕЛА

Приход Хуа Го-фэна к власти и полную реабилитацию Дэн Сяо-пина, восстановление его на все прежние посты, мы считаем скандальным делом, нарушением основных марксистско-ленинских принципов партийного строительства. Очевидно, что Хуа Го-фэн пришел к власти посредством военного путча, во главе которого стояли он и Е Цзянь-ин. Они арестовали четырех лиц, которых они назвали правыми радикалами, и захватили власть. Совершившая путч клика назвала Хуа Го-фэна премьером Госсовета и председателем партии, ибо его якобы назначил Мао Цзэдун перед смертью. Однако подобное должно было быть подтверждено Политбюро и Центральным Комитетом. Это не было сделано, а были нарушены Устав Коммунистической партии Китая и всякие нормы истинно марксистско-ленинской партии. Ни заседание Политбюро не было проведено, ни Центральный Комитет партии не избрал Хуа Го-фэна. Последний сам назвал себя председателем Коммунистической партии Китая, одним ударом разгромил „четверку“, сам назначил себя премьер-министром и т.д. и т.п. Значит, путь прихода Хуа Го-фэна к власти характеризуется всеми чертами военного путча, подобного тех, что совершаются в странах Латинской Америки.

Политбюро Коммунистической партии Китая было урезано, ибо значительная часть его членов было ликвидировано уже давно, поэтому ему нельзя было собираться. Как это можно исключать четырех членов Политбюро без предварительного заседания последнего, которое свое решение должно

представить на утверждение Центральному Комитету партии? Ничего подобного не было сделано. Значит, Хуа Го-фэн не был избран установленными Уставом Коммунистической партии Китая органами, и „четверка“ не была исключена партийными органами, согласно установленным этим уставом правилам. Все эти акты были противозаконными, антимарксистскими.

Что касается Дэн Сяо-пина, то он является отъявленным антимарксистом, он был главной опорой Лю Шао-ци. Последнего Мао Цзэдун объявил ревизионистом и „Хрущевым номер один Китая“, а Дэн Сяо-пин был объявлен „Хрущевым номер два“ и вместе с Пэн Чжэнем и многими другими их приверженцами был ликвидирован теми же формами. Только после этого были проведены собрания для изобличения этих лиц. Фактически Дэн Сяо-пин был ревизионистом и снова вернулся к власти не правильным, марксистско-ленинским путем, а по воле самого Мао Цзэдуна. Значит, Мао Цзэдун осудил, а затем реабилитировал его, причем реабилитировал основательно, назначив его первым заместителем Чжоу Энь-лая, заместителем председателя Коммунистической партии Китая, а также начальником Генерального штаба. Это было антимарксистским решением, одобренным только кликой Мао Цзэдуна и Чжоу Энь-лая. Чжоу Энь-лай реабилитировал своих старых друзей-единомышленников, но тогда он не пострадал, как Лю и Дэн, ибо Мао Цзэдун, почувствовав себя совершенно изолированным, уберег Чжоу. Это подтверждено им же самим; он призвал к Культурной революции.

Значит, Дэн Сяо-пин был осужден потому, что его осудила Культурная революция, вдохновленная Мао Цзэдуном. Именно этот Мао Цзэдун призвал „Красную гвардию“ пойти в атаку на штабы; и „Красная гвардия“ атаковала штабы. Однако Мао, призвав к нападению на штабы, подтвердил, что его партия совершенно была ликвидирована. Были ликвидированы также профсоюзы и все другие массовые организации. Это произошло потому, что все эти массовые организации, с партией во главе, находились под влиянием Дэн Сяо-пина, Лю Шао-ци, Пэн Чжэня и др. Поэтому начатая Мао Цзэдуном Культурная революция имела в своей основе и в руководстве

не партию и рабочий класс, а только интеллигенцию, студенчество и особенно учащихся средних школ, которые, воодушевленные призывами Мао, выдумывали свои теории, вели себя просто безобразно; в их рядах были провокаторы, промаоисты, антисоциалисты, просоциалисты и еще кто угодно. Позже Мао Цзэдун реабилитировал Дэн Сяо-пина с целью встать на путь правых — на путь сближения с Соединенными Штатами Америки, на путь союза с американским империализмом против советского социал-империализма. Затем он вновь осудил этого человека, сняв его с высоких постов, которые он занимал, и выбросил его на улицу, оставив у него только партбилет. Это произошло после смерти Чжоу Энь-лая, когда предполагалось, что все пойдет как по маслу — Дэн Сяо-пин займет место Чжоу Энь-лая и продолжит его путь под флагом Мао Цзэдуна. Однако получилось не так. Мао вторично изобличил Дэна и якобы дал указание привести к власти Хуа Го-фэна, поправ, таким образом, всякие партийные нормы. Другими словами, и Хуа Го-фэн с площади Тяньаньмынь обвинил Дэн Сяо-пина в правизне и ревизионизме, то же самое сделал и У Дэ, член Политбюро и глава муниципалитета Пекина. Итак, некоторое время, 10 или 12 месяцев, Дэн Сяо-пин вновь пребывал во мраке для того, чтобы снова вернуться на свои посты после государственного переворота, произведенного Хуа Го-фэном и Е Цзянь-ином.

Теперь Дэн Сяо-пин верховодит государством и партией. Возможно, что XI съезд, который, как говорят, соберется к концу года, сделает его премьер-министром, с тем чтобы назначить его, после низложения Хуа Го-фэна, также председателем партии. С приходом Дэна к власти, Китай, конечно, будет продолжать курс на ревизионизм, на единство и дружбу с Соединенными Штатами Америки и таким образом в Китае, под социалистическими и марксистско-ленинскими лозунгами, будет реставрирован капитализм.

Дэн Сяо-пин выступает против Культурной революции, и все то, что говорится об этой революции, т.е. что у нее было 7 добра и 3 зла, унесет рекой Янцзы. Культурная революция, по мнению Дэн Сяо-пина, это враждебная революция, которую

следует ликвидировать целиком и полностью. Значит, Дэн Сяо-пин ликвидирует также авторитет Мао Цзэдуна. Впрочем авторитет Мао, если хорошо рассмотреть его с теоретической и политической стороны, был необоснованным; неправда, что Мао был последовательным марксистско-ленинским авторитетом. Дэн Сяо-пину и пришедшим ныне к власти его соумышленникам хочется, чтобы Мао Цзэдун был оставлен в темноте, чтобы его больше не упоминали. И это время настанет, не будет больше мифа Мао Цзэдуна против течения; его подхватит течением Янцзы и унесет в океан. Именно так и произойдет благодаря линии, которую будет проводить теперь Дэн Сяо-пин.

ПОГРАДЕЦ, ПОНЕДЕЛЬНИК
1 АВГУСТА 1977 г.

ПАРТИЯ „МАТЬ“ И ЕЕ НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЕ „ДОЧЕРИ“

Отдел международных связей Центрального Комитета КП Китая в Пекине, который якобы поддерживает связи с заграницей и с международным коммунистическим движением, фактически стал центром, где вынашиваются планы раскола настоящих марксистско-ленинских партий и сколачивания новых партий или групп, которые проводят новую, китайскую ревизионистскую линию. Понятно, что последние являются не коммунистическими, не марксистско-ленинскими, а ревизионистскими, прокитайскими партиями. Этим отделом руководит некий Гэн Бяо, бывший посол в Швеции, в Албании и кто знает где еще. Это факт, что с этим отделом связаны все „посланники“ Синьхуа в различных странах мира, являющиеся агентами китайской разведки. Они якобы работают на Синьхуа, но фактически совершают много дел, собирают сведения обо всем — о государственных и экономических учреждениях, об общественных организациях, об организации армии и военных средствах, о политических партиях, о различных деятелях и вообще о жизни страны пребывания. Короче говоря, они выполняют шпионские задания.

Другой миссией отдела международных связей при Центральном Комитете Коммунистической партии Китая, как я уже отметил, является сколачивание прокитайских партий, называющих себя марксистско-ленинскими. Эти партии создаются с целью создать ложное впечатление, будто Коммунистическая партия Китая якобы пользуется широкой поддержкой мирового пролетариата. Эти „марксистско-ленинские“ партии появляются как грибы после дождя, конечно, при помощи ки-

тайских юаней, обращенных в доллары; они являются не чем иным, как группировками, называющими себя марксистско-ленинскими и получающими благословение китайского ревизионистского руководства.

Подобные группы или партии создаются каждый день в различных странах мира. В Италии, насколько мы знаем, имеются три прокитайские партии; во Франции — две, в Бельгии — одна, в Люксембурге — одна, в Греции не могу точно сказать, созданы две или три подобные партии; в Соединенных Штатах Америки создана одна, в Португалии — одна, а может и две, в Испании также создаются подобные маоистские группы. В Латинской Америки происходит то же самое.

В странах, где имеются настоящие марксистско-ленинские партии, Китай сколачивает так называемые марксистско-ленинские коммунистические партии в целях пропагандирования ревизионистских, антимарксистских, проимпериалистических положений Китая Мао Цзэдуна, в целях ведения пропаганды против марксизма-ленинизма, против нашей партии и всех других настоящих марксистско-ленинских партий.

Это жестокое китайское ревизионистское течение похоже на другое жестокое ревизионистское течение, на советское. Оба этих течения в сущности не отличаются друг от друга и составляют огромную, колоссальную силу против революции. Мы, марксисты-ленинцы, члены настоящих марксистско-ленинских коммунистических партий, должны отразить и изобличить это яростное антимарксистское течение, которое прибегает ко всем средствам с целью надувательства мирового пролетариата, с тем чтобы он не боролся, а заключил „классовый мир“ со своим ярым врагом — с угнетающим его крупным мировым капитализмом. Такими являются два социал-империалистических государства, советское и китайское, из которых первое уже сложилось как таковое, а второе переживает стадию становления, но не остановится на своем пути.

Мы должны учесть тот факт, что при этих условиях борьба с китайскими ревизионистами неминуема и не сегодня-завтра станет более открытой. Капитулянтской, капиталистической и социал-империалистической стратегии китайского ревизиониз-

ма мы должны противопоставить нашу, революционную, марксистско-ленинскую стратегию. Мы не должны питать никаких надежд на то, что китайские ревизионисты могут исправиться, мы должны занимать твердую позицию по отношению к ним.

Мы, конечно, должны сосредоточить силы для этой борьбы, выбрать наиболее подходящие моменты для открытия шквального огня, с тем чтобы он произвел нужный и необходимый эффект, ибо перед нами два могучих во всех отношениях, но слабых идеологически и политически государства. **Эти две экономически и военно великие, но политически и идеологически слабые державы нам нипочем, ибо наша марксистско-ленинская идеология является непогрешимой идеологией, поэтому мы изобличим и победим своих врагов.** Если мы сумеем, как и до сих пор, как следует, правильно вести нашу борьбу против врагов революции, пролетариата и социализма, то мы наверняка победим.

Очевидно, что нынешняя стратегия Китая является контрреволюционной стратегией, одинаковой и согласованной со стратегией американского империализма. Так что Албанская партия Труда и все другие марксистско-ленинские коммунистические партии этим двум одинаковым стратегиям должны противопоставить свою, революционную, марксистско-ленинскую стратегию. Методы и формы борьбы будут подсказаны нам временем и моментами. Мы должны подыскать и подыщем наиболее подходящие тактические приемы, сознавая, что эти тактические приемы, с течением времени и по мере обострения борьбы между нами и нашими врагами, утратят и ту осторожность, которой они характеризуются ныне. Эта осторожность в некоторых из наших тактических приемов является логической и нужной, ибо в своей борьбе мы преследуем две цели: **во-первых**, разоблачать американский империализм, советский социал-империализм, китайских современных ревизионистов и всех их сторонников, и, **во-вторых**, вести среди народов, пролетариата, коммунистов, в том числе и среди надежных коммунистов из вставших на путь предательства партий, как можно более действенную разъяснительную работу, с

тем чтобы они стали на революционный, марксистско-ленинский путь. Этого мы не должны упускать из виду.

Конечно, наши революционные мысли и взгляды не во всех этих странах будут восприняты так, как мы этого хотим, ибо в них, особенно в ревизионистских странах, будет установлена строгая и скверная фашистская цензура на наши идеи, однако всепобеждающие идеи марксизма-ленинизма нельзя заключать в четыре стены. Несмотря на строгую цензуру, они проникнут туда не только потому, что они отстаиваются нами, но и потому, что в этих странах имеются внутренние противоречия между пролетариатом в единстве со свободолюбивым народом, с одной стороны, и правящей ревизионистской, фашистской бандой, захватившей власть и старающейся восстановить капитализм и ликвидировать диктатуру пролетариата — с другой. Во всех этих странах имеются революционные, марксистско-ленинские силы и народы, которые понимают, что происходит, и которые оказывают пассивное сопротивление, однако это пассивное сопротивление обратится в активное, усилится, и наступят решающие моменты, когда пролетариат и народы восстанут. Народы выступят как против американского империализма, так и против мирового капитализма.

Поэтому наш долг, долг настоящих марксистско-ленинских коммунистических партий — координировать свои действия, особенно относительно генеральной линии нашей политики и идеологии; мы должны сделать все, чтобы в наших рядах не было места колебаниям. Каждая партия ленинского типа должна действовать в соответствии со своими внутренними условиями, но к этим условиям она должна подходить очень осмотрительно, подвергать их марксистско-ленинскому анализу и на основе этого реального и конкретного анализа определять правильную тактику, могущую вести ее от победы к победе.

Ни одна из марксистско-ленинских коммунистических партий не должна думать, что надо откуда-то получать директивы. Каждая партия должна учиться у директив Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Главным компасом для всех нас

является марксизм-ленинизм. Абсолютно необходимо, чтобы, опираясь на эту идеологию, предпринимать совместные действия, исключая зависимость одной партии от другой. Мы выступаем против положения о партии-матери и партии-дочери. Мы стоим за то, что партии должны быть равноправными, как тому нас учит Маркс; однако это равноправие предполагает, чтобы эти партии были вооружены ясной идеологией, которой они должны руководствоваться, а такой ясной идеологией может быть только марксизм-ленинизм. Поэтому надо глубоко овладеть марксизмом-ленинизмом, с тем чтобы можно было бороться против врагов, раскусить их проделки, ложь и попытки расколоть и сокрушить нас.

Большое значение имеет овладение марксизмом-ленинизмом, который никоим образом не исключает, а наоборот, предполагает тесное сотрудничество и обмен опытом между нами. Мы должны перенимать опыт братских партий, они также должны перенимать наш опыт. Это необходимое сотрудничество отнюдь не означает, что мы зависимы друг от друга. Мы руководствуемся платформой марксизма-ленинизма, мы тесно связаны с этой платформой и говорим об успехах друг друга, ибо они нас радуют. Нужно и совершенно необходимо говорить, а не молчать друг о друге под тем предлогом, что нас назовут зависимыми и скажут, что партия того-то зависима от партии того-то и т.п. Нет, это обвинение врагов, которые завидуют нашему сотрудничеству, никоим образом не должно мешать нам на пути сотрудничества и нашей совместной борьбы против главного врага. Мы состоим в союзе, но не в формальном и буржуазном союзе. Наш союз — это прочный, интернационалистический союз, у него одно единственное, выдающееся, непогрешимое руководство — марксизм-ленинизм, теория Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Эту теорию мы должны уметь проводить в жизнь, но чтобы проводить ее как следует, нужно как можно лучше усвоить ее. Сквозь призму этой теории надо намечать задачи на определенное время, на определенные моменты и по определенным проблемам.

Китай осуществляет на практике то, против чего в теории он якобы боролся. Китай держит на привязи и руководит

партиями, которые он сколачивает и которые появляются как грибы после дождя. Эти партии ожидают директив от Гэн Бяо с целью занять позицию, устраивающую китайских ревизионистов. Это в первую очередь потому, что они являются не партиями рабочего класса, а группами людей, оплачиваемых по оказываемым услугам. Эти люди, называющие себя „марксистами“, являются наемниками, а не коммунистами. Им предоставлены средства и фонды для издания какой-нибудь газеты. В этих газетах они публикуют некоторые вести из международной жизни, однако их целью является особенно поддержка китайских ревизионистских теорий.

Китайская ревизионистская партия на практике превращена в партию „мать“, а эти остальные партии являются ее незаконнорожденными „дочерьми“. Какова „мать“, таковы и „дочери“, поэтому и она, и они должны быть изобличены, должны быть разгромлены, ибо все они действуют заодно с капиталистической буржуазией каждой страны в отдельности и с международной буржуазией в целом, и сообща с ней вынашивают омерзительные планы против народов, против революции, причиняя, таким образом, огромный ущерб.

Наша партия поступает и будет поступать по примеру нашего великого учителя, Ленина, который никогда не колебался не только разить буржуазные партии любой масти в различных странах, но и бить ренегатов, тех, которые вначале стояли на марксистско-ленинских позициях, а затем встали на путь измены. Наша партия всегда учитывает пример и деятельность великого Ленина, который никогда не был оппортунистом, а всегда исходил из высоких интересов революции в мире.

ПОГРАДЕЦ, СРЕДА
3 АВГУСТА 1977 г.

ОТКЛИКИ НА НАШУ СТАТЬЮ „ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕВОЛЮЦИИ“

Прошел почти месяц со дня опубликования нашей статьи „Теория и практика революции“, и она продолжает вызывать очень большой отклик. Теперь она не только передается всеми телеграфными агентствами мира и комментируется различными кругами, но широко освещается и крупными газетами в мире, причем комментарии в нашу пользу. Китай молчит или, вернее, Е Цзянь-ин в произнесенной им речи по случаю годовщины китайской армии сказал лишь, что они будут поддерживать „третий мир“. ТАНЮГ сразу заявил, что это есть **„решительный ответ“ на нашу статью**. А почему? Потому что это были слова Е Цзянь-ина.

Так называемые марксистско-ленинские коммунистические партии, охвостье Китая, продолжают по-разному относиться к нашей статье от 7 июля. Органы печати некоторых из этих партий совершенно молчат о ней. Статью они, конечно, не опубликовали, но и комментариев к ней они не делают, а члены этих партий то здесь, то там говорят, прибегая к необоснованным аргументам, позаимствованным у китайцев. Таким образом они, вместо того чтобы защищаться, изобличают себя. Такова позиция части этих партий. Другая же часть открыто выступает в защиту положений китайцев; так, например, какая-то греческая маоистская партия, о которой я и раньше говорил, что она является ревизионистской, в своей пространной статье, комментируя указанную статью, прибегает к тем же необоснованным „аргументам“. Ее статья защищает Китай, защищает Хуа Го-фэна, защищает Дэн Сяо-пина и др. и косвен-

но атаковывает нашу статью. Так поступил, если я не ошибаюсь, и какой-то организованный китайцами американский „гриб“, который появился в последнее время. Подобную позицию занимали еще одна или две другие партии.

Бельгийская прокитайская партия и другие подобного рода партии послали Центральному Комитету Коммунистической партии Китая поздравительные телеграммы по случаю **„крупного шедевра“ — собрания пленума Центрального Комитета партии, на котором Хуа Го-фэн был объявлен председателем, Дэн Сяо-пин — заместителем председателя и т.д. В этих телеграммах они упоминают и высоко ценят внутреннюю и внешнюю политику Китая, как и „третий мир“**. Некоторые другие, очень колеблющиеся и оппортунистические партии сидят между двух стульев: молчат, не выступают ни против, ни за нашу статью, но в то же время пока что перестали занимать явно прокитайскую позицию.

На днях газета одной из таких партий поместила статью, подписанную ее главным редактором, который только что вернулся из Китая. Что говорится в этой статье? Турусы на колесах! Она отстаивает якобы положение о том, что, когда говорят о „третьем мире“, **не говорят, что этот мир руководит, а что он является движущей силой**. Однако мы задаем вопрос: Поскольку этот „третий мир“ является, мол, движущей силой, то как он выступает против империализма и за революцию? Стихийно что ли? Если рассуждать так, то это будет не по-марксистски. Если признавать, что этот так называемый третий мир не руководствуется некоторыми принципами, то эти люди не могут называть себя марксистами и подвергать ситуации правильному, марксистскому анализу, ведь в руководстве этих государств „третьего мира“ стоят буржуазные элементы, феодалы и капиталисты. Хотя и утверждают, что эти люди, управляющие этими государствами, выступают против империализма, фактически известно, что они не выступают против него, а это значит, что должна быть другая великая сила, которая бы руководила „третьим миром“, давала ему указания и двигала эту „великую силу“ вперед в борьбе против империализма, и если это так, то пусть открыто скажут,

что „этой великой силой является Китай“, ибо он вошел в „третий мир“. Значит, это Китай, как „крупное и могучее социалистическое“ государство, руководит этим „третьим миром“. Однако они не провозглашают этих тезисов и не могут подвергать их анализу, иначе они выдавали бы себя с головой. Даже если бы Китай стал руководить этими странами и вдохновлять их идеями революции, то его все равно никто бы не слушался в этом „третьем мире“. Поэтому подобные теоретизирования беспочвенны.

Другой „теорией“ является та, согласно которой **в настоящее время мы не должны развернуть полемику, ибо это вредило бы международному коммунистическому движению.** Аргумент ничего себе! Точно как при Хрущеве. Это **значит, что мы должны были прекратить полемику с советским ревизионизмом и современным ревизионизмом в целом, ибо, ведя полемику, мы раскалывали международное коммунистическое движение; значит нам надо было давать Хрущеву спокойно делать свое дело. По аналогии, ныне, когда мы являемся свидетелями подобного уклона китайцев, согласно этим китайским агентам, мы не должны сделать это делом мировой общественности, не должны открыто полемизировать.** Мы не полемизируем открыто, однако, понятно, что, сокрушая ревизионистские теории, мы изобличаем тех, которые распространяют их.

Имеются некоторые товарищи из других марксистско-ленинских партий, которые сами по себе положительны, но коечего не понимают. Так, например, ныне в Албании находится товарищ из одной марксистско-ленинской коммунистической партии, который выразил полное согласие с нашими взглядами, но сказал, что **имеются некоторые вещи, которые следует растолковать, потому что он не так хорошо понимает их.** Таким товарищам мы должны прежде всего разъяснить наши позиции относительно международных вопросов и нашу политическую и идеологическую линию касательно всех наболевших проблем. **Затем, если будет поставлен вопрос о том, почему наша партия не ставила их в известность, мы должны объяснить им корректность нашей партии и убедить их в том, что,**

когда было нужно, она ставила в известность братские партии, к которым она питает глубокое уважение.

Во-первых, мы не могли осведомлять братские партии о том, **что в 1956 году Мао Цзэдун открыто взял под защиту Хрущева, ибо об этом писала сама китайская печать после VIII съезда КП Китая, так что каждая марксистско-ленинская коммунистическая партия могла судить сама.**

Да и позже Коммунистическая партия Китая, Мао Цзэдун и Чжоу Энь-лай не были убеждены в том, что следовало продолжать полемику против хрущевского ревизионизма, тогда как мы в этом вопросе занимали противоположную им позицию и поступали как следует для его изобличения. Они стояли за переговоры с хрущевцами в целях примирения с ними, а мы твердили, что на переговоры мы не пойдем, и настаивали на том, что хрущевцы должны открыто признавать свои ошибки и взять обратно ложные обвинения, которые они публично возвели на нас. **Позднее китайцы поняли, что мы были правы, и увидев, что их тактика переговоров с хрущевцами потерпела неудачу, начали вместе с нами атаковывать хрущевцев (причем Мао Цзэдун в одной беседе с Косыгиным сказал, что настоящая полемика будет продолжаться десять тысяч лет).** Мы приложили усилия к тому, чтобы Китай открыто полемизировал с хрущевским ревизионизмом, но это было внутренним делом двух партий, так что мы не могли ввести все партии в курс этих усилий и дебатов.

Китайцы открыто заявили о необходимости пересмотреть границы с Советским Союзом. В связи с этим мы обратились к Коммунистической партии Китая с закрытым товарищеским письмом, в котором отмечали, что **поднятие подобного вопроса было нецелесообразным, ибо это ослабляло борьбу против советских ревизионистов и поощряло великорусский шовинизм**. Об этом мы также не могли поставить в известность остальные марксистско-ленинские партии.

Когда был низложен Хрущев, Чжоу Энь-лай хотел навязать нам свое мнение, т.е. хотел, чтобы мы поехали в Москву, предали забвенью все, что произошло, и вступили в переговоры с новыми советскими руководителями, ибо они якобы бы-

ли положительными. Мы сказали Чжоу Энь-лаю, что „и они не являются положительными, а являются врагами, являются хрущевцами и хуже Хрущева; поэтому в Москву мы не поедем“. Чжоу Энь-лай съездил в Москву сам. Там он ел и пил, переговорил, и, наконец, Малиновский сказал ему: „Чего вы оставляете еще у власти ту старую калошу?“. Под этим он подразумевал Мао Цзэдуна, а Чжоу Энь-лай проглотил это страшное оскорбление, причем продолжал оставаться в Москве как ни в чем не бывало. Во всяком случае, и этот визит потерпел провал. И тогда не было целесообразным, чтобы подобное мы сообщали всем братским марксистско-ленинским коммунистическим партиям.

Что касается американского империализма, то любой знает, что наша партия с самого начала своей жизни объявила ему борьбу и она будет продолжать ее вплоть до победы коммунизма. Относительно поездки Никсона в Китай при тех условиях, при которых она совершалась, наша партия направила Центральному Комитету Коммунистической партии Китая конфиденциальное письмо, в котором она осуждала этот акт. И об этом нашем шаге нам нельзя было сообщить всем братским партиям, но свое отношение к этому вопросу мы определили.

Вопрос о поездке Никсона в Пекин является общеизвестным событием, и все в то время должны были определить свое отношение к нему, как определила его наша партия. Поездка Никсона в Китай **еще больше усилила наши опасения насчет того, что Коммунистическая партия Китая скатывалась в болото оппортунизма, в болото сообщничества с американским империализмом.**

Много других, очевидных, вещей замечали мы у Коммунистической партии Китая и китайского государства, ибо мы поддерживали отношения с ними и всегда прилагали усилия к тому, чтобы любой вопрос, относительно которого у нас были противоречия, мы обсуждали с ними или в письменном виде, как мы об этом уже говорили, или в устном виде, посредством переговоров. **Китайцы не отвечали на наши мысли и предложения.**

Наконец мы выразили желание направить в Пекин партийно-правительственную делегацию на высоком уровне для обсуждения всех проблем, возникших в мире, а также и между обеими нашими партиями. Это желание мы выразили им четыре года тому назад, повторяли его четыре раза, но ни разу не получали от них положительного ответа. Нашу просьбу они откладывали. **Мы должны обратить внимание наших товарищей на то, что Мао Цзэдун в то время был еще жив, был в полном здоровье, и это желание мы выражали им в такое время, когда в Китае принимали королей и королев, принцев и принцесс, фашистов и буржуев-капиталистов, представителей американского сената, Никсонов и кого угодно. Только нас не принимали.** Относительно того, что мы выразили пожелание послать делегацию в Китай и объясниться с китайцами, мы также не могли поставить в известность все международное коммунистическое движение. Мы, как марксистско-ленинская партия, должны были устно объясниться между нами, между обеими сторонами, но китайцы не хотели двусторонних переговоров, хотя в теории они якобы стоят за такого рода переговоры.

Всем товарищам коммунистам известно, что, начиная с VI съезда нашей партии, китайцы отказывались присылать к нам свои делегации, мотивируя это тем, что они не принимают участия в съездах других братских партий. Этой практики они придерживались и относительно съездов всех массовых организаций.

Это свидетельствует о том, что Коммунистическая партия Китая не желает по-товарищески обсуждать с братскими партиями свои позиции и мысли, и особенно не желает обсуждать их с Албанской партией Труда; между тем, она принимает представителей некоторых других партий, которые, по ее глубокому убеждению, не будут оспаривать ее взглядов. Все это стало еще более очевидно в последнее время, когда китайцы поддерживали контакты не только с настоящими марксистско-ленинскими коммунистическими партиями мира, но и с любой другой группой, которая называла себя „марксистско-ленинской“, маоистской, невзирая на то, что она могла быть и фа-

шистской. С ними поддерживали связи китайцы. **Мы же занимали иную позицию. Братские партии видели, что мы поддерживали связи только с марксистско-ленинскими партиями.**

Теория „трех миров“, которую мы подвергли критике на VII съезде, не была чем-либо новым. Состряпав „новую“, проамериканскую „стратегию“, китайцы нуждались в том, чтобы принять на вооружение творение других, „три мира“. Эта теория создана не Мао Цзэдуном, на что претендуют китайцы, и не Дэн Сяо-пином в его выступлении в ООН в 1974 году, когда он в этот мир включил и Китай. Это старое выражение, измышленное американским империализмом, советским социал-империализмом и хрущевцами. **Против этого положения уже давно и во всеуслышание выступала наша партия, и это подтверждается ее опубликованными документами. И если кто-либо их не читал, то это не по нашей вине, но факт то, что мы выступали против теории „трех миров“.** Однако, видя и учитывая то, что Китай своими целями, неоднократными действиями, как и своей стратегией вставал на антимарксистский путь, мы на VII съезде нашей партии заняли более открытую позицию в отношении этих политических и идеологических взглядов, занимавших мир и коммунистов.

Теперь все это мы должны объяснить товарищам из братских марксистско-ленинских партий, которых надо убедить в том, что наша партия всегда занимала последовательную марксистско-ленинскую, искреннюю позицию, и это особенно в отношении всех марксистско-ленинских коммунистических партий. И в отношении Коммунистической партии Китая наша партия занимала марксистско-ленинскую позицию.

ДУРРЕС, ЧЕТВЕРГ
11 АВГУСТА 1977 г.

ПОЛИТИКА — ЭТО НЕ СКАЗКА

Распространяться я не буду о том большом эффекте, который произвела в мире и в политических кругах различных стран статья „Теория и практика революции“. Мировая общественность высказывается в пользу правильных, реалистичных идей, изложенных в настоящей статье. Всем уже известно, что эта статья направлена против китайской теории „трех миров“ и против китайского курса на союз с Соединенными Штатами Америки и другими развитыми капиталистическими странами мира.

Ныне Китай мобилизует всех своих приспешников, субсидируемые им псевдомарксистские партии, публикующие мудренные, замысловатые статьи в защиту китайских положений, которые нельзя защищать. Китайцы дошли до того, что в целях найти поддержку своим антимарксистским позициям, пустили в ход какого-то лакея, некоего Хилла из Австралии, человека двурушника (или, лучше сказать, многорушника, ибо мы не знаем, кому еще он служит...), который выдавал себя за друга нашей партии. В одной статье, которую мы прочитали вчера, **господин Хилл называет Мао Цзэдуна „наивысочайшей вершиной истории“! И статья Хилла явилась верхом его низости.**

Что касается рассуждений, направленных на „аргументирование“ правильности китайских положений, то можно сказать, что они никуда не годятся, как никуда не годятся и некоторые статьи газеты „Жэньминь жибао“, о которых я писал раньше.

Однако вопрос о различных враждебных тактических приемах, практикуемых ныне китайцами, заключается не только в этом. Враги и предатели Бекир Балуку, Абдюль Кэлэзи с компанией, которые были наказаны правосудием, показали, что Чжоу Энь-лай высказывал им целесообразность того, чтобы „Албания связалась дружбой и союзом с Югославией и Румынией“. Эта попытка Чжоу Энь-лая провалилась. Теперь мы располагаем сведениями, которым, учитывая враждебное отношение китайского руководства к нам, можно верить, и согласно которым, китайцы, хотя для вида и говорят, что будут сохранять дружбу и экономические связи с Албанией, некоторым послам капиталистических и ревизионистских стран говорят, что при нынешних условиях трудно будет помогать Албании. Они муссируют слухи о том, что Албания „пытается“ развиваться самостоятельно.

Капиталистический мир, для которого социалистическая Албания является бельмом на глазу, ибо она отражает натиски всех врагов, в том числе и нового врага — китайского ревизионизма, и без китайцев стал распускать слухи о том, что экономические отношения (не говоря уже о политических и идеологических отношениях) между Албанией и Китаем почти порваны и держатся на волоске, что Албания изолированная страна и, по их мнению, ей нельзя жить без посторонней поддержки.

Ныне все проявляют интерес к этой проблеме. Видите ли, им жаль Албанию! Им жаль ездока, у которого свисают ноги! Дальние дают „советы“, ближние делают разные попытки и оказывают разного рода давление. Югославы держат сторону Китая, превозносят его политику и достижения. То же самое делает и Китай — он пропагандирует достижения Югославии и помещает в газете „Жэньминь жибао“ даже вести о том, что Югославия производит овощи! Все это готовит почву к торжественной встрече Тито в Китае. Нам хочется, чтобы они торжественно встречали Тито, ибо тогда мир увидит, что китайцы лобзаются с ревизионистами и с агентом империализма, с Тито.

Югославам известна наша позиция, поэтому они не решаются выступать перед нами с неприемлемыми предложениями и шантажировать, а говорят, что следует укреплять отношения между двумя нашими странами.

Трезво мыслящие греческие круги хотят развивать дружбу, развивать торговые и культурные связи с нами. На деле эти связи мы развиваем не потому, что китайцы не помогают нам по-прежнему, а потому, что этого требуют наши общие интересы.

С Италией мы также ведем торговый обмен, однако мы не упускаем из виду, что в Италии имеются люди и круги, которые при новой обстановке питают старые иллюзии. Так, замдиректор одной из главных итальянских газет в беседе с сотрудником нашего посольства в Риме, с целью угодить ему, сказал, что Албания это страна, проводящая самостоятельную политику, и другие подобного рода слова. Затем он говорил ему, что Албания осталась одна, поэтому ей нужна помощь. Этот итальянский „красавчик" в ходе беседы дал понять, что Италия предрасположена помогать Албании, которая должна учесть, что, будучи одна, она может быть и подвергнута нападению со стороны советских или коалиции государств, в результате чего будут поставлены под угрозу Адриатика и Средиземноморье, являющиеся предметом озабоченности как НАТО, так и Варшавского договора. Этот фашист думает, что „изолированная" Албания может пригласить советских „захватить" Влёру и другие ее порты, поэтому он счел целесообразным, после некоторого угодничества, угрожать Албании, с тем чтобы она напугалась и связалась с Западом. Он открыто сказал, что Албании выгоднее связаться с Западом. Работник нашего посольства, конечно, дал ему заслуженный отпор.

В Италии, как и в некоторых других западных странах, имеются такие журналисты, которые в присутствии работников нашего посольства превозносят отвагу Албании, ее смелость и т.д. и т.п.; однако, имеются и люди из реакционных партий, которые говорят, что Албании теперь нельзя оставаться изолированной, что она должна активизировать свою политику с Западом. Некоторые из журналистов, кто из добрых

побуждений, а кто злонамеренно, хотят приезжать в Албанию изучать столь интересную ситуацию и писать о ней. „Дайте мне визу, я напишу такую статью, которая явится атомной бомбой в пользу Албании“, — сказал итальянский журналист-провокатор, который беседовал с работником нашего посольства в Риме.

Наше Министерство иностранных дел должно внимательно анализировать поступающие из посольств сообщения с целью изучать тактические приемы, применяемые врагом и реакцией против нас в нынешний момент. Посольства не должны держаться за „старую песню“, т.е. за устаревшие указания, согласно которым на вопросы людей о наших отношениях с Китаем они должны отвечать, что неправда, что они ухудшены, наоборот, наши отношения с Китаем хорошие. Это уже пройденная ситуация, теперь возникла другая проблема, которая должна быть решена нами. Мы должны ликвидировать „шар“, который пускает западная реакция и который китайцы готовы раздуть.

Китайцы пытались и всячески пытаются скомпрометировать Албанию, совратить ее, чтобы затем ее неправильный шаг обратился в неправильную линию. Но социалистическая Албания, руководимая своей Партией Труда, не делаег ни одного неправильного шага. Она будет твердо стоять на марксистско-ленинском пути, поэтому надо бороться в первую очередь не только за упрочение единства народа и партии, но и за разоблачение на фактах и аргументах любых вылазок и любых происков врага. В этом деле требуется бдительность, поэтому зорко надо следить за эволюцией мирового общественного мнения о Китае, об Албании и о соображениях, высказываемых относительно международной политики в целом.

Теперь Албания стала государством, голос которого слышен в мире благодаря его правильным мыслям и его корректным действиям. Наши действия всегда должны быть осмотрительными и правильными. Нынешнюю ситуацию мы должны использовать для того, чтобы собрать вокруг себя и вокруг марксистов-ленинцев мира многочисленных друзей; но в то же время мы должны уметь разоблачать вра-

гов революции и Народной Социалистической Республики Албании. Мы должны еще в зародыше удушить все их измышления и выходки. Поэтому у наших людей голова должна быть на плечах.

Политика это не сказка, поэтому мы никоим образом не должны позволять себе впадать в эйфорию и поддаваться на похвалы, которые расточат в наш адрес реакция и империализм и даже социал-империализм, ибо и последний, в своих интересах, начал делать это. Нам следует иметь в виду это, ибо это дело имеет свою положительную сторону — ставится в известность мировая общественность, однако у врага другие намерения, которые он обнаруживает лишь после надлежащей подготовки к их проведению в жизнь. Подготовившись, враг прилагает другие усилия к тому, чтобы ослабить нас; поэтому наша партия должна продолжать проводить динамичную, а не вялую, закостенелую политику.

ДУРРЕС, ПОНЕДЕЛЬНИК
15 АВГУСТА 1977 г.

ДОКУМЕНТ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩИЙ О НАШЕЙ ТВЕРДОЙ ПОЗИЦИИ

Сегодня агентство АФП пустило первую стрелу, первую искру о моей беседе с Чжоу Энь-лаем, проведенной в марте 1965 года и опубликованной вчера в газете „Зери и популлыт". Она была с полторы страницы, но содержала главные вопросы. Вышеупомянутое агентство подчеркивало, что Албанская партия Труда твердо стоит и решительно отстаивает марксизм-ленинизм, что она и албанское государство живут и будут жить в дружбе с Китаем и с его партией только на марксистско-ленинском пути.

Дальше это агентство подчеркивало: „Энвер Ходжа говорит, что главными врагами мира, народов и коммунизма являются: американский империализм, советский социал-империализм, титизм и все реакционеры в мире, против которых надо вести беспощадную борьбу".

АФП подчеркивало также, что я предложил Чжоу Энь-лаю выработать совместную стратегию борьбы и что мы вполне согласны по этому вопросу.

Оно упоминает и мое высказывание Чжоу Энь-лаю в связи с состоявшимися переговорами, а именно, что „обмен мнениями, как это мы поступаем, очень хорошее дело", что „китайские руководители ведут переговоры и обмениваются мнениями с коммунистическими партиями Азии, и это очень хорошее дело, но нам не предоставлялась возможность делать то же самое".

Будет или не будет буржуазная пресса извещать о моей беседе с Чжоу Энь-лаем, это ее дело, поживем и увидим, но

нам выгодно, чтобы эта беседа была предана огласке, ибо так мировая общественность будет ознакомлена с независимой политической и идеологической позицией Албанской партии Труда, поймет, в то же время, кто отошел от прочных позиций, мы или китайцы. Моя беседа с Чжоу Энь-лаем хорошо подчеркивает это, имея в виду нынешние ситуации. В ней говорится, что обе наши партии согласны построить совместную стратегию борьбы.

Однако для нас особо важно ознакомление с этой беседой подлинных марксистско-ленинских коммунистических партий, так как они еще яснее, в последовательности увидят правильную, марксистско-ленинскую линию нашей партии.

С другой стороны, так называемые марксистско-ленинские партии и все маоистские, троцкистские и анархистские группировки, которые как грибы появляются ныне на различных континентах мира, будут расколоты и ликвидированы, а многие заблудившиеся люди в этих партиях и группировках присоединятся к подлинным марксистско-ленинским коммунистическим партиям своих стран. Это очень важно для нашей партии и для пролетарского государства социалистической Албании.

Беседа с Чжоу Энь-лаем проясняет мысли подлинным революционерам так же, как проясняли их и наш VII съезд и статья „Зери и популлыт“ от 7 июля, как проясняло их и раньше все то, что говорила наша партия, ибо со дня своего основания она придерживалась, придерживается и будет придерживаться и в будущем одной и той же правильной, твердой, марксистско-ленинской точки зрения как по международным вопросам, так и по внутренним вопросам нашей страны.

ДУРРЕС, ПОНЕДЕЛЬНИК
15 АВГУСТА 1977 г.

СТАТЬИ, СОДЕРЖАЩИЕ ТРИВИАЛЬНЫЕ „ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЯ“

Читаю четыре-пять китайских материалов, которые, вместе взятые, составляют единую статью под заголовком „Деление мира натрое председателем Мао является марксистско-ленинским определением“. Эта серия якобы предназначена для воинских подразделений, но на деле это единственная якобы теоретическая статья, опубликованная „великой“ Коммунистической партией Китая в связи с теорией „трех миров“ и отвечающая на статью газеты „Зери и популлыт“ „Теория и практика революции“. Она курам на смех, ибо в этом изложении или анализе, если ее можно так называть, нет никаких идеологических доводов, кроме общих политических соображений.

Согласно этой статье, после второй мировой войны, еще в 1947 году, когда Китай еще не был освобожден и не был провозглашен республикой, председатель Мао разделил мир сначала надвое: в одну сторону он поставил Соединенные Штаты Америки, как сильнейший империализм, а в другую — Англию и Францию (о Германии он и не упоминает, ибо она была империалистическим государством, вышедшим из войны обескровленным). Позднее он добавил еще промежуточный мир, в который включал Советский Союз и остальные социалистические страны, составлявшие социалистический лагерь. Вот так разделял мир этот „великий кормчий“ за весь период безуспешных попыток добиться одобрения Хрущевым своих целей. Позднее, поскольку Хрущев изменил делу марк-

сизма-ленинизма, Мао переделил мир: социал-империалистический Советский Союз он поставил в один ряд с Соединенными Штатами Америки и назвал их „первым миром“; во „второй мир“ он включил восстановленные развитые капиталистические страны, а в „третий мир“ — весь промежуточный мир вместе с Китаем. Несомненно, мысленно он включил и Албанию в этот „третий мир“, но, так как на это он не имел права, он говорил вообще.

Вот и все, что говорил этот „великий мыслитель“ об этом вопросе, не дав никаких теоретических объяснений того, почему он разделил мир именно так. Он также не подверг никакому анализу четыре главных противоречия эпохи, определенных Лениным (не говоря уже о том, что они были определены и Сталиным, так как Сталина он осудил и совсем не считал его руководителем мирового пролетариата). Этого он не сделал потому, что это не было в интересах китайских ревизионистов, не отвечало их целям. В этом состоит „объяснение“, которое Коммунистическая партия Китая дает этой „умной“, „гениальной“ теории „великого кормчего“!! **Таким образом, Мао оставил „третий мир“ висячим в воздухе. Он был приемным отцом этого „мира“, этого незаконнорожденного существа, брошенного на улице.**

После этих „объяснений“ в статье следуют тривиальные политические „теоретизирования“, согласно которым Соединенные Штаты Америки являются нисходящей сверхдержавой, а советский социал-империализм — восходящей; первая является, мол, менее агрессивной, вторая — более агрессивной, и против них надо бороться. Однако, по их мнению, чтобы бороться с ними, „третьему миру“ надо вступить в союз со „вторым миром“, но последний имеет и свои подразделения, в него входят те государства, которые продолжают беспощадно угнетать народы, и те, которые уже не делают этого; „второй мир“ и „третий мир“ должны объединиться с первой частью „первого мира“, то есть с американцами, чтобы сообща бороться против советского социал-империализма.

Дальше следуют похвалы. В статье перечисляется ряд

марксистско-ленинских партий мира (это „марксистско-ленинские коммунистические партии“ — придатки Коммунистической партии Китая), которые, когда была опубликована статья газеты „Зери и популлыт“ „Теория и практика революции“ и даже раньше, когда был опубликован доклад, зачитанный на VII съезде нашей партии, в котором излагались наши взгляды о делении на „три мира“, начали публиковать статьи, в которых превозносилась до небес „гениальность“ Мао, разделившего мир на три части. По мнению Мао, „третий мир“ является главной движущей силой в мире в борьбе против империализма, значит, он выступает за революцию и за социализм! Итак, эти „теоретики“ стремятся некоторыми мыльными пузырьками свести на нет всю марксистско-ленинскую теорию, стремятся выбросить вон, как „устарелые догмы“, идеи Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

В этом материале, с целью убедить солдат, по порядку воспроизводятся слова Хилла, похвалы Жюрке, дифирамбы какого-то американца, вновь создавшего „марксистско-ленинскую“ группу, чепуха греческого троцкиста, основавшего новую „марксистско-ленинскую“ группу, белиберда некоторых мелких троцкистских групп в мире. И они думают, что этим „аргументируют“ это пресловутое „марксистско-ленинское“ положение „великого теоретика“, Мао Цзэдуна.

Конечно, эта статья публикуется не только для того, чтобы убедить рядовых солдат, как об этом заявляют; она предназначена для всей Коммунистической партии Китая. Эта статья предназначена также и для тех придатков, тех ревизионистских и троцкистских партий, которые называют себя марксистско-ленинскими.

Весь этот материал необоснован, он и смех и грех; он не только ничуть не задевает нашу безупречную марксистско-ленинскую статью, похожую на гранитную крепость, но, наоборот, еще выше поднимает престиж нашей партии, еще выше поднимает марксистско-ленинскую мысль нашей партии, которая подвергает поистине здоровому анализу международные ситуации, социальное положение, борьбу, революцию и ее

движущие силы, все средства, применяемые для достижения этих целей.

Нам ясно, что Коммунистическая партия Китая, поскольку она стоит на антимарксистском пути, ничего другого не может делать, кроме как совершать подобные глупости, еще глубже погружающие ее в ревизионистское болото.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
21 АВГУСТА 1977 г.

ГЛАВНЫЕ ИДЕИ XI СЪЕЗДА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ

Вчера Синьхуа сообщило о завершении работы XI съезда Коммунистической партии Китая. Съезд продолжал свою работу шесть-семь дней, что является рекордно коротким сроком, так как обычно съезды Коммунистической партии Китая и ее всякого рода совещания длятся целыми неделями и даже и месяцами. Этот съезд длился недолго, вел свою работу в порядке и дисциплинированно. Естественно, как они хотят давать понять, „на этот раз“ делегаты были избраны группой Хуа Го-фэна и Дэн Сяо-пина, „самым демократичным“ путем. Короче говоря, делегаты были назначены сверху, они прошли через „прекрасное“, „демократическое“ сито, и дискуссии шли, как говорят французы, *tambour battant*.* Клика Хуа Го-фэна, как отмечалось в коммюнике, была встречена бурными аплодисментами; в президиум были избраны: Хуа Го-фэн, Е Цзянь-ин, Дэн Сяо-пин и некоторые другие лица, чьи имена не упоминались.

Темы, обсуждавшиеся на съезде — приблизительно те, которые я предвидел в некоторых моих прежних записках, но коммюнике Синьхуа, состоявшее из страниц 17, (у нас полного его текста еще нет) сообщало, что на съезде были зачитаны два доклада: политический доклад, с которым выступил Хуа Го-фэн, и доклад о новой конституции, с которым выступил Е Цзянь-ин; с заключительным словом выступил Дэн Сяо-пин,

---

* Французское выражение. Здесь: наспех.

который Мао Цзэдуном был назван „Хрущевым номер два“ Китая. Позднее ревизионист Дэн был реабилитирован и получил выдвижение, потом вновь Мао Цзэдуном был объявлен ревизионистом, так что после смерти Чжоу Энь-лая снова был свергнут и оставлен в тени. Однако после государственного переворота, произведенного Хуа Го-фэном с компанией, Дэн Сяо-пин опять пришел к власти как один из „самых прославленных коммунистов“ Коммунистической партии Китая.

Что содержит в себе политическая речь Хуа Го-фэна? Касаясь внешней политики, он заявил, что Китай ни на йоту не отойдет от своих позиций, что китайцы выступают, мол, против обеих сверхдержав, стремящихся к войне, но особенно против Советского Союза, являющегося более жестоким врагом. Итак, перспектива — ориентация Китая на Соединенные Штаты Америки.

Он пускается в большую демагогию о поддержке „третьего мира“ Китаем. Этот вопрос он трактует в самом заключении, однако он еще выше объясняет его, заявляя, что Китай будет помогать всем народам, стремящимся к своему освобождению и т.д. и т.п. и всем тем, кем руководит пролетариат. Вот такое объяснение дает „третьему миру“ Китай Хуа Го-фэна, а дальше он подчеркивает, что защищает „прославленную“ теорию Мао Цзэдуна.

Случайно я прочитал в одной французской энциклопедии, что Рузвельт употреблял термин „третий мир“ еще в 1945 году, заявляя, что Соединенные Штаты Америки должны оказывать помощь странам этого мира. Китайцы же, со своей стороны, утверждают, будто эту теорию выдвинул Мао Цзэдун в 1974 году. Впрочем это не так уж важно. Важно то, что китайцы ничего не объясняют в связи с этим, да и нечего им объяснять, так как линия Коммунистической партии Китая и ее съезда не является марксистско-ленинской. А ведь только сквозь призму марксизма-ленинизма можно все правильно объяснять.

Другим остро встающим вопросом является борьба с „четверкой“. В своем докладе на этом съезде Хуа Го-фэн ставит точку на Великой культурной революции. Он открыто за-

является, что Культурная революция закончилась. Эта революция, по его словам, знаменует собой великое событие в истории Коммунистической партии Китая. Но почему этот человек так определяет Культурную революцию, которая проходила под руководством Мао Цзэдуна, раз она кончилась ничем? Это для того, чтобы показать, что только Мао Цзэдун не ошибался в этой Культурной революции, а все другие апостолы „Христа“-Мао были ликвидированы. Участники „четверки“, которые сыграли важную роль в Культурной революции, арестованы; говорят, что племянник Мао убит, десятки тысяч других посажены в тюрьмы, и ныне стоят у власти только те, которых Культурная революция заклеймила как предателей, за исключением Чжоу Энь-лая, который умер. Итак, эти предатели, которые сообща с некоторыми другими подняли столь большую шумиху о Культурной революции, поставили точку на ней, произвели путч, прибрали власть к своим рукам и ныне проводят XI съезд, который ликвидирует эту Культурную революцию.

Ныне новая шайка, выступившая на сцене в Китае, конечно, не задевает непосредственно Мао, но на деле, своими действиями она дискредитировала его. Члены этой шайки выдают себя за что ни на есть сливки Культурной революции, представляют дело так, будто это они сопротивлялись несправедливостям и террору „четверки“, и сегодня, прибравши власть к своим рукам, ведут, мол, ожесточенную борьбу против отрицательной стороны Культурной революции. Дэн Сяо-пин, который был ревизионистом, близким другом Лю Шао-ци и Пэн Чжэня, ныне пришел к власти и покончил с этой революцией. И тем не менее Хуа Го-фэн, демагогии ради, заявил, что классовая борьба продолжается. Она, несомненно, продолжается, ибо в Китае неспокойно, там есть марксисты-ленинцы, которых не провести подобной демагогией. Поэтому Хуа Го-фэн не раз, а три-четыре раза, судя по тому, что я читал в этом коммюнике, требовал вновь установить повсеместно внутренний порядок и дисциплину.

Конечно, Хуа Го-фэн говорил и об экономическом развитии Китая. Он сказал, что особое значение будет придаваться

научно-технической революции, просвещению, культуре, и, в первую очередь, укреплению обороны. Он подчеркнул, что для достижения этого нужно следовать указаниям председателя Мао, которые были представлены на X съезде „почтенным премьером“ Чжоу Энь-лаем, с тем чтобы к началу 21 века Китай стал „могучей социалистической державой“. Вот так говорит Хуа Го-фэн в своем политическом докладе.

А Е Цзянь-ин, представитель армии, приведший к власти клику Хуа Го-фэна, Дэн Сяо-пина, свою клику, а также клику Чжоу Энь-лая, восхвалил Хуа Го-фэна. Он даже буквально заявил, что „под флагом Мао Цзэдуна Китай идет ныне стезями блестящих побед, что Хуа Го-фэн — это тот, кто будет руководить нами вплоть до начала 21 века“ и т.д.

О чем говорит подобное заявление? Оно говорит о лживости прежнего утверждения Е Цзянь-ина о том, что Хуа Го-фэн пришел к руководству партии по всем правилам, как и было предвидено. Значит, утверждение о том, что Хуа Го-фэн будет стоять во главе партии еще 30-40 лет, означает, что в Коммунистической партии Китая не будет демократических выборов, что Хуа Го-фэн назначен Е Цзянь-ином и армией и что пребывание его у власти — дело, зависящее от них. Даже и Тито, решив остаться на всю жизнь президентом республики, не сделал этого произвольно, а узаконил это „право“ одобренным Скупщиной законом, соблюдая принятые законы, хотя он не сомневался в том, что будет избран. А между тем Е Цзянь-ин ни слова не сказал ни об избрании представительными органами, ни о чем-либо другом. Итак, этот горе-Хуа Го-фэн будет продолжать верховодить Коммунистической партией Китая вплоть до начала 21 века. Конечно, такие китайские руководители как Мао, Е Цзянь-ин или Хуа Го-фэн, живут долго, подобно кардиналам Ватикана, которые умирают к 90-летнему возрасту, ибо на их долю мало хлопот выпадает, они и в ус себе не дуют. „Теория“ Мао, изложенная в одном письме*, утверждает, что каждые 7 лет будет одна революция и одна контр-

---

* См. в настоящем томе, стр. 47.

революция, тогда как Е Цзянь-ин своей речью свел на нет эту теорию, заявив съезду, что других революций не будет. Следовательно, во главе будет стоять Хуа Го-фэн.

Однако ход событий в Китае не зависит ни от желаний Е Цзянь-ина, ни от желаний кого бы то ни было другого. Наоборот, в Китае путчи будут следовать один за другим, и это Мао Цзэдун неплохо предвидел. Возможно, он ошибся в периодизации путчей, но он предвидел их, исходя из своих оппортунистических, эклектических взглядов, исходя из того, что в Коммунистической партии Китая существовали и существуют две или много линий. Все зависит от того, кто окажется сильнее, ибо тот произведет путч и захватит власть.

Таковы, в общих чертах идеи XI съезда Коммунистической партии Китая, которые *in extenso** прочтем в зачитанных на съезде докладах, и которые китайцы, наверное, опубликуют. А между тем в Китае устраиваются митинги, народ выходит на улицы, устраиваются фейерверки, люди скандируют о боге Хуа Го-фэне, встречающем американского секретаря Государственного департамента Венса, а через 10-12 дней и югославского архиревизиониста Тито, который благословит эту омерзительную линию Коммунистической партии Китая.

Но самое главное на съезде было его закрытие, которое походило на апофеоз. В истории древнего Рима и Византии говорится, что, идя на войну против Максентиуса, император Константин заметил на небе крест, на котором было написано: *in hoc signo vinces* („этим знаком ты победишь“) и этот знак он начертал на своем флаге, или, как его называют историки, *labarum.* **И у Хуа Го-фэна на съезде волосы были причесаны на манер Мао Цзэдуна; те волосы, густые и черные, которые у него стояли ежиком, он отпустил и искусно подстриг и причесал их, и придал голове форму головы Мао Цзэдуна, а лоб он обнажил, точно Мао. Значит, и для него мы можем сказать:** *in hoc signo vinces.* **Такой стрижкой волос Хуа Го-фэн принял вид Мао Цзэдуна и этим знаком он „победит“.**

---

* Латинское выражение — целиком, полностью.

ПОНЕДЕЛЬНИК
22 АВГУСТА 1977 г.

В КИТАЕ ПРАВЯТ ВОЕННЫЕ

Вчера вечером Синьхуа передало коммюнике о собрании Центрального Комитета Коммунистической партии Китая, который избрал Хуа Го-фэна председателем партии, а Е Цзянь-ина, Дэн Сяо-пина, Ли Сянь-няня и еще кого-то другого (чье имя я не помню, но знаю, что он был начальником охраны Мао) — заместителями председателя. Согласно коммюнике, избраны также Политбюро в составе 23 членов и 3 кандидатов, а также Постоянный Комитет Политбюро. Если я не ошибаюсь, в состав Бюро входят 10 кадровых военных, ныне командующих войсками. Если сюда отнести и Хуа Го-фэна, Дэн Сяо-пина и бывшего начальника охраны Мао, то число военных еще больше возрастет. Подавляющее большинство в Политбюро, Постоянном Комитете Политбюро и в Центральном Комитете партии составляют военные. Следовательно, ныне Китаем правят военные. В Политбюро включили и „знаменитого“ Гэн Бяо, который заведует Отделом международных связей при Центральном Комитете и руководит идеологической борьбой против нашей партии.

Конечно, по случаю завершения работы XI съезда Коммунистической партии Китая мне надо будет направить Хуа Го-фэну поздравительную телеграмму в связи с его избранием на пост председателя партии. Так принято, так мы поступили и по завершении работы X съезда, когда на этот пост был переизбран Мао Цзэдун. Так будем поступать и в связи с XI съездом, ибо и они по случаю VII съезда нашей партии прислали нам приветственное послание, которое мы опубликовали в печати. В силу того, что они не поставили нас в известность

о созыве съезда, я думаю, что в тексте телеграммы надо отметить им: „Мы узнали о том, что состоялся съезд“ и „желаем укрепления нашей дружбы на марксистско-ленинском пути“ и т.д. и т.п. Впрочем, посмотрим, как надо сформулировать текст телеграммы, которую мы сдадим в печать сегодня или завтра.

СУББОТА
27 АВГУСТА 1977 г.

ТАЙВАНЬ ПРЕДАЕТСЯ ЗАБВЕНИЮ

Сайрус Венс, секретарь государственного департамента Соединенных Штатов Америки, закончил свой визит в Китай. Я прочитал все сообщения иностранных телеграфных агентств об этом визите. Они, конечно, не говорили об обсуждавшихся вопросах, ибо не знают о них, а передавали, что Венс устроил там пресс-конференцию, что он остался очень доволен сердечным приемом, и что они в духе взаимопонимания обсуждали важные вопросы, о которых он доложит Картеру. Венс заявил, что он радушно был принят как Хуа Го-фэном, так и Дэн Сяопином, что между Китаем и Соединенными Штатами Америки есть много точек соприкосновения, и много других хороших слов. Хуа Го-фэн попросил Венса передать привет Картеру от него, и, конечно, обсуждал с ним, также как и Дэн Сяопин, многие вопросы.

Иными словами, обе стороны, американцы и китайцы, считают плодотворной поездку Венса, „которая, — как подчеркивает АФП, — даст удовлетворительные результаты на пути, по которому пойдет Китай“.

На этот раз тайваньский вопрос был полностью обойден молчанием за исключением того, что было сказано Хуа Го-фэном на XI съезде. Однако этот их там-там нам давно известен. Нам известно также, как они попрали этот вопрос в дипломатических отношениях, которые они устанавливают со всеми странами мира. Значит, тайваньский вопрос не мешает им в своих тесных дружеских торговых, культурных, а может быть и военных, связях с Соединенными Штатами Америки. Не удивительно, что между ними могут быть заключены и тай-

ные соглашения, о тайваньском вопросе и подавно, но также и о других вопросах.

При таких обстоятельствах и при тех взглядах, которых придерживается Китай, он заинтересован в том, чтобы относительно Тайваня сохранилось нынешнее статус-кво, чтобы американские войска оставались там, оставались в Японии и везде, где они есть, ибо они нужны Китаю. Что Китай состоит в союзе с Соединенными Штатами Америки, это не подлежит никакому сомнению. Наши тезисы были и остаются правильными, их правильность подтверждена жизнью. Китай опирается на один жестокий империализм, чтобы вести борьбу с другим империализмом. Он поступает так не чтобы служить делу революции, а чтобы и самому стать сверхдержавой, другой социал-империалистической державой. К этому направлены все усилия Китая, этому способствует и китайско-американское соглашение, которое было заключено и которое еще дальше укрепится.

ВТОРНИК
30 АВГУСТА 1977 г.

БОЛЬШИЕ ПОЧЕСТИ, ОКАЗАННЫЕ ТИТО — ВЕРХ ПОДЛОСТИ

Из Пекина поступило первое сообщение о том, что Тито прибыл туда на специальном самолете. На аэропорт вышли встречать его Хуа Го-фэн, Дэн Сяо-пин, Ли Сянь-нянь и многие другие „выдающиеся" китайские руководители, а также тысячи и тысячи жителей Пекина, которые пели и били в гонги. На протяжении 30 километров от аэропорта до города дорога кишела народом, скандировавшим в честь „героя" Тито, а на площади Тяньаньминь собралось сто тысяч одетых в национальные костюмы танцоров, которые держали в руках всякого рода цветы, транспаранты и прочее.

Итальянское радио в утреннем обзоре новостей передавало, что до сих пор в Пекине ни одному главе государства не устроена подобная встреча. Но мы узнаем, что и в Корее, помимо столь помпезной и торжественной встречи на улицах Пхеньяна и на большой площади, где Тито был встречен возгласами и неописуемым энтузиазмом, Ким Ир Сен, после прогулок с ним по озерам, после многих обедов и ужинов, которые он давал в дворцах и во время прогулок на яхтах, вручил Тито и „Орден Героя Корейской Народно-Демократической Республики", подарил ему юбилейную скульптуру „Борец против империализма", объявил его почетным гражданином Пхеньяна, подарил ему также и серебряный нож, тот нож, который, по их обычаю, символизирует „защитника счастья и безопасности"!

Вот такими псевдомарксистами являются те, которые с

такой помпой встречают этого ренегата марксизма-ленинизма и пресмыкаются перед ним. Никогда буржуазные руководители не унижали себя подобно этим ревизионистам. Все издеваются над ними, ибо они утратили всякое достоинство.

ВТОРНИК
30 АВГУСТА 1977 г.

ТИТО „ЗДОРОВАЕТСЯ“ С МАО В МАВЗОЛЕЕ

Вчера я видел передачи итальянского и югославского телевидении в связи с визитом Тито в Пекин. Италия не придавала этому визиту никакого значения. Она показала на экране несколько фигур и только, а Югославия была очень заинтересована в этом визите и передала о нем больше. Я заметил большую неразбериху на аэропорту. Нельзя было видеть Тито с Хуа Го-фэном. Они мелькнули раз или два, а потом видны были только цветы в руках народа и учащихся, собравшихся на аэропорту. Бросалась в глаза большая суматоха, народ, полицейские, корреспонденты Синьхуа, которые сновали, толкались и не давали видеть главных персонажей. Чуть показались Тито и Хуа Го-фэн, который шел за ним. Чувствовалось, что китайцы были сильно раздраженными. Видимо, они боялись, как бы чего не случилось с Тито, поэтому они заполнили аэропорт агентами, одетыми в штатское. И когда автомашина была уже на Тяньаньмыни, в глаза бросалось отсутствие порядка и дисциплины. Совсем иначе выглядела встреча, оказанная ему в Корее, где никто не трогался с тротуаров и площадей. Там люди плясали, танцевали, махали цветами, и всякое движение делалось в порядке.

Да и ужин, который дали китайцы в честь Тито, походил на частный ужин, а в действительности он был торжественным, его давали в большом зале Народного Собрания; на нем произнесли речи Хуа Го-фэн и Тито. Хуа Го-фэн говорил о теплой дружбе с народами Югославии, о подвигах югославского народа в борьбе за общие цели и т.д., но он не упомянул о строительстве социализма в Югославии. В противовес

Тито, который сказал, что войну можно предотвратить, он сказал, что война неизбежна. Хуа Го-фэн говорил также и о большой роли Тито в руководстве „миром неприсоединившихся стран“ и не преминул отметить, что Тито является выдающимся руководителем этого „мира“. А Тито, не упомянув по имени „третий мир“, которому Хуа Го-фэн остается верным, назвал его искусственным делением и произнес длинную тираду в защиту „неприсоединившихся стран“, которые, как он подчеркнул, „являются единственной силой, способной выстоять перед империализмом и потребовать от последнего, чтобы он не вмешивался, а помогал“ и т.д. и т.п. Очевидно, что дружба теплая. Хуа Го-фэн сказал, что в 1975 году Мао Цзэдун очень хорошо отозвался о Тито, отметив, что он отличается стальной волей. Сегодня утром Тито возложил венок в мавзолее Мао Цзэдуна. Тито, этот современный ревизионист, первым из всех руководителей, посещавших Пекин, возложил венок в этом мавзолее.

Из произнесенной им речи явствует, что Хуа Го-фэн сидит между двух стульев, он стоит и за „третий мир“ и за „неприсоединившиеся страны“; значит, он высказывается в пользу обоих. Сидя между двух стульев, он преследует определенную цель. Хуа надеется, что после смерти Тито Китаю удастся привязать к своей колеснице и псевдомир „неприсоединившихся стран“ Тито, объединить их и выступать единственным руководителем обоих этих так называемых миров, которые в действительности одно и то же.

Как я где-то писал и раньше, в нынешнее время псевдотеория Тито о „неприсоединившихся“ выгодна как американскому империализму, так и советским, ибо она оказывает услугу неоколониализму. Тито, отстаивающий подобную теорию, не исключает противоречий, существующих между государствами, в том числе и противоречий между „неприсоединившимися“ странами, с одной стороны, и империализмом и другими капиталистическими державами — с другой. Но этого Тито не утверждает, потому что он не желает выступить в защиту столь очевидного и столь важного положения марксизма-ленинизма, перед которым не выстоять никакой силе в

мире. Однако своим термином „неприсоединившиеся страны“ Тито имеет превосходство над Мао Цзэдуном, разделившим мир натрое, ибо „третий мир“ Мао Цзэдуна, как я подчеркивал на VII съезде партии, как подчеркивается в статье „Теория и практика революции“ и во всех моих печатных выступлениях, перечеркивает основные противоречия, существующие между социализмом и капитализмом, между пролетариатом и буржуазией, то есть между трудом и капиталом, противоречия между этими независимыми государствами и империалистическими державами и противоречия между самими капиталистическими странами, одним словом, все четыре основных противоречия нынешней эпохи. Итак, „мир“ Мао Цзэдуна и Хуа Го-фэна стоит ниже титовского „мира неприсоединившихся“ в этом отношении.

Тито называет свою „теорию“ универсальной теорией, вокруг которой должны собраться все эти „неприсоединившиеся“ страны со своими противоречиями, со своими всякого рода различными правительствами, с различными системами, чтобы справиться с наболевшими политическими проблемами и создать новое экономическое положение в мире. Иными словами, нужно жить в мире, при мирном сосуществовании и, по мнению Тито, произвести более рациональную дележку мировых богатств.

Разделяя мир натрое, Мао Цзэдун и Хуа Го-фэн преследуют свои цели. Они перечеркивают противоречия и проповедуют союзы между этими „тремя мирами“, с тем чтобы бороться против советского социал-империализма, который, по их мнению, является единственной агрессивной сверхдержавой. Китайцы заявляли, что Советский Союз еще не разоблачен как ревизионистское, империалистическое или социал-империалистическое государство. Поэтому, выдавая себя, посредством этой теории, за подлинных марксистов-ленинцев, китайцы хотят, чтобы, борясь против социал-империализма, как главной опасности, продолжать его идеологическое разоблачение при помощи своей антимарксистской китайской идеологии с целью стать знаменосцами, главными марксистско-ленинскими руководителями, якобы победившими одну сверх-

державу, Советский Союз, и, собрав все силы, где бы они ни находились, пойти на другую сверхдержаву, на американский империализм! Когда же? К греческим календам. Таким образом, мирным путем, китайцы „урегулируют“ положение в мире без войн, без классов, без эксплуатации человека человеком! Все это, на самом деле, просто басня, которой кое-какие люди верят, но которая с каждым истекающим днем все более будет обнаруживать свою лживость. Я говорю лживость, а не утопия, как выражается ревизионист Каррильо о своих „социалистических“ взглядах, который утверждает, что, если бы об этих взглядах узнал Маркс в свое время, то он назвал бы их утопическими.

ВТОРНИК
30 АВГУСТА 1977 г.

И КИТАЙЦЫ ПОСТАРАЮТСЯ СОХРАНИТЬ МАСКУ, ОКРАШЕННУЮ ПОД „МАРКСИСТСКИЙ“ ЦВЕТ

Китай своей теорией „третьего мира“, Тито своей теорией „неприсоединившегося мира“ и Каррильо с компанией своим „Еврокоммунизмом“ упорно стремятся якобы к пересмотру положения в мире; они пытаются создать другой ревизионистский идеологический блок, отдельный от советского современного ревизионизма. Что касается марксизма-ленинизма, то он им совершенно не нужен, он полностью игнорируется как новым ревизионистским блоком, так и старым, советским блоком.

Советский блок со всеми своими сателлитами, современными ревизионистами-участниками Варшавского договора, прикрывается марксистско-ленинскими лозунгами. Тито также прикрывается марксистско-ленинскими лозунгами, хотя, как известно, он отнюдь не является марксистом, а является псевдомарксистом, однотипным со псевдомарксистами „еврокоммунизма“. Он относится к одному и тому же разряду ренегатов, что и ренегаты Итальянской „коммунистической“ партии, Французской „коммунистической“ партии, „Коммунистической“ партии Испании, „Коммунистической“ партии Великобритании и всех тех партий, которые своими ревизионистскими теориями и действиями фактически борются против идей марксизма-ленинизма. Они хотят единства в плюрализме, то есть быть вольными строить „социализм“ каждый по-своему. К ним относится и Коммунистическая партия Китая, которая с идеологической точки зрения очень похожа на титизм и на партии „еврокоммунизма“.

Выдавая себя за марксистско-ленинскую партию, Коммунистическая партия Китая стремится сколотить новую группировку под своим управлением, так же как и советский современный ревизионизм сколотил и старается сохранить свою группировку. Иными словами она лицемерно изображает дело так, будто строит социализм в разнообразных условиях и прикрывается термином „марксизм-ленинизм“, но в основе ее теории и деятельности не лежит марксизм-ленинизм, наоборот, она настроена против марксизма-ленинизма. Коммунистическая партия Китая прикидывается, будто выступает за независимость каждой лжемарксистской партии и согласна, чтобы каждая из них вела свою деятельность по своему усмотрению, невзирая на „старые догмы“ марксизма-ленинизма, как Каррильо называет положения марксизма-ленинизма. В действительности же Коммунистическая партия Китая мечтает о том, чтобы не сегодня-завтра, когда она станет великой державой, ей самой руководить этой группировкой. Она рассчитывает на то, что ее лжемарксистская теория будет преобладать благодаря разносторонним союзам с другими ревизионистскими партиями, как и с новыми партиями-придатками, которые она создает повсюду в мире.

Тито также старается создать свою гегемонию. Ведь Союз коммунистов Югославии своими способами и манерами всегда стремился воздействовать на все международное коммунистическое движение. Это входило в его планы. В данном случае под „коммунистическое“ нужно подразумевать антикоммунистическое, ибо то, чего желает Тито, не является коммунистическим движением.

Весь этот застой, весь этот разброд создается с целью продлить жизнь капиталу и бороться против идей Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Иначе говоря, разными способами ревизионисты добиваются того, чтобы коммунистические партии, мировой пролетариат и пролетариат каждой отдельной страны отказались от идей марксизма-ленинизма, отказались от подлинной науки о революции, диктатуре пролетариата и классовой борьбе, которые ведут к социализму. Они также стараются выработать некоторые лжемарксистские,

лжесоциалистические, лжедемократические взгляды, якобы соответствующие периоду, который переживает ныне человечество. Для всех этих антимарксистов явления настоящего периода совершенно не похожи на явления того периода, когда жили и писали Маркс, Энгельс и Ленин, все они утверждают, будто предвидения Маркса, Энгельса и Ленина и открытые ими закономерности развития революции и общества не подтверждаются нынешним развитием человеческого общества. В этом и заключается в общем суть антимарксистской теории. Таким образом, основываясь на этой лжемарксистской теории, можно строить сто различных теорий, причем такие, чтобы каждая из них ставила себе целью борьбу против пролетарской революции, прикидываясь, в то же время, пролетарской идеологией.

К этому направлены все эти антимарксистские группировки, называющие себя коммунистическими, начиная от титизма, хрущевского ревизионизма, „еврокоммунизма" и вплоть до китайского ревизионизма. И „коммунизму" Азии можно найти наименование, которое было бы под стать „еврокоммунизму". Однако китайцы не довольствуются только наименованием, подходящим для азиатского „коммунизма". Они претендуют на роль руководителей мирового марксизма-ленинизма, но эта маска уже сорвана и, несомненно, будет еще больше сорвана с них, хотя они, подобно советским, будут прилагать усилия к тому, чтобы возможно дольше прикрываться маской, окрашенной под „марксистский" цвет.

ЧЕТВЕРГ
1 СЕНТЯБРЯ 1977 г.

В КАПИТАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА КИТАЙСКИЕ РУКОВОДИТЕЛИ ВЫСТУПАЮТ ОТЪЯВЛЕННЫМИ РЕВИЗИОНИСТАМИ

Китайская точка зрения, выступающая в поддержку Европейского общего рынка и „Объединенной Европы“, является более чем ревизионистской, ибо Европейский общий рынок является не чем иным, как одним из видов вывоза публичных капиталов (уже не частных) в рамках неоколониализма, а характерной чертой этой организации являются разного рода империалистические интеграции. Согласно китайской теории, государственно-монополистический капитал представляет собой превращение в пределах высшей стадии империализма, дающее возможность государству до какой-то степени осуществлять свой контроль над частными капиталистическими монополиями или частными трестами и концернами. Такую теорию китайцы основывают на том, что капиталистическое государство финансирует частное производство, предоставляя ему субсидии и займы по заниженным процентам, а также финансируя потребительские предприятия или предприятия бытового обслуживания, как, например, паразитарные расходы на содержание армии и полиции, социальные расходы, как, например, расходы на социальное обеспечение, на жилищное строительство и т.д. и т.п. **Значит, поскольку капиталистическое государство занимается каким-то публичным планированием, ревизионисты полагают, что, поддерживая эту теорию государственно-монополистического капитала, проникая в аппараты капиталистического государства, они могут воздействовать на капиталистическую экономику и преобладать**

в ней без войн, без насилия, посредством парламентских реформ.

Известно, что ревизионистская теория о государственно-монополистическом капитале никоим образом не является продолжением теории марксизма-ленинизма; наоборот, она представляет собой отклонение от марксистско-ленинской теории. Ленин лишь мимоходом коснулся этого вопроса в 1917 году, в период Великой Октябрьской социалистической революции, а Сталин совершенно не упоминает его. Ревизионистская теория о государственно-монополистическом капитале получила развитие особенно после второй мировой войны.

Ревизионистам никогда не удавалось осуществить свою теорию о государственно-монополистическом капитале. Они лишь подытоживают находящиеся в распоряжении государства в определенной стадии экономического развития новые средства вмешательства, которые составляют экономическое оружие нового типа капитализма, и говорят, что это оружие может дать революционным и демократическим силам возможность вновь направить этот рынок государственно-монополистического капитала против монополий, поставив как раз под свой контроль государство. Но это одна только мечта.

Итак, китайцы, подобно всем другим ревизионистам, особенно западным, которые во всеуслышание поддерживают точку зрения, согласно которой „Объединенная Европа“ должна представлять собой несокрушимое единое целое и что Европейский общий рынок надо укрепить, не дают глубокого объяснения этого вопроса, ибо у них отсутствуют доводы и теоретические возможности, поэтому они не берутся за его теоретическое объяснение. Свою цель они объясняют только тем, что подобное сплочение в „Объединенную Европу“ и укрепление Европейского общего рынка помогают устоять перед неминуемым нападением со стороны американского империализма и советского социал-империализма. **Этим они призывают пролетариев забыть о противоречиях, существующих между ними и капиталом; призывают их не мешать капиталистическому государству содействовать монополиям и частным интересам капитала, не противиться, не делать революционных**

теоретических и практических выводов из постоянных и тяжелых кризисов, которые переживает монополистический капитал; советуют им не принимать мер к борьбе с безработицей, голодом и социальным гнетом, которому их подвергают мировой монополистический капитал и местный капитал в тесном союзе друг с другом.

Следовательно, китайцы выступают отъявленными ревизионистами в связи с этим капитальным вопросом нашей марксистско-ленинской теории и практики революции.

Китайцам хорошо известно, что классики марксизма-ленинизма, на основе материалистической методологии, разделяют капитализм на две фазы (или стадии): на домонополистический капитализм и на монополистический капитализм или империализм. Вторую фазу, империализм, они определяли как высшую и последнюю стадию, после которой, путем пролетарской революции, неминуемо следует социализм. Вот почему Ленин назвал империализм кануном пролетарской революции.

Ренегаты марксизма-ленинизма всегда старались отделить государственно-монополистический капитализм от империализма, считая его отдельной фазой с совершенно новыми чертами, выдавая его даже и за „государственный социализм". Китайские ревизионисты также признают ревизионистское положение о том, что государственно-монополистический капитализм является отдельной фазой; более того, они объявляют ее такой фазой, через которую обязательно должна пройти каждая страна, прежде чем перейти в социализм. Иными словами, они, так же, как и другие современные ревизионисты, хотят продлить жизнь капитализму и сказать пролетариату и народам, что надо подождать, покуда не наступит эта необходимая фаза, а, когда она наступит, путь к социализму будет проходить уже не через пролетарскую революцию; этот переход должен осуществиться мирными, парламентскими способами, путем сделок с другими партиями; значит, они проповедуют плюрализм, вопреки Ленину, который говорил, что только путем революции и „...в революции государственно-монополистический капитализм — непосредственно переходит в социализм".

Китайцы не заявляют об этом прямо, однако их положение о единстве и союзе „третьего мира“ со „вторым миром“, перечеркивающее разногласия с некогда сильными капиталистическими и империалистическими странами, их положение о союзе этих двух миров с американским империализмом против советского социал-империализма говорит лишь о том, что китайские ревизионистские руководители вступили на путь троцкизма.

Устанавливая связи с мировой капиталистической экономикой, Китай фактически оказывает поддержку неоколониализму и способствует развитию мирового финансового монополистического капитала. Китай является одной из тех стран, которые поддерживают вывоз иностранных капиталов и извлекают из их вывоза выгоды для себя.

Поэтому китайский вопрос не так уж простой. Китайцы, обуреваемые великодержавной мегаломанией, думают, что они могут привязать других к себе, могут ввести их в заблуждение своей демагогией, однако маска, которую они надели на себя, сшита белыми нитками.

Ленинизм учит, что для победы социализма и установления социалистического общества надо свергнуть капитализм. Поэтому совершенно необходимо, чтобы трудящиеся массы данной страны, руководимые пролетариатом во главе с его марксистско-ленинской коммунистической партией, вели непрерывную борьбу и в процессе этой борьбы вырабатывали классовую сознательность и создавали твердое убеждение в том, что только борьбой можно покончить с капитализмом и заменить капиталистическое общество социалистическим. В борьбе с капитализмом рождается и растет также и классовое сознание.

Как теория „трех миров“, так и титовская теория „неприсоединившихся стран“ являются порождением абсурдной теории взятия власти пролетариатом парламентским путем. Говорить о взятии власти подобным путем (который в нынешних условиях невозможен), значит искусственно отделить политическую борьбу от экономической борьбы и направить эту борьбу в русло ряда законов, организаций и устройств, давно

состряпанных буржуазией. Так что, парламентаризм не поднимает пролетариат на революцию, а содействует капитализму, помогает ему спокойно продолжать свой путь. Иными словами, подобные теории помогают развиваться нормально и спокойно идти вперед и буржуазному строю, который уже давно установлен в Югославии, а теперь устанавливается в Китае. Согласно этим двум теориям, в странах так называемого третьего мира или мира неприсоединившихся стран забастовки рабочих должны носить только экономический характер, или иногда только политический характер, при условии, однако, чтобы они соответствовали парламентскому пути. Это значит, что забастовки должны быть разрозненными, ограниченными, т.е. проводиться в пределах одной, двух или трех фабрик, что они не должны быть общенациональными забастовками боевого, революционного характера. Это значит также, что этими забастовками рабочего класса должны руководить профсоюзные движения, управляемые, конечно, социалистическими, социал-демократическими и др. партиями, которые пустословят о мирном развитии капитализма и полагают, что посредством этих забастовок можно добиться некоторых реформ, или обеспечения некоторых средств для воспитания рабочего класса в духе того, что он якобы может взять власть в свои руки и построить социализм мирным, парламентским путем.

В настоящее время мы видим, что противоречия капиталистической системы усиливают боевитость пролетариата, который, движимый боевым духом, вступает в подлинно революционную борьбу. Всеобщая, неудержимая забастовка, подобное сильное противодействие со стороны рабочего класса и других трудящихся масс по основным политическим и экономическим вопросам расшатывает прогнившее буржуазное государство. Развертываемая таким образом борьба пролетариата способствует сознательному включению в революцию масс, которые следуют за ним и которые хотят изменить образ жизни и общество. Когда класс и его марксистско-ленинская партия стоят в авангарде этой борьбы, они ведут ее к цели — к разрушению капиталистического государства и замене его диктатурой пролетариата. Подобные забастовки и столкнове-

ния служат большой школой для пролетариата, для эксплуатируемых и угнетенных классов. **В случае, когда подобная революционная ситуация длится несколько месяцев, это для масс равносильно многолетней школе.**

Вот почему современные ревизионисты, особенно титовские, испанские, французские, итальянские и китайские больше не говорят о революции и диктатуре пролетариата, не говорят о гегемонии рабочего класса, а разглагольствуют о нормальном и мирном проведении даже и забастовок экономического или же политического характера в пределах нормального развития буржуазного общества. В этом отношении особенно выделяются титовцы и китайцы. Их слова о том, что они против обеих сверхдержав, являются просто маскирующей их формулой; в противном случае, они были бы разоблачены окончательно. **Однако на деле обе стороны, но особенно китайцы, своей теорией „трех миров“ не только не выступают за революционное движение, за всеобщее забастовочное движение политического и экономического характера против господствующих капиталистических сил, но и призывают пролетариат этих стран и угнетенные массы вступить в союз со всеми, то есть слиться воедино со своими буржуазно-капиталистическими руководителями.**

Китайцы твердят, что Советский Союз, который стремится к экспансии, нападет на Европу. Об этом мы говорили и раньше, он может пойти и на такой шаг, но дело в том, что сами китайцы опасаются, как бы советские не напали на Китай, так что во избежание такого нападения на свою страну и с целью подбить Советский Союз пойти на Европу и тем самым таскать для китайцев каштаны из огня, они выдвинули положение о том, что советские грозят Европе. Но я думаю, что, если Советский Союз объявит войну, он начнет с Китая, ибо, будучи великой социал-империалистической державой, он нападает на ту сторону, где думает что „фронт“ более уязвим и более выгоден, и еще и потому, что он учитывает, что Китай представляет собой угрозу для границ Советского Союза. Ведь Китай требует изменения этих границ, поэтому, во избежание китайского нападения, вполне возможно, чтобы со-

ветские первыми напали на Китай. Итак, если ставить вопрос о том, на кого Советский Союз нападет сначала, на Китай или на Европу, то надо полагать, что он может нападать сначала на Китай. (Конечно, если Советский Союз до этого сам не будет подвергнут нападению со стороны Европы, со стороны какого-либо государства, вроде Германии, или вернее, со стороны коалиции государств, одним словом, со стороны НАТО с Соединенными Штатами Америки во главе.)

Но дело в том, что Китай, чтобы скрыть свою боязнь и в то же время осуществить свои мечты, еще больше обостряет противоречия в других странах мира, особенно в Африке, плетя интриги с целью натравить американцев и советских друг на друга. Втроем они хотят согреваться на африканском солнце, поэтому они и обостряют противоречия между собой, ищут союзников среди буржуазно-капиталистических лидеров африканских стран и мешают народам и пролетариату этих стран делать революцию. В этом-то и состоит ярый антимарксизм китайцев.

ПЯТНИЦА
2 СЕНТЯБРЯ 1977 г.

ХУА ГО-ФЭН И ТИТО ФАЛЬСИФИЦИРУЮТ ИСТОРИЮ

Я читаю сообщения иностранных телеграфных агентств, в которых говорится, что переговоры между Тито и Хуа Го-фэном ведутся в очень теплой и сердечной обстановке. Теперь уже открыто сообщают, что „Хуа Го-фэн, председатель Коммунистической партии Китая, продолжает переговоры с Тито, председателем Союза коммунистов Югославии“, чего до сих пор они не говорили. Это значит, помимо всего прочего, что переговоры привели и к партийным отношениям. Это нам совершенно ясно.

Югославское телеграфное агентство ТАНЮГ сообщает в общих чертах о вопросах, по которым велись переговоры с китайцами. Китайцы одобряют почти все, что говорит Тито. А что они там говорят? Ни слова против американского империализма, ни слова против советского социал-империализма, ни слова против других империалистов развитых капиталистических стран, то есть, ничего против этих трех крупных группировок, до мозга костей эксплуатирующих народы. Они только признают, что Африка переживает кризис, что между различными государствами этого континента имеются разногласия, но они не указывают конкретно на виновников этих распрей, этих разногласий и горячих войн, не указывают на то, что они договорились о том, чтобы эти государства разрешали разногласия между собой мирным путем. С другой стороны, они утверждают, что Средний Восток также переживает кризис, который должен быть разрешен установлением мира, при котором были бы предоставлены права палестинцам. И вот только и всего относительно международной политики. Если

бы было что-либо другое, то ТАНЮГ, несомненно, отметил бы его.

Итак, весь вопрос был сведен к двум кризисам, и положение, таким образом, якобы является „блестящим“, согласно ТАНЮГу, который подчеркивает, что „неприсоединившиеся страны“ (совсем не упоминая страны „третьего мира“) будут играть огромную роль в этом деле.

Складывается впечатление, что агентство Синьхуа не говорит против американского империализма и советского социал-империализма, чтобы не задеть чувства Тито, друга китайцев. А это что значит? Это говорит о полном единстве китайских руководителей с этим „замечательным“ другом, которому они оказывают величественный прием. Дело не только в том, чтобы угодить другу, нет, это есть отражение проамериканской китайской линии, которая до сих пор, на словах, является антисоветской, а завтра может смягчиться и также стать просоветской, вследствие чего Китай может занять позиции, одинаковые с нынешними позициями Тито в мире и в международном коммунистическом движении. В международном коммунистическом движении Тито представляет ревизионизм и выступает заклятым врагом этого движения. Такую позицию занял и Китай, который выказал единство с Тито. Поэтому одно дело международное коммунистическое движение, другое дело титовский, китайский, советский и т.д. современный ревизионизм. Это две противоположные стороны баррикады, находящиеся в жестокой и непримиримой борьбе между собой.

Оба они, Тито и Хуа Го-фэн, эти фальсификаторы истории, фальсификаторы международного положения, друзья империализма и социал-империализма, сочувствующие мировому капитализму и содействующие ему, нисколько не касаются острых непримиримых и постоянных противоречий, существующих между самими империалистами, между империалистами и угнетенными народами, между угнетенными народами и угнетающими их режимами, как и между империалистами и другими развитыми странами. Короче говоря, для этих

двух однотипных лидеров, ведущих переговоры в Пекине, нет антагонистических противоречий в мире.

Китай давно не говорит ни о крупных забастовках пролетариата, ни о глубоком кризисе, охватившем мировой капитализм. И это имеет свою причину. Если бы он говорил обо всем этом, то этим он задевал бы империализм, режимы развитых капиталистических стран и режимы так называемого третьего мира, с которыми Китай вошел в сделку. Ему не хочется задевать руководителей этого „третьего мира“, несмотря на то, что многие из них находятся в вопиющей вражде с угнетаемыми ими своими народами, в вопиющей вражде с пролетариатом, то есть несмотря на то, что в этих странах существует непримиримое противоречие между пролетариатом и буржуазией. Вообще китайцы не говорят об этом потому, что государство они считают стержнем, вокруг которого должны сплотиться ревизионистские партии, революционеры, демократы и пролетариат, которые эту власть капитализма, не подлежащую, по мнению китайцев, изменению, должны путем голосования обратить против капиталистических монополий, против трестов и концернов. Значит, они должны перейти в социализм путем реформ, через это капиталистическое государство, в аппараты которого они должны проникнуть и которое они должны поддерживать. Такой идеологией Китай не может вдохновлять и поощрять пролетариат на превращение в великую силу против капитала тех крупных забастовок, которые он проводит против своих извечных угнетателей.

Как это может быть, чтобы Китай, Югославия и советские ревизионисты выступали против королей и эмиров Аравии и других стран Среднего Востока, где сосредоточено наибольшее количество нефти? Тито и Хуа Го-фэн коснулись вопроса о нефтяном кризисе, но не объясняли его как следует, ибо они не отстаивают подлинные интересы пролетариата. Этот нефтяной кризис, конечно, свидетельствует об ослаблении империализма и социал-империализма и усилении капитализма в странах, где правят реакционные режимы, располагающие и эксплуатирующие огромные нефтяные ресурсы. Часть прибы-

лей ст повышения цен на нефть пошла в казну королей-феодалов Ирана, Саудовской Аравии и эмиров Персидского Залива. К чему это привело? Это привело к острому кризису как в Соединенных Штатах Америки, так и в Европе, то есть к обострению противоречия между империалистами, социал-империалистами и другими капиталистами развитых стран; это привело также к обострению противоречий между пролетариатом и трудящимися массами этих стран, с одной стороны, и капиталистической буржуазией и капиталистическим государством — с другой. Оказавшись в таком положении, капиталистическое государство вынуждено было увеличить налоги, усилить безработицу и инфляцию. Это вызвало валютный кризис, так что государство, воплощающее в себе государственно-монополистический капитализм, вступило в борьбу против интересов пролетариата и трудящегося народа. Иначе и не могло быть, поскольку оно является капиталистическим государством, против которого надо бороться всеми силами и которое надо свергнуть насильственно, а не думать, что им можно завладеть путем проведения „реформ в базисе или надстройке“, как утверждают ревизионисты. По мнению этих последних, нынешние капиталистические государства до того стали, мол, стержнем обобществления производительных сил, что уже превращены в составную часть общественного производства!

ВОСКРЕСЕНЬЕ
4 СЕНТЯБРЯ 1977 г.

И ХУА ГО-ФЭН НА КОЛЕНЯХ ПЕРЕД ТИТО

В Пекине закончились политические переговоры между Тито, Хуа Го-фэном, Дэн Сяо-пином и другими китайскими руководителями. Отъявленный предатель марксизма-ленинизма, в сопровождении Ли Сянь-няня, специальным самолетом вылетел в Ганчжоу, где сотни тысяч людей встречали его цветами и гонгами.

В итоге переговоров выявилось почти полное единство мнения и действия между китайцами и югославскими ревизионистами. Этот факт подчеркивают почти все телеграфные агентства и особенно агентство ТАНЮГ, которое подробно говорит о всех успехах, достигнутых в ходе переговоров. Если по какому-либо вопросу и не было достигнуто полной договоренности, то это „в силу различных условий обеих стран". Французское телеграфное агентство называет эту встречу „исторической" и „положительной". Итак, судя по тому, что слышим и читаем, достигнута полная договоренность в области государственных отношений, экономических отношений, политических отношений и культурных связей. Установлены также партийные связи, и это видно из того, что в последних коммюнике, передаваемых Синьхуа, на первое место ставят партийную функцию Тито: „председатель Союза коммунистов Югославии и президент Социалистической Федеративной Республики Югославии". Это означает, что **хуа го-фэны признали Тито коммунистом и выступают заодно с Союзом коммунистов Югославии. Был подтвержден тезис нашей партии о том, что в настоящее время Китай является страной,**

имеющей во главе ревизионистскую партию, у руководства которой стоят ренегаты марксизма-ленинизма.

Странное дело! Мы узнали, что Тито критиковал Хуа Го-фэна за то, что обсуждаемые между ними вопросы сразу же оглашаются, а это не серьезно! Хуа Го-фэн ответил ему, что по некоторым вопросам им нужно было советоваться с партией. Позже мы узнали, что произошло. Тито поставил вопрос о признании Союза коммунистов Югославии Коммунистической партией Китая, ибо, как он выразился, непризнание его было бы абсурдом. И лицемерные китайские руководители были согласны с этим, но, чтобы не взять ответственности на себя, они прибегли к избитой игре. Они приказали за ночь собрать партийные организации Пекина и на них было поставлено югославское требование. После того как был поставлен вопрос: „Что вы думаете?“, начались дискуссии. Китайские предатели не впервые разыгрывают подобную комедию. Такого рода комедии они организовали и в связи с реабилитацией Дэн Сяо-пина. Дэн был уже реабилитирован ими, но они говорили, будто сначала провели собрания здесь и там и, таким образом, они представили дело так, будто это массы, партия и армия упорно требовали реабилитации Дэн Сяо-пина.

Китайские руководители очень отвратительные, очень лицемерные люди, они отъявленные ревизионисты. То, что мы говорили 14 лет назад о Хрущеве в статье „Итоги визита Хрущева в Югославию“, или в статье „Хрущев на коленях перед Тито“, точь-в-точь подтвердилось и относительно Китая. Хуа Го-фэн встал на колени перед Тито и все, что было написано в статье 14 лет назад *tale quale** подтвердилось и в отношении Пекина, вплоть до отсутствия коммюнике. Они не выпустили коммюнике, так как у них были причины не выпускать его. И тем не менее корреспонденты ТАНЮГа, с большой ловкостью и ясностью подчеркивали по одному результаты, достигнутые в каждой области, начиная с экономики

---

* Итальянское выражение: точь-в-точь.

и вплоть до политики, начиная с „неприсоединившегося мира“, который приняли на вооружение и китайцы, и вплоть до признания Союза коммунистов Югославии и Тито, как его председателя. **Китай, конечно, признал еще раньше Союз коммунистов Югославии, но теперь он официально признал, что „в Югославии строится социализм“.**

Мы хотели доказать все эти ревизионистские уклоны китайцев, но они сами доказали их своими переговорами с Тито. Все марксисты-ленинцы в мире, все прогрессивные люди увидят, что Китай изменил свою политическую и идеологическую линию, увидят, что он встал в один ряд с антимарксистами, с агентами американского империализма, и проводит проамериканскую политику, т.е. он опирается на Соединенные Штаты Америки, чтобы бороться с Советским Союзом и чтобы поджечь мировую войну. Не имеют значения словесные разногласия или расхождения, которые якобы имели место между Тито и Хуа Го-фэном, так как Тито, мол, придерживается мнения, что войну можно предотвратить, тогда как Хуа Го-фэн своим „авторитетом“ и „своим большим умом“ заявил, что война неминуема. Эти заявления дали возможность прессе найти какое-то „противоречие“ между этими двумя ревизионистскими государствами, с тем чтобы чуточку поднять авторитет Китая, скатывающегося в болото ревизионистской измены.

Во время всех этих переговоров не говорилось ни об американском империализме, ни о советском социал-империализме, а были обсуждены только вопросы, связанные с Африкой, где происходят волнения, которые должны быть разрешены самими африканскими народами; был затронут вопрос о Среднем Востоке, и было отмечено, что палестинскому народу должны быть предоставлены свои права, и больше ничего. Одним словом, переливание из пустого в порожнее. Вот это были главные вопросы.

Китай принял также отстаиваемое Тито, Чаушеску и другими положение о „новом мировом экономическом порядке“.

Значит, как для нас, так и для западных телеграфных агентств, хотя мы и смотрим на это дело сквозь разные углы

зрения, этот визит был положительным. Для нас он был положительным потому, что этим визитом разоблачаются Хуа Го-фэн и Тито; для них он был положительным потому, что Китай объединился с титовской Югославией и с Соединенными Штатами Америки. Наши противоречия с этими странами углубляются. Наши пути противоположны, мы находимся в борьбе с ними. И они, конечно, находятся в борьбе с нами. Мы будем продолжать решительную и непрерывную борьбу против обеих сверхдержав, как и против возрастающей третьей сверхдержавы, т.е. против псевдосоциалистического Китая.

ВТОРНИК
6 СЕНТЯБРЯ 1977 г.

ТИТО ЗАВИНЧИВАЕТ ГАЙКИ КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКОГО МОСТА

Тито продолжает свою триумфальную поездку по Китаю. В Ганчжоу и особенно в Шанхае он с помпой был встречен сотнями тысяч людей, вплоть до акробатов, которые выступали с номерами на улицах, по которым проезжал он.

Хуа Го-фэн, подобно Хрущеву, полностью согласился с линией Тито, с его политической, идеологической и организационной линией. Об организационной линии они не говорили открыто, но в действительности договорились. Таким образом, Хуа Го-фэн доказал, что он со своей группой и Дэн Сяо-пин полностью отклонились от марксизма-ленинизма, стоят на ревизионистском пути, состоят в союзе с американским империализмом и стараются сколотить, под своим ревизионистским руководством, все партии-диссиденты по отношению к советской ревизионистской партии.

Итак, ревизионистская Коммунистическая партия Китая, в союзе с Тито, установит связи со всеми ревизионистскими партиями мира, помимо связей в Европе и на других континентах с охвостьем, которое там существует или которое она сама создала там. Таким охвостьем являются незначительные группы из 20, 30 или 100 человек, оказывающие Китаю известные услуги и обязанные направлять ему по случаю созыва съезда или какого-нибудь другого события поздравительные телеграммы, которые Китай все без исключения публикует в газете „Жэньминь жибао“, чтобы создать среди внутренней и международной общественности впечатление, будто Китай является марксистско-ленинской, социалистической страной,

руководителем всего международного коммунистического движения, конечно, за исключением ревизионистского и социал-империалистического Советского Союза, с одной стороны, и социалистической Албании — с другой. К международному коммунистическому движению Китай не причисляет даже Албанскую партию Труда, которая, по его мнению, также является „ревизионистской и троцкистской“!

Наша статья „Хрущев на коленях перед Тито“ уже находит резонанс в дипломатических кругах. Мировая пресса также получила, опубликовала и положительно комментирует ее; она точно угадала цель статьи и правильно делает сопоставления между Хуа Го-фэном и Хрущевым.

Хуа Го-фэн договорился с Тито не выпускать коммюнике, так же как не выпустили и Хрущев и Тито в то время, когда мы впервые опубликовали статью; однако агентство ТАНЮГ сняло с капусты листья. Оно подробно передавало обо всех решениях, принятых в ходе переговоров, об одинаковых взглядах на великие мировые проблемы и об отношениях между обеими партиями.

Так что статья газеты „Зери и популлыт“ „Хрущев на коленях перед Тито“ подобно перчатке подходит к Хуа Го-фэну, который также встал на колени перед Тито. Конечно, эта статья взбесила китайцев и югославов, и это понятно, ибо она явилась для них громом среди ясного неба; ведь подобного они не ждали. И тем не менее до сих пор не видим никакого реагирования ни со стороны китайцев, ни со стороны югославов. Единственное реагирование это от дипломатов и газет разных стран мира, а оно в пользу Албанской партии Труда и Народной Социалистической Республики Албании. Настоящие марксисты-ленинцы в мире и их партии полностью одобрили эту статью, которая разоблачает новую измену, наносящую колоссальный ущерб мировой революции и международному коммунизму, как и освободительной борьбе народов.

Как всегда, и на сей раз, Тито, как агентура американского империализма, продолжает дело Никсона и Киссинджера и завинчивает гайки моста, наведенного между Китаем и Соединенными Штатами Америки.

СРЕДА
7 СЕНТЯБРЯ 1977 г.

ЧТО ТАКОЕ ОБЩЕЕ БЮРО В КИТАЕ?

Агентство Синьхуа передавало статью под заголовком „Всегда помнить указания председателя Мао и настаивать на продолжении революции под диктатурой пролетариата", которую 8 сентября опубликует газета „Жэньминь жибао". Настоящая статья написана группой „теоретических исследований" Общего бюро Центрального Комитета Коммунистической партии Китая по случаю первой годовщины кончины председателя Мао Цзэдуна.

Подчеркиваю, что это статья Общего бюро Центрального Комитета Коммунистической партии Китая. Впервые слышим о существовании такого бюро при Центральном Комитете Коммунистической партии Китая, исполняющего обязанности, совершенно отличные от тех обязанностей, которые исполняют аналогичные общие бюро в аппаратах коммунистических и рабочих партий, построенных по ленинскому типу и согласно марксистско-ленинской теории.

Статья сначала отмечает, что **„Мао Цзэдун является самым великим марксистом нашего времени"**, т.е. Мао Цзэдун, мол, головой выше не только Сталина (к которому китайцы никогда не питали уважения), но и Ленина, и даже Маркса и Энгельса!

Кроме этого, ниже в статье указывается, что **„товарищ Хуа Го-фэн, избранный самим Мао преемник, руководил всей партией при разгроме одним ударом антипартийной банды „четырех" — Ван Хун-вэня, Чжан Чунь-цяо, Цзян Цин и Яо Вэнь-юаня, спася, таким образом, революцию и партию. Высоко неся великое знамя председателя Мао, наш мудрый**

вождь, председатель Хуа, повел вперед революционную традицию“ и т.д. и т.п. Эти две выдержки из начала настоящей статьи, как мы увидим ниже, заслуживают большое внимание. Они не случайны и не просто дифирамбические, а связаны с организационными вопросами, с вопросами руководства так называемой Коммунистической партии Китая. **Значит, как мы увидим ниже, согласно этой статье, единственным решающим руководителем этой партии, армии и народа является председатель Мао Цзэдун, а теперь, после него, председатель Хуа Го-фэн. Все остальные повержены к их стопам и должны повиноваться мыслям и приказам председателя.**

В этой статье относительно деятельности Мао отмечается, что „Его монументальный вклад будет жить столько, сколько будет жить земной шар, и будет сиять как солнце. Великое знамя идей Мао Цзэдуна это знамя победы революции китайского народа и революции народов мира“.

А теперь вернемся к сути вопросов. **Общее бюро Центрального Комитета Коммунистической партии Китая состоит из персонала, численность которого неизвестна, ибо ее не называют, а только поясняют, что в составе этого персонала Общего бюро имеются командиры и бойцы войскового соединения 8341 народно-освободительной армии.**

Что это за войсковое соединение номер 8341? Мы этого не знаем, ибо китайцы не дают какого-либо объяснения; однако, как говорят сами китайцы, это отряд, охранявший Мао Цзэдуна, и, когда говорят отряд охраны Мао, подразумевается, что он был крупным отрядом, оснащенным всеми средствами. **Персоналом этого Общего бюро руководил председатель Мао и только он, значит, этот персонал „был счастлив, что поддерживал и охранял Мао Цзэдуна“, который воспитывал его в духе своих идей.**

„Нам, — говорится в статье, — **хотелось бы вспомнить тот боевой курс, который мы взяли под его руководством, а также его обнадеживающие советы, которые еще больше поощрят нас победителями идти вперед, руководствуясь его революционной пролетарской линией“.**

Из дальнейшего чтения статьи становится ясно, что ее содержание не представляет собой что-то обычное, похожее на утверждение какого-либо парткома или дирекции предприятия о том, что „советы председателя Мао привели нас к победе“. Нет. Дальнейшее изучение настоящей статьи **показывает, что Мао Цзэдун руководил при помощи только персонала Общего бюро; что это бюро было полновластным, оно стояло над Политбюро, над Секретариатом, над Центральным Комитетом и над заместителями председателя Центрального Комитета; что это бюро как две капли воды похоже на Совет Национальной безопасности, который американский президент создает над правительством и над своей партией, и который принимает меры, действует и навязывает министрам или прочим органам свою политику, обсужденную и одобренную только в Совете безопасности. Значит, Мао вырабатывал свою политику при помощи персонала Общего бюро Центрального Комитета партии.**

На чем мы основываем этот вывод? Именно на признании настоящей статьей того, что, будучи важным сектором Центрального Комитета партии, „Общее бюро имело своей обязанностью охрану председателя Мао и Центрального Комитета партии, а также рассмотрение совершенно секретных партийных дел и прочих важных проблем. Находилось или нет руководство Общим бюро в руках пролетарских штабов, возглавляемых председателем Мао, обеспечивалась или нет полностью охрана председателя Мао, Центрального Комитета партии и совершенно секретных партийных дел — это было вопросом практической важности для коренных интересов всей партии, всей армии и всего народа всей страны“. Итак, из статьи становятся понятными компетенции этого бюро. Короче говоря, если такое Общее бюро существовало, то оно руководило всей страной, всей партией, всем государством в целом, и оно получало приказания и директивы от Мао.

Согласно этой статье, как группа Лю Шао-ци, так и Линь Бяо и группа „четырех“ старались поставить под свое руководство настоящее Общее бюро ЦК партии. Из этой статьи явствует, что Лю Шао-ци пытался протолкнуть в это бю-

ро своих людей, т.е. буржуазный штаб, и что он замышлял антипартийные заговоры; что группа Лю Шао-ци уже прибрала к рукам Общее бюро, поскольку Мао Цзэдун, как выясняется ныне, уже не обладал той силой, которой он обладал раньше в этом бюро; что руководство целиком находилось в руках Лю Шао-ци, а председатель Мао сидел у разбитого корыта. Поэтому понятно, почему он поднял на ноги хунвэйбинов.

Мы тогда думали, что Мао Цзэдун допустил ошибку, что не оперся на партию и не решил этот вопрос через партию, но теперь это уже совершенно понятно: он поднял хунвэйбинов потому, что партия ослушалась его. Там все было в руках Общего бюро, в которое запустил свои когти Лю Шао-ци. Значит, Мао Цзэдуну надо было поднять на революцию людей вне партии. Вот почему поднялась „Красная гвардия“, вот почему был отдан приказ — „штурмовать штабы“. Призыв „штурмовать штабы“ теперь легко объясним, он означал, в первую очередь, захватить Общее бюро, так как оно правило всей страной, а все остальное, — партия, профсоюзы — было только показное и служило этому бюро. Поэтому Культурная революция была направлена на захват вновь руководства Общим бюро, которое у Мао вырвали Лю Шао-ци, Дэн Сяо-пин и др. Это подтверждается и статьей, в которой говорится: **„Председатель Мао руководил нами в изобличении антипартийных преступлений, совершенных ими** (т.е. бандой Лю Шао-ци) **в Общем бюро, сняв их с занимаемых должностей и вновь передав Общее бюро пролетарским штабам“.**

Это походит на время хозяев войны, которые своевольничали в провинциях, где они господствовали; несмотря на то, что там имелась какая-то администрация на всех территориях, где они господствовали, в некоторых ключевых местах они имели своих людей и через них осуществляли свое господство.

Статья этого всемогущего бюро не вдается в подробности этого вопроса, а уносит нас в апрель 1966 года и отмечает: **„Мы подготовили книгу с избранными цитатами председателя Мао в соответствии с нуждами борьбы и отправили председате-**

лю Мао на одобрение“. Значит, красный томик с цитатами Мао Цзэдуна является делом не Линь Бяо, а этого Общего бюро, тогда как Линь Бяо, который, конечно, был влиятельным и вторым после Мао лицом, разрекламировал этот томик с цитатами.

Странными представляются функции этого бюро. В статье говорится: **„Председатель Мао дал нам указание направлять движение таким образом, чтобы оно соответствовало характеру и особенностям работы Общего бюро, и воздержаться от установления широких контактов с обществом, с тем чтобы обеспечить нормальное функционирование бюро во всей работе по обслуживанию Центрального Комитета партии“.** Не является ли это очень наглядным и исчерпывающим объяснением относительно больших и странных компетенций Общего бюро? Это бюро руководило Великой Культурной революцией, однако не все шло как по маслу, ибо, по словам людей из Общего бюро, „Линь Бяо сотрудничал с „бандой четырех“ и грубо нарушил указания председателя Мао“. „В своих попытках узурпировать власть, — продолжает статья, — они часто подсылали своих лакеев в это бюро с целью вызвать вредный ветер; они поощряли беспорядки, организовывали тайные нападения, распространяли такие реакционные сплетни, как-то „все подозрительны“, атаковывали руководящие кадры-революционеров, подбивали людей вступать в заговоры с иностранцами и, в своих тщетных попытках захватить власть в Общем бюро, вопияли о том, что „Чжуннаньхай надо было ввергнуть в хаос“““.

Что значит все это? Это значит, что ни Линь Бяо, ни Чжоу Энь-лай, ни другие члены Политбюро и никто другой не имели права вмешиваться в дела Общего бюро. Оно, с Мао во главе, было полновластным, правило всем Китаем, всеми областями жизни в Китае. Члены Политбюро и Секретариата Центрального Комитета не имели права выдвигать подходящих для этого бюро работников. Если кто-нибудь выдвигал таких работников и ему удавалось сажать в это бюро более подходящих людей, то его считали заговорщиком, и заговор, естественно, перерастал, по их словам, из количественного в качественный,

как это произошло в конце с группой „четырех“, которые якобы домогались взятия власти насилием.

Председатель Мао видел, мол, все это; он также видел, мол, что Цзян Цин действовала заодно с Линь Бяо и составляла заговоры, так что, как говорится в статье, „исходя из состояния этой борьбы, председатель Мао дал особые указания относительно движения в Общем бюро. Движение продолжалось разнообразными формами, в соответствии с различными обстоятельствами; были приняты действенные меры по устранению постороннего вмешательства. Это помогло воспитать массы и дало возможность движению порядочно продвинуться вперед“.

Согласно статье, противоречия обострились, ибо Цзян Цин, после инцидента 13 сентября 1971 года, когда был ликвидирован Линь Бяо, движимая якобы своими контрреволюционными мотивами, „низкопробно оклеветала соединение 8341“ с целью разгрома Общего бюро Центрального Комитета и войскового соединения.

Отсюда следует сделать вывод, что остальных членов Центрального Комитета, Политбюро и Секретариата никто не слушался, так что они стремились изменить это положение. Мы можем предполагать, что они стремились установить новые нормы организации и управления и положить конец подобной сдерживающей ситуации, ибо там слушались только Мао Цзэдуна, и он орудовал через работников Общего бюро и указанного отряда.

Согласно статье, и „четверка“, так же как и Лю Шао-ци, „для достижения своей коварной цели неуклонно добивалась захвата руководящей власти в Общем бюро Центрального Комитета“. Из этого явствует, что посредством государственных переворотов и путчей как Лю Шао-ци, так и Мао, Линь Бяо или так называемая группа четырех и группа Хуа Гофэна — все старались каждый в своих интересах прибрать к рукам это Общее бюро.

В статье указывается: „Очень часто „банда четырех“, за спиной у председателя Мао, хотела распространять по всей стране документы, речи и производимые ею магнитофонные

записи“, вопреки указанию председателя Мао, который предписывал: „все документы и телеграммы, идущие от имени ЦК, рассылать только после моего просмотра, *иначе они не действительны“*. В статье отмечается: „Мы доложили председателю Мао об их попытках. Председатель Мао установил цензуру на работу „банды четырех“ ввиду их низкопробных планов, и изобличил их коварные цели“.

Ясно, поэтому, что Мао Цзэдун, как диктатор, никому из своих сотрудников, членам Политбюро и членам Секретариата или Постоянного Комитета Политбюро, не позволял давать директивы Центральному Комитету, партии, воинским частям, администрации и т.д. Любое их действие, предпринятое без ведома Мао, считалось коварством.

Конечно, оказавшись в таком положении, „банда четырех“ старалась изменить его, а эту их попытку авторы данной статьи считают заговором, организаторы которого стремились прибрать к рукам Общее бюро и политических комиссаров войскового соединения 8341. Так что их попытка сорвалась. Написанная персоналом настоящего бюро статья отмечает: „Мао постоянно поощрял и защищал нас. Председатель Мао всегда поощрял свой трудовой персонал выступить против Цзян Цин“. Придя к власти, Хуа Го-фэн принял и Общее бюро. Понятно, продолжает статья о „четверке“, что „их попытка была нацелена на то, чтобы изолировать председателя Хуа и Центральный Комитет от низов и взять на себя ответственность за отдачу приказов по всей стране. Они похитили партийные тайны, злоумышленно отстранили нашу охрану и повсеместно занимались подпольной работой“.

Разумеется, какой огромной и сильной властью обладали это бюро и эта специальная часть. **Значит, председатель Хуа решил предпринять мгновенное действие против „четверки“, так что соединение 8341 ныне под руководством председателя Хуа и под непосредственным командованием его и зампредседателя Е, решительно исполнило приказ якобы Центрального Комитета и арестовала „банду четырех“**. Эта великая и всемогущая власть, — я цитирую статью, — „дала возможность нашему бюро и нашему войсковому соединению

продолжать продвигаться вперед в условиях острой классовой борьбы на пути продолжения революции под диктатурой пролетариата, и обеспечила нормальное функционирование всех областей работы, таких как охрана и обслуживание председателя Мао“, а теперь —председателя Хуа Го-фэна, этих двух „драгоценностей“.

В статье приводятся и примеры того, как Мао руководил делами. С целью следить за ходом сельскохозяйственного кооперирования и государственных закупок пшеницы, Мао приказал выделить из каждой префектуры по одному человеку, который работал бы при соединении его личной охраны. Расследование со стороны этих людей своей личной охраны в сельских местностях он считал важным фактором для контроля положения там. Поэтому, согласно статье, Мао собрал персонал Общего бюро Центрального Комитета и личный состав соединения 8341 и растолковал им „положительные стороны расследования, что и как расследовать“, подробно разъяснил своей охране „положительные стороны расследования в ее родных деревнях“. Когда они, наконец, вернулись и доложили ему, Мао, согласно статье, сказал: „Мне понадобилось только три часа для того, чтобы узнать о положении 60 миллионов людей в двух провинциях. Это поистине замечательный метод. Вы послужили звеном между мною и крестьянами“. Далее в статье говорится: „Жестикулируя движением трех пальцев, председатель Мао сказал: „Вы встречались с крестьянами, и я встретился с вами; таким образом, косвенно я встретился с крестьянами на расстоянии. Вы настоящие крестьяне, вооруженные оружием и классовым сознанием““.

Разве мыслима для настоящих марксистов-ленинцев подобная работа, возложенная на личную охрану или на некоторых чиновников какого-то административного бюро, которым поручено следить за тем, как живут и как работают 60 миллионов или 800 миллионов крестьян? А людей, составляющих эту охрану, Мао считает людьми, обладающими классовым сознанием, упуская из виду то, что относительно столь великого дела, т.е. судьбы сельскохозяйственного ко-

оперирования в Китае, он должен привести в движение партию и возложить на нее обязанности контроля! Ныне нам понятны слова Мао, сказанные нашим товарищам в 1966 году: „Чего там опираться на секретарей парткома, которых подкупают за килограмм свинины“. Мао Цзэдун слово в слово сказал это товарищам из нашей делегации, Мехмету и Хюсни; и это говорит о том пренебрежении, с которым Мао Цзэдун относился к партии, или же о том, что, по его мнению, она не существует. Он опирался только на свою личную охрану и на подобранных людей этого бюро, которые были никем иным, как лизоблюдами, угодничавшими перед Мао Цзэдуном.

В указанной статье есть и другие глупости. Однако эти глупости возводятся в теорию, согласно которой Мао Цзэдуну принадлежат великие перлы! Вот некоторые из них: „Если каждый из вас (т.е. из личного состава охраны) напишет по одному письму каждые два месяца или четыре или пять писем в год с целью справиться у крестьян о том, хватит или нет у них пищи, а также о производстве и кооперативах, и если вы покажете мне ответы на эти письма, то я буду хорошо осведомлен“. „Через различные методы и каналы, — продолжает статья, — наш великий вождь, председатель Мао, всегда старался входить в курс последних достижений в обществе, расследовать и извлекать опыт, узнавать взгляды и чаяния масс, как основу для выработки политики, с тем чтобы победно управлять движением масс по верному пути“. Ничего не скажешь, великий „гений“ этот Мао Цзэдун, опирающийся на таких бюрократов и на таких элементов из этого соединения с целью формулировать в своей „гениальной“ голове партийную политику и генеральную линию, которая должна была руководить движением масс вперед! Ведь это никуда не годится! Просто сказать, что это враждебно марксизму, будет мало.

Статья подтверждает, что Мао Цзэдун вовсе не опирался на партию, хотя он говорил обратное этому; он диктовал все своему персоналу, отдавал ему приказания и директивы. Данная статья отмечает, что Мао говорил ему: „Возвращайтесь потом и скажите мне что-нибудь из увиденного“, и ста-

вил вопрос: „Разве это не хорошая идея?“. Я отвечаю, что это сумасбродная идея председателя Мао, который совершенно не считается с партией и с народной властью, да еще обвиняет Лю Шао-ци в том, что тот через тайные контакты собирал вокруг себя некоторых доверенных ему людей! Ну а „великий кормчий“ Мао, что он делал с этим своим персоналом? То же самое, что делал и Лю Шао-ци. Мао Цзэдун говорил этим людям: „Идите посмотреть, чего натворили заговорщики“, и наказывал им: „Не убивайте никого, арестовывайте мало, за исключением убийц, вредителей имущества и отравителей“. „Отравителями, — говорил Мао Цзэдун, — я считаю скорее тех лиц, которые отравляют пищу, чем тех, которые распространяют политический яд“. Значит, что касается политического отравления, что касается реакционеров, Мао Цзэдун, конечно, рекомендовал, чтобы их не осуждали и не убивали, а воспитывали!

Настоящая статья очень длинная, она содержит 41 страницу, и на этих страницах бесчисленное множество историй и сказок о том, как это всемогущее бюро, под предводительством Мао, вело упорную борьбу в защиту якобы революционной линии Мао Цзэдуна, и как оно „избавило“ Коммунистическую партию Китая и сам Китай от катастрофы. Это бюро не похоже на бюро, имеющиеся в центральных комитетах коммунистических партий, особенно правящих партий. Эти бюро у нас не облечены и не могут быть облечены теми компетенциями, которыми пользуется это „знаменитое“ бюро Коммунистической партии Китая, подкрепляемое также отрядом безопасности.

Ленинские принципы строительства коммунистической партии, которыми руководствуется наша партия, ясно определяют функции партийных органов. Административные бюро, которые обязаны только передавать директивы Центрального Комитета, Политбюро и Секретариата, никоим образом не могут, хотя бы на йоту, затмевать компетенции высших партийных органов. Только пленарные заседания этих форумов, а затем каждый их член, чьи компетенции определены соответствующим органом, могут, должны отдавать и отдают при-

казы и директивы, которые не носят личный и субъективный характер, а основаны на директивах съезда, на указаниях Центрального Комитета, на анализе проблем, выдвигаемых Политбюро и Секретариатом.

Иначе говоря, весь этот метод работы китайцев, как по форме, так и по содержанию является антимарксистским и не пользуется никакой поддержкой в партии; вот почему мы никогда не понимали, как функционировала партия в Китае. Китайцы не вводили нас в курс этого, они не хотели направлять к нам партийную делегацию, которая бы перенимала или передавала опыт. Какой опыт они могли передавать? Ведь они знали, что их партия не функционировала, как наша партия, их партия не пользовалась теми компетенциями, которыми пользуется наша партия.

Теперь ясно, кто господствовал и кто правил в китайской партии. В нашей же партии действовали и действуют принципы коллегиального руководства; ее органы, начиная с съезда и вплоть до первичной парторганизации, имеют свои определенные права, обязанности и компетенции.

Следовательно, в Китае, оказывается, велась борьба за личную власть. Власть Мао была незыблемой, Мао превратился в бога, и совершенно понятно, почему китайцы раздували и почему они так возносили его культ. Мао Цзэдун был единственным руководителем, причем руководил он вместе с группой людей, которые угодничали перед ним, проводили его идеи. Тех, которые не проводили его идей, он называл „заговорщиками“, „ревизионистами“, называл их чем угодно и ликвидировал их. Это не означает, что среди ликвидированных не было ревизионистов и заговорщиков, но метод работы и управления, конечно, антипартийный, антиленинский метод, вызывает сомнения относительно правильности всех действий, совершенных одним лицом, окруженным персоналом, собранным в каком-то Общем бюро и в каком-то отряде безопасности. Это есть антимарксистское руководство, личное руководство.

По-видимому, такая организация стала помехой для Лю Шао-ци и Дэн Сяо-пина, несмотря на то, кто они были такие.

Они и их ревизионистская банда не могли выносить подобной ситуации, поэтому старались заблаговременно, создали почву для укрепления своих позиций, подготовили людей, захватили власть, но Мао Цзэдуна не ликвидировали, а лишь отстранили на время.

Этот факт, что Мао Цзэдун оперся на армию и на Линь Бяо, благодаря которому он вновь захватил власть в этом общем бюро и в отряде безопасности. Но затем, конечно, когда Мао Цзэдун увидел, что Линь Бяо и так называемая банда четырех добивались изменений в методах управления и организации, что, несомненно, предполагало изменения политического и идеологического характера, когда он увидел, что они стремились подобрать для этого бюро и для этого отряда доверенных людей с более широкими демократическими революционными взглядами, Мао Цзэдун, отличавшийся взглядами полновластного человека, сообща со своими людьми из этого бюро сделал вид, будто раскрыл заговор, составленный Линь Бяо. Согласно статье, заговор Линь Бяо заключался не только в подкладывании одной мины, ведь Линь Бяо организовал флот, бомбардировщики и т.д. и т.п., одним словом, всю военную силу в целях захвата власти. У кого он должен был вырвать эту власть, если Мао Цзэдун со своими людьми стоял во главе армии, во главе этого бюро и этого знаменитого отряда?

Маоисты и люди Хуа, арестовавшие „четверку“, заявили, что и ее заговор был направлен против Мао Цзэдуна, на его физическую ликвидацию, что якобы все их махинации были согласованы на различных совещаниях, в различных речах, в различных цитатах и т.д. и т.п.; однако ничему из всего этого нельзя верить. Одно ясно: все четверо, ликвидированные Хуа Го-фэном, выступали за другой ветерок в руководстве Коммунистической партии Китая. Насколько они были способными и организованными, насколько их принципы и действия были правильными, тут нам трудно сказать что-нибудь точное. При оппортунистических, ревизионистских позициях Коммунистической партии Китая, руководимой Мао Цзэдуном, навряд ли и они четверо со своими товарищами

придерживались поистине ясных революционных, ленинских взглядов на идеологические и организационные вопросы, как и на принципы руководства. Это факт, что личную власть Лю Шао-ци, Дэн Сяо-пина и Пэн Чжэня Мао Цзэдун ликвидировал при помощи хунвэйбинов, как и при помощи руководства Культурной революции, в которое входили Чэнь Бо-да, Кан Шэн, Линь Бяо, Цзян Цин, Ван Хун-вэнь, Яо Вэнь-юань и Чжоу Энь-лай. Значит, это они вернули власть Мао. Мао, как колеблющийся человек и в то же время насильник, опирался то на одну, то на другую фракцию. Он был нетвердым в своих политических позициях; в партии, армии или государственных органах у него также не было прочной опоры. Конечно, в Культурной революции фракция Лю Шао-ци была разбита, однако в государственных органах осталось много его людей. Одним из них был Чжоу Энь-лай.

Мы видели, что в Культурную революцию Чжоу Энь-лай был подвергнут критике, но его спас Мао. Чжоу Энь-лай стал оппортунистом по отношению к Мао и Линь Бяо; однако он низкопоклонничал и превозносил и Цзян Цин с целью выиграть время для перегруппировки сил и закрепления своих позиций, чтобы в подходящий момент ликвидировать всех своих противников.

Это факт, что позиции Чжоу Энь-лая, при поддержке Мао Цзэдуна, укрепились после ликвидации Линь Бяо, который, не знаем по каким соображениям, видимо, выступал против внутренней и внешней политики Китая. После его ликвидации китайская стратегия взяла ревизионистский курс, курс на соглашения с Соединенными Штатами Америки и с титизмом, на соглашения со всеми капиталистическими странами. „Четверка“ также не была согласна с этой линией, однако Чжоу одержал победу, поскольку ему удалось реабилитировать Дэн Сяо-пина, „Хрущева номер два Китая“, привел его к власти и сделал его своим первым заместителем в государственных органах, первым заместителем Мао в партии и начальником Генерального штаба.

Чжоу Энь-лай знал, что он сам умрет, поэтому реабилитировал Дэн Сяо-пина. Мао навязал „четверке“ решение по

этому вопросу, и Чжоу вместе с Дэн Сяо-пином, который был и является и ныне заместителем председателя партии, укрепил свои позиции в Общем бюро Центрального Комитета и в отряде 8341.

После смерти Мао власть захватил Хуа Го-фэн. Он, как нам известно, пришел к власти антимарксистским путем и был тем лицом, которого Мао назначил своим преемником. Этот человек пользовался поддержкой Е Цзянь-ина, поддержкой начальника охраны Мао, заместителя председателя Центрального Комитета партии, который руководил Общим бюро, т.е. основным персоналом Мао; так что „одним ударом“ он разгромил „четверку“, которая, после смерти Чжоу Энь-лая и после смерти Мао, думала, что настало время взять власть в свои руки. Однако группа Хуа Го-фэна, Дэн Сяо-пина и Е Цзянь-ина оказалась более подготовленной и ликвидировала всех четырех.

Рассматривая вопрос в свете настоящей статьи, понятно, что пришедшие к власти группы Хуа Го-фэна и Дэн Сяо-пина, на всех перекрестках трубящие о том, будто „четверка“ свирепствовала, будто она навредила во всех областях жизненной деятельности в Китае, фактически всю критику обращают против Мао Цзэдуна и его единоличного руководства, несмотря на то, что и руководство Хуа Го-фэна является личным руководством, не имеющим совершенно ничего общего с партийным руководством. Все слова о партии, о центральном комитете, о съезде и т.д., употребляются лишь для отвода глаз и представляют собой линию, определенную небольшой группой людей, которые пользуются поддержкой какой-то хунты и всячески добиваются одобрения этих взглядов и этой политики некоторыми якобы партийными или государственными органами, избранными или назначенными. Когда Хуа Гофэн и его компания утверждают, что они будут „руководствоваться знаменем Мао Цзэдуна“, следует понимать именно это руководство, т.е. личное руководство; значит, Хуа Го-фэна и Дэн Сяо-пина надо считать столь же полновластными, что и Мао в руководстве партии и Китайской Народной Республики.

Ныне Хуа Го-фэн является председателем партии и премьер-министром, однако „знаменитое“ Общее бюро Центрального Комитета с отрядом безопасности номер 8341, не полностью находится в руках Хуа Го-фэна, как оно находилось в руках Мао Цзэдуна. В некоторые моменты оно даже колебалось, не было в руках Мао, переходило то в одни, то в другие руки. Теперь в этом бюро и в этом отряде имеются люди и Хуа Го-фэна, и Дэн Сяо-пина и Е Цзянь-ина, следовательно, в этом бюро и в этом отряде существуют различные фракции, которые борются и будут бороться за перевес. Эта борьба будет продолжительной, и неизвестно, кто одержит верх. Это зависит не только от умения того или другого, Хуа Го-фэна, Дэн Сяо-пина или кого-нибудь другого перегруппировать главным образом силы безопасности и армейские силы; это зависит еще и от внутренних конъюнктур, от распределения сил, от их „баланса“, от сторонников того или другого. Так, например, Западу может быть нужен Дэн Сяо-пин, а внутренним „умеренным“ силам может быть нужен какой-то Хуа Го-фэн, такой, какой он есть, „назначенный Мао“, и который лучше может играть роль „центриста“. Что касается сил государственного и экономического управления, то можно сказать, что превращением „китайского социализма“ в капитализм, несомненно, будут руководить Дэн Сяо-пин, Ли Сянь-нянь, Фан И и другие.

Руководство, несомненно, будет осуществляться в тесном экономическом и политическом сотрудничестве с американским империализмом, с капиталистической буржуазией различных стран Европы и Азии и, почему бы нет, и с советским социал-империализмом. Настанет время, когда Дэн Сяо-пин закрепит свои позиции и или оставит Хуа Го-фэна только символом, председателем так называемой Коммунистической партии Китая, или же подстроит и ему какую-нибудь попытку к заговору и устранит его. Таков будет удел Китайской Народной Республики, и этот удел ей уготован Мао Цзэдуном его антимарксистскими, антиленинскими, анархистскими идеями, идеями руководителя, который осуществлял личную власть, проповедовал скромность, но не был скромным; проповедовал

линию масс, но на практике не проводил ее; проповедовал марксизм-ленинизм, но не проводил его; проповедовал борьбу против великодержавных и великонародных тенденций, но своими взглядами и действиями стремился к тому, чтобы Китай во главе с ним господствовал в мире. Теория „трех миров“ приводит именно к великодержавному шовинизму.

„Великая, всеохватывающая и мировая политика“ Мао, — как определяет ее статья „выдающейся“ теоретической группы Общего бюро, — была „солнцем и памятником жизни“! В действительности же это свидетельствует о мании величия Мао, о его антимарксистских идеях, о личной организации так называемой Коммунистической партии Китая и так называемого социалистического китайского государства.

Теперь, с приходом Хуа Го-фэна к власти, будет сохранено прежнее партийное и государственное строительство, ибо и они, как Дэн Сяо-пин, так и Хуа Го-фэн, являются учениками школы Мао Цзэдуна, хотя они и были против него. Они взяли в свои руки пресловутое Общее бюро Центрального Комитета, а это значит, что у них в руках армия и безопасность, так что теперь они будут вершать закон, будут управлять прежними методами и хитроумно изобличать Мао Цзэдуна. Написанная настоящим бюро статья фактически обнаруживает, что вся гнилостность, которая существовала и будет существовать в руководящем ядре, была делом рук Мао Цзэдуна. Дэн Сяо-пину хочется отметить этот факт, но, с другой стороны, ему хочется ввести некоторые другие формы личного руководства сообща с Хуа Го-фэном, или устранив его, с тем чтобы эта новая китайская империя лучше приноравливалась к современным формам управления капиталистической страны.

Китайцы приняли Тито; значит, они согласны с ним в области политики и идеологии, как и в организационной области, и перенимут кое-что из его опыта. Однако мы должны быть уверены в том, что китайцы в силу своего высокомерия и тщеславия великой державы, насчитывающей 800 миллионов человек, выработают новые организационные формы сво-

его капиталистического государства, в которых будет и что-нибудь из титовского ревизионизма, и что-нибудь из советского ревизионизма, но больше будет из империализма Соединенных Штатов Америки.

Китай Дэн Сяо-пина стремится стать империалистической сверхдержавой. Он включается, вступает в круг всех империалистическо-капиталистических государств, принимает на вооружение такие политические, идеологические и организационные формы и установки, которые способствовали бы превращению его в великую социал-империалистическую державу.

Хуа Го-фэн или Дэн Сяо-пин и их смешанная администрация: партия — государственная власть — армия долгое время будут маскироваться марксистскими словесами и будут изображать свою страну социалистической страной. Это им нужно с целью надуть народ внутри страны, как и мировую общественность, и, когда я говорю о мировой общественности, имею в виду не капиталистические государства и капиталистических лидеров, а главным образом мировой пролетариат. К подобным хитросплетениям и надувательствам прибегает Китай Хуа Го-фэна в отношении лжемарксистсколенинских партий, которые дошли до ручки, как партия Австралии с Хиллом во главе, которая превратилась в агентуру контрразведки австралийского правительства. Вчера Синьхуа сообщало, что „Вангард“, газета партии, которой руководит Хилл, поместила статью, изобличающую советское КГБ в Австралии; но Хиллу надо думать не только о борьбе против советского КГБ, но и о борьбе против китайского „КГБ“ и против австралийского „КГБ“.

Значит, нынешний китайский режим и впредь, покуда там не вспыхнет революция, будет прикрываться маской марксизма. Мы будем бороться за то, чтобы сорвать с него эту маску.

Высокие интересы революции, мирового пролетариата, социализма, Албании требовали, требуют и будут требовать, чтобы великий Китай был социалистической страной. Но, к сожалению, многочисленные факты свидетельствуют и показывают, что он не является такой страной. Факты показыва-

ют, а будущее подтвердит ту горькую истину, что Китай быстро вступает на противоположный социализму путь; он превращается в мощное капиталистическое государство, в буржуазно-демократическое государство, которое будет бороться за приобретение новых, буржуазных форм и черт в целях обогащения буржуазии, надувательства пролетариата и народов, предотвращения торжества революции.

СРЕДА
7 СЕНТЯБРЯ 1977 г.

НЕКОТОРЫЕ УКАЗАНИЯ ГРУППЕ НЕФТЯНИКОВ, КОТОРАЯ ПОЕДЕТ В КИТАЙ

Китайцы дали свое согласие на поездку группы наших нефтяников в Дацин для опыта. Они определили также вопросы, по которым могут поделиться опытом с нами.

Я порекомендовал товарищу Прокопу Мурра дать указания группе нефтяников, выезжающей в Китай, вести себя там корректно и любезно с теми, кто будет встречать ее, дружелюбно обходиться с нефтяниками, говорить, как всегда, о тесной дружбе, связывающей обе наши страны, внимательно изучать их опыт в области техники добычи нефти, задавать вопросы, и, если китайцы будут отвечать, это будет очень хорошо; если же они не будут отвечать, то наши не должны настаивать на этом в политических речах, которые они могут произносить на обедах и ужинах, которые хозяева будут давать в их честь. Главной темой беседы наших нефтяников должна быть дружба между двумя нашими народами и обмен опытом между двумя нашими странами. Если китайцы будут поднимать политические вопросы, как, например, вопрос о борьбе только против советского империализма или вопрос о „третьем мире“, то нашим следует говорить на основе линии нашей партии, т.е. высказывать мысль о том, что у мира два главных врага — американский империализм и советский социал-империализм, что у народов каждой страны, помимо этих двух врагов, есть также и внутренние враги; но им не надо вступать в такие дискуссии и споры, так как они не политическая делегация, а просто делегация нефтяников.

ЧЕТВЕРГ
8 СЕНТЯБРЯ 1977 г.

ТИТОВСКИЙ РЕВИЗИОНИСТСКИЙ ВЕТЕР ДУЕТ В НАПРАВЛЕНИИ ВОСТОКА

Сегодня вечером по белградскому телевидению я видел возвращение Тито из Советского Союза, Кореи и Китая. Триумфальная встреча в Югославии. На аэропорт вышли десятки тысяч человек; разостланный красный ковер тянулся на сотни метров, а машину, на которой ехал Тито, окружили десять или пятнадцать мотоциклов и за ней следовала нескончаемая вереница машин. Весь кортеж, с Тито во главе, проехал через уйму людей, которые стояли по обеим сторонам улиц и, расчувствовавшись, с помпой приветствовали и скандировали в честь Тито. Встреча в Белграде явилась увенчанием помпезных встреч, оказанных этому ренегату Брежневым, Хуа Го-фэном и Дэн Сяо-пином, как и Ким Ир Сеном, которые вывели на улицы весь народ приветствовать этого ренегата марксизма-ленинизма, заключающего и расторгающего соглашения между предателями, между ревизионистами и между империалистами в ущерб революции.

Китайцы и корейцы пригнали народ как стадо блеющих и прыгающих овец. Китайцы полагают, что им удастся пустить народам пыль в глаза своей теорией о том, что якобы „надо разоблачать советский империализм, так как он еще скрывается под маской марксизма-ленинизма“. Это положение не выдерживает критики, ибо советские ревизионисты основательно разоблачены, и всем известно, что они не марксисты-ленинцы, а ревизионисты, социал-империалисты, ренегаты марксизма-ленинизма. Даже если бы на миг согласиться с подобной „теорией“ китайцев, то как же объяснить тот факт,

что эти же китайцы триумфально встречают Тито, ренегата, посредника мирового капитализма, саботажника революции, причем встречают его с такой помпой и так много рекламируют его, что превозносят до небес его имя и дело? А разве он не разоблачен? Да, он разоблачен, даже сами китайцы разоблачали его. Тогда как называть эти действия? **Хрущева мы критиковали, его преступления не смоет даже Волга; преступления Тито также. Теперь, когда Тито съездил в Китай, его и новых китайских Хрущевых не смоет не то что Амур, но даже и Янцзы.** Наоборот, зловонным запахом Хуа и Дэна теперь отдает весь Китай. Титовский западный ветер дует в направлении Востока.

Одновременно с Тито в Белград прибыл для изучения опыта развития капиталистического сельского хозяйства в Югославии китайский министр сельского хозяйства. Так они будут поступать и относительно „самоуправления“. Китайцы пришлют туда десятки и сотни делегаций для изучения югославского опыта во всех областях, с тем чтобы как можно лучше проводить в жизнь у себя этот титовский, ревизионистский и анархо-синдикалистский опыт, представляя дело так, будто они, как и Тито, строят социализм, но китайский „специфический социализм“, наподобие югославского „специфического социализма“. Китайцы будут следовать примеру Тито, так как они с ним — компаньоны, и вместе с этим ренегатом будут действовать в полном единстве как внутри страны, так и на международной арене.

ЧЕТВЕРГ
8 СЕНТЯБРЯ 1977 г.

РЕВИЗИОНИСТСКИЕ МАНЕВРИРОВАНИЯ. АНТИМАРКСИСТСКАЯ СТРУКТУРА

В моих предыдущих записках я трактовал много вопросов, причем некоторые из них и резко. Многие вопросы политического, идеологического и организационного характера, касающиеся деятельности Коммунистической партии Китая, Мао Цзэдуна, Центрального Комитета Коммунистической партии Китая, китайской революции, а также различных ударов, нанесенных уклонистам, рассмотренные мною сквозь марксистско-ленинскую призму и в свете теоретического и практического опыта и ленинских принципов строительства нашей партии, показались мне не так ясными, и я так и набрасывал их, причем порой я осуждал их хлесткими выражениями. Я поступал так потому, что коммунистическая совесть, опыт нашей партии и изучение трудов классиков марксизма-ленинизма не позволяли мне смягчить термины, когда речь шла о многих неясных и подозрительных ситуациях. Затем, часто доведенный до досады при виде и при чтении о том, что творилось в ущерб марксизму-ленинизму, в ущерб делу пролетариата, иной раз я в этом моем дневнике давал волю моему возмущению, быть может, и больше чем надо.

Много раз в записках об этих вопросах я высказывал мысль о том, что своими взглядами мы можем воздействовать на Коммунистическую партию Китая. Как мои товарищи, так и я, хорошо и очень хорошо отзывались о Китае в своих публичных выступлениях, хотя нам была знакома китайская действительность и у нас были сомнения относительно многих вопросов и многих проблем, касающихся Китая. Наши публич-

ные позиции не соответствовали мнению, которое в действительности складывалось у руководства нашей партии при анализе каждой политической акции Китая. При встречах с разными китайскими делегациями, мы, конечно, также хорошо отзывались о Китае, о Мао Цзэдуне и подавно, однако, дружески и дипломатически, т.е. косвенно, подчеркивая наш опыт, мы стремились также воздействовать на китайских товарищей, ориентируя их на марксистско-ленинский путь; при этом мы считали наше изложение критическим отношением ко многим их действиям. Имелись и случаи, когда мы непосредственно сталкивались с Чжоу Энь-лаем и Ли Сянь-нянем и даже выступали с открытыми критическими замечаниями относительно важных проблем, по которым они пытались навязать нам свои ошибочные взгляды. Мы открыто расходились с китайскими товарищами во взглядах относительно политических вопросов первостепенного значения и особенно относительно Сталина, которого мы защищали, а они резко критиковали, и относительно вопроса о классовой борьбе, ибо они утверждали, что мы ее не вели как следует, а они вели „хорошо“, тогда как реальная действительность говорила и говорит о совершенно противоположном.

Относительно всех этих существовавших между нами противоречий, а также и противоречий, связанных с советскими, в отношении которых китайцы на разных этапах, начиная с Бухареста и до самого конца, стояли на исключительно шатких позициях, мы вели борьбу. Китайские руководители, да не только Лю Шао-ци, но и Мао Цзэдун, и Чжоу Энь-лай, и Ли Сянь-нянь, за исключением Кан Шэна, стояли за прекращение полемики с советскими. По этому вопросу у нас были не только теоретические дискуссии, но и практические возражения, так как они хотели не только прекратить полемику, но и вступить в дружественные контакты с советскими после столь ожесточенной борьбы, которую мы вели с ними. Китайцы возлагали большие надежды на „советских товарищей“, как они называли их после низложения Хрущева, и говорили нам, что мы не должны быть так суровы по отношению к ним, ибо они исправят свои ошибки. Мы же открыто говорили китай-

цам, что и новые советские руководители — ревизионисты, что они не откажутся от своих взглядов, а будут продолжать путь предателя Хрущева без Хрущева.

Китайцы не были согласны с нашими взглядами и не убедились в правильности того, что мы им говорили. Они не убедились потому, что, как я писал и раньше, прекращая полемику с советскими, они пытались выиграть время, чтобы стать великой державой. Между тем советские думали иначе, они хотели, чтобы Китай стал ревизионистской страной, которая действовала бы под их руководством и под их диктатом. Когда китайцы разгадали намерения советских, произошел разрыв, и на какое-то время развернулась между ними полемика. Полемика продолжалась, тем временем изменилась стратегия Китая, взяв курс на Соединенные Штаты Америки. Эта стратегия привела к ликвидации Линь Бяо и „четверки".

Обо всем этом я писал, и время подтверждает правильность моих мыслей. Время еще многое со всей ясностью подтвердит, показывая нам глубокое загнивание, как и мошенничество, к которому прибегали Мао Цзэдун и его сторонники; оно покажет нам и то, как они складывавшиеся в Китае благоприятные революционные ситуации использовали для того, чтобы ввергнуть страну в хаос. Теперь клика Хуа Го-фэна обвиняет „четверку" и миллионы других простых людей, любивших и любящих социализм, в том, будто они стремились установить в Китае капитализм, вызвать хаос, связаться с Советским Союзом, как и во многих других преступлениях. Однако действительность обстоит иначе: правящая клика — это антимарксистская шайка, шайка капиталистов, быстро идущая по капиталистическому пути, по пути сближения и сотрудничества с Соединенными Штатами Америки с целью создать противовес советскому социал-империализму, превратиться в сверхдержаву, в развитую экономическую и военную державу, идущую по капиталистическому пути, а не в великую социалистическую державу, на что претендуют эти ренегаты. И то, что является положительным в высказываниях Мао, и которого сам он на практике не придерживался, сводится на нет.

Китайские ревизионистские руководители устроили Тито торжественную встречу. Это значит, что они согласны с его политической, идеологической, военной и экономической линией, согласны с государственным и экономическим устройством Югославии, с югославским „самоуправлением“, согласны с антимарксистскими теориями Союза коммунистов Югославии. Эти антимарксистские теории и эту антимарксистскую практику китайские руководители теперь будут проводить в жизнь и в Китае, так как они благоприятствуют измене марксизму-ленинизму, они на руку американскому империализму и капиталистическим странам мира, которые теперь будут вкладывать капиталы в Китае, будут создавать там банки и разного рода общества, с тем чтобы забрать Китай в свои империалистические лапы.

Несмотря на наши временные поражения, нам следует вести самую решительную борьбу против этого сложившегося положения, защищать марксизм-ленинизм, защищать всесильную, чистую и всепобеждающую теорию Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Народы и мировой пролетариат не падают духом и не теряют надежды на победу. Они борются и будут бороться еще более ожесточенно; они с каждым днем все ярче будут видеть предательство этих псевдокоммунистов и поймут, что это предательство еще больше усилит на них ярмо мирового и местного капитала. Таким образом, они придут к тому заключению, к которому пришли Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин, т.е. к выводу о том, что народы и пролетариат должны создавать такие революционные ситуации, такие марксистско-ленинские партии, которые необходимы для проведения революции и взятия власти, для построения социалистического общества, своего общества, для установления власти диктатуры пролетариата.

Вопрос о китайском коммунизме был для меня загадкой. Об этом я говорю не сейчас, свои сомнения я выражал несколько лет назад в моих записках. Эти сомнения возникли у меня после бухарестского Совещания на почве того, что там китайцы вели себя робко. С китайской стороны в Бухаресте

первым выступил Пэн Чжэнь. На московское Совещание из Китая прибыл Дэн Сяо-пин с очень примиренческой по отношению к хрущевцам речью, однако Дэн был вынужден изменить свою речь и сделать ее чуть более хлесткой в силу того, что Хрущев еще до совещания распространил материал, содержавший выпады на Китай. Он также был вынужден сделать это и решительной позицией нашей партии; впрочем это длинная история. В последующем китайские позиции — имею в виду политические и идеологические позиции — характеризовались постоянными колебаниями, и именно в этом заключаются загадка и сомнения. Были такие периоды, когда они настойчиво добивались прекращения полемики между нами и хрущевскими ревизионистами; были и моменты, когда полемика между ними обострялась. Со свержением Хрущева снова проявилась явная тенденция к прекращению полемики и к единству с хрущевцами, якобы против американского империализма. Опять, некоторое время спустя, изменилась их стратегия. Китайцы стали критиковать советских ревизионистов посредством опубликования наших речей и статей. Затем, позже, они продолжали свою критику, публикуя и свои статьи, но опять-таки они колебались.

Наступил период ожесточенной борьбы между Мао Цзэдуном и Лю Шао-ци и период Культурной революции. Культурная революция характеризовалась антисоветским духом, она была направлена против ревизионизма, внутренней реакции и капитализма, против Лю Шао-ци и американского империализма.

Все эти колеблющиеся политические позиции вызывали у нас сомнения. Однако наша партия, мы, несмотря на то, что эти позиции были загадочными, опять-таки думали, что Китай, как великое социалистическое государство, во главе которого сидел великий марксистско-ленинский руководитель, проводил крупномасштабную и перспективную политику, независимо от того, что эта политика, как я уже отметил, не совмещалась с основными принципами нашего бессмертного марксистско-ленинского учения. В этом и заключается загадка,

но теперь можно сказать, что такая политика Китая представляла собой большой обман, ловкий маневр, с помощью которого китайские ревизионисты пытались маскироваться.

Казалось, будто строительство китайской партии было одинаковым со строительством бывшей Большевистской партии Ленина-Сталина, со строительством Албанской партии Труда и всех других марксистско-ленинских партий, и именно так оно изображалось в пропаганде. События же показывают, что такая пропаганда была просто миражем. У Коммунистической партии Китая было такое организационное строительство, которое внешне казалось, будто позволяло ей проводить правильную, марксистско-ленинскую линию. Но в действительности это было далеко не так. И о диктатуре пролетариата в своей стране китайцы говорили, что она у них основывалась, как и в Албании, на марксистско-ленинском учении. В этом мы сомневались. Мы сомневались не потому, что мы были знакомы с организационным строительством партии и государственных органов в Китае, ибо двери этой братской партии для изучения ее опыта были закрытыми для нас, а потому, что мы не были согласны с ее позициями по многим вопросам и со многими ее действиями. Мы задавали вопрос: Зачем такой дружественной Китаю стране, как социалистическая Албания, и такой братской партии, как Албанская партия Труда, которые заступились за Коммунистическую партию Китая в самые тяжелые для нее моменты, не давали возможности знакомиться с опытом этой партии и т.п.?

Мне хочется вновь отметить здесь, что, когда в Китае бывали партийные делегации, китайцы все затушевывали шумной пропагандой, митингами, аплодисментами, гонгами и некоторыми бесплодными собраниями. Все собрания являлись показухой, и весь визит сводился к путешествию по стране. На вопросы наших товарищей китайские товарищи отвечали туманно или же только некоторыми вызубренными словесами и цитатами, так что от них невозможно было что-нибудь узнать, или же говорили что-то в таком смысле, что с таким-то вопросом у них дело обстояло почти как у нас. Факты под-

тверждают, что они широко практиковали политический, идеологический и организационный обман.

В Китае были первичные партийные организации, уездные, коммунальные и провинциальные партийные комитеты и Центральный Комитет. Все эти органы и организации действовали якобы согласно нормам ленинской партии. В эти органы „демократически" избирались коммунисты, которые регулярно собирались и принимали решения. Говорили, что партия руководила органами власти, органами управления и экономикой; дело представляли так, будто партия стояла над армией, будто она командовала ружьем, а не ружье партией. Итак, говорили, будто там руководили Центральный Комитет, Политбюро или Постоянный Комитет Политбюро. Фактически они существовали, но только формально, ибо все организационное строительство партии сводилось к личному управлению Мао Цзэдуна, маскировавшегося так называемым, коллегиальным руководством, которое не действовало. Следовательно, действовал Мао, поддерживаемый Общим бюро и своей личной охраной, о которых я писал раньше. На этой основе работали органы власти, фабрики, заводы и коммуны. Имелись некоторые направления, некоторые правила, некоторые законы, которые обязаны были соблюдать все на месте работы и т.д. и т.п.

Говорят, что у группы Лю Шао-ци была хартия, в которой было невесть сколько пунктов об организации предприятий по примеру советского Магнитогорска, тогда как в это же самое время Мао составил другую „хартию", которая была названа аньшаньской „хартией", однако это „творение" Мао, как признают сами китайцы, десять лет пролежало в ящике. По чьей воле? Почему? Как это возможно, если председателем партии, по крайней мере официально, был сам Мао?! Странная борьба между фракциями и линиями! Иными словами получается, что Коммунистическая партия Китая была построена не по типу Большевистской партии Ленина. Теперь нам вполне понятны это строительство и эта линия, однако мы еще раньше испытывали сомнения в их отношении. Мы писа-

ли, что Мао Цзэдун в действительности был против ленинского партийного строительства. Он „принимал“ его лишь в целях прикрытия своих немарксистских, или, совсем мягко говоря, — эклектических взглядов.

Революция в Китае нужна была Мао для организации и маскировки его личной власти и власти крупной клики вокруг него. Там, видимо, имелось много клик, имелось много линий. Каждая провинция сама по себе была своего рода королевством, и каждый глава провинции был своего рода хозяином борьбы. Нам известно, что руководитель так называемого парткома и исполкома владел всеми ключевыми позициями провинции; он занимал и пост командира корпуса, дислоцированного в данной провинции и т.д.

Мне кажется, что в действительности это организационное строительство Китая после революции было усовершенствовано. В аппарат старого имперского, а затем и чанкайшийского режима были внесены изменения соответственно со временем, и эти изменения были перекрашены под марксистско-ленинский свет. Фактически партия в Китае не была построена как партия ленинского типа не только потому, что полномочными там были Общее бюро и его руководитель, руководитель партии, но еще и по другой причине, а именно потому, что в этой партии (это признают и сами китайцы) существовали, по меньшей мере, две линии, что Мао проповедовал „расцветание ста цветов“, развертывание многих линий. Как я неоднократно подчеркивал, это нечто иное, как плюрализм для перехода в социализм, но в такой социализм, который не похож на научный социализм, определенный в учении Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Относительно государственного устройства мы также всегда сомневались. Нам говорили, что, помимо верховных органов власти и государственного управления в центре, имелись еще местные органы власти и государственного управления в провинциях. Эти провинции в Китае огромные, в каждой из них десятки миллионов жителей, вроде целого государства, такого как Франция, Япония или Украинская республика и т.д.

Как они управляли этими провинциями? Ими управлял так называемый партийный комитет, сравнительно большой по своему составу: в нем было членов 100, политбюро из 10-12 членов и исполнительный комитет, похожий более или менее на райисполкомы в Албании. Странным представлялось такое административное деление для Китая, для такой огромной территории, для столь огромного населения и для этой страны с различными национальностями.

Мы задавали вопрос: Как это можно при таких формах организации и при столь больших проблемах правильно осуществлять связи центра со всей этой территорией и с этими миллионами жителей? В этом заключались вопрос и в то же время загадка для нас. Однако, как ясно показывают факты, управление ими осуществлялось на основе личного руководства, путем сосредоточения власти и бюрократического централизма; приказания и директивы издавал Мао, они передавались премьер-министру и министрам для исполнения. Стало быть, Мао из этого Общего бюро непосредственно отдавал приказы секретарям провинций, а народ исполнял их. Проводились ли совещания и конференции? Конечно, проводились, причем проводилось много, и продолжались они целыми днями с целью объяснить ту или иную великую, мол, директиву и вдолбить ее людям в голову, с тем чтобы они точно исполняли ее. Дело изображалось так, будто это было директивой партии, но на самом деле это не было так, она была личной директивой. Из этого мы заключаем, что при этом так называемом социалистическом строе в Китае не было партии, которая бы руководила и управляла, не было коллегиального руководства, а было лишь личное, бюрократическое руководство. Такого рода организация, на личных началах, отражается и в провинциях, о которых всякий раз, когда начинается борьба между группами и фракциями, говорят что такая-то провинция стоит на стороне Дэн Сяо-пина, другая же — на стороне „четверки“ и т.д. Так, Шанхай, являющийся крупным городом, насчитывающим около 10 миллионов жителей, и долгое время считавшийся „бастионом“ группы чет-

верых — Чжана, Цзяна, Яо и Вана — впоследствии стали приводить в качестве примера за то, что в нем миллионы людей были пригнаны на улицы и демонстрировали против „банды четверки“. В этом сказывается и большая разница между кадрами и массами относительно окладов и льгот. Народ жил скромной жизнью, и надо сказать, что он был доволен, потому что революция принесла какое-то изменение в его экономическое положение, ему, по крайней мере, была обеспечена работа и хлеб насущный (рис).

Обман заключается еще и в употреблении марксистской терминологии, которой Мао Цзэдун и окружавшая его клика маскировали свою буржуазную, капиталистическую и ревизионистскую деятельность. Читая четыре тома произведений Мао Цзэдуна, мы делали некоторые выводы, и они были положительными. Я даже писал, что в них не легко найти такой вопрос, который теоретически был бы трактован неправильно. Мао выдвигал много лозунгов, которые казались простыми, но казались и туманными, и философскими, и марксистскими. На самом же деле, действительность развития китайского общества была совсем другой. Что же тогда происходило? **Почему действия Мао не соответствовали сочинениям этого всемогущего человека? В этом и заключается вопрос, загадочность этого дела, и эту загадочность нельзя иначе объяснять, кроме как тем, что, когда составлялись и готовились к печати эти четыре тома произведений Мао, конечно, подправлялись компетентными людьми, которые разбирались в марксизме и которые должны были придать марксистско-ленинскую окраску ревизионистским заблуждениям Мао.**

Нельзя иначе понимать это сложившееся в Китае положение, этот большой идейный и политический разброд, нельзя иначе понимать эту неустойчивость в политической линии партии и это постоянное изменение стратегии китайской партии и китайского государства, не говоря уже о тактике. Теперь понятно, почему Мао Цзэдун так пришел в восторг, когда Сталина облили грязью, почему он так восхищался Хрущевым, которого он назвал „Лениным наших дней“, что мы слышали

сами, собственными ушами. Причина этого энтузиазма заключалась в том, что Мао был против марксизма-ленинизма, против социалистического государства, созданного Лениным и упроченного Сталиным, против ленинских норм партийной жизни и диктатуры пролетариата, он стоял за личную диктатуру, а в Хрущеве он увидел нового ревизионистского диктатора, врага ленинско-сталинских принципов и норм.

ЧЕТВЕРГ
15 СЕНТЯБРЯ 1977 г.

ИЗМЫШЛЕНИЯ БУРЖУАЗИИ ПРОТИВ НАС ПУБЛИКУЮТСЯ ДЛЯ КАДРОВ В КИТАЕ

Каждый день наше посольство присылает нам из Пекина изложение материалов Синьхуа, которые готовятся для китайских кадров. Эти материалы изобилуют клеветническими измышлениями против нашей страны, заимствованными у буржуазных газет американского империализма и других империалистических стран. Любое состряпанное этими газетами измышление публикуется бюро китайской пропаганды в целях дискредитирования социалистического государства в Албании и Албанской партии Труда. Этим бюро руководит заведующий Отделом международных связей при Центральном Комитете для отношений с марксистско-ленинскими коммунистическими партиями мира.

Помимо клеветнических измышлений этих газет, согласно которым Албания якобы открыто пишет так и этак против Китая и которые размножаются и помещаются в информационных бюллетенях, готовящихся для китайских кадров, китайцы пускают слухи, будто в нашей стране арестовывают сотни прокитайски настроенных людей, которых подвергают пыткам и т.п. Пишут, будто обучающиеся в Китае албанские студенты вернулись в Албанию и больше не возвратятся в Китай. Клевещут также, будто албанцы грубо обращаются с китайскими специалистами и будто последние изгнаны из Албании.

Все эти и многие другие измышления западной реакционной прессы перепечатываются китайцами и раздаются их кадрам. Цель Гэн Бяо и китайского руководства понятна. Все

это они делают не только с тем, чтобы дискредитировать политику нашей марксистско-ленинской партии, дружескую политику нашего государства по отношению к Китайской Народной Республике; этим китайцы пытаются прикрывать аресты и преступления, которые они сами совершают, прикрывать капиталистический курс, который они проводят во всех областях жизни и который стараются замаскировать статьями „Жэньминь жибао“ и других газет, написанными псевдомарксистами, подговоренными и оплачиваемыми ими во всех странах мира. Итак, очевидно, что **китайцы публикуют в своей официальной печати все, что превозносит Китай, Хуа Го-фэна, XI съезд, теорию „трех миров“, Мао Цзэдуна, Дэн Сяо-пина и т.д. и т.п., а своим кадрам они преподносят измышления буржуазных газет против нашей партии и нашей страны.**

Даже и самая реакционная печать не проводила подобной политики и не развертывала подобной деятельности. Даже и буржуазия не проводила и не проводит столь коварной тактики. Никакое капиталистическое буржуазное государство, находящееся в противоречиях и во враждебных отношениях с каким-либо другим государством, не прибегает к подобного рода измышлениям и приемам. Возьмем к примеру Грецию и Турцию. Между ними глубокие и серьезные противоречия по политическим и территориальным вопросам, они даже грозят друг другу войной, однако они говорят открыто, критикуют открыто, бранят открыто и все это помещают в своих газетах. Китайцы же публикуют для своих кадров клеветнические измышления буржуазии на нас и не утруждают себя публиковать в своих газетах наши истинные взгляды, истинные взгляды тех марксистско-ленинских партий, которые высказывают свое мнение о важных политических проблемах. Этого китайцы не могут делать, так как, если бы они ознакомили свои кадры с нашими взглядами, этим они создали бы невыносимую обстановку для предателей, пришедших к власти в китайском государстве и в Коммунистической партии Китая.

Некогда, во время Мао Цзэдуна и Хрущева, китайцы помещали в своих газетах все речи Хрущева, причем не только

те, в которых он восхвалял межимпериалистические отношения, не только те, в которых он дискредитировал Сталина, но и речи, в которых он нападал на Китай. Мы говорили им: Почему вы публикуете их? Мао своей „великой" философией отвечал: „Мы публикуем их, с тем чтобы китайцы учились на ошибках советских". Эта „выдающаяся" философия Мао была на руку Хрущевым Китая — Лю Шао-ци и Дэн Сяо-пину, не исключая и Чжоу Энь-лая. Эти речи китайцы публиковали некоторое время, но когда Мао увидел, что последствия этого были весьма опасными для него, он прекратил их опубликование.

Другой вопрос — это отношение китайцев к новым марксистско-ленинским партиям. Они ни капельки не верили этим партиям, поэтому они недооценивали их; они придерживались следующего принципа: „Мы, китайцы, будем поддерживать отношения со всеми марксистско-ленинскими партиями и группами, которые будут основаны, не считаясь с тем, кто прав, а кто нет, затем видно будет". И так прошло некоторое время. Когда китайцы изменили свою стратегию и тактику и допустили грубые принципиальные ошибки, когда они стали на антимарксистский путь, они стали иначе относиться к новым партиям. Партии, восхвалявшие КП Китая, были ее друзьями, другие же — ее врагами, и во главе этих врагов, по мнению китайцев, стояла Албанская партия Труда. Таковы эти ренегаты, эти ревизионисты, эти враги коммунизма, ныне правящие в Китае. Однако эта тактика и эти действия недолговечны, ибо как бы ни старались китайцы, правда восторжествует, **слова и мысль Албанской партии Труда и других марксистско-ленинских партий восторжествуют, они дойдут и до китайского народа**, до китайских марксистов-ленинцев, которые и теперь проводят грань между правильной линией нашей партии и ревизионистской, антимарксистской линией китайского руководства, так как печать нашей партии распространяется везде. Этот различительный процесс еще дальше будет углубляться; печать нашей партии еще шире будет распространяться, несмотря на то, что китайские ревизионисты установят строгую цензуру на них. Но, видимо,

трудновато будет установить в Китае строгую цензуру, ибо они не так уж организованы, как советские ревизионисты, которые сохранили прежний аппарат строительства социализма, но поставили его на службу своей фашистской диктатуре. В Китае же царит хаос, и этот хаос, если я не ошибаюсь, будет неуклонно увеличиваться.

Мы замечаем, что в Китае нет спокойствия, нет сплоченности, что все, даже в руководстве, не говоря уже о местах, мыслят не одинаково, а это мешает китайским ревизионистам орудовать подобно хрущевцам.

ПЯТНИЦА
16 СЕНТЯБРЯ 1977 г.

ОБО ВСЕМ СУДИТЬ ХЛАДНОКРОВНО

Со времени визита Тито, китайская пропаганда не выступает против советского социал-империализма. Что касается американского империализма, то она давно полностью перестала выступать против него. Эта пропаганда также не говорит и о „третьем мире“, в связи с которым Тито возразил, назвав его искусственным делением мира. Он защищал и подчеркивал свое мнение о том, что существуют лагеря в составе ряда государств, как и система „неприсоединившихся стран“.

Китайцы, как я неоднократно писал, оказали Тито помпезный прием и в Шанхае, где он не преминул пуститься в демагогию на титовский манер о Югославии, о „самоуправлении“ и об „очень развитых“ экономических и технологических связях, которые Югославия может установить с этой огромной индустриальной метрополией Китая. Иными словами, это можно понимать так, что посредством Югославии Соединенные Штаты Америки предоставят Китаю передовую технологию, и Китай, таким образом, не опозорится и не будет основательно скомпрометирован своим союзом с американским империализмом. От этого выигрывают и Соединенные Штаты Америки, и Тито, и Китай. В проигрыше от этой ревизионистской деятельности оказывается революция.

Итак, Китай стал и еще дальше зайдет по пути измены марксизму-ленинизму и революции. Теперь мы очень внимательно будем следить за этим процессом, ибо он связан в первую очередь со всем миром, но в особенности с нами. **Какую позицию займут китайцы по отношению к нам? Ясно, что их идеологические и политические позиции будут противополож-**

ны нашим. В настоящее время наши взаимные пререкания и взаимные атаки — косвенны. Наши возражения — обоснованные, существенные, так что их нельзя опровергнуть, тогда как их возражения беспочвенные и антимарксистские.

Выгодно ли теперь китайцам, чтобы полемика велась косвенно, или же они захотят вести ее открыто? Насколько мы знаем Китай, он всегда практиковал подобную косвенную полемику. Он боролся против Тито, с тем чтобы не упоминать о Хрущеве, он два-три года подряд нападал на „Хрущева номер один", чтобы не упоминать о Лю Шао-ци, против которого Мао Цзэдун развернул Пролетарскую культурную революцию. Долгое время Дэн Сяо-пина он называл „Хрущевым номер два" Китая и т.д. и т.п. В практике Китая существует подобная тактика.

Китайцы заявляют: „Пусть другие нападут на нас первыми, а потом и мы нападем на них". Но и мы, пока не переполнится чаша терпения, будем придерживаться их тактики. Дело еще и в том, что китайцы, чтобы скрывать свои пакости, чтобы скрывать свои антимарксистские идеологические и политические действия могут поддерживать нормальные торговые связи с нами и соблюдать, конечно, с задержками, договорные обязательства перед нами. Быть может, они не будут соблюдать эти обязательства, а, быть может, они до того будут откладывать их выполнение, что мы вынуждены будем посылать им ноту за нотой. И мы именно так будем поступать. Во всяком случае, нам надо прослеживать этот вопрос и в отношении выполнения китайцами своих обязательств перед нами. Мы заинтересованы в том, чтобы они выполняли эти обязательства, но мы, конечно, не должны идти ни на какие политические и идеологические уступки. Когда речь идет о разоблачении их антимарксистской деятельности, мы должны найти доступные всем методы и средства разоблачения, говоря обинякам и не показывая пальцем на кого-нибудь. Именно такую тактику мы должны проводить в настоящее время, поскольку мы не видим заметного ускорения антимарксистских действий китайцев против нас. Эта тактика не может быть всегда одинаковой, она не может иметь всегда одинаковую

интенсивность. Это зависит от моментов, от обстоятельств и от ошибок, которые будут допускать китайцы. Обо всем мы должны судить хладнокровно, исходя из интересов мировой революции и чистоты марксизма-ленинизма, из интересов нашей партии и нашей социалистической родины.

ЧЕТВЕРГ
6 ОКТЯБРЯ 1977 г.

ЭТО ГЛУПОСТИ

Речь китайского министра иностранных дел в ООН представляла собой фиаско. Она не была политической речью, она даже не была посредственной статьей; казалось, будто Хуан Хуа выступал перед революционным комитетом какой-нибудь народной коммуны в Китае. Разве можно говорить в Организации Объединенных Наций такие слова, как: „Хуа Го-фэн — мудрый вождь, которого Мао Цзэдун лично выбрал себе преемником“? Даже и королева Англии, хотя там и существует закон династии, не может предоставить престол своему сыну, чтобы сделать его королем страны, не собрав сперва Совет короны, затем Палату общин и т.д. и т.п. А в Китае, в стране, называющей себя социалистической и марксистско-ленинской страной, Мао Цзэдун имеет, оказывается, право назначать председателя партии и премьер-министра, как он поступил с Хуа Го-фэном. Разве можно говорить на сессии Организации Объединенных Наций, что председатель партии, Хуа Го-фэн, „одним ударом разгромил банду четырех“? Ведь это глупости. Какое впечатление может производить подобная речь на страны так называемого третьего мира, которых Китай стремится взять под свою опеку?

ВОСКРЕСЕНЬЕ
9 ОКТЯБРЯ 1977 г.

НАШИ ПОЗИЦИИ РАЗОБЛАЧАЮТ ПЛАНЫ РЕВИЗИОНИСТОВ

Речь албанского представителя в Организации Объединенных Наций произвела хорошее впечатление, а мы того и хотели добиться, особенно в отношении малых стран так называемого третьего мира, изобретенного китайцами, как и в отношении „неприсоединившихся стран", которыми якобы руководят титовцы. Мы разоблачили все эти „теории", чем действительно расстроили планы их авторов. **Китайский план „третьего мира" был крупным коварным планом, нацеленным на то, чтобы Китай, став во главе „третьего мира" и „мира неприсоединившихся", стал другой сверхдержавой.** Этим объясняется и цель поездки Тито в Пекин, и результаты переговоров между Хуа Го-фэном и Тито. Однако наши акции, постановка вопросов на VII съезде сквозь идеологическую и политическую призму, статья от 7 июля и т.д. разоблачили эти планы, построенные Мао Цзэдуном, а затем и его преемниками.

Теперь нам надо продолжать это дело, ибо в мире должны победить и укорениться правильные, марксистско-ленинские принципы, приносящие всем народам мира свободу, независимость и подлинный суверенитет, способствующие разгрому и уничтожению американского империализма, советского социал-империализма и китайского современного ревизионизма, также стремящегося стать сверхдержавой.

**ПЯТНИЦА
14 ОКТЯБРЯ 1977 г.**

ГИБРИДНЫЙ РЕВИЗИОНИЗМ

Вчера я читал передовицу „Жэньминь жибао“ „О расцветании ста цветов и соперничестве ста школ“, о старой теории Мао Цзэдуна, существующей еще со времен господства клики Лю Шао-ци, Дэн Сяо-пина, Пэн Чжэня и др., против которых была направлена „Великая культурная“ и даже „пролетарская революция“.

Мао Цзэдун выдвинул эту, так сказать, „гениальную“ идею, соответствующую его оппортунистическим взглядам, так как подобная идея означала, что всем буржуазным, капиталистическим, марксистским, псевдомарксистским, ревизионистским, троцкистским, анархистским взглядам, к какой бы области они ни относились, надо было предоставлять свободу развиваться и вокруг них надо было вести дискуссии. Эта линия была связана с его оппортунистическими взглядами, потому что, как видно из его сочинений, он руководил „социалистическим строительством“ в Китае не на основе марксистско-ленинской теории, а на основе некой гибридной „теории“, „маоцзэдунъидеи“. **Как признает собственными устами сам Мао, этим „социалистическим строительством“ в Китае руководит не только Коммунистическая партия Китая. Им руководят и другие буржуазные партии, которые объединены в один фронт с Коммунистической партией Китая.** По мнению Мао Цзэдуна, эти партии также должны руководить Китаем вместе с Коммунистической партией. Понятно, что, согласно подобной „теории“, эти партии имеют право не только высказывать свое мнение о строительстве нового Китая, но и выра-

жать свои философские взгляды на искусство, культуру, государственное устройство, армию и т.д. и т.п.

Теория „расцветания ста цветов и соперничества ста школ“ не выходила за рамки философской линии Мао Цзэдуна, а только считалась отображением образцовой борьбы масс, то есть отображением политики у власти, при которой массы могли бы вести полемику. Но что случилось с введением этой „теории“ председателя Мао? Случилось так, что вся реакционная буржуазия Китая начала писать тысячи статей на политические, теоретические, культурные и другие темы, явно противоречившие марксизму-ленинизму. Этими статьями пытались возобновить в широких народных массах идею о том, что социализм, построенный в Советском Союзе под руководством Сталина, не был подходящим, поэтому Китаю надо было идти другим, буржуазно-капиталистическим путем. Вся эта кампания насилия пользовалась поддержкой реакционной клики Лю-Дэна.

Но как только Мао Цзэдун и его группа заметили подобную ситуацию, то есть, как только они увидели, что взрыв этих „чертей“, которых они сами выпустили из бутылки, был очень опасным, приняли меры к его предотвращению. Этот взрыв выходил за рамки намерений Мао Цзэдуна, ибо он и его компания, правда, одобряли подобное „расцветание ста цветов и соперничество ста школ“, но не в том размахе, который оно получило. Это показывало, что эта „гениальная“ идея Мао исчерпала себя.

Однако, как известно, сразу после этого Мао Цзэдун развернул „Великую культурную“ и даже „пролетарскую“ революцию“ с участием студенчества, „Красной гвардии“ и армии, ликвидировав партию и массовые организации; этим он ликвидировал штаб Лю Шао-ци. На деле Мао ликвидировал Лю Шао-ци, Пэн Чжэня и некоторых других реакционных руководителей, но не Дэна, который был Лю Шао-ци номер два, и некоторых других, подобных ему, отъявленных ревизионистов.

Нечего долго останавливаться на этом. Культурная революция предприняла известные попытки, конечно, хромые, ибо ее голова, Мао Цзэдун, не стоял на подлинно марксистско-ленинских позициях, чтобы довести до конца эту революцию, то есть революцию в условиях диктатуры пролетариата. **В этой революции не вступила в силу и не была приведена в действие диктатура пролетариата, наоборот, эта революция, которая, по словам Мао, была „пролетарской" революцией и совершалась „под диктатурой пролетариата", руководствовалась не этой диктатурой, а некоторыми неясными, нереволюционными идеями.** В ходе Великой культурной революции принимались как полезные, так и вредные меры, но Мао Цзэдун, снова побоявшись ее и, ликвидировав Лю Шао-ци, сдержал, сообща с Чжоу Энь-лаем это движение и попытался поставить Китай на позиции, которые сам Мао считал целесообразными, т.е. не на революционные, не на марксистско-ленинские, а на оппортунистические и либеральные позиции. И Мао добился своего; он реабилитировал Дэна и назначил его также заместителем премьер-министра и заместителем председателя партии.

Однако после смерти Чжоу Энь-лая в Политбюро существовала „четверка", как ее именуют Хуа Го-фэн с компанией, которые квалифицировали ее как реакционную, радикальную, псевдолевую, но которая, на деле, была названа правой группой, выступавшей против всего. Она, по их утверждению, выступала за „приход буржуазии к власти, за ликвидацию социализма" и т.д. и т.п. Так что, после смерти Чжоу Энь-лая и Мао, Хуа Го-фэн, при помощи армии, „одним ударом" ликвидировал „четверку", то есть посредством путча восстановил положение.

А теперь перейдем к „ста цветам и ста школам". Итак, линия путчистов — ясна. Им нужна была эта старая „теория" Мао Цзэдуна, но, согласно передовой статье „Жэньминь жибао", ее широкому развитию мешала „четверка". Очень хорошо, если „четверка" мешала этому, но Хуа Го-фэн и Дэн Сяопин с компанией обвиняют „четверку" в том, что она этим якобы совершила тяжкое преступление, поэтому они опубли-

ковали передовую статью, в которой проповедуют „расцветание ста цветов и соперничество ста школ“. Это значит, выступать за расцветание всех конфуцийских и буржуазно-капиталистических философских течений, причем эта идеалистическая, капиталистическая и прагматическая идеология, эта „маоцзэдунъидея“ облачена в марксистско-ленинскую тогу. „Это дальнейшее развитие передовой китайской мысли, — отмечается в этой статье, — является продолжением и точным претворением в жизнь идей Мао Цзэдуна“. Да и в самом деле так оно и есть: развитие немарксистских идей Мао Цзэдуна.

Это нужно пришедшей к власти ревизионистской клике для превращения социалистического Китая в капиталистическую страну; это нужно ей для подготовки почвы к крупным капиталистическим капиталовложениям международных корпораций и для создания в Китае крупных концернов, которые вступали бы в кооперацию с крупными концернами США и других экономически развитых капиталистических стран, то есть стран „второго мира“. Этот мир и его крупные концерны хотят производить капиталовложения в Китае, ибо там у них огромные интересы. Китайский рынок колоссален, богатства Китая — огромные. Вот почему эти страны хотят, чтобы в Китае власть была стабильной, чтобы там не было революции, а для этого надо не только чтобы у власти стояли контрреволюционеры, но и чтобы организация, базис и надстройка китайского государства носили капиталистический характер, то есть, чтобы его экономические, политические и идеологические отношения с великими империалистическими державами развивались гармонично. Поэтому „теория“ расцветания „ста цветов и соперничества ста школ“, как типично ревизионистская теория, подходяща для них.

Позавчера я прочитал статью во французской газете „Ле Монд“, чей корреспондент трактовал некоторые взгляды французского ревизиониста Гароди; помимо всего прочего, последний выражает те же взгляды, что и китайцы, на развитие искусства и культуры, но не упоминая выражения „сто цветов и сто школ“. Автор данной статьи писал, что надо чтобы искусство, культура и философия свободно развивались в со-

ответствии со взглядами и убеждениями каждого, что никоим образом не надо руководствоваться устаревшими догмами, а надо допускать их сопоставление, с тем чтобы будущее было изобретено, а не предвидено, то есть, чтобы оно было изобретено мыслителями, которые должны свободно развивать свои разнообразные взгляды. Иными словами, как явствует и из этой статьи, Гароди проповедует те же взгляды, что и Мао. Где-то в этой же статье корреспондент газеты „Ле Монд“ выражает свое сожаление о том, что, изучая философию в Парижском университете, он не ознакомился и с индийской, китайской, арабской философией и т.д.

Идеологически китайцы стоят на тех же позициях, что и все ревизионистские течения мира, прибавляя к ним и характеристики китайского ревизионизма, которые дадут себя знать в силу самого китайского общества, стремлений ревизионистской клики и древней китайской философии. Иными словами, **китайский ревизионизм будет результатом сложной, мистической, дьявольской гибридизации, так как китайцы будут отстаивать все более и более упорно свои ревизионистские эклектические теории**. Характерной чертой китайской ревизионистской идеологии будет большой разброд в национальном масштабе, нацеленный не только на подавление революционного движения и на дискредитирование марксизма-ленинизма; ведь этот эклектизм вызовет также разброд в идеологии других ревизионистов, особенно тех, кто выступает в поддержку советского ревизионизма.

Китайцы будут вызывать идейный разброд не только движимые желанием изобличать советский ревизионизм, но и в силу конфуцийской азиатской психологии и миропонимания Китая и вообще азиатской идеалистической философии. Говоря о философии, нельзя не учитывать влияние на нее религии — буддизма, брахманизма, христианства и магометанства; причем последние воздействуют в таких размерах, что могут проявляться на азиатском континенте и на китайском подконтиненте.

Кроме того, политика Китая будет характеризоваться также большой и постоянной неустойчивостью. Долгое время

она будет характеризоваться лицемерием, улыбками, но в то же время и ударами, беспринципными атаками и контратаками. Вся эта политика будет характеризоваться стремлением к осложнению обстановки и в других странах, особенно в Азии и в Африке, где Китай стремится распространить свое господствующее влияние, иными словами, создать себе те рынки и те сферы влияния, которые нужны ему для того, чтобы стать сверхдержавой.

Исходя именно из этого надо вести борьбу против китайского ревизионизма. **„Большая“ политика Китая натолкнется не только на решительную борьбу Албанской партии Труда и всех других марксистско-ленинских коммунистических и рабочих партий мира, но одновременно и на противодействие народов так называемого третьего мира**, по отношению к которым Китай полагает, что может проводить лживую, многоликую, двурушническую политику. Он окажется в противоречии с тем или с другим народом, ибо сам ревизионизм таков, что рождает противоречия. Однако и империалистические вожделения Китая вызовут противоречия не только между ним и империалистами, не только между ним и крупными индустриализованными государствами, то есть между ним и другими, менее крупными, чем американский империализм и советский империализм, империалистами, но и между государствами и народами, которые он относит к „третьему миру“.

Китай оказал поддержку Мобуту, он стал на сторону, противоположную интересам конголезского народа. Теперь в обстановке конфликта между Эфиопией и Сомали, увидев, что был дискредитирован в Африке своей прежней позицией, Китай начал отступать. Видно, что в настоящее время он выступает в поддержку Сомали, воюющего против Эфиопии. Война между этими двумя африканскими странами вызвана сверхдержавами, стратегическими и экономическими интересами американского империализма и советского социал-империализма. Советский социал-империализм оказывает поддержку Эфиопии, а Соединенные Штаты Америки — Сомали. Китаю надо было выступать в поддержку Сомали в его войне против Эфиопии, что он и делает теперь, но очень осторожно. Все же

это опять-таки вызывает противоречие и изобличает громогласные заявления Китая о том, что он якобы выступает в поддержку малых народов. Раз он склонен к тому, чтобы оказывать помощь малым народам, то он должен определить, какую помощь должен оказывать им. Но Китай не в состоянии определить такую правильную политику, ибо его политика является не марксистско-ленинской, а конъюнктурной, эклектической, капиталистической политикой. Он должен поддерживать одну капиталистическую группу и бороться против другой, ему иначе поступать нельзя. Если бы Китай проводил марксистско-ленинскую политику, то он должен был выступать против всех тех, кто подстраивает эти войны между народами, а народам этих двух стран он должен был указать истинный путь, то есть путь борьбы за независимость, свободу и подлинный суверенитет, сведя на нет влияние и вмешательство империалистов и ревизионистов. Но этого Китай не может делать, так что его политика всегда будет конъюнктурной политикой, капиталистической политикой, часто впадающей в противоречие, и она дискредитирует его в политическом и идеологическом отношениях.

Подлинной целью Китая является получение многочисленных кредитов от Соединенных Штатов Америки, в первую очередь, но и от Японии, Западной Германии, Франции и т.д. на укрепление своей армии и экономики. Они составляют две цели Китая в области политики и идеологии. В этих его установках нет ничего марксистско-ленинского, наоборот, это есть буржуазная политика и буржуазная идеология, и они превратят Китай в государство с крупным экономическим и военным потенциалом, но с капиталистическими базисом и надстройкой.

С каждым днем и с каждым месяцем марксисты-ленинцы все лучше будут видеть эту антимарксистскую политику Китая. Бедные народы мира, стремящиеся к свободе и подлинной независимости, также хотят избавиться от оков капитала. Они с каждым днем все лучше будут видеть и понимать также, что Китай проводит такую же экспансионистскую политику, что и американский империализм и советский социал-им-

периализм; они поймут, что Китай ориентирует свою политику на реакционных лидеров этих стран, а не на народы.

Несомненно, нам, марксистам-ленинцам, в особенности Албанской партии Труда, надо вести упорную, ожесточенную, неравную борьбу со всеми империалистическими и ревизионистскими державами. Борьба, которую мы ведем против китайского ревизионизма, конечно, является ожесточенной борьбой и она, независимо от временных тактических приемов, которых мы будем придерживаться по уже указанным причинам, будет неуклонно нарастать. Но дело в том, что все другие подлинные марксистско-ленинские коммунистические партии должны осознать, что перед нами ярый враг и что нам предстоит очень жестокая и очень сложная борьба, и что в процессе ее мы будем наталкиваться на большие трудности и препятствия, но будем одерживать и победы.

Марксистско-ленинские коммунистические партии в мире должны развернуть интенсивную работу среди масс рабочих и всех трудящихся своих стран, чтобы разъяснить им свои цели, свою программу-минимум и программу-максимум. Важно, чтобы эта работа конкретизировалась, и она мало-помалу будет конкретизироваться, однако ее надо основательно, а не поверхностно конкретизировать, ибо поверхностная конкретизация не создает благоприятных условий, необходимых для преодоления критических фаз и трудных моментов, через которые будут проходить марксистско-ленинское движение, социализм, коммунизм и революция в мире.

**ПОНЕДЕЛЬНИК
24 ОКТЯБРЯ 1977 г.**

ИНТЕРВЬЮ ДЭН СЯО-ПИНА — ИНТЕРВЬЮ ФАШИСТА

Прошлую неделю Дэн Сяо-пин дал АФП (французскому телеграфному агентству) интервью по многим проблемам и ответил на ряд вопросов, заданных ему корреспондентами этого агентства. Вообще, задавая эти вопросы, АФП стремилось разузнать различные взгляды китайского руководства, особенно Дэн Сяо-пина, и последний открыто, без обиняков выразил взгляды китайского правительства.

Выдвинутая им основная проблема состояла в том, что надо еще выше поднять мировую напряженность против советского социал-империализма, который, по мнению китайских ревизионистов, является главным врагом. Дэн Сяо-пин открыто заявил, что всему миру надо мобилизоваться и объединиться в единый фронт для того, чтобы одолеть Советский Союз и расстроить его планы войны. „Надо расстроить генеральный план войны, подготовленный Советским Союзом, — сказал он, — и надеюсь, что усилия к этому охватят весь мир, третий мир, второй мир, и даже первый мир, то есть США“. „Необходимо, — продолжал Дэн Сяо-пин, — чтобы эта мобилизация была всесторонней — политической, идеологической, экономической и военной“, и он призвал Соединенные Штаты Америки и другие великие империалистические государства прекратить поставку Советскому Союзу зерновых, технологии и т.д.

„Мы, — заявил Дэн Сяо-пин, — будем усваивать всю зарубежную технику и технологию, будем укреплять нашу экономику, будем укреплять нашу армию и нашу оборону и будем готовыми к войне против Советского Союза“. Из от-

ветов Дэна стало ясно, что Китай надеется получить большую помощь от империалистов. Дэн Сяо-пин заявил: „Мы будем продолжать проводить политику председателя Мао в области внешних вопросов, а именно теорию трех миров, которая в будущем будет положена в основу нашей внешней политики… Я первым выдвинул эту теорию в Организации Объединенных Наций в 1974 году“. И, обращаясь к корреспондентам АФП, он заявил, что „первым, кто аплодировал этой теории, был ваш бывший министр иностранных дел Мишель Жобер“.

На вопрос о критике нашей партии теории „трех миров“ Дэн Сяо-пин ответил: „Такая критика не имеет для нас никакого значения… Что касается тех, кто не хочет признать эту теорию, то это их дело. Самым фанатичным противником теории трех миров является Советский Союз“. Другими словами, мы, албанцы, по мнению Дэн Сяо-пина, являемся рупорами Советского Союза.

Этот китайский фашист впадает в противоречие с теорией китайского руководства и с самим собой, ибо он, хотя и говорит, что главным и опасным врагом является Советский Союз, отстаивает тезис о том, что Советский Союз — слаб, что у него не хватает пшеницы, не хватает хлеба, не хватает технологии, и заявляет, что это неправда, будто он обладает превосходством в области атомного оружия массового уничтожения и т.д. До сих пор еще не было такого ярого фашистского деятеля, прикидывающегося марксистом-ленинцем, который проповедовал бы кровопролитную империалистическую войну в мировом масштабе. Таким является Дэн Сяо-пин, за которым стоит китайская фашистская военщина, стоит, конечно, и Хуа Го-фэн.

Тем не менее, **в этом интервью Дэн Сяо-пин совершенно не упомянул о знаменитом председателе Хуа Го-фэне. Он говорил на правах председателя партии, на правах премьер-министра, на правах диктатора Китая**, говорил с неограниченным авторитетом и с вызывающей наглостью о своих агрессивных стремлениях и об открытом и всестороннем сотрудничестве с Соединенными Штатами Америки и с другими развитыми капиталистическими странами мира.

В этом интервью Дэн Сяо-пина не найдешь ни слова „социалистическое“, ни термина „социалистическая страна“, ни „марксизм-ленинизм“. Все они исчезли из словаря этого фашиста.

На вопрос о том, какого он мнения о „еврокоммунизме“, Дэн Сяо-пин сказал, что он еще не симпатизирует этим партиям, ибо он сомневается и опасается того, что последние хотят войти в состав правительств своих стран с целью ослабления напряженности с Советским Союзом, а сам он открыто заявил, что он против ослабления напряженности. Он подчеркнул, что надо все сделать для повышения напряженности, т.е. для усиления психоза новой империалистической войны. Относительно этих партий он сказал также, что Китай „ценит их стремления к независимости от Советского Союза..., но мы должны еще подождать, чтобы увидеть, будет ли это подтверждено реальной действительностью“. Но, чтобы округлить вопрос, он добавил, что „мы не так хорошо в курсе этих вопросов, ибо эти партии далеко от Китая, они находятся в Европе“. Дэн Сяо-пин проводит не только европейскую и не только азиатскую политику, он проводит „большую“ мировую политику, поэтому, заявляя, что он не так хорошо в курсе вопросов „еврокоммунизма“, так как „еврокоммунисты“ находятся в Европе, он подтверждает свои фашистские взгляды, открыто давая понять, что его ничто не интересует, что он ни на что не смотрит сквозь классовую призму, на все он смотрит сквозь призму атомной кровопролитной войны в мировом масштабе.

Вот такова суть этого интервью Дэн Сяо-пина. К концу интервью АФП добавляет, что, когда он говорил о нашей стране, он сказал, что Албания обрушилась на Китай в связи с его теорией „трех миров“, с его дружбой и его сближением с Соединенными Штатами Америки.

До чего страшна для судеб человечества и революции нынешняя политика Китая, до чего опасен этот человек, до чего опасна клика, господствующая ныне в Китае!

Мы стараемся на фактах и документах доказать, что Китай проводит курс на сближение с Соединенными Штатами

Америки и с крупной мировой капиталистической буржуазией, а ведь доказать это нетрудно, ибо сам Дэн Сяо-пин и его клика совершенно открыто говорят уже не о сближении, а о союзе с Соединенными Штатами Америки и с поджигателями войны всего земного шара. Дэн Сяо-пину все равно, что вследствие предлагаемых им действий будет пролита кровь народов и пролетариата всех стран. Этот фашист не считается с освободительной борьбой народов против империализма, социал-империализма, ревизионизма всяких мастей и реакционной буржуазии их стран. Дэн Сяо-пин и китайская руководящая клика выступают против этих освободительных войн, поэтому они призывают к их прекращению и советуют народам подчиниться китайскому фашистскому диктату.

Это воистину мысли возбужденного кровопийцы. Левые китайские элементы по праву осудили Мао Цзэдуна за реабилитацию этого изверга, который впоследствии снова был низложен. Но, когда в Китае восторжествовала контрреволюция с Хуа Го-фэном во главе, последний ликвидировал так называемую четверку и реабилитировал Дэн Сяо-пина, которого даже сам Хуа считал опасным и правым ревизионистом. Однако Дэн Сяо-пин уже закусил удила. Это говорит также о том, что китайское руководство, по всей видимости, раздирается глубокими противоречиями, расколом.

По поступающим сообщениям У Дэ и Чэнь Си-лянь устраняются. Оба они были членами Политбюро, сообща с Хуа Го-фэном атаковавшими Дэн Сяо-пина. Ныне их обвиняют в дацзыбао в том, что они не выступили с самокритикой, иными словами, что они не покоряются Дэн Сяо-пину. Однако, по всей видимости, Хуа Го-фэн также не вполне согласен с Дэн Сяо-пином и, несомненно, он и его группа сговариваются, чтобы устранить Дэна и его группу.

История государства Китая представляет собой нечто иное, как процесс повторявшихся один за другим путчей, при которых каждая из групп пыталась прибрать власть к своим рукам и проводить свою политику. Поэтому мы явимся свидетелями многих событий в Китае, ибо группа Дэн Сяо-пина стремится стать полномочной.

Не случайно Дэн Сяо-пин столь открыто провозгласил эту политику перед мировой общественностью. Конечно, вся мировая общественность, не только марксисты-ленинцы, но и крупная капиталистическая буржуазия, и американский империализм несогласны со столь грубой политикой и столь наглым диктатом Дэн Сяо-пина. Ведь они понимают намерения Китая: получить крупные кредиты от империалистических и капиталистических стран, укрепить свою армию и экономику, стать сверхдержавой, противостоящей мощи двух самых крупных государств — Соединенных Штатов Америки и Советского Союза. Конечно, американцы и все международные корпорации, субсидирующие Китай, Советский Союз, Восточную Европу и друг друга, не так уж глупы, чтобы стать на путь, который им советует Дэн Сяо-пин. Общеизвестно, что война вспыхивает тогда, когда противоречия крайне обострены. Да и в самом деле эти противоречия обостряются. В мире есть главные элементы, способствующие развязыванию войны, но есть и другие элементы, как инвестиционные общества, которые служат не маловажным катализатором в этом отношении, и именно эти международные корпорации, эти колоссальные тресты и диктуют политику правительствам.

Помнится одно наглое высказывание Хрущева, помещенное в какой-то газете. Когда в Советский Союз съездила итальянская делегация для переговоров по вопросам итальянских инвестиций там, Хрущев сразу перестал обращать внимание на двух итальянских министров и пальцем обратился к Анели, президенту „ФИАТ“, со словами; „Я хочу побеседовать с вами, а то те другие сегодня стоят у власти, а завтра — нет, тогда как вы всегда будете у власти, ибо власть — это вы, а не они“. Это было не беспочвенной мыслью Никиты Хрущева. В заключение можно сказать, что не Дэн Сяо-пин со своими баснями решает судьбы мира.

ПОНЕДЕЛЬНИК
31 ОКТЯБРЯ 1977 г.

АНТИМАРКСИСТСКИЙ ДОКУМЕНТ

Некоторые предварительные замечания по поводу редакционной статьи газеты „Жэньминь жибао“ о делении мира на „три мира“

Эта длинная, якобы теоретическая, статья является насквозь псевдомарксистской. Я опять вернусь к ней, чтобы подробнее рассказать о ее содержании и цели, а сегодня я предварительно хочу подчеркнуть, что **эта статья написана в противовес положениям нашего VII съезда, его главным идеям и подробному изложению этих идей в разных опубликованных нами статьях.**

Я думаю, что китайцы опубликовали эту статью с довольно большим опозданием потому, что первым делом им надо было нащупать пульс международной коммунистической общественности и вообще мировой общественности относительно положений нашего съезда и их дальнейшего развития в статьях, опубликованных нами впоследствии. Они увидели, что мировая общественность решительно реагировала в пользу положений нашей партии. Мир понял, что мы атаковали псевдомарксистские тезисы маоцзэдуновской теории „трех миров“ и курс Китая на дружбу и союз с американским империализмом.

Первое время тактика китайских ревизионистов заключалась в том, чтобы собрать все послушные им псевдомарксистсколенинские партии, такие как „коммунистические“ партии (марксистско-ленинские) Франции, Бельгии, Нидерландов и т.д. и натравить их на нас. Но эта тактика не дала никаких

результатов, ибо никто не внимал действиям китайцев и их лакеев. При таких обстоятельствах Китай вынужден был опубликовать указанную статью, главная цель которой заключается в том, чтобы доказать, будто Албанская партия Труда не делает правильного марксистско-ленинского анализа международного положения, будто она не в состоянии давать истинно марксистско-ленинского объяснения событий. Итак, **этой статьей китайцы в первую очередь хотят подвергнуть испытанию маоцзэдуновскую теорию „трех миров“, представляя дело так, будто она полностью основана на теории Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.** На это нацелено и приведение уймы исковерканных и извращенных цитат из классиков марксизма-ленинизма. Этими цитатами китайцы стараются „доказать“, что в настоящее время главную опасность представляет советский ревизионизм, поэтому, мол, необходимо, чтобы „третий мир“ заключил союз со „вторым миром“ и с Соединенными Штатами Америки с целью разгрома советского социал-империализма.

Этой статьей китайцы стараются „обосновать“ необходимость того, чтобы пролетариат и угнетенные народы пошли на союз со своими же угнетателями! Они пытаются доказать, будто, исходя из теории Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, получается, что мы, албанцы, якобы не понимаем текущие моменты, союзы, не понимаем, в чем заключается главная опасность и, наконец, не понимаем роль, отведенную государствам „третьего мира“, которые, по их словам, составляют главную силу революции!

Одна из целей этой китайской статьи заключается в том, чтобы свести на нет во всех странах, и особенно в странах „третьего мира“, эффект, который материалы VII съезда нашей партии возымели на мировую общественность, как и широкий резонанс статьи газеты „Зери и популлыт“ „Теория и практика революции“. Теория „трех миров“ является ключевым вопросом для Китая, который, включаясь и сам в этого рода „третий мир“, идеологически пытается оправдать свою гегемонию. Своей антимарксистской стратегией „трех миров“, облаченной в марксистскую тогу, Китай стремится обеспе-

чить себе экономическую, военную и политическую помощь Соединенных Штатов Америки, распространить в странах „третьего мира“ свою антимарксистскую идеологию, постоянно и тщательно подготавливать себе рынки в этом мире и вместе с тем не дать советскому ревизионизму занять новые рынки. Таким образом Китай пытается одним выстрелом убить несколько зайцев.

Эти контрреволюционные стратегические и практические цели Китая мы разоблачали и должны разоблачать и впредь. **В этой новой статье „Жэньминь жибао“ не говорится о революции, ибо для китайцев устарели ленинские положения о том, что империализм является последней стадией капитализма и кануном пролетарской революции. Пролетарская революция вычеркнута из плана китайцев, ибо для них на первом плане стоит союз с буржуазией, с мировым капитализмом, с американским империализмом.** Эта китайская разновидность современного ревизионизма не только поставлена на службу американскому империализму, но проявляет еще тенденцию сплотить вокруг себя все остальные ревизионистские клики, стоящие у власти, начиная от титовцев и вплоть до польских ревизионистов.

Другая цель китайцев заключается в том, чтобы отколоть от Советского Союза ревизионистские клики стран Восточной Европы и связать их союзом с Китаем и с американским империализмом в рамках так называемого третьего мира и второго мира. **Китай стремится создать в мире разнообразное единство ревизионистов, с тем чтобы все вместе они были в состоянии сломать „дирижерскую палочку“, то есть советских ревизионистов, которые продолжают пользоваться влиянием в мире, выдавая себя за преемников Ленина, и которые в настоящее время держат под своим гнетом страны Восточной Европы. Итак, китайский ревизионизм представляет собой разновидность современного ревизионизма, стремящуюся вступить в союзы с различными формами ревизионизма везде в мире и установить свое господство. Китайский ревизионизм сотрудничает с империализмом, с тем чтобы социализм победил „мирным“ путем, „демократическими“ и**

„парламентскими“ методами, без насильственной революции, без гегемонии пролетариата, то есть путем социальной революции, руководимой многими партиями, иначе говоря, по принципу плюрализма. Как выражался Сантьяго Каррильо, генеральный секретарь „Коммунистической“ партии Испании, дело в том, чтобы преобразовать нынешнее капиталистическое государство, „демократическим“, „парламентским“ путем, а не разрушить его до основания. В таком государстве каррильовского типа должны иметь свои места и буржуазные партии. Каррильо выступает за проведение подобного „социалистического“ преобразования тихо-мирно и постепенно, а не революционным путем.

Конечно, ни американские империалисты, ни развитые капиталистические страны Запада не пойдут проповедуемым Китаем или Каррильо путем; они, не обращая внимания на них, будут бороться за свои интересы, за гегемонию. В настоящее время империалисты и капиталисты заинтересованы в извлечении больших прибылей из капиталовложений, которые они производили и производят в Советском Союзе и в бывших странах народной демократии, так же как они заинтересованы и в производстве капиталовложений в Китае. Американский империализм и остальные империалисты никогда не могут забыть об этой цели, ибо осуществление ее означает упрочение не только их экономических, но и политических и военных позиций, тем самым оно ставит все эти страны в какую-то зависимость от них. Этого не могут не замечать Советский Союз и Китай; и тем не менее ни тому, ни другому невыгодно из-за вшей бросить шубу в печь.

Особенно Советскому Союзу невыгодно начать войну в Европе, ибо это было бы сопряжено с тяжелыми для него последствиями. Если Советский Союз объявит войну, то этот шаг он предпримет по отношению к самому слабому звену капитализма, которым ныне является Китай, переживающий процесс нарастания и обладающий крупными богатствами, которые могут быть эксплуатированы. Советский империализм, как и всякий другой империализм, направит свой удар туда, где он надеется обеспечить себе больше выгод, а не туда, где

ему невыгодно, как, скажем, на Европу. То, чего он мог бы добиться в этой зоне, это обеспечение полной гегемонии, но это невозможно, так как даже если бы советскому социал-империализму удалось поглотить Европу силой оружия, то он все равно оказался бы перед колоссальной преградой в лице европейских народов, которых он не смог бы долго эксплуатировать и держать в рабстве.

Пользуясь поддержкой американского империализма, китайские ревизионисты стараются при помощи лжи и псевдомарксистских лозунгов идеологически и экономически проникнуть в страны „третьего мира" и установить там свою гегемонию. **Значит, стремясь стать сверхдержавой, Китай работает над тем, чтобы первым делом подготовить политическую и идеологическую почву, а потом перейти к действию — к наводнению этих стран своими капиталами, когда у него будут такие, а затем прибегнуть и к военной угрозе, как поступают ныне Соединенные Штаты Америки и Советский Союз.**

Ныне руководство Коммунистической партии Китая думает, что возникшие в отношениях между ним и Албанской партией Труда противоречия, которые будут неуклонно обостряться, касаются только взглядов на международные проблемы. Правда, одно из основных противоречий между нами заключается именно в трактовке этих проблем, однако корень наших противоречий глубже. **Албанская партия Труда, как марксистско-ленинская партия, подвергая анализу международную обстановку, раскрывает, в чем источник антимарксистских взглядов Коммунистической партии Китая в этой области. В общих чертах наши противоречия с этой партией возникают вследствие того, что Коммунистическая партия Китая не является марксистско-ленинской партией. Поскольку она не является такой партией, в Китае не может быть диктатуры пролетариата, там не может быть построен социализм.** Нашей партии, в общих чертах, ясна эта проблема, но тем не менее она должна еще глубже войти в ее суть.

В редакционной статье „Жэньминь жибао" ничего не говорится о гегемонии мирового пролетариата и его борьбе.

Умолчание о гегемонии пролетариата объясняется тем, что Коммунистическая партия Китая никогда не считала пролетариат руководящим классом в революции. В этом и кроется причина того, что китайской революцией не руководили ни пролетариат, ни его идеология. В авангарде этой революции шло крестьянство. Подобное положение продолжалось и после провозглашения Китайской Народной Республики. Этим можно объяснить антимарксистские действия китайских ревизионистов как внутри страны, так и в международной плане. **Поскольку они трактуют противоречия и союзы различных сил в соответствии со своими антимарксистскими взглядами, они делают сравнения и с союзами, которые Китай заключал во время своей революции.**

Мы должны подвергать более глубокому анализу эти последние вопросы, не только потому, что они являются источником всех допущенных в Китае грубых ошибок теоретического и практического характера в области внутренней и внешней политики, но и потому, что они сформулированы неточно и допускают, таким образом, растяжимость. А это именно потому, что теория Мао Цзэдуна является эклектической теорией, и поэтому, как я подчеркнул и на II Пленуме Центрального Комитета, она трудно постижима. У нас нет написанных документов о конкретном проведении в жизнь партийной линии в Китае. Да и имеющиеся документы не отражают действительности об устройстве Китая, действительности о партийном устройстве и ленинских нормах, которых должна была придерживаться, но которых не придерживалась так называемая Коммунистическая партия Китая. В известных нам официальных документах имеются теоретически правильно поставленные вопросы, но на практике они не решались марксистско-ленинским путем, партийное строительство и партийная линия были не правильными, о чем свидетельствуют нынешние пагубные последствия.

Как я подчеркнул и выше, я снова вернусь к этому вопросу с целью более подробного и более тщательного ана-

лиза этого антимарксистского документа Коммунистической партии Китая. Этот анализ поможет нам еще больше упрочить убежденность нашей партии в порочности пути Китая. Мы постараемся также разъяснить и нашим товарищам коммунистам-интернационалистам из других партий, как и мировой общественности эти формы работы, практикуемые Коммунистической партией Китая, которая перешла в атаку на правильную, марксистско-ленинскую линию нашей партии.

ЧЕТВЕРГ
3 НОЯБРЯ 1977 г.

ЕЩЕ РАЗ О КИТАЙСКОЙ СТАТЬЕ ОТНОСИТЕЛЬНО ТЕОРИИ „ТРЕХ МИРОВ“

Это антимарксистская статья, ибо она отрицает пролетарскую революцию и берет под защиту империализм, буржуазию и международную реакцию. Эта статья проповедует единство пролетариата с капитализмом и стремится подготовить почву для превращения Китая в сверхдержаву. **И в этой статье преобладающим тезисом китайцев является противодействие советскому социал-империализму, но, демагогии ради, для того, чтобы легче было обмануть читателей или своих доброжелательных радиослушателей, они, наряду с советским социал-империализмом, упоминают и американский империализм.** Китайцы делают это потому, что они поняли, что их тезис о том, что „американский империализм стал похож на крысу...“, не нашел положительного отклика и был разоблачен.

Из этой статьи явствует, что „крыса“ не является больше крысой, а сверхдержавой с развитой экономикой и с мощным военным потенциалом, стремящейся к широкой экономической экспансии во всем мире. Такой державой является и Советский Союз, но он, по мнению китайских ревизионистов, еще более агрессивен, чем первый.

Тщательный анализ этой статьи показывает, что китайские ревизионисты пытаются вложить в уста Мао Цзэдуна несколько фраз о необходимости укрепления единства с социалистическими странами, о единстве с мировым пролетариатом и угнетенными нациями и т.д. В действительности же они поступают совершенно вразрез со своими заявления-

ми, ибо они не выполняют ни одной из этих обязанностей перед социалистическими странами и мировым пролетариатом. Наоборот, вся их политика нацелена на раскол единства с мировым пролетариатом, на подрыв единства с социалистическими странами. На деле, китайские ревизионисты не стоят, да и не могут стоять, за единство с социалистическими странами, поскольку они включают их в „третий мир“.

Другим вопросом, трактующимся в статье, является „красивая фраза“ о необходимости борьбы против всех проявлений великодержавного шовинизма в международных отношениях, которую китайские ревизионисты неспроста повторяют кстати и не кстати. **Мы, албанцы, которым практика отношений с Китаем помогла очень ясно увидеть китайский великодержавный шовинизм, хорошо понимаем, что эти фразы представляют собой сплошной блеф. Так думают и многие другие нации и государства в мире.**

Китайские ревизионисты утверждают, что в различные периоды международное положение надо подвергать научному анализу. Такое положение неоднократно подчеркивается ими, ибо они, с одной стороны, хотят убедить других в том, будто они подвергают явления точному анализу, соответствующему действительности, а, с другой стороны, кое-как оправдать свой стратегический уклон и свои непролетарские и псевдомарксистские тактические приемы, следовательно, пытаются скрыть тот факт, что они отошли от пути марксизма-ленинизма. Однако подобные словеса, как бы часто они ни повторялись, не могут скрыть предательство китайских ревизионистов.

По словам китайских ревизионистов, теория „трех миров“ изобретена председателем Мао Цзэдуном. Они говорят, что именно Мао, „реалистически изучая современное общее положение классов в мировом масштабе, отстоял и дальше развил это основное положение марксизма-ленинизма“. Это хорошо, что китайские ревизионисты установили отцовство этой теории, ибо этим они обнаруживают свое излишнее усердие присвоить себе идеи врагов марксизма-ленинизма.

На деле выражение „три мира“ не является плодом ума Мао Цзэдуна. Это выражение известно в мире прежде, чем его начали употреблять китайцы, т.е. до 1974 года. Враждебный Марксу и Ленину капиталистический мир употреблял выражение „третий мир“, чтобы показать, что наряду с большими и очень большими странами существовали и другие, недавно освобожденные страны. „Третий мир“, это слово капиталистического словаря, которое употреблялось только при определении уровня экономического развития этих стран, китайские ревизионисты скопировали и определили как „большую движущую силу“, якобы основываясь на марксизме-ленинизме! Нельзя согласиться с утверждением о том, будто теория „трех миров“ является „марксистским определением современной мировой обстановки“, как это подчеркивают пропагандисты из Пекина.

В статье утверждается, будто китайцы смотрят на явления современной международной политической жизни с позиций диалектического материализма, исходя из реальной действительности; более того, они хотят, чтобы и другие подходили к этим вопросам с их же позиций. Чтобы „доказать состоятельность“ своей антимарксистской теории, авторы статьи исковерканно цитируют Ленина и Сталина, которые по праву отмечали, что национальные и международные проблемы надо рассматривать в мировом масштабе, а не обособленно. Эти выдающиеся марксисты, эти вожди мирового пролетариата смотрели на мир сквозь призму пролетарской революции, сквозь призму союза пролетариата с угнетенными народами. Китайские ревизионисты, явно идя вразрез с учением Ленина и Сталина, которых они цитируют, смотрят на национальные и международные проблемы не сквозь классовую призму, с позиций диалектического и исторического материализма, а с идеалистических и метафизических позиций. Они трактуют эти вопросы в соответствии с нынешними интересами Китая, стремящегося стать лидершипом стран, которые он включает в „третий мир“. Это составляет одну из их целей.

Китайские оппортунисты пишут, что „теория“ Мао Цзэдуна о делении на „три мира“ на первый взгляд кажется, будто связана только с современными отношениями между странами и нациями. Но ведь мы не выносим заключений, исходя из одного только „первого взгляда“. Отношения между странами и нациями существуют реально, но мы, марксисты-ленинцы, должны смотреть на эти отношения и их перспективу сквозь призму интересов революции. Как раз этого и не делают китайцы, которые свои великодержавные интересы, интересы своей борьбы за руководящую роль в „третьем мире“, противопоставляют революции. **Классовая борьба должна вестись и в странах так называемого третьего мира, но с каких позиций? Мы говорим: с позиций революции и свержения эксплуататорской буржуазии, варварского капитализма; китайские же оппортунисты выступают за классовое примирение.** Они, страховки ради, порой высказывают какое-нибудь слово о том, что те или другие вопросы надо рассматривать сквозь классовую призму, но для того чтобы отрицать классовый подход к делу они тут же добавляют, что эти вопросы являются, мол, „исключительно сложными и в то же время взаимосвязанными“. Это значит, что ведение классовой борьбы, особенно в странах „третьего мира“, является, мол, не таким уж легко постижимым делом, что многие вопросы классовой борьбы не могут быть решены иначе, кроме как с помощью „выдающихся китайских ученых“, поэтому надо повернуться лицом к Китаю! По их утверждению, для того чтобы сделать выводы о явлениях международной политической жизни и для правильного размежевания политических сил в мире, надо исходить из классовой борьбы в международном масштабе, а конкретные проблемы надо анализировать конкретно, в тесной связи с временем, местом и данными условиями. Хотя они и говорят так, на практике, в жизни они поступают иначе, делают обратное, трактуют и связывают явления жизни и происходящие события отвлеченно, нереально, в зависимости от конъюнктур. Слова „идеалисты“, „метафизики“, „абстрактные“, „изолированные“ и т.д. китайские ревизионисты употребляют в

отношении тех людей и партий, которые несогласны с их софизмами. С такими словесами они обращаются и к нам, хотя они знают, что не мы и не другие подлинные марксисты-ленинцы мира, а как раз китайские ревизионисты, подобно всем другим ревизионистам, в теории и на практике понимают и проводят марксизм-ленинизм в совершенно искаженном виде.

Китайцы во всеуслышание заявляют, что „марксисты-ленинцы должны стоять на позициях международного пролетариата, всегда отстаивать общие интересы революционных народов мира в международной классовой борьбе, всегда отстаивать и бороться за свою программу-максимум: за замену капиталистического строя коммунистическим". Вообще эти заявления китайцы включают в статью ради демагогии, ради маскировки своих поступков, ибо они никогда не боролись и не борются с позиций международного пролетариата, никогда не выступали и не выступают в защиту интересов революционных народов. **Поддерживать связи с реакцией и с самыми кровожадными фашистами, такими как Пиночет, Штраус, шах Ирана и Мобуту, относящимися к числу самых ярых кровопийц народов, это значит совершенно не считаться ни с интересами международного пролетариата, ни с интересами пролетариата отдельно взятой страны, совпадающими с интересами международного пролетариата.** Потоком лились громкие фразы китайцев, однако мы судим о них не по отдельным словам, а по их действиям. Сопоставление марксистско-ленинского фразерства китайцев с их практической деятельностью обнаруживает всю фальшь применяемых ими теорий.

Китайские ревизионистские руководители учат пролетариат тому, что в ходе борьбы на международной арене, в определенные исторические периоды, в целях расширения рядов передовых сил, надо стараться объединить всех тех, кто может объединиться. А на деле, на каких позициях стоят китайские ревизионисты по этому вопросу? Они призывают международный пролетариат объединиться даже и с самой черной реакцией!

В этой статье китайцы „советуют“ пролетариату выбирать себе союзников в разные исторические периоды. Однако они сами изменяют этому правильному положению, рекомендуя международному пролетариату помириться с мировой реакцией и объединиться с реакционными политическими силами. Дальше, чтобы „доказать“, будто они стоят на правильных позициях, китайцы приводят в статье ряд цитат из Ленина и Сталина, которые они беззастенчиво урезывают и извращают. Однако правильность каких позиций стремятся „доказать“ китайцы? Речь идет о тех позициях, которые связаны с их „реальными анализами“ международного положения, якобы основанными на марксизме-ленинизме. В этих „анализах“ китайцы употребляют много цитат из Ленина и Сталина, которые и мы приводим в наших материалах, как, например: „…ныне в мире есть два мира, старый мир — капитализм… и новый, рождающийся мир…“ (Ленин в 1921 году); или же слова Сталина о том, что „Мир решительно и окончательно разделен на два лагеря: на лагерь империализма и на лагерь социализма“.

Эти две гениальные мысли Ленина и Сталина составляют главную основу анализа всякого периода при классификации политических сил в мире; однако, в виду того, что это опровергает теорию „трех миров“, китайцы там же подчеркивают, что в этих двух цитатах находит „свое отражение новое основное противоречие, возникшее в мире после Октябрьской революции“. Значит, по их мнению, и эти определения устарели, мол, отжили свой век! Итак, они нашли себе „прекрасный повод“ для защиты теории „трех миров“. Китайцы говорят, что „Ленин и Сталин никогда не думали, что в мире не существует других основных противоречий, что политические силы в мире невозможно разграничить по-другому“. Подобный „довод“ является совершенно ненужным и служит только для того, чтобы заполнить столбцы статьи и создать впечатление, будто в полемике приводятся „соображения“ и „доводы“, ведь мы никогда не говорили, что Ленин и Сталин полагали когда-либо, что в мире не су-

ществуют других основных противоречий. Будучи материалистами-диалектиками, Ленин и Сталин правильно определили противоречия, но китайские оппортунисты, будучи эклектиками, совершенно не определяют этих противоречий в своей статье, потому что, если бы они взялись за подобное дело, то этим они обнаружили бы фальшь своих взглядов и доказали бы, что они извращают Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Китайцы пытаются „доказать“, что выражение „три мира“, чье отцовство они абсолютно признают за Мао Цзэдуном, якобы является продолжением тезисов Ленина, который еще в 1920 году на II конгрессе Коммунистического Интернационала, говорил:

> *„Характерная черта империализма состоит в том, что весь мир... разделяется в настоящее время на большое число угнетенных народов и ничтожное число народов угнетающих, располагающих колоссальными богатствами и могучей военной силой“.*[1]

Эти ленинские мысли правильны и никем неоспоримы, однако они нисколько не доказывают, что мир разделен на три части, по вкусу китайских ревизионистов. **Любой политический и экономический анализ мира, произведенный на основе ленинской теории, обязательно подчеркивает существенную характеристику деления его на капиталистический и на социалистический мир, в противном случае, он не был бы ленинским анализом**. Этот анализ нисколько не отрицает и не идет вразрез с тем фактом, что в мире существуют эксплуатирующие и эксплуатируемые нации. Но цитировать Ленина с целью доказать, будто в соответствии с его идеями мир должен быть разделен натрое, это могут делать только фальсификаторы ленинизма. А фальсификаторами ленинизма в этом ложном делении мира являются китайские ревизионисты.

---

1 В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 264, алб. изд.

Сошлемся еще на Сталина, который в 1924 году в своем произведении „Об основах ленинизма“, писал:

> *„а) мир разделен на два лагеря: на лагерь горстки цивилизованных наций, обладающих финансовым капиталом и эксплуатирующих громадное большинство населения земного шара, и лагерь угнетенных и эксплуатируемых народов колоний и зависимых стран, составляющих это большинство“.*[1]

Китайцы приводят эту цитату с целью „доказать“, что в мире, помимо основного противоречия, о котором говорят Ленин и Сталин, существуют и другие противоречия, которые, видите ли, мы, албанские коммунисты, предали забвению!

Мы не забываем этих противоречий, наоборот, мы всегда подчеркиваем их. Мы не забываем, что противоречия, по своей роли, делятся на главные и неглавные, что в сложных процессах, происходящих в предметах и в явлениях реальной жизни, переплетаются разного рода главные и неглавные противоречия; но, **для того чтобы правильно изучать и анализировать сложные процессы, надо выявить самое главное противоречие, то есть основное противоречие, обуславливающее развитие всех других противоречий и от разрешения которого зависит разрешение всех других противоречий.** Мы не только не забываем законов диалектики, но, наоборот, решительно придерживаемся их. Китайские ревизионисты пытаются отклониться от материалистической диалектики и замаскироваться многочисленными цитатами, взятыми из разных произведений классиков марксизма-ленинизма, которые в указанной статье они разделяют и объединяют так, чтобы они не только были поняты неправильно, но и получили искаженный смысл, противоположный тому, который очень четко дали им их авторы.

---

1 И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 148, алб. изд.

Неужели могут быть такие подлинные коммунисты, которые, по утверждению китайцев, отрицают тот факт, что Ленин и Сталин, когда надо было производить всестороннюю и конкретную классификацию политических сил в мире в тот или иной период, анализировали основные противоречия мира во всей их целостности? Всем марксистам-ленинцам в мире известно, что при определении нынешней эпохи надо произвести анализ главных противоречий в их совокупности, с тем чтобы определить основное противоречие. Именно китайцы отказываются от такого реалистичного подхода к делу классификации политических сил в мире. **Деление мира на „первый мир“, „второй мир“ и „третий мир“, как это делают китайцы, означает затушевывание противоречий, устранение того или иного большого социального противоречия, а не их анализ в совокупности.**

Цитатами из Маркса и Энгельса китайские ревизионисты также злоупотребляют, давая им такое толкование, которое, как они полагают, служит доказательством правильности их антимарксистских тезисов. Они цитируют известный призыв Маркса и Энгельса из „Манифеста Коммунистической партии“: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“, а затем добавляют, что, наряду с этим, они впервые указали на „неразрывную связь дела международного пролетариата с освободительной борьбой угнетенных наций“. Все это правда и известно, но ведь именно китайцы забывают, что призыв Маркса и Энгельса появился с тем, чтобы известить мировой пролетариат о том, что основным противоречием человеческого общества теперь является противоречие между трудом и капиталом, между буржуазией и пролетариатом, который разрешит это противоречие революцией. Китайские ревизионисты совсем не говорят ни о связи борьбы пролетариата с национально-освободительной борьбой угнетенных народов, ни о пролетарской революции, а делают упор на единство пролетариата и угнетенных и эксплуатируемых народов с их самыми варварскими и самыми жестокими угнетателями и эксплуататорами, с американским империализмом и с мировой реакционной буржуазией!

В своей статье китайские ревизионисты приводят цитату из Энгельса, который говорил:

> *„Никакая нация не может стать свободной, продолжая в то же время угнетать другие нации. Следовательно, освобождение Германии не может совершиться без освобождения Польши от угнетения ее немцами“.*[1]

Но что же хотят доказать китайцы этой цитатой из Энгельса? Они пытаются „доказать“, что советский пролетариат не может претендовать на то, что он борется за освобождение других народов, покуда он сам, мол, порабощает их, что и пролетариат стран Западной Европы, американский пролетариат, пролетариат капиталистических стран „третьего мира“, по той же причине недостоин, мол, бороться за освобождение разных народов. А кто же тогда достоин бороться за освобождение народов? Из китайской статьи получается, что только Китай может, мол, вести такую борьбу! Правильное высказывание Энгельса они куда-то вставляют в свою статью, нисколько не проводя грани между русским пролетариатом и пролетариатом других стран, с одной стороны, и их угнетателями — с другой, не призывая их к революции против своих угнетателей и против империалистической войны. Пролетариат, в любой стране, где он угнетается, должен подняться на борьбу вместе со своими естественными союзниками для выполнения возложенной на него исторической миссии. Если слова Энгельса понимать не так, как Энгельс их сказал, а так, как их толкуют китайские ревизионисты, нельзя питать надежд на пролетарскую революцию. „Комментарии“, которые китайская статья делает правильным положениям Маркса и Энгельса, как раз

---

1 Ф. Энгельс. Речь на международном митинге в Лондоне, посвященном 17-й годовщине польского восстания 1830 года, 29 ноября 1847 года. Алб. изд.

полностью соответствуют антимарксистским взглядам китайских ревизионистов.

Маркс и Энгельс придавали большое значение делу освобождения народов Польши, Ирландии, Китая, Индии, так как они были самыми угнетенными народами. Под гнетом господствующих буржуазных клик страдает ныне и французский, испанский, русский и американский пролетариат. Этот пролетариат не должен быть устранен с политической арены, наоборот, он должен говорить свое слово обо всем происходящем, обо всем том, что творят империалистические правители и социал-империалистические предатели в капиталистических и ревизионистских странах. Поэтому настоящие коммунисты должны призывать пролетариат этих стран подняться на революцию и низвергнуть клики буржуев и предателей, господствующие над народами.

На всякое национальное движение и на различные политические силы наши классики смотрели сквозь призму интересов международного пролетариата; они учат, что революция может победить в самом слабом звене мирового капитализма. Наши великие учители учат также, что независимость народа, завоеванная революцией, содействует и освобождению других народов, будь это народы Европы, Азии или других континентов мира. Китайские ревизионисты не руководствуются этими марксистскими соображениями. Наоборот, они смотрят на национальные движения и на различные политические силы сквозь призму своих стремлений стать сверхдержавой, поэтому они поддерживали и поддерживают не борьбу народов за независимость, а реакционные клики, господствующие над этими народами. Вот почему китайцы проповедуют пролетариату социальный мир и сотрудничество с буржуазией.

Чтобы доказать состоятельность своего тезиса о том, что „советский социал-империализм стал главным врагом народов мира, что он является центром мировой реакции, грозящим миру войной“, китайские ревизионисты ссылаются на Маркса и Энгельса, цитируя в своей статье мысли, высказанные ими еще в 1848 году в связи с опасностью царизма.

Царизм был, несомненно, бастионом европейской реакции, поэтому с ним надо было вести борьбу, и эту борьбу повели с ним Ленин и русские большевики, к которым присоединился пролетариат всех стран мира. Однако вполне правильные мысли Маркса о царизме отнюдь не говорят в пользу нынешнего тезиса китайцев о том, что только советский социал-империализм является, мол, главным врагом народов мира. Мы, на основе марксистско-ленинского анализа, настаиваем на том, **что, наряду с советским социал-империализмом, врагами народов являются и американский империализм и вся мировая реакция. Все эти враги, выступающие в единстве и в то же время противоречащие друг другу, находятся в борьбе с мировым пролетариатом вообще и с пролетариатом каждой страны в отдельности.** Все они находятся в борьбе с народами, стремящимися к национальному и социальному освобождению, поэтому пролетариат и народы должны создать стальное единство, чтобы бороться против стоящих перед ними опасных врагов.

Китайские ревизионисты говорят, что Маркс и Энгельс не только не забывали о классовой борьбе в международном масштабе, но, делая упор на русскую царскую реакцию, они учитывали коренные интересы мирового пролетариата. Какие они демагоги! Раз они верят, дескать, Марксу и Энгельсу, почему же они не поступают в соответствии с их указаниями? Почему же они делают обратное и вступают в союз с американским, английским, французским, германским и др. империализмом? Из теории Маркса выходит, что пролетариат, для осуществления своих чаяний, должен вести классовую борьбу в международном масштабе и никогда не присоединяться к этой международной черной реакции. „Приветствовать“ революционный порыв народов в борьбе за их освобождение, как поступают китайские ревизионисты, этого еще мало; надо уметь еще как можно лучше ориентировать этот порыв в соответствии с учением четырех наших великих классиков — Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина (а не и в соответствии с идеалистическими и эклектическими идеями Мао Цзэдуна), которые четко определи-

ли, что надо сделать для освобождения народов от ярма капитала.

Чтобы доказать, будто они верны Ленину и чтобы использовать имя Ленина как маску для прикрытия своего антиленинизма, китайские ревизионисты нагромоздили свою статью, помимо всего прочего, также длинными выдержками из статьи Ленина об „Исторических судьбах доктрины Карла Маркса“, в которой он писал:

> *„Не успели оппортунисты нахвалиться „социальным миром“ и не необходимостью бурь при „демократии“, как открылся новый источник величайших мировых бурь в Азии. За русской революцией последовали турецкая, персидская, китайская“.*[1]

То же самое можно сказать и о другой выдержке из другого произведения Ленина 1916 года „О карикатуре на марксизм и „об империалистическом экономизме““, согласно которой:

> *„Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и* **целый ряд** *демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях“.*[2]

Чтобы не впутаться дальше, китайские ревизионисты очень коротко „комментируют“ эти цитаты, а именно: „Эта ленинская точка зрения, несомненно, сохраняет свою силу и ныне“. Однако, если проанализировать нынешнюю линию Коммунистической партии Китая, выходит, что она явно идет вразрез с этими великими положениями Ленина и с лени-

---

1 В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 653, алб. изд.

2 В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 63, алб. изд.

низмом вообще. **Ленин никогда не советовал народам обратить демократическое и революционное движение или же национально-освободительное движение только против внешних, империалистических врагов, и не против внутренних врагов-сообщников империализма, как поступают китайские оппортунисты.** Они „забыли претворить в жизнь“ ленинское положение о борьбе пролетариата в национальном и международном масштабах.

На II Конгрессе Коммунистического Интернационала Ленин выступал с докладом о международном положении и об основных задачах этого Интернационала. Анализируя цели империалистической войны и рисуя картину положения в мире после этой войны, он говорит, что часть населения мира живет в колониальных странах, часть — в странах, которым удалось сохранить прежнее положение, и, наконец, он упоминает жителей немногих стран, которые извлекли выгоду из раздела мира. Эти итоги последствий империалистической войны, подведенные Лениным в июле 1920 года, являются вполне правильными; однако они нисколько не говорят в пользу китайского оппортунистического тезиса „трех миров“ или „трех групп“, по выражению китайцев. **Отвергая китайскую антимарксистскую теорию „трех миров“, наша партия полностью руководствовалась учением Ленина и имела в виду также доклад Ленина на II Конгрессе Коммунистического Интернационала**. Китайские же ревизионисты этот произведенный Лениным марксистский анализ цитируют для того, чтобы создать иллюзию о том, будто его мысль о причинах и последствиях империалистической войны для народов мира идентична мысли Мао Цзэдуна о „трех мирах“, а, следовательно, и союзы пролетариата с угнетенными народами против реакционной буржуазии, которые проповедовал Ленин, идентичны союзам, которые проповедует Мао Цзэдун! Если бы на II Конгрессе Коминтерна Ленин в самом деле хотел сказать, что мир разделен на три части, как этого желают китайские ревизионисты, то год спустя, в декабре 1921 года, на IX съезде Советов России,

он не заявлял бы, что: „Ныне в мире есть два мира“, а говорил бы о трех мирах.

Ни в 1920 году, ни раньше и ни позднее Ленин не говорил, что пролетариату надо соединиться с американским империализмом, с английским империализмом. Наоборот, он подчеркивал основное противоречие между пролетариатом и буржуазией и указывал, что путь к освобождению пролетариата проходит через пролетарскую революцию, а путь к освобождению угнетенных народов — через национально-освободительные войны. Теория же „трех миров“ игнорирует эти ленинские положения, она не ставит никаких задач, связанных с революцией.

Для подготовки своей статьи китайцы взялись за собирание множества цитат из Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. **Эти цитаты занимают почти треть всей статьи и используются для того, чтобы „доказать“ недоказуемое.** Они берут вне контекста исковерканные цитаты, чтобы приспособить их к своей теории „трех миров“, которую они выдают за марксистско-ленинскую теорию, якобы основанную на учении наших великих классиков! Они полагают, что эти цитаты можно толковать произвольно и по-разному, что ими своевольно могут манипулировать как правые, так и левые. Злоупотребление цитатами в целях механического и беспринципного соединения взглядов классиков с их взглядами — типичное проявление китайского эклектизма Мао Цзэдуна. Последний, как я и раньше говорил, сам признавал, что его мысли будут использованы как левыми, так и правыми. Такую уклончивую трактовку допускают только взгляды оппортунистов, тех, кто колеблется между материализмом и идеализмом, софистов и др., но не взгляды наших великих классиков — Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, ибо они являются теоретиками великого научного учения, которое правильно предвидит настоящее и будущее и не допускает ложного толкования исторических периодов в динамизме диалектического развития событий. Наши классики анализировали явления на основе неоспоримых истин, так что всякий, кто понимает их, может сопоставлять с ними свои поступки, чтобы

увидеть правильны ли они, или нет. Извращение выводов из этих анализов не помогает оправдать неправильные поступки посре**дством исковерканных цитат и абсурдного их толкования. Подлинные марксисты сопоставляют свои действия с идеями классиков марксизма-ленинизма, а ренегаты свои неблаговидные действия пытаются приписать классикам путем извращения их цитат, произвольной их интерпретации, их фальсификации и т.д.**

Так поступали и китайские ревизионисты с приводимым в своей статье множеством цитат. Они поступали так потому, что не в состоянии доказать свои оппортунистические тезисы. Возьмем какой-либо пример для иллюстрации. Говоря о характере различных национальных движений, в своем произведении „Об основах ленинизма“ Сталин приходит к заключению, что революционный или реакционный характер данного национального движения определяется тем, нацелено ли оно объективно на разрушение и разгром империализма или же на закрепление победы империализма.

> *„Борьба афганского эмира за независимость Афганистана,* — говорит Сталин, — *является объективно* **революционной** *борьбой...“*[1].

Сталин прав, ибо эмир, о котором идет речь, наголову разбил английские войска на Памирских перевалах; из всей той огромной армии английских захватчиков добрались до Индии всего лишь три человека, среди которых один врач. Этот приведенный Сталиным пример, который по праву ссылается на конкретное историческое событие, китайские ревизионисты возводят в абсолют, чтобы прийти к выводу о том, будто они уполномочены Сталиным оказывать помощь и поддержку королям и принцам-реакционерам везде в мире, даже и Мобуту, который является никем иным, как агентом американского империализма, „современным“ угнетателем конголезского народа.

1. И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 146-147, алб. изд.

Чтобы узаконить ныне проповедуемый ими союз пролетариата и угнетенных народов с американским империализмом и с другими империалистами в мире против советского социал-империализма, китайские ревизионисты приводят в качестве „аргумента“ великий антифашистский союз, заключенный между Советским Союзом и англо-американцами против гитлеровской Германии во время второй мировой войны. Подобное рассуждение на китайский манер является до того абсурдным, что ничему не служит, кроме как разоблачению своих же авторов. **Исторические факты и события надо воспринимать при их тесной связи с условиями и обстоятельствами времени.**

В моих прежних записках я писал, что Сталин и советское правительство, правда, предложили англичанам и французам союз с целью сорвать агрессивную войну, которую объявил Гитлер с захватом Чехословакии. Известно, что тогда между Советским Союзом и Францией существовало соглашение об оказании помощи Чехословакии в случае нападения на нее со стороны какой-нибудь третьей державы. Франция не выполнила обещания, и, после мюнхенской измены западных „демократий“, Чехословакия была захвачена гитлеровцами. После этого акта западные „демократии“ постарались натравить гитлеровскую Германию на Восток. Осознав гитлеровскую опасность, Франция и Англия попытались создать „боевое единство“ с Советским Союзом, который выразил свою готовность к этому. Однако ж это была лишь смехотворная „инсценировка“ со стороны Англии и Франции. Советский Союз и Сталин, правильно оценив обстановку, осознав опасность гитлеровской агрессии и с целью выиграть время подписали с нацистской Германией „пакт о ненападении“. Этот акт соответствовал марксистско-ленинскому духу. Гитлер совершил нападение на Польшу, тогда Англия и Франция вступили в войну, а после того, как Германия напала на Советский Союз, был заключен антифашистский союз Советского Союза с Англией.

В такие моменты было вполне естественным вступление Советского Союза в альянс с этими империалистическими го-

сударствами против угрожавшего миру германского фашизма. Итак, вторая мировая война началась как захватническая война, но, с вступлением Советского Союза в нее, она превратилась в освободительную войну, поэтому этот антифашистский союз, заключенный Сталиным и Советским правительством, нельзя отождествлять с союзом, который Китай проповедует ныне с Соединенными Штатами Америки, с другими империалистами и с „третьим миром“ против Советского Союза. Нельзя фальсифицировать историю, как поступают китайские ревизионисты с целью скрыть свое предательство.

Китай считает, что мы находимся накануне неминуемой войны. Империалистическая война может вспыхнуть не сегодня-завтра. Однако Дэн Сяо-пин заявил, что 20 лет не будет войны, поэтому, по его мнению и согласно китайской оппортунистической теории „трех миров“, в течение этих двух десятилетий народы не должны подниматься на революцию. Они должны не бороться против внутренних и внешних угнетателей, а консолидировать союзы с империалистами и со своими угнетателями и защищать все кабальные соглашения и союзы, заключенные американскими империалистами и другими западными империалистами. Ныне Китай призывает к спокойствию в течение предстоящих 20 лет.

Достаточно вспомнить позицию, которую занимал Сталин по отношению к немецкому и итальянскому фашизму до второй мировой войны, чтобы убедиться в том, что сравнение, которое стараются сделать китайские ревизионисты, несовместимо с положениями марксизма-ленинизма, и чтобы понять цель этого сравнения. Китай проповедует союз с империализмом потому, что он нуждается в поддержке американского империализма и других развитых капиталистических стран мира, чтобы стать сверхдержавой. Китайцы, подобно американцам и советским, шантажируют неминуемой войной и атомной бомбой с целью внушить страх пролетариату, чтобы он не поднимался на революцию, не заключал и не укреплял союзы с беднейшим крестьянством и эксплуатируемыми трудящимися своей страны, а также союзы в

международном плане, а сидел тихо, до тех пор пока Китай не станет сверхдержавой в противовес двум другим сверхдержавам, словом, до тех пор, пока и он не подготовится к захватнической войне и к захвату рынков.

Читая эту „внушительную“ статью китайцев о теории „трех миров“, каждый задается вопросом: Зачем написана эта статья и кому она служит? Рассуждениями сразу приходишь к выводу, что эта статья направлена против революционных тезисов VII съезда нашей партии, как и против статьи газеты „Зери и популлыт“ от 7 июля текущего года под заголовком „Теория и практика революции“ и других опубликованных нами статей. **Наши тезисы правильные, боевые, марксистско-ленинские и нацелены на правильное объяснение международного положения и характеризующих его революционных процессов, на вооружение албанских коммунистов и всех тех, кто читает и изучает их.** Эти тезисы нашей партии о необходимости бороться против империализма, как американского, так и советского, как и против других империалистов и мировой реакции, служат делу революции, делу поднятия народов на национально-освободительные войны против капитализма внутри каждой страны и в международном масштабе. Таковы цели выдвинутых нами тезисов. Наоборот, опубликованная китайскими ревизионистами статья преследует отвратительные цели, ибо она игнорирует основной вопрос, вопрос о борьбе, которую должны вести народы всего мира против своих главных врагов. В китайской статье не ставится никакая революционная задача, в ней не видно главной революционной задачи — задачи национально-освободительной борьбы народов против их капиталистических угнетателей, в ней не находят отражения интересы мировой революции или же интересы отдельной страны в слабом звене мирового империализма.

В этой статье совершенно не существует слов „революция“ и „национально-освободительная борьба“. Итак, эта статья написана не для того, чтобы пробудить вдохновение в народах, воспитывать народы и указать им путь борьбы. Тогда что же показывает пролетариату и народам эта ста-

тья китайцев? Ясно, что главная цель ее — **доказать, что маоцзэдуновская теория „трех миров“ сама по себе якобы правильная, якобы марксистско-ленинская теория, и все это только для того, чтобы она служила их антимарксистскому делу.** Такова главная цель этой статьи.

Другая ее цель — **бороться против нас и удушить революцию, удушить национально-освободительную борьбу и проповедовать союз пролетариата и угнетенных народов с реакционной буржуазией, с американским империализмом, с английским, французским, японским и др. империализмом.** Словом, согласно этой статье, ныне пролетариат должен ходить в школу изучать марксизм-ленинизм, ибо, по мнению китайцев, его положения очень сложные, их „знают“ и „понимают“ только китайцы(!). Вот почему пролетариат, по их мнению, еще не дорос до того, чтобы подняться на революцию, поэтому ему надо предварительно усвоить марксизм-ленинизм. Китайские руководители отличались подобными антимарксистскими глупостями! Мао Цзэдун поднял на ноги подростков, учащихся средних школ, „гвардейцев“, ни бельмеса не смыслящих в марксизме-ленинизме, и именно они должны были научить „марксистско-ленинскую“ партию Китая и китайский пролетариат претворять в жизнь марксизм-ленинизм. Значит те, которые ни капельки не разбирались в марксизме, должны были учить Коммунистическую партию Китая и китайский пролетариат марксизму-ленинизму! Такова антимарксистская суть маоистских положений, согласно которым студенты должны вооружить пролетариат его же идеологией, научить его проводить его идеологию, и, как мы видим, они научили его этому „в совершенстве“, разрушив всю партию, ликвидировав Коммунистическую партию Китая.

Антимарксистским и ревизионистским является также и положение о гегемонии крестьянства в революции. Таков и „совет“, единственный, но антимарксистский и насквозь ревизионистский „совет“, который Китай дает мировому и особенно европейскому пролетариату, т.е. сперва усвоить марксизм-ленинизм, а уже потом подняться на революцию. Это все одно, что и „теория кадров“ Анастаса Люльо и Андреа

Зиси, согласно которой, сперва надо подготовить кадры, а потом перейти к созданию партии и к революции. Словом, по мнению Дэн Сяо-пина, в нашем распоряжении целых 20 лет, так что дадим американскому империализму и реакционной буржуазии всех стран мира укрепиться, а потом видно будет. То же самое делал и его старший мастер, ревизионист Лю Шао-ци, который в 1949 году проповедовал, что Китаю надо было не стать на путь строительства социализма, а продолжать идти унаследованным путем еще целых 30 лет после освобождения, дать капиталистической буржуазии и кулачеству управлять страной, а за это время пусть „пролетариат накапливает опыт, необходимый для действий“!

Итак, ясно, что цели и положения, выдвинутые в этой псевдомарксистской китайской статье, не служат делу революции и национально-освободительных войн, наоборот, они оказывают очень хорошую услугу империализму, мировой реакции и Китаю, который уже вступил на капиталистический путь и готовится стать мировой социал-империалистической сверхдержавой.

Ленин и Сталин проповедовали революцию, тогда как в этой статье китайские ревизионисты пишут, что надо учиться у Ленина и по-ленински тепло приветствовать и поддерживать освободительные движения угнетенных наций Азии, Африки, Латинской Америки и других районов мира. Только и всего, по их мнению, а потом аплодировать. А кому? Аплодировать всем тем, которым китайцы советуют и учат не бороться за революцию, не подниматься на национально-освободительную борьбу, а довольствоваться этой лжесвободой и этим лжесуверенитетом, которые они сами завоевали или же получили как милостыню от различных империалистов. В этом и вся „философия“, проповедуемая китайцами.

В настоящей статье китайские ревизионисты выказывают свой шовинизм и при употреблении цифр. Ленин и Сталин приводили цифры, с тем чтобы показать количество людей, угнетаемых и эксплуатируемых империализмом, указывая при этом на то, что должны сделать они и марксисты-ленинцы для освобождения самого себя и их народов от рабства.

А что же происходит с китайскими ревизионистами? Они продолжают повторять эти цифры и сопоставлять их с величиной территории и количеством народонаселения Китая, чтобы доказать, будто „третий мир" с включением Китая в него составляет огромное подавляющее большинство и что весь этот „мир", в сущности, является главной движущей силой революции! Это есть искажение смысла высказываний Ленина и Сталина, преследующее весьма неблаговидные, антимарксистские цели — надувательство народов и пролетариата, с тем чтобы они не поднимались на революцию и чтобы они питали доходящее до абсурда глубокое уважение к 800-миллионному Китаю Мао Цзэдуна. Это значит, что они должны, если не де-юре, так де-факто, принять его гегемонию в так называемом третьем мире, ибо приведение цифр Китаем и включение его в „третий мир" явно показывает его желание иметь большой вес в этом огромном скоплении из сотен миллионов людей; это значит, что этот „мир" должен считать его слово божьим словом и что эти народы должны слепо следовать за ним по пути в пропасть, куда он стремится ввергнуть их.

Недавно я писал, что китайская статья появилась много времени спустя после работы нашего VII съезда и опубликования статей, последовавших за этим съездом. За это время китайские псевдотеоретики щупали пульс мировой общественности, пульс международного коммунистического движения по отношению к нашим тезисам. В статье находят свое отражение замаскированные попытки хоть сколько-нибудь сгладить то дурное впечатление, которое произвели на мир и на международное коммунистическое движение их фальшивые положения о теории „трех миров". Вот почему китайские ревизионисты в своей редакционной статье делают попытки, конечно, очень бледные, доказать, что американский империализм еще силен, что его экономика не ослабла, что его вооруженные силы не только не уменьшались, но, наоборот, дальше увеличились, что он держит крупные войска во всем мире и т.д. и т.п., но, к нашему удивлению, они не только не говорят ни одного худого слова о НАТО, этом агрессивном пакте, направленном против народов, но и совершенно

не упоминают о нем, даже словечка не говорят о том, когда и против кого этот пресловутый пакт был заключен. Сам Мао Цзэдун и китайцы чего только не говорили против американского империализма и НАТО, когда их стратегия стояла не на пути, на котором она стоит ныне. А ныне они хранят полное молчание о них. Этот факт свидетельствует об их союзе с американским империализмом. Такой „поворот“ к чуть более реалистической оценке советского социал-империализма и американского империализма они совершают потому, что они вынуждены сделать это. Конечно, это не ставит их в трудное положение перед Соединенными Штатами Америки, ибо последние привыкли к подобным упрекам и словесам, потому что и Хрущев широко применял их, причем его упреки были куда более сильными, чем китайские. Американцев не беспокоят подобные тривиальные высказывания китайцев об экономической или военной мощи американского империализма. Ни Соединенные Штаты Америки, ни другие империалистические государства совершенно не обращают внимания на эти заявления китайцев, ибо они понимают суть их „теории“, им ясна линия, которой они придерживаются, они знают, что эта линия намечена с их полного согласия.

Однако китайцы вынуждены сделать такой „поворот“ в силу борьбы, которую ведет Албанская партия Труда, и с целью как-то приукрасить свои антимарксистские тезисы потому, что последние производили и производят исключительно дурное впечатление на народы мира, когда те видят, что Китай защищает интересы американского империализма, проповедует союз со всеми империалистами против советского социал-империализма, проповедует союз с угнетающей капиталистической буржуазией всех стран мира. Поэтому китайцам надо было занять известную позицию и внести некоторые поправки в этом отношении.

Настоящая статья пытается добиться этих целей, но тщетно. Китайские ревизионисты также тщетно стараются этой статьей выдавать себя за реалистов и объяснить теорию „трех миров“, которую они выдвинули словесно без какого-либо теоретического, политического и военного пояснения к ней.

Хотя они и пытаются объяснить, что в этих странах „третьего мира“, несомненно, есть и реакционные элементы и руководители, и передовые руководители, есть и агенты американского империализма, и агенты советского социал-империализма и т.д. и т.п., все-таки фальшивость их „объективности“ очевидна. Они занимают подобную фальшивую позицию с целью внушить своим читателям, что эти вещи, мол, действительны, следовательно, даже если они не были сказаны китайцами, они так понимают их. Но китайцы ни слова не говорят о том, что надо делать народам, что надо делать пролетариату против господствующих в различных странах мира клик, которые являются антинародными кликами и даже агентурами американского империализма или советского социал-империализма.

Вся статья „Жэньминь жибао“ о „трех мирах“ совершенно лишена теоретической ценности, она и не попахивает марксизмом-ленинизмом. Она является насквозь антимарксистской, ревизионистской статьей. В ней не найдешь ничего правдоподобного, ни одной революционной цели. В этой статье все служит контрреволюционному делу сохранения империалистических держав, сохранения статус-кво капитализма в мире. Подобное статус-кво должно давать возможность Китаю вооружиться современнейшими средствами и получить помощь для укрепления своей военной экономики.

Китайские руководители рассчитывают на то, что эта статья произведет эффект на народы и на коммунистов всего мира, но они ошибаются. И в самом деле мы констатируем, что эта горе-статья „Жэньминь жибао“ не произвела подобного эффекта на мировую общественность. Относительно китайской статьи мы видели только два-три сообщения и комментария, принадлежащие главным телеграфным агентствам, которые подчеркивали, что Китай в своей редакционной статье обрушивается с выпадами на Советский Союз. О статье же газеты „Зери и популлыт“ от 7 июля отзывался весь мир, причем не целые недели, а целые месяцы; еще и по сей день она остается объектом положительных комментариев.

**ПОНЕДЕЛЬНИК
7 НОЯБРЯ 1977 г.**

ИГРА ВТРОЕМ

Вчера я прочел приветственное послание китайского руководства, направленное советскому руководству по случаю 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции, в котором заметны первые признаки смягчения отношений между руководителями этих двух стран. После подчеркивания значения революции, в приветственном послании отмечается, что Китай желает поддерживать государственные отношения с Советским Союзом на основе пяти известных принципов, как и на основе решений, принятых в Пекине во время переговоров между двумя премьер-министрами — Косыгиным и Чжоу Энь-лаем. Иными словами, Китай положительно откликается на шаги Брежнева в направлении улучшения отношений.

Однако в редакционной статье газеты „Жэньминь жибао", в которой также говорилось о 60-летии Великой Октябрьской социалистической революции, о ее международном значении и т.д. и т.п., далее, в одном абзаце, в сущности, говорилось, что советское руководство является ревизионистским, что в Советском Союзе ликвидирована диктатура пролетариата, что там Коммунистическая партия переродилась в ревизионистскую партию, во „общенародную партию"; употреблялись также и некоторые безвредные и неопасные эпитеты. Итак, не отошли ли китайцы от позиций агрессивных выпадов против Советского Союза, не отказались ли они от квалификации его как агрессивной, воинственной социал-империалистической державы, и т.д., как они доныне выражались во всех статьях своих газет? Посмотрим.

Мы констатируем, что со времени поездки Тито в Китай, китайская пропаганда несколько понизила свой тон в отношении Советского Союза. Подписано даже и соглашение о речном плавании, касающееся особенно реки, где несколько лет назад произошло вооруженное столкновение.

Поэтому, **советы Тито кое-как смягчить отношения с Советским Союзом не глухому угодили в ухо. Посмотрим, по каким направлениям пойдет это смягчение в дальнейшем: получит ли оно дальнейшее развитие, или же ограничится этим? Это есть игра втроем с участием американцев, советских и китайцев.** Раз Дэн Сяо-пин заявил, что Китаю нужен мир еще 20-25 лет, с тем чтобы стать великой „социалистической" державой, то, несомненно, надо чтобы угомонились страсти. Китай должен угомонить страсти и в своих отношениях с Советским Союзом, ибо ему с ним придется воевать, и если война между ними начнется раньше, то Китаю нельзя будет вести строительство так, как это полагает Дэн Сяо-пин и Хуа Го-фэн. В перспективе Китай опустит штаны и перед тем, и перед другим, то есть и перед американцами, и перед советскими. В этих условиях мы должны сохранять бдительность, твердо стоять на марксистско-ленинских позициях и разоблачать предательские маневры всех ревизионистских течений, вертящихся по миру и замышляющих подрыв революции и национально-освободительной борьбы народов.

СРЕДА
9 НОЯБРЯ 1977 г.

ОДИН ИЗ САМЫХ РЕАКЦИОННЫХ ЛОЗУНГОВ КИТАЙЦЕВ

Пресловутый лозунг Коммунистической партии Китая, призывающий Соединенные Штаты Америки и реакционные капиталистические страны мира, то есть половину „первого мира“ и весь „второй мир“, как он называет их, объединиться со всеми народами других стран, которые она причисляет к „третьему миру“, является одним из самых реакционных лозунгов, которые лишь могут быть. Другими словами, Коммунистическая партия Китая призывает к захватнической, империалистической войне. При этом она похожа на Второй Интернационал, который в 1914-1916 годы выдвинул лозунг „о защите“ буржуазного „отечества“. Следовательно, ревизионистская партия Китая этим реакционным лозунгом обманывает народы и пролетариат и приходит на помощь мировому финансовому капиталу. Соединенные Штаты Америки и другие империалистические государства, такие как боннская Германия, Япония и другие хотят и стремятся установить свое мировое господство, эксплуатировать народы, угнетать пролетариат.

Подлинным марксистам-ленинцам ясно, что пролетариат должен решительно стоять против подобной войны и что именно он должен прилагать все усилия к тому, чтобы сорвать эту антимарксистскую политическую линию, проводимую правительством и так называемой Коммунистической партией Китая. Международный пролетариат также должен бороться против соответствующих реакционных правительств, которые гос-

подствуют в капиталистических и ревизионистских странах, расстроить их планы подобной захватнической войны, сорвать приготовления к империалистической войне, а, если она разразится, превратить ее в гражданскую войну за низвержение местной господствующей буржуазии и захватить власть.

СУББОТА
12 НОЯБРЯ 1977 г.

ОСВЕДОМЛЯТЬ ПАРТИЮ ОБ УКЛОНЕ КИТАЯ

Вчера и сегодня я сделал последнюю отшлифовку докладу, с которым выступлю на III Пленуме Центрального Комитета об отклонении Коммунистической партии Китая от марксизма-ленинизма. 15 ноября, во вторник, по постановлению Политбюро, в аппарат Центрального Комитета придут все члены Пленума, как и первые секретари райкомов партии для изучения этого доклада. Они ознакомятся также со вторым докладом, с которым выступит товарищ Рамиз — об укреплении партийной работы по воспитанию коммунистов и кадров. 16 ноября, в среду, будет перерыв, с тем чтобы товарищи могли готовиться к прениям, а в четверг начнем прямо с прений.

Я думаю, **что осведомление партии об антимарксистской враждебной деятельности Коммунистической партии Китая является делом неотложным и необходимым.** Я, конечно, старался, чтобы доклад, с которым я выступлю на Пленуме, был как можно более доступным пониманию, как можно более ясным и обоснованным. Во многие теоретические и практические вопросы, касающиеся деятельности Коммунистической партии Китая и ее руководства и относящиеся к периоду до Мао Цзэдуна и поныне, надо углубляться, ибо в деятельности этой партии и ее руководства много проявлений ревизионизма. Имеются такие высказывания китайцев, такие их формулировки, то замаскированные, то окутанные „философским“ туманом, которые нам надо интерпретировать правильно, сквозь призму марксизма-ленинизма и с учетом положения в Китае.

Многие коммунисты не знакомы с общей историей общественного, экономического, политического и военного развития Китая не только периода до освобождения, но и периода после основания Китайской Народной Республики, не знакомы со многими сторонами деятельности Коммунистической партии Китая. Да и мы, партия и ее руководство, до сих пор публично доброжелательно высказывались о новом Китае, о его Коммунистической партии и Мао Цзэдуне. Как мы подчеркиваем и в докладе, как мы уже подчеркивали и на других собраниях Центрального Комитета и при обсуждении в Политбюро, исходя из того, что мы знали о положении в Китае, мы считали, что интересы революции требовали, чтобы мы оказывали подобную поддержку Китаю и Мао Цзэдуну. Независимо от наших критических замечаний в их адрес по многим идеологическим вопросам, вообще мы думали, что Коммунистическая партия Китая по-своему боролась против хрущевского ревизионизма, что было положительно для дела революции.

Поэтому перед нами встает задача разъяснить партии правду об этом вопросе, с тем чтобы и в этом отношении у нас было единство мнения; **надо стараться, чтобы это единство мнения закалялось у нас так, как мы делали и до сих пор — действительными фактами, проанализированными сквозь призму марксизма-ленинизма, а не пропагандистскими лозунгами.** Только так мы сможем подготовить коммунистов и весь наш народ к новым битвам и обезоружить отдельных колеблющихся людей, которые дадут о себе знать в эти поворотные моменты или в какой-нибудь момент, который сочтут подходящим для себя.

Партия должна дальше поднять свой идеологический и политический уровень, она должна глубоко понимать проблемы, глубоко понимать повороты различных ревизионистских группировок на международной арене; она должна разгадать маоизм, так же, как разгадала титизм и хрущевский ревизионизм и вооружиться для предстоящих, более ожесточенных битв.

Наша партия обладает большой силой, она накопила огромный опыт. Этот опыт накоплен не только в процессе изучения марксизма-ленинизма, он накоплен в процессе борьбы за его верное претворение в жизнь. Албанским коммунистам приходилось много бороться, вся их жизнь проходила в борьбе: в вооруженной борьбе против итальянского фашизма, в вооруженной борьбе против немецкого фашизма, в идеологической и политической борьбе против американского империализма и засылавшихся им диверсантов, против всей проамериканской коалиции, которая ополчилась на нашу страну, используя диверсантов, идеологию и политику. Идеологическую и политическую борьбу вели мы против югославского титизма и связанных с ним заговорщиков — Кочи Дзодзе с компанией. Борьбу вели мы против хрущевских ревизионистов и их агентуры в нашей стране — Лири Белишовы, Кочо Ташко, Макьо Чомо, Панаета Пляку и многих других. Бекир Балуку, Абдюль Кэлэзи, Кочо Теодоси и другие, которые были агентами советских и титовских ревизионистов, но которые орудовали под сурдинку, орудовали также и как агентура китайцев.

Теперь наша партия включилась в решительную борьбу также против китайских ревизионистов, не говоря уже о той титанической борьбе, которую она вела и ведет в такие трудные ситуации за построение социализма во всех областях, за воспитание нового человека с новыми качествами, с высокой пролетарской моралью, и за повышение его идеологического и политического уровня; о борьбе с трудностями, с религией, за раскрепощение женщины, за электрификацию страны и т.д. и т.п. Все это составляет огромный опыт, который делает нашу партию крепкой как сталь и дает ей возможность устоять перед всякими трудностями, откуда бы они ни исходили и какого бы характера они ни были. Поэтому нам следует непрерывно и постоянно закреплять эту ситуацию.

ПОНЕДЕЛЬНИК
21 НОЯБРЯ 1977 г.

МАО О ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ЦЕНТРАЛИЗМЕ

Мао был не вполне согласен с принципом демократического централизма, как его объяснял и применял Ленин. Мао придавал этому принципу „намного более широкий смысл“ и этим он, дескать, стремился к тому, чтобы этим принципом характеризовалось китайское общество в целом, стремился придать демократическому централизму иную форму и иное содержание. В противовес теории Ленина касательно отношений между центром и массами, Мао Цзэдун допускал стихийное действие масс вообще, рабочего класса — в частности. Как известно, Ленин не допускал тенденций стихийности, идущей вразрез с марксистскими принципами. Он учил тому, что действиями массы и класса должна управлять и руководить марксистская партия.

Мао придерживался точки зрения, согласно которой сами массы, без руководства рабочего класса и его партии и не считаясь с принципом демократического централизма, должны строить свою жизнь. Однако мы видели, что и до Культурной революции, но особенно после нее, эта маоистская теория вызвала такой хаос, что и сам Мао удивился и стал задумываться над тем, как сдержать этот хаос.

Ленин считал демократический централизм основным принципом партийного и государственного строительства. Под этим принципом он подразумевал полную свободу дискуссий по всем вопросам, но он считал, что после того, как решения уже приняты вышестоящими органами, они обязательны для нижестоящих органов. Надо было спрашивать мнение нижестоящих органов, но, после того как принималось реше-

ние, они безоговорочно должны были подчиняться его предписаниям. Мао Цзэдун и демократию понимал не как Ленин, поэтому он приходил к выводу о том, что не может быть корректного демократического централизма. По мнению Мао, поскольку идеи и взгляды людей на вещи различные, централизм невозможен!

А что такое централизм, по мнению Мао? По его мнению, это есть, в первую очередь, централизм „правильных“ идей! Это значит, что он не считает этот принцип конкретным выражением организации, зависимости, подчинения, коллегиальности и единого управления партийных органов и органов государства диктатуры пролетариата, а понимает его по-идеалистически.

ВТОРНИК
22 НОЯБРЯ 1977 г.

СОР, ФАБРИКУЕМЫЙ РЕВИЗИОНИСТАМИ

Вчера агентство „Синьхуа“ передавало подробное изложение длинной ревизионистской враждебной статьи, которую Кажимиеж Миял, слывущий генеральным секретарем Коммунистической партии Польши, послал в Пекин через китайское посольство в Тиране. Не зная раньше этого ревизиониста, мы целые годы оказывали ему поддержку в его работе по руководству Коммунистической партией, создавали ему все политические, идеологические, моральные и экономические облегчения. Но оказалось, что он просто ренегат марксизма-ленинизма, замаскированный враг Албанской партии Труда; поэтому не стоит тут распространяться о его враждебной деятельности, которая раскрыта еще два года назад.

После VII съезда, да и раньше, Кажимиеж Миял, провоцировал нашу партию, но на этот раз он открыто обрушился на тезисы нашего съезда. Очевидно, что он поддерживал тайные связи с китайцами, ибо он отстаивал те же тезисы, которые и они выдвигали против нашей партии. Эти тезисы Миял развивал и в некоторых письмах, направленных Центральному Комитету нашей партии. **Настоящая статья просто на газетный манер содержит все те антимарксистские, предательские, ренегатские взгляды агента империализма и китайского ревизионизма**, которые он излагал во враждебном и антимарксистском письме, направленном Центральному Комитету Албанской партии Труда.

В письме к нам он заявляет, что готов пойти на союз даже и с чертом, достаточно, чтобы последний был против советского ревизионизма. Между прочим, он придерживается

положения о том, что у страны, народа или партии не может быть двух главных врагов, а только один, причем главным врагом является Советский Союз, а не и Соединенные Штаты Америки. Так что он и его так называемая партия готовы сотрудничать со всей реакцией, как с реакцией своей страны, так и с мировой реакцией против советского империализма. Это есть китайский тезис, тезис „трех миров“, тезис „опоры на один империализм для борьбы с другим империализмом“.

Но жизнью будет подтверждено, что китайские ревизионисты сблизятся и с советскими ревизионистами и подсластят с ними дружбу. **Правильность линии нашей партии будет подтверждаться с каждым днем все больше и больше, и мы сознаем, что подобный сор появлялся и будет появляться на международной арене и в рядах коммунистического движения**, ибо враги-ревизионисты работают над тем, чтобы расколоть наше движение и облить грязью славную марксистско-ленинскую теорию. Однако марксистско-ленинская теория восторжествует, наше дело правое, оно будет воспринято мировым пролетариатом, конечно, посредством разъяснительной работы, усилий, борьбы, но мы сумеем разоблачить и это новое течение ревизионизма, представляемое китайскими ревизионистами.

СРЕДА
23 НОЯБРЯ 1977 г.

НАСТОЙЧИВО СЛЕДИТЬ ЗА СТРОИТЕЛЬСТВОМ ОБЪЕКТОВ

Нам не следует пренебрегать работами второй фазы на строящихся объектах, наоборот, надо строго следить за работами в тех объектах, в строительстве которых нам помогает Китай, и добиться своевременного введения их в строй. Поэтому надо знать, что нам нужно и чего не нужно, что еще не поступило и почему, и постоянно делать опросы, ибо мы знаем, что Китай чинит и все более и более будет чинить нам препятствия. Мы также должны быть постоянно в курсе хода работ по строительству завода № 12, который должен быть закончен к концу текущего года и, самое большее, к январю начать производство, с тем чтобы у нас было свое железо, необходимое для металлургии. Поэтому надо, чтобы Министерство промышленности надлежащим образом организовывало производство и держало под своим постоянным контролем строительство этого важного объекта.

Необходимо непосредственно следить за этими важными экономическими проблемами, строго следить за соблюдением сроков, как и за качеством, не допускать излишних расходов. Министерства и их штабы должны ловко действовать при решении всех этих вопросов, как тех, которые связаны со строительством объектов, так и тех, которые связаны с обеспечением сырья внутри страны и за рубежом, они должны уметь особо ловко маневрировать, чтобы правильно согласовывать работу, принимать предварительные меры, чтобы заблаговременно удовлетворить нужные потребности, а не констатировать задним числом, после того, как дефициты уже созданы.

Если мы как следует понимаем эти трудные ситуации, то мы должны подстегнуть себя, работать добросовестно, обеспечивая четкую организованность и надежное управление, позволяющее координировать работу всех областей нашей социалистической экономики.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
27 НОЯБРЯ 1977 г.

НАМ НЕЛЬЗЯ СМЯГЧИТЬ СЛОВА В АДРЕС КИТАЙСКОГО РЕВИЗИОНИЗМА

Дэн Ин-чао, вдова Чжоу Энь-лая, съездила в Иран, чтобы нанести визит шаху этой страны и принцессе Ашраф, великим „друзьям" Китая Мао Цзэдуна. Два-три раза принцессу Ашраф принимали с большой помпой в Китае Мао Цзэдун и Чжоу Энь-лай.

Поездке Дэн Ин-чао туда предшествовала длинная статья агентства Синьхуа и газеты „Жэньминь жибао", в которой речь шла о величестве шахиншаха, о „процветающем" Иране, об этой „свободной" и „независимой" стране, якобы ведущей ожесточенную борьбу против обеих сверхдержав. Срам и позор для Китая, восхваляющего отъявленного бандита, которого Соединенные Штаты Америки привезли на самолете из эмиграции, после того как при помощи долларов и своей агентуры подавили восстание Моссадыка и потопили в крови движение ТУДЭ! Этот тиран ныне нещадно угнетает иранский народ и высасывает из него кровь. Там сплошная безработица, у людей не хватает хлеба насущного, не хватает одежды, у них нет даже и хижин, (не говоря уже о районах, пострадавших от землетрясения) тогда как он лично и его круг имеют годовые доходы в миллиарды долларов! Таковы „великие" и „искренние" друзья Китая.

Китай стал великой державой, низкопоклонничающей перед американским империализмом и защищающей капитализм и всю реакционную буржуазию, какой бы маской она ни прикрывалась; он поддерживает шаха Ирана, политику Вашингтона, Парижа, Бонна, Лондона, одним словом, политику

империалистов всяких мастей, каким бы потенциалом и какой бы мощью они ни обладали. Все эти действия он прикрывает фиговым листком, якобы борьбой против советского социал-империализма. А борьба Китая против советского социал-империализма преследует только цели территориальной экспансии. Китай стремится захватить территории, расположенные к северу от него, такие как территории Сибири, Монголии и другие. Он также норовит, если не захватить, так распространить свое влияние на всю Индию и другие страны Южной Азии, как на Индонезию и Филиппины, на Дальний Восток, на Австралию и др.

Мао Цзэдун выступал за возвращение Китаю былого величия. Одним словом, за то, чтобы и в нынешние времена Китай был „Срединной империей“, как его называли в древние времена Конфуция и императоров. Мао Цзэдун, Лю Шаоци и Чжоу Энь-лай боролись не за торжество социализма и коммунизма. Они старались предотвратить пролетарские революции в Азии, а теперь и во всем мире. Маоистское руководство Китая позволило чанкайшистским войскам переброситься в Бирму для борьбы против бирманского национально-освободительного движения, руководимого Коммунистической партией Бирмы. Они даже и по сей день продолжают бороться против этого движения; хотя и говорят, что часть этих войск была переброшена на Тайвань, все-таки маоистские руководители Китая, будучи друзьями У Не Вина, стали ему главной опорой в борьбе за ликвидацию Коммунистической партии Бирмы.

Ревизионистские китайские руководители так же поступили в целях раскола и ликвидации Коммунистической партии Малайи, против которой направлял свои удары английский империализм, истребивший десятки тысяч коммунистов.

То же самое происходит ныне и с коммунистами Филиппин. Мао Цзэдун был в тесной дружбе с Маркосом, с этим капиталистическим палачом, ликвидирующим национально-освободительное движение в этой стране.

Китай претендует на гегемонию. Он мечтает опередить не только Советский Союз, но и Соединенные Штаты Америки.

Однако, его подколенок, как выражаются у нас в Гирокастре, то есть его нынешние силы, особенно экономические и военные, не такие уж, чтобы обеспечить ему осуществление гегемонистской политики, о которой он мечтает. Китай проводит захватническую политику, и это понимают народы, понимает пролетариат, понимает буржуазия, понимают передовые люди. Чтобы добиться порабощения народов, китайский гегемонизм со своей стороны содействует порабощению народов империалистами, которых ныне Китай называет „друзьями“, „доброжелателями“ и даже и „освободителями народов“. Но в действительности подобная политика терпела и будет терпеть фиаско, ибо нет таких здравомыслящих людей, которые бы хоть сколько-нибудь не дорожили интересами своих народов, не понимали эту проводимую Китаем реакционную политику.

По поводу всего этого мы прибегаем к резким выражениям, чтобы дать характеристику политической линии Коммунистической партии Китая и китайского правительства, ибо деятельность китайского руководства достойна именно таких выражений. Мы, албанцы, мы, албанские коммунисты, в состоянии констатировать их полное отклонение от марксистско-ленинского пути, от пути строительства социализма. Поэтому перед лицом таких фактов, перед лицом таких позиций и такой идеологии, нам нельзя смягчить слова в адрес китайских ревизионистов.

ПЯТНИЦА
2 ДЕКАБРЯ 1977 г.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ КИТАЙЦЫ РАСПРОСТРАНЯЮТ НА ОБЛАСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Наш посол в Пекине передает, что китайцы сообщили членам нашей торговой делегации, что они не пошлют в Албанию своих специалистов по вопросу фосфоритов, по вопросу о заводе полихлорвинила и еще по какому-то другому вопросу, потому что „не существует подходящих условий, так что мы не пошлем своих специалистов по этим вопросам, до тех пор пока не будут созданы подходящие условия и не установится взаимопонимание". **Иными словами, китайские ревизионисты приступают к открытому нарушению заключенных между нами контрактов и соглашений. Таким образом существующие между нами идеологические разногласия они начинают распространять на область государственных отношений, то есть мало-помалу становятся на старые позиции советских, что мы, конечно, уже предвидели.** Сегодня, кажется, прилетает китайский самолет, и у нас будет письменное донесение от нашего посольства, которое мы изучим, прежде чем предпринять какие-либо шаги.

Сначала, думаю я, мы должны отметить китайцам, что подобный акт представляет собой нарушение договорных обязательств, значит, он является ошибочным, по этому должен быть немедленно отменен. Мы посмотрим и их будущие действия, за которыми будем следить внимательно и бдительно.

ПЯТНИЦА
2 ДЕКАБРЯ 1977 г.

В МИРЕ УБИВАЮТ КОММУНИСТОВ — КИТАЙСКИМ РЕВИЗИОНИСТАМ ВСЕ РАВНО

Телеграфные агентства сообщают, что диктатором Маркосом был арестован председатель Коммунистической партии Филиппин вместе с группой членов Центрального Комитета партии.

Коммунистическая партия Филиппин является боевой партией, но ее полностью подрывают китайские ревизионисты. Почему бы преступнику Маркосу не совершать подобных деяний, если Мао Цзэдун установил тесные связи с палачами Коммунистической партии Филиппин? Диктатору Маркосу и его красивой жене с ее декольте и с обнаженной грудью Мао давал аудиенцию два-три раза. Он восхвалял и приветствовал их, и они высказались за тесную и искреннюю дружбу с Мао Цзэдуном и с Китаем. И Мао протянул им руку.

С другой стороны, филиппинский диктатор жестоко расправляется с марксистами-ленинцами Филиппин, борющимися за свободу, независимость и суверенитет островов, против чужеземного ига и ига местного капитала. Но китайским ревизионистам все равно.

Так поступили они и с Коммунистической партией Индонезии, руководимой Айдитом, когда Сухарто истребил 500 тысяч человек. То же самое сделали китайские ревизионисты и с героической партией Малайи, с партией Бирмы, коммунистов которой разгромил У Не Вин, друг Мао Цзэдуна и китайских ревизионистов. Китайцам все равно было и от-

носительно других партий Дальнего Востока, с которыми они поступали так же, как и с вышеупомянутыми партиями.

Это есть преступление, совершаемое маоистским руководством против марксистов-ленинцев Азии. Подобную деятельность оно развертывает ныне везде в мире — в Европе, Латинской Америке, Африке, в Австралии и т.д.

Оно стремится под маской марксизма-ленинизма руководить этими странами и этими партиями на капиталистическом пути, с тем чтобы Китай установил свое господство над ними и, в противовес обеим сверхдержавам, самому стать сверхдержавой.

ЧЕТВЕРГ
8 ДЕКАБРЯ 1977 г.

МРАЧНАЯ КИТАЙСКАЯ ПАНОРАМА

Китайская панорама мрачна как внутри Китая, так и за его пределами. Прошел уже год с лишним, с тех пор как клика Хуа Го-фэна и Дэн Сяо-пина пришла к власти; она прилагает большие усилия к консолидации капиталистической буржуазной власти и ревизионистской идеологии во всем Китае. Многочисленные факты, приводимые печатью и передаваемые телеграфными агентствами, как и сообщения из нашего посольства в Пекине, основанные на многочисленных контактах, которые оно поддерживает с дипломатами различных стран мира, аккредитованными в Пекине, свидетельствуют о том, что там положение — хаотично, нисколько не стабилизовано.

После прихода Хуа Го-фэна к власти, помимо колебаний его группы относительно вопроса о реабилитации Дэн Сяо-пина, со времени изобличения так называемой группы четырех еще продолжаются беспорядки и даже говорят, что происходят и вооруженные столкновения.

Китайская пресса пишет, что во всех провинциях расстреливают много людей по 10, по 17, по 20 или же по 25 человек. Эти цифры возрастают. Китайская пресса то и дело призывает к „государственной дисциплине“, причем не только на работе, но и во всех областях жизни. Это подчеркивается во многих передовых статьях, особенно в „Жэньминь жибао“. Это показывает, что дела в Китае идут не как по маслу и тихо-мирно, как рассчитывали путчисты из группы Хуа Го-фэна. По всей видимости, там движение против Хуа Го-фэна мощное. Помимо арестов, тюремных заключе-

ний и расстрелов в течение этого времени путчисты предпринимали также кампании для ликвидации Культурной революции. Это означает дискредитирование Мао Цзэдуна, конечно, косвенное, но все же это есть дискредитирование, если учесть усиленную пропаганду о том, что именно Мао Цзэдун был ее вдохновителем и лично руководил ею (и это было правда). Ныне клика Хуа Го-фэна говорит, что Культурная революция кончилась, а в действительности же, по словам Мао, Культурная революция должна была продолжаться, чтобы „ликвидировать буржуазию" в Китае. Но, по мнению группы Хуа Го-фэна, эта „буржуазия в рядах партии" опять возросла и, на его беду, эта „буржуазия в рядах партии" состоит из 12-16 миллионов человек (точно я не знаю, сколько новых членов вступило в партию в ходе Культурной революции) и, как они сами признавали, это были здоровые элементы — выходцы из рабочего класса и революционной молодежи!

Итак, эта Культурная революция должна была продолжаться, но путчисты приостановили ее. А почему же они приостановили ее? Они приостановили ее потому, что не были согласны с ней, ибо начатая Мао Культурная революция, так, как она была начата, теми целями, которые она преследовала, на деле, была направлена против группы Лю Шао-ци, Дэн Сяо-пина, Пэн Чжэня и всех других, признавших в своей самокритике, что они были монархистами, конфуцийцами, контрреволюционерами. Своим публичным заявлением в Центральном Комитете Хуа Го-фэн хотел сказать, что Культурная революция была ошибкой и больше ее не существует. Вслед за Дэн Сяо-пином были реабилитированы все осужденные Культурной революцией, начиная от Пэн Чжэня и вплоть до Пэн Дэ-хуая; нет никакого сомнения в том, что будет реабилитирован также и Лю Шао-ци.

Все реакционеры, осужденные Культурной революцией, заняли прежние посты, взяли бразды правления. Все они являются не только реакционерами, ревизионистами, троцкистами, капиталистами, но и пожилыми людьми. Так что руководство в Китае, как партийное, так и государственное,

снова прибрала к своим рукам реакция, старая, лишенная динамизма, но зловредно и мстительно настроенная реакция, которая ныне наносит удары новому поколению и выбрасывает его на улицу. Эта правящая шайка начала чистку с Пекинского университета, который был одним из главных центров Культурной революции. Там уволили с работы всех выходцев из рабочего класса, которые поступили туда 10-12 лет назад и стали руководящими кадрами, воспитателями молодого поколения. Конечно, все эти элементы были исключены из университета с церемонией и „цветами“, а на местах, в провинциях, продолжается процедура замены всех противящихся руководству людей верными путчистам элементами, особенно военными, ибо нынешнее руководство опирается на армию. Для него партия — это несуществующая партия, бесформенная организация, нечто движимое сумасбродными нормами, которое должно поддерживать это руководство, навязанное ей силой оружия, и говорить ему „есть!“, „слушаюсь!“.

Однако эта обстановка ослабила Китай, подорвала его экономически, расстроила его государственное строительство и нанесла большой вред народному хозяйству. Это наблюдается везде в Китае, там отмечается явное недовольство, на рынке не хватает товаров.

Довольно ослаблены также экономические отношения Китая с зарубежными странами, с нами и подавно, но и с другими странами. Это есть результат совершающегося в Китае вопиющего предательства, ведущего свое начало не только от прихода к власти путчистской группы Хуа Го-фэна и Дэн Сяо-пина, но еще дальше, от ревизионистской, антимарксистской, капиталистической линии группы Мао Цзэдуна.

Как нам сообщают, среди людей в Китае царит недоверчивость, они даже не осмеливаются разговаривать друг с другом, потому что на них доносят в органы полиции и армии и сразу же принимаются меры. Страна настолько обширная, что невесть, куда деваются эти люди. Расстреливают ли их, вешают ли или же их заключают в концлагеря? Их близкие ничего не знают о них. Это данные, сообщаемые нашим лю-

дям китайскими друзьями. Эти люди, поддерживающие нашу марксистско-ленинскую линию, с нами делятся этими мыслями, а друг другу подобных вещей они не могут говорить. Такова, значит, ситуация, ситуация террора, очень тяжелая для китайского народа, который заслуживает не такую горькую судьбу, которую уготовили ему Мао Цзэдун и его преемники.

Китайский народ боролся за освобождение своей страны, за независимость и социализм, но он был надут руководством с Мао Цзэдуном во главе, которое не повело его по подлинному пути социализма, по пути консолидации партии на основе марксистско-ленинских норм и идеологии. Новое китайское государство не было направлено на путь социализма, а продолжало путь капиталистического развития, путь реакционной буржуазии и кулачества. Все они, с Мао Цзэдуном во главе, с Лю Шао-ци и др., были не чем иным, как нэпманами, которые освоили НЭП и стали проводить его, считая его постоянным, очень долгим периодом, который якобы должен был привести к социализму. Однако их настоящая цель заключалась в том, чтобы втиснуть социализм в рамки капитализма. Они были никем иным, как бухаринцами.

Мы констатируем, что и на международной арене Китай Хуа Го-фэна и Дэн Сяо-пина дискредитирован в полном смысле этого слова. Его голос еле слышен в мире. Он не высказывает своего мнения ни об одной насущной проблеме, занимающей человечество, народы и государства. Его единственный лозунг — это объединение всех государств мира, „второго мира“, „третьего мира“, как он называет их, с американским империализмом против советского социал-империализма. Это и составляет весь стержень китайской внешней политики. Этим стержнем ограничивается и вокруг его вертится вся ее деятельность. Если можно называть деятельностью какую-нибудь заметку „Жэньминь жибао“ или же какое-нибудь сообщение Синьхуа, то эта „деятельность“ состоит только в какой-нибудь пропагандистской статье или же в воспроизведении всех тех сообщений самых реакционных агентств, которые способствуют разжиганию мировой войны, отмечая, что главную опасность для народов представляет

советский социал-империализм, так что на него надо ополчиться, с ним надо бороться.

Итак, в китайской внешней политике преобладает одна цель: Китай призывает мировой пролетариат, угнетенные народы, колониальные и полуколониальные и другие народы объединиться с американским империализмом, с реакционной буржуазией своих стран якобы на борьбу против советского социал-империализма. Другой проблемы Китай не ставит, да и не в состоянии ставить. А почему же он не в состоянии? Да потому, что себя он включил в „третий мир". А ведь страны этого „третьего мира" в целом связаны как с американским империализмом, так и с советским социал-империализмом. Сам Китай, участник так называемого третьего мира, связан с американским империализмом и с его сателлитами, то есть с правящими кликами стран „третьего мира".

В таких условиях Китай не может иметь одного мнения, не может ставить или защищать какого-либо вопроса в интересах какого-нибудь государства „третьего мира" или же в интересах группировок нескольких государств „третьего мира", возмущенных американским империализмом, а поддерживает руководство того капиталистического государства, которое при данной конъюнктуре выступает против советского империализма. Следовательно, все акции Китая на международной арене лишены твердости, устойчивости, пыла, ибо они являются нереволюционными, но очевидно, что Китай помогает американскому империализму порабощать народы. Итак, Китай намерен стать пастухом народов, которые он причисляет к „третьему миру", но они не слушаются этого лукавого пастуха, поддакивающего угнетающему их империализму. Народы так называемого третьего мира приходят к заключению, что политика Китая — это плохая, антинародная, ложная политика, какой является и его позиция по отношению к советскому империализму.

Как народы, так и реакционные руководители, держащие их под своим гнетом, понимают, с какой целью Китай выступает против Советского Союза, они понимают, что Китай проводит подобную политику и крутит антисоветскую

шарманку потому, что стремится обеспечить себе стратегические позиции и рынки в так называемом третьем мире.

На сессиях Организации Объединенных Наций, или же когда в мире происходят важные события, какими были, например, действия Садата, действия американцев на Среднем Востоке, когда происходят совещания, как например, Триполь-ское совещание и т.д., своим голосом Китай не только совершенно остается под спудом, но он даже поддерживает, естественно, вполголоса тех, кто играет на руку американцам. Китай не осмеливается открыто высказать свое мнение об уступках Израилю, о компромиссах с ним в ущерб арабским народам, иначе его взяли бы в оборот послы арабских стран в Китае и в других странах, которым он не знает, что сказать. Это факт, что Китай выступает за раскол этих народов. Он не подходит, да и не может подходить объективно к этому вопросу, ибо арабским народам, с одной стороны, грозит американский империализм, а с другой стороны — советский империализм. Китай не может идти, как мы, по правильному пути, так как он стоял на антисоветских позициях, руководствуясь не принципиальными соображениями; вот почему он не может высказывать своего мнения об этом вопросе. Независимо от того, что говорят советские, Китай, подобно нам, должен иметь свое мнение о событиях на Среднем Востоке. Этого он не может сделать, а преданно придерживается предательской политики, согласно которой ему обязательно надо защищать политику американского империализма.

Итак, внешняя политика Китая терпит фиаско с треском, так как Китай стоит на неправильных позициях или чаще всего молчит.

Торговые и экономические отношения Китая с капиталистическими странами развиваются в глубокой тайне. Это факт, что Китай посещают сотни делегаций американского империализма и мирового капитализма. То же самое, десятки и сотни китайских делегаций в составе экономистов, инженеров, техников, военных ездят во все капиталистические страны мира и, конечно, все они заключают контракты на поставку

машинного оборудования, на технологию, на строительство крупных фабрик и заводов и на вооружения. Все эти соглашения заключаются под сурдинку, в тени; Китай оплачивает эти поставки клирингом или же они поставляются ему в виде крупных кредитов. Китай относится к числу стран, получающих кредиты от международных корпораций, от различных капиталистических государств и от американского империализма. В этом состоит вся политика Китая. Его экспорт сокращен, ибо китайская экономика не работает с полной отдачей.

Что касается якобы хороших отношений Китая с рядом стран, с которыми он жил в дружбе, то они, как показывают ситуации, ниже всякой критики.

Китай несогласен с Кореей, ибо Корея стремится вести двойную игру — как с Советским Союзом, так и с Китаем. Она стремится получать крупные кредиты от Советского Союза, но также и от Китая, который не в состоянии предоставлять их ей. Корейская Народно-Демократическая Республика хочет, чтобы Китай защищал ее перед Соединенными Штатами Америки в деле воссоединения родины, но Китай не делает этого, ибо он не хочет вступить в конфликт со своим великим другом, Соединенными Штатами Америки. Вот почему Корея не в ладах с Китаем.

Так же обстоит дело и с Вьетнамом. В последнее время в Китай съездил Ле Зуан и, согласно сообщениям, обеим сторонам не удалось укрепить дружбу между собой, ибо Китай предъявляет притязания на вьетнамские территории. Он не желает и не в состоянии предоставлять кредиты сожженному и разоренному Вьетнаму; в то же время ему не хочется, чтобы Вьетнам получал кредиты от советского социал-империализма. Китай желает и будет довольным, если Вьетнам станет вассалом Соединенных Штатов Америки.

Что касается его отношений с Камбоджей, то Китай изображает их нормальными. Камбоджа, конечно, является очень бедной страной, только что вышедшей из войны, ее политика еще не выкристаллизована. В таких условиях, ввиду также очень трудной ситуации, сложившейся в резуль-

тате территориальных конфликтов между Камбоджей и Таиландом, как и между Камбоджей и Вьетнамом, создается впечатление, будто отношения Камбоджи с Китаем нормальные.

Возьмем отношения Китая с Пакистаном. В настоящее время Пакистан обдает Китай холодом, однако Китай начал наводить мосты дружбы с шахиншахом и с принцессами Ирана. Итак, „социалистический" Китай приобретает новых союзников за счет самых гнусных, самых подлых, самых коварных людей и династий. Китай намерен получать кредиты от иранского шаха, который находится под большим влиянием американского империализма и нефтяных компаний и произвел большие капиталовложения в разных странах мира, особенно в Соединенных Штатах Америки и Западной Германии, т.е. в странах нынешних друзей Китая. Кроме того, Соединенные Штаты Америки поставляют иранскому шаху наисовременнейшие вооружения и используют его, так же как используют и Израиль, в качестве орудия перед лицом советской угрозы. Шахиншах вооружается, ибо он строит большие планы — планы захвата Ирака и Персидского залива, а также предотвращения возможного нападения со стороны Кавказа или с Каспийского моря. Ведь недаром он является преемником известных императоров Персидской империи, чье 2500-летие он отпраздновал колоссальными расходами! Иранский шах живет на широкую ногу, как во времена Гарун-аль-Рашида, тогда как иранский народ бедствует как во времена рабовладельческого строя. И вот с этим буржуазно-капиталистическим государством и с его реакционной кликой Китай поддерживает очень дружественные отношения.

Политика Китая по отношению к арабским странам, как я говорил и раньше, — несуществующая политика. В отношениях с этими странами он отличается своими проамериканскими и антисоветскими настроениями. Этим диктуется и политика Китая во всем средиземноморском бассейне. **Китай имеет противоречия с теми арабскими странами, с которыми Советский Союз поддерживает отношения и на кото-**

рые он старается распространить свое влияние, и стоит на стороне других арабских стран, куда Соединенные Штаты Америки запустили свои когти и вершат закон. Итак, одни государства этого бассейна против политики Китая, но другие государства также не поддерживают Китай, ибо они видят, что Китай бездействует. А что же в самом деле делает Китай? Он аплодирует Сомали, президенту Мохамеду Сиаду, так как он выдворил советских из Сомали, и хорошо он сделал, что выдворил их, однако Китай не за это аплодирует ему, а за то, что он съездил в Вашингтон и впряг свою страну в ярмо американского империализма. Вот это и есть китайская политика.

Китай аплодирует также Мобуту, который является предателем, ренегатом, агентом, одним из самых крупных капиталистов Африки. С другой стороны, он выступает против Анголы, ибо там пользуется влиянием Советский Союз. Подобная политика есть реакционная, нереалистичная политика. Другие развитые капиталистические страны также защищают свои общие интересы, они защищают и свои частичные интересы, идя вразрез с советским империализмом, но, когда надобно, они идут также наперекор американскому империализму. Китай старается занять свое место среди государств так называемого третьего мира, но это место он пытается занять при пустой голове и пустых карманах, аплодированием одному империализму и словесными выпадами против другого империализма. Итак, только это он делает, ибо он не в силах оказывать экономическую помощь, более того, он не может выполнять даже официальные и моральные обязательства перед другими государствами, ибо контракты были подписаны в то время, когда Китай выдавал себя за социалистическую страну. Теперь, сорвавши с себя маску, китайские руководители могут расторгнуть и подписанные соглашения.

Китай враждебно настроен по отношению к нам, и эта враждебность постепенно распространяется и на область государственных и экономических отношений. Известно, что **Китай предоставил нам некоторые кредиты на строительство**

ряда фабрик и одной гидростанции. Теперь он задерживает поставку машин и соответствующего оборудования, не доставляет их в намеченные сроки. Кроме того, китайские специалисты также стали предъявлять большие притязания. Их месячная зарплата вдвое превышает мою зарплату, и все же они претендуют на больше. Не все они плохие люди, но их посольство подговаривает их сидеть сложа руки, не заботиться о деле и высказывать пошлые мысли об идеологических статьях, помещаемых в наших газетах. Так было с одним из китайских специалистов, который на газете, где была помещена речь, произнесенная товарищем Мехметом во Влере, написал гнусные вещи и нарочно оставил ее в своей комнате. Когда его спросили об этом, он ответил: „Я сам написал их, потому что таково мое мнение“. Это просто провокации.

Что касается торговли, то и в этой области, как я писал в дневнике, китайцы создают нам большие трудности. **Мы боремся против их явно несправедливых действий, но пусть они будут уверены, что мы не отойдем от наших принципиальных марксистско-ленинских позиций, составляющих великую силу нашей партии и албанского социалистического государства.** Всему миру известны наши принципиальные марксистско-ленинские позиции; он видит, что мы являемся единственной независимой страной, которая открыто высказывает свое мнение, критикует и разоблачает всех врагов народов, — империалистов, социал-империалистов, ревизионистов всяких мастей, всех тех, кто угнетает, порабощает и колонизирует народы, кто выступает против революции и срывает борьбу народов за освобождение.

Удивляются люди в мире, удивляются различные канцелярии, где мы черпаем такую силу. Конечно, это недоступно их пониманию, но **мы черпаем эту силу в правильной, марксистско-ленинской линии нашей партии, в стальном единстве ее рядов и в единстве партии с народом, мы черпаем ее в нашем рабочем классе, в решительном претворении в жизнь принципа опоры на свои собственные силы.** Наконец, мы черпаем силу в интернационалистической поддержке,

оказываемой нам всеми марксистами-ленинцами и передовыми людьми в мире, которые любят нашу Народную Социалистическую Республику и питают уважение к смелой и правильной политике Албанской партии Труда. Это другая поддержка для нашей страны.

В мире есть люди, которые экономические отношения нашей страны с окружающим миром не могут понимать так, как мы понимаем их, ибо сложилось такое мнение, будто никакое государство, будь оно маленькое или большое, не может жить без кредитов от кого-нибудь. Значит, есть люди, которые не могут понимать нашу экономическую независимость, означающую также и политическую независимость, не могут понимать, как это мы можем жить и будем жить прекрасно, — да и в самом деле мы прекрасно живем, — нисколько не надевая на себя оковы экономического и политического рабства.

Другое дело торговые вопросы. Мы должны прилагать усилия, причем очень большие, к тому, чтобы обеспечить себе рынки сбыта, устойчивую валюту или клиринг с тем, чтобы ввозить товары, которых мы еще не в состоянии производить в стране, для того чтобы удовлетворить потребности страны, связанные с дальнейшим развитием нашего народного хозяйства. Этого мы добьемся, опираясь исключительно на свои собственные силы. Однако этого не могут понять ни капиталистические страны, ни ревизионистские страны.

Китайские ревизионистские руководители думали, что мы, ради каких-то кредитов, которые они предоставляли нам, должны были преклоняться перед ними и изменить марксизму-ленинизму. Видимо, они очень скоро забыли большой опыт борьбы Албанской партии Труда и албанского государства против титовских и хрущевских ревизионистов и стали именно на их путь. Очевидно, что **китайские ревизионисты ничем не отличаются от советских в своих поступках и действиях по отношению к нам и ко всему миру, они такие же ревизионисты, такие же социал-империалисты, с той лишь разницей, что они являются новыми социал-империалистами, которым надо еще создавать ту колониальную мощь,**

к которой они стремятся. Но когда и как они создадут ее — это другое дело. В своих отношениях с внешним миром китайцы свою гнусную антимарксистскую, ревизионистскую идеологию выдают за марксистско-ленинскую идеологию. Но ведь нет в мире таких дураков, которые принимали бы свинью за бобра. Все — подлинные марксисты-ленинцы, демократы, реакционеры — прекрасно понимают, что китайская идеология вовсе не является марксистско-ленинской идеологией.

Китайские ревизионисты отвергли марксизм-ленинизм и приняли на вооружение новую разновидность ревизионизма, окутанную явно социал-демократической, капиталистической идеологией и смешанную со старыми реакционными, этатистскими, феодальными китайскими философиями. Именно эту политику, эту идеологию они стараются распространить повсюду, но она нигде не действует. Их идеология действует только среди некоторых новоиспеченных заблудившихся „марксистов-ленинцев“, которые создали так называемые марксистско-ленинские группы в пекле китайской Культурной революции и под сенью „высокого авторитета“ Мао Цзэдуна. Эти элементы, сколотившие несколько небольших, ложных партий, не могут выходить из той скорлупы, они не могут разорвать свои установившиеся духовные связи с китайцами, поэтому держат их сторону, пишут в газетах или журналах, субсидируемых китайцами, с тем чтобы распространять фальшивые, якобы марксистско-ленинские теории, тривиальную, ненужную, по сути дела, ревизионистскую чушь.

Участники этих группировок действуют разрозненно, ибо китайские ревизионистские положения, как и положения всякого другого ревизионизма, никак не могут привести к спаянности и единству мнения и действия, наоборот, они сеют раскол. Так поступал Мао, проповедовавший, что в Китае и в Коммунистической партии Китая должны существовать „две линии или пять линий“, должны „расцветать сто цветов и соперничать сто школ“, потому что, по его мнению, чем больше течений, тем лучше. А в капиталистических стра-

нах, где существуют прокитайские, так называемые марксистские партии, расцветают не сто, а тысячи „цветов“.

Каждый человек, каждый член этих партий-придатков китайских ревизионистов имеет свое мнение, которое он и высказывает. Но это мнение он высказывает не с тем, чтобы потом приступать к действиям, да и если действует, он действует нерешительно. Поэтому китайская пропаганда, которая распространяется не только среди тех, кто называет себя марксистом, но и среди тех, кто не называет себя таким, преднамеренно способствует сколачиванию групп отъявленных фашистов, которые называют себя „пролетариями“, „революционерами“, „Красной гвардией“ и т.д. и т.п., но которые на деле являются просто агентами буржуазии и фашистами, ведущими китайскую пропаганду. В чем же тут влияние Китая? Ни в чем, все это только позволяет Китаю говорить, что он поддерживает связи с марксистско-ленинскими коммунистическими партиями, которые на деле не являются такими. Коммунистическая партия Китая поддерживает партийные отношения с Союзом коммунистов Югославии, сошлась с ним идеологически и политически; она также поддерживает крепкие связи с Румынской Коммунистической партией, которая является в одно и то же время агентурой американского империализма, как и советского ревизионизма и различных течений современного ревизионизма.

Коммунистическая партия Китая и китайское государство улыбаются ревизионистским и лженароднодемократическим странам, таким как Польша. Мы узнаем, что китайский посол в Варшаве попросил встречи с польским премьер-министром, чтобы сделать ему предложение о заключении контракта на куплю-продажу продуктов питания, но тот даже и не соизволил принимать китайца, а передал ему, чтобы он вступил в переговоры по этим вопросам с министром торговли. Любое, даже малейшее противодействие, даже малейшее проявление сопротивления этих стран советскому гнету, Китай сразу же выставляет на вид и старается создать впечатление, будто это он способствует проявлению разного рода сопротивления с их стороны. А ведь подобное сопро-

тивление этих стран — дело естественное. Они не внимали, не внимают и никогда не будут внимать Китаю, ибо они хорошо знают его и им невыгодно связаться с ним. Они совсем не считаются с Китаем, который представляет дело так, будто и он вносит свою лепту в это дело, то есть, пытается создать впечатление великой державы, без которой миру будто не идти вперед. Ревизионистским кликам в бывших народно-демократических странах выгоднее иметь дело с Советским Союзом. Или, точнее говоря, фактически им хотелось бы связаться в первую очередь с западными капиталистическими странами и с американским империализмом.

Это и есть в общем китайская панорама: мрачная, полная противоречий, опасностей, неожиданностей, гласных и негласных союзов и соглашений с американскими и с другими империалистами мира. Китай вступил в целую серию переговоров, опасных для человечества и для его самого; он борется за гегемонию, во имя которой жертвует интересами своего народа и других народов. Все, что он говорит якобы в интересах народов, является демагогией, избитым, плохо замаскированным блефом.

ПЯТНИЦА
9 ДЕКАБРЯ 1977 г.

КИТАЙ ПРЕСЛЕДУЕТ НЕОКОЛОНИАЛИСТСКИЕ ЦЕЛИ

Это факт, что в нынешнее время своей теорией „трех миров" Китай прилагает огромные усилия к тому, чтобы стать сверхдержавой, крупной неоколониалистской державой. Вообще, в настоящее время усилия Китая нацелены на развитие экономики и укрепление военной мощи. При этом он не вдохновляется марксистско-ленинской идеологией и не исходит из намерения улучшить главным образом и в первую очередь социалистическую экономику и повысить благосостояние китайского народа.

Китайские руководители стали на путь максимальной эксплуатации великого и трудолюбивого народа своей страны, с тем чтобы создать такую силу, с помощью которой Китай смог бы стать весомой державой, отыскать и занять новые рынки, эксплуатировать богатства других стран и народов, с тем чтобы стать сверхдержавой. Но в настоящее время, в попытках добиться этой цели, ревизионистскому Китаю нельзя вступать в борьбу на два фронта, против обеих сверхдержав, поэтому он опирается на мировой капитализм, представляемый американским империализмом и другими богатыми капиталистическими государствами для борьбы против советского социал-империализма.

Китай уже давно ставит себе такую цель. Помню, где-то на страницах моего дневника я писал, что в определенный момент китайское руководство находилось в состоянии эйфории и выступало за борьбу на два фронта, как против американского империализма, так и против советского социал-

империализма, и именно в тот момент, когда Индонезия вышла из Организации Объединенных Наций, Чжоу Энь-лай от имени Китая Мао Цзэдуна высказался за то, чтобы Китай вместе с Индонезией и рядом других азиатских государств создали новую организацию объединенных наций в противовес Организации Объединенных Наций, созданной после второй мировой войны! Это было следствием якобы маоистской стратегии борьбы против обеих сверхдержав, которые вершали закон в Организации Объединенных Наций, но цель этого шага заключалась в том, чтобы сплотить вокруг Китая, главным образом, государства Азии, как и Африки, с тем чтобы сообща развернуть политическую, идеологическую и вооруженную борьбу против американского империализма и советского социал-империализма.

Значит, еще тогда маоисты старались создать скопление вокруг великого Китая, с тем чтобы он стал лидершипом ряда государств „третьего мира“, того „третьего мира“, который задолго до Мао Цзэдуна окрестил Рузвельт, а позднее и Хрущев, причем окрестили они его так не в идеологических целях, как это сделал Мао затем, в 1974 году. Цель Рузвельта и Хрущева заключалась именно в том, чтобы обе великие империалистические державы экономически субсидировали этот „третий мир“, колонизированный новыми методами, то есть субсидировали господствующие в этих странах клики, с тем чтобы держать их под своим экономическим, политическим, но в то же время и военным игом. Это делалось потому, что тогда они, в первую очередь Соединенные Штаты Америки, создали мощные базы в этих странах, и именно Соединенные Штаты Америки со своим ЦРУ, в первую очередь, помогли Сухарто за исключительно короткий срок убить 500 тысяч коммунистов и патриотов в Индонезии и ликвидировать Сукарно, близкого друга китайцев и Айдита.

Великодержавные взгляды, стремление установить мировое господство Китая под маской „помощи“ малым народам, превратить его в сверхдержаву под маской его превращения якобы в крупную социалистическую державу уже давно укоренились в умах китайских руководителей. Они были

вызваны их капиталистической, ревизионистской, великодержавной идеологией и не имели ничего общего с марксистско-ленинскими идеями защиты угнетенных и многострадальных народов, они нисколько не были вызваны стремлением к поощрению освободительной борьбы и революции.

Открыто высказанная еще в то время Чжоу Энь-лаем мысль о создании новой организации объединенных наций, оторванной от существующей организации и в противовес ей, теперь, в эти моменты, обнаруживает подлинный смысл политических и идеологических стремлений маоистов и говорит о том, что эти псевдомарксистские элементы старались и стараются использовать конъюнктуры в интересах своего капиталистического и гегемонистского курса, то есть говорит об их старых стремлениях сделать Китай неоколониалистской сверхдержавой.

СУББОТА
10 ДЕКАБРЯ 1977 г.

КИТАЙЦЫ ХОТЯТ СВЕСТИ К МИНИМУМУ ТОРГОВЛЮ С НАШЕЙ СТРАНОЙ

Вместо того, чтобы направить из Пекина в Албанию торговую делегацию, китайцы назначили членами делегации своего торгового атташе у нас и двух или трех других сотрудников посольства в Тиране. Они еще не назначили главу делегации, но назначат его позднее, в Пекине, конечно, какого-либо должностного лица низкого уровня. Другими словами, намереваясь повредить нашей экономике, китайцы не хотят вести торговлю с нами или, вернее, хотят свести торговлю с нами к минимуму.

Конечно, **мы должны устоять перед такой ситуацией, а главное мы должны интенсифицировать торговлю с различными странами мира, обеспечить нашим товарам рынок сбыта, с тем чтобы можно было импортировать сырье или другие обработанные материалы, в которых мы нуждаемся.** Это единственно правильный для нас путь. Мы не желаем сокращения торговли с Китаем, не хотим распространения идеологических разногласий на область торговых связей, но, поскольку Китай желает этого, мы вынуждены будем поступать так, как я уже говорил.

Назначая работников своего посольства в Тиране членами делегации, китайцы не только хотят сказать нам, что не желают торговли с нами, но и стремятся без конца затягивать переговоры о товарообмене между двумя странами, ибо резиденция этой делегации будет в китайском посольстве в Тиране, так что ей ничто не мешает пускаться в дискуссии, стряпать дискуссии, взять да уйти с заседания, пойти в посоль-

ство, вновь пускаться в переговоры, не высказывать никакого мнения и не принимать никакого решения, не спросив Пекина. Итак, тактика китайцев состоит в том, чтобы затягивать переговоры и почти ничего не добиться в отношении албанско-китайской торговли.

Совершенно иначе было бы, если бы приехала из Пекина делегация любого ранга в полном составе, ибо ее членам пришлось бы ограничить срок пребывания в нашей стране для переговоров, они не могли бы долго оставаться у нас, и их пребывание или отъезд из Тираны должны были кончиться либо нормальным результатом, либо безрезультатно. Однако их возвращение на родину без каких-либо результатов было бы потерей для них, поэтому они избегают этого. И если бы поехали мы в Пекин, могло случиться то же самое. В случае, если бы они не согласились, мы бы взяли да уехали, и это означало бы, что они не хотят торговли с нами; мировая общественность поняла бы, что это не мы против торговли с Китаем.

Всем понятны проделки китайских ревизионистов. Как бы то ни было, этой китайской делегации мы должны противопоставить делегацию того же уровня, которая бы хладнокровно обсуждала с ней вопросы торгового обмена, не допуская, чтобы они смешивали переговоры с идеологией и политикой. Надо стараться продавать им как можно больше и покупать у них как можно больше, конечно, в пределах их предрасположенности, ибо больше этого мы ничего делать не можем. Мы не согнемся перед ними. Нет, мы найдем выход, идя, как всегда, с высоко поднятой головой и защищая наши марксистско-ленинские принципы; это они первыми и открыто займут враждебные по отношению к нам позиции и в экономических и торговых отношениях.

ПОНЕДЕЛЬНИК
12 ДЕКАБРЯ 1977 г.

УСТАНОВКА ДЛЯ НАШЕЙ ПЕЧАТИ ОТНОСИТЕЛЬНО КИТАЯ

Я дал указания товарищам, чтобы газеты „Зери и популлыт“ и „Башкими“ писали о Китае, помещали разные сообщения, особенно экономического характера. Между нами и КП Китая существуют идеологические разногласия, причем глубокие, однако мы не разорвали государственных и дружественных отношений с китайским народом и с китайским государством. При нынешних условиях наши люди должны правильно понять наши утверждения о том, что **политические и идеологические разногласия мы не должны распространять и на область экономических и государственных отношений.**

Мы должны развивать экономические отношения с Китаем сообразно с заключенными соглашениями и контрактами. Экономические отношения нисколько не мешают нам высказывать взгляды нашей партии на идеологические вопросы. Когда мы говорим, что надо сохранять экономические отношения, когда мы говорим, что не надо разорвать отношения с Китаем, мы имеем в виду, что эти требования предъявляются на основе взаимности, т.е. и от нас требуется именно в области экономических отношений не создавать „замороженного“ положения, а не в идеологической области. Тот факт, что отношения в политической и идеологической областях ледяные, не означает, что и торговые связи должны быть такими же. Они могут быть нормальными и взаимно выгодными. Поэтому надо хорошо понимать такое положение.

Это факт, что Китаю невыгодно в политическом плане полностью разорвать отношения с нами. До вчерашнего дня, да и по сей день сам Китай вел и ведет столь широкую пропаган-

ду против Советского Союза в связи с разрывом со стороны последнего экономических отношений с Китаем, с односторонним расторжением контрактов, с отменой кредитов, с отозванием специалистов и снижением уровня торговли. Ныне Китай пропагандирует, что Советский Союз совершил против Египта то-то, совершил против Сомали то-то и т.д. и т.п. Раз Китай ведет подобную пропаганду, то доведет ли он до такого уровня и свою враждебную деятельность против нас? Наверное до этого он не дойдет, но не потому, что его руководители желают нам добра, а потому, что они учитывают свои интересы. Что они больше не будут обходиться с нами как с друзьями, это нам ясно; что они будут затягивать дело с предоставлением кредитов и со строительством фабрик, комбинатов или гидростанций — это нам тоже ясно; что Китай больше не будет закупать все те товары, которые он закупал у нас раньше, и не будет поставлять нам всех запрашиваемых нами товаров, и это нам ясно. Однако мы также будем поступать по принципу взаимности.

Например, между нами и Югославией существуют глубокие и непримиримые противоречия, однако мы ведем торговлю с ней, причем обсуждаем вопросы основательно. Так поступаем мы и с греками. То же самое и с итальянцами. Тем более с Китайской Народной Республикой, от которой мы доселе получали и кредиты, ничего не должно мешать нашим нормальным экономическим отношениям и торговле с ним.

ВОСКРЕСЕНЬЕ
18 ДЕКАБРЯ 1977 г.

НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ КИТАЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Многие послы капиталистических стран так называемого третьего мира удивляются непоследовательности внешней политики Китая относительно „трех миров“. Им непонятно, с какой стати такая крупная страна, к тому же прикидывающаяся социалистической страной, проводит подобную бестолковую политику. И, в самом деле, отношения Китая с различными странами и государствами свидетельствуют о том, что его внешняя политика не только не составляет предмета серьезного изучения, но и характеризуется равнодушием и наивностью и даже, можно сказать, непоследовательностью, граничащей с глупостью.

Это есть тот же Китай Мао Цзэдуна и Чжоу Энь-лая, Е Цзянь-ина и Хуан Хуа (нынешнего министра иностранных дел), Дэн Сяо-пина и Хуа Го-фэна, который начал и продолжает проводить подобную политику.

Позиции Китая в прошлом, как я об этом писал в моих записках относительно Китая, свидетельствуют о том, что **китайские руководители были явно замкнуты в своей скорлупе, они не старались устанавливать связи с остальными странами мира.** На такую странную позицию аполитической, так сказать, самоизоляции, китайские руководители смотрели как на один из самых правильных путей. Чем же это, на деле, объяснялось, о чем говорила такая политика? Такая неумная китайская политика объяснялась в первую очередь отсутствием стабильности в Китае, хотя на вид казалось, будто там существовала стабильность; в то же время она показывала,

что в китайском руководстве, в Коммунистической партии Китая расцветал ряд противоположных друг другу воззрений, что не позволяло выработать правильную внешнеполитическую линию. Течения были многочисленными и разнообразными, одно втягивало туда, другое — сюда. Так что внешняя политика Китая все время была неуловимой, шаткой, хотя Китай и производил на других впечатление государства, смотрящего на других с высоты Олимпа, или, вернее, с высоты Гималай.

Позднее китайцы бросили свою скорлупу и начали несколько активизироваться на разных континентах, они установили дипломатические отношения с рядом государств. Однако эти дипломатические отношения Китая имели региональный, азиатский, антиевропейский характер, они были направлены против латиноамериканских государств, как и против других капиталистических государств. Анализ целей китайской внешней политики этого периода показывает, что Китай перешел от фазы изоляции в фазу дипломатических отношений особой системы в целях создания азиатской группировки из буржуазно-капиталистических государств, которые могли бы принять, как сказать, гегемонию Китая. Китайская политика стремилась к созданию именно этого влияния (чтобы не назвать сразу его гегемонией), а что касается до других стран мира, то Китай никаких шагов не предпринимал ни для установления дипломатических отношений, ни для налаживания экономических связей с ними, не говоря уже о культурных связях, которыми он всегда пренебрегал. И по сей день он не поддерживает культурных связей с этими странами.

В качестве препятствия на пути к установлению дипломатических отношений с различными странами мира Китай выдвигал тайваньский вопрос, который он ставил огромной скалой, заявляя, что, если какое-нибудь государство желает установить отношения с социалистическим Китаем, то оно немедленно должно разорвать отношения с Тайванем. Это являлось, как бы сказать, пробным камнем для отношений Китая с внешним миром. Однако капиталистический мир изучал ситуации и понимал намерения Китая. С одной стороны,

он был заинтересован в установлении дипломатических отношений с Китаем, ибо последний представлял для него крупный рынок, в котором он испытывал нужду, но, с другой стороны, он не мог жертвовать Тайванем.

Так что довольно долгое время Китай проводил свою политику самоизоляции и установления отношений только регионального, азиатского характера. Позднее наступил новый момент, когда китайские руководители поняли, что так уже нельзя было идти дальше и что надо было найти формулу, чтобы убрать тайваньскую скалу, которую они сами поставили поперек пути. Эту формулу они нашли и стали применять ее — они начали устанавливать дипломатические отношения со многими странами. Эти отношения, конечно, еще не привели к принятию Китая в Организацию Объединенных Наций, несмотря на усилия и борьбу, которую мы, сообща с другими друзьями Китая, желавшими ему добра, вели в этой организации.

Каждый год при голосовании относительно вопроса о принятии Китая в Организацию Объединенных Наций наблюдались изменения. Число голосов в пользу Китая все увеличивалось тогда, когда он становился более разумным в своей внешней политике, то есть, когда он выказывал предрасположение к установлению дипломатических отношений с государствами различных районов мира. И все-таки, несмотря на наши усилия, против принятия Китая в Организацию Объединенных Наций „решительно“ выступали Соединенные Штаты Америки и все те государства, которые были связаны с ними узами больших интересов и поэтому не могли выступать против них. Итак, многие государства были связаны с Соединенными Штатами Америки и зависимы от них, поэтому они не принимали условия китайцев для установления дипломатических отношений, так что Китай всегда оставался вне ООН.

Однако **наступил и другой момент в китайской внешней политике: китайцы изменили свою стратегию, они перешли от стратегии борьбы против американского империализма и советского социал-империализма к стратегии союза с Соединенными Штатами Америки против Советского Союза.** Вот

тогда и в отношениях с Соединенными Штатами Америки лед начал таять, и Китай наконец и к шапочному разбору был принят в Организацию Объединенных Наций.

Позиции, которые Китай занимал после своего принятия в ООН и которые он вырабатывал в течение 12-15 лет в бесчисленных переговорах с американским послом в Варшаве, привели к торжеству новой стратегии Мао Цзэдуна и Чжоу Энь-лая в тайных переговорах между обоими послами в Варшаве, а позднее и между Киссинджером, с одной стороны, и Мао и Чжоу Энь-лаем — с другой. Китай вступил на путь дружбы со всеми капиталистическими странами мира и повел борьбу против советского социал-империализма. Китай построил безумную антимарксистскую, реакционную стратегию, с тем чтобы договориться и сойтись с американским империализмом и со всеми другими буржуазно-капиталистическими государствами мира и чтобы создать, таким образом, единый фронт против советского социал-империализма.

В качестве условия для вступления Китая в союз с Соединенными Штатами Америки Мао Цзэдун требовал, чтобы последние предоставили Китаю ту помощь, в которой отказывал ему Советский Союз. Своим „остроумием“ Мао Цзэдун пытался обмануть американский империализм, уверяя его в том, что Китай якобы станет мощной баррикадой против советского социал-империализма, и, окрепшись, он захватит и сибирские территории, которые, по его утверждению, были отторгнуты у Китая русскими царями. Эту „гениальную“ идею Мао выдвинул, предъявляя территориальные притязания в отношении Советского Союза. Это было первым задатком Китая Соединенным Штатам Америки в расчете на то, чтобы борьбой и усилиями ослабить главного противника американских империалистов на их пути к мировому господству.

Итак, политика Китая в области отношений с другими странами проводилась по оси Китай — Соединенные Штаты Америки. Был предан забвению Тайвань, были преданы забвению Гонг-Конг и Макао, был предан забвению сражавшийся Вьетнам. Причем именно в то время, когда Вьетнам подвергался зверской бомбардировке, состоялись заключительные

переговоры между Мао и Чжоу Энь-лаем, с одной стороны, и Киссинджером и Никсоном — с другой. Значит, Мао стал на этот антимарксистский, проимпериалисгический путь именно тогда, когда Вьетнам сгорал от бомб самолетов „Б-52“ Никсона, который поехал в Пекин, поздоровался с Мао Цзэдуном и Чжоу Энь-лаем и имел с ними переговоры душа в душу.

Именно в это время Соединенные Штаты Америки включили зеленый свет и все друзья американцев, один за другим, начали устанавливать дипломатические отношения с „социалистическим“ Китаем Мао Цзэдуна. Но тем не менее эта ориентировка должна была выкристаллизоваться, эта стратегия Мао должна была выкристаллизоваться, с тем чтобы Китай мог определить, в чем состояли установившиеся дипломатические отношения и в каких направлениях они должны были развиваться.

Этим я хочу сказать, что в начале этого периода нам опять не видно какой-либо ощутимой и разумной политической деятельности со стороны Китая. Кстати сказать, в беседах с китайцами мы неоднократно высказывали свои взгляды и настаивали на том, что социалистический Китай должен поддерживать дипломатические отношения с другими странами мира, так как необходимо было, чтобы влияние социалистического Китая ощущалось на всех континентах и способствовало делу национально-освободительной борьбы народов, делу пролетарской революции. Однако Китай и Коммунистическая партия Китая совершенно не считались с нашими советами и взглядами и на этот важный вопрос. Они рассуждали о них свысока.

Китай, собственно, **встал на антисоциалистический путь, что еще ярче отметило его идеологию, стратегию и тактику: дружбу и союз с Соединенными Штатами Америки, от которых Китай надеется извлечь пользу в области технологии, экономики и вооружений;** Китай выступает также за дружбу и союз со всеми другими развитыми капиталистическими странами, от которых он надеется получать кредиты на новую технологию и на вооружение. Что же касается других стран, от которых ему нельзя было получать ни кредитов, ни техноло-

гии, то Китаю надо было повлиять на них своей якобы социалистической, доброжелательной, покровительственной политикой, с тем чтобы в рамках этой оси китайско-американской дружбы мало-помалу подготовить благоприятную почву для усиления своей будущей гегемонии. Исходя из этой стратегии, Мао Цзэдун выступил с „гениальным анализом“ раздела мира на „три мира“.

Вследствие стратегии Мао, за этот период в Китае произошли крупные изменения. Там пришли к власти такие элементы, как Дэн Сяо-пин, „Хрущев номер два“ Китая, главное лицо в реакционной группе Лю Шао-ци. Чжоу Энь-лай расправил крылья, чтобы надлежащим образом развивать эту стратегию в направлении Соединенных Штатов Америки и мирового капитала, и, заодно с Мао, ликвидировал Пролетарскую культурную революцию. На деле эта революция не имела четких, революционных, пролетарских целей. Единственная цель этой революции заключалась в том, чтобы Мао Цзэдун вырвал власть у Лю Шао-ци, ликвидировал его силу и добился того, чего он и в самом деле добился.

По-моему, **Лю Шао-ци был более правым чем Мао Цзэдун, и именно он оказывал поддержку компрадорской буржуазии, тогда как Мао оказывал поддержку национальной буржуазии.** Мао не боролся против национальной буржуазии, наоборот, он сохранил ее. Представители этой буржуазии получали прибыли как от фабрик, так и от коммун. Они должны были быть, да и в самом деле являются главной опорой проводимой ныне Хуа Го-фэном и Дэн Сяо-пином политики, которая является продолжением проамериканской политики Мао Цзэдуна и Чжоу Энь-лая.

Умер Чжоу, за ним умер и Мао, и оба они оставили за собой большой разброд в Китае. Кто должен был взять власть? „Четверка“, что ли?! Хуа Го-фэн с госбезопасностью, Дэн Сяо-пин, Е Цзянь-ин и много-много других ренегатов со своими сторонниками зашевелились и добились совершения известного нам государственного переворота. Как обычно совершился военный путч, но на этот раз возглавляемый Хуа

Го-фэном; была арестована и ликвидирована „четверка“, к власти вновь пришел Дэн Сяо-пин, который дважды был низложен как антимарксист, ревизионист и контрреволюционер. Однако Хуа Го-фэн, Е Цзянь-ин и Дэн Сяо-пин получили в наследие не только идеологически и политически расшатанный, но и экономически потрепанный Китай. Это вызвало большой политический разброд, а также большую неразбериху, что нанесло ущерб производству и создало Китаю трудные ситуации, как внутри страны, так и за ее пределами. В результате, Китаю понадобились и еще понадобятся целые годы, чтобы оправиться на избранном им пути развития, не на социалистическом пути, ибо Хуа Го-фэн и Дэн Сяо-пин забаррикадировали и тот „социалистический“ путь, по которому якобы шел Китай при Мао Цзэдуне.

Хуа Го-фэн и Дэн Сяо-пин официально заявили, что Культурная революция в Китае завершилась. Значит, они захватили власть и решили, что там больше не будет ни пролетарской революции, ни пролетарской культурной революции. Итак, в нынешнем Китае, где еще существует лозунг „будет расцветать сто цветов“ и „будет соперничать сто школ“, на деле ни один из них не будет расцветать, там будет установлена диктатура ярой фашистской буржуазии. Ведь Хуа Го-фэн и Дэн Сяо-пин через все органы прессы и пропаганды заявляют, что „надо повсеместно установить дисциплину“. Это значит, что надо потопить в крови всякое сопротивление этой фашистской диктатуре. Стало быть, пришедшая к власти клика стремится установить „единство“ путем насилия. Это касается внутренней платформы, тогда как в международной платформе, то есть во внешней политике, эта клика продолжает придерживаться лозунга „трех миров“. Однако между „тремя мирами“ нет единства, так же как нет его и внутри каждой из стран, входящих в эти миры. В этом состоит и порочность этой абсурдной теории, с помощью которой Китай стремится установить свою гегемонию и стать мировой сверхдержавой. Раз нет единства между государствами, составляющими эти „три“ различных „мира“, значит в них, вследствие существующих между ними глубоких противоречий, царят постоянные различия и двойствен-

ность. В этих странах господствует закон джунглей. Именно в этих так называемых трех мирах „расцветает сто цветов и соперничает сто школ“, поэтому Китаю Хуа Го-фэна не так уж легко с помощью своей власти объединить эти три мира, как он поступает у себя, где устанавливает буржуазную диктатуру.

Такой ситуации не предвидели ни Мао, ни Хуа Го-фэн, ни Дэн Сяо-пин. Они рассчитывали, что подобной идеологической и политической теорией будут импонировать народам, государствам, всему миру. Однако, на их беду, эта теория не имела успеха.

Проповедовать единство с половиной „первого мира“ или единство во „втором мире“ или в „третьем мире“ под руководством китайцев и на основе их утверждений о том, что якобы всем этим „мирам“ грозит советский социал-империализм, значит проявлять близорукость и не считаться ни с международной обстановкой, ни с противоречиями, раздирающими капитализм, ни с эрой загнивания империализма и торжества пролетарских революций.

Подобная реакционная близорукая политика завела Китай в тупик. Поэтому китайская политика находится и всегда будет находиться в состоянии шатания, и, что еще хуже, такое шатание будет всегда характеризоваться огромными провалами, ибо политика каждого из этих трех миров“, которыми Китай будет стараться маневрировать согласно своим „очень мудрым“ взглядам, будет склонна не к объединению, а к доминированию и расколу. А это идет вразрез с намерениями Китая, который будет пытаться согнать „овец“ своим посохом, но увы, „овцы“ оказываются не овцами, а волками, а волк волка знает. Зверь живет в лесу, а лес — это джунгли.

Проводя подобную политику на международной арене, какую позицию должен занимать Китай по отношению к американским проискам на Среднем Востоке? Китай задается целью сохранить статус-кво в этом районе мира и превратить Египет в своего послушного партнера; он хочет, чтобы его признавали и уважали и другие арабские страны. В то же время эта вылазка рассчитана на сохранение разобщенности

среди арабских народов. Идя таким путем, Китай, несомненно, должен стоять и фактически стоит на стороне американцев, то есть, он поддерживает проамериканских арабских лидеров, поддерживает также и Израиль, значит, он стоит за мир на американский манер, при котором одержали бы верх не дело свободы и независимости арабских народов, а алчность израильских фашистов, богачей Египта и Саудовской Аравии и др.

Совершенно ясно, что такая позиция китайцев является антимарксистской. Китай вынужден стоять именно на такой позиции, и, для вида, перед всеми арабскими народами он выдает себя за их покровителя, а на деле он не выступает в защиту ни одного из этих народов, не выступает в защиту их стремлений к национальному освобождению, а поддерживает капитализм и империализм.

Всем странам так называемого третьего мира и раньше бросалась в глаза такая позиция Китая, но особенно теперь они относятся к Китаю весьма подозрительно, они несогласны с китайской политикой и борются с ней. К Китаю не питают доверия даже и те страны этого „третьего мира“, которые прикидываются прокитайскими, несмотря на то, что их лидеры, как, например, заирец Мобуту и др. ездили раз в Китай. И это потому, что они знают, что Китай не пользуется никаким влиянием и не играет никакой роли в их судьбах, поэтому пусть он крутит шарманку сколько угодно. Судьбы этих капиталистических клик, господствующих в этих странах, находятся в руках американского империализма, так же, как находятся ныне в руках советского социал-империализма судьбы, например, Эфиопии, Анголы или какой-нибудь другой страны.

Поэтому **китайская внешняя политика „трех миров“, политика объединения всех стран в единый блок против советского социал-империализма не только натыкалась на препятствия, но и терпела неудачу.** Такие неудачи будут следовать одна за другой, так же как следуют и конъюнктурные ситуации, которые складываются во взаимоотношениях между государствами разных „миров“, как их называют китайцы,

вследствие существующих между ними глубоких противоречий, и при таких ситуациях Китай не знает, как быть. То, что он говорит сегодня, не подтверждается завтра, и он возвращается к противоположному тому, что он думал и говорил раньше. В таких ситуациях Китай не может сохранять какого-либо равновесия в своей внешней политике. Он не то, что не может сохранять равновесия, подобно Соединенным Штатам Америки и Советскому Союзу, с которыми Китай норовит бесшумно соперничать, с тем чтобы также установить свое господство в мире, но даже подобно другим капиталистическим странам, которые накопили огромный опыт в области внешней политики и умеют маневрировать, заключать и расторгать союзы, умеют вмешиваться оружием, подрывной деятельностью и тысячью других способов.

Итак, в конце концов, Китай скажет: „Будь, что будет, я решил пока стоять на стороне Соединенных Штатов Америки, получать от них и от других развитых капиталистических стран промышленную, сельскохозяйственную и военную технологию, то есть поправить свою экономику и свое положение и всегда противостоять той сверхдержаве, которая противится моей политике и политике моего великого друга — Соединенных Штатов Америки“. Таков антимарксистский внешнеполитический курс, который будет проводить Китай.

В настоящее время видно, что перед лицом таких политических провалов Китая на международной арене ревизионистское китайское руководство с Хуа Го-фэном во главе молчит, ни слова не молвит, не определяет своего отношения к происходящим в мире важным событиям. А почему же он не определяет своего отношения? Да потому, что оно видит, что на каждом шагу терпит провал. Поэтому оно хранит молчание, или же вполголоса высказывает какую-нибудь бестолковую мысль, которая никого не может ввести в обман, а лишь отличается своим антисоветизмом, и только. Однако и свой антисоветизм оно несколько умерило, так как в силу своей очень непоследовательной политики оно не желает довести до конца борьбу против советского социал-империализма, желает оставить двери открытыми, с тем чтобы легче

было маневрировать в случае неудачи в заключенном с американским империализмом союзе. И это естественно. Если Китай будет продолжать проводить подобную конъюнктурную, антимарксистскую, капиталистическую политику, то и он должен стать политиканом-акробатом; иначе ему нельзя стоять на таком пути, ибо другие не оставили бы его в живых. Он мог бы существовать, мог бы восторжествовать, мог бы стоять с высоко поднятой головой только в том случае, если бы он защищал социализм, если бы он руководствовался марксистско-ленинской теорией; но теперь уже все. **Китай погрузился в болото, а его антимарксистская политика будет погружать его еще глубже. Только подлинная пролетарская революция может избавить Китай от этой пропасти, от этой трагедии.**

ВТОРНИК
20 ДЕКАБРЯ 1977 г.

АМЕРИКАНСКИЕ КОММЕНТАРИИ О КИТАЕ

Радио „Голос Америки“ уже начало говорить без обиняков о дружбе, связывающей Соединенные Штаты Америки с Китаем Хуа Го-фэна и Дэн Сяо-пина.

В одной из своих передач „Голос Америки“ передавал интервью сенатора Мансфилда, нынешнего посла Соединенных Штатов Америки в Японии. Он является известным американским деятелем, и, если я не ошибаюсь, он был председателем комиссии по внешним делам американского сената. **Мансфилд заявил, что нынешняя позиция Китайской Народной Республики обнадеживает западный мир**. Совершенно без обиняков он заявляет, что низложение „шайки четверки“ означает приход к власти Дэн Сяо-пина в качестве заместителя председателя Коммунистической партии Китая, что он определяет как очень полезное дело для Соединенных Штатов Америки и для всего западного мира.

Мансфилд заявил, что **Дэн Сяо-пин является преемником Чжоу Энь-лая и исполнителем его завещания.** Дэн, уверяет он, с точностью будет осуществлять проект Чжоу на модернизацию Китая до 2000 года. Мансфилд, как хороший знаток Китая, полагает, что трудно будет добиться модернизации этой страны до 2000 года. Как бы то ни было, Соединенные Штаты Америки будут поставлять ему технологию и другие средства, чтобы помочь ему добиться своего. Так, по словам Мансфилда, Соединенные Штаты Америки и Китай будут обмениваться многочисленными разного рода делегациями, с тем чтобы активизировать и укрепить этот путь добрых, дружественных отношений между этими двумя странами. Мансфилд также

подчеркнул, что Китай испытывает нужду в иностранной валюте, другими словами, испытывает нужду в кредитах, и „мы, — добавил он, — должны предоставить их ему“.

Мансфилд уверен, что Китай не будет сближаться с Советским Союзом, ибо он встал на путь решительного противодействия ему. **Этот американский эксперт отвергает слухи о сближении китайцев с советскими и приходит к заключению, что нынешнее состояние американо-китайских отношений — удовлетворительно, однако, замечает он, „надо быть бдительными в дальнейшем относительно возможного сближения Китая с Советским Союзом“.**

Из заявления этого известного американского деятеля, неспроста назначенного послом Соединенных Штатов Америки в Японии, выходит, что Дэн Сяо-пин является самым надежным человеком в деле подготовки и укрепления китайско-американского союза. В этом мы были уверены, но мы уверены также и в том, что Дэн Сяо-пин — авантюрист, так что, если он со своей группой полностью приберет власть к своим рукам, если ему удастся полностью ликвидировать влияние своих противников, которые также являются авантюристами, то он сможет еще больше ускорить процесс сближения Китая с Соединенными Штатами Америки, сможет некоторое время сохранять статус-кво, но сможет сблизиться и с Советским Союзом, когда он сочтет это нужным. Конечно, это будет тогда, когда Китай зайдет далеко в своих экономических, политических и военных отношениях с Соединенными Штатами Америки и с другими развитыми капиталистическими странами, или же когда он увидит, что они не дают ему того, чего он желает. Тогда Китай будет вести двойную игру, то есть он пойдет и на сближение с Советским Союзом.

ЧЕТВЕРГ
22 ДЕКАБРЯ 1977 г.

В КИТАЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРОЦЕСС РАЗЛОЖЕНИЯ

Доказывается и сбывается то, что мы предвидели в связи с государственными отношениями между Китаем и югославским государством, как и в связи с отношениями между Коммунистической партией Китая и Союзом коммунистов Югославии.

Мы видим, что после поездки Тито в Пекин, после столь помпезного, столь пышного и столь радушного приема, который был устроен ему Хуа Го-фэном, Дэн Сяопином и другими китайскими руководителями, осуществляются соглашения, тайно заключенные в китайских дворцах. **Дружба между китайскими и югославскими ревизионистами становится все теснее не только в теории, но и на практике.** Десятками исчисляются китайские партийные, профсоюзные, женские, экономические делегации и особенно делегации, занимающиеся организационными вопросами, которые ездят в Югославию с целью перенятия югославского опыта во всех этих областях. Такие контакты, такой обмен, или, вернее, перенятие китайцами югославского ревизионистского опыта делается уже не скрытно, втайне, замаскированно, а на ярком солнце.

Пресса сообщает о том, куда ездят эти делегации и с кем они вступают в контакты, чего они ищут и что они видят. Итак, вообще, мы узнаем, что эти делегации хотят перенять опыт югославского „самоуправления“. Китайцы уже давно начали применять эту капиталистическую форму управления, но теперь они хотят усовершенствовать ее и думают, что, только переняв югославский опыт, им возможно будет лучше построить этот метод капиталистической эксплуатации трудя-

щихся. Китайские ревизионисты перенимают не только опыт „самоуправления“ экономикой в области индустрии и на крупных предприятиях Югославии, работающих на основе иностранной технологии — американской, западно-германской и т.д. — и являющихся совместной собственностью югославов и крупных иностранных капиталистических компаний, они ездят в Югославию еще и для того, чтобы брать пример также с югославских государственных ферм, организованных по образцу капиталистических хозяйств.

Значит, поездка Тито в Пекин была для него не просто развлечением, она не служила признаком утверждения Китая на ревизионистском пути или же там-тамом, рассчитанным на то, чтобы возвысить славу этого ревизиониста, предателя и отъявленного ренегата. Китайцам, которые получают и будут получать от США и от других развитых капиталистических стран кредиты на современную технологию как для промышленности, так и для сельского хозяйства, обязательно надо установить такое государственное и экономическое устройство, которое соответствовало бы этой помощи, оказываемой американцами, Западной Германией и Японией, с тем чтобы были гарантированы капиталовложения последних в Китае.

Империалистические и капиталистические страны видели, что опыт, перенятый у них Тито, принес пользу в этом направлении, поэтому они думают, что югославский ревизионистский опыт должен быть обогащен некоторыми китайскими чертами; вот почему Китай наводняет Югославию делегациями. Надо учесть, что югославы являются мастерами на уловки, в представлении вещей, они являются психологами и сумеют поймать на удочку китайцев как тех, кто ездит туда, так и китайское руководство, которое они окончательно спутают на капиталистическом пути, который оно избрало себе и по которому оно идет твердой поступью.

Подобное сближение с Югославией не остановится на этом. У американского империализма развернутый план. Мы видим также, что Китай пытается проникнуть в Венгрию, в Польшу и, по возможности, и в остальные ревизионистские страны, находящиеся под советским господством. Этим он на-

деется либо проникнуть в них, либо оторвать их от Советского Союза. Это есть старая политика американского, английского империализма и буржуазных „демократических“ государств, чьим авангардом в проделках является Тито, прикрывающийся маской якобы специфического социализма. **Теперь в эту колесницу „специфического социализма“ будет запряжена четверка: Тито с Карделем и Дэн Сяо-пин с Хуа Го-фэном.**

Кроме того, в области идеологии Коммунистическая партия Китая решительно будет идти по пути Союза коммунистов Югославии, что значит союз со всеми другими ревизионистскими партиями Запада или других континентов мира. Забота об этом гложет сам Китай ибо, для того чтобы добиться своей стратегической цели, он будет стараться сохранить псевдокоммунистическую маску и заодно наденет и маски, которыми прикрываются другие партии, изменившие марксизму-ленинизму и прилагающие огромные усилия к тому, чтобы проникнуть в капиталистический клан, чтобы наладить сотрудничество с местным и международным капиталом в ущерб пролетариату капиталистических стран мира.

Процесс разложения Китая продолжается.

СУББОТА
24 ДЕКАБРЯ 1977 г.

НЕ НАДО ПОТЕРЯТЬ НАДЕЖДЫ НА КИТАЙСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ И НА КИТАЙСКИЙ НАРОД

Все коммунисты в мире, все прогрессивные люди, народы, борющиеся за политические, экономические и другие свободы очень встревожены проимпериалисгической политикой Китая, и это естественно. **В новейшей истории народов и государств не видано и не слыхано, чтобы столь крупная страна так открыто проводила скандальную политику во имя беспринципного единства с могучим империалистическим государством, каким являются Соединенные Штаты Америки.**

Нынешние позиции Китая становятся еще уродливее и лицемернее тем, что он еще рекламирует и выдает себя за социалистическую страну, за страну, якобы борющуюся за революцию, за окончательный разгром мирового капитализма и империализма. В связи с этим вопросом он часто орудует, совершенно не стесняясь, без обиняков, громогласно призывает к единству с американским империализмом и со всей мировой капиталистической буржуазией, причем этот призыв содержится не только в статьях „Жэньминь жибао“ и в материалах корреспондентов Синьхуа, которые разъезжают по капиталистическим странам, посещают военные базы и военные корабли НАТО, пишут репортажи о капиталистической „мощи“ и капиталистическом „рае“; с призывами „к единству“ с американским империализмом во главе обращаются и высокопоставленные китайские деятели, как это сделал Дэн Сяо-пин в своем интервью, данном АФП. И все это они выдают за действия, которые совершаются на ленинском пути. На деле путь,

которого они придерживаются, является одним из самых реакционных путей, которые когда-нибудь видели международное коммунистическое движение и мировое прогрессивное движение. Подобную политику не могут принимать ни прогрессивные народы, ни прогрессивные государства, дорожащие своим политическим достоинством и имеющие свои взгляды, какими бы они ни были, которыми они защищают себя и борются за то, чтобы не стать холопами той или иной великой страны, того или иного великого государства. В мире имеется много стран, где господствуют буржуазные и антинародные клики, различными формами старающиеся скрыть действительность, замаскировать свою политику и свои стремления. Подобные усилия к маскировке своей антимарксистской, антинародной и антиосвободительной деятельности прилагает также и ревизионистский Китай, который без зазрения совести заявляет, что его линия якобы является правильной, марксистско-ленинской линией. Однако пословица нашего народа гласит: „Когда деревня на виду, не нужен проводник“.

Псевдосоциалистический Китай подчиняется условиям, поставленным американским империализмом. Своей политикой, своей стратегией и тактикой он противопоставляет себя революции и национально-освободительной борьбе народов. На деле, раз поддерживает тезис о союзе с Соединенными Штатами Америки и с мировым капитализмом, он не может стоять за освобождение народов от ига империализма, социал-империализма и мирового капитализма. Это один из главных вопросов. **Китай не только не будет помогать национально-освободительной борьбе народов материальными средствами, но не будет оказывать ей даже политической поддержки. Это значит, что он подчиняет себя главной цели американского империализма.**

Американский империализм стремится к подчинению народов. В настоящее время он ставит себе задачей политически и экономически подчинить Китай и поставить его под военную зависимость от США и НАТО. Именно по этому пути идет теперь Китай, который уже стал на позиции Вашингтона. **Китай взял на себя задачу рекламировать американскую политику**

как „мирную“ политику, представлять дело так, будто Соединенные Штаты Америки не агрессивны, будто они выступают за статус-кво и содействуют развитию человечества. Китай поступает так в целях узаконения „помощи“, которую ныне он сам получает от Соединенных Штатов Америки. Итак, своими позициями Китай побуждает Соединенные Штаты Америки спокойно производить капиталовложения и в других странах мира.

Китай взял на себя обязательство (и таково пламенное желание американских империалистов) **каждодневно выступать с нападками на советский социал-империализм, то есть ослаблять главного соперника американского империализма, но в то же время и своего главного соперника, как сверхдержавы.** Эту борьбу против Советского Союза Китай ведет не с марксистско-ленинских позиций, а с капиталистических позиций великой державы, стремящейся стать империалистической сверхдержавой, ведет ее, исходя из старых амбиций, связанных с территориальными вопросами. Поэтому „теория“ китайцев о том, что они выступают с нападками на Советский Союз якобы потому, что он является идеологическим врагом, совершенно беспочвенна.

Другим фактом, свидетельствующим о том, что ревизионистский Китай стал на службу американскому империализму, являются его попытки сплотить вокруг Соединенных Штатов Америки все государства мира. Это значит, что он старается подчинить американскому империализму те государства, которые имеют противоречия с ним. Китай „советует“ этим государствам „изгладить“ свои противоречия с американским империализмом. К этому Китай прилагает большие усилия, раз доходит до того, что призывает мировой пролетариат и марксистско-ленинские коммунистические партии объединиться с буржуазией своих стран и, заодно с Соединенными Штатами Америки, с мировым капитализмом, сколотить крупный политический, идеологический и военный блок против советского социал-империализма. Это также есть полное политическое и идеологическое подчинение американскому империализму.

Другая важная миссия, которую китайская политика приняла на себя, состоит в расколе марксистско-ленинских коммунистических партий мира, вышедших из среды пролетариата и борющихся за его организацию на революцию. Противопоставляя себя мировой революции, пролетарским революциям, ленинским положениям, Китай со всей силой становится против марксистско-ленинских коммунистических партий, вносит в них раскол, борется за их ликвидацию.

По всем вышеупомянутым вопросам, ревизионистская линия Китая не нуждается в подробных объяснениях, ибо она у всех на виду. Против китайской политики надо вести беспощадную борьбу, ее надо разоблачать, ибо она причиняет большой вред мировой революции, народам и социализму, она является оппортунистической политикой, льющей воду на мельницу империализма и ревизионизма. Она есть преступная политика, а преступников, будь они и политическими преступниками, надо разоблачать, им надо нанести сокрушительный удар.

Нынешняя реакционная китайская политика вызывает большое беспокойство у народов, поэтому им надо разъяснять ее цели. Народы сознают опасность, с которой сопряжена нынешняя китайская политика, они понимают также справедливые цели и революционный путь Албанской партии Труда и Народной Социалистической Республики Албании. Именно **знакомясь с нашими правильными позициями, народы, подлинные марксистско-ленинские партии, как и многие государства, придерживающиеся различных политических взглядов, но не желающие подчиниться американскому империализму или какому бы то ни было другому поработительскому империализму, выступают в поддержку политики нашей партии и нашего государства.**

Раньше мы указали на то, как хрущевский ревизионизм взял курс на сближение с американским империализмом, а также отметили переплетение хрущевской политики с политикой реакции. Теперь всем нам, коммунистам мира, нечему удивляться при виде того, что ныне то же самое происходит и между Китаем и Соединенными Штатами Америки, то есть,

при виде переплетения их интересов как во внутреннем, так в международном плане. Этими интересами связаны обе стороны, поэтому они идут на уступки друг другу, несомненно, в ущерб другим народам. С одной стороны, американский империализм стремится сохранить свою гегемонию, он даже наращивает свою мощь в ущерб другой социал-империалистической державе; с другой стороны, Китай также старается создать свою империю, то есть установить свое влияние в мире. Итак, поскольку переплетаются интересы обеих великих держав, одна из которых представляет собой утвердившуюся империалистическую державу, а другая всякими способами старается утвердиться как таковая, то эти интересы никак не могут не противоречить общим интересам мира во всем мире, интересам освободительной борьбы народов, интересам революции и диктатуры пролетариата.

В настоящее время Китай проводит эту политику, прикрывая ее марксистской фразеологией, но в то же время и при необыкновенной непоследовательности, с величайшим бесстыдством и без особой заботы скрыть свой антимарксистский путь. Хрущевцы поступали не совсем так. Они старались, да и сегодня они все стараются прикрываться ленинскими лозунгами, утверждая, что их политическая, идеологическая и экономическая деятельность развертывается в „интересах революции“. Свои экспансионистские стремления советский социал-империализм также прикрывает лозунгом „помощи пролетарской революции“.

Выдвинутые Хрущевым антимарксистские лозунги о мирном сосуществовании с империализмом, о переходе в социализм мирным, парламентским путем, путем реформ и т.д., а также лозунг о „мире без армий, без оружия и без войн“ развивались им дальше, создавая, однако, так сказать, впечатление о том, что в сущности между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом существовали глубокие противоречия.

Такие противоречия, правда, существуют между двумя империалистическими сверхдержавами — между Соединенными Штатами Америки, которые последовательно придержива-

ются своей линии, но не без зигзагов в политике, и Советским Союзом, который также решительно идет своим социал-империалистическим путем, маскируя себя и также идя на некоторые зигзаги.

Ныне мы видим, что Коммунистическая партия Китая и китайское государство выступают на международной арене часто с открытой политикой, без масок, и эти их выступления — ужасные, они носят антимарксистский, антинародный характер. Весь капиталистический мир весьма заинтересован в том, чтобы Китай развивался именно по такому пути. Все запустили свои когти в эту страну, все привели в действие шпионскую сеть и своих политиков, с тем чтобы еще больше, еще дальше продвинуть его к пропасти. Во главе всех этих агентур, несомненно, стоит Югославия с Тито. **Титовцы очень довольны и поощрены не только тем, что между обоими ревизионистскими государствами, Югославией и Китаем, развиваются весьма благоприятные экономические и политические отношения; они довольны еще и тем, что таким образом удовлетворяется желание их патронов, в особенности американского империализма**, быстро превратить Китай в капиталистическое государство, каким является и Югославия.

По всей вероятности, Хуа Го-фэн и Дэн Сяо-пин, которых так много восхваляет капиталистическая буржуазия, быстро усвоят и повсеместно введут югославское „самоуправление" в свою экономику, и это „самоупраление", эту систему, которую они будут приспосабливать к огромному Китаю, они наделят теми политическими чертами и будут применять на тех идеологических основах, которые еще лучше и ярче определят предательский курс маоистов.

Югославское телеграфное агентство ТАНЮГ мало говорит о „четверке" и о ее последователях, которым нанесен мощный удар. Оно предвидит дальнейшую стабильность в Китае. Это значит, согласно этому агентству, что стоящая у власти клика Хуа Го-фэна и Дэн Сяо-пина в 1978 году обеспечит стабильность, установит дисциплину в труде и в стране в целом. Одним словом, оно предвидит установление там жестокой во-

енной диктатуры, подавление демократии трудящихся масс и введение экономической децентрализации.

Так было и в Советском Союзе, где Большевистская партия Ленина-Сталина, которая одержала крупную победу в революции и строительстве социализма, была разрушена изнутри. Несмотря на правильные позиции Сталина, как и на политическую и идеологическую работу, проведенную Большевистской партией, замаскированным ревизионистам удалось захватить власть в подходящий для них момент и за сравнительно короткий срок превратить Советский Союз из социалистической страны в капиталистическую страну; теперь ими создана новая прослойка капиталистической буржуазии, которая опирается на военную мощь и на органы государственной безопасности.

Что касается Коммунистической партии Советского Союза, то она сохраняет „традиции", сохраняет добрую репутацию (ну и пусть она живет себе этой доброй репутацией!), а на деле из Большевистской Коммунистической партии Ленина-Сталина ничего не осталось, больше не она руководит Советским Союзом. Там правит армия, правит госбезопасность, правят аппаратчики ревизионистской партии. Установившийся в Советском Союзе капиталистический строй наталкивается на сопротивление. На вид это сопротивление оказывается правыми, но сопротивление, несомненно, оказывается и левыми, которые незаметны, ибо революционеры живут и действуют в глубоком подполье (а что касается до советских контрреволюционных „диссидентов", то о них международная буржуазия раздувала и раздувает оглушительную шумиху).

Так будет и в Китае. Там пока что сопротивление властителям навряд ли может иметь место, да и то лишь в виде отдельных, спорадических фактов, ибо там никогда не существовало подлинной, революционной марксистско-ленинской организованности. Поэтому **в Китае надо поднять революционный дух, новый, революционный марксистско-ленинский дух. Чтобы вселить подобный революционный дух в кадры и в массы пролетариата, для этого, конечно, требуется длительный период, а военная диктатура Хуа Го-фэна, Дэн Сяо-пина, „хозяев вой-**

ны“, так сказать, диктатура новой, маоистской китайской буржуазии за это время непрерывно будет орудовать и поведет Китай на совершенно капиталистический путь.

Это не значит, что в Китае революционные элементы не будут шевелиться. Они будут работать, конечно, в подполье, новыми способами, быть может, и не с той большой интенсивностью, как в Советском Союзе. **В Китае первым делом могут расправиться с кликами, которые пришли к власти и душат революцию. Не надо терять надежды на китайский пролетариат и на китайский народ.**

ПОНЕДЕЛЬНИК
26 ДЕКАБРЯ 1977 г.

МОЖНО ЛИ СЧИТАТЬ КИТАЙСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ?

Конечно, чтобы дать точный ответ на такую важную проблему, с одной стороны, надо иметь в распоряжении сравнительно долгое время, надо располагать также более подробными и более точными документами о сложившихся в Китае ситуациях, которые очень сложные, по крайней мере, со времени Сун Ят-сена, гоминьдана и вплоть до наших дней. С другой стороны, надо знать ход революции вообще, ход классической французской буржуазно-демократической революции, как и ход буржуазно-демократических революций в других странах.

Я не могу сказать, что французскую буржуазно-демократическую революцию знаю во всей ее широте и глубине, но все-таки ее я лучше знаю. Я изучал ее не только по учебникам; позднее я изучал много трудов известных авторов, таких как Мишле, Матьез, Жорез и др., в которых идет речь об этой революции. Нам также известны и оценки, данные французской революции классиками марксизма-ленинизма.

Говоря о французской революции, Маркс в своем произведении „Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта“ называет ее революцией 1789-1814 гг. Но тут же он подчеркивает, что подъем этой революции продолжается до 1794 года. Он пишет:

> *„В первой французской революции за господством* **конституционалистов** *следует господство* **жирондистов,** *за господством* **жирондистов** *следует господство* **якобинцев.** *Каждая из этих партий опирается на более пе-*

редовую. Как только данная партия довела революцию настолько далеко, что уже не в состоянии ни следовать за ней, ни тем более возглавлять ее, — эту партию отстраняет и отправляет на гильотину стоящий за ней более смелый союзник. Революция движется, таким образом, по восходящей линии“.[1]

С низложением якобинцев революция **„движется по нисходящей линии“**, наступает период контрреволюции, хотя у власти и остается буржуазия. Помимо всего этого, нам хорошо известен процесс развития пролетарской революции, ее теория и практика, ибо мы подробно изучали ее в трудах наших великих классиков — Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Мы знаем, мы изучали процесс проведения и победы Великой Октябрьской социалистической революции в Советском Союзе, пролетарской революции у нас, как и в других, так называемых социалистических, странах, которые ныне, как и Советский Союз, превращены в капиталистические страны.

Я говорю все это потому, что для надлежащего, правильного и глубокого изучения этой ныне занимающей нас проблемы, то есть для определения характера китайской революции и различных этапов, через которые она проходила, надо обладать знаниями и особенно надо знать узловые, решающие моменты, надо знать идеи, борьбу между фракциями, различные этапы, движущие силы, которые, вместе взятые, определяют характер революции, ибо только после этого, научно изучив и проанализировав сквозь призму марксизма-ленинизма вопрос в целом, можно вынести правильное заключение. Тем не менее, даже имеющиеся у нас сведения о Китае, хотя они и не полны, не согласованы и не классифицированы как следует путем сопоставлений и параллелизмов, а иной раз они, может, и не очень точны, могут позволять нам создать какое-то представление о тамошней революции, которая до сих пор

---

1 К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 275, Тирана, 1975, алб. изд.

называлась „социалистической“, „пролетарской“, но которая на деле, по всей вероятности, не была такой.

В результате моих размышлений, особенно в свете всего того, что происходило и происходит в Китае, естественно, без претензий на то, что они составляют глубокое исследование, у меня сложилось мнение, что в Китае не было совершено пролетарской революции по образу и подобию Великой Октябрьской социалистической революции. Этим я не хочу сказать, что надо было перескочить этапы буржуазной революции и перейти непосредственно к социалистической революции.

В Китае Сун Ят-сен, стоя у руководства гоминьдана, путем целого ряда битв и сражений, хотя он и не довел до конца своего дела, сумел низвергнуть монархию и установить республику, создать демократическое правительство Кантона, но тем не менее он не оказался в состоянии объединить Китай. Эта китайская республика была „буржуазно-демократической“ республикой, еще не получившей все черты и характеристики передовой буржуазной демократии, хотя она и шла по такому направлению. Революция, совершенная под руководством Сун Ят-сена и гоминьдана, как и всякая буржуазно-демократическая революция, по-моему, провела ряд реформ политического и экономического характера, давших кое-какие, так сказать, положительные результаты и направленных на объединение Китая. В то время Китай страдал под двойным господством — самодержавной монархии, хаоса в провинциях, где царствовали „хозяева войны“ со своей автономной администрацией и со своими почти частными „армиями“, и под господством ряда империалистических государств. Последние засели там благодаря полученным концессиям, распределили между собой почти все восточнее побережье этой обширной страны, создали там свои колонии и торговые конторы, при помощи которых они всасывали пот и кровь китайского народа в интересах английских, американских, французских, немецких и других метрополий, плели там интриги и способствовали расколу и хаосу.

Провозглашение республики и приход к власти гоминьдана не означали, что уже были ликвидированы крупная китайская буржуазия, национальная буржуазия и компрадорская буржуазия. Никак нет. Эта буржуазия стояла у власти и продолжала поддерживать, сохранять и развивать свои связи с империалистическими государствами, особенно с американским империализмом, а также вызывать трения и трещины, приведшие даже и к вооруженным столкновениям между Коммунистической партией Китая и гоминьданом. Причем тесть Сун Ят-сена, который был в то же время и тестем Чан Кай-ши и входил в состав Исполкома гоминьдана, являлся одним из самых крупных компрадорских буржуев Китая. Таких там было много.

Сун Ят-сен и гоминьдан выбрали путь буржуазно-демократических реформ и, хотя и поддерживали дружественные отношения с ленинским Советским Союзом, они были далеки от ленинского пути преобразования Китая. В своем докладе от 26 января 1923 года представитель Коминтерна писал, что Сун Ят-сен заявлял, что в Китае нельзя было применить систему советов, так как в этой стране не существовало никаких благоприятных для этого условий. Сун Ят-сен не оказался вполне способным выработать ясную и четкую программу по развитию Китая. Его взгляды и социальные наклонности были радикальными на словах, зато поверхностными на деле. Политические и идеологические наклонности Сун Ят-сена, Чан Кай-ши и гоминьдана вообще прежде всего и главным образом тяготели к буржуазно-демократическим воззрениям Запада, Америки и других стран, таких как Япония. Сун Ят-сен, насколько я читал, неоднократно искал себе опоры (хотя это было сопряжено с риском и опасностью) то во внутренних военных кланах, то в великих державах, таких как Соединенные Штаты Америки и Япония. Он получал от них помощь для восстановления установившегося в Китае режима. Понятно, что такая помощь со стороны американских демократических кругов совсем не носила альтруистский характер. Ведь Соединенные Штаты Америки, как империалисти-

ческая держава, стремились запустить свои когти в Дальний Восток и обосноваться там, особенно в Китае.

Хотя остался передовым демократом с либеральными тенденциями, Сун Ят-сен питал симпатию к Октябрьской революции и к Советскому Союзу. Провозглашенная им буржуазно-демократическая республика установила отношения с Советским Союзом и нашла в лице Советского Союза и Ленина могучую опору для дальнейшего продвижения вперед начинавшихся в Китае социальных, политических и военных преобразований. Оставленное Сун Ят-сеном завещание наилучшим образом свидетельствует о его горячем стремлении до конца довести буржуазно-демократическую революцию, как и о его доверии и симпатии к Советскому Союзу. Он заканчивает свое завещание словами:

„Прощаясь с вами, дорогие товарищи, я хочу выразить надежду, что скоро настанет день, когда Советский Союз, его друзья и союзники будут приветствовать в лице Китая могучего, развитого и независимого союзника в великой борьбе за освобождение народов мира. Обе наши страны пойдут к победе рука об руку. С братским приветом“.

В 1921 году, в период, когда гоминьдан был полновластным, имея во главе Сун Ят-сена, когда китайская республика переживала процесс развития и поддерживала отношения дружбы с Советским Союзом Ленина, была основана Коммунистическая партия Китая.

Коммунистическая партия Китая родилась и развивалась в среде старого китайского общества и при старой китайской цивилизации; ее члены были продуктом конфуцийского либерального-демократического, и, наконец, марксистско-ленинского интеллектуального и духовного воспитания. Причем нельзя сказать, что китайские марксисты в последующем окончательно порвали с традиционной цивилизацией, которая продолжала оказывать на них воздействие своей индивидуальной и национальной психологией.

До октябрьской революции и после нее распространение марксизма в Китае носило характер движения скорее за на-

циональное, чем за социальное освобождение. Первые марксистские группы характеризовались идейным разбродом и колебаниями в политической линии. Шо Цян, который до 1966 года был при маоистском режиме ответственным за культурные вопросы, в сентябре 1957 года в одной своей статье писал: „Пусть обратимся к прошлому, мы увлекались всякими, поступавшими к нам из-за границы новыми знаниями и не в состоянии были углядеть различия между анархизмом и социализмом, между индивидуализмом и коллективизмом. Ницше, Кропоткин и Карл Маркс одинаково привлекали нас. Позднее мы поняли, что марксизм-ленинизм был единственной истиной и единственным оружием освобождения человечества. Мы верили в отвлеченный коммунизм, наши поступки всегда обуславливались стремлением к индивидуальному героизму. Мы не поддерживали тесных контактов с рабочими и крестьянами, мы совсем мало сходились с ними. Демократическая революция составляла нашу неотложную цель, а социалистическая революция была далеким идеалом. Мы долгое время находились под влиянием индивидуализма, мы предавались мечтаниям, как и Ибсен, и обожали его девиз: „Самый сильный в мире человек — тот кто более одинок““.

Все эти различные идеологические и политические взгляды надо было обуздать в том смысле, что необходимо было очистить ряды и ослабить влияние элементов, которые были демократами, но зато не были марксистами, не придерживались основных принципов марксизма-ленинизма. Этим я хочу сказать, **что надо было очистить почву, создавая условия для основания подлинно коммунистической партии, которая придерживалась бы теории марксизма-ленинизма и творчески воплощала бы ее в жизнь** в условиях Китая, причем воплощала бы ее в жизнь более основательно и более ясно, согласно идеям, которыми руководствовалась Великая Октябрьская социалистическая революция, согласно марксистским идеям Ленина.

Коминтерн внес свой вклад в этом направлении; именно он содействовал подготовке следовавшихся один за другим

после движения 4 мая 1919 года новых, более радикальных, более сознательных кадров, начиная от Ли Ли-саня и вплоть до Мао Цзэдуна. Мао Цзэдун был намного прогрессивнее своих предшественников, защищал гораздо более революционные позиции и стоял за советский путь более последовательно не только чем Сун Ят-сен, но и чем другие, старшие товарищи, такие как Чэнь Ду-сю, Ли Да-чжао и другие. Тем не менее, во взглядах новых кадров сквозило ярко выраженное чувство китайского национализма, независимости этого „великого государства“, и явное влияние старых философских идей Конфуция, Мэн-Цзы и др. Это мешало закалявшимся в ходе борьбы и схваток китайским товарищам считать марксизм-ленинизм верным компасом, который указывал бы им путь в беспросветных дебрях китайской буржуазно-демократической революции, и выработать марксистско-ленинскую политическую линию четкой направленности, которая твердо руководила бы ими на всех этапах китайской революции. Однако с самого начала и поныне, они не сделали этого как следует, а сохраняли лишь некоторые марксистские формулировки и лозунги. По содержанию же Коммунистическая партия Китая не была настоящей партией пролетариата, партией революции, которая могла бы обеспечить руководящую роль в демократической революции и перерастание ее в пролетарскую революцию. Фактически в ее среде получил развитие целый ряд анархистских уклонов и теорий, и т.д. Доказательством этому хаотичному пути — весь процесс развития Китая со времени основания партии, со времени провозглашения буржуазно-демократической республики Сун Ят-сена и до сих пор. Только что основанная Коммунистическая партия Китая должна была идти по пути своего организационного и идеологического укрепления, работать над дальнейшим утверждением своей личности и шаг за шагом заключать союзы с революционно настроенными классами и революционными силами, бороться за укрепление позиций установившейся в первых порах буржуазной демократии, то есть обеспечить народу демократические свободы, усилить в стране народное, но в первую очередь пролетар-

ское, влияние во всей стране — в органах власти, в армии и всюду, занять руководящие позиции в профсоюзах, созданных внутри гоминьдана, и целеустремленно вести свою пропаганду с целью упрочить свои позиции в рядах рабочего класса для того, чтобы сделать этот класс гегемоном в революции. В то же время она должна была ширить свое влияние в китайской деревне, где жило подавляющее большинство населения этого, так сказать, настоящего континента, и более последовательно взяться за дело проведения аграрной реформы, за дело политического и просветительного пробуждения деревни.

Этот путь открыли Коммунистической партии Китая Ленин и Коминтерн, открыли ей Октябрьская революция и опыт Советского Союза.

Ленин написал о Китае ряд статей. Но представляет особый интерес статья под заголовком „Демократия и народничество в Китае“, опубликованная 15 июля 1912 года. В ней Ленин анализирует положение в этой стране, революцию 1911 года. Он признавал прогрессивный характер идей Сун Ят-сена, невзирая на его доктринерскую ограниченность. По мнению Ленина, буржуазно-демократическая революция, руководимая гоминьданом, представляла особый интерес, так как была направлена против гнета западных государств и предотвращала грозившие Китаю национальное расчленение и распад. Он признавал важную роль крестьянства и всегда поднимал вопрос о его революционном значении в условиях Китая, где отсутствовал пролетариат. Тем не менее Ленин писал в частности о крестьянстве в газете „Правда“ от 8 ноября 1912 года:

> *„Сумеют ли крестьяне, не руководимые партией пролетариата, удержать свою демократическую позицию* **против** *либералов, которые только ждут удобного момента, чтобы перекинуться направо, — это покажет недалекое будущее“.*[1]

---

1 В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 445, алб. изд.

Ленин был твердо убежден, что в Китае образуется класс пролетариата, поэтому он подчеркивал:

> *„Наконец, поскольку будет расти в Китае число Шанхаев, будет расти и китайский пролетариат. Он образует, вероятно, ту или иную китайскую социал-демократическую рабочую партию, которая, критикуя мелкобуржуазные утопии и реакционные взгляды Сун Ят-сена, будет, наверное, заботливо выделять, охранять и развивать революционно-демократическое ядро его политической и аграрной программы“.*[1]

Этих двух статей достаточно, чтобы понять, как четко определил Ленин задачи, стоявшие перед Коммунистической партией Китая.

На II конгрессе Коминтерна, проходившем с 19 июля по 7 августа 1920 года, были приняты соответствовавшие учению Ленина положения о национальном и колониальном вопросе, довольно большое число которых относилось и к Китаю. Съезд принял положение о том, что „революция в Китае и других колониальных странах должна иметь такую программу, которая допускала бы включение буржуазных реформ и в особенности аграрной реформы“, но он подчеркнул, что э**той революцией не должна руководить демократическая буржуазия;** напротив, в решениях конгресса указывалось, что **партия пролетариата должна вести мощную и систематическую пропаганду в пользу советов и возможно скорее образовать советы рабочих и крестьян. Такова была общая линия Коминтерна, которой должна была следовать партия и в Китае.**

Вообще, можно сказать, что Коммунистическая партия Китая не как следует, обдуманно и систематически, сквозь призму научного социализма выполняла свою роль при сложившейся в Китае ситуации. В той маленькой партии, называвшейся Коммунистической партией Китая, существовали

---

1 В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 178, алб. изд.

различные тенденции, которые всегда мешали выработке правильной, марксистско-ленинской линии и преобладанию марксистско-ленинской линии и действия. Эти первоначальные тенденции, которые неоднократно заявляли о себе в главных руководителях партии, часто были левыми, подчас — право-оппортунистическими, а иногда — центристскими, они доходили до анархистских, троцкистских, буржуазных, явно шовинистических и расистских взглядов. И позднее они остались одной из отличительных особенностей Коммунистической партии Китая, которой руководил впоследствии Мао Цзэдун с его группой.

Чтобы эта молодая партия вела систематическую, организованную, обдуманную и зрелую борьбу в столь сложных ситуациях и на столь обширном континенте, где идеи Конфуция и феодализм оставили глубокие, чтобы не сказать неизгладимые, следы, китайским коммунистам надо было абсолютно верить в научный марксизм, в Ленина и в Коминтерн, правдиво докладывать последним о ситуациях в Китае, с тем чтобы касавшиеся Китая решения Коминтерна были **правильными и правильно выполнялись китайскими коммунистами.**

По-моему, при всей доброй воле неофитов, Коммунистическая партия Китая этого не добилась; в этом, думается мне, берут начало все шатания то влево, то вправо, имевшие место тогда и наблюдающиеся и поныне.

Еще со времени основания партии появилось два течения: одно крыло стояло за легальную деятельность и сотрудничество с буржуазно-демократическими партиями; другое же крыло выступало против любых связей с другими. И, вообще, партия приняла решение изолироваться, занять, другими словами, враждебную позицию по отношению ко всем остальным партиям, включая сюда и партию Сун Ят-сена, которой ставили в вину возникший политический хаос. В письме, направленном 6 апреля 1922 года Войтинскому, представителю Коминтерна в Китае, Чэнь Ду-сю писал ему, что китайские коммунисты против объединения с гоминьданом, что их цели расходились. Коминтерн возразил против этого и ориентировал партию на тесное сотрудничество с гоминьданом.

На конгрессе народов Дальнего Востока Коминтерн верно определил линию сотрудничества между гоминьданом и Коммунистической партией Китая, как и задачи последней в тогдашний период китайской революции. На нем и советский представитель высказался за оказание поддержки гоминьдану, как союзнику, боровшемуся за национальное освобождение и демократию, за национальное раскрепощение, но в то же время он подчеркнул, что Коммунистическая партия Китая не должна была поддерживать организации и профсоюзы, которыми руководил гоминьдан, а, вместе с пролетарскими массами, должна была стоять в руководстве и бороться за распространение своего влияния и создание своих организаций в массах. „Поэтому в этой связи, — говорил он, — мы думаем, что гоминьдан не должен стать нам помехой в нашей работе, и мы будем искренне сотрудничать с ним. Тем самым мы говорим открыто. Такова наша тенденция и, на наш взгляд, в Китае должно доминировать рабочее движение; оно должно развиваться свободно, независимо от наличия буржуазии с радикальными тенденциями и с демократическими организациями и партиями".

Следовательно, эта малая коммунистическая партия пользовалась политической поддержкой и материальной помощью Коминтерна и Советской России, которые внимательно следили за ее деятельностью среди масс и, в особенности, среди городского пролетариата. В этом направлении были сделаны заметные сдвиги, особенно в профсоюзном плане, а политические сдвиги намечаются позднее, медленнее и берут начало в 1925 году, в движении 30 мая. В результате движения 30 мая партия добилась на IV съезде нового успеха. Сотрудничество между Коммунистической партией Китая и гоминьданом окрепло и стало теснее, что непосредственно содействовало, правда, временно, упрочению национального единства, которое после 1911 года ослабло, чтобы не сказать совсем было подорвано. Сотрудничество это вызвало в гоминьдане новый, еще больший прилив сил, однако Коммунистическая партия Китая также пришла на свой IV съезд с умноженными силами. На седьмом пленарном заседании китайской ко-

миссии Исполнительного Комитета Коминтерна, состоявшемся 30 ноября 1926 года, Сталин, в частности, сказал:

> *„...весь ход китайской революции, ее характер, ее перспективы с несомненностью говорят о том, что китайские коммунисты должны остаться в Гоминьдане и усилить там свою работу“*[1].

Сотрудничество между двумя партиями сохранилось до 1927 года. Тогда дела перепутались и это не удивительно, ибо буржуазная реакция всегда остается реакцией. Чан Кайши, китайская компрадорская буржуазия и китайская крупная буржуазия, действовавшие в рамках этой китайской „демократии“, видели в лице Коммунистической партии Китая грозившую им опасность вследствие ее постепенно усиливавшегося влияния на рабочий класс и крестьянство. Таким образом произошли разрыв и размежевание и были нанесены в Кантоне в 1926 году и в Шанхае в 1927 году удары, во время которых было уничтожено много пролетариев и коммунистов. Это явилось тяжким ударом для профсоюзов и для Коммунистической партии Китая.

КП Китая не умела определить четкую марксистско-ленинскую линию не только по отношению к гоминьдану, но и по отношению к рабочему классу и крестьянству. В буржуазно-демократической революции в Китае крестьянство сыграло решающую роль, однако это не значит, что Коммунистическая партия Китая должна была считать его руководящей силой революции. В новых условиях этой революцией должен был руководить рабочий класс.

Гоминьдановцы были не выходцами из рядов крестьянства, а прогрессивными элементами — выходцами из рядов городской буржуазии, в первую очередь, интеллигентами, объединенными и с буржуазными реакционными элементами, которые старались впоследствии мешать победе в Китае демо-

---

1 И. В. Сталин, Соч., т. 8, стр. 374-375, алб. изд.

кратических свобод. Буржуазия новой китайской республики пыталась сделать китайское крестьянство — бедных, средних и зажиточных крестьян — своим орудием, иметь его своей опорой. Что китайское крестьянство было революционным элементом, — это неоспоримый факт. Такими же чертами отличался этот класс и во французской буржуазно-демократической революции. Хотя в известные моменты революции французское крестьянство было скорее промонархическим, все же в целом оно было настроено против феодализма и стремилось избавиться от бремени непосильных налогов, которыми облагали его французские феодалы, налогов не только денежных, но и рабских, и, в первую очередь и прежде всего, получить землю.

В Китае крестьянство было передовым революционным элементом, оно выступало против монархии, против гнета, против „хозяев войны" и провинций, но, тем не менее, с ним надо было работать. Как мы уже сказали, буржуазия, совершившая революцию в Китае, несомненно, должна была стараться завоевать крестьянство. При таких обстоятельствах Коммунистической партии Китая надо было работать, но не скатываясь на позиции гоминьдановской буржуазии — ни „передовой", ни реакционной. КП Китая должна была иметь свою самостоятельную политическую линию, и линию эту основывать на учении Маркса и Ленина. На этом этапе Коммунистической партии Китая следовало укрепить позиции, завоеванные ею в борьбе с монархией, феодализмом, отсталостью. Итак, она, не перескакивая этапы, в то же время не должна была забыть перспективу революции, не должна была забыть того, что она являлась марксистско-ленинской партией рабочего класса, острием меча этого класса. Ко времени основания КП Китая, класс пролетариата в Китае был сравнительно небольшим по сравнению с классом китайского крестьянства. Тем не менее пролетариат там существовал, поэтому **уже созданная Коммунистическая партия Китая должна была быть партией пролетариата, а крестьянство она должна была считать своим главным союзником.** Вот почему партии надо было работать над тем, чтобы сделать крестьянство союзником ра-

бочего класса с целью укрепления передовой буржуазно-демократической республики и перехода впоследствии, с назреванием условий для этого, к более передовому этапу, к социалистической революции. Эта основная идея, этот основной путеводный революционный принцип не был ясным в теории, отчего не как следует и не последовательно осуществлялся и на практике.

После разрыва КП Китая с гоминьданом, в 1927 году, начался новый этап китайской революции, известный под названием Вторая революционная гражданская война.

Задачи партии на этот этап были намечены внеочередным пленумом Центрального Комитета, собравшимся 7 августа 1927 года. Пленум отстранил от руководства партии Чэнь Дусю и его последователей и определил в качестве основной задачи партии аграрную революцию. После пленума наблюдался известный подъем революционного движения; партия приступила к созданию своей вооруженной армии. VI же съезд партии, состоявшийся в 1928 году, дал установку на дальнейшее развитие революции и выдвинул в качестве главной задачи создание революционных баз и организацию Красной армии.

Революционное движение уже шло на подъем. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала (ИККИ) пришел в декабре 1929 года к выводу, что Китай переживал глубокий национальный кризис и находился на первых порах революционного подъема. Тем не менее он отметил, что переход от национального кризиса непосредственно в революционную ситуацию совершится не сразу. В то же время Коминтерн обратил внимание ЦК КП Китая на то, что „революция в Китае развивалась неравномерно“. При таких обстоятельствах укрепление партии и ее борьба за то, чтобы сделать массы сознательными и привлечь их на свою сторону, оставались главной задачей.

Видимо, выводы Коминтерна не были правильно восприняты тогдашним китайским руководством. В феврале 1930 года ЦК КП Китая направил партийным организациям циркуляр, в котором, фактически, игнорировалось положение Коминтерна о неравномерном развитии революции в Китае и

говорилось, что весь Китай охвачен революционным кризисом. 11 же июня 1930 года Политбюро с Ли Ли-санем во главе приняло резолюцию „О новом революционном подъеме и захвате власти первоначально в нескольких провинциях“. Китайское руководство считало, что в условиях охватившего капиталистический мир кризиса, как и кризиса, поразившего страну, революционная ситуация в Китае уже назрела, поэтому необходимо было немедленно перейти к восстанию, сначала в одной или в нескольких провинциях, а затем по всей стране. Оно также подчеркивало, что решающим фактором революции была борьба пролетариата, однако, только организацией волны забастовок городским рабочим классом, без наступления армии на крупные города, восстание не могло иметь успеха. А Мао Цзэдун смотрел на восстание как на чисто военный акт и не стоял за совместные действия городского рабочего класса и армии.

В июне началось восстание, а 28 июня Красная армия вступила в Чанша. Город она удержала всего несколько дней, а затем он снова перешел в руки гоминьдановских сил, развернувших террор над городскими жителями и особенно над рабочим классом и коммунистами.

Насколько я читал, единственной армией, которая поддерживала восстание и оказывала сопротивление врагу, была пятая группа Красной армии. А силы зоны Цзянси, где командовали Чжу Дэ и Мао Цзэдун, вместо того чтобы удержать Чанша и атаковать его, повернули на помощь пятой группе армии. В результате, широкое наступление в масштабе провинции провалилось. Но и после этого Политбюро ЦК КП Китая не отказалось от своего мнения. 18 июля оно послало ИККИ письмо с просьбой одобрить план начала восстания в Ухане, в Чанша и Шанхае. Президиум ИККИ отверг эту просьбу. 5 августа Политбюро КП Китая повторило свою просьбу. 26 августа 1930 года ИККИ направил ЦК КП Китая письмо, в котором отмечалась необходимость отмены плана восстания в нескольких провинциях.

В сентябре 1930 года в Люшане проходила третья сессия шестого заседания Центрального Комитета. В работе этой

сессии принял участие и Павел Миф в качестве представителя ИККИ. Доклад, зачитанный Чжоу Энь-лаем, который только что вернулся из Москвы, где побывал в качестве представителя ЦК КП Китая при Коминтерне, был весьма осмотрительным; в нем делались попытки примирить мнение Коминтерна с линией Ли Ли-саня. Пленум нашел позицию китайского руководства лишь серьезной тактической ошибкой, а не позицией, шедшей вразрез с директивами Коминтерна. Четыре месяца спустя, в январе 1931 года, Центральный Комитет провел свою четвертую сессию. В принятой на этой сессии резолюции отмечалось, что руководство Коммунистической партии Китая с Ли Ли-санем во главе, наперекор директивам Коминтерна, проводило авантюристическую, путчистскую политику. В докладе говорилось, что линия Ли Ли-саня на взятие крупных городов, когда условия для этого еще не назрели, противоречила положениям Коминтерна о характере и этапах китайской революции.

Свои провалы и отклонения, свое неумение правильно понимать складывавшиеся в Китае ситуации и делать из них правильные выводы, китайские коммунисты с Мао Цзэдуном во главе ставят в вину Коминтерну или же его представителям в Китае. Они порядком обвиняют Коминтерн в том, будто он чинил им препятствия и мешал им развертывать последовательную борьбу за власть и за строительство социализма в Китае. Естественно, период китайской революции длинный и сложный, но взгляды китайцев остаются необоснованными. Я неоднократно говорил, что документы Коминтерна не только по китайскому вопросу, но и по многим другим проблемам того времени находятся в руках советских, в архивах Коммунистической партии Советского Союза. Многие из них не опубликованы, ибо различные фракции и современные советские ревизионисты не разглашают правды, скрывающейся в их архивах, так что китайцы имеют возможность манипулировать фактами и подтасовывать их. Нельзя полностью оправдать китайское представительство при Коминтерне, как и представителей Коминтерна в Китае, но в то же время нельзя оправдать и действовавшую на местах Коммунистическую партию Китая,

ведь ее действия были незрелыми, ее доклады о положении в стране были нереальными. В таких условиях, быть может, некоторые решения Коминтерна были нецелесообразными или не как следует передавались и исполнялись представителями Коминтерна в Китае, будь они советские или китайские, а это по многим причинам, ибо к тому времени в Коминтерне участвовали такие элементы, как Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Каменев, которые позднее были разоблачены. В начале двадцатых годов представителем Коминтерна в Китай был послан советский Адольф Абрамович Иофе — приверженец троцкизма, который позднее покончил самоубийством. В октябре 1923 года в Китай был направлен Бородин, который также был троцкистом.

Тем не менее я думаю, что вообще решения и директивы Коминтерна, в первую очередь ленинских времен, были правильными, но такими были они и при Сталине.

Факты показывают, что в период первой гражданской войны или на первых порах сотрудничества между гоминьданом и Коммунистической партией, а также и в последующие периоды, не имелись случаи вынесения Коминтерном ошибочных указаний относительно развития борьбы Коммунистической партией Китая, как самостоятельной партией. Сталин вообще требовал, чтобы Коммунистическая партия Китая боролась в тесном союзе с гоминьданом в условиях, когда историческое развитие Китая выдвигало это в качестве объективной необходимости. Это, по-моему, было правильной установкой. Но, чтобы Сталин давал, как утверждают китайцы, указания Коммунистической партии Китая ликвидироваться, войдя в состав гоминьдана, не сохраняя своей личности, этому я не могу верить, и такая мысль никак не могла приходить в голову Сталину. Китайцы никакого документа не в состоянии привести в доказательство этого, напротив, имеются документы, доказывающие обратное. Свидетельством тому и сами признания китайцев, утверждающих, будто Сталин во время визита Мао Цзэдуна в Москву выступил с самокритикой, но не по этим вопросам; он признал-де, что „в определенный момент китайской революции способствовал в извест-

ной мере тому, чтобы Коммунистическая партия Китая опиралась только на пролетариат и меньше на крестьянство". „Это единственная ошибка, допущенная мною в отношении Китая и за это я выступаю с самокритикой; других ошибок я не допускал", будто бы говорил Сталин по словам китайцев. Но даже и если бы это было верно, то недопустимо заключить, как это поступают китайцы, что причина их провалов, столкновений между фракциями в КП Китая, их кровопролитных схваток с гоминьданом заключается, дескать, в „ошибочной" политике Коминтерна и Сталина! Для выяснения этого дела нужно отыскать подлинные документы, ибо, по всей вероятности, сами китайские коммунисты, а также и отдельные посланники Москвы, видимо, не сумели проводить в отношении гоминьдана и его лидеров такую правильную, принципиальную политику, которая помогла бы им достигнуть своих максимальных целей.

Начало сотрудничества китайских коммунистов с гоминьданом до того было разумным и тесным, что обе стороны вместе подготавливали офицерские кадры в академии Вампу, чьим начальником был Чан Кай-ши, а комиссаром — Чжоу Энь-лай. Значит, Чжоу Энь-лай и Чан Кай-ши прекрасно понимали друг друга и сотрудничали между собой. Сам Мао был лицом, заведовавшим вопросами кадров, делом их воспитания в гоминьдане. Следовательно, директивы Коминтерна не были ошибочными. Не была ошибочной также директива Коминтерна на предотвращение раскола во время японской агрессии (если только она была его директивой), его указание о том, чтобы КП Китая походатайствовала через Чжоу Эньлая за освобождение Чан Кай-ши, арестованного 12 декабря 1936 года командующим северо-восточной армией Китая, что грозило расколом националистских сил в войне с Японией.

Судить о линии и деятельности Коммунистической партии Китая по отношению к гоминьдану, о решениях, принятых ЦК партии под руководством Ли Ли-саня в 1930 году, как и решениях, принятых им после поражения восстания 1930 года, теперь очень трудно, ибо Коммунистическая партия Китая, в рядах которой постоянно действовало много фракций,

никогда с надлежащей объективностью не писала об этих важных событиях, происходивших в стране и в партии. Напротив, факты, выводы, соображения и цели извращались и истолковывались согласно интересам фракций, господствовавших в Центральном Комитете в данный период.

Итак, здесь мы сталкиваемся с двумя трудностями: во-первых, нам приходится судить, основываясь только на событиях и делая не подкрепленные документами выводы; во-вторых, мы сталкиваемся с непоследовательностью или же, как сказать, с идейным разбродом в рядах Коммунистической партии Китая, которая, будучи расколотой на фракции, никогда не подвергала анализу события и не делала выводов, которые служили бы ей уроком и помогали бы ей в своей воспитательной работе. По крайней мере на иностранных языках, мы не находим опубликованных документов, а Коммунистической партии Китая следовало их опубликовать, ведь такие возможности у нее были и есть.

После сентября 1931 года началась национально-освободительная борьба против японских захватчиков. Эта национально-освободительная борьба также имела свои перипетии, не только военные, но и идеологические и политические. В ходе этой борьбы заключались союзы между передовой буржуазией, национальной буржуазией, компрадорской буржуазией, между гоминьданом, пролетариатом и крестьянством, между Коммунистической партией и гоминьданом.

Во всей этой сложной ситуации нам опять-таки не ясны линия и установка Коммунистической партии Китая. Мы читали материалы, которые похожи больше всего, как сказать, на пропагандистские статьи, но ведь тут дело не в пропаганде, тут мы имеем дело с союзами между пролетариатом и крестьянством, между гоминьданом и Коммунистической партией Китая, между гоминьдановской армией и армией, руководимой Коммунистической партией Китая, которые все вместе, в союзе между собой или без него, боролись против японцев, как и друг против друга. Отыскать нить вещей нам должны помочь документы.

Мы знаем, что, вообще, вначале борьба велась в союзе с гоминьданом, затем перешли к междоусобной борьбе. Чан Кай-ши руководил гоминьданом, то есть реакционной буржуазией. Это факт, что, усматривая опасность в подъеме Коммунистической партии Китая и ее борьбе с японскими захватчиками, гоминьдан порвал с нею, так что его борьба с японцами ослабла или потухла. Гоминьдан во главе с Чан Кай-ши всецело включился в борьбу с Коммунистической партией Китая и всячески старался ликвидировать ее воинские части. Иными словами, этим он приходил на помощь японским захватчикам. В то же время его связи с американским империализмом окрепли, с каждым днем становились все теснее в противоположность и специальному американскому представителю в Китае, генералу Маршаллу, который вначале был сторонником лобби Чан Кай-ши, но позднее, насколько мы читали, считал правительство Чан Кай-ши „разложившимся правительством". Однако во время антияпонской войны и после нее Коммунистическая партия Китая, которой руководил Мао Цзэдун, также не преминула установить связи с американским империализмом.

Во время войны с Японией Мао Цзэдуну удалось ликвидировать фракции Ли Ли-саня, Ван Мина и многих других, установив свою гегемонию. Наряду с Мао, во главе партии пришли Чжу Дэ, Чжоу Энь-лай, Дэн Сяо-пин, Линь Бяо и многие другие руководители китайской революции, выдвинутые в процессе антияпонской войны, однако временами и они вступали в противоречие с Мао и друг с другом. Итак, в Китае руководимая Мао Цзэдуном война была национально-освободительной войной против японских захватчиков, как и против гоминьдана, руководимого Чан Кай-ши, который де-факто состоял в союзе с японцами, а де-юре открыто вступил в союз с американским империализмом.

После исторического Великого похода, совершенного под руководством Мао Цзэдуна и Чжу Дэ и составлявшего правильное тактическое отступление во избежание ликвидации сил революции, после сосредоточения в Яньане, реорганизации армии, а затем наступления, кончившегося тем, что Чан Кай-

ши и остатки его армии были сброшены в море, 1 октября 1949 года Китай был освобожден и провозглашен Народной Республикой.

Как видно, это весьма общая обрисовка такого события, имевшего огромное значение не только для Китая, но и для всего мира, ибо была образована Китайская Народная Республика, а ведь она и Советский Союз, если бы они шли по истинно марксистско-ленинскому пути, стали бы могучим оплотом великой мировой пролетарской революции.

В период после освобождения Китая ставится большой и важный вопрос, который не может быть рассмотрен и решен лишь на основе этих немногочисленных фактов и документов, к тому же не особо изученных нами: **строит ли народный Китай социализм на марксистско-ленинском пути или же он является буржуазно-демократической республикой и остается такой? Совершенная в Китае революция была и осталась буржуазно-демократической революцией, ознаменовавшей собой первый этап революции, или же ей удалось преодолеть этот этап и перейти на второй этап революции, в социализм, под диктатурой пролетариата?** Это составляет насущный вопрос, который должен быть разъяснен при помощи фактов.

Период после освобождения был назван Мао Цзэдуном „Новой демократией", соответственно которой были намечены также установки и задачи. Теоретические основы этой доктрины были заложены Мао Цзэдуном еще в документе „О новой демократии", опубликованном в 1940 году. По мнению Мао Цзэдуна, „Новая демократия" есть режим, подходящий для Китая, она не похожа ни на западные республики, находящиеся под контролем буржуазии, ни на советские пролетарские республики.

По мнению Мао Цзэдуна, новодемократическая республика будет состоять из „четырех" антиимпериалистических и антифеодальных „классов" (!), а именно из пролетариата, крестьянства, мелкой буржуазии и национальной буржуазии. В этой республике и хозяйство должно быть новодемократическим, государство будет управлять, но не конфискует имущества буржуазии, ибо отсталость китайской экономи-

ки оправдывает существование нескольких капиталистических укладов. Конечно, в рамках этой новой экономики будет произведено распределение земель, однако хозяйство богатых крестьян будет существовать, ибо вышеупомянутая формула применена и к богатым крестьянам, так как их продукция очень необходима. Новая культура, естественно, должна быть идеологическим отражением этой политики и этой новой экономики, она должна служить этой политике и этой экономике.

Такая политика звучит либеральной и националистской; ведь Мао Цзэдун и после образования Китайской Народной Республики продолжал оставаться верным своей доктрине.

Насколько я могу судить и как я полагаю, Китай совершил буржуазно-демократическую революцию нового типа путем вооруженной национально-освободительной борьбы. Коммунистическая партия Китая стояла во главе этой борьбы и привела ее к победе, и это неоспоримо. Мао Цзэдун, генеральный секретарь или председатель Коммунистической партии Китая, имеет большие заслуги в этом направлении и в достижениях этого периода. Конечно, наряду с Мао Цзэдуном заслуги имеют в этом деле и все те, кто так или иначе, в единстве мнения или в разногласии друг с другом, добился этой окончательной цели — освобождения Китая, что составляет существенный вопрос, как и установления там народно-демократической республики.

Будет ли этот режим народно-демократическим строем? Будет ли он построен по образцу западных или американских буржуазно-демократических режимов? Это надо было прослеживать в его развитии. Внешне, поскольку у руководства стояла коммунистическая партия, которая была и членом Коминтерна и придерживалась, правда, для вида, директив Коминтерна, как и его генеральной линии на борьбу с фашизмом, возникали мысль и надежда, что эта буржуазная демократия, этот первый этап, через который проходила китайская революция, будет отличаться от этапа классической буржуазно-демократической революции, что китайская республика будет отличаться от американской или западной буржуазно-демократической республики, что республика эта будет идти

по пути народной демократии, как новой формы диктатуры пролетариата.

Хотя до и после освобождения Мао Цзэдун говорил (а это подтверждается документами), что в деле строительства Китайской Народной Республики „мы будем сильно вдохновляться американской демократией“, судя по пропаганде и многим первоначальным актам, как и ввиду того, что Коммунистическая партия Китая пришла к власти, казалось, что Китай был страной, готовившейся перейти к социализму. Такой была общая картина.

После освобождения строительство страны, консолидация власти и создание государственного аппарата, укрепление и совершенствование армии были бы невозможны без борьбы и столкновения с различными тенденциями реакции, существовавшей в Китае и пользовавшейся чрезмерно большой поддержкой как извне, так и со стороны новых кадров, пролезавших в партию и в государственные органы. Итак, мы не можем как следует различить той радикальной линии, которую Коммунистическая партия Китая проводила в этот период первых лет относительно столь большой проблемы, как проблема консолидации республики, а под консолидацией республики мы подразумеваем, в первую очередь, закрепление правильного и последовательного марксистско-ленинского курса на упрочение политической власти и на подготовку условий для перехода к этапу социалистического строительства. Мы не видим правильной линии на организацию, в первую очередь, партии ленинско-сталинского типа, где преобладало бы единство мнения и действия, единство марксистско-ленинского мнения и организованного, весьма обдуманного действия в огромном Китае, вышедшем из сложной войны, из сложной обстановки, в стране, где сохранялись феодализм, буржуазия и различные слои крестьянства, интеллигенция, конфуцианство, буддизм и т.д.

В первые годы мы не видим здоровой и прочной организации китайской армии по примеру сталинской армии. Хотя во время партизанской национально-освободительной войны она была организована в крупные соединения, эти соединения

не всегда носили партизанский характер, поскольку в них бытовали тенденции буржуазно-капиталистической армии, а это из-за того, что к армии Мао Цзэдуна присоединились целые военные части гоминьдана и „хозяев войны“. Тем самым, вместе с ними в части китайской национально-освободительной армии проникли и реакционные взгляды, ибо во главе этих воинских частей гоминьдана и „хозяев войны“ стояли командиры и старшие офицеры гоминьдана, натренированные в борьбе с народом и коммунизмом. В этой родившейся на войне армии бытовали также старые взгляды „хозяев войны“. Этими взглядами пропитывались, так сказать, и высшие кадры, которые прошли великую борьбу за освобождение и были даже членами КП Китая. Это мы увидим позднее, когда ряд главных военачальников уклонились от линии и постарались захватить власть, низложить того или иного. Это означало, что в них бытовали старые взгляды „хозяев войны“ или же взгляды высших военных кадров буржуазно-капиталистической армии.

Итак, мы не видим, чтобы к тому времени руководимая Мао Цзэдуном Коммунистическая партия Китая проводила в этом направлении правильную, последовательную, хорошо обдуманную и должным образом сформулированную политику. Правда, ее политика была названа марксистско-ленинской политикой, но по своему содержанию она не была такой.

Что касается экономических вопросов, то можно сказать, что в этот период произошли значительные положительные изменения. В Китае велась борьба с нищетой и безработицей, там боролись в известной мере и с отсталостью в области просвещения и культуры, хотя бытовавшие среди интеллигенции буржуазно-капиталистические взгляды не были преодолены. Конечно, они не могли исчезнуть как по мановению волшебной палочки; тем не менее, что касается восстановления разрушенной страны и организации в какой-то мере экономики в стране можно сказать, что в этом направлении режим новой демократии осуществил много удовлетворительных, положительных изменений. В Китае было покончено с голодом, а это

явилось большим успехом. Таковы явления этого этапа нового, демократического строя.

После победы буржуазно-демократической революции Коммунистической партии Китая, естественно, приходилось идти крайне осторожно, ей нельзя было впасть в левизну и перескакивать этапы, и можно сказать, что она не перескочила их. Это неоспоримый факт. Наряду с этим ставился вопрос о том, чтобы Коммунистическая партия Китая не показывала себя „демократичной“, какой она и показывала в самом деле, то есть, чтобы она не допускала либерализм и оппортунизм по отношению к китайской буржуазии и крупным землевладельцам. Это факт, что как фракция Лю и Дэна, так и фракция Мао оказала им поддержку, сделав им серьезные либеральные, оппортунистические уступки.

Коммунистическая партия Китая должна была в первую очередь укрепить союз рабочего класса с крестьянством и заставить китайскую буржуазию подчиниться законам пролетариата. Это было абсолютно необходимо. На этом пути партия могла применять различные формы для того, чтобы обезоружить буржуазию, свернуть ее с пути подрывной деятельности и возможных вооруженных действий против новой власти; она могла идти и на временные уступки тактического характера, не изменяя при этом стратегическим целям революции, не нарушая принципов. Иными словами, ей надо было обезоружить буржуазию, но обезоружить ее в первую очередь политически, с идеологической точки зрения не дать распространиться ее взглядам, а с экономической точки зрения лишить ее всех богатств и не допустить, чтобы она занимала почти те же позиции, которые занимала в условиях, когда крестьянство, в первую очередь, а также и пролетариат переживали трудные экономические, чтобы не сказать политические и идеологические, моменты.

В связи с этим в первые моменты после освобождения мы видим, что четыре-пять лет подряд Китай старается, плавает в реформах, характеризующихся неустойчивостью. Там не видно более или менее ориентировочной линии на то, куда должны были привести эти меры и реформы, не видно

продуманного, объективного сдвига во всех областях общественной, экономической, политической, идеологической и военной деятельности. Напротив, везде мы видим много колебаний, в глаза бросается переплетение реформ периода народной демократии якобы социалистической направленности. В течение этого времени продолжало бытовать мнение о том, будто первый этап буржуазно-демократической революции должен был долго длиться. На этом этапе, утверждали китайские руководители, по мере развития капитализма будут создаваться и предпосылки социализма. Сам Мао Цзэдун говорил: „Хотя, с одной стороны, подобная демократическая революция нового типа расширяет путь капитализму, она, все-таки, с другой стороны, создает предпосылки социализма“. На этом утверждении они основывали и свой известный тезис о сосуществовании с буржуазией и с капитализмом на очень долгое время, которое будет длиться еще целых 30 лет после 1956 года. В докладе КП Китая на VIII съезде открыто говорится, что национальная буржуазия должна сохранить наравне с рабочим классом государственное управление в Китае, сохранить значительную часть своей частной собственности. Подобные утверждения китайцы выдавали за творческое применение ленинских положений о НЭПе. Однако между ленинскими положениями и китайской теорией и практикой существует коренное различие как по содержанию, так и относительно продолжительности НЭПа. Ленин признает, что НЭП явился временным отступлением, на время допускавшим развитие частного капитализма, но, подчеркивает он:

> *„Страшного для пролетарской власти тут ничего нет, пока пролетариат твердо держит власть в своих руках, твердо держит в своих руках транспорт и крупную промышленность“.*[1]

---

1 В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 434, алб. изд.

В Китае же ни в 1949, ни в 1956 году пролетариат не держал полностью в своих руках ни власти, ни крупной промышленности.

Год спустя после провозглашения НЭПа Ленин подчеркивал, что отступление кончилось, и выдвинул лозунг подготовки наступления против частного капитала в экономике. В Китае же предполагали, что период сохранения буржуазии и капитализма будет длиться почти всю жизнь.

Словом, в то время в Коммунистической партии Китая существовало мнение, что установленный после освобождения строй должен был быть буржуазно-демократическим строем, где власть должна была находиться и в руках буржуазии, а для вида у власти должна была стоять (и действительно стояла) Коммунистическая партия Китая с Мао Цзэдуном в качестве председателя и в руководстве которой должны были быть также Лю Шао-ци, Чжоу Энь-лай, Дэн Сяо-пин и все другие. Таковыми были взгляды этой партии. Они не были ясными, марксистско-ленинскими взглядами. Поскольку взгляды КП Китая были не совсем марксистско-ленинскими, революция в Китае не могла быть доведена до конца, а перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую было невозможно. Переход от буржуазно-демократической революции в социалистическую революцию возможно лишь в том случае, если пролетариат решительно устраняет буржуазию от политической власти, даже если она на время была его союзником. В Китае рабочий класс разделил власть с буржуазией, поэтому эта власть по сути дела никогда не превратилась в диктатуру пролетариата, а, стало быть, и китайская революция не может быть социалистической революцией.

Вопрос о национальностях, являющийся важной проблемой, также не был разрешен на марксистско-ленинском пути, несмотря на разглагольствования. Директивы Коминтерна в связи с вопросом национальностей, языков и многонационального пролетарского государства были неясны китайским руководителям не только вначале, но и после образования Китайской Народной Республики.

Сталин, касаясь стоящих перед марксистско-ленинской партией задач по созданию пролетарского государства, в беседе с Эмилем Людвигом, говорил:

> *„Задачей этой является не укрепление какого-либо „национального“ государства, а укрепление государства социалистического, и значит — интернационального...*“.[1]

Именно по этому пути надо было идти КП Китая. А у Мао, часто ссылающегося на императоров и героев сказок, которых он то восхваляет, то изобличает, не найдешь четких установок о борьбе за интернациональное пролетарское государство. Таких определений о будущности Китая, вопросы о правильном разрешении проблем, связанных с таким огромным скоплением наций, мы не находим даже в период зрелости Мао.

Государственное устройство в только что освобожденном Китае, по крайней мере нам, иностранцам, показалось не очень понятным; мы не видели связей мест с центром, как и форм, которыми осуществлялись эти связи, не видели на основе каких принципов производились деление и подразделение и, если не учесть дела по восстановлению страны в целом, мы не четко видели установки в области экономики — чему оказывалось предпочтение: тяжелой промышленности, легкой промышленности или сельскому хозяйству. Разглагольствовали много, давали директивы, однако мы констатируем, что эти директивы не только не выполнялись, но даже были неясными, не четко определенными.

Одна внутрипартийная фракция считала, что надо было преимущественно развивать тяжелую промышленность, а другая фракция была против этого, она считала, что преимущество надо было отдавать легкой промышленности; третья фракция стояла за то, чтобы большое значение придавалось сельскому хозяйству; были и такие, которые говорили, что надо было опираться на обе ноги. Формул было много, сколь-

---

1 И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 101, алб. изд.

ко угодно, однако, хотя и нельзя сказать, что ничего не делалось, что не работали, вообще, директивы, которые давались, не были четкими и не выполнялись надлежащим образом. Подобное отсутствие ориентировки объясняется тем, что со времени своего основания и вплоть до освобождения страны и даже позже, Коммунистической партии Китая не удалось добиться идеологической консолидации, не удалось укоренить в умах и сердцах своих членов теорию Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, усвоить ключевые положения этой непогрешимой, научной идеологии, и, опираясь на нее, шаг за шагом проводить ее применительно к условиям Китая, в соответствии с диалектическим развитием борьбы в стране. В силу всего этого Коммунистическая партия Китая была расколотой на многочисленные фракции; в то же время она допускала наличие других, буржуазных, партий, как и их участие в политической власти. Кстати, сам Мао официально признавал необходимым их участие в органах власти и в управлении страной на тех же правах и прерогативах, что и Коммунистическая партия Китая, и не только; по его мнению, эти партии буржуазии, которые „были историческим явлением“, могли отмереть лишь тогда, когда отомрет и Коммунистическая партия Китая.

Одним словом, Мао Цзэдун выступал за переход в социализм путем плюрализма. Это был правореакционным лозунгом. Это не был марксистским лозунгом, который до некоторой степени можно было понимать как одну из форм союза Коммунистической партии Китая с другими, традиционными партиями, входившими во фронт, где Коммунистическая партия Китая играла бы роль гегемона. Никак нет!

В своих теоретических трудах Мао Цзэдун пишет, что Китаю нельзя было освободиться без руководства крестьянства, что революция в Китае была крестьянской революцией. По его мнению, крестьянство было самым революционным классом, именно оно должно было руководить и „фактически руководило революцией“. Это грубая теоретическая ошибка Мао Цзэдуна, свидетельствующая о том, что он был не марксистом-ленинцем, а эклектиком и буржуа-демократом. Будучи передовым демократом, Мао Цзэдун выступал за буржуазно-

демократическую революцию; он и после освобождения Китая оставался на прежних позициях. На его взгляд, крестьянство было гегемоном, а рабочий класс должен был быть его союзником; политическая власть в Китае должна была быть, в первую очередь, властью крестьянства, так как „деревня должна окружить город“, однако, когда проводилась линия Ли Ли-саня, армия Мао и Чжу Дэ не выполнила директиву Центрального Комитета — не окружила заданного города. Эту свою буржуазно-демократическую теорию Мао Цзэдун стремился превратить в универсальную теорию, и в действительности эта „теория“ была прозвана „маоцзэдунъидеей“. Чтобы сделать ее как можно более приемлемой, китайские руководители ставили знак равенства между „маоцзэдунъидеей“ и марксизмом-ленинизмом.

В Китае монархия была низложена в 1911 году, однако и после провозглашения Китайской Народной Республики китайцы не казнили Пу-и, императора Маньчжоу-Го, этого императора-марионетку японских захватчиков. Продержав его несколько лет в исправительном лагере, они превратили его в музейную редкость, к нему ходили различные делегации встретиться и побеседовать с ним, „убедиться“ в том, как перевоспитываются подобные люди в „социалистическом“ Китае. Реклама, которая развертывалась об этом бывшем императоре, помимо всего прочего, ставила себе целью избавить от страха королей, лидеров и марионеток реакции других стран, с которыми Китай поддерживает отношения, с тем чтобы они думали: „Социализм Мао — хорош, чего бояться его?“! Другими словами, своим глубоко оппортунистическим отношением к императору Пу-и китайские ревизионисты говорят: „Вы, императоры, короли, султаны, принцы, фашисты, диктаторы второго мира и третьего мира — наши. Мы вместе с вами пойдем в социализм“! Хорош социализм!

Подобные же позиции, от которых не пахнет классовой борьбой, занимали в Китае и по отношению к феодалам и капиталистам, чьи богатства остались нетронутыми как после буржуазно-демократической революции Сун Ят-сена, так и после освобождения Китая армией Мао Цзэдуна и провозгла-

шения его „Новой демократией“, при которой сохранились, как сказать, три четверти имущества эксплуататоров, ибо проведенные в „социалистическом“ Китае реформы были неглубокими.

Известно, что во Франции во время буржуазно-демократической революции было конфисковано имущество церкви и феодалов, и оно, конечно, пошло в пользу буржуазии, которая, увидев, что его существование ставилось под угрозу внутренними волнениями, как и Брюнсвиком и Кобленцем и что при таких условиях могла быть свергнута ее политическая и экономическая власть, отсекла голову королю, одну за другой ликвидировала различные фракции жирондистов, а потом, поочереди, и фракции наиболее сильных республиканцев, в ряды которых, несомненно, проникли взгляды буржуазных консерваторов. Итак, дантонистам и хебертистам отсекли головы на гильотине, так же как позднее Робеспьеру и Сен-Жюсту отсекли головы их друзья — правые, такие как Бийо-Варенн и другие. Французская буржуазия не позволяла, чтобы другие посягали на ее классовые интересы и распределяли землю крестьянам, за что ратовали Бабеф и Буонарроти.

Вся история Коммунистической партии Китая изобилует множеством фракций. Фракции, идеологические уклоны имелись в каждой марксистско-ленинской партии, но в Китае такие уклоны носили иной характер. Их можно приравнивать к фракциям французской буржуазно-демократической революции за исключением того, что в Китае не отсекали головы политическим противникам. Конечно, в Китае такие фракции сохраняли якобы идеологический характер, тогда как на деле они носили в основном политический характер и были направлены на установление личной власти, они носили именно характер действий „хозяев войны“, несомненно, желавших, чтобы только что провозглашенная китайская республика не стала на путь социализма, на путь централизованного и дисциплинированного государства.

Китайцы считают их „10 битвами“, проведенными Мао Цзэдуном. Правда, такие битвы были, однако эти битвы в Коммунистической партии Китая не похожи на те, которые

происходили в Большевистской партии или же в нашей партии, где на одной стороне стояли подлинные марксисты-ленинцы, отстаивавшие партию и ее марксистско-ленинскую линию, а на другой — уклонисты троцкистского, анархистского и еще какого угодно толка. Нет, во фракциях внутри Коммунистической партии Китая ни одно из течений не руководствовалось марксизмом-ленинизмом. Имелись такие фракции, где все придерживались неясных, скорее всего буржуазно-прогрессивных, чем марксистско-ленинских взглядов; другие фракции были более правыми или более левыми, но в руководстве Коммунистической партии Китая никогда не было марксистско-ленинской фракции, то есть здорового, марксистско-ленинского ядра. Итак, Мао Цзэдун и окружавшие его друзья не были подлинными марксистами-ленинцами, они были передовыми буржуазными демократами, марксистами на вид, по фразерству, до конца боровшимися за консолидацию крупного передового буржуазно-демократического государства, за „новую демократию“, как его назвал Мао Цзэдун.

Лю Шао-ци, Чжоу Энь-лай, Дэн Сяо-пин, Пэн Чжэнь и другие были правыми элементами, элементами буржуазии, поддерживавшими крупную национальную буржуазию, с тем чтобы она сохраняла свои прерогативы, конечно, замаскированные левой демагогией, причем действовала эта фракция под коммунистической маской. Внутри КП Китая, в определенный период после освобождения, эта группа стояла у руководства и шла по этому пути в целях консолидации китайской капиталистической буржуазии.

Мао Цзэдун был не марксистом-ленинцем, а передовым буржуазным революционером, более передовым, чем Лю Шао-ци, но все же революционером-центристом, прикидывавшимся коммунистом и стоявшим во главе Коммунистической партии. В самом Китае, в партии, в народе и за рубежом он прослыл великим марксистом-ленинцем, боровшимся за построение социализма. Однако его взгляды были не марксистско-ленинскими, он не следовал теории Маркса и Ленина, он был продолжателем дела Сун Ят-сена, при более передовых позициях и прикрывал свои взгляды, как сказать, рядом левых револю-

ционных формул, рядом марксистско-ленинских тезисов и словес. Мао Цзэдун прикидывался марксистско-ленинским диалектиком, но он не был таким. Он был эклектиком, соединявшим марксистскую диалектику с конфуцийским идеализмом и древней китайской философией. Это факт, что, управляя партией и государством, политикой и идеологией, процессом развития Китая и его партии, как и при анализе международных конъюнктур, он не опирался на марксистско-ленинскую материалистическую диалектику, как необходимое условие для того, чтобы руководить Китаем на пути к социализму.

С другой стороны, мы видим, что в партии существовало и левое крыло, которое также прикрывалось марксистско-ленинскими словесами. Все эти уклоны не способствовали делу социализма. Чтобы добиться своих целей, все стороны различными формами, различными методами, с помощью почти одинаковых масок размахивали флагом Мао Цзэдуна, все боролись под знаменем Мао Цзэдуна, которое не было марксистско-ленинским знаменем. Только репутация у него была такой. Что это знамя было не марксистско-ленинским, это стало очевидно после смерти Мао Цзэдуна.

Что же произошло? Хуа Го-фэн „одним ударом“, как он сам говорит, опрокинул „четверку“ и всю центристскую, немарксистскую теорию Мао Цзэдуна, привел к власти правое крыло, одним словом, все элементы, осужденные якобы пролетарской „великой культурной“ революцией, и совершил государственный переворот так же, как и Наполеон I, а позднее и Наполеон III. И Дэн Сяо-пин является никем иным, как небольшим Наполеоном. Так же, как и Наполеон, который стремился создать французскую империю, с тем чтобы Франция в то время могла господствовать в Европе, сдержать натиск английской империи, блокировать Англию на острове и осилить ее, Дэн Сяо-пин с компанией борется ныне за мировое господство, с тем чтобы Китай стал сверхдержавой, господствующей в мире, чтобы он, по возможности, преобладал даже над Соединенными Штатами Америки, а над Советским Союзом и подавно. Китай намерен добиться этой цели войной, вооружаясь самым современным оружием, развивая эко-

номику и технологию с помощью капиталистических государств и проводя какую-то политику, придерживаясь какой-то идеологии, опирающихся на немарксистскую теорию, на так называемую „маоцзэдунъидею“.

Эту теорию китайские ревизионисты будут использовать в качестве маски, чтобы выдавать себя за коммунистов, но на деле они не являются коммунистами и не могут быть такими, они не могут быть марксистами-ленинцами. Насколько Наполеон мог быть сторонником Робеспьера, якобинцем, насколько он мог быть сторонником Бабефа, настолько и китайские ревизионисты могут быть марксистами-ленинцами. Китайские ревизионисты подобны Наполеону, стремившемуся создать свою империю. Ему удалось создать империю, но она вскоре была разгромлена. Так что настанет тот день, когда и китайские ревизионисты будут разгромлены.

Марксизм-ленинизм и пролетарская революция в Китае восторжествуют, а эти ренегаты потерпят провал. Конечно, подобная революция победит не без борьбы и кровопролития, ибо в Китае надо приложить много усилий к тому, чтобы создать главный субъективный фактор — марксистско-ленинскую революционную партию, которая ни раньше не существовала, ни теперь не существует как таковая.

Надо также вести работу среди масс с тем, чтобы они поняли, что жить иллюзиями — нельзя. Массы должны политически понять, что во главе их стоят не марксистско-ленинские революционеры, а буржуа и капиталисты, ставшие на такой путь, который ничего общего не имеет с социализмом и коммунизмом. Но для понимания этого, массам надо понять основное, а именно, что „маоцзэдунъидея“ — это не марксизм-ленинизм, и что Мао Цзэдун — это не марксист-ленинец. Он, так сказать, не изменил самому себе. Мы говорим, что Мао является ренегатом, антимарксистом, и это факт. Мы говорим так потому, что он лишь прикрывался марксизмом-ленинизмом, но на деле никогда не был марксистом.

Вообще можно сказать, что революция в Китае в некоторых отношениях, в силу некоторых своих черт, клонилась к

социалистическому пути развития, однако принятые меры остались на полпути, или же были перечеркнуты, как перечеркиваются и ныне; но маски будут срываться одна за другой. Все это должен понять китайский народ, должен понять и внешний мир, ибо, к несчастью, весь процесс развития этой страны — национально-освободительная борьба китайского народа, установление передовой буржуазной народно-демократической власти — вошел в историю как пролетарская революция, не будучи таковой; Китай вошел в историю как страна, якобы строящая социализм, что также неправда.

По-моему, все, что мы говорили о Китае на II и III Пленумах ЦК АПТ, как и настоящие записки, вообще раскрывают китайскую действительность, однако остановиться на сказанном нельзя. Перед нами стоит задача глубоко, причем в главных, решающих ключевых вопросах, изучать политику и деятельность Коммунистической партии Китая в диалектическом развитии ее истории, с тем чтобы на фактах и документах доказать эти общие идеи, как и заключения, к которым мы пришли и которые, я думаю, правильны. Несомненно, есть такие вопросы, на которые мы не давали исчерпывающего ответа; есть еще пробелы, есть проблемы, которые подлежат обсуждению и нуждаются в более глубоком изучении; все это бесспорно, но, тем не менее, вообще, факты показывают, что Китай встал на хаотичный, немарксистский путь.

После того, что произошло теперь в Китае, то есть после путча, совершенного Хуа Го-фэном и Дэн Сяо-пином, Китай совершает еще шаг назад по сравнению с периодом руководства Мао Цзэдуна. Последний был прогрессивнее Хуа Го-фэна и Дэн Сяо-пина, ибо оба они являются ультраправыми, тогда как Мао Цзэдун был центристом.

В одной из моих записей я писал, что надо развеять мифы; при этом я имел в виду именно то, что надо развеять миф о Мао Цзэдуне, миф о том, будто он был „великим“ марксистом-ленинцем. **Мао Цзэдун является не марксистом-ленинцем, а передовым революционным демократом, и его деятельность, думается мне, надо изучать именно сквозь такую призму.**

Я говорил, что о взглядах Мао Цзэдуна надо судить исходя не из отрегулированных фраз в его опубликованных четырех томах, а **из того, как они проводятся в жизнь.** Причем проводятся они в период, который не сходен с периодом французской буржуазно-демократической революции, когда буржуазия была передовым для своего времени классом. Взгляды Мао Цзэдуна получают развитие в период загнивания империализма, в последнюю стадию капитализма, то есть в период, когда на очереди дня стоят пролетарские революции и когда пример и большие уроки Великой Октябрьской социалистической революции, учение Маркса и Ленина служат нам путеводным и непогрешимым компасом. Родившаяся в таких новых условиях теория Мао Цзэдуна, „маоцзэдунъидея", несмотря на усилия облечь ее в тогу самой революционной и самой научной теории современности, в тогу марксизма-ленинизма, по сути дела осталась антимарксистской теорией, так как она идет вразрез с пролетарскими революциями и играет на руку загнивающему империализму.

Поэтому в идеологии Мао Цзэдуна отражаются все аспекты идей, выдуманных капитализмом и империализмом за этот многолетний период его упадка и загнивания. „Маоцзэдунъидея" — это амальгама идеологий, начиная от анархизма, троцкизма, современного ревизионизма титовского, хрущевского, „еврокоммунистического" толка и типа Марше-Берлингуэр-Каррильо, и вплоть до марксистско-ленинских формул. Во всей этой амальгаме мы должны углядеть и старые идеи Конфуция, Мэн-Цзы и других китайских философов, которые оказывали свое довольно сильное влияние на идеи Мао Цзэдуна, на его культурное и теоретическое формирование. Так что трудно установить одну единственную линию, или, так сказать, четкую линию китайской идеологии. И те ее стороны, которые, можно сказать, представляют собой какой-то извращенный марксизм-ленинизм, носят азиатский отпечаток и характер, отличаются спецификой „азиатского коммунизма", представляют собой некий „азиакоммунизм", в котором, как и в „еврокоммунизме", нельзя найти пролетарского интернационализма Маркса и Ленина в его полном и подлинном смысле. Ки-

тайская идеология изобилует дозами национализма, ксенофобии, духовенства, буддизма, явными пережитками феодальной идеологии, не говоря уже о других многочисленных пережитках, которые сохраняются и против которых не велась систематическая борьба в период национально-освободительной войны, и тем более в период после установления власти народной демократии.

Следует признать, что мировая реакционная буржуазия более зорко следила и более кропотливо изучала политику и идеологию Мао Цзэдуна, политическую и идеологическую борьбу в Китае, не только в дореволюционные периоды, но и в период революции. Именно потому, что эта политика и эта идеология имели свою, азиатскую китайскую специфику и были далеки от марксизма-ленинизма, мировая реакционная буржуазия выступала в их защиту, оказывала им поддержку и пропагандировала их даже как марксистско-ленинские. В своей прессе буржуазия четко определяет курс политики и идеологии Мао Цзэдуна и характеризует ее не как марксистскую, а как буржуазную революционную идеологию, да и в самом деле она такой является. Империализм, мировой капитализм был заинтересован в том, чтобы Китай, этот, как сказать, огромный континент шел именно по этому пути, проводил выработанный Мао Цзэдуном политический и идеологический курс, который в один прекрасный день должен был оказаться в явном противоречии с научным марксизмом, ибо Китай перестал бы придерживаться научного марксизма. Это ярко проявилось в процессе развития Китая, идеологические противоречия между марксизмом-ленинизмом и „маоцзэдунъидеей“ там стали неизбежными не теперь, а были такими и раньше.

Все разногласия и недоразумения между китайцами, с одной стороны, и Советским Союзом, Коминтерном и Сталиным — с другой, были разногласиями по принципиальным вопросам, а не по каким-либо другим причинам.

Я думаю, что при анализе „маоцзэдунъидеи“ надо иметь в виду все эти факторы, сыгравшие важную роль в политическом и теоретическом формировании китайского руководства и Коммунистической партии Китая и нашедшие свое отраже-

ние в установках и действиях этих последних. Отсюда и нынешняя стратегия маоизма, которая, как известно, заключается в союзе с Соединенными Штатами Америки и со всем мировым капитализмом для противодействия ревизионистскому Советскому Союзу.

Это не просто конъюнктурная политика, а такая политика, чье идейное содержание говорит об идеологических убеждениях маоистов. У китайских руководителей почти такие же мысли, что и у американских империалистов и лидеров других развитых капиталистических „демократий". Идеологически они сходятся особенно в своих стремлениях к доминированию, ибо и Китай, будучи огромным государством, не хочет стать под управление и под ярмо какого бы то ни было из этих империалистов и капиталистов, а хочет доминировать или, по крайней мере, высказывать свое весомое слово, которому бы внимали в мире. Именно поэтому маоистский Китай так или иначе проповедует союз мирового пролетариата с капиталистической буржуазией и американским империализмом. Становясь на такой путь, Китай на деле мешает мировой революции, извращает марксистско-ленинскую теорию так же, как извращают ее и другие ревизионисты. Его политика и деятельность служат умирающим империализму и капитализму, их выздоровлению, продлению их жизни.

Суть противоречий с советским ревизионизмом состоит только в том, что маоистский Китай считает Советский Союз империалистической державой, более слабой, чем Соединенные Штаты Америки, и полагает, что при союзе с американским империализмом ему удастся осуществить свои экспансионистские мечты — захватить Сибирь и другие восточные районы Советского Союза.

Именно в этом и заключается противоречие между Китаем и Советским Союзом, и это противоречие не носит идеологический характер, как его изображают, то есть как противоречие, обуславливаемое тем, что Китай проводит якобы марксистско-ленинский курс, а Советский Союз — ревизионистский. Нет, обе эти страны являются ревизионистскими странами и придерживаются буржуазной идеологии, которой и ру-

ководствуются, и борются против революции именно в условиях загнивания империализма.

Поэтому, думается мне, эти записки надо углубить и лучше обосновать более богатой документацией, которую надо отыскать, ибо она так или иначе существует, хотя бы и в газетах или книгах, время от времени выходящих в Китае или за рубежом. Однако к ним надо подходить критически, надо сопоставлять их с китайской действительностью и с основными принципами и положениями нашей великой революционной идеологии, марксизма-ленинизма.

СОДЕРЖАНИЕ

1973

Страница

1. — **15 января 1973 г.** Некоторые антимарксистские заявления Чжоу Энь-лая 5

2. — **18 января 1973 г.** В Китае пропагандируется религия 21

3. — **10 февраля 1973 г.** Киссинджер в Пекине 22

4. — **19 февраля 1973 г.** Китай взял курс на Соединенные Штаты Америки 27

5. — **9 марта 1973 г.** Относительно разногласий по пограничным вопросам китайцы попали в ловушку советских 29

6. — **13 марта 1973 г.** Провокации китайских „специалистов“, подобные провокациям советских ревизионистов 31

7. — **7 апреля 1973 г.** Как далеко зайдет холодное отношение китайских официальных лиц к нам?........ 33

8. — **15 апреля 1973 г.** Мао Цзэдун реабилитирует Дэн Сяо-пина 35

9. — **20 апреля 1973 г.** Буржуазные „осы“ собирают мед и откладывают яд в саду „ста цветов“ 40

10. — **18 мая 1973 г.** Письмо Мао Цзэдуна к своей жене 47

11. — **26 мая 1973 г.** В Китае тянет западным ветерком 52

Страница

12. — **27 июня 1973 г.** В Пекине устраивают банкеты для банкира Рокфеллера 53

13. — **30 июня 1973 г.** Народы не простят Китаю эти занимаемые им опасные позиции 54

14. — **13 июля 1973 г.** Формальная делегация 68

15. — **29 июля 1973 г.** Почему китайцы отложили созыв партийного съезда? 70

16. — **1 августа 1973 г.** Китайцы охладили политические контакты с нами. Постараемся разбить лед 74

17. — **21 августа 1973 г.** Тактика многих линий в Китае — практика, возведенная в принцип 76

18. — **23 августа 1973 г.** Китай не должен упускать из виду Европу 79

19. — **2 сентября 1973 г.** Поздравительная телеграмма по случаю X съезда Коммунистической партии Китая 82

20. — **8 сентября 1973 г.** Десятый съезд Коммунистической партии Китая 83

21. — **30 сентября 1973 г.** На приеме, устроенном китайским послом в Тиране 86

1974

1. — **2 апреля 1974 г.** Почему китайцы не хотят, чтобы мы строили фиерзскую гидростанцию?! 89

2. — **10 апреля 1974 г.** „Буря“ относительно фиерзской ГЭС кончилась с позором для китайцев 91

3. — **24 мая 1974 г.** Дэн Сяо-пину устраивают широкую рекламу 92

4. — **26 мая 1974 г.** Китайцы снова отложили визит нашей партийно-правительственной делегации 94

Страница

5. — **13 декабря 1974 г.** Китай не проводит политику интернационалистической помощи между социалистическими странами 97

6. — **14 декабря 1974 г.** Китайцы хотят пощупать нам пульс 100

7. — **23 декабря 1974 г.** Нет, китайские товарищи, мы с югославами не все равно, что „зубы и губы“ 102

1975

1. — **23 апреля 1975 г.** Китайцы затягивают поездку албанской делегации в Китай 107

2. — **17 июня 1975 г.** Началось сильное китайское экономическое давление, но мы никогда не станем на колени 110

3. — **18 июня 1975 г.** Китайцы не поставят нам всех запрошенных промышленных объектов.................... 116

4. — **21 июня 1975 г.** Китай включается в политическую игру обеих сверхдержав 118

5. — **25 июня 1975 г.** Чжоу Энь-лай и его группа встают на враждебный Албании путь 127

6. — **26 июня 1975 г.** Китайцы дали нам два объекта. Относительно остальных они не отступили ни на йоту 132

7. — **4 июля 1975 г.** Китай пустился в политический хоровод буржуазии 133

8. — **7 июля 1975 г.** Ли Сянь-нянь выступает против социалистической Албании 138

9. — **31 июля 1975 г.** У китайской политики нет пролетарской классовой оси 141

10. — **5 августа 1975 г.** Отношение китайцев к нам становится все хуже 148

Страница

11. — **21 августа 1975 г.** Неуравновешенные китайские деяния 152

12. — **29 сентября 1975 г.** У Китая и Румынии одна линия 155

13. — **30 сентября 1975 г.** В Китае ни слова не было сказано об испанских героях 159

14. — **1 октября 1975 г.** Не только разоблачать американских империалистов, но и бороться с ними.. 160

15. — **2 октября 1975 г.** Китай не проводит революционную внешнюю политику 163

16. — **7 октября 1975 г.** Китай и Югославия 170

17. — **10 октября 1975 г.** Мао Цзэдун принимает Джемаля Биедича 175

18. — **10 ноября 1975 г.** Мы встревожены тем, что произойдет в Китае после смерти Мао 176

19. — **19 ноября 1975 г.** Китай и Вьетнам таят злобу друг на друга из-за пограничных вопросов 178

20. — **21 ноября 1975 г.** Сегодня говорят одно, завтра — другое 179

21. — **3 декабря 1975 г.** Форд был принят Мао Цзэдуном 180

22. — **16 декабря 1975 г.** Скончался товарищ Кан Шэн 187

1976

1. — **1 января 1976 г.** Зигзаги китайской линии......... 191

2. — **8 января 1976 г.** Скончался Чжоу Энь-лай 207

3. — **22 января 1976 г.** Китайцы не пропагандируют правильную линию нашей партии 209

Страница

4. — **23 января 1976 г.** Нерешительность в вопросе о замещении Чжоу Энь-лая 219

5. — **29 января 1976 г.** Китайцы замышляют блокаду против Албании 221

6. — **11 февраля 1976 г.** Мао сам себе голова 224

7. — **25 февраля 1976 г.** Китайская таинственность, маоистский разброд 226

8. — **3 марта 1976 г.** Сегодняшнее мутное; неизвестно, что принесет завтрашнее 231

9. — **1 апреля 1976 г.** Где был Китай и куда он идет? 234

10. — **24 мая 1976 г.** Недостойное поведение китайского посла в Тиране 252

11. — **28 мая 1976 г.** „Маоцзэдунъидея" 253

12. — **12 июня 1976 г.** Китай проводит правую линию 256

13. — **24 июня 1976 г.** В Китае не действуют ни партия, ни государство пролетариата.................................... 259

14. — **17 июля 1976 г.** Беспринципная политика великого китайского государства 264

15. — **29 июля 1976 г.** Китайцы проводят по отношению к нам тактику „тяни канитель" 267

16. — **17 августа 1976 г.** В Китае было „сто течений" и „сто школ" 270

17. — **24 августа 1976 г.** Китайцы чинят нам трудности 273

18. — **30 августа 1976 г.** Это положение не является ни нормальным, ни революционным 276

19. — **4 сентября 1976 г.** Китайцы нарушают обязательства относительно объектов металлургического комбината 278

Страница

20. — **5 сентября 1976 г.** Шантаж и экономическая блокада Китая против Албании 279
21. — **9 сентября 1976 г.** Скончался Мао Цзэдун......... 284
22. — **12 октября 1976 г.** Трагедия Китая 287
23. — **13 октября 1976 г.** Большой хаос в Китае 293
24. — **14 октября 1976 г.** Чтобы уважение было взаимным 308
25. — **18 октября 1976 г.** Китайцы мешают нашему импорту 309
26. — **22 октября 1976 г.** Вор кричит: „Держите вора!“ 311
27. — **23 октября 1976 г.** По всей видимости, так произошло с „четверкой“ 313
28. — **28 ноября 1976 г.** Грызня за власть 326
29. — **2 декабря 1976 г.** Рассеянная партия 329
30. — **6 декабря 1976 г.** Нестабилизованное руководство 334
31. — **9 декабря 1976 г.** Китайская нота без адреса и без подписи 340
32. — **13 декабря 1976 г.** Лакеи китайцев потерпят провал 346
33. — **16 декабря 1976 г.** Агенты Китая зашевелились 350
34. — **25 декабря 1976 г.** Агентурные методы для раскола мирового коммунистического движения 370
35. — **28 декабря 1976 г.** Некоторые соображения о баллыстском „декалоге“ Мао Цзэдуна 373
36. — **31 декабря 1976 г.** Китайская стратегия терпит фиаско 394

1977

Страница

1. — **2 января 1977 г.** Встреча, которая длилась лишь пять минут 403

2. — **3 января 1977 г.** Видно, что проамериканская фракция в Китае одержит верх 404

3. — **4 января 1977 г.** Контракты выполнять при взаимопонимании, но не идя на идеологические и политические уступки 407

4. — **5 января 1977 г.** Китайское руководство с каждым днем все больше скатывается в пропасть 410

5. — **8 января 1977 г.** Китайские ревизионисты за глаза нападают на Албанскую партию Труда 413

6. — **16 января 1977 г.** К чему такие вариации в китайской стратегии?.. 430

7. — **25 января 1977 г.** „Теория“ „третьего мира“ игнорирует классовую борьбу... 438

8. — **2 февраля 1977 г.** „Перлы“ китайской прессы 441

9. — **7 февраля 1977 г.** Посеяли ветер, теперь пожинают бурю! 444

10. — **12 февраля 1977 г.** „Небесные“ доводы! 448

11. — **14 февраля 1977 г.** „Адвокат“-шарлатан прогнившей китайской линии 449

12. — **5 марта 1977 г.** Китай стремится стать сверхдержавой 463

13. — **7 марта 1977 г.** Китайское руководство потеряло политический компас 470

14. — **9 марта 1977 г.** Китайские оппортунисты хотят, чтобы коммунистический мир пел им дифирамбы 475

Страница

15. — **14 марта 1977 г.** Китай отстаивает свое оппортунистическое положение „третьего мира“ 479

16. — **22 марта 1977 г.** Теория „трех миров“ направлена против пролетарской революции 481

17. — **5 апреля 1977 г.** Три темы китайской политики 483

18. — **28 апреля 1977 г.** Манифестации марксистско-ленинских партий и отношение Китая к ним 485

19. — **29 апреля 1977 г.** Это означает упустить из виду волка и бороться с его тенью 490

20. — **3 мая 1977 г.** Американский агент — близкий друг Мао Цзэдуна... 497

21. — **5 мая 1977 г.** Проамериканская игра Китая очень опасна 501

22. — **14 мая 1977 г.** Сайфуддин в Югославии 505

23. — **15 мая 1977 г.** Китайское раболепие перед Америкой 506

24. — **16 мая 1977 г.** Китайская делегация с большим энтузиазмом отзывается о титовском режиме 508

25. — **18 мая 1977 г.** Ниспровергают один культ и возносят другой 510

26. — **20 мая 1977 г.** Китайский народ бережет любовь к албанскому народу и Албанской партии Труда 512

27. — **21 мая 1977 г.** Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе кто ты 514

28. — **2 июня 1977 г.** Китай защищает те партии, которые пляшут под его дудку 520

29. — **3 июня 1977 г.** Корея и Китай готовятся к встрече Тито 523

Страница

30. — **7 июня 1977 г.** Почему Тито едет в Китай? 524

31. — **11 июня 1977 г.** Китайцы продолжают саботировать экономику нашей страны 530

32. — **18 июня 1977 г.** Китайцы развертывают шпионскую деятельность 531

33. — **20 июня 1977 г.** Китай все больше и больше сближается с капиталистическими государствами 538

34. — **22 июня 1977 г.** Справедливые упреки и требования нашего рабочего класса 541

35. — **23 июня 1977 г.** Китаю хочется играть роль „горного старца“ 543

36. — **26 июня 1977 г.** Краткая информация о положении в Китае 545

37. — **5 июля 1977 г.** КП Китая организует своих сателлитов 548

38. — **7 июля 1977 г.** Статья, изобличающая крупную интригу против народов 551

39. — **9 июля 1977 г.** Корзина с крабами 554

40. — **11 июля 1977 г.** Когда и почему будет созван партийный съезд в Китае? 558

41. — **28 июля 1977 г.** Приход Хуа Го-фэна к власти и реабилитация Дэн Сяо-пина — скандальные дела 560

42. — **1 августа 1977 г.** Партия „мать“ и ее незаконнорожденные „дочери“ 564

43. — **3 августа 1977 г.** Отклики на нашу статью „Теория и практика революции“ 570

44. — **11 августа 1977 г.** Политика — это не сказка 577

Страница

45. — **15 августа 1977 г.** Документ, свидетельствующий о нашей твердой позиции 582

46. — **15 августа 1977 г.** Статьи, содержащие тривиальные „теоретизирования“ 584

47. — **21 августа 1977 г.** Главные идеи XI съезда Коммунистической партии Китая 588

48. — **22 августа 1977 г.** Китаем правят военные 593

49. — **27 августа 1977 г.** Тайвань предается забвению 595

50. — **30 августа 1977 г.** Большие почести, оказанные Тито — верх подлости 597

51. — **30 августа 1977 г.** Тито „здоровается“ с Мао в мавзолее 599

52. — **30 августа 1977 г.** И китайцы постараются сохранить маску, окрашенную под „марксистский“ цвет 603

53. — **1 сентября 1977 г.** В капитальных вопросах марксизма-ленинизма китайские руководители выступают отъявленными ревизионистами 606

54. — **2 сентября 1977 г.** Хуа Го-фэн и Тито фальсифицируют историю 613

55. — **4 сентября 1977 г.** И Хуа Го-фэн на коленях перед Тито 617

56. — **6 сентября 1977 г.** Тито завинчивает гайки китайско-американского моста 621

57. — **7 сентября 1977 г.** Что такое Общее бюро в Китае? 623

58. — **7 сентября 1977 г.** Некоторые указания группе нефтяников, которая поедет в Китай 641

Страница

59. — **8 сентября 1977 г.** Титовский ревизионистский ветер дует в направлении востока 642

60. — **8 сентября 1977 г.** Ревизионистские маневрирования, антимарксистская структура 644

61. — **15 сентября 1977 г.** Измышления буржуазии против нас публикуются для кадров в Китае 655

62. — **16 сентября 1977 г.** Обо всем сулить хладнокровно 659

63. — **6 октября 1977 г.** Это глупости 662

64. — **9 октября 1977 г.** Наши позиции разоблачают планы ревизионистов 663

65. — **14 октября 1977 г.** Гибридный ревизионизм 664

66. — **24 октября 1977 г.** Интервью Дэн Сяопина — интервью фашиста 672

67. — **31 октября 1977 г.** Антимарксистский документ 677

68. — **3 ноября 1977 г.** Еще раз о китайской статье относительно теории „трех миров“ 684

69. — **7 ноября 1977 г.** Игра втроем 708

70. — **9 ноября 1977 г.** Один из самых реакционных лозунгов китайцев 710

71. — **12 ноября 1977 г.** Осведомлять партию об уклоне Китая 712

72. — **21 ноября 1977 г.** Мао о демократическом централизме 715

73. — **22 ноября 1977 г**. Сор, фабрикуемый ревизионистами 717

74. — **23 ноября 1977 г.** Настойчиво следить за строительством объектов 719

Страница

75. — **27 ноября 1977 г.** Нам нельзя смягчить слова в адрес китайского ревизионизма 721

76. — **2 декабря 1977 г.** Идеологические разногласия китайцы распространяют на область государственных отношений 724

77. — **2 декабря 1977 г.** В мире убивают коммунистов — китайским ревизионистам все равно 725

78. — **8 декабря 1977 г.** Мрачная китайская панорама 727

79. — **9 декабря 1977 г.** Китай преследует неоколониалистские цели 741

80. — **10 декабря 1977 г.** Китайцы хотят свести к минимуму торговлю с нашей страной 744

81. — **12 декабря 1977 г.** Установка для нашей печати относительно Китая 746

82. — **18 декабря 1977 г.** Непоследовательность китайской внешней политики 748

83. — **20 декабря 1977 г.** Американские комментарии о Китае 759

84. — **22 декабря 1977 г.** В Китае продолжается процесс разложения 761

85. — **24 декабря 1977 г.** Не надо потерять надежды на китайский пролетариат и на китайский народ 764

86. — **26 декабря 1977 г.** Можно ли считать китайскую революцию пролетарской революцией? 772

